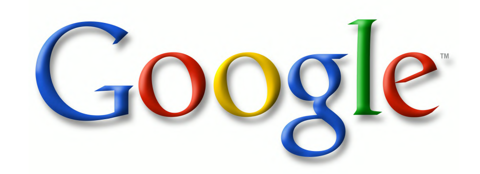

СЛАВЯНЕ,
ИХЪ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ
И СВЯЗИ.

СОЧИНЕНІЕ

ІОСИФА ПЕРВОЛЬФА,

орд. профессора Императорскаго Варшавскаго Университета.

ТОМЪ III.

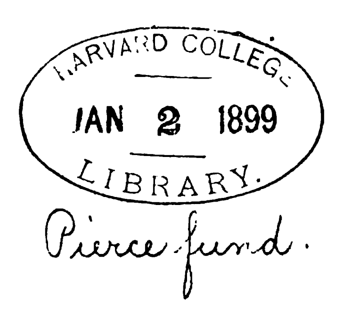
Славянская идея въ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ Славянъ до конца XVIII вѣка.

Часть I.

Западные Славяне.

ВАРШАВА.
Типографія К. Ковалевскаго, Королевская N. 29.

1890.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ *Н. Лавровскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ III томѣ разсматриваются сношенія Славянъ въ области политической и культурной, на сколько въ этихъ сношеніяхъ проявляется славянское сознаніе народовъ, и на сколько въ нихъ замѣчается вліяніе одного народа на другой въ разныхъ сторонахъ народной жизни, на пр. вліяніе одного языка славянскаго на другой, воздѣйствіе одной литературы на другую, и вообще распространеніе культуры одного народа къ другому. Въ первой части этого III тома разсматриваются такія сношенія западныхъ Славянъ, преимущественно Чеховъ и Поляковъ. Гуситскому движенію отведено здѣсь надлежащее мѣсто, какъ одному изъ самыхъ блестящихъ періодовъ въ исторіи славянской идеи, панславизма. Употребляю повсюду славя́нскую географическую номенклатуру; по этому пишу Чехія (а не: Богемія), Слезія — Слезаки (а не: Силезія), Вратиславль (др.-русск. Воротьславль), Опава, Берно, Оломуцъ, Будинъ, Шаришскій Потокъ, и др. [1]). Западно-славянское ř (польское rz) передаю по-русски черезъ мягкое *рь*, а не черезъ *рж*, чтò никакъ не соотвѣтствуетъ тому ř (rz), а польскому rż:

[1]) Славянская географическая номенклатура входитъ все больше въ употребленіе и на русскихъ картахъ; такъ на пр. на картахъ Славянства Риттиха, на новѣйшей стратегической картѣ средней Европы, изданной Главнымъ Штабомъ (м. 40 в. = 1 д.); разныя погрѣшности въ названіяхъ можно исправить особенно по книгѣ Я. Головацкаго: Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель (Вильна 1884, съ картою).

dzierżeć (держать), dzierżawa (держава), rżanie (ржаніе), rżany (ржаной, отъ reż—рожь, срв. Ржевъ), rżysko (жниво, особенно послѣ ржи); по этому надо и по-русски писать: Дзержиславъ (Dzierżysław), Дзержикрай (Dzierżykraj), Дзержекъ (Dzierżek), Дзержановскій (Dzierżanowski), но не Оржеховскій (Orzechowski), Оржельскій (Orzelski), Вержбовскій (Wierzbowski), Бржезанъ (Březan), Пржемыслъ (Přemysl), что̀ пишу: Орѣховскій, Орельскій, Верьбовскій, Брезанъ, Премыслъ; можно было это ř (rz) передать и по-русски посредствамъ *р* съ такимъ-же крючкомъ; но на это я, по типографскимъ причинамъ, не рѣшился.

Появленіе первыхъ двухъ томовъ этого сочиненія вызвало въ славянской и неславянской печати нѣсколько отзывовъ. Я замѣтилъ особенно три. Пріятно мнѣ было прочитать симпатическія слова о моей книгѣ и личности въ статьѣ французскаго слависта Л. Леже (Revue critique d'histoire et de littérature, 1888, Nr. 36—37, срв. Историческій Вѣстникъ 1889, февраль); вѣрно, что, si on lui (мнѣ) adresse l'épithète de panslaviste, il ne sera tenté ni de s'en irriter, ni de s'en étonner; mais c'est surtout au point de vue scientifique que P. a la prétention d'être panslaviste; ses travaux sur les rapports des peuples slaves ne sont pas des improvisations d'un publiciste de rencontre; P. est un savant; le travail qu'il nous offre aujourd'hui est le fruit de longues études et atteste des recherches immenses. Благодарю неизвѣстнаго мнѣ Хорвата за теплый и задушевный отзывъ о моей книгѣ и личности, помѣщенный въ загребскомъ журналѣ Vienac 1889, Nr. 15. Критикъ въ журн. „Вѣстникъ Европы“ (1888, сентябрь) назвалъ мое сочиненіе весьма важнымъ вкладомъ въ литературу этого предмета. Но одна здѣсь высказанная мысль требуетъ объясненія. Критикъ замѣчаетъ, „что авторъ, по видимому, слишкомъ настаиваетъ на извѣстномъ положеніи, которое развивалось въ особенности въ чешской литературѣ, а также и у насъ, и которое сваливаетъ чуть ли не всѣ бѣды славянскаго міра на Нѣмцевъ, на нѣмецкое коварство. Эта наклонность искать причины широкихъ историческихъ явленій въ посторонних внѣшнихъ фактахъ уже много вредила объясненію дѣла, и надо бы желать, чтобы авторъ настоящаго изслѣдованія не повторилъ еще разъ старой ошибки.“ Еслибъ я, дѣй-

ствительно, такъ говорилъ, то можно бы было назвать меня человѣкомъ наивнымъ, не смыслящимъ ничего въ дѣлѣ исторіи человѣчества вообще, и Славянъ въ особенности. Но я ничего подобнаго не утверждаю. Я, разумѣется, не сочувствую и не могу сочувствовать этому страшному процесу истребленія Славянъ Нѣмцами, то подъ предлогомъ „креста", то подъ предлогомъ „культуры" и другихъ высокопарныхъ кличекъ, а въ сущности только во имя извѣстнаго „убирайся отсюда, чтобъ я туда влѣзъ". Я, конечно, не восхищаюсь „богатырскими" подвигами нѣмецкихъ „Львовъ" и „Медвѣдей", „святыхъ душъ"—крестоносцевъ въ Прусіи и ихъ товарищей крестоносцевъ въ Чехіи, убивавшихъ всякаго, кто не зналъ по-нѣмецки или былъ похожъ на Чеха (см. „Славяне" III. 74); я не восторгаюсь подвигами такихъ разныхъ „великихъ" Славянобойцевъ (Vindamyrdir—назвали ихъ Варяги), несшихъ въ славянскія страны только рѣзню, пожары, грабежъ, истребленіе: все съ тѣмъ — какъ это мѣтко опредѣлили уже древнерусскіе лѣтописцы—чтобъ „словенскій языкъ укорити ниже себе, плѣнити и къ себѣ въ работу створити" (см. „Славяне" II. 400). Но съ другой стороны я слишкомъ много изучалъ исторію человѣчества вообще и исторію отношеній Славянъ и Нѣмцевъ въ особенности, чтобъ не понимать, что въ страшной борьбѣ народовъ за существованіе допускаются всѣ средства, всѣ оружія, крестъ и мечъ, плугъ и капиталъ, перо и книга, церковь и школа. Я уже давно, еще въ 1877 г. (22 мая), защищая докторскую дисертацію „Германизація балтійскихъ Славянъ", въ своей рѣчи сказалъ между прочимъ и слѣдующее: „Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ Нѣмцы добиваются славы и обширнаго господства, Славяне же сражаются за свободу и для избѣжанія крайняго рабства. Такими словами характеризовалъ одинъ нѣмецкій лѣтописецъ X в., Саксонецъ Видукиндъ, вѣковую упорную борьбу полабско-балтійскихъ Славянъ съ Нѣмцами, и эти слова нѣмецкаго монаха характеризуютъ, какъ нельзя лучше, взаимныя отношенія Нѣмцевъ и Славянъ въ средней Европѣ. Какъ только племена нѣмецкое и славянское являются на историческомъ поприщѣ, завязывается между ними упорная борьба. Во время Видукинда, во время сильныхъ Оттоновъ, балтійскіе Славяне, не смотря на отчаянную хра-

брость, въ концѣ концовъ не отстаиваютъ свободы, не избѣгаютъ рабства, а Нѣмцы, добиваясь славы, подвигаютъ свою власть далеко на востокъ за Одру и до Карпатовъ. Положеніе дѣлъ не измѣняется и въ послѣдующихъ за тѣмъ вѣкахъ: Славяне или совсѣмъ погибаютъ или прозябаютъ въ тѣни могущественной имперіи римско-нѣмецкой. Еще семь столѣтій тому назадъ нынѣшнія Аѳины на Шпрее, Берлинъ, былъ славянская деревня; тогда предки нынѣшнихъ герцоговъ мекленбургскихъ и пановъ Бонинъ, Камеке, Путбусъ, Краковицъ и др., говорили еще по-славянски. А что видимъ *нынѣ* въ этихъ странахъ? Славянскіе звуки тамъ давно уже замерли, а по-славянски, конечно на довольно исковерканномъ нарѣчіи, говорятъ тамъ только рѣки, горы, мѣстности. Произнося громкія теперь названія Берлинъ, Лейпцигъ, Шверинъ, Штетинъ—не всякій знаетъ, что эти города славянскаго происхожденія; удивляясь необыкновеннымъ успѣхамъ государей прусско-бранденбургскихъ—не всякій уже знаетъ, что эта могущественная монархія между Лабой, Одрой и Вислой основана на развалинахъ славянскихъ. Вотъ какія перемѣны состоялись въ этихъ нѣкогда славянскихъ земляхъ! Что же, спрашивается, произвело такой громадный переворотъ въ отношеніяхъ тѣхъ странъ? Какія причины способствовали такому перевороту? Посмотримъ на оба воющіе лагеря. Германскій міръ, Нѣмцы и Скандинавы, выступаютъ въ борьбу съ громадными средствами. Императоры-короли, герцоги, маркграфы, епископы—все время направляютъ всѣ свои силы къ *одной* цѣли: къ покоренію и къ порабощенію славянскихъ язычниковъ. Что же дѣлаютъ Славяне? У нихъ не прекращаются внутреннія распри, междоусобицы; они, хотя храбро сражаются, но дѣйствуютъ какъ попало, безъ обдуманнаго плана; у нихъ не возникаетъ сильное государство, которое, сплотивши всѣ разрозненныя племена балтійскихъ Славянъ въ одно политическое цѣлое, могло бы противопоставить свои силы римско-нѣмецкой имперіи. У Нѣмцевъ замѣтно направленіе *центростремительное*, между тѣмъ какъ у Славянъ преобладаетъ направленіе *центробѣжное*. Мало того. Если ближайшіе соплеменники полабско-балтійскихъ Славянъ, христіанскіе Чехи и Поляки, помогаютъ Нѣмцамъ противъ своихъ языческихъ братьевъ, то это

еще понятно; тогда религіозное чувство поглощало всѣ остальныя стремленія человѣчества. Но если языческіе Ободричи помогаютъ христіанскимъ Нѣмцамъ противъ Лютичей, если даже племена Лютичей—въ своихъ междоусобныхъ войнахъ—призываютъ другъ противъ друга на помощь нѣмецкіе отряды, то это просто возмутительно. Въ началѣ XI вѣка сильный князь повисляневихъ Ляховъ, польскій Болеславъ, задумываетъ планъ соединить западныхъ Славянъ въ одно политическое цѣлое. Германія дрожитъ передъ этимъ „грознымъ славянскимъ львомъ", который водружаетъ знамя политическаго единства западныхъ Славянъ въ старинномъ городѣ чешскихъ Премысловичей, въ Прагѣ. И вотъ какъ западные Славяне отвѣчаютъ на политическую комбинацію этого славнаго Пястовича! Чехи соединяются съ нѣмецкимъ королемъ и прогоняютъ Болеслава изъ Праги; Лютичи—*языческіе* Лютичи, такіе же Ляхи, какъ и повислянскіе Ляхи, сами подстрекаютъ нѣмецкаго короля къ войнѣ противъ Болеслава. Этого мало. Они высылаютъ даже войско въ нѣмецкій лагерь, чтобъ воевать съ ненавистнымъ польскимъ княземъ. И вотъ является поразительное зрѣлище: богъ языческихъ Славянъ Лютичей, Сварожичъ, и патронъ христіанскихъ Нѣмцевъ, святой Маврикій, идутъ дружелюбно рука объ руку противъ польскаго христіанскаго князя, такъ что этотъ неестественный союзъ язычества и христіанства возмущаетъ даже одного нѣмецкаго мисіонера. При такомъ положеніи дѣлъ не удивительно, что наконецъ Славяне въ борьбѣ падаютъ, и Нѣмцы побѣдители водружаютъ на ихъ могилахъ крестъ и знамя своей народности. Въ покоренныя славянскія земли нахлынули нѣмецкіе господа и колонисты; оставшіеся мелкіе славянскіе князья, не находя у своихъ восточныхъ сосѣдей, тоже слабыхъ и разрозненныхъ князей польскихъ, надлежащей опоры, скоро поддаются все подавляющему нѣмецкому вліянію, и сами способствуютъ быстрому онѣмеченію своихъ малыхъ владѣній. Вамъ пришлось не разъ встрѣтиться съ такимъ взглядомъ, будто гибелью полабско-балтійскихъ Славянъ виноваты одни Нѣмцы. Припомните, какъ безсмертный пѣвецъ „Дочери Славы", Коларъ, плачетъ надъ гробомъ тѣхъ Славянъ, и какъ онъ, подобно Данте, посылаетъ всѣхъ этихъ Генриховъ, Оттоновъ, Героновъ въ адъ.

Но по моему мнѣнію, всѣ эти нареканія и упреки—просто licentia poëtica. Жизнь народовъ не поэзія, а серьезная реальность, борьба за существованіе. Малые и слабые народы естественнымъ образомъ должны примкнуть къ болѣе сильнымъ—одноплеменнымъ-ли, чужимъ-ли, все равно—и въ нихъ мало по малу расплавляться. Этого *безпощаднаго химическаго процеса*, происходящаго въ жизни народовъ, никто и ничто въ мірѣ задержать не можетъ. У каждаго народа, а тѣмъ болѣе у великаго и сильнаго, есть, если такъ можно выразиться, *экспансивная сила*, которая его влечетъ далеко за предѣлы собственной територіи. Такое стремленіе лежитъ и въ характерѣ нѣмецкаго народа, и кто-же виноватъ, если восточные сосѣди Нѣмцевъ, разрозненные полабско-балтійскіе Славяне не съумѣли сплотиться въ одно сильное политическое цѣлое, и лишившись самостоятельности, передъ нѣмецкимъ напоромъ гнулись и растоплялись какъ воскъ! Противъ силы духовной и матеріальной надо поставить опять *такую же* силу, а не жалкую рознь и безконечную неурядицу".

Эти слова можно сказать вообще о всѣхъ Славянахъ, и въ такомъ смыслѣ я говорю часто и на другихъ мѣстахъ. Въ статьѣ „Славяне и нѣмецкое стремленіе на востокъ. По поводу сербско-болгарскаго столкновенія и рѣчи Бисмарка" (Извѣстія С.-П. славянскаго благотворительнаго общества 1886, мартъ, стр. 106—117) я указалъ на разныя причины неблагопріятной судьбы западныхъ и южныхъ Славянъ: „Много было причинъ печальнаго раздробленія Славянъ на западѣ и на югѣ. Причины были внѣшнія, но тоже внутреннія, а эти послѣднія рѣшили неблагопріятный исходъ историческаго развитія западнаго и южнаго Славянства. Уже Византійцы VI вѣка замѣтили у ближайшихъ Славянъ, подунайскихъ и черноморскихъ, одну черту, которая сдѣлалась для дальнѣйшаго историческаго развитія Славянъ роковою. Славяне—такъ разсуждаютъ Византійцы—не терпятъ никакого повелителя и преслѣдуются взаимною ненавистью; ни въ чемъ они между собою не согласны; если одни въ чемъ-нибудь согласятся, то другіе сейчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, такъ какъ всѣ ненавидятъ другъ друга, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому; по этому нужно ихъ сварливыхъ вождей приводить на свою

византійскую) сторону, чтобъ они не соединились подъ однимъ повелителемъ. А съ другой стороны Арабы тоже замѣтили, что, еслибъ Славяне не были такъ раздроблены, то не могъ бы съ ними помѣриться ни одинъ народъ въ мірѣ. Вотъ источникъ политической слабости Славянъ, по мѣткимъ сужденіямъ иноплеменниковъ. Но этого мало: Вста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицы, и воевать начаша сами на ся; и рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягомъ и рѣша: Вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ. И избрася kuning Rurik und sîne getruwen и прія власть. Вотъ и обыкновенный конецъ исторіи всѣхъ славянскихъ междоусобицъ". Дальше я разсматриваю всѣ тѣ безконечныя войны Славянъ между собою, которыя кончались ихъ гибелью, паденіемъ ихъ самостоятельности и торжествомъ ихъ враговъ. „Впрочемъ къ такимъ явленіямъ въ славянскомъ мірѣ надо уже привыкнуть. Равнымъ образомъ, какъ въ 789 г. ободричскій князь Волчанъ навѣрное не былъ первымъ Славяниномъ, сражавшимся за нѣмецкіе интересы противъ ближайшихъ соплеменниковъ, такъ и въ 1885 г. сербскій король Миланъ вѣроятно не былъ послѣднимъ Славяниномъ, который служилъ нѣмецкимъ интересамъ противъ славянскихъ. Мы не входимъ въ оцѣнку разныхъ этихъ явленій славянской исторіи, и констатируемъ только фактъ, что Славяне больше чѣмъ цѣлое тысячелѣтіе, сознательно и безсознательно, добровольно и по неволѣ, стараются — travailler pour le roi de Prusse". Я указываю на великую идею славянскую, которая часто проявляется въ взаимныхъ сношеніяхъ славянскихъ народовъ, у славянскихъ политиковъ, философовъ, поэтовъ. „Но рядомъ съ этими великими идеями братства, соглашенія, которыя считаются необходимыми для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія Славянства, продолжаетъ работать и славянскій Чернобогъ; онъ поджигаетъ въ Славянствѣ весь обильный горючій матеріалъ ненависти и зависти, центробѣжныхъ стремленій, сепаратизма, ссоръ, войнъ, которымъ и пользуются иноплеменники, особенно нѣмецкій Воданъ, для безпрерывнаго ослабленія, униженія и истребленія Славянъ. Удивительно: Славяне сознаютъ всю пользу, всю необходимость соглашенія и сое-

диненія, весь вредъ разъединенія и междоусобицъ; а все-таки поддаются на затѣи своихъ враговъ, внутреннихъ и внѣшнихъ!

Вси покоя щиро прагнуть,
А не въ одинъ гужъ вси тягнуть,
Той на право, той на ливо,
А вси брати, то-то и диво!"

Въ такомъ-же смыслѣ разсматриваю судьбу славянскихъ народовъ и въ своемъ сочиненіи „Славяне". Я тамъ говорю о трагической судьбѣ Славянъ, о центробѣжныхъ стремленіяхъ малыхъ народовъ славянскихъ на западѣ и на югѣ, но тоже о необходимости прекратить ихъ безконечныя дрязги, которыми пользовались и пользуются ихъ враги, преимущественно Нѣмцы. Я, говоря объ успѣхахъ Нѣмцевъ (I. 74—76) въ ущербъ разрозненнымъ и отсталымъ Славянамъ, прямо заявляю, что „сила умственная и матеріальная взяла свое: нѣмецкое стремленіе на востокъ праздновало на славянскихъ нивахъ обильную жатву, вытѣснивши или подавивши славянскихъ хозяевъ, поссоренныхъ, разрозненныхъ, слабыхъ и запоздалыхъ, по собственной винѣ и въ слѣдствіе разныхъ печальныхъ обстоятельствъ. Исполнились пророческія слова нѣмецкаго монаха Видукинда X-го вѣка: Нѣмцы добились славы и великой и обширной державы, Славяне на западѣ и на югѣ не отстояли своей свободы, своей политической самостоятельности, а очутились въ повиновеніи и въ зависимости отъ Нѣмцевъ". Я много говорю о политическихъ ошибкахъ Польши, именно въ 1420, 1526, 1618 и 1683 гг., о томъ, какъ Польша не переставала travailler peur le roi de Prusse (см. „Славяне", т. II. 70—100, т. III, часто); о томъ, какъ Нѣмцы, усилившись покоренными Славянами, остановляли русское „ура" на Дунаѣ, спасали Турцію, помѣшали соединенію Польши съ Россіею, захватили польскія земли, и наконецъ привлекли и Россію къ защитѣ нѣмецкихъ интересовъ въ средней Европѣ; а это послѣднее я считаю и называю chef d'oeuvre политическаго ума и прозорливости Нѣмцевъ (см. „Славяне", II. 417—420).

И такъ, сдѣланный мнѣ упрекъ критика „Вѣстника Европы", будто я тоже, вмѣстѣ съ другими наивными Славянами, „свали-

ваю чуть не всѣ бѣды славянскаго міра на Нѣмцевъ, на нѣмецкое коварство“ — оказывается неосновательнымъ. Напротивъ, я, конечно не сочувствуя антиславянской политикѣ Нѣмцевъ, сваливаю большую часть бѣдъ постигшихъ славянскій міръ, на Славянъ самихъ. Я очень хорошо понимаю, что интересы нѣмецкаго народа требуютъ всячески истреблять и ослаблять славянскій міръ, не допускать его до опаснаго имъ, Нѣмцамъ, соглашенія, единенія и соединенія. Это, пожалуй, право Нѣмцевъ; но равнымъ образомъ я присвоиваю и Славянамъ право, стремиться къ соглашенію, единенію и соединенію, и устранять всѣ препятствія, даже по образцу Домбровны и Домажлицъ (см. „Славяне“ Ш. 74). Можетъ быть, многіе Славяне этого пожелаютъ. Но есть и другіе Славяне, которые этого не пожелаютъ, а предпочтутъ слѣдовать своимъ возлюбленнымъ центробѣжнымъ стремленіямъ, своей удивительной беззаботности, взаимной ненависти и зависти; они, думая о своемъ мнимомъ „величіи,“ — Нѣмцы называютъ такихъ людей die kleinen Gerngrossen,—предпочтутъ не соединяться противъ общаго сильнаго врага, а предоставлять ему хозяйничать по очереди въ имѣніяхъ соплеменника сосѣда, одного, другого, третьяго, при чемъ непострадавшій еще сосѣдъ играетъ роль того глубокомысленнаго малорусскаго философа стоика, сказавшаго — во время пожара въ селѣ — класическія слова: „Моя хата съ краю, ничого не знаю.“ Дѣйствительно, такая убійственная философія находила и находитъ среди Славянъ много сторонниковъ; еще хорошо, если непострадавшій пока сосѣдъ сидитъ себѣ въ своей хатѣ, и не бѣжитъ на помощь чужимъ хозяевамъ противъ пострадавшаго родственнаго сосѣда; и это въ славянскомъ мірѣ бывало и бываетъ. Но такая философія имѣла и имѣетъ не очень пріятныя для Славянъ послѣдствія: „ненасытная пасть Нѣмцевъ“ —слова чешскаго короля Премысла Отакара II (см. „Славяне,“ Ш. 25)—поглощала и поглощаетъ не только перваго, второго, третьяго сосѣда, а наконецъ и самого философа стоика, который однако успѣлъ еще передать свое „моя хата съ краю, ничого не знаю“ въ наслѣдство дальнѣйшему родственному сосѣду. Въ виду такой глубокомысленной философіи многихъ Славянъ — отъ которой спасла по крайней мѣрѣ русскій народъ самодержавная

Москва (см. „Славяне“ I. 168—169), — въ виду такого безалабернаго, безотраднаго и безвыходнаго славянскаго хаоса —нельзя удивляться, что многіе здравомыслящіе и незараженные еще тою убійственною философіею Славяне съ удовольствіемъ повторяютъ слова великаго Хорвата Крижанича (см. „Славяне“ II. 343), который отводитъ одной Россіи дѣятельную роль въ разсѣяніи того хаоса, той rudis indigestaeque molis. Я, зная разныя славянскія идиліи и батрахоміомахіи не изъ однѣхъ книгъ, уже давно принадлежу къ почитателямъ и сторонникамъ философіи Крижанича; свои мысли о „славянскомъ вопросѣ“ я высказалъ часто, въ самой своей книгѣ и въ разныхъ статьяхъ (на пр. въ выше упомянутой „Славяне и нѣмецкое стремленіе на востокъ,“ въ статьѣ „Чешско-русскія недоразумѣнія“ въ ж. Русская мысль 1884, октябрь, въ одной своей рѣчи, срв. Извѣстія СП. славянскаго благотворительнаго общества 1885, май, стр. 277, и др.). Не могу иначе, какъ повторить свои слова („Славяне“ I. 90), которыми я характеризую новѣйшую исторію Славянства: „Возникаетъ вопросъ: на сколько основательны надежды южныхъ и западныхъ Славянъ и опасенія иноплеменниковъ на счетъ той роли, которую, по мнѣнію тѣхъ и другихъ, долженъ въ Славянствѣ сыграть первый его народъ, русскій, единственное самостоятельное славянское государство, Русь. Этотъ вопросъ составляетъ важную, существенную часть возрожденія западныхъ и южныхъ Славянъ, интересуетъ все больше и русскій народъ, и становится тою осью, около которой начинаетъ двигаться новѣйшая исторія всего славянскаго племени.“ Меня ни чуть не смущаютъ событія, которыя иногда совершаются на балканскомъ полуостровѣ, и „которыя указываютъ (такъ думаетъ по крайней мѣрѣ критикъ „Вѣстника Европы“) на новый оборотъ славянской идеи, гдѣ прежнія идеалистическія ожиданія встрѣчаются съ рѣзкими противорѣчіями.“ Такіе „обороты“ бывали и прежде, во время Милоша Обреновича и Александра Карагеоргіевича, и всегда кончались поворотомъ Сербіи къ Россіи; а новѣйшій оборотъ въ этомъ послѣднемъ „новомъ оборотѣ“ славянской идеи состоялся опять въ Сербіи, гдѣ руководящіе кружки убѣдились, что Сербы безъ помощи Россіи никогда ничего достигнуть не могутъ. Такой же оборотъ состоится

вѣроятно скоро и въ Болгаріи, гдѣ руководящіе кружки чувствуютъ, что сопротивляться Россіи на долго нельзя. Въ народахъ сербскомъ и болгарскомъ никакихъ „оборотовъ“ не было и нѣтъ; оба они искони увѣрены въ томъ, что они безъ Россіи никогда ничего не достигнутъ, и что самое лучшее для нихъ, оставаться съ Россіею въ такихъ отношеніяхъ, въ какихъ находится Черная Гора. Все это очень реальные интересы, а не „идеалистическія ожиданія“, которыя могутъ имѣть мѣсто въ поэзіи и вообще въ книгахъ, но не въ практической политикѣ. Я вообще избѣгаю „идеалистическихъ ожиданій“, и свой взглядъ на соперничество Россіи и нѣмецкаго народа (Австріи, Германіи) на балканскомъ полуостровѣ, я высказалъ очень ясно (см. „Славяне“, II. 211 — 218). Планъ „федераціи балканскихъ народовъ“—по почину этихъ народовъ, Болгаръ, Сербовъ, Волоховъ, Грековъ и Албанцевъ — вызываетъ у знатоковъ славянскихъ и балканскихъ отношеній только улыбку; до сихъ поръ остаются въ силѣ слова охридскаго патріарха Аѳанасія 1615 г. (см. „Славяне“ II. 213): „Всѣ эти народы — люди честолюбивые, гордые и злостные, ищутъ взаимной гибели, и безъ сильной чужой власти угрожаетъ гражданская война между ними“. И такъ, балканскую федерацію можетъ устроить только другая сильная власть, своя славянская — Русь, или чужая — Нѣмцы (Австрія, Германія). Съ другой стороны я утверждаю, что такъ называемая „славянская идея“ пріобрѣтаетъ и для Россіи все большее значеніе, именно въ виду возможнаго наступательнаго движенія нѣмецкаго народа и его союзниковъ еще дальше на славянскій востокъ. „Славянскій вопросъ, т. е. выясненіе и опредѣленіе будущей судьбы Славянъ западныхъ и южныхъ“—говорю я („Славяне“, т. I. стр. IX)— „все настойчивѣе и громче стучится въ ворота восточно-славянской имперіи, неумолимо требуя для себя вниманія всѣхъ кружковъ русскаго народа. Отворачиваться отъ этого вопроса, игнорировать его, отпираться отъ него, глумиться надъ нимъ, проклинать его—все это совершенно неумѣстно и напрасно. Дѣло идетъ вовсе не о какихъ-то сентиментальныхъ чувствахъ и слезливыхъ симпатіяхъ къ „братушкамъ“, а касается самыхъ существенныхъ, реальныхъ, жизненныхъ интересовъ Россіи, требуетъ

всесторонняго напряженія всѣхъ ея матеріальныхъ и духовныхъ силъ." [1]).

Знаю, что многіе Славяне въ Россіи и внѣ Россіи согласны съ такими моими взглядами на славянскія дѣла, но что и многіе Славяне ихъ не раздѣляютъ. Можетъ быть, инымъ Славянамъ болѣе по душѣ слова, высказанныя еще въ 1848-омъ г. въ нѣмецкомъ парламентѣ въ Франкфуртѣ, гдѣ одинъ нѣмецкій политикъ, М. Гагернъ, ратовалъ въ пользу сближенія двухъ главныхъ нѣмецкихъ державъ, Австріи и Прусіи, тоже въ виду того, что „всѣ тѣ народы по Дунаю, которые не имѣютъ ни права ни призванія къ самостоятельности, должны быть включены, какъ драбанты, въ нѣмецкую планетную систему". Много такихъ славянскихъ „драбантовъ" и „бурлаковъ" всегда и работало и работаетъ, по доброй волѣ и по неволѣ, въ пользу интересовъ нѣмецкаго народа (срв. „Славяне" I. 74—76, II. 418).

Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ не всѣ Славяне западные и южные желаютъ быть „нѣмецкими драбантами", и по этому все болѣе обращаютъ свои взоры на „сильную и мудрую Сѣверницу" т. е. Русь, приносящую—по словамъ Ю. Пальмотича (см. „Славяне" II. 361, повтореннымъ и мною въ предисловіи къ II тому)—Славянамъ помощь и примиреніе. Къ этимъ моимъ словамъ критикъ „Вѣстника Европы" поставилъ вопросительный знакъ, по моему мнѣнію совершенно лишній. Я не говорю, что сильная Сѣверница всегда дѣйствовала мудро, — она тоже участвовала въ общеславянской работѣ pour le roi de Prusse—; я хочу этимъ сказать, что матеріально и культурно сильная и мудрая

[1]) Однажды — уже послѣ сербско-болгарскаго столкновенія— я говорилъ съ однимъ выдающимся югославянскимъ государственнымъ дѣятелемъ о разныхъ славянскихъ вопросахъ; я упомянулъ между прочимъ тоже о томъ, что въ Россіи многіе проклинаютъ нынѣ „этотъ славянскій вопросъ." Южный Славянинъ спросилъ меня: „Какъ вы думаете: Россія желаетъ пріобрѣсти Царьградъ, или нѣтъ?" Я, конечно, не могъ отвѣтить отрицательно. „Въ такомъ случаѣ славянскій вопросъ Россіи нуженъ." Замѣчу, что ни тотъ южный Славянинъ ни я не увлекались никакими идеалистическими ожиданіями, и толковали о славянскихъ дѣлахъ очень реалистически.

Русь можетъ и должна—уже въ виду своихъ собственныхъ, русскихъ интересовъ—подумать о рѣшеніи славянскаго вопроса, и что на это надѣются многіе Славяне. „Славянскій вопросъ" на Руси хорошо извѣстный гость; о немъ думалъ уже Петръ Великій, и мою характеристику этого геніальнаго славянскаго царя (см. „Славяне" II. 408—410) приводитъ тоже А. Пыпинъ въ своей статьѣ „Обзоръ русскихъ изученій Славянства" (Вѣстникъ Европы 1889). А гдѣ-же и чѣмъ была Россія тогда, въ началѣ XVIII в.? О Славянахъ много говорили въ Россіи и въ началѣ XIX в. въ царствованіе Императора Александра I; самъ Императоръ понималъ важность славянскаго вопроса для Россіи, и думалъ воспользоваться имъ противъ Австріи. Тогда явился и планъ славянской федераціи. (См. нашу статью „Императоръ Александръ I и Славяне" въ журн. Древняя и Новая Россія 1877, декабрь, и статью А. Пыпина: „Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ", въ ж. Вѣстникъ Европы 1878). Всѣмъ еще памятны слова Императора Александра II, засвидѣтельствовавшаго—въ московскомъ Кремлѣ 29 октября 1876 г. — свое „живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію", и вспомнившаго Русскихъ погибшихъ „за славянское дѣло".

Дорожа хорошимъ мнѣніемъ о моемъ сочиненіи критика ж. „Вѣстникъ Европы", я счелъ нужнымъ возразить ему и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить ближе свой взглядъ на затронутыя имъ отношенія славянско-нѣмецкія.

Варшава 1890 г.

11 Мая, день свв. Кирилла и Меѳодія.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ

въ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ Славянъ

до конца XVIII вѣка.

I. ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ.

„Čechové měli by se pilně varovati a ve vší snažnosti vystřiehati, aby v správu cizieho jazyka a zvłáště německého neupadli; nebo ten jazyk jest najlitějši ku poraženi jazyka českého a słovanského. Měli by tehda Čechové, nemohú-li z svého jazyka pána mieti, na jiný słovanský jazyk pomysliti. Słušno jest słovanského jazyka pána hledati, a k německému nikoli nesvolovati.“

(Krátké sebránie z kronik českých k výstraze věrných Čechóv, l. 1437).

I.

ПОЛАБСКО-БАЛТІЙСКІЕ СЛАВЯНЕ, ЧЕХИ И ПОЛЯКИ.

1. *Связи политическія. Балтійско-полабскіе Ляхи и полабскіе Сербы. Великоморавская держава. Чехи и Лютичи. Балтійско-полабскіе Славяне и Поляки временъ Болеслава Храбраго. Поморяне, Поляки, Чехи. Лужицкіе Сербы и Чехи. Взглядъ Поляковъ и Чеховъ на гибель балтійско-полабскихъ Славянъ.*

Земли по рѣкамъ Лабѣ и Волтавѣ, Одрѣ и Вислѣ, Моравѣ, Вагу и Грону, отъ балтійскаго моря до средняго Дуная, заселяли многочисленныя славянскія племена, которыя долго означались этимъ общимъ названіемъ Славянъ (Словенъ); это были балтійскіе Ободричи, Велеты или Лютичи, Поморяне, полабскіе Стодоряне, Сербы, Поляне по Вартѣ, Мазуры (Мазовшане) и Хорваты по Вислѣ, Слязане по Одрѣ, Чехи по верхней Лабѣ и по Волтавѣ, Моравяне и Словаки по Моравѣ и между Карпатами и Дунаемъ. Эти западные Славяне распространились далеко на западъ за рѣку Лабу, Салу и за пограничный чешскій лѣсъ Шумаву, въ Саксонію, Тюрингію, Франконію и Баварію [1]).

Западные Славяне раздѣлились на двѣ половины, сѣверную и южную. Сѣверныхъ Славянъ можно—по примѣру русскаго лѣтописца—назвать Ляхами: Словѣне пришедши сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ля-

[1]) Чехи и лужицкіе Сербы называютъ рѣку Лабу (Эльбу)—Labe, Лобье; люнебургскіе Славяне называли ее Лаби, Лоби, гдѣ *и* = *о* (сливи—слово); всѣ названія средняго рода.

хове друзіи Лутичи (Лютичи), ини Мазовшане, ини Поморяне. Эти Ляхи составляли одинъ народъ съ своимъ языкомъ, въ которомъ господствовали носовые звуки, и которымъ они отличались отъ своихъ ближайшихъ соплеменниковъ Сербовъ, Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ. Великій народъ Ляховъ раздѣлила исторія: западная его часть, Ободричи, Лютичи, Стодоряне, Поморяне (западные), не соединились въ одно политическое и народное цѣлое, погибли въ борьбѣ съ Нѣмцами, и онѣмечились; восточные Ляхи, Поляне, Куявяне, Слязане, Хорваты, Мазовшане, восточные Поморяне, собрались около племени Полянъ въ одно государство, Польшу, въ одинъ народъ, польскій [1]).

Южную половину западнаго Славянства составляли Сербы по Салѣ, Лабѣ и Спрѣвѣ (въ Лужицахъ), Чехи по верхней Лабѣ и по Волтавѣ, Моравяне и Словаки по Моравѣ, Вагу, Грону до Дуная. Моравскіе князья рано подумали объ образованіи сильнаго западно-славянскаго государства, о присоединеніи къ Моравіи сосѣднихъ славянскихъ племенъ, объ освобожденіи этого государства и въ духовномъ отношеніи отъ Нѣмцевъ. И, дѣйствительно, во второй половинѣ IX в. удалось моравскимъ Моймировичамъ распространить свое владычество на сѣверъ за Карпаты

---

1) Чешскіе и польскіе лѣтописцы употребляли иногда названіе „Сербы“ въ обширномъ смыслѣ, подразумѣвая всѣхъ полабско-балтійскихъ Славянъ „Словенъ.“ Такъ уже т. н. Далимилъ въ нач. XIV в. разсказываетъ, что Сербы (въ однѣхъ рукописяхъ) или Словене (въ другихъ) распространились отъ адріатическаго моря до Рейна (по другимъ рукописямъ: Рима); такъ и въ XVI в. národ srbský — вообще всѣ Славяне полабскіе и балтійскіе, о чемъ см. соч. „Славяне“ т. II, стр. 31, 36. Польскіе лѣтописцы М. Бѣльскій и Блажовскій (переводчикъ Кромера) называютъ Людгарду, жену польскаго князя Премысла, дочь словенско-поморскаго князя Николая, „córka książęcia serbskiego, z książąt serbskich, Kaszubka“; такъ они передаютъ слова Длугоша, Мѣховскаго, Кромера: „ducis Slavorum, Vinidarum, Kassubitarum.“ Этотъ разсказъ польскихъ лѣтописцевъ перешелъ и въ русскую лѣтопись, и въ припискѣ къ галичско-волынской лѣтописи (П. С. Р. Л. II. 227) говорится объ этой Лукеріѣ: „она бо бѣ рода князей сербскихъ съ Кашубъ, отъ поморія варязкаго, отъ Стараго града за Кгданскомъ.“

и Судеты въ страны южныхъ Ляховъ по верхней Вислѣ и Одрѣ, Чеховъ и полабскихъ Сербовъ вѣроятно до самой Салы [1]).

Великоморавская держава Моймировичей скоро исчезла, и разрозненность западно-славянскихъ племенъ появилась вновь, да она еще больше усилилась въ слѣдствіе упроченія христіанства (латинско-нѣмецкаго) среди однихъ, и сохраненія старинной вѣры отцовъ у другихъ; эта разница Славянъ христіанъ и Славянъ язычниковъ заглушала иногда ихъ сознаніе племеннаго родства, и повела христіанскіе вспомогательные отряды чешскіе и польскіе въ нѣмецкія войска на ихъ походахъ противъ Славянъ язычниковъ. Но съ другой стороны, эта разница вѣры не всегда мѣшала Славянамъ соединяться противъ Нѣмцевъ, или даже другъ противъ друга. Такъ между Чехами и Лютичами уже рано завязались дружескія отношенія, которыя не пострадали даже отъ наступившей въ послѣдствіи разницы вѣры. Эти дружескія отношенія тоже не пострадали отъ политики чешскихъ Болеславовъ I и II, которые распространяли свое владычество на востокъ въ земли Слязанъ, карпатскихъ Хорватовъ и Словаковъ, но не трогали Сербовъ и Лютичей. Супруга чешскаго князя Вратислава (въ началѣ X в.), мать князей Вячеслава (св.) и Болеслава, была Драгомира, княжна изъ стодорской земли народа лютичскаго [2]). О распространеніи христіанства среди Лютичей думалъ чешскій епископъ Войтѣхъ Славниковичъ, такъ какъ онъ — по словамъ біографа—зналъ ихъ языкъ, т. е. надѣялся дѣйствовать на этихъ соплеменниковъ посредствомъ своего чешскаго языка [3]). Лютичи

---

[1]) Еще въ началѣ XI в. одинъ изъ нѣмецкихъ епископовъ полабскихъ Сербовъ, мезиборскій Титмаръ, говоритъ въ своей лѣтописи: Boemii (т. е. Моравяне) regnante Zuetepulco duce quondam fuere principes nostri; huic a nostris parentibus quotannis solvitur census, et episcopos in sua regione, Marierun dicta, habuit. (Chronicon, l. VI. c. 60).

[2]) Dragomir de durissima gente Luticensi ex provincia nomine Stodor (Cosmae Chron. Boemiae, Fontes rerum bohem. II. 28).

[3]) Fontes rerum bohem. I. 295, срв. 306. Если лѣтописецъ Косьма (Fontes r. b. II. 37, 46) говоритъ о первомъ и третьемъ

сохранили свои дружескія отношенія къ Чехамъ до начала XI вѣка; въ концѣ X в. (990) они помогали Чехамъ противъ Поляковъ, и чешскій князь Болеславъ, разставаясь съ своими вѣрными союзниками, старался укротить ихъ ненависть къ тогдашнимъ союзникамъ польскаго князя Мѣшка, Нѣмцамъ, и утѣшалъ ихъ, что придетъ время, когда они имъ отомстятъ [1]).

Но это время не наступило, а Лютичи скоро сдѣлались союзниками ненавистныхъ Нѣмцевъ. Держава чешскихъ Болеславовъ исчезла; но не исчезла мысль о созданіи великаго западно-славянскаго государства, а воспринята польскимъ княземъ Болеславомъ Мѣшковичемъ. Онъ не только соединилъ всѣ племена восточныхъ Ляховъ по Вислѣ и по Одрѣ въ одно государство, Польшу, а возмечталъ о соединеніи всѣхъ западныхъ Славянъ подъ своею рукою для успѣшной борьбы съ Нѣмцами. Болеславъ присоединилъ къ своей державѣ земли Словаковъ и Моравянъ и на короткое время тоже Чехію; онъ завоевалъ земли восточныхъ Сербовъ, Мильчанъ и Лужичанъ, гдѣ онъ встрѣтился съ симпатіями этихъ соплеменниковъ, и гдѣ сербскіе воины („вѣтники“) охотно сдавали ему ввѣренные имъ города; много Сербовъ переселено тогда въ Польшу, и казалось, что удастся Болеславу освободить отъ нѣмецкаго господства и Сербовъ между Лабой и Салой. Но тутъ то, въ это важное для всего западнаго Славянства время, заявили свою роковую силу центробѣжныя стремленія Славянъ. Лютичи, давнишніе враги ближайшихъ своихъ соплеменниковъ Поляковъ, опасаясь сильнаго польскаго князя, стали на сторону Нѣмцевъ, помогали имъ и поощряли ихъ въ войнѣ противъ Болеслава; къ Лютичамъ присоединились Чехи, и очутились тоже въ лагерѣ нѣмецкомъ. Такимъ

пражскихъ епископахъ, Титмарѣ и Тидагѣ, Саксовъ, что они знали perfecte linguam sclavonicam, то это можетъ быть языкъ Славянъ въ Саксоніи, но скорѣе языкъ чешскій; оба они, до своего назначенія, пребывали нѣкоторое время въ Прагѣ.

[1]) Bolizlavus Liuticios suis parentibus et sibi semper fideles auxilium sui invitat... Liutici antiquum foedus renovantes discesserunt. (Thietmari Chronicon IV. 9).

образомъ великая мысль Болеслава о соединеніи всѣхъ западныхъ Славянъ въ одно государство не осуществилась въ слѣдствіе сопротивленія значительной части самихъ Славянъ. Только восточные Сербы, Моравяне и Словаки остались Польшѣ, но не на долго: по смерти Болеслава они потеряны для Польши на всегда. Вмѣстѣ съ тѣмъ отложились и Поморяне отъ Польши, что̀ вызвало почти столѣтнюю войну между Поляками и Поморянами; она кончилась—въ началѣ XII в.—побѣдою Поляковъ, покореніемъ Поморянъ и соединенныхъ съ ними сѣверо-восточныхъ Лютичей, и ихъ крещеніемъ; христіанство распространялъ здѣсь, съ помощью священниковъ нѣмецкихъ и польскихъ, Оттонъ, епископъ бамбергскій, знавшій польскій языкъ [1]).

Между тѣмъ давнишнія связи Чеховъ и Лютичей порвались и упали въ забвеніе. Лютичи и Чехи находились въ нѣмецкомъ лагерѣ противъ Болеслава Храбраго; когда же нѣмецкій король Генрихъ IV воевалъ съ заклятыми врагами Лютичей, съ Саксами, то нѣмецкому королю помогали только Чехи, но не Лютичи, которые отказали Генриху въ содѣйствіи противъ общихъ враговъ. Чехи и Поляки стали на своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ, Ободричей, Лютичей и Поморянъ, смотрѣть понѣмецки, т. е. какъ на язычниковъ; при томъ они даже позабыли, что Поморяне и поодрянскіе Лютичи сдѣлались—благодаря Оттону бамбергскому, отправившемуся въ Поморье черезъ Чехію и Польшу—христіанами. По крайней мѣрѣ въ 1147 г., когда Саксы двинулись противъ языческихъ Ободричей и Лютичей, то къ нѣмецкимъ Славянобойцамъ, герцогу Генриху Льву и маркграфу Альбрехту Медвѣдю, примкнули тоже славянскіе князья, польскій князь (Мѣшко?) и моравскіе князья Оттонъ, Святополкъ, Вратиславъ и моравскій епископъ Генрихъ Здикъ. Эти славянскіе „крестоносцы“ двинулись, вмѣстѣ съ Альбрехтомъ,

---

[1]) Любопытно, что тогда въ г. Волынѣ основана, на мѣстѣ стараго храма, христіанская церковь sub honore ss. Adalberti et Venceslai, qui magnae apud barbaros opinionis erant. (Ebbo: Vita Ottonis episcopi III. c. 15).

противъ Лютичей и Поморянъ къ Дымину и Щетину, гдѣ однако увидали на валахъ кресты, узнали отъ поморскаго епископа Войтѣха (Поляка), что мнимые язычники, Поморяне и соединенные съ ними Лютичи, давно уже христіане, и по этому вынуждены были возвратиться домой ни съ чѣмъ [1]).

Такое пособничество славянскихъ князей Нѣмцамъ и ихъ стремленію порабощать и истреблять полабско-балтійскихъ Славянъ, не могло не отозваться печально и на судьбѣ ближайшихъ ихъ соплеменниковъ. Нѣмцы господствовали въ Мишнѣ, Лужицѣ, Бранденбургѣ, въ земляхъ Ободричей и Лютичей, а въ 1157 г. императоръ Фридрихъ стоялъ недалеко Познаня, гдѣ долженъ былъ ему покориться—при самыхъ унизительныхъ условіяхъ—польскій князь Болеславъ, въ присутствіи чешскаго князя, пособника Нѣмцевъ. Напрасно Поляки задумали тогда задержать походъ Нѣмцевъ вторженіемъ въ Бранденбургъ, вѣроятно разсчитывая на симпатіи славянскаго населенія; польскій панъ, Яцекъ, взялъ городъ Бранденбургъ, но скоро долженъ былъ уступить передъ Альбрехтомъ Медвѣдемъ: времена Болеслава Храбраго давно миновали, и подвигъ Яцка былъ послѣднею попыткою Польши защититься противъ Нѣмцевъ еще внѣ ея границъ, въ области славянскихъ соплеменниковъ [2]). Пріобрѣтенія Болеслава Храбраго утрачены

---

[1]) Современный чешскій лѣтописецъ Викентій (Fontes rerum bohem. II. 417) хорошо замѣтилъ объ этомъ крестовомъ походѣ: Saxones potius pro auferenda Pomeranis terra, quam pro fide christiana confirmanda tantam moverant militiam... Ubi etenim Dominus non fuit in causa, bono fine terminari difficillimum fuit. Срв. тоже Regesta Bohemiae et Moraviae I. p. 121. Роль, которую здѣсь, въ угоду Нѣмцамъ, сыграли славянскіе князья и епископъ, была дѣйствительно необыкновенно глупа, и можетъ быть сравниваема съ ролью Лютичей и чешскаго князя Ульриха, относительно Болеслава Храбраго.

[2]) Объ этомъ Jacze dux Poloniae разсказываетъ утраченная нынѣ бранденбургская хроника, отрывки которой вошли въ чешскую лѣтопись Пулкавы XIV вѣка. См. Raabe: Jaczo von Copnic (Berlin 1856). Трудно рѣшить, какъ назывался по-славянски этотъ Jacze Яцекъ, Ясекъ, Якешъ и пр.

давно, а во второй половинѣ XII в. Поляки потеряли тоже пріобрѣтенія Болеслава III: западное, поодрянское Поморье вмѣстѣ съ землею Лютичей примкнуло къ Германіи, и, подобно ободричско-лютичскому Мекленбургу, онѣмечилось. Позже утрачена для Польши земля любушская и онѣмечилась [1]), и наконецъ Слезія, которая по большей части тоже онѣмечилась. Объ исчезновеніи „желѣзныхъ столбовъ,“ водруженныхъ - де Болеславомъ Храбрымъ на западныхъ границахъ его государства по Лабѣ и Салѣ, о всѣхъ тѣхъ тяжелыхъ утратахъ на западѣ, о покореніи и истребленіи Нѣмцами западныхъ соплеменниковъ, говорившихъ на одномъ съ Поляками языкѣ: обо всемъ этомъ долго съ горечью вспоминали Поляки, когда они, занятые стремленіемъ на славянскій востокъ, не могли уже подумать о защитѣ сильно порѣдѣвшихъ и ослабленныхъ западныхъ соплеменниковъ, и еле спасли отъ Нѣмцевъ восточное Поморье. Объ этихъ утратахъ горюетъ историкъ Длугошъ, и его преемники; а современный Длугошу краковскій кастелянъ, Іоаннъ изъ Чижева, въ присутствіи короля Казимира и многихъ пановъ, жаловался (1454) на то, что Польша въ своей безпечности дозволила Нѣмцамъ занять столько земель, особенно Лужицы и любушскую землю, безправно оторванныя отъ польской короны [2]).

Чехи и полабскіе Сербы уже въ силу сосѣдства находились съ давнишнихъ временъ въ близкихъ отношеніяхъ. Чехи знали, что всѣ земли на сѣверъ отъ чешскихъ горъ между Салою и Бобромъ, да и Тюрингія (чеш. Дуринкія) [3]), заселены сербскимъ народомъ, Сербами, и называли всѣ эти земли, мишенскую, миль-

---

[1]) Срв. наше сочиненіе „Германизація балтійскихъ Славянъ“, 109, 212.

[2]) См. „Славяне“ т. II, 103 — 111, 164; W. Bogusławski: Rys dziejów serbo-łużyckich, 108. Срв. ниже въ отдѣлѣ „Чехи и Поляки,“ разсказъ о войнѣ Поляковъ съ нѣмецкими крестоносцами въ XV вѣкѣ.

[3]) Поляки тоже знали форму Дуринкъ: Stanislaus Dorink, Durynk, civis Cracov. въ XV в. (Codex diplom. universitatis Cracov. II, III, v. index).

скую (Мильчанъ, г. Будышинъ) и лужицкую (Лужичанъ, г. Хотѣбузъ)—все Сербіею, Сербами. Часть этой Сербіи, именно земля мильская (будышинская, позже: верхняя Лужица) и донинская (на лѣвомъ берегу Лабы), достались Чехіи уже въ XI — XII вѣкахъ; земля лужицкая (позже: нижняя Лужица) только въ XIV вѣкѣ [1]).

Присоединеніе сербскихъ земель къ чешской коронѣ не принесло однако сербской народности особенной пользы. Сербы донинской земли раздѣлили судьбу мишенскихъ Сербовъ, и до XIV—XV вв. онѣмечились. Представители Лужицъ, лужицкіе чины — дворянство и города, были не Сербы, а Нѣмцы или онѣмеченные Сербы, и придавали этой коронной землѣ чешской офиціальный характеръ нѣмецкій, хотя простое народонаселеніе Лужицъ было по большей части сербское; но сербскій языкъ раздавался только въ сельскихъ судахъ будышинскомъ и згорѣлец-

---

[1]) См. H. Jireček: Slovanské právo v Čechách i na Moravě II. 17, III. 11, 37, 41. Duringus de Sribia, Zribin упоминается у Косьмы (Fontes r. bohem. II. 25); Srbi, knez srbský въ смыслѣ будышинскихъ Мильчанъ — у Далимила (ibid. III. 102, 120 и др.); Míšeň, Srby, Lužice, Slezáci a Srbi, Srbi neb šest měst — въ чешскихъ лѣтописяхъ XV—XVI в. (Staří letopisové čeští, 77, 185, 329); národ, kterýž v zemi durinské bydlel, slouli Srbi — у Сигизмунда изъ Пухова, и пр. Мнѣніе о славянскомъ происхожденіи Тюринговъ было распространено и среди Нѣмцевъ (въ Sachsenspiegel); см. наше соч. Германизація балтійскихъ Славянъ, 73, примѣчаніе, и срв. ниже (о чешскомъ и польскомъ переводѣ Сакс. Зеркала). Въ одномъ словѣнско-русскомъ житіи св. Людмилы (Fontes r. b. I. 123) эта чешская княгиня названа „отъ земля сербскыя, князя сербскаго дщи;“ по другимъ, латин. житіямъ Людмила была дочь Славибора, князя Пшовянъ. Были-ли Пшовяне Сербы, трудно сказать; во всякомъ случаѣ, Пшовяне рано примкнули къ пражскимъ Чехамъ, и сдѣлались, подобно другимъ племенамъ, Хорватамъ, Зличанамъ, Лучанамъ, Лютомѣричамъ, Дѣчанамъ и др., Чехами въ обширномъ смыслѣ. Любопытно, что на самой границѣ Чехіи и Лужицъ на рѣкѣ Каменицѣ есть два селенія Каменицы, чешская и славянская или сербская (по нѣмец. Windisch-Kamnitz).

комъ, которыми завѣдывали сельскіе судьи-старосты [1]). Въ Бранденбургѣ, со второй половины XIV вѣка тоже коронной землѣ чешской, Славянъ почти не было [2]). Національное, чешское и славянское движеніе гуситское не проникло въ Лужицы, въ ряды сербскихъ поселянъ, и они, предводительствуемые своими нѣмецкими господами, сражались съ чешскими гуситами, и сдѣлались цѣлью гуситскихъ наѣздовъ, равнымъ образомъ какъ Слезаки, Мишняки, Франки, Баварцы и другіе Нѣмцы. Наконецъ въ 1635 г. Лужицы оторваны отъ чешской короны и достались Саксоніи.

Чехи хорошо знали печальную судьбу своихъ ближайшихъ соплеменниковъ Сербовъ и другихъ полабско-балтійскихъ Славянъ, погибшихъ въ борьбѣ съ Нѣмцами. Чехи, уже въ самомъ началѣ гуситскаго движенія, отлично поняли характеръ предстоящей своей борьбы съ Нѣмцами, борьбы за существованіе отступающихъ и защищающихся Славянъ противъ наступающихъ Нѣмцевъ. Пражане вызывали тогда (1420 г.) всѣхъ вѣрныхъ и ревностныхъ любителей чешскаго народа воевать съ натравленными папою противъ него Нѣмцами, природными его врагами, „которые безъ всякой причины всегда злятся на нашъ народъ и какъ нашему народу сдѣлали на Рейнѣ, въ Мишнѣ и Прусіи и его прогнали, такъ и намъ намѣреваются сдѣлать и занять мѣста прогнанныхъ" [3]). Чехи хорошо знали, что Нѣмцы отняли у славянскаго народа много земель полабско-балтійскихъ, и что со-

---

[1]) У западныхъ Сербовъ, по Лабѣ и Салѣ, такіе судьи назывались жупаны. См. Knothe: Urkundliche Grundlagen zu einer Rechtsgeschichte der Ober-Lausitz (Görlitz 1877, p. 33), его-же: Die verschiedenen Klassen slavischer Höriger in den Wettinischen Landen vom 11 — 14 Jhdt. (Neues Archiv für sächsische Geschichte, 1883, IV).

[2]) См. наше соч. „Германизація балтійскихъ Славянъ" стр. 74.

[3]) Archiv český III. 212; срв. „Славяне" т. II. 26. „Рейнъ" взятъ изъ хроники т. н. Далимила (см. выше, стр. 2), „Мишень"—какъ бы въ смыслѣ полабскихъ странъ вообще, „Прусія"—въ смыслѣ балтійскаго поморья.

хранились только жалкіе остатки Сербовъ, униженные и значительно онѣмеченные [1]). Это униженіе соплеменниковъ вызывало въ Чехахъ тоже разныя мысли и опасенія относительно ихъ собственнаго народа. Такъ Павелъ Ешинъ, издавая, такъ сказать на канунѣ паденія чешскаго государства (1620), патріотическую чешскую хронику т. н. Далимила, возстаетъ противъ тѣхъ, которые считали изданіе этой хроники неудобнымъ, такъ какъ въ ней много пишется противъ Нѣмцевъ иноплеменниковъ, врывавшихся въ Чехію и притѣснявшихъ народъ и языкъ чешскій; каждый народъ долженъ заботиться о славѣ своего языка и не долженъ допустить его истребленіе. „Довольно уже да слишкомъ обезчещенъ и посрамленъ нашъ славянскій языкъ, такъ какъ онъ истребленъ не только во всей землѣ мишенской, брауншвейгской, люнебургской, бременской и другихъ, а тоже на Лабѣ, вытекающей изъ чешскаго королевства и втекающей въ море подъ Гамбургомъ, въ Лужицѣ, Бранденбургѣ, Саксоніи, Поморьѣ, Мекленбургѣ, Лауэнбургѣ, Гольштейнѣ до датскихъ заливовъ. Народъ же пришлецами такъ посрамленъ, что, по свидѣтельству самихъ нѣмецкихъ писателей, родившемуся отъ славянскихъ или сербскихъ родителей не дозволяютъ обучаться ремеслу, не терпятъ его въ цехѣ, или не допускаютъ его къ ремеслу или другому занятію, пока онъ не докажетъ присягою, что онъ произошелъ не изъ крови славянской а нѣмецкой“. Подобно Ешину позже и Бальбинъ негодуетъ на такое униженіе и подавленіе полабскихъ Славянъ Нѣмцами и высказываетъ опасеніе на счетъ будущаго самихъ Чеховъ [2]). Еще въ концѣ XVIII в. чешскій историкъ Ф. Пельцель, говоря объ исторіи Нѣмцевъ и ихъ языка въ Чехіи (1791), и разсматривая германизаціонную систему вѣнскаго правительства относительно Чеховъ, воскликнулъ: „Изъ этого можно съ вѣроятностью заключить, что когда-то Чехія относительно языка очутится въ такомъ положеніи, въ какомъ нахо-

---

[1]) Срв. отзывы нѣкоторыхъ чешскихъ лѣтописцевъ и др. XV-XVI вв. въ соч. „Славяне“ т. II, 33, 36, 38, 39, 52.

[2]) См. „Славяне“ т. II, стр. 62.

дится нынѣ Мишень, Бранденбургъ и Слезія, гдѣ говорятъ исключительно по-нѣмецки, и гдѣ отъ славянскаго языка не остается ничего кромѣ однихъ названій городовъ, селъ и рѣкъ."

Совмѣстное жительство Нѣмцевъ и Славянъ въ полабско-балтійскихъ земляхъ, униженное положеніе Славянъ, ненависть между Нѣмцами и Славянами, все это выразилось тоже въ саксонскомъ правѣ тѣхъ земель, и въ статьяхъ этого права предусмотренъ національный антагонизмъ обоихъ племенъ. Такъ на пр. въ Sachsenspiegel постановляется, что нельзя судить Славянамъ Нѣмцевъ и Нѣмцамъ Славянъ, исключается передъ судомъ свидѣтельство Славянина противъ Нѣмца и на оборотъ: если Славянинъ поймаетъ Нѣмца на самомъ преступленіи или на оборотъ, и передъ судомъ другъ противъ друга даютъ свидѣтельство, то пусть обвиняемый терпитъ приговоръ по свидѣтельству истца, какъ будто разница народности уничтожила всякое право [1]).

Съ распространеніемъ нѣмецкихъ колоній въ городахъ Чехіи и Польши, съ образованіемъ особыхъ нѣмецкихъ общинъ городскихъ пользующихся своимъ правомъ нѣмецкимъ — по большей части саксонскимъ, магдебургскимъ — распространялось это право въ Чехію и въ Польшу. Въ XV в. въ городахъ Чехіи и Польши нѣмецкій элементъ ослабленъ или совсѣмъ исчезъ, и на его мѣсто вступили мѣщане славянскіе, чешскіе и польскіе, которые однако продолжали пользоваться нѣмецкимъ правомъ, но уже не на языкѣ нѣмецкомъ а на чешскомъ и польскомъ [2]). Въ этихъ переводахъ нѣсколько разъ упоминается о Словенахъ или Сербахъ (Wenden) и о ихъ положеніи передъ судомъ, что соб-

---

[1]) См. наше соч. „Германизація балтійскихъ Славянъ," стр. 38—39. Въ той же книгѣ приведены примѣры объ исключеніи Славянъ изъ городскихъ общинъ, цеховъ и пр.

[2]) Нѣмецкіе Schöppen, Schöffen (scabini) называются по-чешски стариннымъ славянскимъ словомъ kmeti, по-польски przysiężnicy, позже lawnicy. Тексты чешскаго и польскаго переводовъ этого нѣмецкаго права сравнилъ Калужняцкій (Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften, Wien 1886, Bd. 111).

ственно въ чешскихъ и польскихъ городахъ не имѣло никакого практическаго значенія. Такъ на пр. выше упомянутая статья Саксонскаго Зеркала о свидѣтельствахъ Нѣмца и Славянина гласитъ по-чешски: „Pakli bude Sasic aneb Słovenín s bezprávím jat v horkém účinku a s weppem (křik neb úp neb wepp neb nastojte, nestojte) přiveden před právo, ten Sasic usvědčí na Słovenína a Słovenín na Sasice a musí jich každý toho druhého ortel trpěti, kterýž tak jat jest aneb bude" [1]. По-польски: „Wszakże gdzieby Słowianin albo Sasin o występek albo o jawny uczynek (złamania pokoju) pojman, i do sądu z wołanim przywiedzion był, tam pojmany i Sasin Słowianinowe, i ten też owego świadectwo i decret odnieść musi.“ А это дѣлается потому, что „te dwa narody są sobie zdawna nieprzyjacielmi. Albowiem byli Saxonowie Słowaki (które też Turyngami zwano) aże za rzekę Albim zagnali. Skąd wielkie wojny potym między nimi powstały, aże do czasów Karła cesarza, który wielkie wojsko zebrawszy Słowaki zgromił, i z onego księstwa po wszystkiej Saskiej ziemi rosproszył, i tam im mieszkać rozkazał. Stądże tam i po dzisiejszy dzień wiele wsi słowiańskich jest“ [2].

2. *Связи культурныя. Христіанство и христіанская терминологія у балтійско-полабскихъ Славянъ. Чешскій языкъ въ Лужицахъ. Чешское правописаніе и его вліяніе на правописаніе сербское.*

Дѣятельность великаго просвѣтителя западныхъ Славянъ, панонско-моравскаго архіепископа Меѳодія, коснулась по всей вѣроятности тоже полабскихъ Сербовъ, входившихъ въ со-

---

[1]) Изъ рукописнаго Сакс. Зеркала XV в. сообщилъ Я. Челаковскій въ ж. Časopis Českého Musea 1879, p. 152.

[2]) Speculum saxonum albo prawo saskie i majdeburskie, z łacińskich i niemieckich exemplarzów zebrane, a na polski język przełożone przez Pawła Szczerbicza (we Lwowie 1581, p. 75; также стр. 384 о побѣдѣ Саксовъ надъ Тюрингами — Turyngowie byli Słowacy).

ставъ державы Святополка, равнымъ образомъ какъ и Чехи и южные Ляхи. Во всякомъ случаѣ зачатки христіанства у Сербовъ можно отнести къ этому времени, хотя укрѣпленіе христіанства состоялось только столѣтіе спустя, послѣ основанія у Сербовъ епископій мишенской, жичской и мезиборской. На сколько чешскіе священники, рядомъ съ нѣмецкими, участвовали въ этомъ укрѣпленіи христіанства у Сербовъ во второй половинѣ X-аго вѣка, не знаемъ. Церковная христіанская терминологія у полабско-балтійскихъ Славянъ латинско-нѣмецкая, притомъ въ большей степени, чѣмъ у Чеховъ и Поляковъ, что свидѣтельствуетъ о главномъ участіи нѣмецкаго духовенства въ дѣлѣ крещенія Сербовъ и другихъ полабско-балтійскихъ Славянъ. Но съ другой стороны въ нарѣчіяхъ сербско-лужицкихъ, словенско-древянскомъ (въ Люнебургѣ) и словенско-кашубскомъ (въ Поморьѣ) уцѣлѣли нѣкоторыя слова, которыя можно отнести еще къ зачаткамъ христіанства и словѣнскаго богослуженія, или по крайней мѣрѣ къ вліянію чешской христіанской терминологіи — относительно полабско-лужицкихъ Сербовъ, и польскому—относительно балтійско-полабскихъ Словенъ. Въ сербско-лужицкихъ нарѣчіяхъ встрѣчаются общеславянскія слова: pop, mnikh (mikh), cerkej, cerkvjej, cerkvja, mša, modlić se, modlitva, khřest, křćić, křćiš, křiž, djaboł (čert, cart), spovjedź, sudny dźen и др.; они указываютъ на другой источникъ, чѣмъ исключительно нѣмецкій (оттуда уже bjatovaś—beten, dupić, dupiś—döpen, taufen, hela—Hölle, jutry, jatřy—Ostern и др.). Нѣкоторыя изъ этихъ общеславянскихъ словъ, правда, тоже древне-нѣмецкаго происхожденія (на пр. попъ, церковь); они вошли уже въ языкъ словѣнскій, а оттуда въ западно-славянскія языки. Словене въ Люнебургѣ знали слова церковь (carkjaj, carkjiv, carkvajca) и попъ (püp); поморскіе Кашубы называютъ поль. kościół до сихъ поръ cerkiew, cerkwia, а мѣсто гдѣ стояла церковь или кладбище—cerkwiszcze (Sirkuist, locus Tsirkewist въ началѣ XIII вѣка на островѣ Узноимѣ [1]).

---

[1]) Miklošič: Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen (1875). Объ ужасной христіанской терминологіи у люнебург-

Возможно, что Сербы знали чешскую литературу XIV—XV в., особенно переводы библіи и другихъ церковныхъ книгъ, хотя объ этомъ не имѣется положительныхъ извѣстій. Гуситство, къ сожалѣнію, не проникло въ Лужицы, не имѣло вліянія на сербское ихъ населеніе; если бы Сербы примкнули къ чешскому гуситству, то они бы не только ожили, а они бы по всей вѣроятности приняли тоже чешскій языкъ въ литературный; если въ польской верхней Слезіи съ XV вѣка чешскій языкъ распространился въ значительной степени и сдѣлался офиціальнымъ, то все это могло въ сербской Лужицѣ состояться легче, такъ какъ языкъ сербскій ближе къ чешскому, чѣмъ польскій. Сербскіе священники въ Лужицахъ, не имѣя церковныхъ книгъ на своемъ языкѣ, вѣроятно пользовались — на сколько это оказывалось нужнымъ — чешскими церковными книгами [1]). Можно предполагать, что нѣкоторые Сербы знали чешскій языкъ, какъ языкъ сосѣднихъ соплеменниковъ и господъ Лужицъ, куда назначались королевскими намѣстниками (фогтами) чешскіе паны изъ родовъ изъ Штернберга, Розенберга, Вартенберга, Коловратъ, Дубой, Поступицъ и др. Что чешскій языкъ былъ извѣстенъ въ Будышинѣ, именно въ городской думѣ—на это указываетъ формула присяги для сербскихъ мѣщанъ, записанная, рядомъ съ нѣмецкою, въ городской книгѣ второй половины XV в. и употребляемая до начала XVII вѣка. Эта формула должна была быть сербская, но въ сущности это смѣсь чешско-сербская. Вотъ ея начало: Ja pschisaham Bohu a naschemu neygnadneyschemu knyezu knyezu... kraly Czeskem(u), a geho gnadie diediczuom a wschiczknym potomnym kraluom Czeskym, Burgermaistru a Radyie thoho Miesta Budissina, wierny, posluzny (!) a podany beyczsch we dne a w notczy... (конецъ) tak jack my Buoh pomuoz a geho Swate Slowo [2]).

скихъ Словенъ см. наше сочиненіе „Германизаціи балтійскихъ Славянъ", 59.

[1]) Въ XVIII в. въ церкви въ Ращцѣ хранилась старая чешская библія (Časopis Maćicy Serbskeje 1880, p. 76).

[2]) Časopis Maćicy Serbskeje 1875, p. 51. Замѣтимъ, что чешское слово berně (подать) было извѣстно и въ Лужицахъ (bern, pern),

Чешское гуситство не распространилось къ Сербамъ; но за то нѣмецкое лютеранство привилось къ нимъ вполнѣ, и дало поводъ къ возникновенію скромной сербской литературы, если переводы нѣкоторыхъ церковныхъ книгъ можно назвать литературою. Сербскіе священники, переводя съ нѣмецкаго на свой до тѣхъ поръ неразработанный родной языкъ, по неволѣ обратили вниманіе на богатую церковную литературу сосѣднихъ соплеменниковъ чешскихъ (католиковъ, утраквистовъ, чешскихъ братьевъ, лютеранъ), у которыхъ до половины XVI в. насчитывалось семь изданій полной печатной библіи. И, дѣйствительно, когда въ 1548 г. Николай Якубица [1]) переводилъ съ нѣмецкаго перевода Лютера (но тоже съ помощью латинской вульгаты) Новый Завѣтъ на сербскій языкъ нижне-лужицкаго нарѣчія, то онъ воспользовался чешскимъ переводомъ, но уже черезъ-чуръ: если онъ не зналъ или не припомнилъ себѣ подходящаго сербскаго слова, то онъ употребилъ чешское слово даже вопреки духу сербскаго языка, и придерживался вообще чешскаго текста; такъ онъ на пр. пишетъ hrlo, hrnczar рядомъ съ ghrnczar, roztrhla—tarhl, wottargowaly, hledatcz — gleday, hnew — gnew, pczychazegyczyho (рядомъ съ-*ego*), neposskwrnena, vczedlniczy, zdrschowatcz se, newiditedlne, saud, welblaudu, hudcuow, libilo (вм. lubilo), rauhany, и пр. Иногда онъ списывалъ просто безсмысленно, на пр. *wuoni* známosti swé zgewuge—*wenim* znamosczy swe zgewuge. „Правописаніе" Якубицы однако нѣмецкое, а не чеш-

---

на пр. въ одномъ постановленіи короля Фердинанда 1544 г. (Časopis M. S. 1875, p. 76). Въ одномъ рукописномъ сборникѣ верхне-сербскихъ пословицъ конца XVIII в. встрѣчается тоже пословица: To su moje Čechi i Lechi — das ist mein ganzer Ein—und Ausgang (Časopis Maćicy Serbskeje 1856—57, p. 103). „Чехи" могутъ здѣсь быть „чешскіе гроши"; „лехи", въ значеніи денегъ, ближе неизвѣстны.

[1]) Пишется тоже Якубицъ; но по словамъ послѣсловія „Ten tu nowy zakon serpsky... do serpskeye reecy... pczinessony psches Miklawscha Iakubicu" видно, что правильная форма Якубица. См. статью Лескина въ Archiv für slav. Philologie I.161, и срв. замѣтку Енча въ Časopis Maćicy Serbskeje 1862, p. 46.

ское; изъ чешскаго взялъ онъ g (въ значенiи j: stogy — stoji), что совсѣмъ противорѣчитъ фонетикѣ нижне-сербскаго нарѣчiя, гдѣ g = г (gleday) [1]. Приведемъ здѣсь начало первой главы евангелiя отъ Марка, вмѣстѣ съ чешскимъ текстомъ по библiи 1506 года:

To ie ten zpoczutk tego euangelia Iesu Krista tego syna boschego, iako pyssano stohy w prorokach: Hley, ia posslu moiego ianschela pred tobu haw, kotory pczyprawy twoiu drogu pred tobu. Ieden gloes wolaczy we tey pusczyne: Gottuycze tu drogu tego knysa, proste wuczinsche iogo zsczeschky. Byl ie Ian we tej pusczyne, ksczyl a predgowal tu kseschniczu tego pokayänä k wodawanu tich grechow... Ian pak byl wooschewany s welblodowymy losmy a iednym schkoranym passem wokolo iogo lischb, a gadl ie zkoczky a hschywy moed.

Počžátek čtenije Gežijsse Krysta syna božyeho, iakož psáno gest w Izayassy proroku: Ay yá posyelám angela swého przed twářij twú, kterýžto przyprawij cžestu twú przed tebú. Hlas wolagijczyeho na pússti: Przyprawuyte czestu pánie, rowné cžyňte stezky geho. Byl gest Jan na pússti krztie a káže krzest pokánije na odpusstienije hrzyechuow... A byl Jan odijen srstmi welblúdowými, a pás koženný na bedrách geho, a kobylky a med lesnij giedal gest.

Въ позднѣйшихъ сербскихъ переводахъ церковныхъ книгъ не встрѣчается такое влiянiе чешскаго языка, хотя нѣкоторые сербскiе священники, католики и протестанты, знали языки чешскiй и польскiй. Такъ на пр. Михаилъ Френцель, переводя библiю на языкъ сербскiй верхне-лужицкаго нарѣчiя, пользовался библiями на языкѣ чешскомъ и польскомъ какъ „сестрами нашего языка". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался, съ помощью чешскаго правописанiя, устроить правописанiе сербское, хотя онъ здѣсь поступалъ

[1] Это $g = j$ встрѣчается тоже въ одной верхне-сербской книгѣ 1628 г.: moga, twogim, gedyn и пр. (Časopis Maćicy S. 1871, 1).

не всегда послѣдовательно; онъ правильно пишетъ c, s, z, cż, (= č, ć), ż, dż, ń, é, sch (= š, ř); это правописаніе онъ употребилъ въ сербскомъ переводѣ части евангелій (1670). Френцель употребляетъ даже нѣкоторыя чешскія слова или слова на чешскій ладъ: acż (серб. hač), hned (hnydom), mezy (mjez), nežli (dyžli), slowjasche (rěkaše), swéczen (swěčnik), tobola (wačok), wuczenicy, пишетъ даже wjra, hrjch, nemjrny, mlczacż, wrch, *nejmén*schi [1]). Самымъ рѣшительнымъ образомъ исправилъ сербское правописаніе по чешскому сербскій іезуитъ Яковъ Тицинъ въ своей граматикѣ: Principia linguae wendicae quam antiqui wandalicam vocant (Pragae 1679); онъ, зная чешскій языкъ, принялъ для сербскаго языка чешское правописаніе, и, указывая на сходство сербскаго языка съ чешскимъ въ склоненіяхъ, спряженіяхъ и пр., замѣчаетъ, что „наша рѣчь — сестра чешской, происходя отъ той же самой матери славянской, по этому справедливо, чтобъ она употребляла тѣ же самые знаки"; а это мнѣніе раздѣляютъ-де и другіе Сербы, какъ на пр. Донатъ Фабриціусъ, Матвѣй Дубрау, и отъ части тоже Михаилъ Френцель. Тицинъ пишетъ: ė (но ė = y), ċ и ċż (= č, ć), d' (= dź), ṅ, ṙ (тоже ss = š, какъ и произносится сербское ř), ss (= š), ż, l', j (а не g), и защищаетъ это чешское правописаніе какъ единственно удобное для сербскаго языка, справедливо замѣчая, что нельзя нѣмецкими или латинскими буквами хорошо написать на пр. слова d'żeṅ (dies), ċżrij (calceus), wotroċk (servus), swėċo (imago), żona (mulier), kameṅ (lapis), boċċo wė (estote) и пр. [2]). Къ сожалѣнію, эта здравая и разумная мысль не принята сербскими писателями по большей части протестантами, вѣроятно потому, что она вышла отъ католическаго іезуита. Имъ понравилась больше старая неуклюжая нѣмецко-славянская орѳографія, которую старался установить протестантскій священникъ Захарія Бирлингъ:

---

[1]) О правописаніи М. Френцеля см. статьи М. Горника и К. Енч[...]ъ ж. Časopis Maćicy Serbskejo 1870, p. 55, 1871, p. 73. Срв. „[...]лавяне" т. II, стр. 18.

[2]) О Тицинѣ см. статьи М. Горника въ ж. Časopis Maćicy S[er]bskejo 1878, p. 9, 1883, p. 115.

Didascalia seu orthografia vandalica, d. i. Wendische Schreib-u. Lese-Lehr (Budissin 1689). Бирлингъ отвергаетъ діакритическіе значки (das vielfältige Punktiren, Accentuiren, Be- u. Durchstreichen), употребляемые въ языкахъ чешскомъ и польскомъ и — какъ онъ думаетъ — тоже краньско-словенскомъ (der Wenden in Illyria), ссылаясь на словенскія книги напечатанныя въ Витенбергѣ. Бирлингъ пишетъ cž (= ć, č), хотя признаетъ тоже ċ (= ć), d' или dz, dsch, ṅ, ż, ll (= ł), но: z, tz (= c), ss (= s), sch (= š, ř)[1]. М. Френцель, вынужденный обстоятельствами, отказался отъ своего лучшаго правописанія, и принялъ нѣмецко-славянское. Католики тоже не приняли правописанія Тицина, и предпочли неуклюжее нѣмецко-славянское; такъ сдѣлалъ и современникъ Тицина, Юрій Стѣтликъ, чему надо удивляться, такъ какъ Свѣтликъ, жившій нѣсколько лѣтъ въ Оломуцѣ и Прагѣ, зналъ чешскій языкъ. Такимъ образомъ у Сербовъ установилась смѣсь орѳографіи нѣмецкой и славянской (cž, ṅ, ż), при чемъ орѳографія „католическая" отличалась отъ „протестантской" — одинъ изъ многочисленныхъ славянскихъ курьезовъ.

Духовныя связи между Чехами и Сербами поддерживались кое-какъ посредствомъ католической сербской семинаріи, учрежденной въ Прагѣ (1706, 1716) для сербскихъ католическихъ теологовъ, и такимъ образомъ завязывались болѣе близкія сношенія между сербскими студентами и Чехами, особенно теологами. Патріархъ зараждающейся во второй половинѣ XVIII в. славистики, Чехъ I. Добровскій, уже рано обратилъ свое вниманіе на лужицкихъ Сербовъ, да утѣшалъ ихъ лучшею будущностью[2]. Сношенія Сербовъ съ Поляками не были столь близки, какъ съ Чехами, не смотря на возведеніе саксонской династіи — господствовавшей и въ Лужицахъ — на польскій пре-

---

[1]) См. статью М. Горнижа въ ж. Časopis Maćicy Serbsk je 1883, p. 119.

[2]) Срв. слова изъ его письма лужицкому Сербу Фрицу, въ ж. „Славяне" т. I. стр. V.

толъ [1]). Между тѣмъ печальная судьба всѣхъ полабскихъ балтійскихъ Славянъ готовилась тоже Полякамъ: въ концѣ, XVIII в. Поляки очутились подъ нѣмецкимъ господствомъ. Любопытно, что на самомъ канунѣ паденія Польши одинъ ученый Полякъ, изучавшій исторію славянскихъ народовъ, графъ Іоаннъ Потоцкій, отправился въ прибалтійскія страны, на родину древнихъ Ратарей, Доленчанъ, Варновъ, Ободричей, Полабянъ и др. отыскивать здѣсь славянскія древности и возбуждать интересъ для нихъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ нынѣ одни только насыпи и могилы свидѣтельствуютъ о Славянахъ; польскій ученый думалъ, что въ люнебургской степи на лѣвомъ берегу Лабы найдетъ еще остатки Славянъ, но увидалъ, что славянскій языкъ уже забытъ, что только старики помнятъ еще нѣсколько словъ славянскихъ, и что объ этомъ языкѣ можно себѣ составить понятіе по малому словарю, доставленному однимъ тамошнимъ помѣщикомъ, и по запискамъ одного славянскаго селянина (Парума Шульца) [2]).

---

[1]) Былъ-ли Богумилъ Фабриціусъ, переводчикъ Новаго Завѣта на нижне-сербскій языкъ (1709), Полякъ или Нѣмецъ, до сихъ поръ неизвѣстно. См. Časopis Maćicy Serbskeje 1880, p. 132, Historija serbskeho naroda, spis. W. Bogusławski a M. Hórnik (1884, p. 114). О пребываніи Поляка Сарницкаго въ Лужицахъ см. „Славяне" т. II, стр. 129.

[2]) Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la recherche des antiquités slaves ou vendes. Fait en 1794 par le comte Jean Potocki (Hambourg 1795).

II.

ЧЕХИ И ПОЛЯКИ.

1. *Западно-славянскія государства моравскихъ Моймировичей, чешскихъ Болеславовъ, польскаго Болеслава Храбраго; неудавшаяся попытка чешскаго Брячислава. Премысловичи и Пястовичи. Чешскіе короли Премыслъ Отакаръ II и Вячеславъ II и ихъ отношенія къ Польшѣ. Слезія — чешская коронная земля. Карлъ IV и Польша. Прусско-нѣмецкіе крестоносцы въ балтійскихъ странахъ.*

Между Чехами и Поляками существовали съ самаго начала ихъ исторіи особенно тѣсныя связи и сношенія. Оба народа связываетъ уже древнѣйшее преданіе, производящее ихъ отъ двухъ братьевъ Чеха и Лѣха; а Чехи и Поляки, воюя, мирясь, сносясь, постоянно утверждали, что они происходятъ отъ двухъ славянскихъ князей братьевъ, и что по этому слѣдуетъ ихъ потомкамъ жить въ братской любви и защищать другъ друга. Сознаніе этого родства играетъ важную роль во всей исторіи обоихъ западно-славянскихъ народовъ.

Чешско-моравскія и южно-ляшскія племена по верхней Одрѣ и Вислѣ соединялись чаще подъ однимъ государемъ, и только извѣстная славянская центробѣжность, разрозненность и политическая незрѣлость были причиною, что тѣ племена и вообще западные Славяне не слились въ одно государство, въ одинъ народъ. Такъ уже во второй половинѣ IX в. южно-ляшскія племена на верхней Вислѣ и Одрѣ вошли въ составъ моравскаго го-

сударства Моймировичей, и приняли оттуда зачатки христіанства и словѣнскаго богослуженія; подобно тому сто лѣтъ спустя тѣ же ляшскія племена вошли въ составъ чешскаго государства обоихъ Болеславовъ. Преемникъ идеи князей моравскихъ Ростислава и Святополка, чешскихъ Болеславовъ — польскій князь Болеславъ Мѣшковичъ „Храбрый" или „Великій" мечталъ о соединеніи всѣхъ западныхъ Славянъ подъ своимъ скипетромъ, занялъ престолъ чешскихъ Премысловичей, своихъ родственниковъ по матери чешской княжнѣ Добравѣ Болеславовнѣ, и задумалъ чешскую Прагу сдѣлать столицею своего обширнаго государства; но Чехи, вмѣстѣ съ Лютичами, воспротивились планамъ Болеслава, предпочитая быть орудіями нѣмецкой политики направленной къ уничтоженію великой мысли Болеслава. Онъ долженъ былъ уйти изъ Праги, и предоставить Чехію какъ добычу чешскимъ князьямъ и ихъ мнимымъ покровителямъ Нѣмцамъ; только Моравяне и Словаки и лужицкіе Сербы не отступили отъ Болеслава, и поддерживали его планы противъ Нѣмцевъ и ихъ славянскихъ союзниковъ, Чеховъ и Лютичей. Польскій князь, продолжая упорную борьбу съ Нѣмцами, тщетно увѣщевалъ чешскаго князя Ульриха Болеславовича, своего племянника, вспомнить объ ихъ обоюдномъ родствѣ, примириться съ нимъ и вмѣстѣ сопротивляться всѣмъ врагамъ, преимущественно же императору Генриху [1]). Эти слова Болеслава были голосомъ вопіющаго въ пустынѣ: Чехи и Лютичи остались вѣрными союзниками Нѣмцевъ, и помогали имъ разрушать всѣ великіе планы „свирѣпаго Славянина", — какъ называетъ Болеслава его современникъ Титмаръ, — и тѣснить его съ славянскаго запада на славянскій, русскій востокъ. Важность и славу Болеслава „Великаго" — такъ его назвала не лѣтопись польская или чешская, а русская — сознавали Поляки долго, и еще цѣлое столѣтіе спустя по смерти Болеслава — по словамъ лѣтописца Мартина Галла — расказывали въ Польшѣ, какъ умирающій въ 1025 году польскій король предсказалъ, что плакать по немъ будутъ

---

[1]) Thietmari Chronicon lib. VII, cap. 7.

не только тѣ, которые его знали, а всѣ ихъ потомки; а тотъ же лѣтописецъ, разсказавши о кончинѣ Болеслава, взываетъ ко всѣмъ жителямъ Польши, „Латинянамъ и Славянамъ“, плакать по великомъ королѣ [1]).

Великая идея соединенія западнаго Славянства въ одно государство, чешско-польское, блеснула скоро послѣ смерти Болеслава, въ головѣ чешскаго князя Брячислава Ульриховича, того самаго, который такъ хорошо сознавалъ всю надменность Нѣмцевъ относительно Славянъ [2]). Онъ занялъ Краковъ и Гнѣзно (1038—1039); но его планъ о присоединеніи Польши къ Чехіи не удался, благодаря вмѣшательству Нѣмцевъ [3]). На затѣи Брячислава относительно Польши указывала лишь только дань, платимая Польшею въ чешскую государстенную казну еще въ концѣ XI в., и титулъ перваго „чешскаго и польскаго короля“ Вратислава Брячиславовича (1086).

Чешскіе и польскіе князья, какъ сосѣди и родственники, часто вмѣшивались въ дѣла сосѣдняго государства. Въ Чехію отправлялись недовольные польскіе князья (Безпремъ Болеславовичъ, Болеславъ и Збыгнѣвъ Владиславовичи), а въ Польшу недовольные чешскіе князья (Болеславъ Болеславовичъ, Яромиръ Брячиславовичъ, Боривой и Собѣславъ Вратиславовичи, оба сыновья польской княжны Сватавы), и вельможи (Славниковичи Войтѣхъ и Собѣборъ, Вершовичи); Боривою Вратиславовичу помогалъ польскій князь Болеславъ III для достиженія чешскаго престола, но напрасно. Не смотря однако на такія столкновенія, Чехи

---

1) Monumenta Poloniae historica I, 413. „Latinorum et Slavorum incolae“ могутъ быть жители обрядовъ латинскаго и славянскаго; срв. соч. „Славяне“, т. II, стр. 520.

2) См. „Славяне“, т. II, стр. 24.

3) Въ числѣ польскихъ плѣнниковъ, приведенныхъ Брячиславомъ въ Чехію, находился тоже прадѣдъ чешскаго лѣтописца Косьмы, и жители города Гедча (недалеко Познаня); Гедчане поселены на югозападъ отъ Праги, около лѣса Чернина, и жили здѣсь еще въ началѣ XII в., пользуясь извѣстнымъ самоуправленіемъ. (Fontes rerum bohemicarum II. 71, 77).

и Поляки не видѣли другъ въ другѣ враговъ народныхъ, какъ на пр. въ Нѣмцахъ, а только сосѣдей, которые поссорились но скоро опять примирялись [1]).

Смутное время, которое наступило въ Чехіи и Польшѣ въ слѣдствіе безпрестанныхъ споровъ и междоусобицъ Премысловичей и Пястовичей изъ-за великокняжескаго стола, прекратилось раньше въ Чехіи, именно въ самомъ концѣ XII в., между тѣмъ какъ Польша страдала отъ этихъ бѣдствій еще цѣлое столѣтіе. Въ Чехіи и Польшѣ происходили въ XIII в. важныя перемѣны въ слѣдствіе распространенія туда нѣмецкаго элемента въ городахъ, монастыряхъ и въ окраинахъ; поодрянское Поморье отчуждено отъ Польши и онѣмечилось; нижняя Слезія тоже онѣмечилась, и вообще вся Слезія отдалялась все больше отъ Польши, и польско-слезскіе Пястовичи, равнымъ образомъ какъ и чешскіе Премысловичи, тяготѣли къ Германіи, къ нѣмецкой культурѣ. Это распространеніе нѣмецкаго элемента въ западно-славянскихъ земляхъ возбуждало въ чешскихъ и польскихъ патріотахъ опасенія на счетъ ихъ народовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливало старую ненависть западныхъ Славянъ къ Нѣмцамъ. Въ то же самое время, когда одинъ чешскій патріотъ-лѣтописецъ (такъ называемый Далимилъ) рѣзко и страстно нападаетъ на Нѣмцевъ, приписывая имъ почти всѣ бѣдствія постигшія Чеховъ, то одинъ польскій стихотворецъ жалѣетъ о бѣдствіяхъ нанесенныхъ Чехамъ Нѣмцами [2]).

Чешское королевство заняло въ XIII в. важное мѣсто въ Германіи и вообще въ средней Европѣ, и чешскій король сталъ пер-

---

[1]) Этимъ надо объяснить нѣкоторыя неблагосклонныя сужденія лѣтописцевъ чешскихъ о Полякахъ, а польскихъ о Чехахъ, какъ на пр. разсказъ Косьмы о бѣгствѣ Болеслава Храбраго изъ Праги, рѣчи обоихъ князей, чешскаго Владислава I и польскаго Болеслава III, передъ битвою на Трутинѣ 1110 г., въ лѣтописяхъ Косьмы и Мартына Галла и др. Но чешскіе и польскіе князья скоро примиряются, confirmant foedera pacis, et hilares ad proprios remeant lares, какъ говоритъ Косьма къ 1115 г. (Fontes rerum bohem. II. 177).

[2]) См. „Славяне“, II т., стр. 164.

вымъ и самымъ могущественнымъ электоромъ (курфюрстомъ) священной римской имперіи нѣмецкаго народа [1]). Такъ было именно во второй половинѣ XIII в., когда чешскій король Премыслъ II Отакаръ присоединилъ къ своему чешскому государству альпійскія страны почти до адріатическаго моря. Могущественный чешскій король могъ возмечтать о самой имперской коронѣ; но тутъ показалось все то надменное высокомѣріе Нѣмцевъ относительно Славянъ, какъ это замѣтилъ одинъ изъ предковъ Премысла Отакара, Брячиславъ. Нѣмецкое народное чувство воспламенилось при одной мысли о возможности избранія чешскаго короля въ нѣмецкіе короли и римскіе императоры: если въ Нѣмечинѣ имѣется много своихъ князей и графовъ, зачѣмъ возвысить Славянина въ императоры,—такъ разсуждали тогда Нѣмцы, и избрали въ короли графа Габсбургскаго Рудольфа. Одинъ нѣмецкій стихотворецъ того времени, Энгельбертъ (позже абатъ адмонтскій), написалъ, по желанію химскаго епископа Іоанна, канцлера короля Рудольфа, стихи объ избраніи послѣдняго, прославляя его какъ истребителя славянскихъ роговъ надменнаго царства [2]).

Король Премыслъ II Отакаръ благоволилъ къ Нѣмцамъ, поддерживалъ нѣмецкую колонизацію въ Чехіи и Моравіи, такъ что возбуждалъ неудовольствіе и громкія порицанія среди чешскихъ патріотовъ [3]). Но не смотря на это король Премыслъ не могъ

---

[1]) Sachsenspiegel однако оспариваетъ право чешскаго короля выбирать нѣмецкаго короля, такъ какъ онъ не Нѣмецъ—dat he nicht düdesch n' is.

[2]) Cum in Alemannia plures principes et comites habeamus, quare vellemus Sclavum ad imperium sublimare? (Sifridus presbyter Misnensis ad a. 1274, см. Palacký Dějiny národu českého II, 1, p. 101—102). Энгельбертъ пишетъ о своемъ стихотвореніи вѣнскому схоластику Ульриху, приводя его начало: Sclavica qui tumidi confregit cornua sceptri; самое стихотвореніе утрачено. (Pez: Thesaurus anecdotorum novissimus I, 1, p. 432).

[3]) См. рѣзкій отзывъ о Премыслѣ т. н. Далимила (Fontes rerum bohem. III. 192—195), и чешскую Alexandreis (по изд. Гатталь и Патеры, 77—78.)

не чувствовать себя Чехомъ и Славяниномъ, и не сознавать опаснаго положенія своего народа такъ сказать въ пасти враждебнаго Славянамъ нѣмецкаго народа. Онъ понималъ всю важность соединенныхъ силъ обоихъ смежныхъ славянскихъ государствъ, чешскаго и польскаго, желалъ жить въ неразрывной дружбѣ и союзѣ съ польскими князьями, особенно съ родственнымъ княземъ краковскимъ и сандомирскимъ, Болеславомъ, соединить Чехію и Польшу какъ двѣ стѣны въ одну, и былъ готовъ защищать польскія земли противъ всѣхъ враговъ, особенно противъ „схизматиковъ“ (Русскихъ) и язычниковъ; свои же успѣхи въ Прусіи приписывалъ ходатайству св. Станислава, патрона польскаго. Премыслъ возставалъ противъ притѣсненій, которыя въ Чехіи и Польшѣ причиняются монахамъ „славянскаго языка“ монахами нѣмецкими на позоръ и въ ущербъ „нашему королевству и народу славянскаго языка“; а супруга Премысла, галичско-русская княжна Кунигунда, упрекала абатису требницкаго монастыря въ Слезіи, Агнесу, происходившую отъ польско-слезскихъ князей, что она, хотя изъ крови чешской и польской, благопріятствуетъ нѣмецкимъ монахамъ въ ущербъ монахамъ своего языка, и желала, чтобъ она помогала скорѣе монахамъ „нашего и вашего языка“. [1])

Король Премыслъ скоро убѣдился, что ненависть Нѣмцевъ противъ Славянина короля поведетъ къ роковымъ для него послѣдствіямъ, и что Нѣмцы, во главѣ ихъ вновь избранный нѣмецкій король Рудольфъ Габсбургскій, не стерпятъ сильнаго чешско-славянскаго государства въ Германіи. Во время этой опасности чешскій король особенно живо припомнилъ себѣ часто повторяемыя мысли о необходимости соединенія силъ обоихъ западно-славянскихъ народовъ, Чеховъ и Поляковъ противъ „ненасытной

---

[1]) См. Regesta Bohemiae et Moraviae, II. p. 27, 987, 1077, 1078. Срв. Палацкаго Dějiny národu českého II. 1. p. 163. Мысль о католической пропагандѣ чешскаго короля среди Татаръ, Литвы и „неутвержденныхъ Русскихъ“ встрѣчается тоже въ чешской Александреидѣ (по изд. Гатталы и Патеры, стр. 77).

пасти Нѣмцевъ — insatiabiles hiatus Teutonicorum". Готовясь къ послѣдней роковой борьбѣ съ Рудольфомъ Габсбургскимъ (1278), чешскій король взывалъ къ польскимъ князьямъ о помощи противъ общаго врага Славянъ; онъ имъ напоминалъ, что между всѣми народами міра нельзя найти болѣе тѣснаго родства, какъ между Поляками и Чехами, такъ какъ ихъ соединяетъ не только непосредственное сосѣдство, а тоже общій языкъ, общее происхожденіе и общая кровь, будто они проистекли изъ одной и той же жилы. По этому между ними была и должна быть любовь, такъ что успѣхъ и счастье однихъ должны служить утѣшеніемъ для другихъ. Онъ всегда радовался успѣхамъ Поляковъ и по этому и надѣется на ихъ участіе и помощь въ предстоящей ему борьбѣ съ нѣмецкимъ королемъ Рудольфомъ. А помочь необходимо: ибо въ случаѣ пораженія чешскаго короля, уничтоженія чешскаго бастіона и порабощенія Чеховъ, ненасытная пасть Нѣмцевъ растянулась бы и въ Польшу, и ихъ дерзкая алчность бросилась бы на ненавистный имъ народъ польскій, поработила, разграбила и погубила бы тоже его. По этому —кончаетъ чешскій король — необходимо Полякамъ, уже въ виду собственной безопасности, вооружиться на помощь соплеменнымъ Чехамъ [1]).

---

[1]) См. „Славяне" т. II, стр. 25. Grünhagen (Regesten zur schlesischen Geschichte in Codex diplomat. Silesiae VII. 237, его же Geschichte Schlesiens, Gotha 1884, I. b. 36) считаетъ это письмо подложнымъ, „eine Stilübung eines czechischen Notars aus dem 14 Jahrhundert." Письмо, дѣйствительно, можетъ показаться страннымъ, если вспомнимъ, что оно относится къ князьямъ Слезіи (называемой и въ Чехіи еще долго Польшею), которые уже тогда сильно онѣмечивались (вратиславскій князь Генрихъ былъ нѣмецкій Minnesinger); но съ другой стороны самое письмо, вышедшее изъ королевской канцеляріи, могло имѣть въ виду вообще польскихъ (а не только польско-слезскихъ) князей; антинѣмецкое движеніе замѣчалось тогда и въ Польшѣ (см. „Славяне" т. II, стр. 74) и въ Чехіи (срв. чешскія лѣтописи, Александреисъ и др. памятники зараждающейся чешской литературы): да самъ король Премыслъ, не смотря на свое расположеніе къ Нѣмцамъ, сознавалъ очень хорошо свое славянское происхожденіе. Письмо короля Премысла находится въ двухъ ру-

Но, къ сожалѣнію, сосѣдняя Польша, раздробленная и слабая, не была въ состояніи оказать дѣятельную помощь королю Премыслу. Польскіе князья, если и поняли этотъ раздирающій крикъ соплеменнаго короля чешскаго, все-таки не вняли ему; на помощь прибыли только польско-слезскіе князья Генрихъ вратиславскій, Владиславъ опольскій и Генрихъ глоговскій. Помощь была незначительна и не могла остановить гибели Премысла [1]). Пророчество чешскаго короля сбылось: „ненасытная пасть и дерзкая алчность Нѣмцевъ“ водворила свою столицу и на среднемъ Дунаѣ и въ Альпахъ. Съ тѣхъ поръ австрійскіе Габсбурги давали чувствовать свою силу и Чехамъ и Полякамъ и южнымъ Славянамъ, ставши въ одни ряды съ другими проводниками „нѣмецкаго стремленія на славянскій востокъ“, съ герцогами саксонскими, маркграфами мишенскими и бранденбургскими, и съ тевтонскимъ орденомъ.

Чешское государство скоро послѣ паденія Премысла оправилось вновь, и молодой чешскій король Вячеславъ II Премысловичъ обращалъ на себя вниманіе многихъ Поляковъ. Казалось,

---

кописныхъ сборникахъ XIV в., содержащихъ письма короля Премысла, вѣнской придворной библіотеки N-ro 3143 (издалъ Dolliner: Codex epistolaris Primislai Ottocari, 1803), и краковской Ягайловской библіотеки N-ro 439 (срв. Wisłocki: Katalog rękopisów bibl. uniwers. Jagielloń.).

[1]) См. Grünhagen: Geschichte Schlesiens, I. 97. Продолжатель хроники Косьмы говоритъ: Nobiliores multi Bohemiae, Moraviae et Poloniae capiuntur ab eis (exercitibus Rudolfi), circumdati ex omni parte et velut sues in stabulo conclusi etc. (Fontes rerum bohem. II. 331). Оттокаръ Горнекъ въ своей хроникѣ (гл. 140, 146, Pez: Scriptores rerum austriacarum III) разсказываетъ разныя подробности о Полякахъ въ войскѣ Премысла, о присутствіи не только князей слезскихъ (вратиславскаго, глоговскаго, опольскаго, ратиборскаго), а тоже польскихъ (польскаго, калишскаго, серадзскаго, поморскаго), которые однако въ то время не существовали (Казимиръ польскій, Лестько ратиборскій); уже по этому разсказъ Горнека нельзя считать достовѣрнымъ, не говоря о романическомъ характерѣ всего повѣствованія этого нѣмецко-австрійскаго хрониста.

что въ концѣ XIII в. осуществятся давнишніе планы чешскихъ Болеславовъ и Брячислава, польскаго Болеслава Храбраго, что оба западно-славянскія государства, чешское и польское, соединятся въ одно подъ скипетромъ Вячеслава, и что образуется въ средней Европѣ сильное славянское государство по берегамъ Волтавы, Моравы, Одры и Вислы, отъ Шумавы и Карпатовъ до балтійскаго моря. Въ 1291 г. признали короля Вячеслава своимъ государемъ князья верхней Слезіи, и Малополяне въ земляхъ краковской и сандомирской; нѣсколько лѣтъ спустя (1300) призвали Вячеслава, короля чешскаго и князя краковскаго и сандомирскаго, и Великополяне на королевскій столъ польскій; Вячеславъ женился на дочери польскаго короля Премысла, Елисаветѣ, и вѣнчанъ въ Гнѣзнѣ въ короли польскіе. При этомъ избраніи чешскаго короля Вячеслава въ польскіе, Поляки имѣли въ виду не только его могущество и богатство, а тоже одно происхожденіе Чеховъ и Поляковъ славянскаго языка; ибо тѣ, кто говорятъ на одномъ языкѣ, соединяются болѣе тѣсными узами любви [1]). Но это соединеніе Чехіи и Польши было непродолжительно; послѣ преждевременной смерти короля Вячеслава II (1305) и его

---

[1]) Современный лѣтописецъ збраславскій (чешскаго монастыря въ Збраславлѣ — Aula regia) разсказываетъ, что польскіе паны dixerunt: Rex Wenceslaus inclitus praepotens est, auctor et amator pacis est, thesauros plurimos habet, terras fere in circuito nostro omnes possidet, unde optime ab hostium incursibus nos defendet. Regi etiam isti... Elizabeth virginem, nostri regis unicam filiam et haeredem, offeremus uxorem; sic erit Bohemis et nobis unus rex et communis convivendi amicabilis lex. Convenient enim in rege et sub uno gaudebunt principe, qui non multum dissonant in idiomate slavicae linguae. Nam qui idem linguagium locuntur, plerumque amoris se arcioris nexibus complectuntur. Visus est bonus sermo iste in oculis multitudinis universae etc. (Fontes rerum bohem. IV. 81). О вѣнчавшемъ Вячеслава гнѣзенскомъ архіепископѣ Яковѣ Свинкѣ разсказываетъ тотъ же збраславскій лѣтописецъ, происхожденіемъ Нѣмецъ, что онъ „tam acer Theutonicorum aemulus erat, quod ipsos solum canina capita nominare solebat;“ такъ онъ назвалъ одного нѣмецкаго епископа говорившаго тогда проповѣдь въ Гнѣзнѣ въ присутствіи новаго короля, которому однако это не понравилось.

юнаго сына Вячеслава III, послѣдняго Премысловича (1306), только что состоявшееся политическое единство чешско-польское прекратилось. Преемникамъ чешскихъ Премысловичей нечего было думать о Польшѣ, гдѣ укрѣпился давнишній противникъ Вячеслава II, Пястовичъ Владиславъ съ прозвищемъ Локотокъ. Только титулъ „король польскій", который чешскіе короли употребляли еще тридцать лѣтъ (до 1335 г.), указывалъ на неудавшійся планъ образованія одного западно-славянскаго государства.

Тяготѣніе онѣмеченной Слезіи къ онѣмечивающейся Чехіи, начавшееся уже со второй половины XIII в., кончилось присоединеніемъ ея къ чешскому государству при королѣ Іоаннѣ Люксенбургскомъ (1327). Это отчужденіе Слезіи отъ Польши было большимъ несчастіемъ для западнаго Славянства вообще, и надо сожалѣть о томъ, что Польша въ послѣдствіи не стремилась энергически къ новому пріобрѣтенію отчужденной ей части, хотя представлялся къ этому случай въ первой половинѣ XV в. и въ началѣ XVII вѣка. Слезія, во время ея присоединенія къ чешской коронѣ, была, правда, земля по большей части онѣмеченная: князья Пястовичи, шляхта, духовенство, мѣщанство и простой народъ въ нижней Слезіи — всѣ были онѣмечены или прямо нѣмецкіе [1]). Только въ верхней Слезіи, въ княжествахъ опольскомъ, ратиборскомъ, бытомскомъ, козельскомъ, тѣшинскомъ, освѣтимскомъ, заторскомъ, сѣверскомъ — послѣднія три мелкія княжества пріобрѣтены около половины XV в. Польшею—остался народъ польскимъ, и тамошніе князья назывались нерѣдко польскими. Это обстоятельство—во время и въ слѣдствіе національнаго чешско-гуситскаго движенія—повліяло и на верхне-слезскихъ князей, шляхту, и отъ части на города и духовенство, такъ что

---

[1]) Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ орудій онѣмеченія Слезіи было духовенство. Еще въ концѣ XV в. вратиславскій епископъ Іоаннъ строго приказываетъ подданнымъ поселянамъ одного села, Полякамъ, научиться, въ теченіи пяти лѣтъ, по-нѣмецки; иначе будутъ прогнаны. (Tzschoppe u. Stenzel: Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte in Schlesien, p. 622).

съ тѣхъ поръ польско-славянская народность въ верхней Слезіи ожила и примкнула къ чешскому языку [1]. Но вообще говоря, Слезія, какъ коронная земля чешская, представлялась какъ земля не польская, а нѣмецкая, гдѣ господствовалъ языкъ нѣмецкій. Чехія не могла уже ни Лужицамъ ни Слезіи возвратить прежняго характера славянскаго. Польша же не заботилась о пріобрѣтеніи Слезіи; а между тѣмъ Польшѣ XV—XVII вѣковъ, въ случаѣ присоединенія къ ней всей или по крайней мѣрѣ большей части Слезіи, навѣрное удалось бы втиснуть вновь польско-славянскій характеръ этой западной отчинѣ Пястовичей, какъ это ей удалось въ другой, тоже на время отчужденной польской землѣ, въ Поморьѣ.

Чешскій король, авантюристъ Нѣмецъ Іоаннъ Люксенбургскій, не могъ, конечно, поддержать дружескихъ сношеній обоихъ западно-славянскихъ народовъ, чешскаго и польскаго; вѣдь сами Чехи одно время говорили, что король хочетъ прогнать изъ Чехіи Чеховъ и заселить ихъ мѣста Нѣмцами [2]. Король Іоаннъ, называясь королемъ польскимъ (до 1335 г.), дѣйствовалъ постоянно какъ врагъ Польши и ея короля Владислава Локотка, отнялъ у нея на всегда Слезію, заявлялъ притязанія на Мазовію, покровительствовалъ и помогалъ лютѣйшему врагу Польши и всего Славянства, нѣмецкимъ крестоносцамъ (тевтонскому ордену), да подарилъ имъ Поморье; а въ Слезіи поддерживалъ нѣмецкое духовенство противъ польскаго [3]. Лучше стали отношенія Че-

---

[1]) О чешскомъ языкѣ въ Слезіи см. обширно ниже.

[2]) См. Палацкаго Dějiny národu česk. II. 1. p. 431.

[3]) См. Grünhagen: K. Johann v. Böhmen u. Bischof Nanker von Breslau (Sitzungsberichte der k. Akademie, Wien, Bd. 47). Въ этомъ спорѣ вратиславскаго епископа и капитола на сторонѣ Нанкера, Поляка, стояло польское меньшинство капитола, и съумѣло и папскому легату внушить свою ненависть къ Нѣмцамъ; онъ на пр. пишетъ папѣ, что „in omnibus civitatibus regni Poloniae, in quibus Teutonici dominantur, omnia jura sedis apostolicae et vestrae camerae quasi depereunt in totum,“ т. е. въ епархіяхъ вратиславской, каменской, любушской и хелменской. (Theiner: Monumenta historica Poloniae I. 392).

хіи и Польши при преемникѣ Іоанна, императорѣ римско-нѣмецкомъ и королѣ чешскомъ Карлѣ (IV); онъ и польскій король Казимиръ Владиславовичъ часто увѣряютъ другъ друга въ своей дружбѣ и любви. Карлъ отказался отъ притязаній на Мазовію, и отъ всякой поддержки тевтонскаго ордена противъ Польши. Въ сношеніяхъ и встрѣчахъ Карла и Казимира, правда, не обнаруживается прямо моментъ славянскій; но едва-ли можно сомнѣваться, что оба славянскіе короли сознавали свое племенное родство. Карлъ не разъ съ гордостью указываетъ на свое славянское происхожденіе, равнымъ образомъ какъ и на славянское происхожденіе своего чешскаго народа; Славяниномъ онъ называетъ себя въ сношеніяхъ съ другимъ славянскимъ государемъ того времени, сербскимъ царемъ Стефаномъ Душаномъ, и славянское сознаніе Карла является особенно сильно въ дѣлѣ объ основаніи славянскаго монастыря въ Прагѣ [1]). Любопытно, что Карлъ нашелъ въ этомъ подражателя среди слезскихъ князей: въ 1380 г. олешницкій и козельскій князь Конрадъ основалъ въ Олешницѣ монастырь славянскихъ бенедиктинцевъ (fratrum Sclavorum—Brüder der Wenden), призванныхъ изъ Праги, который однако, подобно пражскому и краковскому, уже въ XV вѣкѣ упалъ [2]).

О болѣе тѣсномъ соединеніи Чехіи и Польши нельзя было уже подумать: оба государства разошлись уже слишкомъ и каждое изъ нихъ пошло по своему особенному пути. Чехія, король которой былъ тоже императоромъ-королемъ римско-нѣмецкимъ, представляла государство на половину славянское, на половину нѣмецкое: изъ коронныхъ земель чешскихъ Бранденбургъ и чешская часть Пфальца были земли нѣмецкія, Слезія и Лужицы, хотя въ нихъ жило еще значительное число славянскаго, польскаго

---

[1]) См. „Славяне,“ т. II, стр. 29, 541.

[2]) См. замѣтку Ваттенбаха въ Zeitschrift des Vereins für Geschichte u. Alterthum Schlesiens (1860, III. p. 206). Изъ абатовъ монастыря извѣстенъ только Ulricus ordinis S. Benedicti fratrum Sclavorum (a. 1385).

и сербскаго населенія, представлялись тоже какъ земли нѣмецкія; въ самой Чехіи и Моравіи Нѣмцы въ городахъ и въ новомъ пражскомъ университетѣ господствовали, но чувствовали уже все усиливающійся отпоръ со стороны чешской шляхты, которая не пошла по слѣдамъ онѣмеченной шляхты лужицкой и слезской, а, опираясь на чешско-славянскій народъ, являлась защитникомъ чешской и славянской народности, къ которой признавались сами короли Карлъ и его сынъ Вячеславъ IV. Политика чешскихъ королей, вмѣстѣ съ тѣмъ императоровъ-королей римско-нѣмецкихъ, не могла быть анти-нѣмецкою, въ собственной Германіи, и тоже въ отношеніяхъ тевтонскаго ордена или прусско-нѣмецкихъ крестоносцевъ [1]) къ Польшѣ: по этому и король Вячеславъ благоволилъ къ этому страшному бичу Славянства, а король Сигизмундъ стоялъ совсѣмъ на его сторонѣ. Такимъ образомъ чешское государство, первое въ римско-нѣмецкой имперіи—„решѣ" (чеш. řieše, říše, поль. rzesza, изъ нѣмецкаго Reich), погрязло глубоко въ ея политикѣ, и чешскій народъ, находясь такъ сказать въ пасти нѣмецкаго народа, могъ освободиться изъ этого положенія только въ слѣдствіе глубокаго потрясенія основъ той „реши". Другая была судьба Польши. Она, послѣ расторженія союза чешско-польскаго при двухъ послѣднихъ Премысловичахъ, напрасно выбивалась изъ силъ, чтобъ сохранить свое единство; она лишилась многихъ земель на западѣ, именно Поморья и Слезіи, и надъ нею повисъ, какъ хищный коршунъ, грозный тевтонскій орденъ, терзая ее и пріобрѣтая все новыя силы изъ Нѣмечины, поддерживаемый и чешскими королями. Польша, отраженная на западѣ, не могла уже думать о роли Болеславовъ Храбраго и Кривоустаго, обратилась на востокъ въ земли русскія и нашла здѣсь на славянскомъ востокѣ новое поприще для своей дѣятельности: завладѣвать Литвою и югозападною Русью, распространять туда свои и римско-католическіе порядки, созидать — вмѣсто

---

[1]) Чехи называли ихъ *крижовники* (křižovníci), Поляки *крижаки* (krzyżacy); но въ одной грамотѣ 1420 г. (Kodeks dyplomat. katedry krakow. II. 445) тоже *крижевники* (krzyżewnicy).

погибшей Польши по Одрѣ новую Польшу на востокѣ по Нѣману, Двинѣ и Днѣпру. На осиротѣвшемъ королевскомъ престолѣ польскихъ Пястовичей возсѣла уже не королевская династія чешская, не слезскіе Пястовичи, а литовско-русскій княжескій родъ Гедимина въ лицѣ Ольгердовича Ягайла Якова Владислава (1386). Такимъ образомъ ославянившимся Гедиминовичамъ, Ольгердовичамъ, Кестутьевичамъ и Ягайловичамъ, выпала на долю важная задача: собирать силы Славянства и защищать его противъ „ненасытной пасти Нѣмцевъ“, задача черезъ-чуръ трудная, оказавшаяся не по силамъ и не по уму новымъ повелителямъ Поляковъ, Литовцевъ и югозападныхъ Русскихъ.

2. *Гуситское движеніе, національное чешское и славянское. Общіе враги Чеховъ, Поляковъ, Литовцевъ и Русскихъ — Нѣмцы въ Германіи и тевтонскій орденъ (нѣмецкіе крестоносцы въ Прусіи). Чешскіе гуситы и польскій король Владиславъ Ягайло, великій князь литовско-русскій Александръ Витовтъ, князь Сигизмундъ Корыбутовичъ, и великій князь литовско-русскій Швитригайло. Польская партія въ Чехіи въ 1437—1443 гг. Чешскія военныя роты въ Польшѣ. Короли чешскій, Юрій Подѣбрадскій и польскій Казиміръ. Ягайловичи на чешскомъ престолѣ* [1].

Высокое политическое, экономическое и культурное состояніе чешскаго государства при Карлѣ IV подготовляло чешскій

[1]) Объ исторіи Чехіи и Польши XV в. вообще см. F. Palacký: Dějiny národu českého d. III. (Dějiny doby husitské во второмъ изданіи, I. II. III., 1870—1872), IV, V; J. Caro: Geschichte Polens, III, IV, V. Объ исторіи Слезіи XV в. см. Grünhagen: Geschichte Schlesiens, I, его-же: Die Husitenkämpfe der Schlesier; срв. тоже Ermisch: Schlesiens Verhältniss zu Polen und zu K. Albrecht II, 1435 — 1439; Mittel—und Nieder-Schlesien während der königlosen Zeit 1440 — 1452 (Zeitschrift des Vereins für Geschichte u. Alterthum Schlesiens, XII. XIII.).

народъ къ великому движенію, религіозному и національному, которое возникло — по почину Іоанна Гуса — въ началѣ XV в. и повело къ громаднымъ переворотамъ въ жизни не только народа чешскаго, но и другихъ народовъ Европы. *Гуситское движеніе* не ограничилось одною областью церковною, религіозною: оно оказало свою силу и въ области политической и національной. Чехи, единственный уцѣлѣвшій на западѣ народъ славянскій, не погибли подъ окружавшимъ ихъ со всѣхъ сторонъ сильнымъ давленіемъ Нѣмцевъ, матеріальнымъ и культурнымъ; напротивъ, этотъ опасный напоръ Нѣмцевъ вызвалъ въ Чехахъ сильный отпоръ и далъ поводъ къ упорной ихъ борьбѣ съ нѣмецкимъ элементомъ въ онѣмеченныхъ городахъ и въ пражскомъ университетѣ. Чешскій національный духъ пробивалъ себѣ дорогу во всѣхъ областяхъ общественной жизни, тѣснилъ нѣмецкій элементъ въ городахъ и вытѣснилъ его — стараніемъ ректора І. Гуса — изъ университета; чешскій языкъ проникалъ все болѣе въ политическую, государственную жизнь Чехіи и Моравіи, и въ литературу, и однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей этихъ національныхъ вѣяній и стремленій былъ опять тотъ же І. Гусъ.

Чехи, продолжая свою давнишнюю борьбу съ наступающими на славянскій міръ Нѣмцами, хорошо понимали, что они народъ малый и что у нихъ однихъ не хватитъ силъ для такой тяжелой борьбы. Они, по прежнему, озирались на славянскій востокъ, на сосѣднюю Польшу, которая, въ слѣдствіе воцаренія въ ней литовско-русскихъ Ягайловичей, пріобрѣла больше силъ, и такимъ образомъ показалась Чехамъ естественною представительницею и защитницею славянскаго міра противъ ненасытной пасти Нѣмцевъ. Тамъ на сѣверовостокѣ около балтійскаго моря Польша и Литва-Русь, оба двоюродные братья король польскій Владиславъ Ягайло Ольгердовичъ и великій князь литовско-русскій Александръ Витовтъ Кестутьевичъ, и съ ними русскіе Псковичи, вели упорную борьбу съ двумя нѣмецкими рыцарскими орденами, тевтонскимъ и ливонскимъ, цѣлью которыхъ было порабощеніе славянскаго и литовскаго народовъ: словенскій языкъ корити ниже себе, плѣнити и къ себѣ въ работу створити —

какъ мѣтко опредѣлили эту борьбу русскіе лѣтописцы [1]). Миновало уже то время, гдѣ чешскіе короли Премыслъ Отакаръ II и Іоаннъ помогали нѣмецкимъ рыцарямъ истреблять прусскихъ Литовцевъ и воевать противъ Польши, Литвы и Руси; уже чешскій король Карлъ отказался отъ политики своего отца и не поддерживалъ прусскихъ рыцарей-крестоносцевъ, не смотря на то, что онъ какъ римско-нѣмецкій императоръ обязанъ былъ защищать и здѣсь на сѣверовостокѣ около балтійскаго моря интересы священной римской имперіи нѣмецкой націи, къ которой причислялись тоже нѣмецкіе рыцари-истребители народовъ славянскаго и литовскаго.

Сынъ и преемникъ Карла IV, король римско-нѣмецкій и чешскій Вячеславъ IV, пошелъ по слѣдамъ своего отца; онъ заключилъ договоръ съ польскимъ королемъ Владиславомъ (1395), обѣщая ему вооруженную помощь противъ всѣхъ непріятелей, за исключеніемъ курфюрстовъ и слезскихъ князей [2]). Этотъ договоръ короля римско-нѣмецкаго съ „краковскимъ", какъ договоръ противъ „христіанства", возбудилъ общее негодованіе нѣмецкихъ курфюрстовъ (1397), и въ числѣ причинъ, по какимъ Вячеславъ лишенъ достоинства короля римскаго (1400), приводилась и та: что онъ поддерживалъ краковскаго короля противъ прусскихъ крестоносцевъ, а краковскій король придерживается де больше язычниковъ, чѣмъ христіанъ. Общественное мнѣніе въ Нѣмечинѣ было возбуждено противъ короля Вячеслава и тѣмъ, что онъ въ роковой борьбѣ нѣмецкаго ордена съ Польшею и Литвою 1410 г. ничѣмъ не способствовалъ остановленію войны и кровопролитія [3]). Этотъ послѣдній упрекъ былъ только отъ

---

[1]) См. „Славяне", т. II, стр. 400.

[2]) Dogiel: Codex diplomaticus regni Poloniae I. 6; срв. Palacký: U ber Formelbücher II. p. 81.

[3]) Deutsche Reichstagsakten, ed. Weizsäcker, III. p. 23, 272; F ınkfurts Reichscorrespondenz, ed. J. Janssen, I p. 63, 517; Magdeb :ger Schöppenchronik, p. 329 (Die Chroniken der deutschen S dte, VII).

части вѣренъ, на сколько онъ касался дѣятельнаго вмѣшательства въ споръ между орденомъ и Польшею; въ рѣшеніи спора, возложенномъ еще на канунѣ вооруженнаго столкновенія обѣими воюющими сторонами на короля Вячеслава, этотъ благоволилъ болѣе къ ордену, чѣмъ къ Польшѣ. Рѣшеніе короля Вячеслава, говорившаго здѣсь болѣе въ качествѣ короля римско-нѣмецкаго чѣмъ чешскаго, вызвало въ средѣ польскихъ и литовскихъ пословъ прибывшихъ въ Прагу, смѣхъ и негодованіе. Когда рѣшеніе короля читалось посламъ по-нѣмецки, то они стали удаляться, говоря, что они не понимаютъ по-нѣмецки и не пришли слушать нѣмецкую проповѣдь; когда же король хотѣлъ имъ сказать то же самое по-чешски, то они извинялись, что они не понимаютъ и по-чешски; а на возраженіе короля, что оба языка, чешскій и польскій, похожи и взаимно понятны, послы отшутились, что это не такъ, а что на пр. слово *седлакъ* означаетъ по-чешски селянина, а по-польски сѣдельника. Все это, конечно, одна шутка; многіе польскіе и литовскіе послы понимали и по-нѣмецки и по-чешски, но имъ не нравился недоброжелательный для Польши и Литвы приговоръ короля чешскаго [1]). Братъ короля Вячеслава, Сигизмундъ, король угорскій и вскорѣ и римско-нѣмецкій, стоялъ рѣшительно на сторонѣ нѣмецкихъ рыцарей.

Въ 1410 г. 15 іюля, подъ Домбровною или Грюнвальдомъ и Таненбергомъ, столкнулись войско нѣмецкихъ рыцарей и войско польско-литовское, состоявшее изъ полковъ польскихъ, литовскихъ, русскихъ и татарскихъ [2]). Славянская сила преодо-

---

[1]) Длугоша Historia Polonica (ed. Cracov. IV. 2—4). Приведенное здѣсь требованіе Вячеслава: „quod regnum Poloniae amplius et de caetero nunquam ex Lituaniae aut Orientis partibus debebat sibi assumere regem, sed ex principibus Occidentis,“ — не встрѣчается въ самой грамотѣ (Lucas David: Preussische Chronik VIII. 187); оно и слишкомъ нелѣпо. Шутка съ словомъ *седлакъ* была и шуткою; и въ польскомъ языкѣ XVI в. (на пр. у Константиновича янычара и у Орѣховскаго) слово siodłak означало селянина; а сѣдельникъ по-чешски и по-польски—седларь (sedlář, siodłarz).

[2]) Особенною храбростью отличились стойкіе полки смоленскіе; см. Длугоша Hist. Polon. IV. 54.

лѣла нѣмецкую; но, къ сожалѣнію, въ слѣдствіе неохоты Витовта помогать нелюбимому имъ Ягайлу, не удалось совершенное раздавленіе ордена, чего требовали интересы Славянства. Чешскіе, моравскіе и слезскіе наемные отряды находились тогда въ обоихъ войскахъ, нѣмецкомъ и славянскомъ, представляя собою обыкновенное тогда явленіе военной службы по ремеслу, не взирая на ту или другую сторону. Но многіе Чехи прибыли къ польскому королю на службу и на помощь тоже по другимъ побужденіямъ, по желанію сражаться въ славянскомъ войскѣ противъ Нѣмцевъ. Къ такимъ чешскимъ воинамъ принадлежалъ тоже знаменитый потомъ борецъ за славянскую идею, Іоаннъ Жижка изъ Троцнова [1]).

Домбровенскій разгромъ нѣмецкихъ крестоносцевъ навелъ на всѣхъ Нѣмцевъ глубокое уныніе. Новый римско-нѣмецкій король Сигизмундъ, который еще за годъ раньше какъ угорскій король обѣщалъ помогать рыцарямъ противъ Польши въ случаѣ, если ей будутъ помогать Литовцы, Татары, Русскіе и другіе „невѣрные и схизматики“, горько жаловался на это пораженіе „крѣпкаго щита христіанства, борцовъ Христова имени“ Поляками, свирѣпыми Литовцами, Жмудяками, Русскими, Татарами и другими врагами креста и всей христіанской вѣры, и призывалъ чуть не всѣхъ христіанъ къ оружію на помощь крестоносцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настаивалъ на томъ, чтобъ король Вячеславъ воспретилъ Чехамъ, Моравянамъ и Слезакамъ отправляться на службу или на помощь къ польскому королю, чтобъ онъ отозвалъ уже отправившихся и наказалъ непослушныхъ; такіе забывшіеся не достойны своихъ христіанскихъ и шляхетскихъ

---

[1]) Длугошъ (IV. 92) разсказываетъ, что городъ Радзинъ, занятый Поляками немедленно послѣ битвы, порученъ Чеху Іоанну Соколу, любимцу короля Владислава; гарнизонъ состоялъ изъ Поляковъ и Чеховъ, inter alios Zyska Bohemus, processu temporis famosus exercituum in Bohemia ductor. По этому можно заключить, что Жижка участвовалъ въ самой битвѣ; сомнѣніе В. Томка (Jan Žižka, p. 11) не основательно. О Чехахъ въ войскахъ славянскомъ и нѣмецкомъ разсказываетъ Длугошъ.

именъ, и равняются язычникамъ: ибо — такъ разсуждаетъ по крайней мѣрѣ нѣмецкій король — помогать врагамъ нѣмецкихъ крестоносцевъ, значитъ воевать противъ бога, всего христіанства, св. церкви и священной римской имперіи. Самъ король Вячеславъ, испугавшись пораженія нѣмецкаго ордена, призывалъ своихъ подданныхъ къ оружію противъ угрожающаго-де и Чехіи новаго наѣзда Татаровъ и ихъ помощниковъ, невѣрныхъ и язычниковъ [1]).

Но всѣ эти жалобы и запрещенія не помогали. Чехи, Моравяне и Слезаки не боялись вторженія „Татаровъ“ въ ихъ родину, а продолжали отправляться въ Польшу, на службу и на помощь польскому королю, который съ своей стороны находился въ сношеніяхъ съ чешскими воинами; онъ извѣстилъ чешскаго пана Генриха изъ Розенберга, „всѣхъ милѣйшаго“, о домбровенской побѣдѣ [2]); онъ просилъ (1413) пана Вильгельма Костку изъ Поступицъ, чтобъ онъ, въ случаѣ войны съ крестоносцами, прибылъ ему на помощь, и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобъ онъ сдерживалъ тѣхъ Чеховъ, которые бы хотѣли прибыть на помощь крестоносцамъ. Да, наконецъ, самъ король Вячеславъ перемѣнилъ свой взглядъ на дѣла польско-прусскія, и строго запретилъ своимъ подданнымъ помогать нѣмецкимъ рыцарямъ. Въ войнѣ 1414 года Польши и Литвы съ орденомъ въ польскомъ войскѣ опять было много Чеховъ и Моравянъ, которыхъ нанималъ польскій панъ Завиша Чарный изъ Гарбова; въ польское войско прибылъ вспомогательный отрядъ, посланный моравскимъ гейтманомъ (старостою) паномъ Лацкомъ (Ладиславомъ) изъ Краварь, и нѣсколько слезскихъ князей. Среди слезскихъ князей замѣчалось раздво-

---

[1]) Raczyński: Kodeks dyplomatyczny Litwy, 108, Scriptores rerum prussicarum III. 403, Janssen: Frankfurts Reichscorrespondenz I. 238, Palacký: Dějiny doby husitské I. 171. Сигизмундъ особенно негодовалъ на то, что въ разгромѣ Нѣмцевъ участвовали тоже Русскіе, Литовцы и Татары, а рядомъ съ ними и Чехи.

[2]) Объ этомъ письмѣ вспоминаетъ Бальбинъ: Epitome historica rerum bohem., 422.

еніе: одни благопріятствовали ордену, другіе же, именно не столь онѣмеченные верхне-слезскіе, Польшѣ [1]).

Религіозно-національное движеніе Чеховъ все усиливалось. Враги его, преимущественно Нѣмцы, клеймили его позорнымъ тогда словомъ „ереси“, и Іоаннъ Гусъ и его приверженцы возбуждали внѣ Чехіи, именно среди Нѣмцевъ, все большую ненависть какъ „Чехи“ и „еретики“. Гусъ, занимаясь своимъ роднымъ чешскимъ языкомъ, обращалъ вниманіе и на другіе славянскіе языки [2]); онъ зналъ хорватскихъ монаховъ въ пражскомъ славянскомъ монастырѣ, польскихъ, литовскихъ и русскихъ студентовъ. Гусъ, конечно, искалъ приверженцевъ своихъ мнѣній и внѣ Чехіи, особенно на славянскомъ востокѣ; онъ былъ въ перепискѣ съ польскимъ королемъ, писалъ ему о духовныхъ вопросахъ, именно о симоніи и о его — Гуса — борьбѣ противъ этого порока, за что-де духовенство называетъ его еретикомъ; когда одинъ вѣнскій професоръ, Іоаннъ Зибартъ, называлъ еретиками не только Чехію, но тоже Польшу, славянское королевство (Slavorum regnum), то Гусъ упрекаетъ за это Зибарта рѣзкими словами [3]). Когда же Гусъ находился въ Констанцѣ на церков-

---

[1]) Raczyński: Codex diplomat. Lituaniae, 170; A. Prochaska: Codex epistolaris Vitoldi, p. 290, 293, 330, 1040 (Cracoviae 1882, in Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, t. VI); Длугоша Hist. Polon. IV, 171. Росписки (латин.) 1415—1416 гг. многихъ чешскихъ воиновъ служившихъ въ польскомъ войскѣ, Семечки изъ Семчицъ, Оты изъ Робоусъ, Станислава изъ Доброй Воды, Буковца, Жака, Гуса и др., хранятся въ главномъ архивѣ варшавскомъ.

[2]) Срв. т. II. стр. 48.

[3]) Письма (1412—1413 гг.) Гуса въ сб. Палацкаго Documenta mag. J. Hus, 30, 63. Slavorum regnum здѣсь очевидно Польша, а не Литва и Русь, какъ кажется Гильфердингу (Гусъ и его отношеніе къ православной церкви, 21). Этотъ Зибартъ вообще называлъ еретиками не только Чеховъ, Іеронима Пражскаго и пражскихъ студентовъ, но тоже нѣкоторыхъ загребскихъ клериковъ; см. Documenta J. Hus, 512, и нашъ II. Отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границею 1888 г., стр. 27.

номъ соборѣ, обвинялся и судился за „ересь“, то онъ пользовался симпатіями пребывавшихъ тамъ Поляковъ; за него ходатайствовали, кромѣ чешскихъ пановъ, и многіе „вѣрные паны польскаго королевства“—какъ говоритъ Гусъ—, именно оба посла короля Владислава, Янушъ изъ Тулишкова и Завиша Чарный изъ Гарбова, паны Балицкій, Дунинъ, Борута (Борота) и др. Поляки посѣщали Гуса въ тюрмѣ; у него былъ слуга Полякъ, и самъ онъ признаетъ, что на соборѣ не было у него другого пріятеля, кромѣ бога и одного польскаго доктора [1]). Вѣрный другъ Гуса, магистръ Іеронимъ Пражскій, который побывалъ въ западной и средней Европѣ, отправился въ началѣ 1413 г. на славянскій востокъ, въ Польшу и Литву, вѣроятно тоже съ цѣлью распространять новыя мнѣнія гуситскаго реформаціоннаго движенія; можетъ быть, что король Владиславъ и великій князь Александръ Витовтъ дѣйствительно его пригласили къ себѣ — какъ онъ самъ утверждалъ—посовѣтоваться о нѣкоторыхъ церковныхъ вопросахъ. Въ Краковѣ ученый Іеронимъ надѣлалъ своими рѣчами много шуму среди духовенства и народа, и возбудилъ недовольство краковскаго епископа Войтѣха Ястрембца, который съ ироніею замѣтилъ, что Іеронимъ можетъ трудиться только на своей родинѣ, между тѣмъ какъ простенькій народъ Польши, Литвы и Руси не въ состояніи понять мнѣнія такого философа [2]). Іеронимъ отправился дальше на Литву и Русь, къ великому князю Александру Витовту, который интересовался соединеніемъ церквей западной и восточной, и совѣщался съ Іеронимомъ о нѣкоторыхъ вопросахъ церковныхъ, на пр. нужно-ли вновь крестить православныхъ присоединяющихся къ католической церкви. Въ земляхъ русскихъ Іеронимъ относился очень дружелюбно къ православной вѣрѣ, и возбуждалъ этимъ негодо-

---

[1]) См. Письма Гуса и разсказъ Петра изъ Младеновицъ въ сборникѣ Documenta J. Hus.

[2]) Terra nostra ad semen suum videtur esse arida capiendum et fructum afferendum, eo quod simplex plebicula tanti philosophi dogmata comprehendere non valet, et multo minus terrae Lituanorum et Russiae. См. Палацкаго Documenta J. Hus, 506, срв. 63, 512.

ваніе и гнѣвъ католическаго духовенства. Это поведеніе Іеронима въ Польшѣ, Литвѣ и Руси, и неменѣе его дѣятельность въ Чехіи возбуждали повсюду большой шумъ въ католическомъ мірѣ, особенно среди Нѣмцевъ, которые—какъ замѣтилъ Гусъ— стали подозрѣвать въ „ереси" даже „славянское королевство," Польшу. Поведенія Іеронима въ славянскихъ странахъ не забыли ему и его враги на соборѣ констанцскомъ [1]).

Іоаннъ Гусъ и Іеронимъ Пражскій сожжены въ Констанцѣ какъ „еретики" (1415, 1416). Констанцскіе костры зажгли однако страшный пожаръ чуть не на всю Европу; его зарево воспламенило въ чешскомъ народѣ національное чувство до крайности и ярко освѣщало поднимающуюся съ небывалой силой славянскую идею, которая охватила Чеховъ, Поляковъ и юго-западныхъ Русскихъ. Страшныя проклятія посыпались со стороны всей римско-католической іерархіи и духовенства на приверженцевъ Гуса на Чеховъ „еретиковъ;" а самыя страшныя проклятія — отъ Нѣмцевъ; изъ ихъ рядовъ раздавались свирѣпые крики „hus, hus, kacer!" и они скоро не разбирали, былъ-ли Чехъ „гусъ, еретикъ" или правовѣрный католикъ; ненавистное для Нѣмцевъ имя Чеха Славянина сдѣлалось у нихъ синонимомъ имени „еретикъ," самаго позорнаго тѣхъ временъ. Сами чешскіе католическіе священники и професора, убѣгая изъ родины отъ распространяющагося здѣсь гуситства, обратились въ Польшу, такъ какъ они знали, что всюду на свѣтѣ ихъ ненавидѣли по поводу ихъ славянскаго или чешскаго языка [2]).

---

[1]) См. Гильфердинга: Гусъ, его отношеніе къ православной церкви, 16—20.

[2]) Длугоша Liber beneficiorum dioecesis Cracov. III. 79—82. Въ числѣ этихъ чешскихъ бѣглецовъ былъ тоже монахъ Іеронимъ изъ Праги, который отправился потомъ изъ Польши на Литву, пріобрѣлъ расположеніе Витовта и обращалъ язычниковъ въ христіанство. Срв. о немъ Энея Сильвія, знавшаго его лично, Historia de Europa, cap. 26. Позже базельскій соборъ пригласилъ его какъ Чеха спорить съ гуситскими послами; онъ написалъ тогда Tractatus contra Bohemorum quatuor articulos, quem edidit et compilavit frater Je-

Заточеніе и сожженіе Гуса и Іеронима, брошенное въ нихъ и ихъ приверженцевъ позорное клеймо „еретиковъ", ихъ преслѣдованіе, приводили Чеховъ въ неописанное волненіе и негодованіе. Они все это считали позоромъ и поруганіемъ не только чешскаго языка (народа), а тоже языка славянскаго вообще: všecka koruna česká i jazyk słovenský jest pohaněn, ad imponendam maculam genti nostrae bohemicae et moravicae ac totius linguae slavonicae indelebilem et offensam — вотъ что раздается въ 1415 году изъ рядовъ моравскаго панства (во главѣ ихъ Лацекъ изъ Краварь) и пражскаго университета, обращающагося къ тому же Лацку Краварскому [1]).

Противъ еретическихъ Чеховъ римскій папа и римско-нѣмецкій и угорскій король Сигизмундъ, этотъ убійца Гуса и Іеронима и наибольшій врагъ и клеветникъ чешскаго народа — какъ его называли Чехи — вели вооруженныя силы почти изъ всѣхъ народовъ Европы, преимущественно Нѣмцевъ [2]). Самое существованіе малаго чешскаго народа сдѣлалось вопросомъ, и Чехамъ угрожала судьба истребленныхъ Нѣмцами Славянъ полабскихъ и балтійскихъ. Чехи знали, что когда-то ихъ сосѣдями на сѣверѣ и западѣ не были Нѣмцы, а Славяне, ихъ народъ, истребленный господствующими Нѣмцами, на Рейнѣ и въ Мишнѣ, въ балтійскихъ странахъ въ Прусіи подъ владычествомъ крестоносцевъ; они видѣли, что и другіе Нѣмцы, господствующіе въ коронныхъ земляхъ чешскихъ Слезіи и Лужицахъ, земляхъ отъ части еще славянскихъ, стали ихъ заклятыми врагами; они

---

ronymus de Praga, s. paginae confessor, in universali synodo et concilio Basiliensi sub a. d. 1433 in die s. Gregorii papiasza (рукопись въ краковской библіотекѣ Ягайловской, по каталогу Вислоцкаго № 385, срв. № 1487). Соборъ назначилъ Іеронима посредникомъ между польскимъ королемъ Владиславомъ и нѣмецкимъ орденомъ; срв. ниже.

[1]) Палацкаго Documenta M. J. Hus, 547, 561, Archiv český III. 183.

[2]) Срв. хронику Лаврентія изъ Брезовой (Höfler: Geschichtschreiber der husit. Bewegung I. 374), и Палацкаго Dějiny doby husit. I. 387, 428.

видѣли, что и Нѣмцы мѣщане въ городахъ Чехіи и Моравіи стали во враждебномъ лагерѣ короля Сигизмунда, а этотъ король, считавшій себя наслѣдникомъ чешскаго престола, высказался-де въ такомъ смыслѣ, что онъ чешское возстаніе подавитъ во что бы ни стало, если даже долженъ будетъ заселить чешскія земли другимъ народомъ [1]). Чехи гуситы хорошо поняли, что въ предстоящей борьбѣ дѣло идетъ не только объ истребленіи чешскихъ „еретиковъ", а тоже объ истребленіи Нѣмцамъ ненавистнаго народа чешскаго, славянскаго. По этому и Пражане въ самомъ началѣ борьбы призывали къ оружію всѣхъ вѣрныхъ Чеховъ защищать родину, по примѣру храбрыхъ праотцевъ, съ помощью бога и чешскаго „дѣдича" (государя) св. Вячеслава, противъ „природныхъ нашихъ враговъ Нѣмцевъ, которые безъ всякой причины всегда злятся на нашъ народъ, и какъ нашему народу сдѣлали на Рейнѣ, въ Мишнѣ и Прусіи и его прогнали, такъ и намъ намѣреваются сдѣлать и занять мѣста прогнанныхъ" [2]). Внутренніе враги, нѣмецкіе мѣщане въ городахъ, упорные противники чешской „ереси," но и чешскаго народа, скоро должны были бѣжать, оставивъ города, въ ихъ главѣ Прагу, въ рукахъ Чеховъ гуситовъ. Но внѣшніе враги, преимущественно Нѣмцы изъ „реши," все предпринимали крестовые походы противъ чешскихъ „еретиковъ." Эти послѣдніе, храбро защищая „законъ божій" и свой народъ, свою родину, развили у себя военное искуство, благодаря геніальному полководцу, Іоанну Жижкѣ изъ Троцнова, тому самому, который сражался въ польскомъ войскѣ подъ Домбровною противъ Нѣмцевъ, и былъ и остался приверженцемъ Поляковъ и нѣкоторыхъ ихъ обычаевъ. Жижка, славный полководецъ, отецъ новой стратегіи, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ новыхъ идей: онъ сражался — какъ самъ говоритъ въ своемъ военномъ уставѣ (1423) — „за освобожденіе правды закона

---

[1]) Срв. письмо Пражанъ Венеціанцамъ 10 іюля 1420 г. у Палацкаго Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges (Prag 1872) I. 42.

[2]) Archiv český III. 213. Срв. выше стр. 9.

божія, особенно же народа чешскаго и славянскаго — pro osvobozenie pravdy zákona božieho. a zvláště jazyka českého i slovenského [1]).

Чехи гуситы, находясь въ столь затруднительномъ и опасномъ положеніи — опять въ той ненасытной пасти Нѣмцевъ — обратили свои взоры на сосѣднее „славянское королевство,“ на Польшу и соединенную съ нею Литву. Оттуда они надѣялись получить помощь противъ тѣхъ же Нѣмцевъ, съ которыми давно боролось и то славянское государство, съ которыми воевали и многіе Чехи и Моравяне подъ Домбровною и на другихъ побоищахъ прусскихъ. Изъ этого славянскаго королевства Чехи надѣялись получить—вмѣсто ненавистнаго Сигизмунда—и славянскаго короля и возложить на его голову корону св. Вячеслава. Гусъ и Іеронимъ и многіе чешскіе и моравскіе воины находились въ болѣе или менѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ Поляками, а Іеронимъ даже съ Русскими. Если Польша и Литва, по словамъ краковскаго епископа Войтѣха, не были столь благодарною почвою для воспринятія новыхъ идей, какъ Чехія: то все-таки Поляки и Русскіе и примкнувшіе къ тѣмъ или другимъ Литовцы питали живыя симпатіи къ своимъ западнымъ соплеменникамъ. Да многіе Поляки и Литовцы и Русскіе не смотрѣли и на религіозное движеніе гуситское глазами польско-литовской католической іерархіи какъ на „ересь,“ и показали это вскорѣ и на дѣлѣ; въ Городнѣ же, во владѣніяхъ Витовта, могъ одинъ чешскій шляхтичъ, въ присутствіи дворянъ великаго князя, безнаказанно назвать І. Гуса святымъ и рѣзко порицать констанцскій соборъ за то, что онъ несправедливо сжегъ Гуса какъ еретика [2]).

Государи славянскаго востока, оба двоюродные братья польскій король Владиславъ Яковъ Ягайло и великій князь ли-

---

[1]) Уставъ напечатанъ въ сборникѣ Výbor z literatury české II. 278. См. Палацкаго Dějiny doby husitské II. 211—212, и В. Томка Jan Žižka, p. 208.

[2]) См. письмо дерптскаго епископа (16 мая 1417) Витовту въ Codex epistolaris Vitoldi, p. 382.

товско-русскій Александръ Витовтъ, хотя происхожденіемъ не Славяне, а Литовцы, все-таки давно примкнули къ славянской, русской и польской, культурѣ, говоря не иначе какъ по-русски (на западно-русскомъ нарѣчіи) [1]). Воспитанные въ русской православной вѣрѣ [2]), они, при вступленіи Якова Ягайла на польскій престолъ (оттуда Владислава Ягайла), примкнули къ католицизму, находясь съ тѣхъ поръ подъ вліяніемъ и зоркимъ при-

---

[1]) На съѣздѣ въ Луцкѣ (1429) Витовтъ сказалъ Ягайлу нѣсколько словъ по-литовски, чтобъ присутствовавшій римскій король Сигизмундъ, который говорилъ по-чешски, ихъ не понималъ. Codex epist. Vitoldi, 816.

[2]) Сказку о „язычествѣ" Ягайла давно уже опровергъ польско-литовскій историкъ Нарбуттъ (Pomniejsze pisma historyczne, Wilno 1856, p. 89—100), приводя вѣскія доказательства въ пользу православія вел. князя Ягайла Якова; другой польскій историкъ К. Стадницкій (Olgierd i Kiejstut, Lwów 1870, p. 126) замѣтилъ, что уже „пора удалить изъ исторіи сказку (baśń) о язычествѣ Ягайла, столь упорно защищаемую въ новѣйшія времена." Не смотря на все это, сказку повторяютъ опять новѣйшіе польскіе историки Бобринскій и Шуйскій (для послѣдняго Ягайло все еще „niedawno poganin i barbarzyniec"). Витовтъ окрещенъ по-католически въ Тапіавѣ крестоносцами въ 1383 г. и принялъ имя Вигандъ (Codex epist. Vitoldi, p. 3, 5); потомъ возвратившись на Литву „fecit se rutenice baptizare et nominatus est Alexander, quod nomen de baptismo rutenico sibi inolevit" (ibidem 997, Scriptores rer. pruss. II. 628, III. 127, 308); въ Краковѣ же опять принялъ, вмѣстѣ съ Ягайломъ (1386), католицизмъ. Это передаетъ литовско-русскій лѣтописецъ (изд. Нарбуттомъ, 22) словами, что Витовтъ „Русиномъ осталъ" и потомъ „охрестился въ лядьскую вѣру." Другой литовско-русскій лѣтописецъ (изд. Даниловичемъ, 204) говоритъ, что Ягайло крестился потомъ въ вѣру латинскую или „нѣмецкую." Срв. St. Smolka: Szkice historyczne I, 40. Крестоносцы еще въ началѣ XV в. (1409) упрекали Витовта, что онъ tenet se magis ad Litvanicos et Rutenicos et infideles, quam ad christianos (это всегда: католики), quia ipse cum illis Rutenis sicut cum illis de Moskaw et de Magna Naugarten et de Plescaw se colligavit contra christianitatem. (Codex epist. Vitoldi, p. 996). Пишемъ *Ягайло, Витовтъ*, какъ эти имена пишутся въ русскихъ лѣтописяхъ и грамотахъ.

смотромъ католической польско-литовской iерархiи. Она то толкала Поляковъ и Литовцевъ какъ орудiя католической пропаганды противъ православной Руси, которая какъ „схизматическая“ ставилась наравнѣ съ еретиками и невѣрными; она то не допускала Поляковъ и Литовцевъ до болѣе тѣснаго общенiя съ „еретиками“ Чехами, да внушала имъ роль истребителей „ереси.“ Поляки должны были прежде всего быть пропагаторы римско-католическихъ интересовъ на славянскомъ востокѣ и западѣ, а не защитники славянскихъ интересовъ противъ Нѣмцевъ; толкаемые на славянскiй востокъ въ непосильную борьбу съ огромною Русью, они отворачивались отъ славянскаго запада, предоставляя его Нѣмцамъ. Что касается личныхъ отношенiй Ягайла и Витовта, то оба они смотрѣли другъ на друга съ недовѣрiемъ, изъ подлобья, выражая собою настроенiе обоихъ своихъ государствъ, Польши и Литвы. Оба эти государства, не смотря на ихъ соединенiе подъ одною династiею и на частыя и торжественныя заявленiя объ этой унiи, все-таки не тянули за одно и шли въ рознь, не считали своихъ интересовъ солидарными, да часто сталкивались—именно въ самую пору гуситскаго движенiя—какъ отъявленные враги. Этотъ антагонизмъ обоихъ восточно-славянскихъ государей и государствъ былъ Нѣмцамъ, нѣмецкому королю Сигизмунду и нѣмецкимъ рыцарямъ въ Пруссiи и Ливонiи, хорошо извѣстенъ, и имъ они и пользовались, себѣ въ прибыль а въ громадный убытокъ Польшѣ, Литвѣ, Руси и вообще всему славянскому мiру. Этотъ антагонизмъ Польши и Литвы, эти притязанiя Поляковъ на слiянiе Литвы и литовской Руси съ Польшею, эти политическiя и религiозно-культурныя стремленiя Поляковъ на русскiй востокъ: все это обезсиливало славянскiй востокъ въ его борьбѣ противъ Нѣмцевъ около балтiйскаго моря, и имѣло рѣшительное влiянiе на славянскiя дѣла въ средней Европѣ. Здѣсь славянскiе „еретики“ вдругъ вздумали посадить на чешскiй престолъ одного изъ восточно-славянскихъ государей, и такимъ образомъ порвать давнишнiя узы, связывающiя чешскую корону съ римско-нѣмецкою имперiею, и повернуть чешское государство съ нѣмецкаго запада на славянскiй востокъ.

Всѣ эти обстоятельства необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ поведенія Ягайла и Витовта относительно гуситскихъ Чеховъ. Не говоря о племенныхъ симпатіяхъ Поляковъ и Русскихъ и ославянившихся высшихъ сословій литовскихъ къ Чехамъ, симпатіяхъ, которыя раздѣляли и Ягайло и Витовтъ, чешская революція противъ Нѣмцевъ и ихъ короля, не могла не встрѣтить симпатій и въ обоихъ славянскихъ государяхъ уже въ виду опасности со стороны нѣмецкихъ крестоносцевъ и благопріятствующаго имъ короля Сигизмунда и всей римско-нѣмецкой имперіи. Но съ другой стороны, Ягайло и Витовтъ, находившіеся подъ вліяніемъ католической іерархіи и думавшіе все о соединеніи православной русской церкви съ Римомъ, не могли не смотрѣть на гуситскихъ Чеховъ иначе какъ на „еретиковъ." По этому они задумываются принять чешскую корону изъ рукъ этихъ „еретиковъ," и все толкуютъ о ихъ „примиреніи" съ Римомъ способомъ мирнымъ или насильственнымъ, т. е. предаются лишнему пустословію и переливаютъ изъ пустого въ порожнее. „Славянскій моментъ" гуситскаго движенія, хотя онъ и выступаетъ въ сношеніяхъ Чеховъ гуситовъ съ Польшею и Литвою, все-таки отступаетъ на второй планъ, стушевывается передъ религіознымъ моментомъ: въ глазахъ короля Владислава и великаго князя Витовта, равнымъ образомъ какъ и въ глазахъ католической іерархіи польско-литовской, чешская „ересь" пересилила славянскія племенныя симпатіи руководящихъ круговъ польско-литовскихъ къ Чехамъ. Такой узкій вѣроисповѣдный взглядъ, явленіе въ тѣ времена конечно вполнѣ обыкновенное, помѣшалъ болѣе широкому пониманію гуситства какъ движенія національнаго чешскаго, славянскаго, антинѣмецкаго, какъ отчаяннаго отпора западныхъ Славянъ противъ Нѣмцевъ. Чехи гуситы подъ Прагою, Устьемъ, Таховомъ и Домажлицами защищали не какую-то „ересь", а самые жизненные интересы Славянства противъ все больше раскрывающейся ненасытной пасти Нѣмцевъ, совершенно такъ, какъ Поляки, Литовцы и югозападные Русскіе подъ Пловцами, Домбровною, Маріенбургомъ. Владиславъ и Витовтъ, самые могущественные славянскіе государи тѣхъ временъ, не поняли вполнѣ вѣрно гуситскаго дви-

женія какъ движенія преимущественно національнаго славянска-го: они не совсѣмъ поняли тѣсную связь борьбы Славянъ съ Нѣмцами около балтійскаго моря и въ средней Европѣ,—Чехи то ее отлично понимали—, и эта недальновидность обоихъ Гедиминовичей имѣла роковыя послѣдствія для Славянства вообще. Польша и отъ части и Литва—съ начала, пока она Польшѣ помогала а не мѣшала—съ одной стороны старались всѣми силами раздавить Нѣмцевъ въ Поморьѣ и Прусіи, а съ другой стороны все были готовы оказывать помощь тѣмъ же Нѣмцамъ для подавленія славянскихъ Чеховъ въ средней Европѣ: политика странная и жалкая, тѣмъ болѣе, что при тогдашнемъ разстройствѣ священной римской имперіи нѣмецкой націи была полная возможность вырвать всю чешскую корону, Чехію, Моравію, Слезію, Лужицы, изъ объятій Нѣмцевъ, связать ее съ славянскимъ востокомъ, поднять загнанный славянскій элементъ въ Слезіи и Лужицахъ, или по крайней мѣрѣ возсоединить Слезію съ Польшею [1]). Вѣдь добивалась же Польша возсоединенія Прусіи, считавшейся тоже землею священной имперіи, и наконецъ и добилась того. Чехи одни разбивали несмѣтныя войска Нѣмцевъ и Угровъ на голову—а что же бы было, если бы Польша, Литва и югозападная Русь выступили какъ искренніе и важность момента вполнѣ понимающіе союзники Чеховъ и налегли бы дружно всѣми своими силами на Германію. Но—Владиславъ и Витовтъ не вполнѣ поняли гуситство какъ славянское движеніе, и такимъ образомъ способствовали усиленію Нѣмцевъ и ослабленію Славянъ въ средней Европѣ [2]).

---

[1]) Объ этой оплошности Польши относительно пріобрѣтенія Слезіи см. А. Левицкаго въ краков. журналѣ Przegląd polski, 1889, также, 529, 534. Слезско-нѣмецкій историкъ К. Грюнгагенъ, не долюбливая das Slaventhum u. Czechenthum, fanatische Czechen etc., конечно, доволенъ, что Слезія сохранилась для Нѣмцевъ и Пруссаковъ.

[2]) Не любимъ фантазій въ области исторіи; но по неволѣ предстаетъ передъ нами вопросъ: что бы было, если бы Александръ Витовтъ остался православнымъ русскимъ государемъ? Вѣдь умѣрен-

Гуситскіе Чехи, провозгласивъ ненавистнаго короля Сигизмунда лишеннымъ чешской короны, подумали о призваніи на чешскій престолъ польскаго короля Владислава; эту мысль под-

---

ные гуситы искали потомъ сношенія съ Царьградомъ, и унія церквей православной и гуситско-утраквистской была возможна. Въ новѣйшей польской исторіографіи, благодаря множеству новыхъ матеріаловъ, съ успѣхомъ разработывается исторія XV вѣка, и объ отношеніи Польши къ гуситамъ имѣется уже нѣсколько хорошихъ монографій. Въ нихъ высказываются болѣе или менѣе удачные и совсѣмъ неудачные взгляды на гуситское движеніе; вообще этотъ вопросъ трактуется какъ-то нерѣшительно, робко, и роковая ошибка польско-литовской политики относительно Чеховъ не называется прямо своимъ именемъ: политики недальновидной и жалкой. Ст. Смолька написалъ хорошую статью Unia z Czechami (Szkice historyczne 1882, I); она бы много выиграла, еслибъ авторъ въ самомъ концѣ воздержался отъ диѳирамбическихъ восклицаній въ честь краковскаго епископа Збыгнѣва Олешницкаго. Мы вполнѣ понимаемъ, что фанатическій краковскій епископъ XV вѣка не могъ относиться къ гуситскимъ „еретикамъ" дружелюбно, а ругалъ, проклиналъ и преслѣдовалъ ихъ во всю мочь, всячески мѣшалъ ихъ общенію и единенію съ Поляками. Но мы удивляемся, что въ концѣ XIX вѣка, гдѣ славянскій характеръ гуситскаго движенія сталъ яснымъ для историковъ славянскихъ (Палацкаго) и нѣмецкихъ (Каро, Дройзена), польско-славянскій историкъ могъ написать: Zbygniew chroniąc Polskę od husytyzmu, olbrzymią sobie zdobył zasługę. Напротивъ, мы полагаемъ, что—въ интересахъ польскаго народа и всего Славянства—надо сожалѣть о томъ, что правъ былъ краковскій епископъ Войтѣхъ (срв. выше стр. 40), и что гуситство не привилось къ польскому народу до такой степени, какъ къ чешскому. Czołem uderzyć przed Oleśnickim (слова Смольки)—предоставляемъ историкамъ въ родѣ I. Длугоша или Маврикія Дзѣдушицкаго; другіе славянскіе историки, и тѣ, kto na gruncie katolickim stoi, не могутъ „челомъ бить" передъ такимъ государственнымъ дѣятелемъ польскимъ, который своею античешскою политикою поддержалъ — правда, безсознательно — insatiabiles hiatus Teutonicorum, и тѣмъ самымъ поработалъ pour le roi de Prusse. А кланяться такимъ славянскимъ дѣятелямъ—значитъ, по крайней мѣрѣ для славянскихъ историковъ, ударить лицомъ въ грязь. Намъ болѣе симпатиченъ здравомыслящій канцлеръ епископъ

держивалъ тоже Жижка съ Таборами [1]). Чехи въ теченіи 1420 года предлагали Владиславу чешскую корону три раза; въ числѣ ихъ пословъ были панъ Гинекъ (Генрихъ) изъ Вальдштейна на Кольдштейнѣ, и Вильгельмъ Костка изъ Поступицъ, старый знакомый короля Владислава. Чешскіе послы приводили причины, по которымъ врагъ ихъ народа король Сигизмундъ не можетъ быть ихъ королемъ, указывали на то, что Сигизмундъ общій врагъ Чеховъ и Поляковъ, противъ которыхъ онъ постоянно натравливаетъ прусскихъ крестоносцевъ, и наконецъ припомнили польскому королю, что онъ въ случаѣ отказа не будетъ спокойно царствовать и въ своемъ королевствѣ, такъ какъ король Сигизмундъ, разоривъ или ослабивъ королевство чешское, захочетъ погубить и польское [2]). Владиславъ не принялъ предлагаемой

Іоаннъ Шафранецъ, который въ гуситахъ, боровшихся съ Нѣмцами, видѣлъ прежде всего Чеховъ Славянъ, желанныхъ союзниковъ противъ нѣмецкихъ крестоносцевъ.

[1]) Современный Лаврентій изъ Брезовой (Höfler: Geschichtschreiber der husit. Bewegung I. 429) говоритъ, что Жижка вмѣстѣ съ Пражанами участвовалъ (14 ноября 1420 г.) въ призваніи Владислава на чешскій престолъ: „Sigillum Taboritarum, quod Žižka cum Pragensibus et aliis communitatibus unanimi assensu literae super hoc confectae impresserat, pro mittenda legatione ad regem Poloniae, fuit per dominum Hynkonem deductum." Длугошъ (IV. 267) ошибается, считая Жижку противникомъ этой мысли; ей сопротивлялся не Жижка, а Николай изъ Гуси.

[2]) О чешскихъ посольствахъ разсказываетъ Длугошъ (IV. 261—268, срв. 275); онъ могъ кое-что прибавить, о другомъ умолчать; но суть его разсказа не противорѣчитъ тогдашнимъ воззрѣніямъ Чеховъ, какъ хорошо замѣчаетъ А. Прохаска: Polska a Czechy w czasach husyckich až do odwolania Korybuta z Czech (Rozprawy akademii VII. VIII, Kraków 1877—1878); продолженіе: Polska i husyci po odwolaniu Korybuta z Czech (Przewodnik naukowy i literacki, Lwów 1883), Kwestya husycka w l. 1423 — 1429 (Ateneum, Warszawa 1887, III.) по поводу статьи А. Левицкаго: Ein Blick in die Politik K. Sigismunds gegen Polen in Bezug auf die Hussitenkriege (Wien, 1886).

изъ рукъ „еретиковъ“ чешской короны, и желалъ только посредничать между Сигизмундомъ и Чехами, народомъ одного языка съ польскимъ. Но Витовтъ, думая только объ отместкѣ королю Сигизмунду, который своимъ приговоромъ сталъ на сторонѣ нѣмецкихъ крестоносцевъ противъ Польши и Литвы, принялъ, съ согласія Владислава, чешскую корону; онъ такъ поступилъ только по грубому эгоизму, изъ ненависти къ Сигизмунду, а не по какимъ-то высшимъ соображеніямъ славянской политики: онъ былъ столь непримиримымъ врагомъ чешскихъ еретиковъ, какъ Владиславъ, и засвидѣтельствовалъ эту вражду скоро послѣ того, примирившись съ Сигизмундомъ. Но пока еще Витовтъ скрылъ свои чувства, и такимъ образомъ Пражане могли прославлять литовскаго великаго князя какъ ревнителя христіанскаго закона и доброжелателя и защитника чешскаго языка. На сеймѣ въ Кутной Горѣ (въ сентябрѣ 1421) Чехи признали Витовта своимъ королемъ, называя его съ тѣхъ поръ „желаннымъ чешскимъ королемъ — král český požádaný“ [1]). Чешскіе послы, отправленные въ Литву, паны Вячеславъ изъ Енштейна и Вильгельмъ Костка изъ Поступицъ, рыцарь Гласъ изъ Каменицы, Ванѣкъ Пиво, схвачены уже на дорогѣ въ Слезіи въ Ратиборѣ по приказанію князя опавскаго и ратиборскаго Іоанна, который дѣйствовалъ по приказанію короля Сигизмунда. Это событіе произвело большой шумъ не только въ Чехіи, а тоже въ Польшѣ и Литвѣ, гдѣ народъ смотрѣлъ на Чеховъ менѣе съ точки зрѣнія теологической, а болѣе съ національной. „По всей землѣ польской и литовской“, пишетъ объ этомъ событіи изъ Велички Авраамъ Чарный изъ Гощицъ князю Іоанну (23 сентября 1421), „большой шумъ и крикъ по поводу плѣна этихъ Чеховъ; народъ говоритъ: пусть король

---

[1]) Срв. Палацкаго Urkundl. Beiträge z. Gesch. des Hussitenkrieges I. 45, 64, 92, 121, 187; Caro: Liber cancellariae Stan. Ciołek II. 96; Prochaska: Codex epistolaris Vitoldi 1060. Срв. Палацкаго Dějiny doby husit. II. 116. Пражане пожаловали двумъ посламъ къ Витовту за ихъ труды имѣнія; срв. Výbor z literatury české II. 350, Archiv český VI. 408.

Сигизмундъ хочетъ или не хочетъ, онъ долженъ ихъ выпустить на свободу; иначе мы хотимъ мстить ему за нихъ даже до обильнаго кровопролитія; ибо тотъ князь хочетъ разрушить состоявшееся уже между нами и нашими братьями Чехами единство" [1].

Витовтъ, Владиславъ и его племянникъ Сигизмундъ (Жигимонтъ) Корыбутовичъ, усиленно требовали, чтобъ чешскіе послы были выпущены, и угрожали войною; посломъ Владислава и Витовта къ князю Іоанну былъ Николай Корничъ Сестренецъ, бургграфъ пограничнаго города Бендзина, происхожденіемъ изъ Слезіи, а потомъ поселившійся въ краковской землѣ, знающій чешскій языкъ и симпатизующій Чехамъ [2]. Сигизмундъ Корыбутовичъ заявлялъ, что Владиславъ и Витовтъ никоимъ образомъ не хотятъ оставить Чеховъ, а хотятъ имъ помогать какъ своему языку (народу) и своимъ подданнымъ. Витовтъ вызывалъ Пражанъ, чтобъ они послали войско противъ князя Іоанна съ одной стороны, онъ же пошлетъ войско съ другой стороны подъ Сигизмундомъ Корыбутовичемъ. Князь Іоаннъ избѣгъ опасности тѣмъ, что онъ выдалъ пословъ королю Сигизмунду, изъ рукъ котораго они освободились только позже. Волненіе по поводу ратиборскаго событія долго не улегалось на славянскомъ востокѣ; въ самомъ началѣ 1422 года рыцари меченосцы въ Ливоніи знали, что Витовтъ, который только что охотно принялъ чешскихъ еретиковъ подъ свое покровительство, и король Владиславъ намѣрены тайкомъ сойтись съ великимъ княземъ московскимъ, вѣроятно, чтобъ на западѣ имѣть болѣе свободную руку. Съ другой стороны приготовлявшаяся тогда славянскимъ востокомъ помощь Чехамъ волновала тоже Нѣмцевъ въ имперіи и около бал-

---

[1]) Palacký Urkundl. Beiträge I. 153, его же Dějiny doby husit. II. 123, Копецкаго статью въ Zeitschrift des Vereins für Geschichte u. Alterthum Schlesiens IX. 209. Срв. Staří letopisové češti, 7, 47.

[2]) О Сестренцѣ см. А. Прохаски: Husyta polski (Szkice historyczne z XV w., Kraków i Warszawa 1884, p. 203 — 250). Сестренецъ и потомъ бывалъ посломъ Владислава въ Чехіи; Чехи его называли „рыцарь Николай."

тійскаго моря; они считали короля Владислава гуситомъ и Чехомъ (Bemak) [1]), и король Сигизмундъ просилъ обоихъ магистровъ рыцарей прусскихъ и ливонскихъ помогать ему противъ Польши и Литвы. Вообще всѣ Нѣмцы въ имперіи, Прусіи и Ливоніи, и въ земляхъ чешской короны, хорошо понимали, что приготовляемое освобожденіе чешской короны изъ нѣмецкихъ рукъ и присоединеніе ея къ Польшѣ и Литвѣ принесетъ вредъ и срамъ священной римской имперіи нѣмецкой націи [2]). Чехи возлагали свои надежды на Витовта, „желаннаго короля чешскаго", особенно послѣ казни пражскаго демагога попа Іоанна Желивскаго; „ческое королевство великую честь держало надъ славнымъ господаремъ," замѣчаетъ одинъ литовско-русскій лѣтописецъ [3]).

Витовтъ старался помочь Чехамъ двоякимъ способомъ. Съ одной стороны онъ усердно ходатайствовалъ передъ папою объ употребленіи мирныхъ средствъ относительно гуситовъ, которые такимъ образомъ скорѣе могутъ примириться съ церковью; но папа, не вѣря въ возможность такихъ средствъ, упрекалъ Витовта за его желаніе пріобрѣсти чешскую корону, и напомнилъ ему, что Чехи гуситы обѣщаютъ теперь все, только чтобъ сѣять раздоры среди христіанскихъ государей и мутить римскую имперію и все христіанство; занятіе же чешскаго королевства Витовтомъ никоимъ образомъ не допустится курфюрстами римской имперіи и нѣмецкими князьями, даже если бы самъ римскій король Сигизмундъ молчалъ [4]). Кромѣ этой, конечно, пустой по-

---

[1]) Codex epistol. Vitoldi, 549.

[2]) См. много писемъ 1421—1422 гг. въ сборникахъ Палацкаго Urkundl. Beiträge и Прохаски Codex epist. Vitoldi. Любопытно, какъ прусскіе крестоносцы тщательно слѣдили за этими дѣлами; см. на пр. донесеніе ихъ шпіона въ Codex epist. Vitoldi, p. 544.

[3]) По изданіямъ Даниловича 62, А. Попова 48. Срв. Caro Geschichte Polens III. 549.

[4]) Palacký: Urkundl. Beiträge I. 207. Слова короля Сигизмунда (1426), что воевать съ чешскими еретиками необходимо и „zu widerbringung der kron zu Behem, die ein merkliches gelide und kur-

мощи — въ искренность которой Нѣмцы впрочемъ не вѣрили — Витовтъ отправилъ въ Чехію и вооруженную помощь подъ княземъ Сигизмундомъ Корыбутовичемъ. Подъ знамена Корыбутовича стекались въ Краковъ Поляки и Русскіе, особенно изъ православной Червоной Руси; да многіе спѣшили Чехамъ на помощь и безъ платы, понимая, какъ видно, хорошо суть гуситскаго движенія какъ движенія славянскаго [1]).

Сигизмундъ Корыбутовичъ, князь литовскій, русскій [2]), или, какъ онъ назывался у Чеховъ въ отличіе отъ короля Сигизмунда, „Корыбутъ", отправился весною **1422** года съ своимъ польско-русскимъ войскомъ черезъ Тѣшинъ въ чешскія земли „ради обороны закона божія и ради общественнаго добра"; онъ объявлялъ повсюду, что онъ прибываетъ отъ имени Александра Витовта, желаннаго короля чешскаго, какъ его уполномоченный правитель, чтобъ защищать землю противъ всѣхъ непріятелей внѣшнихъ и внутреннихъ; онъ увѣщевалъ всѣ

---

fürstenthum des heiligen richs ist" (Aschbach: Geschichte K. Sigmund, III. 396) хорошо передаютъ взглядъ всѣхъ Нѣмцевъ на эту борьбу.

[1]) См. письма Владислава жителямъ русской земли (27 мая 1423), и польскому епископу (2 іюня 1423), въ сборникахъ Палацкаго Urkundl. Beiträge I. 303, и А. Соколовскаго и І. Шуйскаго: Codex epistolaris saeculi XV, t. I. 56 (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, II, Cracoviae 1876).

[2]) Русскимъ его называютъ Оломучане (herzog von Reussen, reuschischer herzog, у Палацкаго Urkundl. Beiträge I. 285, 646). Сигизмундъ (Зигимонтъ, Жигимонтъ) былъ сынъ Корыбута Димитрія Ольгердовича, литовско-русскаго православнаго князя въ Брянскѣ и Новгородѣ Сѣверскомъ († 1399), и рязанской княжны; онъ, по воспитанію православный, говорилъ по-русски (на западномъ нарѣчіи), и могъ тѣмъ легче примкнуть къ Чехамъ гуситамъ. Съ Чехами онъ вѣроятно познакомился уже раньше, такъ какъ онъ участвовалъ въ битвѣ домбровенской (1410). Присоединился-ли онъ, подобно многимъ другимъ литовско-русскимъ князьямъ, къ католицизму, неизвѣстно, но возможно. О немъ срв. Палацкаго Dějiny doby husi[t] II., Томка Dějepis Prahy IV., Стадницкаго Bracia Władysław[a] Jagiełły (Lwów 1867, p. 50, съ разными наивными воззрѣніями н[а] гуситство).

партіи примириться и прибыть на сеймъ въ Чаславь. Сигизмундъ Корыбутовичъ, желая пріобрѣсти расположеніе гуситовъ, причащался уже въ моравскомъ городѣ Уничовѣ подъ обоими видами, что онъ могъ сдѣлать тѣмъ легче, будучи по происхожденію православный Русскій. На чаславскомъ сеймѣ принятъ онъ собравшимися тамъ шляхтою и городами въ земскіе правители, и обѣщалъ, что будетъ защищать законъ божій. Также признали его помощникомъ и наивысшимъ правителемъ чешской земли Таборы, въ ихъ главѣ Жижка, Хвалъ, Буховецъ, и общины Таборъ, Домажлице, Клатовы, Сушица, Писекъ и др. Князь Сигизмундъ Корыбутовичъ управлялъ землею къ общему удовольствію не только утраквистовъ Пражанъ, пановъ и общинъ, но тоже Таборовъ; между нимъ и Жижкою завязались дружескія отношенія, такъ что князь называлъ Жижку отцомъ, а Жижка князя сыномъ [1]).

Появленіе въ чешскихъ земляхъ князя Сигизмунда Корыбутовича съ польско-русскимъ войскомъ встревожило римскаго папу, нѣмецкаго короля и всѣхъ Нѣмцевъ. Король Сигизмундъ, узнавъ еще о предстоящемъ вторженіи восточно-славянскаго войска (и „Татаровъ“) въ Чехію, призывалъ на помощь противъ чешскихъ еретиковъ и ихъ покровителей даже Нѣмцевъ въ Пруссіи и Ливоніи; нѣмецкіе курфюрсты требовали отъ Владислава и Витовта удаленія князя Сигизмунда Корыбутовича изъ Чехіи, а Витовтъ напрасно старался ихъ увѣрить, что онъ послалъ Сигизмунда Корыбутовича въ Чехію только потому, чтобъ примирить Чеховъ съ католическою церковью [2]).

Между тѣмъ Владиславъ и Витовтъ примирились съ нѣмец-

---

[1]) Чешское письмо князя Сигизмунда (здѣсь и полный его титулъ) въ сборникѣ Archiv český III. 239; тамже признаніе Таборовъ; разныя постановленія князя Сигизмунда и пражской общины 1422 года тамже I. 213—219; срв. VI. 403. Объ отношеніи Жижки къ князю Сигизмунду см. Kronika o Janu Žižkovi (XV в., vydal J. Goll, стр. 49), Staří letopisové čeští 52.

[2]) Palacký Urkundl. Beiträge I. 92, 194, 199 etc., Codex epist. saec. XV, I. 53, Codex epistol. Vitoldi, 1067.

кимъ орденомъ (1422) и съ королемъ Сигизмундомъ (30 марта 1423). Чехи гуситы стали лишними союзниками и вмѣсто „Славянъ“ явились на сцену „еретики“, которыхъ надо примирить съ Римомъ или истребить силою; такъ стали разсуждать оба славянскіе государи къ большому удовольствію римскаго папы и нѣмецкаго короля. Уже въ началѣ 1423 года князь Сигизмундъ Корыбутовичъ долженъ былъ оставить Чехію, тѣмъ болѣе, что онъ лишился поддержки Жижки. Онъ отправился съ своимъ войскомъ обратно въ Польшу, но сдѣлалъ это неохотно, надѣясь на скорое возвращеніе. Съ начала Владиславъ и Витовтъ взялись за дѣло примиренія гуситовъ-еретиковъ съ Римомъ и съ королемъ Сигизмундомъ. Но всѣ посольства съ обѣихъ сторонъ, преніе чешскихъ и польскихъ богослововъ въ Краковѣ, вся эта безконечная переписка, все это пустословіе—не могли привести къ примиренію непримиримыхъ. Король Владиславъ желалъ тоже примирить поссорившихся Пражанъ и Таборовъ. Въ письмѣ (въ іюнѣ 1423), вышедшемъ изъ королевской канцеляріи уже во время недавно назначеннаго ея начальника епископа краковскаго Збыгнѣва Олешницкаго, Владиславъ указывалъ Чехамъ на угрожавшую имъ опасность со стороны почти всѣхъ католическихъ государей, которые всѣ собираются на ихъ гибель: онъ же, горячо любя чешское королевство и тотъ славный народъ славянскій, умолялъ ихъ примириться между собою и съ католическою церковью; онъ-де съ величайшимъ прискорбіемъ опасается, какъ бы земли нашего славянскаго языка не разорились своими и не были заняты чужимъ народомъ [1]). Это письмо привезъ Чехамъ

---

[1]) Cum multi reges et fere universi principes catholici in destructionem vestram arma accipere se disponant, zelum caritatis et intime dilectionis affectum, quem erga regnum vestrum Boemiae et nationem hanc praeclaram sclavonicam in nostris praecordiis retinemus, silere non licuit. Timendum est, ne regnum ad ruinam perennem ponatur et jacturam, quod in nobis summum dolorem adaugeret si in diebus nostris terras linguagii nostri sclavonici per nationen alienam videremus per suaptes destructam occupari. (Liber cancellariae Stan. Ciołek, ed. Caro, II. № 57). Дату этого письма опредѣ-

королевскій посолъ Николай Сестренецъ, который дѣйствовалъ на Чеховъ тоже лично въ смыслѣ своего короля; онъ увѣщевалъ Пражанъ и Таборовъ примириться въ избѣжаніе бѣдствій со стороны иноплеменниковъ, которыя могли бы обрушиться на Чеховъ въ слѣдствіе ихъ раздоровъ, а не по винѣ Римлянъ или Нѣмцевъ. Посолъ польскаго короля вѣроятно повліялъ на состоявшееся тогда примиреніе обѣихъ гуситскихъ партій, но о ихъ примиреніи съ Римомъ нечего было и думать. Напрасно король Сигизмундъ величалъ короля Владислава какъ самаго подходящаго посредника въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ у еретиковъ пользуется довѣріемъ, напрасно онъ выразился, что, если бы польскій король захотѣлъ, ересь въ Чехіи не была бы столь сильна [1]). Такой же отрицательный результатъ имѣло и посольство Витовта, который нынѣ Чеховъ и знать не хотѣлъ, просто запирался во всемъ своемъ прежнемъ образѣ дѣйствій относительно Чеховъ, и все требовалъ отъ гуситовъ безусловнаго подчиненія папѣ. Всю эту жалкую и недальновидную политику восточнославянскихъ государей относительно чешскаго „славянскаго языка" отлично оцѣнили тогда професора пражскаго университета, во главѣ ихъ магистръ Криштянъ (Христіанъ), въ письмѣ (6 іюня 1423) королю Владиславу. Они, признавая, что король любитъ свой родной языкъ, просятъ у него дать имъ возможность очиститься отъ упрека въ ереси и не вѣрить однимъ только ихъ противникамъ; такимъ образомъ гибнетъ одна часть языка и подготовляется коварною лисицею истребленіе другой его части [2]).

Въ то же самое время, когда король Владиславъ показывалъ на словахъ столь глубокую горечь по поводу возможнаго истре-

---

лилъ А. Левицкій: Ein Blick in die Politik König Sigismunds gegen Polen in Bezug auf die Hussitenkriege, p. 39; срв. его же Index actorum saeculi XV ad res publicas Poloniae spectantium, Cracoviae 1888 (Monumenta medii aevi historica, t. XI).

[1]) Codex epist. Vitoldi, p. 600 — 602, 653; Eberhard Windek: Historia vitae imperatoris Sigismundi, cap. 126 (Mencken: Scriptores rerum german., p. 1177).

[2]) Codex epist. Vitoldi, 594.

бленія „славянскаго языка“ на западѣ, онъ приготовлялся къ войнѣ противъ „еретиковъ“, вмѣстѣ съ Витовтомъ, съ Нѣмцами и ихъ королемъ. Но тутъ выручилъ короля Владислава здравый смыслъ его народа и помѣшалъ ему сдѣлать политическую ошибку; оказалось, что Поляки и Русскіе, именно ихъ шляхта, смотрѣли на Чеховъ гуситовъ, своихъ братьевъ — какъ недавно ихъ назвалъ Авраамъ Чарный — правильнѣе, чѣмъ ихъ повелители, руководимые католическою іерархіею. Многіе Поляки, отказываясь отъ платы, не хотѣли идти на войну противъ „еретиковъ“; эта неохота замѣчалась особенно въ русской землѣ (Червоной Руси), гдѣ православные Русскіе заявляли свои живыя симпатіи гуситскимъ Чехамъ, не слушались ни короля ни своего старосты Спытка Тарновскаго, отказывались отъ участія въ походѣ противъ Чеховъ и отъ платы. Король Владиславъ горько жаловался на такое безучастіе своихъ польскихъ и русскихъ подданныхъ, на такое посрамленіе своего королевства; этотъ срамъ оказывается-де еще болѣе чувствительнымъ, если вспомнить, что тѣ же его подданные, Поляки и Русскіе, охотно и безъ платы участвовали въ постыдномъ-де походѣ князя Сигизмунда Корыбутовича на помощь гуситамъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ король Владиславъ и польская іерархія вынуждены были — вмѣсто того, чтобъ снаряжать войско противъ чешскихъ „еретиковъ“ — принимать мѣры для прекращенія общенія Поляковъ и Русскихъ съ гуситами, и издать нѣсколько строгихъ постановленій противъ гуситовъ и ихъ благопріятелей въ Польшѣ и даже на Руси. Тѣмъ не менѣе Чехи все еще надѣялись на Витовта и на „доброжелателя чешскаго языка“, Владислава; да и самъ король Сигизмундъ считалъ польскаго короля лучшимъ посредникомъ, такъ какъ „еретики“ имѣютъ къ нему довѣріе. Все это пустословіе оказалось однако лишнимъ, Чехи ни съ кѣмъ не примирялись, и наконецъ Владиславъ и Витовтъ примкнули къ Нѣмцамъ и объявили весною 1424 года чешскимъ „еретикимъ“ войну [2]).

[1]) Срв. выше (стр. 54) упомянутыя два письма Владислава (польскому епископу и земянамъ русской земли).

[2]) Palacký Urkundl. Beiträge I. 329, 335, 348, Codex epistolaris saec. XV, p. I. 62, Codex epistolaris Vitoldi, 622—653. Въ кра-

Между тѣмъ чешскіе послы въ Польшѣ и Литвѣ, замѣчая безуспѣшность безконечныхъ рѣчей и видя нерасположеніе Владислава и Витовта къ ихъ „еретическому“ народу, просили ихъ, чтобъ они по крайней мѣрѣ не препятствовали Чехамъ избрать себѣ короля изъ ихъ же народа, князя Сигизмунда Корыбутовича. И эти просьбы были тщетны. По этому послы сговорились съ Сигизмундомъ Корыбутовичемъ сами, обѣщая ему признать его „желаннымъ и избраннымъ королемъ чешскимъ“. Къ князю Сигизмунду Корыбутовичу примкнули опять многіе Поляки, даже изъ тѣхъ, которые собирались въ королевскомъ войскѣ въ походъ противъ „еретиковъ“. Въ числѣ доброжелателей и помощниковъ князя Сигизмунда Корыбутовича былъ тоже родъ малопольской шляхты Шафранцевъ, Іоаннъ деканъ капитола краковскаго и канцлеръ польскаго королевства, Петръ подкоморій краковскій и его сынъ Петръ. Шафранцы, особенно деканъ-канцлеръ, помогали Корыбутовичу деньгами, а молодой Петръ присоединился къ собираемой военной дружинѣ. Такая дѣятельность Шафранцевъ, особенно канцлера, подняла бурю негодованія среди польской строго католической іерархіи и аристократіи, и со стороны Витовта: такой поступокъ королевскихъ совѣтниковъ, доброжелателей ереси, приноситъ-де Польшѣ срамъ и гибель. Въ іюнѣ 1424 г. Сигизмундъ Корыбутовичъ отправился съ своею дружиною черезъ верхнюю Слезію и Моравію въ Чехію, и сталъ, уже вторично, во главѣ Пражанъ; но планъ его быть чешскимъ королемъ не удался [1]).

ковскихъ судебныхъ книгахъ 9 мая 1424 (Helcel: Starodawne prawa polskiego pomniki II. Nro 1976) записаны имена нанятыхъ краковскимъ старостою польскихъ воиновъ ad expedicionem racione subsidii regis Ungarie contra Bohemos vilissimos hereticos.

[1]) Codex epistolaris Vitoldi, 634, 641, 692, 828; Palacký Urkundl. Beiträge I. 356; Длугошъ IV. 323; срв. Палацкаго Dějiny doby husit. II. 200; Томка Dějepis Prahy IV. 299, его же Jan Žižka 189. Въ краковскихъ судебныхъ книгахъ 29 августа 1424 записано заявленіе Дороѳеи изъ Прибыславицъ, quod Miroslaus filius suus versus Bohemiam absque voluntate sua et ejus impensis equitavit. (Helcel,

Смѣлый подвигъ литовско-русскаго князя Сигизмунда Корыбутовича, которому сочувствовали и помогали многіе Поляки — въ томъ числѣ самъ канцлеръ-деканъ краковскаго капитола, дѣйствовавшій здѣсь конечно неофиціально, какъ польскій патріотъ — могъ раскрыть глаза обоимъ славянскимъ государямъ; представлялся вновь случай возложить корону святого Вячеслава на голову родственника Владислава Ягайла и Витовта. Но оба они, еще недавно распинавшіеся за „знаменитый славянскій народъ" въ средней Европѣ, не нашли ничего болѣе умнаго, какъ только политику самооплеванія; имъ слышны были только громы папы и краковскаго епископа, мерещились только адъ и черти, и они думали не о спасеніи славянскаго народа въ Чехіи отъ Нѣмцевъ, а объ истребленіи гуситскихъ „еретиковъ", на которыхъ сыпались страшныя проклятія. Польскій король, въ письмахъ нѣмецкимъ королю и князьямъ, горько и малодушно жаловался на этотъ постыдный-де и неблагодарный поступокъ своего племянника, этого съумасброднаго Татара и варвара, который хочетъ-де присвоить себѣ наслѣдственныя земли римско-нѣмецкаго короля; онъ сваливалъ съ себя всю вину въ этомъ дѣлѣ, конфисковалъ имущество Корыбутовича и его товарищей, и обязывался вмѣстѣ съ Витовтомъ и всѣми подданными защищать католицизмъ

Pomniki II. Nro 1965). Къ этому времени относится долговая запись Николая Сестренца на чешскомъ языкѣ (na Cieŝinĕ dien svatė Troice leta 1424), которая записана въ древнѣйшей книгѣ сѣверскаго княжества (хранящейся въ главномъ архивѣ варшавскомъ) въ дѣлѣ 1488 г. (fol. 53—54). Приводимъ начало: My Mikuolass z buoze milosty knyeze Cziessynskye a pan z horneho Hlohowa znamo czynime tiemto listem kdoz gey vzrze aneb cztucze slisseti budu ze wistupiwsse przed nasz y przed nassi knyezaty radu slowutny panosse Mikolass Szyestrzenyecz z Bestwyni purkrabye na Bandzini zdraw buducz y sucze sebe dobrowolen y w dobrem rozumye buducze gest przed namy sesnal dluh sprawyedlywi slowutnemu panossi Stanislawowy Olssowczowy kteriz dluh menuge sye dwyeszcye hrzywien poziczenich hrossow praskych monety praskyey w kazdu hrziwnu pocitagicze osm a cztirziczeti hrossow ssirokych... Dan a psan na Czyessynye dien swate troycze lyeta bozeho tisseczeho cztrsteho dwaczety a cztirech.

и преслѣдовать ересь въ Польшѣ, Литвѣ, Руси [1]). Но всѣ эти унизительныя извиненія Владислава не убѣдили Нѣмцевъ и не разсѣяли ихъ подозрѣній противъ Поляковъ и ихъ короля; недовѣріе къ нимъ было у Нѣмцевъ на столько сильно, что, когда нѣсколько тысячъ польскихъ воиновъ — больше Владиславу собрать не удалось — прибыло наконецъ въ Моравію воевать противъ еретиковъ, они даже не приняты тамошнимъ королевскимъ полководцемъ, австрійскимъ герцогомъ Альбрехтомъ, и должны были вернуться въ свояси къ вящшему еще униженію славянскаго короля польскаго [2]).

Князь Сигизмундъ Корыбутовичъ остался потомъ нѣсколько лѣтъ въ Чехіи, пользуясь расположеніемъ Пражанъ, и воевалъ въ гуситскихъ рядахъ въ защиту чешскаго народа. Онъ участвовалъ именно въ битвѣ подъ Устьемъ (1426), гдѣ разгромлено нѣмецкое войско; по словамъ современной чешской пѣсни онъ съ плачемъ богу молился, ободряя войско къ бою; его Поляне, Чехи и Моравяне, удалые Пражане, храбро били непріятелей [3]). Но скоро послѣ этой побѣды Корыбутовичъ лишился расположенія Пражанъ и другихъ гуситовъ, такъ какъ онъ намѣревался, съ помощью Витовта, примирить Чеховъ съ Римомъ и до-

---

[1]) См. разныя письма у Палацкаго Urkundl. Beiträge I. 344 sqq., Codex epistolaris Vitoldi, 653 sqq. Похода Корыбутовича въ Чехію не могли Польшѣ въ Римѣ и Угріи долго простить, и еще въ 1438—39 гг. Поляки старались оправдываться по поводу того дѣла; см. Codex epistolaris saec. XV, t. I. 99, 113.

[2]) Длугошъ IV. 328 — 329; срв. Palacký Urkundl. Beiträge I. 355, Codex epist. Vitoldi 628, 909.

[3]) Пѣснь въ Výbor z literatury české II. 303—310: Tu v pátek před tím v čas ranní Čechové měli kázaní, tělo, krev boží přijali, by pro zákon bojovali. Též kněz Zikmund jest učinił a s pláčem se bohu modlił, lid k boji napomínaje, zemkuom mysl dobrú dávaje... Též také jeho Polané, Čechové i Moravané, stateční páni Pražané nepřáteły bili udatně. Въ числѣ вождей цѣпниковъ въ этой битвѣ приводится тоже князь Фридрихъ русскій (Острожскій) и Янъ изъ Горки (Jan z Górky); послѣдній—вѣроятно Полякъ, а не таборскій гейтманъ Янъ Пардусъ изъ Горки (z Horky, какъ писался по-чешски).

ставить чешскую корону королю Владиславу или самому себѣ [1]). Когда въ Прагѣ узнали объ этихъ планахъ, Корыбутовичъ по настоянію гуситскихъ поповъ арестованъ и высланъ изъ Чехіи; съ нимъ ушли и другіе Поляки (1427). Горько жалуются на это современники: попы насъ поссорили со всѣмъ міромъ, мы лишились и Польши, откуда у насъ была прежде помощь; вотъ какъ отплатили князю Пражане за службу и помощь противъ непріятелей [2]). Но Корыбутовичъ, не смотря на это оскорбленіе, остался вѣренъ своимъ славянскимъ симпатіямъ, и уже годъ спустя послѣ того онъ находился опять въ Чехіи, Моравіи и Слезіи, сносясь съ Таборами; въ 1430 г. онъ былъ гейтманомъ (начальникомъ) въ верхне-слезскомъ городѣ Гливицахъ, а въ 1431 г. участвовалъ, вмѣстѣ съ другими Поляками, въ побѣдѣ Чеховъ надъ Нѣмцами подъ Домажлицами.

Изъ Поляковъ и Русскихъ, которые прибыли въ Чехію и примкнули къ гуситамъ, извѣстны на пр. Лаврентій Полякъ изъ Панёва, одинъ изъ полководцевъ Жижки упоминаемый въ его уставѣ (1423), Вышекъ Рачинскій, посолъ Витовта и въ послѣдствіи товарищъ чешскаго гуситскаго пана Іоанна Рогача изъ Дубой, Іоаннъ изъ Горки, одинъ изъ полководцевъ въ битвѣ подъ Устьемъ, Петръ Шафранецъ, Добеславъ Пухала и Петръ Полякъ, оба таборскіе гейтманы въ верхней Слезіи, гдѣ и опольскій князь Болекъ примкнулъ къ гуситамъ. Изъ Русскихъ прибывшихъ въ Чехію особенно извѣстенъ князь Фридрихъ Острожскій, который въ слѣдствіе долголѣтняго пребыванія среди Чеховъ, именно Таборовъ, сталъ Чехомъ, и его родственникъ Вячеславъ князь

---

[1]) См. Palacký Urkundl. Beiträge I. 474, Codex epist. Vitoldi 717; срв. Палацкаго Dějiny doby husit. II. 268, и Томка Dějepis Prahy IV. 359.

[2]) Výbor z literatury české II. 311, Staří letopisové čeští 71. Такъ и таборскій епископъ Николай изъ Пельгримова нападаетъ (1444 г.) на пражскихъ поповъ, что они in principem Lithuaniae Sigismundum irruerunt. (Chronicon Taboritarum, Höfler Geschichtschreiber der husit. Bewegung II. 690).

Острожскій [1]). Многіе Поляки и Русскіе оставались въ чешскихъ войскахъ, не смотря на всѣ запрещенія и угрозы короля Владислава; тотъ все мечталъ объ истребленіи проклятыхъ еретиковъ, и еще въ 1431 г. угрожалъ разными наказаніями своимъ подданнымъ, которые помогаютъ Чехамъ [2]). Польскіе гуситы или друзья гуситовъ въ порубежныхъ областяхъ, на пр. Петръ Шафранецъ, Верушъ, Николай Сестренецъ, безпокоили Слезаковъ, какъ вообще гуситы обращали особенное вниманіе на верхнюю польскую Слезію, которая представляла важное звено между Чехіею и Польшею. Многіе безпокойные люди изъ Польши переходили въ гуситскія войска тоже изъ жажды грабежа какъ „лапки" т. е. разбойники [3]).

Была еще одна сторона гуситства, которая — не говоря о его качествѣ какъ „ереси" — пугала господствовавшія тогда сословія, королей и шляхту: это демократическія стремленія радикальныхъ гуситовъ, Таборовъ и Сиротковъ (Сиротъ, какъ назвались приверженцы отца Жижки, осиротѣвшіе по его смерти),

---

[1]) Былъ-ли Янъ изъ Горки родственникъ познанскаго воеводы Луки изъ Горки, а Лаврентій изъ Панёва—родственникъ польскаго полководца Феликса изъ Панёва († 1488), неизвѣстно. О князьяхъ Острожскихъ, Фридрихѣ и Вячеславѣ, см. нашу замѣтку въ ж. Древняя и Новая Россія 1877, Nro 2, стр. 220. Упоминаемая тамъ росписка Фридриха Острожскаго напечатана нами въ ж. Časopis Českého Musea 1880, p. 403, позже Бонецкимъ и Бобовскимъ: Codex diplomat. Poloniae IV. Res silesiacae (Varsoviae 1887, p. 29). Неизвѣстно, въ какомъ отношеніи былъ князь Фридрихъ Острожскій къ другому князю Острожскому того времени, Федору (Федьку), стороннику Швитригайла въ Подольѣ 1432—1433 г., о которыхъ см. Длугоша IV. 487, 520. Длугошъ отличаетъ Фридриха и Федька; нѣкоторые новѣйшіе (Хойнацкій въ ж. Древняя и Новая Россія 1876, Nro 9, Антоновичъ и Козловскій: Грамоты великихъ князей литовскихъ, Кіевъ 1868, стр. 2) считаютъ ихъ однимъ лицомъ. Странно, что православный русскій князь Острожскій называется Фридрихъ.

[2]) Raczyński: Codex diplomat. Lituaniae, p. 351.

[3]) Helcel: Pomniki prawa II. Nro 2253, 2254. Слово „лапка, лапкованіе" знали тоже Чехи.

которые передавали бразды правленія не людямъ „благороднымъ" а способнымъ, все равно шляхтичамъ или „хлапамъ" [1]). Эти демократическія стремленія гуситовъ стали пугать тоже Владислава и Витовта. Польскій король высказался въ такомъ смыслѣ чешскимъ посламъ въ Краковѣ (1431): въ Чехіи-де князья и паны истреблены хлапами, и если остались нѣкоторые паны и шляхта, то они придавлены сельскимъ отродіемъ до такой степени, что не могутъ подняться и взять въ руки оборону и правленіе земли. Витовтъ же еще раньше (1429) упрекалъ самого короля Владислава за его благоволеніе къ Шафранцамъ, которые все сносятся съ еретиками; а эти еретики стремятся къ истребленію святой вѣры и къ разрушенію властей духовной и свѣтской, отнимая у духовныхъ имущества, а у свѣтскихъ послушаніе ихъ подданныхъ, стремятся къ уравненію шляхты и хлаповъ [2]).

Не смотря на все отреканіе официальной Польши отъ гуситскихъ „еретиковъ", она все-таки не могла дѣйствовать въ смыслѣ такихъ своихъ словъ и угрозъ. Этого не позволяли отношенія Польши къ нѣмецкимъ крестоносцамъ, къ Литвѣ и къ королю Сигизмунду, который всѣми способами старался поссорить Владислава и Витовта. Ни король Сигизмундъ ни Витовтъ не вѣрили готовности Владислава, воевать противъ гуситскихъ еретиковъ, тѣмъ болѣе, когда стало извѣстнымъ, что Владиславъ осенью 1428 г. сносился съ послами гуситовъ, именно съ княземъ Сигизмундомъ Корыбутовичемъ и Пухалою, которые предла-

---

[1]) Срв. Палацкаго Dějiny doby husit. II. 39, III. 133. Король Сигизмундъ увѣщевалъ (1426) католическую шляхту чешскую, соединить свои силы во избѣжаніе истребленія „хлапами". (Archiv český I. 27, срв. 20).

[2]) Длугошъ IV. 439, Codex epistolaris Vitoldi, 829; срв. Bezold: Zur Geschichte des Hussitenthums, p. 52 — 55. Любопытно, что позже въ Литвѣ и литовской Руси упрекали великаго князя Сигизмунда Кестутьевича (брата Витовта), что онъ „мыслилъ въ серцу своемъ, какобы весь рожай шляхецкій погубити и кровь ихъ розлити, а поднести рожай хлопскій пью кровь". (Хроника т. н. Быховца, изд. Нарбуттъ, 48).

гали ему помощь противъ прусскихъ крестоносцевъ [1]). По этому и на съѣздѣ въ Луцкѣ (въ началѣ 1429 г.) — гдѣ собрались короли Сигизмундъ и Владиславъ и Витовтъ, и гдѣ Сигизмундъ, предлагая Витовту королевскую корону, старался окончательно поссорить его съ Владиславомъ—Сигизмундъ, опасаясь уже лишиться Слезіи, отвѣтилъ нѣкоторымъ польскимъ панамъ, предлагавшимъ ему помощь противъ гуситовъ, недовѣрчиво: „Что же сдѣлаютъ Поляки противъ Поляковъ?" [2]) Витовтъ, въ теченіи 1429 г., нѣсколько разъ упрекалъ польскаго короля и его сенаторовъ въ двуличіи и за сношенія съ гуситами. Витовтъ заявлялъ готовность оказать помощь противъ гуситовъ, о которой просилъ король; но теперь онъ не знаетъ, что дѣлать; ибо онъ слышитъ, что король Владиславъ и Таборы, именно князь Корыбутовичъ и Пухала, часто сносятся, что гуситы покупаютъ въ Краковѣ и въ Олькушѣ коней и оружіе, вывозятъ изъ Польши военные припасы, и что Полякамъ, которые хотятъ помогать гуситамъ, предоставляется свободный выѣздъ за границу. Все это происходитъ по совѣтамъ Шафранцевъ. Въ слѣдствіе этого еретики усилились, начали войну наступательную, опустошили земли нѣмецкія и Слезію, готовы броситься и на Польшу, и угрожаютъ разрушеніемъ всѣхъ общественныхъ порядковъ [3]). Король Владиславъ поступаетъ-де дурно, руководясь совѣтами одного только канцлера епископа (куявскаго, съ 1427 г.) Шафранца и его родственниковъ, и подканцлера священника Владислава Опоровскаго, пренебрегая совѣтами Витовта и другихъ коронныхъ сенаторовъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Шафранцы, которые съ большими расходами отправили князя Сигизмунда Корыбутовича въ Чехію, снискали ему потомъ опять благосклонность короля, чтобъ

---

1) Codex epistolaris Vitoldi, 803, 837.

2) Палацкаго Urkundl. Beiträge II. 16.

3) Наступательныя войны гуситовъ не были вызваны жаждою грабежа и добычи, а имѣли другую цѣль: заставить враждебный имъ лагерь примириться съ ними; срв. Палацкаго Dějiny doby husit. II. 262, 275, III. 109.

не потерять-де сдѣланныхъ расходовъ; они постоянно сносятся съ гуситами, и ихъ посломъ и довѣреннымъ лицомъ — Николай Сестренецъ; они внушаютъ еретикамъ не мириться съ королемъ Сигизмундомъ, по ихъ наущенію гуситы угрожали—во время луцкаго съѣзда — королю Владиславу войною, если бы онъ подружился съ королемъ Сигизмундомъ. Все это Шафранцы — думаетъ Витовтъ—дѣлаютъ-де только въ виду своихъ собственныхъ выгодъ, а не въ честь и пользу королю и Польшѣ; а сношенія съ гуситами приносятъ королю только вредъ и срамъ, и возбуждаютъ въ людяхъ вѣрующихъ дурное подозрѣніе [1]).

Витовтъ напрасно осаждалъ короля и Шафранцевъ всевозможными упреками по поводу ихъ сношеній съ чешскими еретиками. Несомнѣнно, что король Владиславъ и епископъ Шафранецъ и пробощъ Опоровскій раздѣляли общее отвращеніе „правовѣрныхъ“ къ „еретикамъ“. Но эти еретики были сильны, ихъ войска—первыя въ мірѣ; они сами всѣ тяготѣли къ соплеменной Польшѣ, равнымъ образомъ какъ и Поляки тяготѣли къ соплеменнымъ Чехамъ; а у Шафранцевъ не выходилъ изъ головы планъ о возвращеніи Польшѣ слезской земли. У Польши было много враговъ, Литва, Нѣмцы, ихъ король Сигизмундъ и ихъ все еще сильный бастіонъ на сѣверо-востокѣ — нѣмецкій орденъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ Іоаннъ Шафранецъ и Владиславъ Опоровскій могли, хотя бы на время, забыть, что они католическіе прелаты, а вспомнить, что оба они—польскіе канцлеръ и подканцлеръ, которые должны оберегать прежде всего государственные и національные интересы Польши. По этому они могли входить въ сношенія съ естественными союзниками Поляковъ, съ Чехами, могли дѣйствовать съ ними сообща противъ давнишнихъ истребителей Славянства, а не честить ихъ — по примѣру другого прелата, краковскаго епископа Збыгнѣва Олешницкаго—

---

[1]) Codex epistolaris Vitoldi, 826—838, 875. Срв. A. Prochaska: Ostatnie lata Witolda (Warszawa, 1882, p. 189—198, 205—208). Король Владиславъ писалъ Витовту объ этихъ дѣлахъ по-русски (littera ruthenica); жаль, что это письмо не сохранилось.

все прозвищемъ „еретиковъ“ и стремиться къ ихъ истребленію. Къ сожалѣнію такая политика Польши была только временная, случайная, опортунистская, а не основывалась на болѣе глубокихъ и серьезныхъ соображеніяхъ. Скоро оказалось, что тогдашняя хотя бы и временная политика польскаго короля или скорѣе его совѣтниковъ была вѣрна.

По смерти Александра Витовта (1430) возникли споры между Польшею и Литвою. Новый великій князь литовско-русскій Левъ Болеславъ Швитригайло [1]), младшій братъ короля Владислава Ягайла, пользуясь симпатіями православныхъ Русскихъ въ Литвѣ, стремился къ полному отдѣленію своего государства отъ Польши, сталъ дѣйствовать противъ нея и соединился съ ея врагами, съ римско-нѣмецкимъ королемъ Сигизмундомъ и съ нѣмецкими крестоносцами; послѣдніе не находили на этотъ разъ ничего страннаго въ союзѣ съ схизматиками Русскими и невѣрными Татарами противъ католической Польши. Въ слѣдствіе такого положенія дѣлъ на славянскомъ востокѣ король Владиславъ не могъ уже мечтать о походѣ противъ еретиковъ Чеховъ, а, напротивъ, долженъ былъ искать болѣе тѣснаго сближенія съ тѣми же „еретиками“, естественными союзниками Польши противъ Нѣмцевъ. Такимъ образомъ начались тѣсныя сношенія между Чехами и Поляками, и передъ національными интересами обоихъ славянскихъ народовъ уступилъ тогда вѣроисповѣдный моментъ на задній планъ, какъ этого и требовала политика Шафранцевъ. Въ началѣ 1431 г. король Владиславъ отправилъ посольство въ

---

[1]) Имя этого князя пишемъ такъ, какъ оно пишется въ русскихъ грамотахъ и лѣтописяхъ; также и Чехи называли его Швидргалъ, Швидркгалъ (Švidrhal, Švidrgal, см. Staří letopisové čeští, 113). Длугошъ и др. пишутъ его Switrigał, Switrigiełło, Swidrygiełło и пр.; такъ и въ чешскихъ письмахъ Swidrigal (см. ниже). Левъ Швитригайло замѣнилъ, вмѣстѣ съ братомъ Яковомъ Ягайломъ, въ 1386 году православіе католичествомъ (оттуда: Болеславъ), но симпатизовалъ и послѣ того православнымъ Русскимъ и они ему. О Швитригайлѣ см. нѣмецкую монографію А. Коцебуэ (Leipzig 1820, русскій переводъ 1835), и статьи Стадницкаго (Bracia Władysława Jagiełły) и А. Прохаски (львов. Przewodnik naukowy, 1885).

Прагу на чешскій сеймъ, Сигизмундъ Корыбутовичъ и Пухала приняты на польскую службу, и Чехамъ оказывалась изъ Польши всякая помощь. Изъ чешскаго сейма отправлено тоже посольство къ королю Владиславу въ Корчинъ и потомъ въ Краковъ, попы Прокопъ, Бедрихъ, Пэнъ, панъ Вильгельмъ Костка изъ Поступицъ и др. По побужденію Корыбутовича король Владиславъ взялся вновь за неблагодарное дѣло примиренія гуситовъ Чеховъ съ Римомъ. Для этой цѣли устроенъ въ Краковѣ обыкновенный тогда диспутъ поповъ чешскихъ и польскихъ въ присутствіи многихъ Поляковъ и Чеховъ, духовныхъ и свѣтскихъ; диспутъ продолжался нѣсколько дней на языкахъ польскомъ и чешскомъ, но, конечно, совсѣмъ безполезно. Тщетны были всѣ слова стараго короля, увѣщевавшаго Чеховъ возвратиться въ католическую церковь, напрасно онъ указывалъ на то, что и его наставляли въ католической вѣрѣ многіе чешскіе учители. „Если всѣ вѣрные сожалѣютъ о вашемъ заблужденіи", сказалъ Владиславъ чешскимъ попамъ, „то тѣмъ болѣе сожалѣемъ о томъ я и мое королевство по поводу нашего съ вами сосѣдства и одного языка". Чехи, уступая настоятельному желанію короля Владислава, заявили свою готовность отправить пословъ на предстоящій соборъ, но при такихъ условіяхъ, которыя приняты быть не могли. Непримиримымъ врагомъ чешскихъ еретиковъ остался краковскій епископъ Збыгнѣвъ къ большому гнѣву чешскихъ пословъ и князя Корыбутовича. Для окончательнаго рѣшенія дѣлъ король отправилъ своихъ пословъ на ближайшій чешскій сеймъ, но съ такимъ же отрицательнымъ результатомъ [1]).

Не смотря на эту неудачу короля Владислава въ дѣлѣ примиренія Чеховъ съ Римомъ, краковскій съѣздъ имѣлъ важное политическое значеніе: союзъ обоихъ западно-славянскихъ народовъ противъ Нѣмцевъ сталъ совершившимся фактомъ, и немало

---

[1]) Длугошъ IV. 438, Палацкаго Urkundl. Beiträge II. 205, его же Dějiny doby husit. II. 351. Князь Сигизмундъ Корыбутовичъ, уѣзжая съ чешскими послами изъ Кракова, угрожалъ епископу Збыгнѣву въ лицѣ краковскаго патрона св. Станислава (Сташка): „Сташекъ! Сташекъ! узнаешь о моей враждѣ". (Длугошъ IV. 440).

напугалъ короля Сигизмунда и прусскихъ крестоносцевъ. Уже весною 1431 г. въ Прусіи распространился слухъ, что Сигизмундъ Корыбутовичъ и Пухала, „страшные и настоящіе еретики", стоятъ съ войскомъ на прусской границѣ; этотъ слухъ оказался невѣрнымъ, но крестоносцы знали, что еретики все ѣздятъ въ Польшу и что Поляки съ ними соединились. Въ маѣ мѣсяцѣ король Сигизмундъ просилъ короля Владислава превратить помощь доставляемую еретикамъ изъ Польши посредствомъ Сигизмунда Корыбутовича, Пухалы и другихъ; укрѣпленные города въ Слезіи, завоеванные еретиками, заняты-де Поляками, добыча еретиковъ продается въ Польшѣ, и въ Краковѣ они свободно покупаютъ оружіе, коней и другія вещи [1]).

Съ другой стороны тоже Швитригайло, воюя тогда съ королемъ Владиславомъ, добивался пріязни Чеховъ, и охотно принялъ предлагаемую и ему военную помощь нѣсколькихъ чешскихъ полководцевъ, Сигизмунда Корыбутовича, Прокопа Великаго, Дивиша (Діонисія) Борька изъ Милетинка, Павла Совинскаго, Вильгельма Костки изъ Поступицъ и Смила Голицкаго. Неизвѣстно, почему именно эти чешскіе воины, которые въ то время сносились съ польскимъ королемъ, входили въ сношенія тоже съ его врагомъ Швитригайломъ; какъ бы то ни было, между Швитригайломъ и тѣми чешскими полководцами заключенъ какой-то договоръ для взаимной помощи, и литовскій великій князь возлагалъ на чешскія войска главную свою надежду. Швитригайло въ чешскомъ письмѣ (29 апрѣля 1431 г. изъ Новагородка) благодарилъ своего племянника Сигизмунда Корыбутовича за предлагаемую помощь противъ всѣхъ враговъ и за агитацію въ его пользу среди чешскихъ полководцевъ, и обѣщалъ и съ своей стороны помощь въ случаѣ нужды. Въ подобномъ смыслѣ писалъ Швитригайло тоже тѣмъ полководцамъ, своимъ „личнымъ друзьямъ" [2]). Въ концѣ этого года

[1]) Palacký Urkundl. Beiträge II. 213, 277; Scriptores rerum russic. III. 494; срв. Grünhagen: Die Hussitenkämpfe der Schlesier, 04; Палацкаго Dějiny doby husit. II. 367.

[2]) Письма напечатаны въ журн. Časopis Českého Musea 1831, 280. Ихъ списки король Владиславъ послалъ королю Сигизмунду

Швитригайло отправилъ посла въ Чехію, между тѣмъ какъ у него въ Литвѣ былъ опавскій князь Вячеславъ, который недавно примкнулъ къ гуситамъ [1]). Неизвѣстно, какъ кончились эти переговоры, и почему чешскіе полководцы сносились съ обѣими сторонами, съ Польшею и съ Литвою; на дѣлѣ они помогали одной только Польшѣ.

Лѣтомъ 1432 года чешскія войска Таборовъ и Сиротковъ, возвращаясь изъ Слезіи домой, отправили пословъ къ королю Владиславу, пребывавшему тогда въ Пабяницахъ недалеко слезской границы, и вели здѣсь переговоры о болѣе тѣсномъ союзѣ чешско-польскомъ. Чешскіе послы приняты торжественно королемъ и даже польскимъ духовенствомъ; и между Чехами и Поляками заключенъ союзъ противъ всѣхъ, преимущественно же противъ Нѣмцевъ. Этотъ союзъ польскаго короля съ чешскими „еретиками“ возбудилъ большую сенсацію и негодованіе среди „правовѣрныхъ“. Швитригайло, который только что переговаривался съ тѣми же чешскими „еретиками“, упрекалъ короля Владислава за этотъ союзъ, опасаясь его за себя и за прусскихъ

(Raczyński, Codex diplomat. Lituaniae, 351), а этотъ прусскому магистру (А. Коцебуэ: Свитригайло, русскій переводъ стр. 92). Приводимъ начало одного письма: Osweczenemu knyezety, knezu Sigmundu Koributowiczu, knezu Lithowskemu, nassemu Synowczu zmylelemu bud dan. Swidrigal z Buozey milosti welyky knyez Lytewsky y Rusky. Osweczeny knyeze, Synowcze nas zmylely! Yakoz gsi k nam poslal sluhu sweho werneho Meczka, zakazuojcze sye nam, y iako slibugicze nam pomahaty protiw nassim neprzetelom, se wssemy kohozby mohl przemoczy; a take kterak na to drziss wssecky wisse pany i Capitany, aby nam pomoczny byly na nasse neprzetele: z toho dyekuyeme twemu Oswyeczeny, ponewaz tak nasse dobre gednass y radyss, a my take toho protyw tobie nechczeme zapomenuty, ale wsseckym dobrym odczynyty, y take zasie pomahaty, kdez tobie potrzebie bude... Dan w Nowiehradczy, w Nedyeli po swatem Gierzem, Anno Domini etc. XXX primo. Замѣтимъ, что чешскій языкъ былъ извѣстенъ еще въ канцеляріи Витовта; срв. Codex epistolaris Vitoldi, p. 835, 873.

[1]) Коцебуэ: Свитригайло, 104, 133.

крестоносцевъ [1]). Нѣмцы повсюду, въ Германіи, Прусіи и Ливоніи, были встревожены. Король Сигизмундъ, узнавшій о чешско-польскомъ союзѣ изъ Угріи, писалъ объ этомъ осенью нѣмецкимъ городамъ и базельскому собору: Поляки и Чехи соединились противъ каждаго, преимущественно же противъ нѣмецкаго народа; они истребятъ и разорятъ прусскихъ крестоносцевъ и нѣмецкія земли лежащія около Чехіи и дальше; Поляки, равнымъ образомъ какъ они прежде на крестоносцевъ вели Татаровъ, поганыхъ и невѣрныхъ, такъ и теперь ведутъ на нихъ еретиковъ: дѣло ужасное, такъ какъ тѣ, которые считаются правовѣрными, соединяются съ кривовѣрными еретиками на гибель католиковъ, помогаютъ еретикамъ все явнѣе, какъ они имъ помогали уже съ самаго зарожденія той ереси; а общеизвѣстно, что не будь поддержки Поляковъ, чешскіе еретики давно бы обратились въ другую сторону [2]). А почти въ тотъ моментъ, когда король Сигизмундъ писалъ это Нѣмцамъ и базельскому собору, магистръ нѣмецкихъ крестоносцевъ имѣлъ уже въ рукахъ объявленіе войны гуситскихъ Чеховъ: 8 сентября прислали ему изъ Кутной Горы объявленіе войны оба чешскіе полководцы, сиротскій Іоаннъ Чапекъ изъ Санъ и таборскій Отикъ изъ Лозы, во имя всѣхъ общинъ сиротскихъ и таборскихъ и пановъ, владыкъ, паношей,

---

[1]) Palacký: Urkundl. Beiträge II. 303, 307, Daniłowicz: Skarbiec Litwy II. 134, Raczyński: Codex diplomat. Lituaniae 369, Длугошъ IV. 472; срв. Palacký: Dějiny husit. III. 53, Tomek: Dějepis Prahy IV. 530, Voigt: Geschichte Preussens VII. 595.

[2]) Письма Сигизмунда отъ 12 и 31 октября 1432 г. издали Janssen: Frankfurts Reichscorrespondenz (Freiburg 1863), I. 381, Martene et Durand: Veterum scriptorum et monumentorum historicorum, dogmaticorum, moralium amplissima collectio (Parisiis 1733), VII. 199. Б. Ваповскій, польскій историкъ начала XVI в., разсказываетъ, что чешскіе послы сказали въ Пабяницахъ королю Владиславу: „Чехи, народъ Полякамъ побратимскій и родственный, одного съ ними происхожденія и языка, не желаютъ ничего столь горячо, какъ только чтобъ польское королевство было освобождено отъ непріятельской силы“; указывая на многихъ враговъ Польши, которые стремятся къ ея гибели, какъ римско-нѣмецкій король, нѣмецкіе кре-

городовъ и всей общины королевства чешскаго и маркграфства моравскаго, придерживающихся закона божія. Чешскіе полководцы настоятельно требовали отъ магистра прекратить враждебныя дѣйствія противъ польскаго короля; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то они будутъ помогать Владиславу какъ королю христіанскому не только противъ крестоносцевъ, а тоже противъ всѣхъ его враговъ какъ своему помощнику и особенному благодѣтелю. Эта разметная грамота Чеховъ подняла тогда большой шумъ; магистръ послалъ списокъ съ нея королю Сигизмунду, а этотъ базельскому собору, гдѣ она прочитана публично вмѣстѣ съ письмомъ короля Сигизмунда, жаловавшагося на этотъ заговоръ Чеховъ еретиковъ и Поляковъ [1]).

Вскорѣ послѣ того, въ октябрѣ, прибыло въ Чехію польское посольство, которое проводили въ Прагу попъ Прокопъ и Вильгельмъ Костка изъ Поступицъ. Общая готовность Чеховъ идти на помощь польскому королю противъ нѣмецкихъ крестоносцевъ, собираніе войскъ сиротскихъ и таборскихъ въ сѣверовосточной Чехіи и верхней Слезіи, готовыхъ двинуться въ Польшу, единодушіе и разногласія гуситскихъ партій: все это весьма интересовало и тревожило всѣхъ Нѣмцевъ, въ Германіи, Прусіи и Ливоніи [2]). Таборы скоро поссорились съ польскимъ королемъ, и ихъ полководецъ попъ Бедрихъ, не смотря на просьбы короля Владислава, заявилъ, что Таборы предпочтутъ помогать великому князю Швитригайлу; но они этого не сдѣлали, а пошли въ Угрію. Только птенцы покойнаго Жижки, Сиротки, остались

стоносцы и Литва, они предлагали польскому королю свое отличное войско подъ княземъ Сигизмундомъ Корыбутовичемъ, а „виду этого войска Нѣмцы не могутъ даже вынести.“ (Польскій переводъ хроники Ваповскаго, изд. Малиновскаго, II. 158).

[1]) Martene et Durand VIII. 240, Scriptores rerum prussicarum III. 500, Monumenta Concilii Basileensis I. 275.

[2]) См. письма (1432 — 1433 гг.) разныхъ Нѣмцевъ въ сборникахъ Grünhagen-a (Geschichtsquellen der Hussitenkriege, in Scriptores rerum silesiacarum VI) и Hildebrand-a (Liv-Est-Kurländisches Urkundenbuch VIII).

вѣрны польскому королю, и весною 1433 г. подъ предводительствомъ Чапка, двинулись черезъ Слезію и Великую Польшу на помощь Полякамъ въ Прусію и Новую Марку, и здѣсь воевали противъ Нѣмцевъ сообща съ польскимъ войскомъ подъ Сендзивоемъ изъ Остророга. Когда Поляки и Чехи завладѣли городомъ Тчевомъ, то Чапекъ и чешское войско потребовали выдачи плѣнныхъ Чеховъ, служившихъ нѣмецкимъ крестоносцамъ, и сожгли ихъ всѣхъ на кострѣ посреди своего лагеря, такъ какъ они помогали Нѣмцамъ противъ собственнаго своего народа и противъ польскаго короля и королевства одного съ ними языка [1]). Остервенѣніе между Славянами и Нѣмцами въ этой войнѣ доходило до ужасной степени; современный этимъ событіямъ Конрадъ Бичинъ, писарь города Хелмна, не находитъ словъ, какъ разбранить Поляковъ за ихъ союзъ съ гуситами: злоба Поляковъ извѣстна всему міру, ихъ дѣйствія страшны и невѣроятны; о такихъ мерзостяхъ разсказывается въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ Славянъ, именно въ славянской хроникѣ Гельмольда: у Чеховъ и Поляковъ одинаковый способъ вооруженія и веденія войны, они храбры въ сраженіяхъ, но самые жестокіе въ грабежахъ и убійствахъ [2]). Отцы базельскаго собора, желая посредничать

---

[1]) Petente autem Johanne Czapkone et exercitu bohemico omnes Bohemi in Tsczow capti sibi donati sunt. Qui illos gravi redargutione corripiens, quod contra nationem propriam ferrent Almannis suffragia, et regem atque regnum polonicum, bene de se, propter linguae identitatem, meritum, mercenariis armis oppugnatum, Prussiam venissent, omnes, accenso in medio castrorum suorum rogo ingenti, projectos extinxit. Длугошъ IV. 507. Срв. тоже объ этой войнѣ Нѣмцевъ „mit den ketzern und mit eren brudern den Polan" въ Scriptores rerum prussicarum III. 501.

[2]) Scriptores rerum prussicarum III. 513; срв. Палацкаго Urkundl. Beiträge II. 386. Совершенно напрасно нѣмецкій историкъ Польши, Яковъ Каро, называетъ чешскихъ гуситовъ помогавшихъ Полякамъ—Räuberhorden (а Остророга—fanatisch national gesinnter Wojewode von Posen); они вовсе не хуже войскъ нѣмецкаго ордена 1431 г., отъ которыхъ самъ Каро (Geschichte Polens IV. 18) приходитъ въ ужасъ. О варварскомъ образѣ войнъ тѣхъ временъ нечего и го-

и примирить воюющихъ Поляковъ и прусскихъ Нѣмцевъ, потерпѣли тоже одно нравственное пораженіе: одинъ изъ обоихъ пословъ собора, чешскій монахъ Іеронимъ изъ Праги, пребывавшій съ самаго начала гуситскаго движенія въ Польшѣ, сталъ явно на сторонѣ польскаго короля, да стращалъ нѣмецкаго магистра своими-же чешскими земляками „еретиками“, которые,

---

ворить; но если уже говорить о „разбойникахъ“, то этотъ титулъ принадлежитъ прежде всего тѣмъ варварскимъ полчищамъ разныхъ нѣмецкихъ „крестоносцевъ“, которые, съ VIII в. начиная, врывались въ славянскія земли по Лабѣ и Одрѣ (см. объ этомъ упомянутую Бичиномъ хронику Гельмольда), истребили Славянъ полабско-балтійскихъ, и намѣревались сдѣлать то же Чехамъ и Полякамъ. Западные Славяне, Поляки и Чехи, были въ своемъ полномъ правѣ, если старались прогнать эти полчища крестоносцевъ, и Домбровна и Домажлицы были самымъ справедливымъ угощеніемъ тѣхъ незваныхъ „гостей“. Что касается ужасовъ гуситскихъ войнъ (Gräuel der Hussitenkriege), то срв. что объ этомъ написали Палацкій (Die Geschichte des Hussitenthums u. Prof. Höfler, p. 123), и особенно нѣмецкій историкъ Бецольдъ (Zur Geschichte des Hussitenthums, p. 103): „Was die furchtbaren Gräuel betrifft, die sich natürlich an einen religiös-nationalen Kampf hefteten, so wurde schon früher angedeutet, dass dieselben den Hussiten keineswegs mehr vorzuwerfen sind, als ihren Gegnern. Einmal wurde der Anfang damit von den Katholiken und Deutschen in der entsetzlichsten Weise gemacht; dann aber brachte es der Lauf der Dinge mit sich, dass die fast immer siegreichen Hussiten ungleich öfter Schrecknisse über ihre Gegner verhängten, welche über sie selbst im umgekehrten Fall ebenso oder noch grausamer ergangen wären. Es genügt ein Beispiel anzuführen. Im Herbst 1421 liessen die Kurfürsten dem Kreuzheere verkünden, dass man im Land zu Böhmen männiglich totschlagen solle, ausgenommen Kinder, die ihre Vernunft nicht haben. Dass aber der Befehl keine leere Drohung war, zeigt uns ein Bericht der Nürnberger kurz nachher, worin es heisst, was nicht deutsch könne oder einem Böhmen gleich sei, werde gefangen, zu Tod geschlagen und verbrannt. Diese von deutscher Seite bezeugten Thatsachen haben, soweit uns bekannt, auf Seite der Hussiten keine Analogie, denn einzelne Verbrechen des Hasses und der Aufregung können sich hiemit nicht messen“.

числомъ 200.000, прибудутъ на гибель нѣмецкихъ рыцарей [1]). Магистръ ордена Павелъ Русдорфъ, эта „святая душа", жалуясь (7 іюня) собору на такого его посла, ставшаго на сторонѣ польскаго короля, и на союзъ Поляковъ съ еретиками Сиротками, не могъ, конечно, воздержаться отъ фразы, что побѣда нѣмецкаго ордена означаетъ паденіе и совершенное истребленіе еретиковъ и ихъ покровителей, которыхъ надо изъ прусскихъ земель прогнать не соглашеніемъ или миромъ, а скорѣе мечемъ [2]). На Поляковъ рѣзко нападалъ на соборѣ тоже король или тогда уже императоръ Сигизмундъ: Поляки и ихъ король всегда стремились и стремятся къ истребленію нѣмецкихъ рыцарей и нѣмецкаго языка въ Прусіи, нынѣ и прежде, когда они призвали на свой престолъ Владислава язычника и прелюбодѣя и пользовались помощью язычниковъ противъ нѣмецкаго ордена [3]). Но это напускное негодованіе римско-нѣмецкаго императора и короля, этотъ вопль магистра нѣмецкихъ рыцарей—по поводу союза Поляковъ съ чешскими „еретиками"—все это лишено всякаго нравственнаго основанія. Самъ Сигизмундъ часто мечталъ о раздѣленіи Польши, травилъ Швитригайла съ его „схизматиками" Русскими и Волохами и „невѣрными" Татарами противъ Польши, равнымъ образомъ какъ и прусско-нѣмецкая „святая душа" магистра, не стѣсняясь охотно соединялась съ тѣми же схизматиками и невѣрными и посылала имъ на помощь своихъ рыцарей, этихъ борцовъ „стѣны христіанской вѣры": все въ виду нѣмецкихъ интересовъ, въ виду усиленія въ средней Европѣ и около балтійскаго моря нѣмецкаго языка противъ славянскаго, который защищали Поляки сообща съ „еретиками" Чехами [4]).

---

[1]) О монахѣ Іеронимѣ см. выше, стр. 41.

[2]) Martene et Durand VIII. 608.

[3]) Voigt Geschichte Preussens VII. 649.

[4]) Caro Geschichte Polens IV. 18, 61, 139, 161 и др. Какъ Сигизмундъ смотрѣлъ на русскихъ „схизматиковъ", и на вопросъ объ уніи церквей восточной и западной — чѣмъ столь интересовались Владиславъ и Витовтъ—объ этомъ разсказываетъ, съ негодованіемъ,

Въ дружбѣ и помощи воинственныхъ Чеховъ заискивалъ тогда славянскій востокъ. Оба спорящіе Ольгердовичи, польскій король и великій князь литовско-русскій, ищутъ помощи у Чеховъ и обѣщаютъ имъ такую и съ своей стороны; да довѣріе обоихъ братьевъ къ Чехамъ было столь сильно, что они представили свой споръ чешскому сейму, на которомъ (въ февралѣ 1433 г.) вѣроятно трактовали объ этомъ дѣлѣ, но безъ успѣха; Чехи уже тогда думали о призваніи королевича Владислава на чешскій престолъ. Объ этой примирительной роли Чеховъ говорилъ публично въ одномъ засѣданіи базельскаго собора (13 апрѣля) попъ Прокопъ Великій, защищая, вмѣстѣ съ паномъ Вильгельмомъ Косткою изъ Поступицъ, польскаго короля противъ клеветъ нѣмецкихъ крестоносцевъ; панъ Костка указывалъ па союзъ Чеховъ и Поляковъ какъ на вещь общеизвѣстную; да на соборѣ распространились слухи, что папа намѣренъ лишить императора Сигизмунда коронъ римской и чешской, и желаетъ, чтобъ первая досталась Венеціанцамъ а вторая польскому королю [1]).

потѣшную исторію Длугошъ (IV. 368). Еще въ Луцкѣ (1429) Сигизмундъ говорилъ-де Владиславу и Витовту слѣдующее: Solicito summum pontificem, ut concilium pro reductione Bohemorum et reformatione ecclesiae faciat, iturus ad illud, si consenserit; si dissenserit, autoritate mea illud congregaturus. Nec reductioni Graecorum intendere expedit, cum unam fidem nobiscum profiteantur, barbis duntaxat et uxoribus a nobis secreti sunt. Id tamen illis vitio non est, una enim uxore Graecorum presbyteri contenti sunt, Latini decem et amplius tenent. Scandalisavit hic sermo Ruthenos populos ritu viventes Graecorum, et in suis confirmavit erroribus: propter quod regem Sigismundum sanctum vocabant, deducentem, fidem Graecorum esse praestantiorem quam Latinorum; eratque in ore omnium ac sermone Ruthenorum Sigismundus rex, summis laudibus illum efferentium, quod Graecorum ritum propensiorem quam romanum judicasset.

[1]) См. Дневникъ (Liber diurnus de gestis Bohemorum in concilio Basil.) сиротскаго попа Петра Жатецкаго (Monumenta concilii Basil. I. 351), и Joannis de Segovia Historia gestorum generalis synodi Basil. (Monum. concilii Basil. II. 346). Срв. Палацкаго Urkundl-

Скоро измѣнилось положеніе дѣлъ въ Чехіи и въ Литвѣ. Черезъ годъ (1434) возникла въ Чехіи междоусобная война, которая кончилась подъ Липанами паденіемъ славянскихъ демократовъ Таборовъ и Сиротковъ и побѣдою умѣренныхъ гуситовъ утраквистовъ, но тоже аристократіи утраквистской и католической, и воцареніемъ императора короля Сигизмунда въ Чехіи. Спустя годъ послѣ липанской битвы рѣшилась тоже судьба Швитригайла. Швитригайло тотчасъ по смерти Витовта добивался великокняжескаго достоинства, но вскорѣ нашелъ соперника, князя Сигизмунда Кестутьевича, который сталъ великимъ княземъ (1432). Швитригайло, поддерживаемый Русскими, не переставалъ добиваться великокняжескаго достоинства противъ Сигизмунда Кестутьевича и его покровительницы Польши. Въ 1435 году, 1 сентября, на рѣкѣ Святой недалеко Вилкомиря въ Литвѣ произошло сраженіе между обоими претендентами. Войско Швитригайла состояло преимущественно изъ православныхъ Русскихъ, и изъ вспомогательныхъ полковъ татарскихъ, нѣмецкихъ (прусскихъ и ливонскихъ) и чешскихъ, „гостей Ракушанъ (Австрійцевъ), Слезаковъ или Сляжанъ и Чеховъ", какъ разсказываютъ литовско-русскіе лѣтописцы; оно окружилось крѣпкимъ таборомъ (возами), какого не видали и въ Чехіи—замѣчаетъ одинъ польскій современный священникъ. Главнымъ вождемъ этого войска былъ князь Сигизмундъ Корыбутовичъ, который послѣ липанской битвы оставилъ Чехію и отправился черезъ Прусію и Ливонію въ Литву. Но литовско-польское войско ворвалось въ таборъ Швитригайла и разбило его войско, „настоящихъ и притворяющихся

Beiträge zur Gesch. des Hussitenkrieges II. 351, его Dějiny husit. III. 96, Томка Dějepis Prahy IV. 569, 577. По дневнику попа Петра сказалъ Прокопъ: „Articulos viderunt domini Bohemi pessimos et abominabiles contra regem Poloniae et e converso. Cum ergo convenient cum nuntiis suis in Praga propter decisionem causae per dominos Bohemos... inter eundem regem et ejus fratrem Swidřigal, quia condescenderunt in dominos Bohemos, prout habemus literas, loquentur, ut etiam huc ambasiatam mittat". Едва ли позволительно считать Прокопа Великаго лгуномъ, какъ это дѣлаетъ Каро (Geschichte Polens IV. 49).

гуситовъ и Чеховъ, схизматическихъ Русскихъ, поганыхъ Татаровъ и бородатыхъ крестоносцевъ“ — по словамъ польскаго священника. Князь Сигизмундъ Корыбутовичъ попалъ въ плѣнъ тяжело раненый и здѣсь погибъ жестокою смертью. Такъ скончался этотъ знаменитый славянскій князь, одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ людей тѣхъ бурныхъ временъ, одинъ изъ самыхъ рьяныхъ представителей и борцовъ славянской идеи, заявившей тогда свою силу въ гуситскомъ движеніи [1]).

---

[1]) Письмо польскаго священника о вилкомирской битвѣ см. въ Liv-Est-Kurländisches Urkundenbuch, ed. Hildebrand VIII. 596, срв. тоже 491; литовско-русскія лѣтописи, изд. Даниловича 59, А. Попова 53, Нарбутта 47; Длугошъ IV. 562. Уже Длугошъ разсказываетъ, что тяжело раненаго Сигизмунда Корыбутовича побѣдитель князь Сигизмундъ Кестутьевичъ велѣлъ—по настоянію польскихъ пановъ—или утопить въ рѣкѣ Святой или отравить впущеннымъ въ его раны ядомъ „pro temeritate, qua in dedecus et infamiam regni ad Bohemos haereticos se prohibitus contulerat“. О жестокой смерти Корыбутовича говорятъ, нѣсколько лѣтъ спустя (1438—1439), самъ король Владиславъ и польскіе паны, именно, что князь попавшись въ руки польскаго войска „extremo mortis horrendae supplicio manibus earundem vitam terminavit“. (Codex epistolaris saec. XV, t. I. p. 99, 113). Отъ брата Сигизмунда, князя Федора Корыбутовича (упоминается въ 1432 г. на сторонѣ Сигизмунда Кестутьевича) производили себя русскіе князья Вишневецкіе и Збаражскіе. Судьба князя Сигизмунда Корыбутовича сохранилась долго въ памяти Поляковъ и Русскихъ, не только въ историческихъ сочиненіяхъ, а тоже въ болѣе широкихъ кружкахъ. Кіевскій митрополитъ Исаія, въ письмѣ князю Іеремію Вишневецкому (1631), приводитъ въ числѣ его предковъ тоже князя „Жигмунта“, который „для великой дѣльности рыцерской взятый былъ на королество ческое“. (Акты западной Россіи IV. 528). Польскій стихотворецъ Самуилъ Твардовскій (см. „Славяне“ т. II, стр. 176), описывая посольство князя Христофора Збаражскаго въ Турцію, упоминаетъ тоже о его предкѣ князѣ Сигизмундѣ Корыбутовичѣ, который „na czeskie królestwo się sadzi, gdzie ozdobne z ochoczych chorągwie prowadzi, zkąd wiela sławny zwycięztw powróciwszy w domu, tonie w Święty, z krwawego uchodząc pogromu“. (Legacya ks. Kr. Zbaraskiego, 1639, p. 5). Братъ князя Христофора Юрій заступался въ 1619 г. за Чеховъ; срв. „Славяне“ II. 94. Въ сборникѣ

Императоръ Сигизмундъ, тогда уже король чешскій, попытался, еще передъ вилкомирскою битвою, примирить Швитригайла съ польскимъ королемъ, именно при посредничествѣ легатовъ базельскаго собора и Чеховъ, которые заявляли большую готовность къ этому дѣлу. Послѣ вилкомирской битвы императоръ возобновилъ эту свою попытку, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрный своей нѣмецкой политикѣ мутить въ славянскомъ мірѣ, обѣщалъ Швитригайлу помощь отъ себя и отъ воинственнаго народа чешскаго; съ этою цѣлью онъ отправилъ въ Польшу и въ Литву Слезаковъ Мартына изъ Баворова и Николая Брезинку; это посольство не имѣло однако успѣха [1]).

Государственное соединеніе Чехіи и Польши, къ которому стремились гуситскіе Чехи съ самаго начала гуситскаго движенія, къ сожалѣнію, напрасно, осталось все-таки любимою мыслью національной чешской партіи, особенно ревностныхъ утраквистовъ и уцѣлѣвшихъ остатковъ Таборовъ и Сиротковъ. Это оказалось уже три года спустя послѣ липанской битвы. По смерти императора и короля Сигизмунда (1437) католическая и аристократическая партія въ Чехіи поставила своимъ кандидатомъ чешской короны Нѣмца, австрійскаго герцога Альбрехта, женатаго на дочери императора Сигизмунда, Елисаветѣ. Но этой кандидатурѣ сильно сопротивлялась національная партія чешско-

---

Историческія пѣсни малорусскаго народа изд. Антоновичъ и Драгомановъ (I, 24) встрѣчается одна (изъ Червоной Руси), которая можетъ относиться къ князю Сигизмунду Корыбутовичу; въ ней разсказывается, что „руській король“ побѣдилъ „турського царя“ и повелъ его въ „чеську землю, а въ чеській земли короля нема: Ой ты паночку господаречку, а въ чеській земли королемъ будешь“. Замѣтимъ, что когда въ 1670 г. польскій король Михаилъ Корыбутъ Вишневецкій извѣстилъ Пражанъ о своемъ бракѣ съ австрійскою эрцгерцогинею Элеонорою, то Пражане въ своемъ отвѣтѣ вспомнили тоже о князѣ Сигизмундѣ Корыбутовичѣ (письмо въ архивѣ города Праги).

[1]) Monumenta concilii Basil. I. 614, 697; Коцебуэ: Свитригайл 213; Daniłowicz: Skarbiec diplom. Litwy II. 166. Срв. Gołębiowski: Panowanie Władysława III. (Warszawa 1846), Caro: Geschichte Polens IV. 161.

гуситская, которая уже лѣтъ восемь назадъ (1429), когда герцогъ Альбрехтъ управлялъ Моравіею, требовала, во время переговоровъ съ Сигизмундомъ, чтобъ онъ поручилъ эту землю какому нибудь пану или князю языка чешскаго или славянскаго [1]).

Противники Нѣмца на чешскомъ престолѣ были шляхта и города, паны Гинекъ Птачекъ изъ Пиркштейна, Алешъ Голицкій изъ Штернберга, Юрій изъ Подѣбрадъ, Вильгельмъ Костка изъ Поступицъ, Петръ изъ Звиретицъ, Прибикъ изъ Кленоваго, братья Змерзлики и Борьки, Бенешъ изъ Мокровусъ, Іоаннъ Гертвикъ изъ Рушинова, Іоаннъ Колда изъ Находа, гейтманы таборскій попъ Бедрихъ и сиротскій Іоаннъ Чапекъ изъ Санъ, 24 города, въ томъ числѣ Таборъ, Писекъ, Клатовы, Градецъ, Жатецъ. Эта славянская партія Чеховъ, не соглашаясь съ кандидатурою Альбрехта, обратила свои взоры опять на славянскій востокъ, въ Польшу [2]). Здѣсь совѣтники юнаго короля Владислава Владиславовича посмотрѣли на чешскій вопросъ правильнѣе, чѣмъ при покойномъ королѣ Владиславѣ Ягайлѣ, именно какъ на вопросъ національный, славянскій, близко касающійся Польши въ ея борьбѣ съ Нѣмцами, а не какъ на вопросъ вѣроисповѣдный, гуситскій, „еретическій“ [3]).

Славянская партія Чеховъ издала тогда замѣчательную историко-политическую брошюру, родъ манифеста къ чешскому народу; въ немъ она высказала свои взгляды на борьбу Славянъ и Нѣмцевъ вообще, и доказывала необходимость избранія въ чеш-

---

[1]) Палацкаго Urkundl. Beiträge II. 515, Archiv Český VI. 422.

[2]) Въ числѣ сторонниковъ польскаго короля былъ первоначально тоже самый вліятельный вельможа чешскій панъ Ульрихъ изъ Розенберга, который дѣйствовалъ въ такомъ смыслѣ и на пановъ Птачка и Альша, но потомъ измѣнилъ имъ и примкнулъ къ Альбрехту. См. письмо Юрія Подѣбрадскаго пану Ульриху (1450 г.) въ сборникѣ Archiv Český V. 268.

[3]) О тогдашнихъ событіяхъ см. исторіи Палацкаго (Dějiny d· by husit. III) и Каро (Geschichte Polens IV), и статью А. Соколо·скаго: Elekcya czeska po śmierci Zygmunta Luxenburczyka (Rozpr·wy akademii, Kraków 1876, V).

скіе короли Чеха или Славянина, а не Нѣмца. Авторъ этого манифеста „Краткое собраніе изъ чешскихъ лѣтописей для предостереженія вѣрныхъ Чеховъ“ [1]), ревностный патріотъ чешскій, славянскій и врагъ Нѣмцевъ, воспользовался любимою у Чеховъ чешскою лѣтописью т. н. Далимила, отличающеюся пламеннымъ чешскимъ патріотизмомъ и ненавистью къ Нѣмцамъ, которымъ приписываются всякія бѣдствія постигшія чешскій народъ. „Чехи должны старательно и всѣми силами остерегаться“, — такъ начинаетъ авторъ свои разсужденія — „чтобъ не попасть подъ управленіе чужого народа, особенно же нѣмецкаго; ибо по свидѣтельству чешскихъ лѣтописей, тотъ народъ самый лютый губитель народа чешскаго и славянскаго. Онъ трудится всегда всею силою и стремится разными способами и коварствами къ тому, какъ бы истребить эти народы“. Нѣмецкій народъ уже послѣ раздѣленія народовъ во время вавилонскаго столпотворенія служилъ славянскому, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ грамота Александра Великаго пожалованная славянскому народу. Но потомъ Нѣмцы, поселившись въ баварскихъ лѣсахъ, стали истреблять славянскій народъ и заселять его земли своими людьми, какъ это случилось въ земляхъ лужицкой и сербской. Въ чешской лѣтописи (Далимила) можно найти много примѣровъ такихъ стремленій Нѣмцевъ и нѣмецкихъ императоровъ, всячески вредить и пакостить Чехамъ, развращать чешскихъ князей и натравливать ихъ противъ собственнаго народа въ угоду и пользу Нѣмцамъ, все съ цѣлью, чтобъ чешскіе князья не были сильны; такъ было уже во время Премысловичей, но особенно же послѣ кончины послѣдняго Премысловича короля Вячеслава III, убитаго по наущенію нѣмецкаго императора Альбрехта Австрійца, которому и удалось посадить на чешскій престолъ своего сына; и всѣ эти чешскіе короли нѣмецкаго рода, Рудольфъ австрійскій, Генрихъ хорутанскій, Іоаннъ и даже Карлъ люксенбургскіе любили и под-

---

[1]) См. „Славяне“ II т., стр. 33, и слова въ самомъ началѣ этого II тома (передъ стр. 1).

державали Нѣмцевъ и ихъ языкъ, а Чеховъ и ихъ языкъ притѣсняли. По этому Чехи должны „внимать совѣтамъ и предостереженіямъ своихъ лѣтописей, чтобъ не попасть подъ нѣмецкую власть: ибо здѣсь для нихъ верейка связанная на горлѣ и ихъ окончательное паденіе. Равнымъ образомъ какъ ядъ въ пищѣ не можетъ быть для ѣдящаго безъ вреда, а влечетъ за собою смерть или сумасшествіе или болѣзнь, такъ и нѣмецкая власть, водворенная въ народѣ славянскомъ или чешскомъ, принесетъ съ собою наконецъ истребленіе или ослабленіе этого народа или другой убытокъ; какъ волкъ въ стадѣ, мышь въ домѣ не сдѣлаютъ ничего другого кромѣ убытка и вреда, то же сдѣлаетъ и Нѣмецъ въ королевствѣ чешскомъ и славянскомъ. Чехи, если не могутъ имѣть государя изъ своего народа, то должны подумать о другомъ народѣ славянскомъ или о другомъ христіанскомъ, какой ни есть подъ небесами, только бы не былъ богатъ, и изъ него взять себѣ государя: ибо народъ и его вольности будутъ лучше держаться подъ королемъ изъ всякаго другого народа кромѣ нѣмецкаго. Да избавитъ насъ господь богъ отъ всѣхъ королей и правителей нѣмецкихъ“! Чехи, особенно любители тѣла и крови господней, выбирая новаго короля, должны обратить вниманіе на то, чтобъ онъ любилъ правду закона божія и чешскій народъ, чтобъ около него не было другого совѣта какъ только чешскій, чтобъ онъ заботился объ успокоеніи земли послѣ долголѣтнихъ войнъ, о точномъ исполненіи договоровъ съ базельскимъ соборомъ и объ очищеніи гуситскихъ Чеховъ отъ клеветы въ ереси. „И такъ какъ нѣмецкій народъ не можетъ въ себѣ имѣть той жилки, чтобъ насъ очистить отъ такой клеветы, а напротивъ готовъ насъ какъ можно больше замарать: то слѣдуетъ искать государя славянскаго народа а нѣмецкаго отнюдь не принимать“. Нѣмецъ не будетъ заботиться объ усиленіи чешскаго могущества, а напротивъ о его ослабленіи; Нѣмцы—наиглавнѣйшіе враги причащенія подъ обоими видами, и въ своей крайней злобѣ стремились къ истребленію Чеховъ и того причащенія, натравливали против нихъ всѣ другіе народы. Имѣя все это въ виду, Чехи не должн Нѣмца выбирать въ свои короли, не должны приготовлять тог ровъ на свои шеи; вѣдь Нѣмцы не приняли бы никоимъ образо

и самаго могущественнаго Чеха въ государи, даже не въ мѣщане; „а мы ослѣпленные Чехи, подражая ихъ примѣру, пусть сдѣлаемъ имъ то же, и въ государи Нѣмца не изберемъ. Также слѣдуетъ вспомнить божіе слово въ книгѣ Второзаконія гл. 17: Поставляя да поставиши надъ собою князя, его же изберетъ Господь Богъ твой: отъ братій твоея да поставиши надъ собою князя, не возможеши поставити надъ собою князя человѣка чуждаго, яко не братъ твой есть [1]). А Нѣмецъ не братъ Чеху, ибо онъ не чешскаго народа, ни братъ; онъ сопротивляется божію установленію и хулитъ причащеніе тѣла и крови нашего отца Христа милаго и другія истины его. А такого не слѣдуетъ принять въ домъ ни привѣтствовать, какъ говоритъ св. Іоаннъ во второмъ посланіи: Аще кто приходитъ къ вамъ, и сего ученія не приноситъ, не пріемлите его въ домъ, и радоватися ему не глаголите; глаголяй бо ему радоватися, сообщается дѣламъ его злымъ. И такъ какъ не слѣдуетъ такого человѣка принять въ домъ, то конечно не слѣдуетъ такого избрать въ короли. Нѣмецъ же будучи королемъ, хотѣлъ бы не столько ходить въ дома, а скорѣе прогонять вѣрныхъ Чеховъ изъ домовъ и отнимать у нихъ силою ихъ имущество“ [2]).

Когда на избирательномъ сеймѣ (27 декабря 1437) большинство высказалось въ пользу Альбрехта, то меньшинство, партія Птачка, вышла изъ сейма, и стала дѣйствовать въ пользу короля Владислава. Польскій король былъ готовъ принять чеш-

[1]) Срв. мысли Крижанича; см. „Славяне“, II. 336.

[2]) Этотъ манифестъ 1437 г. былъ хорошо извѣстенъ чешскимъ лѣтописцамъ XVI вѣка; они, разсказывая объ избраніи въ 1437 г. польскаго короля Владислава одною партіею чешскою, прибавляютъ: „Ti k tomu svoliti nechtěli, aby se v německú moc měli poddati, ježto by to mohlo jíti k velikému zlému nynějšímu i budúcímu, toliko tomuto jazyku českému, ale i všemu slovanskému. Jakož t vždycky shledáváno, i ve všech kronikách starých muož býti naleo, že sú Němci úhlavní nepřietclé jazyka českého, polského i všeho vanského vždycky byli a býti nepřestávají“. (Staří letopisové čeští, d. Palacký, str. 106.)

скую корону и вошелъ въ сношенія съ своею партіею въ Чехіи, которая просила его прибыть туда немедленно съ большою силою. Въ мартѣ 1438 г. отправлены въ Краковъ чешскіе послы, Гертвикъ изъ Рушинова, Бенешъ изъ Мокровусъ, Іоаннъ изъ Перництейна и попъ Бедрихъ [1]). Такъ какъ король Владиславъ самъ не могъ оставить свое государство, то чешская корона предложена младшему его брату, королевичу Казимиру. На польскомъ сеймѣ въ Новомъ Мѣстѣ Корчинѣ одна часть пановъ совѣтовала принять чешскія предложенія, такъ какъ интересамъ Польши не соотвѣтствуетъ, чтобъ три короны, римско-нѣмецкая, угорская и чешская, были соединены на головѣ одного, Польшѣ опаснаго Нѣмца; другіе паны, духовные и свѣтскіе, въ ихъ главѣ епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій, не съумѣли противъ этихъ вѣскихъ соображеній ничего другого возразить, какъ только свою избитую пѣснь о чешскихъ „еретикахъ", съ которыми правовѣрные не могутъ сноситься. Первое мнѣніе однако восторжествовало; и королевичъ Казимиръ принялъ чешскую корону между прочимъ тоже изъ сожалѣнія къ бѣдствіямъ чешскаго королевства одного съ польскимъ языка [2]). Въ договорѣ, заключенномъ между королемъ Владиславомъ и Чехами, послѣднимъ признавалось причащеніе подъ обоими видами и ихъ духовенство; обѣщались мѣры противъ нѣмецкихъ купцовъ въ Чехіи и Польшѣ, которые не должны быть туда допускаемы, и противъ Нѣмцевъ вообще, которые не должны въ тѣхъ государствахъ имѣть никакой власти и силы [3]).

---

[1]) См. письмо пана Альша Голицкаго пану Ульриху изъ Розенберга отъ 1 февраля 1438 г. въ сб. Archiv Český II. 6. О чешскихъ послахъ въ Краковѣ замѣчаетъ лѣтописецъ (Staří letopisové češti, 110), что они „byli tam celý rok a nic nezjednali, nebo u velikém roztržení Čechové v Polště byli, až o tom hanba praviti".

[2]) Длугошъ IV. 585, 605. Великій князь литовскій Сигизмундъ Кестутьевичъ соглашался съ мнѣніемъ національной партіи, но только въ виду своихъ собственныхъ плановъ требовавшихъ, чтобъ Польша была занята на западѣ.

[3]) Объ этомъ договорѣ знаемъ только то, что императорскій канцлеръ Каспаръ Шликъ сообщилъ на имперскомъ сеймѣ въ Нюрнбергѣ. Janssen: Frankfurts Reichscorrespondenz I. 465.

Тщетно Альбрехтъ старался побудить короля Владислава, чтобъ онъ не дозволилъ своему брату Казимиру принять чешскую корону; онъ указывалъ на то, что онъ, Альбрехтъ, избранъ въ чешскіе короли большинствомъ, именно знатными панами, на правильномъ сеймѣ въ Прагѣ, между тѣмъ какъ Казимиръ избранъ меньшинствомъ, менѣе знатными „исполненными безумія, жадности и ненависти", и еретиками Таборами, на съѣздѣ въ Кутной Горѣ. Тщетно упрекали папа короля Владислава и паны угорскіе польскихъ пановъ за ихъ союзъ съ чешскими еретиками противъ угорскаго короля Альбрехта. Поляки были убѣждены, что они правы, что и королевичъ Казимиръ, избранный одною чешскою партіею, какъ Альбрехтъ другою, можетъ принять чешскую корону; они справедливо высказали свое удивленіе, что всегда, какъ только другой государь а не римско-нѣмецкій король долженъ сдѣлаться королемъ чешскимъ, то этого государя упрекаютъ въ честолюбіи, ереси и многихъ неприличныхъ вещахъ. Король Владиславъ указывалъ папѣ на то, что Казимиръ принялъ чешскую корону потому, чтобъ въ Чехіи, страдающей столькими военными бѣдствіями и внутренними междоусобицами, водворились вновь миръ и авторитетъ папы; а это удастся только тогда, если тамъ будетъ царствовать католическій король, къ которому чешскій народъ будетъ расположенъ по поводу одного языка [1]). Въ Польшѣ тоже говорили о томъ, что оба народа, Чехи и Поляки, одного языка и происхожденія, между тѣмъ какъ у Чеховъ нѣтъ съ Нѣмцами ничего общаго, и что очень неудобно, когда подданные не понимаютъ своего короля и всюду нуждаются въ переводчикѣ [2]). Нѣмцы въ имперіи полагали, что

---

[1]) Codex epistolaris saec. XV, t. I. Nro 95, 96, 99 — 104; Anton: Diplomatische Beiträge zu den Geschichten u. zu den teutschen Rechten (Leipzig 1777, p. 55).

[2]) Aeneas Sylvius: Historia bohemica cap. 55, и (изъ него) Длугошъ IV. 587; оба полагаютъ, что эти тогда въ Чехіи и въ Польшѣ очень распространенныя мысли включены были будто въ официальный отвѣтъ Владислава Альбрехту; этого однако не было. Этотъ предполагаемый официальный актъ, какъ его приводитъ Догель (Codex

въ Чехіи только „гуситскій сбродъ“ (die buberei die Hussen) избралъ польскаго короля (или скорѣе королевича) и осыпали гуситовъ бранными словами и стихами [1]). Споръ между обоими кандидатами чешской короны, Нѣмцемъ Альбрехтомъ и Полякомъ Казиміромъ, не могъ быть рѣшенъ иначе какъ только мечемъ.

На помощь польской партіи въ Чехіи прибыло польское войско подъ воеводами познанскимъ Сендзивоемъ изъ Остророга и сандомѣрскимъ Іоанномъ изъ Тэнчина [2]). Соединившись подъ Кутною Горою съ чешскимъ войскомъ польской партіи, — въ томъ числѣ съ опытными гейтманами Петромъ Полякомъ, попомъ Бедрихомъ и Чапкомъ изъ Санъ — они пошли къ Табору, встрѣчаясь среди простого народа съ живыми симпатіями, между тѣмъ какъ австрійская партія насмѣхалась надъ Поляками и называла ихъ „героями возовыхъ укрѣпленій“. Вслѣдъ за войскомъ обоихъ польскихъ воеводъ и король Владиславъ вторгнулся

---

diplomat. regni Poloniae I. Nro 10), сочиненъ по разсказу Длугоша; срв. Каро и Соколовскаго.

[1]) Срв. на пр. хронику нюрнбергскую (Chroniken der deutschen Stadte I. p. 401) и бранные стихи у Каро IV. 169. Къ этому времени надо отнести и памфлетъ Николая, писаря моравскаго города Знойма, противъ Поляковъ, воровъ, разбойниковъ, поджигателей церквей, фальшивыхъ монетчиковъ, приверженцевъ церковнаго раскола, враговъ христіанъ, оскорбителей духовенства и папы, соучастниковъ хулителей святыхъ и богородицы, истребителей св. даровъ и пр.: Ergo Bohemia si bona vis, de gente polona non habeas reges, haec tibi ne faciant. (Höfler: Geschichtschreiber der husit. Bewegung I. 564). Кто былъ этотъ Nicolaus Bohemus, неизвѣстно; около этого времени жилъ минорить Николай (natus de Bohemia, educatus in Moravia), который ок. 1434 г. въ Нюрнбергѣ списалъ и расширилъ чешскую лѣтопись (на латинскомъ языкѣ) Пулкавы; см. Fontes rerum bohem. V. p. 3.

[2]) Sudivoj z Ostroroha, pán a vévoda poznanský, Jan z Tenčina, vévoda sudomírský — въ одной чешской грамотѣ 1438 г., 31 августа (Archiv český III. 462); Jan z Thiczina (Tyčina), vojvoda krakovský, hejtman vojska královského — въ письмѣ 1441 г., 18 февраля (тамже, стр. 18).

въ Слезію, гдѣ многіе князья и города приняли Казимира въ чешскіе короли, радуясь предстоящему счастливому согласію и единству обоихъ государствъ, чешскаго и польскаго [1]). Это предстоящее соединеніе обоихъ славянскихъ народовъ тревожило всѣхъ Нѣмцевъ. Король Альбрехтъ не довѣрялъ самимъ Чехамъ своей партіи [2]), и призывалъ въ 1438 и 1439 гг. всѣхъ Нѣмцевъ на помощь противъ угрожавшей опасности: такое соединеніе Чеховъ и Поляковъ—что да предотвратитъ богъ—было бы въ ущербъ всему христіанству, священной римской имперіи, знаменитымъ членомъ которой чешская корона, и всѣмъ нѣмецкимъ землямъ; еще недавно съ одними Чехами было много затрудненій, но еслибъ нынѣ Поляки и Чехи другъ другу подали руки и помогали, то настала бы большая опасность священной римской имперіи и всему народу нѣмецкому—dem heilgen reich und allem deutschen gezunge—который они притѣсняютъ и прогоняютъ изъ своихъ земель. Въ подобномъ смыслѣ Альбрехтъ взывалъ о помощи къ прусскимъ крестоносцамъ: Поляки помогаютъ чешскимъ еретикамъ и говорятъ, что они отнимутъ чешскую корону у священной имперіи и не оставятъ ея подъ Нѣмцами; по этому нѣмецкій орденъ, знаменитый членъ св. имперіи основанный Нѣмцами, долженъ помогать имперіи и Нѣмцамъ противъ Поляковъ, которые поддерживаютъ невѣріе и выступаютъ противъ всего христіанства. Воззваніе Альбрехта къ патріотизму Нѣмцевъ не было безъ успѣха; только нѣмецкій орденъ извинялся, что не можетъ принести желаемой помощи, будучи ослабленъ долголѣтнею борьбою съ Поляками, Чехами еретиками, Литовцами, Рус-

---

[1]) См. разные акты въ сборникахъ Догеля Cod. diplom. Poloniae I, Codex epistolaris saec. XV, Codex diplomat. Poloniae Silesiae, ed. Boniecki-Bobowski, Codex diplom. Silesiae VI, etc.

[2]) Der konig ziehet nit gern mit den Behemern allein—пишутъ думѣ франкфуртской (Janssen: Frankfurts Reichscorrespondenz I. 450). Любопытно, что строго католическій чешскій лѣтописецъ тѣхъ временъ, рыцарь Бартошекъ изъ Драгоницъ, говоря о кончинѣ Альбрехта, прибавляетъ: Cujus anima requiescat in sancta pace, quia fuit bonus (licet Teutonicus), audax et misericors. (Dobner: Monumenta historica Boemiae I. 204.)

скими и Татарами [1]). Но и на этотъ разъ не сбылись надежды Чеховъ патріотовъ, что они не будутъ подъ королемъ нѣмецкимъ, а подъ славянскимъ, польскимъ; не сбылись и опасенія Нѣмцевъ, что чешская корона будетъ вырвана изъ объятій des heilgen reichs, alles deutschen gezunges, aller „kristenheit", и что осуществится грозный для всего нѣмецкаго народа призракъ соединенія обоихъ славянскихъ народовъ. Напряженіе всѣхъ силъ нѣмецкаго народа противъ угрожавшей ему опасности со стороны Поляковъ и Чеховъ гуситовъ оказалось лишнимъ. Большинство Чеховъ не пожелало Поляка своимъ королемъ, а Польша, не поддерживаемая Литвою и литовскою Русью, не имѣла достаточно силъ для осуществленія великаго дѣла. Пріостановка военныхъ дѣйствій оказалась необходимою; и папѣ и базельскому собору удалось заключить перемиріе между королями Альбрехтомъ и Владиславомъ, помѣшать войнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ помѣшать освобожденію чешской короны изъ когтей Нѣмцевъ и соединенію Чехіи и Польши подъ одною славянскою династіею [2]).

По смерти короля Альбрехта (27 октября 1439 г.) въ Чехіи даже ревностные утраквисты, бывшая партія польская, не дѣйствовали уже столь усердно въ пользу польскаго кандидата чешской короны; они вѣроятно замѣтили слабость Польши и не вѣрили уже разнымъ обѣщаніямъ польскаго короля. Только Таборы, всегда ревностные Славяне, и нѣкоторые изъ шляхты и городовъ старались избрать королевича Казимира или самаго короля Владислава, но напрасно. Не удалось тоже присоединеніе Слезіи къ Польшѣ, къ чему тогда Поляки стремились нѣсколько лѣтъ [3]). Нѣмцы не переставали однако соображать опасность,

---

[1]) Janssen: Frankfurts Reichscorrespondenz I. 450 — 453, 466, 479, 483; Töppen: Acten der Ständetage Preussens II. 74, 84; срв. Voigt: Geschichte Preussens VII. 723.

[2]) Королевичъ Казимиръ назывался въ Польшѣ еще нѣкоторое время спустя electus rex regni Bohemiae (19 maji 1440, въ судебныхъ книгахъ краковскихъ, Helcel: Starodawne pomniki prawa pol. II, Nr 2846).

[3]) Объ этихъ планахъ Польши срв. между прочимъ письмо Вратиславлянъ (на чешскомъ языкѣ) чешскимъ панамъ въ сб. Arch český III. 305.

которая могла бы для нихъ настать въ слѣдствіе все угрожавшаго имъ соединенія Чехіи и Польши, новаго избранія польскаго королевича или короля въ чешскіе короли. Нѣмецкіе курфюрсты, собравшіеся въ началѣ 1440 г. въ Франкфуртѣ для избранія новаго короля римско-нѣмецкаго, отнеслись довольно ласково къ чешскимъ чинамъ, которые, представляя собою — во время безкоролевья — чешскаго короля-курфюрста, отправили своего посла въ Франкфуртъ; курфюрсты съ удовольствіемъ услыхали его слова, что польскій король, добиваясь чешской короны, сдѣлалъ Чехамъ и другимъ короннымъ землямъ чешскимъ много обѣщаній, но что Чехи отказали ему во всемъ „ради христіанъ-umb der kristenheit willen“, какъ выражался чешскій посолъ въ угоду самозванымъ Нѣмцамъ представителямъ этого „христіанства“ [1]). Большинство Чеховъ избрали своимъ королемъ Альбрехта герцога баварскаго, и когда тотъ отказалъ, придерживались вообще малолѣтняго королевича Ладислава Альбрехтовича, родившагося уже по смерти отца. Но славянская партія Чеховъ все обращала вниманіе на Польшу, ратовала противъ „Нѣмцевъ и ихъ друзей“, все желала имѣть чешскимъ королемъ польскаго Владислава, тѣмъ болѣе, что польскій король уже въ 1440 г. избранъ въ короли угорскіе, и съ радостью принятъ и южными Славянами, Хорватами, Боснявами и Сербами, какъ славянскій ихъ соплеменникъ [2]). Сторонниками польскаго короля въ Чехіи были преимущественно Таборы, ихъ гейтманъ попъ Бедрихъ, и нѣкоторые шляхтичи, Іоаннъ Колда изъ Находа, Бенешъ изъ Мокровусъ, Іоаннъ Гертвикъ изъ Рушинова, Свойше изъ Заградки и др.; Колда, Гертвикъ и Свойше назывались (1441) „слугами польскаго короля, нашего государя“, и Гертвикъ все надѣялся, что польскій король будетъ „нашимъ государемъ“. Также бывшій гейтманъ сиротскій, Чапекъ изъ Санъ, стоялъ на

---

[1]) Janssen: Frankfurts Reichscorrespondenz II. 11; срв. Палацкаго Dějiny národu českého IV. 1. (начало).

[2]) О симпатіяхъ южныхъ Славянъ къ Владиславу говорятъ историки Каллимахъ и Бонфини; см. ниже отдѣлъ: Славяне западные и южные.

сторонѣ польскаго короля, и служилъ Владиславу и его преемнику Казимиру [1]). Чешскіе сторонники Владислава попытались въ 1440 г. завладѣть Прагою; но планъ ихъ не удался. Таборы, всегда ревностные Славяне, все желали, „чтобъ господь богъ далъ такого короля, который бы не стремился въ разоренію чешской короны а который былъ бы того же языка, такъ чтобъ его понимали сыны той короны"; они обѣщали помощь пану Колдѣ, слугѣ польскаго короля, и предлагали для разрѣшенія вопросъ всѣмъ, „которымъ милъ народъ чешскій и славянскій, кто стоитъ за возвышеніе хвалы божіей и за усиленіе народа чешскаго, мы-ли или тѣ, которые хотятъ благопріятствовать и помогать иноплеменникамъ"; они горько жаловались на то, что по смерти императора Сигизмунда „нѣкоторые паны чешскіе, стремясь къ усиленію народа нѣмецкаго и ослабленію чешскаго, ввели Нѣмцевъ въ землю", и опасаются, „какъ бы не повредили чешской землѣ тѣ, которые все хотятъ усилить въ землѣ нѣмецкій народъ" [2]). Еще въ 1443 г. города Таборъ, Писекъ, Клато-

---

[1]) Archiv Český I. 366, III. 19; Urkunden u. Actenstücke für österreich. Geschichte 1440 — 1471, ed. Bachmann, p. 6 (Fontes rerum austriacarum, Diplomataria et Acta, Bd. 42). О Чапкѣ см. грамоту 1449 г. напечатанную нами въ ж. Časopis Česk. Musea 1880, p. 403, тоже въ польско-слезскомъ дипломатаріѣ Бонецкаго-Бобовскаго, стр. 51. Въ Польшѣ находился Чапекъ еще въ 1450-омъ г. (Codex epistol. saec. XV, t. II. p. 111).

[2]) Archiv český I. 366, 369, 380. Приводимъ изъ этихъ любопытныхъ писемъ Таборовъ (къ ихъ противникамъ) нѣсколько мѣстъ въ подлинникѣ. „Po smrti ciesaře (Sigmunda) někteři páni čeští, usilujíce německý jazyk zvelebiti a český v hlasiech zemdliti, přivedli Němce do země... Nezdá sě nám, by která škoda na zemi jměla přijiti, že s Němci válku vedem.. většiť strach jest, by škoda na zemi nepřišla skrze ty, ježto jazyk německý v zemi vždy chtie zvelebiti... O by pán buoh dał toho krále, ježto by o zkaženie této koruny nestál; leč by toho jazyka był, jemužto by synové též koruny porozuměli, kterémužto také nám hodno było poslúžiti... A shledajiť dobří lidé, jimžto jest český a słovanský jazyk mił, kto stoji o zvelebenie chvály boži a jazyka českého rozšířenie, my-li či ti, ježto cizozemcóm chtie radi a pomocni býti".

вы и Жатецъ называются „приверженцами нашего государя короля Владислава польскаго и угорскаго“ [1]).

Таборы и ихъ соумышленники, возставая противъ нѣмецкихъ государей въ Чехіи, противъ Нѣмцевъ и ихъ друзей, противъ Сигизмунда, обоихъ Альбрехтовъ, противъ Ладислава Альбрехтовича и его матери Елисаветы, дочери императора Сигизмунда, и тяготѣя къ славянской Польшѣ, показали гораздо больше политической зрѣлости и патріотизма, чѣмъ та чешская аристократія, которая призывала на чешскій престолъ нѣмецкихъ королей. Сама Елисавета Сигизмундовна показала себя такою же королевою deutschen gezunges, какъ и ея отецъ и мужъ, именно въ виду славянскаго соперника ея сына Ладислава въ Угріи и Чехіи, польскаго Ягайловича Владислава. Королева Елисавета, на сеймѣ въ Вѣнѣ въ началѣ іюня 1441-го г. въ присутствіи многихъ пановъ чешскихъ и моравскихъ, говоря королю Фридриху о своемъ сынѣ Ладиславѣ и о польскомъ королѣ Владиславѣ, заявила съ гордостью, что австрійскій домъ Габсбурговъ по всѣмъ предкамъ—чистаго христіанскаго рода, между тѣмъ какъ польскій король происходитъ отъ невѣрнаго поганаго рода, и всегда возставалъ съ помощью поганыхъ и „невѣрныхъ“ противъ „христіанъ“, именно противъ нѣмецкаго ордена; король Альбрехтъ никогда не могъ забыть сраму нанесеннаго его предку Вильгельму австрійскому Ягайломъ, отнявшимъ у него его жену Ядвигу, и не хотѣлъ никогда дружиться съ Поляками; да король польскій намѣренъ соединиться съ Турками противъ христіанъ и противъ правъ ея сына Ладислава [2]). Еще рѣзче высказалась Елисавета о польско-русскихъ Ягайловичахъ въ письмѣ Альбрехту баварскому (1 мая 1442), пускаясь здѣсь въ глубокомысленныя разсужденія о большемъ благородствѣ нѣмецкой крови передъ славянскою: ея сынъ Ладиславъ происходитъ отъ императорскаго королевска-

---

[1]) Таборская хроника Николая изъ Пельгримова (Geschichtschreiber der husit. Bewegung, ed. Höfler, II. 737).

[2]) A. Kollar: Analecta monumentorum Vindobonensia (Vindobonae 1762, II. 921); срв. Палацкаго Dějiny n. č. IV. 1. p. 53.

го христіанскаго и нѣмецкаго рода, между тѣмъ какъ польскій король Владиславъ — поганаго рода, который нанесъ большой ударъ всѣмъ „христіанамъ“ и нѣмецкому народу, именно досточтенному нѣмецкому ордену въ Прусіи, дальше въ Чехіи подъ Таборомъ, и нынѣ въ Угріи. Если король Владиславъ водворится окончательно въ Угріи, то пострадаетъ христіанство и Нѣмечина; ея сынъ Ладиславъ—Нѣмецъ, а польскій король всегда былъ и есть надменнымъ врагомъ священной римской имперіи, и „христіанству“ чрезмѣрно вреденъ; ея сынъ будетъ еще полезенъ всему христіанству, священной имперіи и нѣмецкому народу [1]).

Таборы поддерживали свои связи съ Польшею и послѣ несчастной гибели короля Владислава въ сраженіи подъ Варною, которая разрушила столько надеждъ Славянъ вообще. На эти связи Таборовъ съ Польшею жаловался Эней Сильвій Пикколомини въ письмѣ епископу Збыгнѣву Олешницкому (13 сентября 1445 г.): Поляки помогали Таборамъ уже по смерти императора Сигизмунда противъ его преемника Альбрехта австрійскаго, и Таборы, благодаря покровительству Поляковъ, остаются до сихъ поръ въ своемъ упорствѣ, между тѣмъ какъ они безъ той помощи были бы уже обращены или истреблены; Поляки дѣйствуютъ по прежнему, когда они противъ императора Сигизмунда послали гуситскимъ Чехамъ на помощь князя Сигизмунда Корыбутовича во вредъ всему христіанству; Поляки вообще вредятъ австрійскому дому, король Владиславъ оспаривалъ угорскій престолъ у малолѣтняго Ладислава Альбрехтовича, и Габсбурги до сихъ поръ, по поводу препятствій со стороны Поляковъ, не могутъ завладѣть Чехіею и Угріею, да лишаются самой Польши;

---

[1]) Письмо въ корол. архивѣ мюнхенскомъ, списокъ въ архивѣ Чешскаго Музея въ Прагѣ; см. нашъ I Отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границею 1882 г. (Варшава, стр. 67), и срв. Палацкаго Dějiny n. č. IV. 1. p. 65. „Поганый родъ“ (heidnisch stamm) Ягайловичей такой же, какъ вѣра „поганаго“ (heidnisch) православнаго сербскаго деспотовича Лазаря Бранковича, за котораго нѣкоторые Угры хотѣли Елисавету выдать еще въ 1440-омъ г. (Caro: Geschichte Polens IV. 220).

Полякамъ слѣдовало бы повліять на Чеховъ и на Угровъ въ благопріятномъ для Ладислава смыслѣ и въ пользу всего христіанства [1]). Вопросъ о возвращеніи чешскихъ „еретиковъ“ въ лоно римской церкви не переставалъ интересовать и стараго ихъ врага, епископа кардинала Збыгнѣва Олешницкаго, еще въ концѣ его жизни. Узнавши о проповѣдяхъ монаха минорита инквизитора Іоанна Капистрана противъ гуситовъ въ Моравіи, Збыгнѣвъ Олешницкій — въ письмѣ къ нему (2 августа 1451) — предполагаетъ, что прибытіе Капистрана наполнило славянскіе народы большою радостью; можно-де надѣяться, что уклонившійся отъ истины чешскій народъ, знатная часть Славянъ, вернется опять къ католической церкви. Если же это состоится, то Капистранъ обяжетъ себѣ на всегда не только народъ чешскій, а тоже народы польскій, слезскій и славянскій: ибо мы по поводу одинаковаго языка, которымъ связаны съ Чехами, жаждемъ ихъ спасенія какъ своего собственнаго [2]). Въ подобномъ смыслѣ, вѣроятно по примѣру и побужденію епископа Збыгнѣва, самъ король Казиміръ въ письмѣ (7 сентября) Капистрану заявляетъ свою радость

---

[1]) Codex epistolaris saec. XV, t. II p. 6.

[2]) Длугошъ V. 93. Збыгнѣвъ Олешницкій желалъ тогда тоже, чтобъ Капистранъ дѣйствовалъ и въ польской Руси, гдѣ—не смотря на флорентинскую унію—Русскіе или Греки не отказались отъ своихъ „superstitiones aut errores; pertinacius enim illas usque in diem hanc tutati sunt, nec se sed Latinos errasse, constanter astruunt et affirmant; Rutenorum tamen natio facile a Graecorum obedientia scindi poterit, quoniam gens simplex et boni cupida est, et Latinorum moribus et conversatione plurimum limata“. (Codex epistolaris saec. XV, t. II. p. 125). Письмо Олешницкаго Чехамъ (Ad regnum Boemiae directa litera episcopi Cracov. baronibus et communitatibus scripta de Belce 22 aug. 1447, въ одной ватиканской рукописи), о которомъ вспоминаетъ Палацкій (Italienische Reise p. 61), намъ неизвѣстно; его не знаютъ ни Дзѣдушицкій (въ монографіи объ Олешницкомъ), ни Левицкій (въ спискѣ актовъ XV в.). Замѣтимъ, что тогда (1451—1452) въ Чехіи явилась мысль о соединеніи чешской церкви утраквистской съ церковью греческою царьградскою, и состоялось паденіе Таборовъ, которые должны были примкнуть къ церкви утраквистской. См. Палацкаго Dějiny národu českého IV. 1. p. 227, 259, 269.

по поводу его прибытія въ чешскія земли: богъ показалъ-де свою славу намъ и народамъ славянскимъ, избравши Капистрана для обращенія Чеховъ; этому радуется весь сѣверъ. Послѣ обращенія Чеховъ пусть Капистранъ прибудетъ и въ Польшу и пусть обращаетъ и Русскихъ въ Польшѣ и Литвѣ къ уніи съ римскою церковью; оба народа, Чехи и Русскіе, покрыты-де мракомъ заблужденій, но Русскіе какъ болѣе простые обѣщаютъ болѣе легкое обращеніе [1]).

Таборы и Сиротки, на сколько они уцѣлѣли отъ липанскаго погрома, сохранили свои старыя славянскія симпатіи, которыя являлись и послѣ липанской битвы въ сношеніяхъ Чеховъ и Поляковъ. Но не всѣ изъ этихъ таборскихъ и сиротскихъ „божіихъ воиновъ" остались вѣрны тѣмъ строгимъ принципамъ и правиламъ своего великаго предводителя Іоанна Жижки, который хотѣлъ имѣть вокругъ себя только чешскихъ славянскихъ божіихъ воиновъ, сражающихся за освобожденіе закона божія и языка чешскаго и славянскаго, какъ это и было подъ Прагою, Устьемъ и Домажлицами, подъ Тчевомъ (1433) и Таборомъ (1438). Многіе гуситскіе воины стали просто наемными солдатами, продавая свою службу и жизнь безразлично тому, кто имъ платилъ. Такимъ образомъ случалось, что чешскія военныя роты (отряды) сражались другъ противъ друга въ интересахъ чешскихъ, поль-

---

[1]) Письмо Казимира сообщаютъ J. Cochlaeus: Historia Hussitarum (Moguntiae 1549, p. 368), Wadding: Annales minorum seu trium ordinum a S. Francisco institutorum (Romae 1737, XII. 98); польскій переводъ Н. Малиновскій въ изданной имъ хроникѣ Б. Вановскаго III. 101. У Ваддинга (р. 139) помѣщено письмо епископа Збыгнѣва Капистрану (15 апрѣля 1452), въ которомъ Збыгнѣвъ говоритъ — по словамъ угорскаго францисканца Ладислава возвратившагося изъ Молдавіи—что Ладиславъ „in hominibus partium illarum, damnato dogmate haeresis boemicae infectis, parvum fructum retulisse". Это относится вѣроятно къ жителямъ молдавскаго города Гусъ (Гушъ, Хусъ) на Прутѣ, основаннаго бѣжавшими въ Молдавію угорскими гуситами. См. Hunfalvy: Ethnographie von Ungarn 266, и Иречка въ ж. Časopis Česk. Musea 1885, р. 387.

скихъ, угорскихъ и нѣмецкихъ. Если Чапекъ [1]) и Колда служили польскому королю Владиславу въ Угріи, то они такъ дѣлали вѣроятно не только какъ простые наемные воины за плату, а тоже какъ приверженцы славянскаго польскаго короля; между тѣмъ ихъ земляки Іоаннъ Искра изъ Брандыса и Іоаннъ Витовецъ изъ Гребня защищали интересы нѣмецкихъ Габсбурговъ въ Угріи и Хорватіи. Долголѣтнее пребываніе и правленіе Искры и его чешскихъ товарищей въ сѣверной Угріи среди Словаковъ имѣло для послѣднихъ извѣстное значеніе; гуситство проникало и въ словенскіе края, чешскій языкъ — столь близкій словенскому нарѣчію — входилъ въ употребленіе какъ языкъ литературный и среди Словаковъ. Къ чешскимъ ротамъ въ Угріи примкнули и словенскіе воины, на пр. Панкрацъ изъ Св. Николая, братья Подманицкіе и другіе. Любопытно, что Искра является въ Угріи защитникомъ словенскаго сельскаго люда противъ шляхты [2]).

Подобную тому печальную роль играли чешскіе наемные воины во время долголѣтней войны Польши противъ нѣмецкаго ордена въ Прусіи (1454-1466), войны, которая началась въ слѣдствіе добровольнаго подчиненія Польшѣ прусскихъ земянъ и городовъ. Борьба Польши и нѣмецкаго ордена была давнишняя борьба Нѣмцевъ и Славянъ изъ-за балтійскаго поморья, которое Нѣмцы завоеватели старались удержать за собою, а Поляки—освободить отъ нѣмецкаго господства и возвратить своему государству. „Не допускайте, чтобъ нѣмецкія земли, родъ и языкъ перешли подъ господство славянскаго короля и народа“! — вотъ какъ надменно отозвались представители нѣмецкаго ордена къ прусскимъ земянамъ и городамъ въ присутствіи польскихъ

---

[1]) Чапекъ „des kunigs von Polan obrister hauptmann“ послалъ королю Фридриху объявленіе войны an des h. Pauls becherung 1442. (A. Kollar: Analecta monumentorum Vindobonensia II. 1027.)

[2]) Срв. Палацкаго Dějiny národu českého IV. 1. str. 445, Кіč: Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht, 134—158, срв. его же Über die Abstammuug der Rumänen, 132 — 135.

уполномоченныхъ, въ томъ числѣ и Длугоша. Противъ такой нѣмецкой теоріи о собственности, конечно, ничего не значили польскія возраженія объ историческомъ правѣ польскаго народа на земли поморскую, хелменскую и михаловскую: онѣ-де принадлежатъ со времень князя Лѣха Полякамъ, которые и дали тамошнимъ городамъ, горамъ, рѣкамъ ихъ польскія названія [1]). Такой непримирямый споръ не могъ иначе рѣшиться, какъ только войною. Польскій король Казимиръ располагалъ недостаточными матеріальными силами, и долженъ былъ вести войну на одни только средства Польши, безъ помощи Литвы и литовской Руси, смотрѣвшихъ на Польшу по прежнему изъ подлобья [2]). Польшѣ удалось только послѣ долголѣтней войны возвратить себѣ западныя, славянскія владѣнія ордена, земли поморскую, хелменскую, михаловскую, тоже Маріенбургъ и Вармію, и привести побѣжденный орденъ въ зависимость отъ себя. Къ сожалѣнію, полное раздавленіе нѣмецкаго ордена въ балтійскихъ странахъ, въ восточной Прусіи—чего желали тогда многіе Поляки—не удалось; онъ потомъ еще нѣсколько разъ возставалъ противъ наступившаго на его голову „славянскаго“ народа, и соединившись наконецъ съ давнишнимъ могильщикомъ Славянства на западѣ, съ Бранденбургомъ, вновь ожилъ, поразилъ и поработилъ славянскій языкъ около балтійскаго моря [3]).

---

[1]) Длугошъ V. 417, 391.

[2]) Участіе литовскихъ отрядовъ въ этой войнѣ было случайное, какъ на пр. участіе литовскаго и татарскаго отряда подъ Ивашкомъ Ходковичемъ подъ Хойницею 1466 г. (Длугошъ V. 441). Объ участіи литовскаго войска въ первой битвѣ подъ Хойницею (1454) разсказываетъ литовско-русская лѣтопись (т. н. Быховца, изд. Нарбутта, 59); но лѣтописецъ смѣшалъ нѣмецкихъ рыцарей съ „чешскимъ королемъ Ирикомъ и его войскомъ чешскимъ и слязскимъ“, которое разбиваетъ войско польско-литовское.

[3]) Длугошъ (V. 473), окончивъ свой разсказъ о прусской войнѣ, выражаетъ радость по поводу возвращенія Польшѣ оторванныхъ когда-то у нея земель, и считаетъ себя счастливымъ, что ему удалось увидать столь отрадный фактъ; онъ бы считалъ себя еще болѣе счастливымъ, еслибъ могъ еще увидать присоединеніе къ Польшѣ зе-

Въ этой упорной борьбѣ Нѣмцевъ и Славянъ изъ-за балтійскаго моря важную и въ значительной части плачевную роль играютъ военныя роты чешскія. Многіе чешскіе гейтманы и ротмистры служили польскому королю, въ ихъ числѣ Іоаннъ Колда, Іоаннъ Славата, Альбрехтъ Костка изъ Поступицъ, Іоаннъ Пушкарь, Капунъ изъ Смирицъ, Кавка изъ Собѣсукъ, Жакъ изъ Свеборовицъ, Ульрихъ изъ Смолотелъ и др. Многіе изъ этихъ чешскихъ воиновъ служили польскому королю вѣроятно не за одну плату, что̀ можно положительно утверждать о Колдѣ и Косткѣ; но съ другой стороны, не получая платы, брались и за оружіе противъ короля. Такъ это сдѣлали самъ Колда вмѣстѣ съ освѣтимскимъ княземъ Іоанномъ и съ своимъ „сбродомъ людей изъ Чеховъ, Поляковъ и Слезаковъ", какъ выражается Длугошъ. Но не одинъ польскій король пользовался въ этой войнѣ помощью наемныхъ ротъ чешскихъ; чешскіе полководцы и ихъ отряды служили тоже нѣмецкому ордену, какъ на пр. Ульрихъ Червенка изъ Ледецъ и Бернардъ изъ Цимбурга. Такимъ образомъ чешскіе наемные солдаты воевали и другъ противъ друга: одни защищали интересы польско-славянскіе, а другіе — интересы нѣмецкіе. Но при этомъ замѣтно и среди чешскихъ ротъ, служившихъ нѣмецкому ордену, расположеніе къ Полякамъ; Червенка не стѣснялся — не смотря на сопротивленіе нѣмецкихъ ротъ—сдать Маріенбургъ Полякамъ, и удержался въ замкѣ, между тѣмъ какъ другой чешскій полководецъ Цимбургъ занялъ потомъ городъ Маріенбургъ для нѣмецкаго ордена. Во время этой войны явился и гейтманъ Іоаннъ Искра изъ Угріи въ Польшу, и на сеймѣ въ Пётрковѣ (1458) увѣщевалъ короля Казимира и его пановъ, завладѣть Угріею, которая принадлежитъ по праву Казимиру по поводу его супруги Елисаветы Альбрехтовны, а отнята теперь вновь избраннымъ королемъ угорскимъ

ель слезской, любушской и столпской (западнаго Поморья), епархій ратиславской, любушской и каменской, воздвигнутыхъ Болеславомъ еликимъ. Вышло иначе: патріотическія мечты Длугоша не сбылись, сбылись опасенія Сташица; срв. „Славяне", II. 97.

Матвѣемъ Хунядомъ. Польша, всецѣло занятая прусскою войною, не могла подумать о такихъ дѣлахъ; но король принялъ посредничество Искры, имѣвшаго связи съ чешскими ротами въ войскѣ нѣмецкаго ордена, въ сношеніяхъ съ магистромъ и въ заключеніи перемирія [1]).

Взаимныя симпатіи Чеховъ и Поляковъ показались въ новой силѣ во время правленія и царствованія Юрія Подѣбрадскаго, сторонника Польши съ юныхъ лѣтъ. Съ воцареніемъ гуситскаго короля Юрія (1458) повѣяло въ чешской политикѣ новымъ просвѣщеннымъ духомъ, направленіемъ національнымъ, чешскимъ и славянскимъ. Чехи, гуситы и съ начала тоже католики, съ радостью возвели, по смерти короля Ладислава (1457), въ королевскій санъ любимаго своего правителя, которому должны были уступить всѣ другіе кандидаты Нѣмцы; въ ихъ числѣ былъ тоже бранденбургскій курфюрстъ Фридрихъ II, котораго желали имѣть чешскимъ королемъ особенно Лужичане, указывая на то, что онъ, воспитанный въ Краковѣ при польскомъ дворѣ, знаетъ въ совершенствѣ польскій языкъ, и слѣдовательно скоро можетъ изучить и чешскій языкъ; онъ бы могъ соединить и Бранденбургъ и можетъ быть и Прусію съ чешскою короною [2]). Поль-

---

[1]) О чешскихъ ротахъ въ прусской войнѣ см. исторіи Длугоша (послѣднюю книгу), Фойгта, Каро и Палацкаго (IV. 1. p. 442; слова, что Колда служилъ „v Polště a Rusích“ надо исправить „v Prusích“). Разные акты (на чешскомъ языкѣ), касающіеся вообще этихъ чешскихъ ротъ на службѣ польской во второй половинѣ XV в., собраны нами въ архивахъ варшавскихъ, краковскихъ и пражскихъ, и напечатаны въ журн. Časopis Česk. Musea 1880, и въ нашемъ I Отчетѣ о научныхъ занятіяхъ за границею 1882 г. (Варшава). Нѣкоторые напечатаны тоже въ Codex diplomat. Poloniae Silesiae, ed. Boniecki-Bobowski; два (1499 г.) у Каро Geschichte Polens V. 1008. Нѣмецкій историкъ Польши, Каро, называетъ Бернарда изъ Цимбурга „wacker“ (у Каро прозвище почти всѣхъ Нѣмцевъ и ихъ пособниковъ); но такихъ славянскихъ „молодцовъ“, продавшихъ себя Нѣмцамъ противъ собственнаго народа, въ той же Прусіи когда-то Іоаннъ Чапекъ сжегъ на кострѣ (см. выше стр. 73).

[2]) Das kaiserliche Buch des Markgrafen Albrecht Achilles, . K. Höfler, p. 46 (Quellensammlung für fränkische Geschichte, II, B .

скій король Казимиръ, какъ мужъ Елисаветы Альбрехтовны, сестры покойнаго короля Ладислава, заявлялъ тоже свое наслѣдственное право на чешскую корону, которое однако не могло преодолѣть избирательнаго права Чеховъ; вѣдь самъ Казимиръ двадцать лѣтъ назадъ охотно принялъ ту же самую корону св. Вячеслава изъ рукъ своихъ чешскихъ избирателей, оспаривая наслѣдственное право короля Альбрехта и его супруги Елисаветы Сигизмундовны.

Чешскій король Юрій, вѣрно понимая положеніе свое и своего народа въ „пасти" нѣмецкаго народа и подъ недовѣрчивыми взорами ненавидящаго Чеховъ римскаго папы, все время старался сохранить и поддерживать дружескія отношенія къ сосѣднему славянскому государству, Польшѣ, усматривая въ немъ и для своего народа опору и защиту противъ притязаній нѣмецкаго народа и папы. Съ другой стороны и польскій король Казимиръ, не смотря на непризнанныя Чехами его мнимыя права на чешскую корону, понималъ всю важность для Польши сохраненія славянскаго государства въ средней Европѣ и необходимость поддерживать его противъ Нѣмцевъ; онъ не могъ тоже отречься отъ тѣхъ живыхъ славянскихъ симпатій, которыя играли столь видную роль въ его избраніи въ чешскіе короли еще двадцать

reuth 1850); срв. Droysen: Geschichte der preuss. Politik II. 1. p. 204. Объ избраніи Юрія Подѣбрадскаго въ чешскіе короли замѣчаетъ чешскій лѣтописецъ: „A z toho byla veliká radost' věrným Čechuom; a mnozí sú plakali pro radost', že milý buoh vysvobodil je z toho, že sú již vyšli z moci německých králuov, kteříž sú myslili zlé učiniti lidu českému, a zvláště těm, kteříž přídrží se čtenie svatého". (Staří letopisové čestí, 170). Срв. что пишутъ послы саксонскаго герцога объ избраніи Юрія: „Das gemein volk hat gerufen, herrn Girzik adir sust einen andern behemischen herrn und sust keinen Dutschen adir andern zu konige zu wählen nach ufzunemen". (Palacký: Urkundl. Beiträge zur Geschichte Böhmens im Zeitalter Georgs v. Poděbrad, in Fontes rerum austriacarum, Diplomataria et acta, XX. p. 130). Длугошъ, заклятый врагъ „еретика" Юрія, говоря о его смерти, замѣчаетъ: „Ex eo maxime a suis desideratus, quod in sanguine humano fundendo non agebat se praecipitem". (V. 551).

лѣтъ тому назадъ. И, дѣйствительно, король Казимиръ показалъ свои симпатіи къ Чехіи и на дѣлѣ въ самыя тяжелыя для нея времена, и надо только сожалѣть, что не было у него достаточно матеріальныхъ и нравственныхъ силъ для болѣе дѣятельной поддержки славянскаго государства въ средней Европѣ, какъ этого требовали интересы Польши и всего Славянства. Казиміръ располагалъ однѣми только силами Польши, а не Литвы и литовской Руси, которыя тогда смотрѣли на Польшу враждебно и не поддерживали ея интересовъ; кромѣ того польскій король на каждомъ шагу, предпринимаемомъ въ пользу Чеховъ и ихъ короля, встрѣчался съ упорнымъ сопротивленіемъ „правовѣрныхъ христіанъ" (католиковъ) въ Чехіи и ея коронныхъ земляхъ, въ Польшѣ, Угріи, во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ, въ Италіи и пр., натравляемыхъ римскимъ папою противъ проклятыхъ чешскихъ „еретиковъ" и ихъ „самозванца Юрика", лишеннаго папою королевскаго достоинства; а этотъ крикъ „правовѣрныхъ" противъ „еретиковъ" нерѣдко пугалъ самого Казимира, и ослаблялъ его національныя славянскія симпатіи.

Нѣмецкій вопросъ около балтійскаго моря, интересовавшій не только Поляковъ, а тоже Чеховъ, назрѣвалъ. Еще во время чешскаго короля Ладислава и правленія Юрія Подѣбрадскаго (1454) король Казимиръ въ спорѣ съ нѣмецкимъ орденомъ охотно принималъ посредничество чешскаго короля, но только съ условіемъ, если въ этомъ дѣлѣ будутъ спрашиваемы одни только чешскіе совѣтники короля съ исключеніемъ нѣмецкихъ. Польскій король хорошо зналъ, почему не довѣрялъ нѣмецкимъ совѣтникамъ Нѣмца Ладислава. Въ интересахъ нѣмецкаго ордена лежало именно поссорить обоихъ королей, чешскаго и польскаго, и орденъ въ самомъ началѣ войны съ Польшею предлагалъ Прусію чешскому королю Ладиславу. Посолъ ордена, маркграфъ Альбрехтъ, братъ бранденбургскаго курфюрста Фридриха, какъ истый Нѣмецъ патріотъ, нападалъ на прусскихъ земянъ и мѣщанъ за ихъ возстаніе противъ ордена, и высказалъ свое сожалѣні по поводу начинающагося пожара вражды и ненависти межд народами нѣмецкимъ и польскимъ и предстоящаго водворені польскаго владычества въ Прусіи, этой постоянной житниц

нѣмецкой крови и госпиталѣ для захудалаго нѣмецкаго дворянства [1]).

Король Юрій, зная притязанія Казимира на чешскую корону, уже въ началѣ 1459 г. отправилъ своихъ пословъ къ польскому королю, предлагая ему послѣ своей кончины чешскую корону (или скорѣе надежду на ея пріобрѣтеніе) и помощь противъ нѣмецкаго ордена и для покоренія Прусіи. Казимиръ, желая сохранить дружественное настроеніе чешскаго короля, отвѣтилъ, что онъ всегда предпочиталъ дружбу войнѣ съ Чехами. Два года спустя (1461) чешскій король долженъ былъ быть посредникомъ въ спорѣ между польскимъ королемъ и нѣмецкимъ орденомъ, но дѣло не состоялось по поводу неохоты магистра, который вообще старался поссорить обоихъ славянскихъ королей; да посылаемые въ Чехію нѣмецкими крестоносцами поджигатели приписывались Полякамъ [2]). Дружескія отношенія между Юріемъ и Казимиромъ не прекращались, и въ Бытомѣ (1460) и Глоговѣ (1462) заключены или возобновлены дружескіе договоры и союзы между обоими славянскими государствами. Оба короля должны были жить въ искреннемъ братствѣ, дружбѣ и доброжелательствѣ; ни тотъ ни другой не долженъ дѣйствовать другъ противъ друга, а оба должны заботиться о добрѣ и о чести своихъ государствъ, смотрѣть за тѣмъ, чтобъ не дѣлались наѣзды изъ Польши въ Чехію, и изъ Чехіи въ Польшу. Въ Глоговѣ тоже много говорилось о возлюбленной тогда идеѣ общаго похода

---

[1]) Длугошъ V. 175, 195. Въ 1454 г. Чехи и Мишняне, въ спорѣ относительно нѣкоторыхъ замковъ, желали прибѣгнуть къ рѣшенію короля Казимира. Въ 1465—1466 гг. послы чешскаго короля были посредниками между королемъ Казимиромъ и слезскимъ княземъ Конрадомъ олешницкимъ и его супругою Маргаритою, княжною мазовскою, которые оба отказались отъ Мазовіи и Червоной Руси; срв. акты у Бонецкаго-Бобовскаго Codex diplomaticus Poloniae-Silesiae, Nros 59—64.

[2]) Codex epistolaris saec. XV, t. II. 192, Длугошъ V. 277; Caro Geschichte Polens V. 177, 185, Палацкаго Dějiny n. č. IV. 2. p. 146.

христіанскихъ государей противъ Турокъ, которые однако—какъ вскорѣ показалось—считались въ Римѣ менѣе опасными, чѣмъ чешскіе еретики [1]). Въ Глоговѣ, гдѣ оба короля съѣхались лично, Юрій — такъ разсказывали въ враждебной ему какъ Чеху и еретику нѣмецкой столицѣ Слезіи, Вратиславлѣ — увѣщевалъ Казимира, чтобъ онъ подумалъ о славѣ и о древности ихъ народа, и помогалъ ему противъ Нѣмцевъ, Вратиславлянъ и Бранденбурга, противъ папы, императора и курфюрстовъ, такъ какъ они нанесли Польшѣ большой срамъ и вредъ по поводу нѣмецкихъ крестоносцевъ. Но Казимиръ, занятый прусскою войною, не обѣщалъ ничего [2]).

На чешскія дѣла Казимиръ могъ обратить вниманіе только послѣ торунскаго мира (1466), окончившаго борьбу Польши съ нѣмецкимъ орденомъ въ пользу Поляковъ. Римскій папа лишилъ еретика Юрика чешской короны, и натравливалъ противъ него всѣхъ христіанскихъ государей. Уже въ 1466 г. легатъ папы, Рудольфъ епископъ лавантскій, который тогда при заключеніи мира торунскаго посредничалъ между польскимъ королемъ и нѣмецкимъ орденомъ, предлагалъ чешскую корону Казимиру, особенно потому, что чешское королевство съ польскимъ почти „одного языка и народа“; пусть онъ приметъ чешскую корону, принадлежащую ему и его супругѣ по наслѣдственному праву,

---

[1]) Dogiel: Codex diplomat. Poloniae I. Nros 11 — 19, Palacký: Urkundl. Beiträge z. Gesch. Georgs v. Poděbrad 236, 367, 460, 474; Scriptores rerum silesiacarum VIII. 97, Codex epistolaris saec. XV, t. II. p. 203, 205.

[2]) См. письмо Вратиславлянъ 1462 г. въ Scriptores rerum siles. VIII. 102, и исторію современнаго писаря вратиславскаго, Петра Эшенлоэра (P. Eschenloer: Geschichten der Stadt Breslau, ed. Kunisch, 1827, I. 189), который пишетъ: „Girsik (т. е. чешское Jiřík — Юрикъ) vermahnete den könig zu Polen, dass er sollte ansehen die ehre und alt herkommen ihrer gezunge, und sollte ihme helfen wider die Deutschen, und zuvoran wider den bapst und kaiser und die churfürsten, so als sie dem könig von Polen umb Preussenland willen grosse schande und schaden hatten gethan“.

и по поводу „одного языка“ [1]). Подобно тому и чешскіе измѣнники, союзъ католическихъ пановъ, во главѣ ихъ панъ Зденѣкъ изъ Штернберга на Конопищѣ, возставши противъ своего „еретическаго“ короля, обратились къ польскому королю, „такъ какъ у Чеховъ и Поляковъ почти одинъ и тотъ же языкъ“, и, призывая Казимира на чешскій престолъ (1467), просили его не допустить, чтобъ еретикъ царствовалъ въ королевствѣ славянскаго языка [2]).

Призываніе Поляка на чешскій престолъ со стороны папы и чешскихъ заговорщиковъ возбудило неудовольствіе римско-нѣмецкаго короля Фридриха и Нѣмцевъ вообще; на сеймѣ нюрнбергскомъ (1467) говорили, что чешскимъ королемъ не долженъ быть другой, какъ только Нѣмецъ какъ имперскій курфюрстъ, и король Фридрихъ соглашался видѣть на чешскомъ престолѣ кого бы то ни было, только не Поляка [3]). Нѣкоторые Поляки считали необходимымъ, чтобъ Польша всѣми силами стремилась къ пріобрѣтенію Чехіи; если эта достанется въ чужія руки, то Польша никогда не будетъ сильной; она въ слѣдствіе присоединенія Чехіи значительно усилится, и было бы преступленіемъ и ея гибелью, если бы она не стремилась къ этой цѣли. „О Польша, дѣйствуй, о храбрый польскій народъ поднимись! Богъ тебѣ предлагаетъ богатый подарокъ, смотри, чтобъ онъ не пропалъ

---

[1]) Длугошъ V. 467. Длугошъ разсказываетъ, что Юрій Подѣбрадскій еще какъ правитель стоялъ въ началѣ войны Польши и ордена на сторонѣ послѣдняго, гибель котораго не была бы по душѣ королю Ладиславу, покровителю ордена; дальше, что торунскій миръ возбудилъ недовольство короля Юрія, который желалъ-де ослабленія Польши. Но все это вяжется такъ мало съ воззрѣніями короля Юрія на Польшу, что разсказъ Длугоша надо отнести къ извѣстной ненависти польскаго историка къ „еретику“.

[2]) De Georgio Bohemiae rege (Höfler: Geschichtschreiber der usit. Bewegung III. 225), Длугошъ V. 482, Dogiel: Codex diplom. 'oloniae I. Nros 17, 18, Archiv český III. 578 (Nro 798). Срв. Палацкаго Dějiny n. č. IV. 2. p. 404.

[3]) Срв. Палацкаго IV. 2. p. 427, Каро V. 285.

въ слѣдствіе твоей лѣни!“ Король Юрій откажется, можетъ быть, добровольно отъ чешской короны для предотвращенія опасности, которая угрожаетъ Чехіи; чешское королевство разорвано внутреннею войною, союзъ католическихъ пановъ, Слезія, Лужицы— противъ короля Юрія, папа уже обратился къ королю Казимиру съ просьбою, чтобъ онъ воевалъ съ Юріемъ и погубилъ его; но король Казимиръ отказалъ, такъ какъ „онъ всегда желалъ и желаетъ чешскому королевству и народу блага, мира и защиты“; Юрій самъ думаетъ о томъ, чтобъ его преемникомъ сдѣлался одинъ изъ сыновей Казимира [1]).

Король Казимиръ не принялъ чешской короны ни изъ рукъ папы, ни отъ возставшихъ чешскихъ заговорщиковъ, хотя легатъ Рудольфъ уговаривалъ его и польскихъ пановъ столь краснорѣчивыми словами, которыя бы—какъ выражается Петръ Эшенлоэръ—смягчили камень [2]). Отношенія между Чехами и Поляками оставались дружескими, и многіе польскіе воины отправились въ Чехію, помогать королю Юрію; самъ король Казимиръ старался примирить короля Юрія съ папою и съ чешскими заговорщиками. По этому онъ, „глубоко сожалѣя о гибели чешскаго королевства славянскаго языка, и опасаясь разоренія и погубленія славной чешской короны и родного языка славянскаго“, отправилъ въ Чехію пословъ, калишскаго воеводу Станислава изъ Остророга, краковскаго старосту Якова изъ Дэмбна, и историка каноника Іоанна Длугоша. Этимъ польскимъ посламъ удалось по крайней мѣрѣ заключить перемиріе между королемъ Юріемъ и союзомъ возставшихъ пановъ (1467), и Юрій соглашался на перемиріе изъ особенной любви къ королю Казимиру, съ благодарностью признавая всѣ старанія милаго брата своего о водвореніи мира въ чешскомъ королевствѣ „славянскаго языка“ [3]).

---

[1]) Consilia pro regno Bohemiae, статья въ рукописи Император. Публ. Библіотеки (разноязычныя, F. IV. 105), которую мы описали въ ж. Časopis Česk. Musea 1880, p. 417.

[2]) Geschichten der Stadt Breslau II. 60.

[3]) Archiv český IV. 147—164, Urkundl. Beiträge zur Geschichte Georg's v. Poděbrad 482, 496—517; разсказъ Длугоша и Эшенлоэра

По поводу этой примирительной роли Польши одинъ чешскій стихотворецъ радуется тогда, что славный и могущественный король Казимиръ совершилъ примиреніе въ замѣшавшемся стадѣ „въ славнѣйшемъ языкѣ славянскомъ", и проситъ бога и святыхъ дѣдичей славянскихъ, Вячеслава, Людмилу, Прокопа, Іеронима, Станислава и др., помогать въ этомъ дѣлѣ [1]).

Польскій король Казимиръ не принялъ чешской короны, но принялъ ее угорскій король Матвѣй, и—хотя у него на шеѣ былъ опасный врагъ, Турки—началъ по наущенію римскаго папы войну противъ чешскихъ „еретиковъ". Тщетно Казимиръ старался помѣшать войнѣ между королями чешскимъ и угорскимъ. Юрій, въ началѣ угорской войны, возобновилъ свой давнишній планъ и подавалъ Казимиру надежду, что одинъ изъ его сыновей будетъ избранъ въ чешскіе короли, что̀ Казимиръ принялъ съ удовольствіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Юрій просилъ польскаго короля не оставлять и поддерживать его. Находясь уже въ лагерѣ подъ Лавою на границѣ моравско-австрійской, Юрій писалъ Казимиру (20 апрѣля 1468), что Зденѣкъ изъ Штернберга и его товарищи, ведя угорскаго короля противъ своего отечества, не видятъ послѣдствій своего поступка; они стремятся сдѣлать всякое зло посредствомъ иностранцевъ и иноплеменниковъ, готовятся всякими безбожными дѣлами и коварствами погубить „насъ, наше королевство и нашъ языкъ славянскій"; Казимиръ пусть не оставитъ его а поможетъ ему: ибо если иноплеменники погубятъ

къ 1467-ому г. Срв. Палацкаго Dějiny n. č. IV. 2. p. 415. Въ сношеніяхъ съ польскими послами употреблялся кромѣ языка латинскаго и чешскій, о чемъ см. Archiv český IV. 160, Urkundl. Beiträge 507.

[1]) Стихотвореніе въ упомянутой петербургской рукописи (Časopis Česk. Mus. 1880, p. 416):

Mitte nobis auxilium, da nobis adjutorium, Kazimirum nunc regem.
Is nunc se interposuit, tuo nutu disposuit, ut pacificet gregem
Nostro gravi disturbio turbatum in linguagio praeinclyto Sclavorum,
Vere nostri compatiens, prudentissimos dirigens nuncios Polonorum
etc.

чешскій народъ, то надо опасаться, что они намѣрены сдѣлать такъ и Польшѣ, какъ это бывало и прежде [1]). Также и на сеймѣ пётрковскомъ (въ октябрѣ 1468 г.) посолъ короля Юрія, Павелъ, пробощъ здеразскій изъ Праги, просилъ Казимира, не допустить, чтобъ королевство дружественное и одного языка славянскаго было разорено и погублено [2]). Въ Польшѣ повторялось до извѣстной степени то, что̀ было за нѣсколько десятилѣтій назадъ въ началѣ гуситскаго движенія. Поляки и ихъ король по поводу своихъ народныхъ симпатій клонились къ своимъ соплеменникамъ Чехамъ; но эти симпатіи все-таки не могли развернуться вполнѣ, придавливаемыя религіозными антипатіями и воплемъ католическаго духовенстаа, ратовавшаго противъ общенія съ проклятыми Римомъ еретиками. Но эти антипатіи не были столь сильны, какъ полъ-вѣка тому назадъ. Поляки— замѣтилъ современный Петръ Эшенлоэръ, вратиславскій писарь, врагъ Чеховъ и Поляковъ, внимательно слѣдившій за тогдашнею политикою,—не ненавидятъ Чеховъ, и оба народа будучи одного языка, не допустятъ гибели одного или другого. Ересь отнюдь ихъ не раздѣляетъ; разница между Поляками и Чехами относительно благочестія и повиновенія папѣ незначительна; Поляки, конечно, больше расположены къ папѣ чѣмъ Чехи, но

---

[1]) Nec isti debite finem perspiciunt, omne malum per extraneos et alienigenas inducere conantur, nos, regnum nostrum et linguam nostram slavonicam per omne nefas et excogitatas malitias destruere machinantur... Nam, quod tamen absit, si alienigenae et extranei nos et linguam nostram opprimerent, timendum est, ne fraternitatem vestram et subditos vestros, sicut superioribus temporibus contingebat, opprimere nitentur. (Письмо сохранилось въ петербургской рукописи; срв. Časopis Česk. Musea 1880, p. 415). Мысли, высказанныя въ этомъ письмѣ Юріемъ, напоминаютъ мысли короля Премысла II Отакара; см. выше, стр. 25—26.

[2]) Длугошъ V. 503, 515. Срв. Палацкаго Dějiny IV. 2. p. 468 474; Papée: Polityka polska w czasie upadku Jerzego z Podiebradt (sic) w obec kwestyi następstwa w Czechach (Rozprawy krakow. akademii VIII, 1878); Sutowicz: Walka Kazimierza Jagiellończyka z Maciejem Korwinem o koronę czeską (Kraków 1876).

бываютъ случаи, когда и Поляки сильно бранятъ папу и съ удовольствіемъ слушаютъ бранныя рѣчи о папѣ; еслибъ въ Польшѣ не сопротивлялось высшее духовенство и его друзья, то христіанское послушаніе встрѣчалось бы въ Польшѣ рѣже, чѣмъ въ Чехіи. Сохрани боже—восклицаетъ этотъ Нѣмецъ — чтобъ соединились въ ереси Чехія и Польша! [1])

На симпатіи Поляковъ и Чеховъ жалуется папскій легатъ епископъ Рудольфъ. Когда онъ въ началѣ 1468 г. предлагалъ чешскую корону бранденбургскому курфюрсту Фридриху, то упомянулъ тоже объ опасности въ томъ случаѣ, еслибъ эту корону принялъ польскій король. Самъ римско-нѣмецкій король указывалъ-де легату на необходимость, чтобъ чешская корона досталась сильному нѣмецкому князю, именно курфюрсту Фридриху, въ избѣжаніе многихъ бѣдствій, которыя могутъ произойти отъ соединенія Чехіи и Польши; слезскіе князья и города по большей части тоже желаютъ не польскаго короля, а нѣмецкаго князя, именно курфюрста. Самъ папа не желаетъ польскаго короля на чешскомъ престолѣ, не довѣряя Полякамъ и ихъ готовности въ случаѣ пріобрѣтенія польскимъ королемъ чешской короны, искоренить въ Чехіи ересь. Польскіе прелаты и паны — разсуждалъ дальше легатъ, бывшій тоже въ Польшѣ—убѣждены, что польская корона имѣетъ старыя права на бранденбургскую марку; эти права осуществятся, когда польскій король или его сыновья пріобрѣтутъ Чехію. По этому Польша находится съ обѣими чешскими партіями въ хорошей дружбѣ; по смерти Юрія или даже добровольнымъ его уступленіемъ пріобрѣтетъ чешскую корону король Казимиръ или его сынъ; потомъ можетъ пріобрѣсти

---

[1]) Вратиславская исторія Эшенлоэра (латинскій текстъ изданный въ Scriptores rerum siles. VII. 148, нѣмецкій—позднѣйшій—изданный Кунишемъ, II. 88—89, 190). Изъ латинскаго текста: „Puto Polonos non odire Bohemos, quia unius linguae unus alterius destructioni non consentiet, neque haeresis neque offensa qualiscunque differentiam faciet inter Polonos et Bohemos.“ Эшенлоэръ въ своей исторіи помѣстилъ много актовъ и писемъ того времени, относящихся къ дѣламъ чешско-польскимъ.

и марку, Австрію—какъ наслѣдство послѣ короля Ладислава — и другія земли. Если же еретическая земля достанется Польшѣ, то надо опасаться, что ересь не уменьшится, а распространится на большой стыдъ и срамъ христіанству; польскіе попы въ теченіи многихъ лѣтъ благопріятствовали ереси, многіе паны и шляхта въ Польшѣ отравлены ересью, да многіе еретическіе попы въ Чехіи—Поляки. Польскіе паны, духовные и свѣтскіе, называютъ еретика Юрика, котораго папа проклялъ и лишилъ престола, все королемъ. Бранденбургскій курфюрстъ соглашался съ легатомъ на счетъ опасности, которая могла бы возникнуть и для него въ слѣдствіе соединенія обоихъ народовъ, Поляковъ и Чеховъ, въ одну державу, но по разнымъ причинамъ не принялъ предложенія легата [1]).

Избраніе угорскаго короля Матвѣя въ чешскіе короли чешскими повстанцами ускорило избраніе польскаго королевича Владислава Казимировича наслѣдникомъ чешскаго престола. Это состоялось еще при жизни короля Юрія и по его побужденію на пражскомъ сеймѣ въ іюнѣ 1469 года. Юрій очень желалъ, чтобъ это дѣло, столь полезное для чешской короны, состоялось и чтобъ ему не помѣшали козни людей, которые хотѣли бы, чтобъ ему

[1]) Codex diplomat. Brandenburg., ed. Riedel, C. I. p. 455; срв. Droysen: Geschichte der preuss. Politik II. 1. p. 343, Palacký: Dějiny n. č. IV. 2. p. 427—429. Легатъ очевидно сильно преувеличивалъ склонность Поляковъ къ гуситству, и едва-ли правда, что „der zweinzigste lotterpfaffe, die die ketzer zu Behem haben, ist nicht ein Behem, sondern ein Polack“. Съ другой стороны мысли Іоанна изъ Остророга (см. ниже) указываютъ на значительное раздраженіе Поляковъ противъ папы, епископовъ и вообще духовенства. Замѣтимъ, что тогда Римъ придумалъ планъ раздѣленія чешскаго государства не только отторженіемъ отъ него коронныхъ земель, а тоже раздѣленіемъ самой Чехіи на нѣсколько самостоятельныхъ княжествъ и графствъ. Григорій изъ Геймбурга, который упоминаетъ объ этомъ планѣ въ письмѣ 26 августа 1469 г. (Kaiserliches Buch des M. Albrecht, p. 215), говоритъ, что такой планъ имѣлъ уже папа Мартынъ въ 1422 г., и что съ нимъ соглашался польскій король Владиславъ Ягайло.

и его королевству было плохо; онъ надѣялся и радовался, что нынѣ оба короля, чешскій и польскій, другъ другу будутъ помогать противъ Матвѣя, такъ какъ онъ, Юрій, „по поводу общаго языка расположенъ къ своему милому брату, польскому королю Казимиру“ [1]). Съ другой стороны Юрій думалъ,—съ помощью бургундскаго герцога Карла—потрясти римско-нѣмецкую имперію въ ея основаніяхъ и исключить изъ нея чешскую корону: планы, которые однако не удались. Чешскіе послы отправились въ Пётрковъ на сеймъ, и здѣсь король Казимиръ принялъ избраніе своего сына въ чешскіе короли, но съ оговоркою, если папа согласится. Съ тѣхъ поръ чешскія дѣла сдѣлались близкими для Польши и ея королевскаго рода, и Польша, въ виду своего наслѣдства въ Чехіи, стала дѣйствовать въ ея пользу: Поляки — по словамъ современнаго П. Эшенлоэра—никоимъ образомъ не хотятъ бросить „еретиковъ“, ни оставить чешскаго королевства въ рукахъ короля угорскаго [2]).

По смерти короля Юрія (1471) Чехи на избирательномъ сеймѣ въ Кутной Горѣ большинствомъ голосовъ избрали въ короли Владислава Казимировича. Нѣкоторые хотѣли имѣть королемъ самого Казимира; эта мысль, чтобъ польскій король и великій князь литовско-русскій сталъ королемъ чешскимъ, мысль, которая, въ случаѣ ея осуществленія, имѣла бы для всего славян-

---

[1]) Sommersberg: Scriptores siles. rerum I. 1033; Das kaiserliche Buch des M. Albrecht p. 204, гдѣ помѣщено письмо Юрія маркграфу Альбрехту отъ 11 іюля 1469. Юрій пишетъ между прочимъ, что „jezunt unser treffliche botschaft, die er bei uns gehabt hat, zu ihm geritten in hoffnung, hilf und beistand wider den konig von Ungern zu erlangen, und hinwider auch zu leisten, als wir ihm unsern bruder (такъ читаемъ вмѣсто напечатаннаго: und seinen bruder) von gemeinschaft wegen des gezunges billich und wol geneigt sein“.

[2]) Scriptores rerum siles. VII. 227, Длугошъ V. 534, Palacký Urkundliche Beiträge zur Geschichte Georg's v. Poděbrad 610; срв. Palacký Dějiny n. č. IV. 2. p. 516, 537, 572, Caro Geschichte Polens V. 308, 315, 326, 493 (современное извѣстіе о пётрковскомъ сеймѣ).

скаго міра столь важныя послѣдствія,—къ сожалѣнію не принята: чешскимъ королемъ сталъ не самъ король польскій, а его сынъ королевичъ Владиславъ; чешская корона не присоединена къ коронѣ польской, не вырвана изъ объятій священной римской имперіи нѣмецкаго народа и изъ водоворота нѣмецкой политики, не введена въ кругъ восточно-славянской политики; въ Чехіи воцарилась только польско-литовско-русская династія Ягайловичей. Объ угорскомъ королѣ Матвѣѣ, избранномъ уже раньше въ чешскіе короли чешскими повстанцами, Чехи собравшіеся въ Кутной Горѣ и слышать не хотѣли. Посолъ короля польскаго, Доброславъ изъ Курозвенкъ, кастелянъ люблинскій („панъ Любельчикъ"), въ своей рѣчи указывалъ между прочимъ на сходство языка и обычаевъ и на родство обоихъ народовъ, польскаго и чешскаго, говорилъ объ ихъ взаимной любви и дружбѣ засвидѣтельствованныхъ изъ-давна; нѣтъ людей, которые бы помнили, чтобъ оба народа ненавидѣли другъ друга и воевали съ собою; Чехи въ смутное время королей Сигизмунда и Альбрехта просили отъ польскаго короля не только помощи а тоже короля; короли Казимиръ и Юрій жили въ вѣрной дружбѣ; Казимиръ всегда старался искренно и дѣятельно предотвратить всѣ бѣдствія, которыя за послѣдніе годы преслѣдовали Чехію, а Юрій самъ искалъ своего наслѣдника и преемника въ Польшѣ и нашелъ его въ королевичѣ Владиславѣ. Король Владиславъ успокоитъ Чеховъ, папа и императоръ не будутъ противъ нихъ, Казимиръ какъ ближайшій сосѣдъ будетъ ихъ покровителемъ, и они пріобрѣтутъ много союзниковъ, найдутъ много единоплеменниковъ одного народа и языка [1]).

---

[1]) Объ избирательномъ сеймѣ кутногорскомъ см. между прочимъ письмо (28 мая 1471 г.) оломуцкаго каноника легату Рудольфу (M. Jordan: Das Königthum Georgs von Poděbrad, Leipzig 1861, p. 519), и современную записку въ кутногорскихъ городскихъ книгахъ (Výbor z literatury české II. 850). Рѣчь пана Любельчика („Любенчика" въ кутногорской запискѣ), какъ ее сообщаетъ Bonfini (Rerum hungaricarum decades, Basileae 1568, p. 584), не была навѣрное сказана въ такой формѣ. Изъ Бонфини рѣчь списана въ одной рим-

Чешское посольство, во главѣ его моравскій гейтманъ или староста панъ Цтиборъ изъ Цимбурга, принято въ Краковѣ съ торжествомъ; присутствовали даже нѣкоторые духовные сенаторы, съ архіепископомъ гнѣзенскимъ во главѣ. Владиславъ принялъ предложенныя ему условія, и провозглашенъ, въ присутствіи чешскихъ пословъ и многихъ польскихъ пановъ, чешскимъ королемъ; въ польской рѣчи къ Полякамъ и Чехамъ сказалъ онъ между прочимъ, что принимаетъ чешскую корону въ честь божію, размноженіе вѣры христіанской и возвышеніе славянскаго языка. Чехи видѣли въ избраніи Владислава тоже размноженіе вѣры христіанской и языка славянскаго [1]. Всѣ паны, духовные

ской рукописи, и оттуда списана вновь въ сборникѣ Teki Naruszewicza; изъ нихъ же перепечатана у Голэмбёвскаго (Dzieje Polski za panowania Kazimierza, 268), Сутовича и въ Codex epist. saec. XV, t. II. p. 250. Срв. Palacký Dějiny n. č. V. 1 (начало) и Caro Geschichte Polens V. 337 sqq.

[1]) Длугошъ V. 553, Archiv český IV. 451, 455, Sborník historický vyd. Rezek, II. 184, Codex epistolaris saec. XV, t. II. p. 256. Грамота чешскихъ пословъ въ Краковѣ отъ 29 іюня у Догеля (Codex diplom. Poloniae I. Nro 20 „ex originali") по всей вѣроятности сочиненіе Догеля; имена чешскихъ пословъ исковерканы и въ (латинской) грамотѣ приведены на чешскій ладъ (Azimbor de Azimborka et de Thomaczowa Haitman march. Moraviae! = Ctibor z Cimburka a z Tovačova hajtman mark. moravského, etc.); въ числѣ чешскихъ требованій встрѣчается и слѣдующее: „2. Lingua etiam sclavonica in toto regno nostro duntaxat sit in usu, neque in instrumentis publicis alia aliqua extranea lingua uti liceat"—требованіе странное, такъ какъ въ Чехіи и въ Моравіи офиціальный языкъ не былъ иной какъ чешскій. Догель вообще часто коверкаетъ чешскія имена (срв. нашъ I Отчетъ 1882 г., стр. 73), явленіе довольно обыкновенное и у новѣйшихъ польскихъ историковъ; они, занимаясь сношеніями Поляковъ и Чеховъ въ XV вѣкѣ, не изучаютъ чешскаго языка, пользуются нѣмецкимъ изданіемъ исторіи Чехіи Палацкаго, и пишутъ въ своихъ польскихъ сочиненіяхъ по-нѣмецки, на пр. Aussig (вмѣсто Ustie), Mies (Strzybro), Hradysz (Hradisztie), Neuhaus (Hradec), Grünberg (Zelena Hora), Taja (Dyja), Jerzy Podiebrad (вм. Jerzy Podiebradzki, Jerzy z Podiebrad), Zdenko Konopnicki (тоже у Длугоша) вм. Zdeniek Konopisztski и пр. Самъ Длугошъ часто коверкаетъ чеш-

и свѣтскіе, въ Польшѣ, Литвѣ и Руси—такъ разсказывалъ потомъ одинъ изъ чешскихъ пословъ Павелъ, пробощъ здеразскій, своимъ землякамъ — охотно обѣщали, что они будутъ помогать своему королевскому роду для пріобрѣтенія чешской короны, что они согласились на небывалую большую подать, и что вообще говорится, какъ будто Чехи, Поляки, Литовцы и Русскіе составляютъ одно. Тоже Вратиславлянъ извѣщалъ посолъ обоихъ королей, Казимира и Владислава, что оба королевства, Чехія и Польша, будутъ нынѣ составлять одно, соединенное въ дружбѣ и мирѣ на обоюдную пользу [1]).

Избраніе польскаго королевича Владислава было въ Чехіи очень популярно, и его привѣтствовали съ большимъ удовольствіемъ. Въ Прагѣ гуситскій попъ Михаилъ, происхожденіемъ и прозвищемъ Полякъ, усердно агитировалъ въ пользу Владислава; противники польской партіи должны были оставлять Прагу, между прочимъ Григорій изъ Геймбурга, бывшій совѣтникъ короля Юрія, такъ какъ онъ, истый Нѣмецъ, не переставалъ бранить Поляковъ вообще и Владислава въ особенности. Нѣмцы встрѣтили избраніе польскаго королевича въ чешскіе короли съ большимъ неудовольствіемъ, и, равнымъ образомъ какъ въ

скія имена; но новѣйшій его польскій переводчикъ превзошелъ здѣсь свой подлинникъ, просто срамъ! Если Ст. Смолька (Szkice, 144) или А. Прохаска (Szkice, 208) думаютъ, что въ XV в. языки польскій и чешскій были другъ другу гораздо ближе, чѣмъ нынѣ, то сейчасъ видно, что они не изучали чешскихъ памятниковъ XV в. (на пр. въ сборникѣ Archiv český), не читали чешскаго изданія исторіи Палацкаго, не сравнивали языка юридическихъ памятниковъ чешскихъ и польскихъ XV вѣка. Желательно, чтобъ эта формальная сторона новѣйшей польской исторіографіи измѣнилась къ лучшему, а то она въ этомъ отношеніи мало отличается отъ нѣмецкихъ сочиненій на пр. Гёфлера, Грюнгагена, Каро, которые относятся къ славянской номенклатурѣ довольно небрежно.

[1]) Palacký Dějiny národu českého V. 1. p. 39; Eschenloer ed. Kunisch, II. 233. Срв. нашъ I Отчетъ (1882), стр. 68. Польскіе епископы прибыли въ Прагу на коронацію Владислава поздно, вѣроятно умышленно. (Manualnik m. V. Korandy, vyd. J. Truhlář, str. 127.)

1438—1439 и 1467 гг., такъ и нынѣ на имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ (1471) разсуждали о томъ, что на чешскомъ престолѣ нельзя терпѣть ни Угрина ни Поляка, такъ какъ чешскій король долженъ быть первый свѣтскій курфюрстъ въ имперіи, слѣдовательно не иного рода какъ нѣмецкаго [1]). Но слабость имперіи не дозволила ничего предпринять ни противъ Турокъ, ни противъ Чеховъ.

Сопернику Владислава, Матвѣю угорскому, король Казиміръ справедливо указывалъ на то, что лучше воевать противъ Турокъ, которые по поводу чешской войны угрожаютъ уже самой Угріи; было бы лучше, чтобъ Матвѣй отказался отъ чешской короны и чтобъ чешскіе паны его, угорской, партіи признали чешскимъ королемъ Владислава; такимъ образомъ удалось бы Владиславу въ Чехіи успокоить всѣ раздоры и междоусобицы и залѣчить раны [2]). Чехи, отражая притязанія короля Матвѣя на чешскую корону, извѣщали его, что польскій королевичъ Владиславъ избранъ изъ нѣсколькихъ кандидатовъ потому, что чешскій народъ надѣется, что черезъ него и при помощи его отца короля Казимира возвысится честь божія и вѣра христіанская, успокоится чешское королевство, и возвысится „слава нашего народа и языка славянскаго“ [3]). Это указаніе на общее славянское происхожденіе обоихъ народовъ, чешскаго и польскаго, и на

---

[1]) См. письмо Эшенлоэра у М. Іордана: Das Königthum Georgs v. Poděbrad p. 369, Палацкаго Dějiny n. č. V. 1. p. 40.

[2]) Codex epistolaris saec. XV, t. II. p. 253. Въ подобномъ смыслѣ писалъ тогда архіепископъ гнѣзненскій Вратиславлянамъ: Rex Ungariae, propriis commoditatibus et necessitudinibus regni sui ommissis, terras suo regno subjectas (здѣсь говорится вѣроятно о Боснѣ) in ditionem infidelium Teucrorum dedit, suos a perfidis Turcis tueri non potest etc. (Mosbach: Przyczynki do dziejów polskich z archiwum m. Wrocławia, 111, 112). Срв. мѣткія слова Серба Константиновича о жалкой политикѣ Матвѣя Корвина, во II т. сочин. „Славяне“, стр. 86.

[3]) Dobner: Monumenta historica Boemiae II. p. 433.

славянскій характеръ польской династіи—въ виду угорскаго короля Матвѣя — имѣетъ свое значеніе. И король Матвѣй зналъ очень хорошо чешскій (чешско-словенскій) языкъ, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ польскій королевичъ; изъ канцеляріи короля Матвѣя выходили грамоты чешскія и сербскія, и не безъ причины восхваляетъ его библіотекарь и біографъ, Итальянецъ М. Галеотъ, что онъ, зная по-„славянски" и по-„болгарски", могъ хорошо говорить и безъ переводчиковъ съ разными Славянами, съ Чехами, Поляками, Русскими, Хорватами, Далматинцами, Сербами и Болгарами; однажды польскіе послы говорили съ нимъ умышленно по-польски, а не по-латыни, чтобъ ихъ понималъ одинъ только король Матвѣй, а не его придворные [1]).

Польскій король Казимиръ выступилъ дѣятельно въ пользу своего сына Владислава, и помогалъ ему въ войнѣ съ Уграми. Но Казимиръ не былъ счастливъ, располагая не всѣми силами державы Ягайловичей, Польши, Литвы и Руси, какъ надѣялся здеразскій пробощъ Павелъ; политика польскаго короля поддерживалась только силами Польши и польской партіи Чехіи, между тѣмъ какъ Матвѣй Корвинъ располагалъ силами не только своего угорскаго государства, а тоже коронныхъ земель чешскихъ, Моравіи, Слезіи и Лужицъ. Король Матвѣй разсчитывалъ тоже на нѣмецкихъ крестоносцевъ, а Казимиръ надѣялся на сверженіе Матвѣя и на избраніе своего младшаго сына Казимира въ угорскіе короли. Молодой Казимиръ Казимировичъ дѣйствительно избранъ многими угорскими магнатами и епископами—во главѣ ихъ стояли архіепископъ остригомскій Іоаннъ Витезь изъ Средны и его племянникъ епископъ печушскій Іоаннъ Людичъ (из-

---

1) Galeotus: Commentarius de Mathiae Corvini dictis et factis (Schwandtner: Scriptores rerum hungar. I. 557, 537). Slavina lingua у Галеота (мать-де остальныхъ славянскихъ языковъ)—языкъ словинскій (хорватско-сербскій); языкъ болгарскій—вѣроятно церковнословѣнскій или сербскій, писанный кирилицею. Сербскія грамоты Матвѣя см. въ сборникѣ Миклошича Monumenta Serbica, чешскія въ сб. Палацкаго Archiv český VI; въ одномъ чешскомъ письмѣ (VI. 49) король Матвѣй приводитъ и нѣсколько польскихъ словъ.

вѣстный гуманистъ Janus Pannonius), оба Хорваты—но не удержался на угорскомъ престолѣ. Въ этой войнѣ королей Казимира, Владислава и Матвѣя опять играли печальную роль чешскія наемныя роты, воевавшія на обѣихъ сторонахъ другъ противъ друга. Цѣлость чешской короны на время разорвана: король Владиславъ отстоялъ только Чехію, а чешскія коронныя земли, Моравія, Слезія и Лужицы остались угорскому королю Матвѣю. Это расторженіе чешской короны устранилъ не союзъ королей Владислава и Казимира 1489 г. [1]), а смерть Матвѣя (1490). Король Владиславъ избранъ тогда въ угорскіе короли, и такимъ образомъ не только возстановлена опять цѣлость чешской короны, а тоже соединены обѣ короны, чешская и угорская (съ хорватскою) на головѣ Ягайловича. Но пріобрѣтеніе угорской короны не обошлось для Владислава безъ борьбы. Нѣмцы смотрѣли съ недовѣріемъ и злобою на такое усиленіе славянскихъ Ягайловичей въ средней и юговосточной Европѣ; римско-нѣмецкіе императоръ Фридрихъ и король Максимиліанъ обратились къ патріотизму Нѣмцевъ въ виду избранія чешскаго короля Владислава въ угорскіе короли и въ виду возможнаго отторженія чешской короны отъ священной римской имперіи нѣмецкаго народа и включенія той короны въ угорскую; такое соединеніе Польши, Чехіи и Угріи принесло бы безчисленныя бѣдствія св. имперіи, нѣмецкому народу и всему христіанству [2]). Да, король Максимиліанъ попытался добыть себѣ угорскую корону съ оружіемъ въ рукахъ. Съ другой стороны королю Владиславу пришлось бороться изъ-за угорской короны съ роднымъ своимъ братомъ Іоанномъ Альбрехтомъ, на котораго угорскій канцлеръ епископъ Іоаннъ Филипецъ, Чехъ, старался, отъ имени Владислава, дѣйствовать въ примирительномъ духѣ во имя славянской солидарности [3]). Во время этой борьбы изъ-за угорской короны въ Угріи

---

[1]) Dogiel I. Nro 21, нашъ I Отчетъ 1882, стр. 70, Палацкаго Dějiny n. č. V. 1. p. 290. Срв. Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia, ed. Theiner, II. 526.

[2]) Janssen: Frankfurts Reichscorrespondenz II. 546.

[3]) См. „Славяне“, II. 208.

проявился антагонизмъ между Уграми (Мадьярами) и Славянами: по поводу сдачи города Весприма Максимиліану тамошнимъ епископомъ Хорватомъ Іоанномъ Витеземъ, племянникомъ покойнаго архіепископа Витезя, Угры стали смотрѣть вообще на южныхъ Славянъ какъ на измѣнниковъ. Съ другой стороны и королевичъ Іоаннъ Альбрехтъ высказалъ такую мысль, что Угрія собственно старинная родина славянскаго народа, которую Угры, незнатный народъ Азіи, завоевали, прогнавши и побѣдивши разрозненныхъ древнихъ Славянъ, праотцевъ Поляковъ; по этому вполнѣ справедливо требовать эту землю у Угровъ обратно [1]).

Воцареніемъ Ягайловичей въ Чехіи и въ Угріи и Хорватіи славянскіе народы средней и юговосточной Европы вошли въ болѣе близкія сношенія съ славянскими народами Польши, Литвы и югозападной Руси. Владѣнія Ягайловичей-Казимировичей, Владислава, Іоанна Альбрехта и Александра, государства чешское и угорско-хорватское, польское, литовско-русское, считались до извѣстной степени какъ бы однимъ цѣлымъ, части котораго соединялись интересами царствующаго въ нихъ одного рода [2]), именно относительно внѣшнихъ враговъ, съ одной стороны Нѣмцевъ а съ другой сѣверовосточныхъ Русскихъ; борьба католическихъ польско-литовскихъ Ягайловичей и православныхъ русско-московскихъ Рюриковичей изъ-за югозападной Руси и вообще изъ-за первенства на славянскомъ востокѣ находила свои отголоски тоже во владѣніяхъ Ягайловича Владислава и среди подвластныхъ ему славянскихъ народовъ. Еще въ 1488 г., при жизни угорскаго короля Матвѣя, посолъ римскаго императора Фридриха въ Москвѣ, Слезакъ Николай Попелъ, называлъ

---

[1]) Это разсказываетъ современный Дубровчанинъ Людовикъ Црѣвичъ (Tubero) въ своихъ Commentarii de temporibus suis (Schwandtner: Scriptores rerum hungar. II. 159, 178). Срв. „Славяне", II. 225.

[2]) См. слова Ваповскаго о Казимировичахъ во II т. соч. „Славяне", стр. 207.

Поляковъ и Чеховъ врагами великаго князя русскаго Ивана Васильевича, и два года спустя великій князь Иванъ и римско-нѣмецкій король Максимиліанъ трактовали о союзѣ противъ польскаго короля Казимира, чешскаго короля Владислава и прочихъ его сыновей, именно относительно занятія угорскаго престола послѣ Матвѣя Корвина [1]). Во время войны между Литвою и Москвою въ 1501 г. великій князь литовскій Александръ прямо увѣщевалъ своего брата Владислава, чтобъ онъ ему помогалъ противъ Ивана во имя родства и братской любви. Посолъ Александра, князь Глинскій, просилъ Владислава, „абы Ясность Ваша въ таковый часъ рачили Его Милости быти радни и помочни противку такому окрутному и запаметалому непріятелю, не только для крове и братское милости, але и для вѣры светое христіанское, котораяжъ есть тамъ въ земли литовской вольно вщепена и зъ великою працою и печою черезъ славное памети дѣда Вашое Ясности, короля польского и великого князя литовского Владислава, есть вкоренена. Тако бо отъ оныхъ лѣтъ ажъ до нынѣшнихъ часовъ Русь покушаются ее сказити и згладити, не только Москва, але и отъ подданныхъ княжатъ земли нашого милостивого пана нѣкоторые“ [2]). Послы королей польскаго и угорско-чешскаго въ Москвѣ старались примирить обоихъ воюющихъ великихъ князей, литовскаго и московскаго, и угрожали великому князю Ивану даже войною со стороны своихъ королей, которые считаютъ-де своимъ долгомъ помогать своему брату и княжеству литовскому, откуда сами произошли и гдѣ начался ихъ родъ [3]). Также въ 1508 г. король Владиславъ писалъ ве-

---

[1]) Памятники дипломат. сношеній древней Россіи I. 10, 37. Срв. тоже „Славяне“, II. 398.

[2]) Несомнѣнно, что чешскіе и угорско-славянскіе паны при дворѣ короля Владислава поняли такую рѣчь безъ особаго затрудненія.

[3]) Акты западной Россіи I. Nros 186—188. Посломъ Владислава былъ Матіяшъ Чежелитскій, королевскій постельничій, Чехъ (изъ Чечелицъ?), Словакъ или Полякъ; въ его русскихъ рѣчахъ можно замѣтить нѣкоторые слѣды западнославянскихъ нарѣчій.

ликому князю Ивану, чтобъ онъ жилъ въ мирѣ съ польскимъ королемъ, и увѣщевалъ обоихъ государей прекратить ихъ обоюдную вражду и скорѣе соединиться съ остальными христіанскими государями противъ Турокъ [1]).

Большимъ уваженіемъ пользовался у Чеховъ польскій король Сигизмундъ, младшій братъ короля Владислава. Онъ еще какъ королевичъ (въ 1499 — 1506 гг.) жилъ въ земляхъ чешской короны, какъ князь опавскій и глоговскій, и намѣстникъ слезскій и лужицкій, и могъ ознакомиться хорошо съ положеніемъ чешскаго государства, и—особенно какъ князь опавскій—съ чешскимъ языкомъ. По смерти короля Владислава король Сигизмундъ, вмѣстѣ съ королемъ Максимиліаномъ, сдѣлался опекуномъ молодого угорско-чешскаго короля Людовика Владиславовича. Чехи требовали отъ Сигизмунда, чтобъ онъ, какъ Полякъ, заботился о томъ, чтобъ „чешское королевство не пропадало подъ королемъ польскаго рода"; они часто писали ему о своихъ дѣлахъ и просили его совѣта, не только на языкѣ латинскомъ, а тоже на языкѣ чешскомъ, который Сигизмундъ хорошо зналъ. Съ своей стороны польскій король, признавая „искреннюю любовь и уваженіе" Чеховъ къ нему, часто обращалъ вниманіе на положеніе дѣлъ въ сосѣднемъ чешскомъ государствѣ и старался умиротворить враждебныя партіи [2]). Успѣхи и побѣды польскаго короля Чехи считали какъ-бы своими собственными. Такъ было на пр. послѣ побѣды подъ Оршею, одержанной Сигизмундомъ надъ Русскими (1514); этой побѣдѣ искренно радовался чешскій канцлеръ панъ Ладиславъ изъ Штернбер-

---

[1]) Письмо Владислава въ Метрикѣ литовской того года.

[2]) Много актовъ о чешскихъ дѣлахъ см. въ собраніи польскаго подканцлера Петра Томицкаго (Acta Tomiciana), нѣкоторые чешскіе акты королевской канцеляріи въ Слезію въ сборникѣ Бонецкаго-Бобовскаго, Nros 115, 126, Codex dipl. Silesiae VI. p. 172. Срв. Ваповскаго хронику (Script. rerum polon. II. 193, 344 о посольствѣ Андрея Тэнчинскаго въ Прагѣ), и вообще Палацкаго Dějiny n. č., d. V. Замѣтимъ, что въ библіотекѣ короля Сигизмунда находились тоже чешскія книги.

га, стоя вполнѣ на сторонѣ Поляковъ и называя Русскихъ „разбойниками“. Подобно тому Пражане, вмѣстѣ съ посломъ польскаго короля, праздновали побѣду Сигизмунда надъ Русскими подъ Стародубомъ (1517) [1]. Когда же король Сигизмундъ началъ войну съ прусско-бранденбургскимъ Альбрехтомъ (1520), то чешскій король Людовикъ строго запретилъ нанимать войско въ Чехіи и Моравіи для Альбрехта, дозволяя это, въ случаѣ нужды, одному только королю польскому. Этою войною любимаго польскаго короля очень интересовался выдающійся тогда чешскій панъ Вильгельмъ изъ Перштейна; онъ, прося извѣстій о войнѣ у слезско-тѣшинскаго князя Казимира, замѣчаетъ, что онъ желаетъ много узнать не изъ простого любопытства, а изъ искренней любви къ польскому королю, которому желаетъ всего добра; къ Нѣмцамъ же „нашъ языкъ“ особеннаго благоволенія питать не можетъ [2].

3. *Габсбурги на чешскомъ престолѣ. Ихъ стремленія пріобрѣсти польскую корону, и чешскіе паны какъ ихъ послы въ Польшѣ. Вильгельмъ изъ Розенберга—кандидатъ польской короны. Розенбергъ и Замойскій. Возстаніе Чеховъ противъ Габсбурговъ, отношеніе Польши къ чешскому возстанію, паденіе чешскаго государства. Паденіе Польши.*

Больше чѣмъ полъ-вѣка польско-литовскіе Ягайловичи занимали престолъ чешскій и угорскій. Когда же онъ упраздненъ послѣ короля Людовика, погибшаго въ мохачской битвѣ (1526), то король Сигизмундъ, ссылаясь на свое „право“ на чешскій престолъ — которое-де имѣетъ свое основаніе въ его родствѣ съ погибшимъ королемъ Людовикомъ — предлагалъ себя Чехамъ

---

[1]) Письмо пана Ладислава изъ Штернберга (3 окт. 1514 г.) пану Зденку изъ Рожмитала (списокъ въ архивѣ Чешскаго Музея); Staří letopisové čeští, 403.

[2]) Archiv český II. 142.

въ короли, и просилъ у чешскихъ пановъ поддержки. У Сигизмунда были приверженцы среди чешскихъ пановъ, тоже въ Слезіи и Лужицахъ, и польскій канцлеръ Христофоръ Шидловецкій сносился съ нѣкоторыми панами чешскими и слезскими, употребляя въ своей перепискѣ тоже чешскій языкъ [1]). Но Сигизмундъ велъ свои дѣла столь слабо, что при избраніи чешскаго короля не было и слѣда какой-нибудь польской партіи въ Чехіи. На избирательномъ сеймѣ говорили по-нѣмецки послы всякихъ нѣмецкихъ князей, между тѣмъ какъ о послѣ польскаго короля— лицѣ на прежнихъ избирательныхъ сеймахъ чешскихъ столь важномъ и популярномъ — не было ни слуху ни духу; да одинъ нѣмецкій кандидатъ чешской короны, саксонскій курфюрстъ, посмѣлъ противъ польской кандидатуры указывать ни различіе нравовъ у Поляковъ и Чеховъ; а баварскій посолъ замѣтилъ, что Чехи не хотѣли короля Сигизмунда по поводу далекаго разстоянія его государства, причина невѣроятная въ виду сосѣдства обоихъ славянскихъ государствъ, чешскаго и польскаго [2]). Чешскіе избиратели новаго короля, собравшіеся въ пражскомъ соборѣ въ часовнѣ св. Вячеслава, и избравшіе Фердинанда Габсбурга, не были, конечно, Жижки, Птачки, Юріи, Цтиборы, и не искали уже, какъ тѣ ихъ праотцы, короля славянскаго рода; но съ другой стороны и польскій король Сигизмундъ, государь мудрый, имѣвшій формальное право на чешскую корону, пользовавшійся симпатіями среди Чеховъ, побуждаемый самимъ прусскимъ княземъ Альбрехтомъ добиваться чешской короны — не

---

1) Dogiel: Codex dipl. Poloniae I. Nro 28—30, Acta Tomiciana VIII. p. 254, 264; Mosbach: Przyczynki do dziejów polskich z archiwum m. Wrocławia 137; Rezek: Král polský Sigmund uchází se o korunu českou r. 1526 (Slovanský Sborník 1881, p. 111).

2) Rezek: Zvolení Ferdinanda za krále českého (Časopis Česk. Musea 1876, p. 515, 520). Слезско-легницкій князь Фридрихъ, совѣтуя прусско-бранденбургскому Альбрехту добиваться чешской короны, пишетъ, что въ Чехіи и Моравіи не хотятъ Фердинанда Габсбурга, да и въ Слезіи къ нему не расположены, такъ какъ онъ преслѣдуетъ „слово божіе". (Liske: Studya z wieku XVI, p. 255).

былъ Владиславомъ и Казимиромъ, и не рѣшился, какъ тѣ польскіе короли, на войну съ Нѣмцами изъ-за пріобрѣтенія для себя чешскаго государства. Небрежность, бездѣйствіе и слабость короля Сигизмунда — хотя бы и вынужденная политическимъ положеніемъ Польши—были причиною, что польскій король долженъ былъ въ Чехіи уступить болѣе энергическому и ловкому Фердинанду Габсбургу [1]). Напрасно тѣшинскій князь Казимиръ и польскій подканцлеръ Томицкій полагали, что „Нѣмцы благопріятствуютъ только Нѣмцамъ"; вѣдь не Нѣмцы избрали Фердинанда, а сами Славяне Чехи; а вѣрнѣе было замѣчаніе Казимира и Томицкаго, что „въ это время деньги все могутъ" [2]).

Фердинандъ Габсбургъ занялъ престолы угорскій и чешскій, а польскій король Сигизмундъ не могъ ничего другого сдѣлать, какъ только пожелать новому королю счастья и успѣха, поздравить его и очень обрадоваться его избранію [3]). Подобно тому польскій король не могъ ничего сдѣлать въ пользу соперника Фердинанда въ Угріи, своего шурина Іоанна Запольскаго. Сигизмундъ, не смотря на всѣ симпатіи Поляковъ къ Запольскому и на антипатіи противъ Фердинанда и Нѣмцевъ вообще, не могъ рѣшиться на союзъ съ Турками, которыхъ Угры однако не опасались, только бы имъ помогли противъ ненавистныхъ Нѣмцевъ [4]). Не всѣ Поляки раздѣляли нерасположеніе своего короля къ Туркамъ; серадзскій воевода Іеронимъ Ласкій самъ отправился какъ посолъ Іоанна Запольскаго въ Царьградъ (1527) съ тѣмъ, чтобъ просить для него помощи у султана. Въ разговорѣ съ турец-

---

[1]) Тогда былъ въ Польшѣ распространенъ слухъ, что Фердинандъ подстрекалъ великаго князя московскаго противъ Сигизмунда, чтобъ этотъ не могъ помогать Людовику, „quo et facilius rex Ludovicus sic destitutus periret, et Ferdinandus Hungariam et Bohemiam, quod semper votis omnibus cupiebat, hac data occasione nvadere et occupare posset". (Turgenev: Histor. Russiae Monumenta [illegible]. 132).

[2]) Acta Tomiciana VIII. 264.

[3]) Acta Tomiciana VIII. 284.

[4]) Acta Tomiciana VIII. 268.

кимъ сановникомъ Мустафою пашею, босенскимъ Сербомъ потурицею, этотъ послѣдній коснулся и польскихъ дѣлъ, пожелалъ Польшѣ всего добра, и предлагалъ ей войти въ зависимость отъ Турціи: „Король и ты и я, всѣ мы одного народа, я Боснякъ а ты Ляхъ, и уже по природной любви надо любить свой народъ больше, чѣмъ чужой“ [1]).

Польша не могла, конечно, дѣйствовать въ смыслѣ такихъ словъ, не могла пожертвовать своею самостоятельностью. Король Сигизмундъ, не желая союза съ Турками, опасаясь усиливающейся на востокѣ московской Руси, зная слабыя свои матеріальныя силы, не добивался съ надлежащею энергіею ни короны чешской ни угорской, не поддерживалъ ни въ государствѣ чешскомъ ни въ угорскомъ національныхъ кандидатовъ, пана Зденка Льва изъ Рожмитала въ Чехіи и Іоанна Запольскаго въ Угріи, какъ этого требовали жизненные интересы Польши [2]). Польскій король этого не сдѣлалъ или сдѣлать не могъ, и долженъ былъ избраніе Фердинанда въ чешскіе короли назвать „очень радостнымъ событіемъ“. Но допущеніе нѣмецкой дина-

---

[1]) Дневникъ І. Ласкаго 1527—1528 гг., изд. Bel: Adparatus ad historiam Hungariae, I. 178.

[2]) І. Запольскій былъ славянскаго происхожденія, и самъ архіепископъ остригомскій Павелъ Варда считалъ его, какъ бы съ упрекомъ, Славяниномъ (ex genere Sclavorum). Современный Георгій изъ Срѣма (Georgius Sirmiensis: Epistola de perdicione regni Hungarorum, in: Monumenta Hungariae historica, Pest 1857, I. 152 — 153) называетъ Запольскаго nacione Sclavorum Bosnen. de villa Zapulia; его предокъ получилъ еще при угорскомъ королѣ Сигизмундѣ Спишъ: Quum iste Sigismundus rex fuerat ex genere Bohemorum, et propter linguam sclavonicam et cum terranei fuissent, Sigismundus favebat eodem tempore regi Polonorum. Et isto Sclavo Zopulay (!) concessit arcem Sepusiensem. На сколько король Іоаннъ Запольскій считалъ себя Славяниномъ, не знаемъ; но онъ вѣроятно зналъ по-словенски; турецкому пашѣ въ Сербіи онъ писалъ по-сербски, называясь „Яношь краль угрьски, хрьватски, далматиски, поморавски и лужацски морколабь и обоими Шлижіами херцегь.“ См. Миклошича Monumenta Serbica, Nro 479, 480, 481.

стіи Габсбурговъ на престолы чешскій и угорскій отнюдь не было столь радостное для Польши и всего Славянства событіе: это была крупная ошибка съ польской стороны, равнымъ образомъ какъ и допущеніе бранденбургскаго Гогенцоллерна Альбрехта въ прусскіе князья (1525). Оба событія, столь важныя для Славянства въ своихъ роковыхъ послѣдствіяхъ, состоялись почти одновременно, съ согласія польскаго короля Сигизмунда [1]).

Въ слѣдствіе воцаренія нѣмецкихъ Габсбурговъ въ Чехіи, Чехи очутились вновь въ водоворотѣ нѣмецкой политики римской имперіи. Габсбурги, соединивши короны чешскую и угорскую съ короною римско-нѣмецкою, стали стремиться тоже къ присоединенію къ ней упраздненной — послѣ прекращенія Ягайловичей — короны польской. Такимъ образомъ приготовлялось распространеніе владычества нѣмецкихъ Габсбурговъ чуть не надъ всѣмъ славянскимъ міромъ, а на долю Чеховъ, подданныхъ, должностныхъ лицъ, слугъ и пословъ Габсбурговъ, выпала странная роль: служить орудіемъ стремленія Нѣмцевъ на славянскій востокъ, для водворенія господства нѣмецкихъ Габсбурговъ среди соплеменныхъ Чехамъ Поляковъ и югозападныхъ Русскихъ.

Мысль о пріобрѣтеніи польской короны внушили Габсбургамъ, именно еще императору Фердинанду I (1562), сами нѣкоторые Поляки, Филипъ Падневскій епископъ краковскій и Петръ Зборовскій воевода познанскій. Вопросъ о польскомъ наслѣд-

---

[1]) Срв. X. Liske: Dyplomacya polska w r. 1526 (Studya z dziejów wieku XVI, Poznań 1867), Dyplomacya polska w r. 1527 (Biblioteka Ossolińskich XII, Lwów 1869); St. Smolka: Polska i Austrya w l. 1526 i 1527 (Przewodnik naukowy, Lwów 1877); F. Bostel: Przeniesienie lena pruskiego na elektorów brandeburskich (Przewodnik naukowy, 1883). На небрежность Сигизмунда жаловались нѣкоторые Поляки позднѣйшихъ временъ, и называли тогдашнее поведеніе Польши политическою ошибкою; такъ выражаются именно оба польскіе историки XVII в., епископъ Пясецкій (Chronica, 1645, p. 71) и воевода Фредро (Gesta populi poloni sub Henrico Valesio, 1652, p. 202). Срв. „Славяне", II, 93.

ствѣ по смерти короля Сигизмунда Августа, послѣдняго бездѣтнаго Ягайловича, интересовалъ не только самихъ Поляковъ, а тоже ихъ сосѣдей, особенно же Габсбурговъ. Римско-нѣмецкій императоръ Максиміліанъ, посредствомъ своихъ пословъ и агентовъ, тщательно слѣдилъ за положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ, намѣреваясь по смерти Сигизмунда Августа добиваться польской короны для себя или для одного изъ своихъ сыновей. О польской кандидатурѣ Габсбурговъ разсуждали цесарскіе послы въ Польшѣ, Іоаннъ Мальцанъ и Вильгельмъ Прусиновскій епископъ оломуцкій, присутствовавшіе на сеймѣ въ Люблинѣ 1569 года. Они, указывая императору на возможныхъ кандидатовъ польской короны, замѣтили, что многіе Поляки, особенно католики, благопріятствуютъ австрійскому дому; въ Польшѣ восхваляется-де эрцгерцогъ Карлъ, но помѣхою для него то, что онъ не знаетъ чешскаго языка и слѣдовательно не понимаетъ по-польски; сыновья императора могутъ вскорѣ изучить языкъ польскій или по крайней мѣрѣ чешскій, этому очень близкій, и привыкнуть къ народнымъ обычаямъ, лучше всего отъ своей свиты, Чеховъ и Поляковъ; ибо Поляки не хотятъ говорить съ своими королями посредствомъ толмачей. Но „пикарты" (т. е. чешскіе братья), изгнанные изъ Чехіи, особенно Вильгельмъ Кринецкій [1]), распространяютъ въ Польшѣ ненависть противъ австрійскаго дома: императоръ и король Фердинандъ поступалъ-де съ Чехами жестоко, отнималъ у нихъ вольности и притѣснялъ ихъ податями, такъ что въ Чехіи имѣетъ силу поговорка stat pro ratione voluntas. Это ложное мнѣніе на счетъ Чеховъ пустило среди польской шляхты корни до такой степени, что его можно только съ трудомъ опровергнуть [2]). Когда же императоръ узналъ, что

---

[1]) Кринецкій, чешскій братъ, одинъ изъ главныхъ участниковъ чешскаго возстанія 1547 г., бѣжалъ въ Прусію къ князю Альбрехту.

[2]) Письмо императору обоихъ цесарскихъ пословъ отъ 9-го марта, изданное І. Шуйскимъ (Przezdziecki: Jagiellonki polskie V. 250).

на польскомъ сеймѣ 1571 г. будетъ обсуждаться вопросъ о престолонаслѣдіи, то онъ рѣшился добиваться польскаго престола для себя или для своего сына Эрнста. Своимъ посламъ, вратиславскому абату Іоанну Цырусу и Бертольду изъ Липы, маршалку чешскаго королевства, онъ приказалъ дѣйствовать въ пользу Габсбурговъ — чешскихъ королей, и между прочимъ указывать Полякамъ на то, что между Польшею и Чехіею существуютъ многіе договоры, что иногда царствовалъ одинъ государь въ обоихъ государствахъ, и что оба народа, польскій и чешскій, одного происхожденія [1]).

Въ 1572 г. 7 іюля, скончался польскій король Сигизмундъ Августъ. Въ Польшѣ началось безкоролевье или междуцарствіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность разныхъ кандидатовъ польской короны, т. е. торги и покупка ея у вліятельныхъ польскихъ пановъ и подвластной имъ шляхетской толпы [2]).

---

[1]) Инструкція императора отъ 18 мая 1571, въ придвор. и государственномъ архивѣ вѣнскомъ, сообщилъ Ѳ. Верьбовскій; срв. его Отчетъ IV. стр. 8.

[2]) О трехъ польскихъ безкоролевьяхъ (1572, 1574, 1587)—о которыхъ говоримъ на столько, на сколько въ нихъ замѣчается участіе Чеховъ—см. Tomek: Snahy rakouského domu o nabytí koruny polské (Časopis Česk. Musea 1851—1853; польскій переводъ въ ж. Biblioteka Warszawska 1857); Noailles: Henri de Valois et la Pologne en 1572 (1867, 3 v.); Трачевскій: Польское безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ (1867); Piliński: Bezkrólewie po Zygmuncie Auguście i elekcya króla Henryka (1872); Zakrzewski: Po ucieczce Henryka. Dzieje bezkrólewia 1574—1575 (1878); Caro: Das Interregnum Polens im J. 1587 (1861); Hüppe: De Poloniae post Henricum interregno (1866); Sieniawski: Das Interregnum u. die Königswahl in Polen 1587 (1869); T. Wierzbowski: Zabiegi cesarza Maksymiliana II o koronę polską 1565—1576 (Ateneum 1879, III. IV), его-же: Отчеты въ варшав. университ. Извѣстіяхъ 1878—1883, его-же: Двѣ кандидатуры на польскій престолъ, Вильгельма изъ Розенберга и эрцгерцога Фердинанда 1574—1575 (1889). Разные документы тѣхъ временъ напечатали Broel-Plater: Zbiór pamiętników do dziejów polskich II. III., и Noailles (III); многіе собраны въ рукописныхъ сборникахъ варшавской университ. библіотеки (Nros 394 и 599), Имп. публ. библіо-

Въ числѣ кандидатовъ польской короны выступили тоже нѣмецкіе Габсбурги, самъ римскій императоръ, его сыновья и другіе родственные эрцгерцоги. Для этой цѣли они вздумали воспользоваться услугами подданныхъ имъ Чеховъ, разсчитывая на симпатіи Поляковъ къ соплеменнымъ Чехамъ, и, сверхъ того, на свое болѣе или менѣе удовлетворительное знаніе чешскаго языка. Но кандидатура Нѣмца встрѣчалась въ Польшѣ всегда съ отвращеніемъ; кромѣ того крутыя мѣры чешскаго короля Фердинанда Габсбурга противъ участниковъ чешскаго возстанія 1547 г., и все усиливающееся обремененіе Чеховъ податями — наполняли Поляковъ непоборимымъ недовѣріемъ къ нѣмецкимъ претендентамъ польской короны [1]).

Немедленно по смерти короля Сигизмунда Августа цесарскій агентъ въ Польшѣ, I. Цырусъ, совѣтовалъ императору Максимиліану, чтобъ второй его сынъ Эрнстъ подумалъ серьезно о бракѣ съ престарѣлою королевною Анною Сигизмундовною, и чтобъ онъ вновь учился по-чешски, если онъ въ Испаніи за-

теки (иноязычныя F. XVII. 87, латинскія F. IV. 33), придворной библіотеки въ Вѣнѣ (Historia profana, Nro 132), и др.

[1]) Срв. „Славяне“, т. II. стр. 75, 166. Уже на сеймѣ пётрковскомъ (1548) польскіе чины вспомнили о королѣ Фердинандѣ, który z Czechy srogo się obchodził. (Dyaryusze sejmów, in Scriptores rerum polonicarum, Cracoviae 1872, I. 180). Позже Стан. Орѣховскій (Dyalog albo rozmowa około exequucyej polskiéj korony, 1564, fol. 41—42) говоритъ: „Weźmi Czechy bracią swą, pytaj Czechów, czemu je Ferdynand ścinal? Powiedzą, iż przeto, żechmy niechcieli z Ferdynandem na kurfirsta ciągnąć, przeciwko przywilejom swym. Pytaj też Czechów, jako są od Ferdynanda króla swego na gardło sądzeni? Powiedzą, że na sądzie niesiedziały rady koronne, ale siedział tylko Ferdynand z Maurycem książęciem saskim a z jednym synem swym. Pytaj też ich, jeśli danie albo pobory one wielkie i ustawiczne, za zwolenim korony czeskiéj się dzieją w Czechach, czy tylko za roskazanim a za zniewolenim królewskim? Odpowiedzą Czechowie, że na czeskich walnych sejmiech taka propozycya Ferdynandowa: Pani mili, jeho kralewska miłost pierwej prosi a potym to tak mieć chce“. (Послѣднія слова должны быть чешскія: Páni milí, jeho královská milost' prvé prosí, a potom to tak míti chce.)

былъ этотъ языкъ; всѣ Поляки спрашиваютъ, знаетъ-ли эрцгерцогъ по-чешски; пусть онъ, чтобъ сдѣлать на Поляковъ хорошее впечатлѣніе, напишетъ чешское письмо польскому подканцлеру епископу Красинскому или другимъ знакомымъ Полякамъ [1]). Вскорѣ послѣ того въ Польшу прибыли цесарскіе послы, чешскіе сановники, паны Вильгельмъ изъ Розенберга, наивысшій бургграфъ, и Вратиславъ изъ Перштейна, наивысшій канцлеръ. Императоръ отправилъ въ Польшу этихъ чешскихъ пановъ потому, что онъ — какъ замѣчаютъ современники [2])—предполагалъ, что они, по поводу общаго съ Поляками языка, будутъ ими приняты болѣе благосклонно и легче сблизятся съ ними. Цесарскіе послы должны были Полякамъ въ короли рекомендовать и восхвалять эрцгерцога Эрнста; онъ привыкнетъ-де скоро къ польскому языку, обычаямъ и законамъ, такъ какъ онъ учится по-чешски отъ своей дружины; между королевствами чешскимъ и угорскимъ и польскимъ изъ-давна существуютъ дружескія отношенія, да часто одинъ король господствовалъ въ Польшѣ и въ Чехіи, въ Польшѣ и въ Угріи; извѣстно же, что народы польскій и чешскій—одного происхожденія, а по поводу сходства языка, обычаевъ и др. ни одинъ народъ не можетъ сравниваться съ польскимъ, кромѣ чешскаго; оба народа уважаютъ и любятъ другъ друга, такъ что они, хотя нынѣ подданные различныхъ королей, все-таки называютъ другъ друга братьями и считаютъ себя однимъ и тѣмъ же народомъ [3]).

---

[1]) Письмо Цыруса отъ 21 іюля 1572, въ придвор. и госуд. архивѣ вѣнскомъ, сообщилъ Ѳ. Верьбовскій; срв. его Отчетъ IV. стр. 13 (гдѣ вмѣсто 28 іюля надо читать: 21 іюля).

[2]) Шуанэнъ (Choisnin), секретарь тогдашняго французскаго посла въ Польшѣ, Монлюка (Mémoires, по изданію лондонскому 1789, p. 247), и Гейденштейнъ, секретарь I. Замойскаго (Rerum polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII, Francofurti 1672, p. 12).

[3]) Legatio a S. Caesarea Majestate ad ordines regni Poloniae 2 aug. 1572, въ рукописи Имп. публ. библ. (латинскія F. IV. 33): Acta interregni, fol. 346. Срв. тоже Ѳ. Верьбовскаго Отчетъ IV. 18.

Задача цесарскихъ пословъ была не легка, такъ какъ — по единогласному свидѣтельству всѣхъ современниковъ — Поляки ужасно ненавидѣли Нѣмца, и, конечно, смотрѣли на цесарскихъ пословъ, хотя и чешскихъ пановъ, съ большимъ недовѣріемъ. Первою заботою пословъ было разсѣять, или по крайней мѣрѣ ослабить всеобщее подозрѣніе и отвращеніе Поляковъ къ австрійскому дому Габсбурговъ. По этому послы стали, устно и письменно, защищать цесаря противъ разныхъ клеветъ, будто онъ нарушаетъ права Чехіи; тамъ-де ни одинъ Нѣмецъ и чужеземецъ не можетъ купить имѣніе и занимать должность, если онъ не сдѣлался гражданиномъ государства. Послы тоже просили Поляковъ отнестись къ нимъ благосклонно какъ къ посламъ цесаря и къ природнымъ Чехамъ, ихъ друзьямъ и братьямъ одного народа, которые прибыли въ Польшу ни съ чѣмъ инымъ, какъ только съ братскою любовью [1]). Оба чешскіе паны и ихъ дружина, все Чехи, въ сношеніяхъ, устныхъ и письменныхъ, съ Поляками, употребляли свой родной чешскій языкъ, а Поляки съ своей стороны языкъ польскій; а о племенномъ родствѣ обоихъ славянскихъ народовъ часто упоминалось. Такъ Вратиславъ изъ Пернштейна въ чешскомъ письмѣ (16 декабря 1572) серадзкому воеводѣ Альбрехту Ласкому, говоря въ пользу австрійскаго дома, упоминаетъ тоже о сосѣдствѣ, братствѣ, дружбѣ и старинныхъ договорахъ Поляковъ и Чеховъ, народовъ одной крови, одного языка, однихъ обычаевъ, происшедшихъ отъ двухъ братьевъ, Лѣха и Чеха; если же они будутъ соединены, то ни одинъ врагъ не посмѣлъ бы выступить противъ нихъ [2]). Самъ Вильгельмъ изъ Розенберга — не смотря на свою неблагодарную роль цесарскаго посла, который долженъ былъ рекомендовать Полякамъ въ короли ненавистнаго Нѣмца — скоро снискалъ себѣ расположеніе Поляковъ, такъ что уже тогда нѣкоторые, Станиславъ

---

[1]) Рукопись Имп. публ. библ. Acta interregni, fol. 75, Noailles III. 191; срв. Верьбовскаго Отчетъ IV. и Zabiegi Maxymiliana.

[2]) Письмо Пернштейна въ архивѣ князей Шварценберговъ въ г. Требони (въ южной Чехіи); сообщилъ Ѳ. Верьбовскій.

Горка изъ Великой Польши и вѣроятно и Станиславъ Шафранецъ изъ Малой Польши, подумали объ избраніи въ польскіе короли самого Розенберга, считая его какъ Чеха „Пястомъ“ т. е. природнымъ Полякомъ; да въ Польшѣ говорилось, что при посредствѣ Розенберга Чехія присоединится къ Польшѣ. Но самъ Розенбергъ, вѣрный слуга своего императора и короля, не хотѣлъ тогда и слышать о такомъ планѣ [1]).

Императоръ Максимиліанъ, желая своему стремленію къ пріобрѣтенію польской короны придать еще больше вѣсу, заставилъ чешскіе чины, чтобъ они тоже отъ себя отправили пословъ въ Польшу съ цѣлью поддержать кандидатуру эрцгерцога Эрнста. Дѣйствительно, на чешскомъ сеймѣ 1573 г., 28 января, чины чешскаго королевства заговорили о томъ, что Поляки и Чехи всегда жили и живутъ въ дружбѣ, любви, братствѣ; чешскіе чины желаютъ, чтобъ эта дружба и любовь усиливалась и чтобъ оба королевства имѣли одно или родственное начальство; они рѣшили отправить своихъ пословъ на польскій сеймъ съ тѣмъ, чтобъ эти послы дѣйствовали на Поляковъ въ пользу избранія въ польскіе короли императора Максимиліана или его сыновей [2]). Послами чешскихъ чиновъ въ Польшу были Ладиславъ изъ Лобковицъ, Альбрехтъ Капоунъ изъ Свойкова, и Андрей Зутеръ. Чешскіе чины, въ вѣрительной грамотѣ (6 марта) своимъ посламъ, рекомендуютъ ихъ польскимъ чинамъ, „сопле-

---

[1]) О кандидатурѣ Розенберга уже въ 1573 г. говорятъ нѣкоторые современники; см. Верьбовскаго: Двѣ кандидатуры 67—70. О присоединеніи чешскаго государства къ Польшѣ толковали тогда тоже иностранные агенты; такъ Шомбергъ, французскій посолъ въ Германіи, писалъ (29 августа 1572) дюку д'Анжу, что сынъ императора предлагаетъ Полякамъ тоже присоединеніе чешской короны къ Польшѣ (Noailles III. 290); въ одномъ итальянскомъ Discorso о предстоящихъ выборахъ (Piliński: Bezkrólewie 38, срв. Droysen: Geschichte der preuss. Politik II. 2. p. 470) тоже утверждается, что императоръ легко бы пріобрѣлъ польскую корону для своего сына, если бы этотъ присоединилъ къ ней и чешскую.

[2]) Sněmy české (v Praze 1884), III. 741.

менникамъ, друзьямъ и сосѣдямъ своимъ"; а въ инструкціи внушаютъ посламъ, чтобъ они дѣйствовали въ пользу эрцгерцога Эрнста и для этой цѣли указывали на исконную дружбу и родство обоихъ народовъ, чешскаго и польскаго [1]).

На избирательномъ сеймѣ подъ Варшавою Вильгельмъ изъ Розенберга сказалъ (9 апрѣля) рѣчь на чешскомъ языкѣ, рекомендуя Полякамъ въ короли эрцгерцога Эрнста; между прочимъ онъ — согласно съ своею инструкціею — указывалъ тоже на то, что рекомендуемый кандидатъ польской короны знаетъ чешскій языкъ, что народы польскій и чешскій одного происхожденія и по этому они похожи обычаями, языкомъ и вообще всѣмъ; ни одинъ народъ не походитъ на польскій и не можетъ съ нимъ сравниваться, какъ чешскій; и нынѣ оба народа любятъ другъ друга, такъ что они, хотя въ это время подданные разныхъ государей, все - таки называютъ себя братьями и считаютъ себя однимъ народомъ [2]).

Нѣсколько дней спустя (14 апрѣля) говорилъ на сеймѣ посолъ чешскихъ чиновъ, панъ Ладиславъ изъ Лобковицъ, тоже по-чешски. Выразивъ пожеланіе, чтобъ избирательный сеймъ окончился счастливо, ораторъ замѣтилъ, что этому будутъ радо-

---

[1]) Вѣрительная грамота и инструкція записаны въ государственномъ архивѣ чешскомъ (Desky zemské království českého: kvatern instrukcí a listův poselacích žlutý l. 1542—1582, fol. J 20), откуда напечатаны въ нашемъ Отчетѣ (1882, стр. 78) и въ сборникѣ Sněmy české III. 765.

[2]) Рѣчь Розенберга напечатана тогда въ латинскомъ переводѣ особою брошюрою (Legatio S. C. Majestatis idiomate bohemico in castris habita), и перепечатана позже у Гольдаста, Бальбина, Броэль-Платера. Чешскій языкъ рѣчи Розенберга считалъ французскій посолъ Монлюкъ важнымъ преимуществомъ: онъ видѣлъ для себя большое затрудненіе, что послы императора будутъ говорить на языкѣ чешскомъ близкомъ польскому и такимъ образомъ всякій ихъ пойметъ; между тѣмъ онъ, посолъ, не могъ иначе говорить, какъ то... ко на языкѣ латинскомъ. Розенбергъ, человѣкъ спокойный и скр... ный, не увлекъ слушателей, говоря слишкомъ тихо. (Choisnin 3 327). Срв. тоже Бѣльскаго Kronika polska, 675.

ваться Чехи, такъ какъ они и Поляки произошли отъ двухъ братьевъ, и оба народа соединены этимъ родствомъ, языкомъ, обычаями, правомъ, общею любовью и единодушіемъ; Чехи же отъ души желаютъ Полякамъ всего лучшаго и счастья, какъ своимъ милымъ братьямъ и друзьямъ. Послѣ этихъ словъ чешскій панъ прочиталъ латинское посланіе чешскихъ чиновъ, которые ему поручили сказать кое-что о сношеніяхъ Чеховъ и Поляковъ. Если бы перечитались всѣ исторіи, то не найдется другихъ двухъ народовъ, которые были бы столь похожи другъ на друга происхожденіемъ, языкомъ, устройствомъ, законами и обычаями, какъ оба народа польскій и чешскій. Они ведутъ свое начало отъ двухъ братьевъ, и начались при лучшихъ предзнаменованіяхъ, чѣмъ римское государство при Ромулѣ и Ремѣ. Уже раньше Поляки брали себѣ государей изъ Чехіи какъ у народа родственнаго, и на оборотъ Чехи изъ Польши. Поляки избрали по смерти своего короля Премысла чешскаго короля Вячеслава, а позже при Ягайловичахъ взаимная братская пріязнь Поляковъ и Чеховъ ничѣмъ не уменьшилась. Чехи по смерти короля Юрія не избрали своимъ королемъ его сыновей, а искали короля только у своихъ соплеменниковъ, друзей и сосѣдей, Поляковъ. Ягайловичу Владиславу Казимировичу не было трудно царствовать надъ Чехами, такъ какъ онъ воспитывался среди Поляковъ, народа почти во всемъ похожаго на Чеховъ. Внукъ Владислава — императоръ Максимиліанъ, и подъ его скипетромъ Чехамъ живется хорошо; слѣдовало бы Полякамъ избрать своимъ королемъ одного изъ шести сыновей императора, наилучше Эрнста, по давнишнему примѣру Чеховъ, которые изъ шести сыновей Казимира избрали Владислава. Желательно, чтобъ Чехи и Поляки, равнымъ образомъ какъ они уже съ самой своей колыбели были соединены тѣснѣйшимъ образомъ, остались соединены и впредь подъ однимъ царствующимъ родомъ. Ладиславъ зъ Лобковицъ, прочитавши это латинское посланіе чешскихъ чиновъ, продолжалъ свою чешскую рѣчь; онъ сказалъ, что Поляки могутъ убѣдиться въ любезности и братской любви Чеховъ, которые очень желаютъ осуществленія этого дѣла: оба народа соединены съ начала двумя братьями, однимъ языкомъ, обычая-

ми, законами и другими похожими вещами, и считаются какъ бы однимъ народомъ; Чехи пламенно желаютъ, чтобъ оба народа не расходились, и очень будутъ радоваться, если у нихъ и у Поляковъ будутъ, какъ это бывало часто и прежде, одинъ общій король или короли родственные [1]).

Но всѣ эти старанія пословъ цесарскихъ и чешскихъ были тщетны. Ненависть Поляковъ противъ Нѣмцевъ пересилила всѣ другія соображенія и старанія приверженцевъ Габсбурговъ; шляхта на своихъ съѣздахъ рѣзко высказывалась о нѣмецкихъ кандидатахъ и заставляла ихъ сторонниковъ замолчать. Въ добавокъ случилось нѣчто неожиданное. Чешскіе паны, какъ послы императора и чешскихъ чиновъ, дѣйствовали офиціально въ пользу Габсбурговъ, восхваляли ихъ и все говорили о выгодахъ соединенія соплеменныхъ Чеховъ и Поляковъ подъ скипетромъ Нѣмца Габсбурга; но многичисленная дружина пословъ, все Чехи, подружившись съ Поляками особенно на пиршествахъ, предостерегали ихъ отъ австрійскаго господства, которое было бы опасно для ихъ свободы и благосостоянія, какъ это оказалось въ Чехіи [2]).

Посольства чешскихъ пановъ въ Польшу не достигли своей цѣли; польскимъ королемъ избранъ не императоръ или его сынъ Эрнстъ, а Французъ Генрихъ д'Анжу. Польскіе и литовскіе чины, хотя они не исполнили желанія императора, отнеслись все таки дружелюбно къ его посламъ, и поблагодарили тоже чешскіе чины особымъ отвѣтомъ на ихъ посольство и посланіе (21 апрѣ-

---

[1]) Рѣчь пана Ладислава изъ Лобковицъ и посланіе чешскихъ чиновъ записаны въ выше упомянутомъ кватернѣ чешскихъ деокъ, fol. K, также и въ рукописныхъ сборникахъ, петербургскомъ (F. IV. 33), варшавскомъ (394), вѣнскомъ (132), въ Текахъ Нарушевича (81); напечатаны въ нашемъ Отчетѣ 1882, стр. 78—81, потомъ Дворскимъ въ ж. Slovanský Sborník 1885, p. 12—15, и въ сб. Sněmy české III. 767—772. Срв. Бѣльскаго Kronika polska, 693.

[2]) По словамъ Ант. Граціани, секретаря тогдашняго папскаго легата въ Польшѣ I. Коммендоне (De vita Joannis Fr. Commendoni, Patavii 1685, p. 385; срв. Нѣмцевича Zbiór pamiętników I. 56). См. „Славяне" II. 166.

ля): они охотно признали, что чешскіе чины своимъ посольствомъ явно засвидѣтельствовали свою братскую любовь къ польскому народу, связанному съ чешскимъ народомъ стариннымъ родствомъ крови двухъ братьевъ, отъ которыхъ произошли оба народа; польскіе и литовскіе чины признаютъ всю истину упомянутаго въ чешскомъ посланіи родства народа чешскаго съ польскимъ, что оба народа относились всегда другъ къ другу дружелюбно, да что они часто избирали королей изъ того и другого народа на большую пользу и украшеніе тому и другому королевству и народу. Все это Поляки признаютъ и желаютъ, чтобъ и впредь такъ осталось, и чтобъ обоюдная старинная пріязнь и любовь все больше умножались. Относительно рекомендуемаго Чехами для такой цѣли избранія эрцгерцога Эрнста польскіе чины отвѣтили уклончиво, что избраніе короля зависитъ отъ многихъ людей; но они надѣются, что избранъ будетъ такой король, который бы любилъ народъ польскій и вмѣстѣ съ тѣмъ нравился бы тоже дружескому и родственному народу чешскому [1]).

Чешскіе чины, собравшіеся на сеймѣ въ началѣ 1574 г., приняли этотъ отвѣтъ польскихъ чиновъ съ большою благодарностью, и указывая на дружелюбный отвѣтъ польскихъ чиновъ и на общее происхожденіе обоихъ народовъ отъ двухъ братьевъ, просили императора-короля Максимиліана, чтобъ скоро возобновились старинные договоры между обоими королевствами, чешскимъ и польскимъ [2]).

Спустя годъ послѣ избранія короля Генриха польскій престолъ упразднился вновь: въ іюнѣ 1574 г. польскій король убѣжалъ во Францію. Въ числѣ кандидатовъ польской короны были опять Габсбурги, самъ императоръ Максимиліанъ, и его братъ Фердинандъ и сынъ Эрнстъ. Многіе польскіе паны поддержива-

---

[1]) Это Responsum находится въ выше упомянутыхъ рукописныхъ сборникахъ петербургскомъ и варшавскомъ, въ кватернѣ чешскихъ земскихъ дескъ (съ чешскимъ переводомъ), въ Текахъ Нарушевича (81); напечатано въ нашемъ Отчетѣ 1882 г., стр. 81, въ сб. Sněmy české III. 772, Sborník Slovanský 1885, p. 16.

[2]) Sněmy české IV. 42, 84.

ли кандидатуру Габсбурговъ, но другіе паны и шляхта не хотѣли и слышать о Нѣмцѣ на польскомъ престолѣ, рѣзко нападали на Нѣмцевъ и на ихъ императора, указывали опять на разныя притѣсненія подвластныхъ ему соплеменныхъ Чеховъ, на необходимость, чтобъ новый польскій король могъ разговаривать съ своимъ народомъ [1]). „Кто цесаря называетъ, тотъ смерть себѣ приготовляетъ", „мы не хотимъ Нѣмца, хотя бы это намъ стоило жизни, и предпочтемъ увидать самого чорта на польскомъ престолѣ, чѣмъ кого-нибудь изъ Габсбурговъ!"—такія и подобныя тому восклицанія раздавались на сеймикахъ и на съѣздахъ шляхты, приводя императорскихъ агентовъ и пословъ въ очень затруднительное положеніе [2]). Дудичъ требовалъ отъ императора все только „проклятыхъ денегъ, магниту", и совѣтовалъ ему, посылать въ Польшу не Нѣмцевъ, не Угровъ, а скорѣе Чеховъ, только чтобъ у послѣднихъ не было много дружины ихъ народа [3]).

Затрудненія приверженцевъ и агентовъ императора еще увеличились, когда многіе польскіе паны и шляхта провозгласили своимъ кандидатомъ опять Вильгельма изъ Розенберга какъ Чеха, и когда такимъ образомъ кандидатами польской короны явились три Славянина, Чехъ, Пястъ и русскій царь. Розенбергъ Полякамъ очень понравился, какъ мудрый панъ стариннаго рода, Чехъ, человѣкъ ихъ крови и языка и природный ихъ

---

[1]) Nobilitas infensa est nobis, tum ob alias causas, tum quod ignationem ferre non potest, et propterea ad Piastum, Rosenbergium, Moschum insano quodam studio fertur—пишетъ цесарскій агентъ въ Польшѣ Дудичъ императору. Piastum suae linguae volunt et non mutam quasi personam, cum qua loquerentur per explicatores vel dictatores—пишетъ Я. Нетолицкій Розенбергу. См. Верьбовскаго Двѣ кандидатуры, 84, и документы стр. 23.

[2]) Подробности у Закревскаго Po ucieczce Henryka. Срв. тоже современный памфлетъ Zrcadło království polského 1574—1575 (чешскій переводъ, въ ж. Časopis Česk. Musea 1875, 103).

[3]) Письма Дудича (19 іюля 1574, 27 янв. 1575) у Верьбовскаго Двѣ кандидатуры 84, и у Закревскаго Po ucieczce Henryka 313.

братъ [1]). Кандидатуру Розенберга поддерживали Зборовскіе, Горка, Фирлей, Тарло, Пріемскій, Дупинъ, Шафранецъ, Прецлавскій, Стряла, и многочисленная шляхта, преимущественно малопольская. Люблинскій воевода Тарло хотѣлъ на избирательномъ сеймѣ сказать написанную Прецлавскимъ рѣчь въ пользу Розенберга, но потомъ ея не сказалъ; въ ней восхвалялись добродѣтели чешскаго пана: онъ католикъ, нашего языка, народа чешскаго, древняго знаменитаго рода, знаетъ и любитъ наши доблести и обычаи; никто изъ нашихъ братьевъ на Пяста столь не похожъ, какъ онъ, да его слѣдуетъ предпочитать самому Пясту, такъ какъ у него въ Польшѣ нѣтъ родни [2]). Поляки—по словамъ агента Розенберга въ Польшѣ, Нетолицкаго—очень восхваляли добродѣтели Розенберга, пана стариннаго рода и языка, мудраго и справедливаго, такъ что никто не будетъ лучшимъ королемъ чѣмъ онъ. Но приверженцы Розенберга, особенно Зборовскіе, требовали—какъ истые торговцы польскою короною—отъ чешскаго пана много денегъ, которыхъ Розенбергъ не давалъ и по этому и проигралъ [3]). Приверженцы Розенберга въ Польшѣ требовали отъ него тоже присоединенія Чехіи къ Польшѣ по смерти императора Максимиліана; Розенбергъ соглашался, но дѣло не удалось, такъ какъ вскорѣ старшій сынъ императора, Рудольфъ, вѣнчанъ на чешское королевство [4]). Розенбергъ не отказывался отъ предлагаемой ему польской короны, но велъ себя очень осторожно, сдержанно и скупо; онъ, опасаясь

---

[1]) По словамъ современнаго Св. Орельскаго Bezkrólewia ksiąg ośmioro czyli dzieje Polski 1572—1576 (изд. 1856, II. 169), и біографа Розенберга Вячеслава Брезана (1611, по изд. 1847 г. стр. 208). Срв. письма Нетолицкаго Розенбергу (Верьбовскій стр. 16, 22), письмо одного Поляка у Брезана стр. 221.

[2]) Верьбовскій: Двѣ кандидатуры, документы стр. 69.

[3]) В. Брезанъ (221) разсказываетъ, что Розенбергъ не хотѣлъ vprošovati neb vkupovati se; но такимъ образомъ польская корона не пріобрѣталась.

[4]) Верьбовскій Двѣ кандидатуры 130, документы стр. 9, 11, 62.

императора, который окружилъ его шпіонами, не дѣйствовалъ въ свою пользу деньгами—главный способъ добиваться польской короны—и вообще велъ себя очень пасивно, между тѣмъ какъ императоръ и его польскіе и литовскіе сторонники дѣйствовали противъ него. Такимъ образомъ вскорѣ исчезла кандидатура Розенберга, подданнаго и слуги императора, какъ нѣкоторые Поляки говорили. Мысль о возведеніи чешскаго пана на польскій престолъ и о присоединеніи Чехіи къ Польшѣ—что́ конечно, могло осуществиться только послѣ счастливой войны Польши съ Германіею—блеснула только какъ метеоръ на славянскомъ обзорѣ. Если товарищъ пана изъ Розенберга, Ладиславъ изъ Лобковицъ, донося императору о возможномъ избраніи Розенберга въ польскіе короли [1]), думаетъ, что это не въ пользу императора, то онъ правъ; но если онъ прибавляетъ, что такое избраніе было бы въ пользу чешскаго государства, то онъ не правъ: вѣдь предполагаемое присоединеніе Чехіи къ Польшѣ—въ случаѣ его осуществленія и сохраненія на болѣе продолжительное время—придало бы исторіи западнаго Славянства другой характеръ, повернуло бы Чехію къ славянскому востоку.

На избирательномъ сеймѣ, въ концѣ 1575 г., Розенбергъ получилъ очень мало голосовъ; сенаторы по большей части избрали императора Максимиліана, шляхта семиградскаго князя Стефана Батори. Другіе два Габсбурга, эрцгерцогъ Фердинандъ Фердинандовичъ и Эрнстъ Максимиліановичъ, не имѣли успѣха, хотя ихъ сторонники въ Польшѣ и ихъ послы восхваляли ихъ между прочимъ потому, что оба они знаютъ тоже чешскій языкъ польскому близкій; одинъ изъ пословъ Фердинанда, графъ Францъ Турнъ, зная кое-какъ по-чешски и по-хорватски, надѣялся, при помощи этихъ двухъ славянскихъ языковъ, договариваться съ Поляками [2]). Польскіе сенаторы отправили къ императору Максимиліану посольство, во главѣ котораго находился серадзскій

---

[1]) Письмо Л. изъ Лобковицъ императору отъ 20 августа 1574, у Верьбовскаго: Двѣ кандидатуры, документы стр. 19.

[2]) Верьбовскій: Двѣ кандидатуры, документы стр. 143.

воевода Альбрехтъ Ласкій. Императоръ принялъ пословъ 18 января 1576 г., и Ласкій сказалъ ему рѣчь на польскомъ языкѣ; императоръ, извиняясь, что онъ не знаетъ польскаго языка, отвѣтилъ по-чешски къ большому удовольствію польскихъ пословъ, съ которыми онъ разговаривалъ окруженный не Нѣмцами. Императоръ употребилъ умышленно языкъ чешскій, а не латинскій или нѣмецкій, хотя польскіе послы понимали тотъ и другой языкъ; онъ предполагалъ, что, такъ какъ языкъ чешскій польскому очень близокъ и мало отъ него отличается, послы поймутъ его, и что такимъ образомъ окажутся лживыми клеветы противниковъ, будто императоръ не понимаетъ своихъ подданныхъ, и что по этому надо избрать кого-нибудь, который знаетъ по-польски [1]).

Максимиліанъ, извѣщая чешскихъ намѣстниковъ о своемъ избраніи въ польскіе короли (23 декабря 1575), замѣтилъ, что это будетъ въ пользу и славу всему христіанству, особенно же чешскому королевству и всѣмъ его коронньмъ землямъ. Чешскіе чины, собравшіеся лѣтомъ 1576 г. на сеймъ, вмѣстѣ съ депутатами остальныхъ чешскихъ коронныхъ земель, приняли извѣстіе объ избраніи императора и короля Максимиліана въ польскіе короли съ большимъ удовольствіемъ, и считали соединеніе государствъ чешскаго и польскаго подъ однимъ государемъ большимъ прославленіемъ и расширеніемъ языка славянскаго среди всѣхъ народовъ на большую славу и врагамъ всего христіанства на немалый страхъ—k osłavení a rozšíření jazyka słovanského, mezi všemi národy k veliké pochvale a nepřáteluom všeho křesťanstva k nemałému ostrachu [2]).

---

[1]) Рукопись вѣнской придворной библіотеки Historia profana, Nro 132, fol. 18, 104 (сообщилъ проф. В. Томекъ). Польскій шляхтичъ Яковъ Хотовскій, приверженецъ императора, писалъ ему по-чешски (Верьбовскій, Двѣ кандидатуры, 125).

[2]) Sněmy české IV. 501, 563. Срв. тоже слова чешскаго граматика Бенешовскаго о господствѣ Габсбурговъ у другихъ Славянъ— II т. соч. „Славяне“, стр. 54. Такіе своеобразные взгляды на „славу и расширеніе славянскаго народа“ въ слѣдствіе воцаренія нѣмецкихъ Габсбурговъ на славянскомъ востокѣ показываютъ, какъ

Но всѣ эти надежды и ликованія были преждевременны: Поляки не очутились подъ нѣмецкою властью, императору не удалось привести на свою сторону приверженцевъ Батори, и посольство Вильгельма изъ Розенберга, отправленнаго императоромъ въ Польшу, не увѣнчалось успѣхомъ. Партія Батори приняла чешскаго пана въ Ендреёвѣ торжественно, всѣ встали, посадили его на первомъ мѣстѣ, и выслушали его рѣчь, которую онъ говорилъ опять на языкѣ чешскомъ, для Поляковъ понятномъ и болѣе пріятномъ (30 янрара 1576) [1]). Но самое посольство не имѣло успѣха, и Розенбергъ убѣдился, что шансы императора были слабы, и даже похвалилъ усердіе Поляковъ въ защитѣ ихъ свободы. Не Максимиліанъ, а Стефанъ Батори остался польскимъ королемъ.

Десять лѣтъ спустя, по смерти короля Стефана (1586), польскій престолъ упразднился вновь. Габсбурги добивались опять польской короны, съ начала нѣсколько эрцгерцоговъ, потомъ эрцгерцогъ Максимиліанъ, сынъ покойнаго императора Максимиліана, одинъ. Повторилась старая исторія. Не смотря на всю ненависть Поляковъ къ Нѣмцамъ [2]), одна польская партія высказалась въ пользу Максимиліана. Посломъ Габсбурговъ въ Польшѣ былъ оломуцкій епископъ Станиславъ Павловскій; онъ долженъ былъ, между прочимъ, сообщить Полякамъ, что эрцгерцоги, хотя они не говорятъ по-польски, знаютъ чешскій языкъ, и такимъ образомъ легче научатся по-польски. На избирательномъ сеймѣ Павловскій, предлагая одного изъ Габсбурговъ (14 августа 1587), замѣтилъ, что этого требуютъ отъ Поляковъ

глубоко застряли Чехи XVI в. въ нѣмецкомъ болотѣ; ихъ предки XV вѣка, призывая на чешскій престолъ польско-русскихъ Ягайловичей, говорили о славѣ языка славянскаго совершенно иначе; срв. стр. 81, 113.

[1]) Орельскій II. 50, 70, III. 69; Нѣмцевичъ: Zbiór pamiętników II. 99; срв. Верьбовскій: Двѣ кандидатуры, 155.

[2]) Nomen Niemiec u wszystkich jest exosum — сказалъ на избирательномъ сеймѣ панъ Горайскій, предлагая русскаго царя. Dyjaryusze sejmowe r. 1587, wydał A. Sokołowski, p. 150 (Scriptores rerum polon. XI, Kraków 1887).

тоже праотцы народовъ чешскаго и польскаго, сосѣдство, старинные союзы и договоры обоихъ народовъ, наконецъ и сходство языка, обычаевъ и законовъ [1]).

Нѣкоторые Чехи опять радовались предстоящему усиленію своей королевской династіи, Габсбурговъ, тому, что будутъ соединены Лѣхи, Моравяне и Чехи, и что будетъ новое утѣшеніе [2]). Также и сторонники Габсбурговъ въ Польшѣ дѣйствовали въ пользу эрцгерцога Максимиліана, имѣя при этомъ въ виду соединеніе силъ всего христіанства противъ Турокъ. Варѳоломей Папроцкій выразилъ надежду, что подъ господствомъ Габсбурговъ Поляки, подобно Чехамъ, успокоятся и возвысятся, и что Вильгельмъ изъ Розенберга, Поляками любимый и почитаемый, успокоитъ ихъ отечество. Христофоръ Варшевицкій, въ формѣ разговора Поляка и Чеха, рекомендовалъ избраніе эрцгерцога Максимиліана; Чехъ отвѣчаетъ на всѣ возраженія Поляка, критикуетъ всѣхъ кандидатовъ польскаго престола—при чемъ бранитъ особенно варварскаго Москвитянина,—защищаетъ нѣмецкихъ Габсбурговъ противъ польской пословицы: Póki świat światem, Polak Niemcu nie bratem, старается разсѣять всѣ опасенія Поляковъ и рекомендуетъ имъ въ короли эрцгерцога Максимиліана какъ единственно достойнаго кандидата. Также и Петръ Дунинъ Скринскій рекомендовалъ Максимиліана, особенно въ виду соединенія силъ христіанства противъ Турокъ [3]).

Максимиліанъ, отвергаемый большинствомъ Поляковъ, вздумалъ добиваться польскаго престола съ оружіемъ въ рукахъ. Но разбитый I. Замойскимъ подъ Бычиною (1588) Максимиліанъ поплатился за эту свою попытку плѣномъ. Побѣда бычинская

---

[1]) E. Mayer: St. Pawłowski's Gesandtschaftsreisen nach Polen (Wien 1861, p. 252, 322).

[2]) По словамъ современной пѣсни: Austriae beata domus, gaudeat omnis Polonus, sřízněni budou Lechové, Moravané i Čechové, těšení bude nové. (H. a J. Jireček: Rozpravy z oboru filologie, 78). …е написалъ-ли эти стихи В. Папроцкій?

[3]) Paprocki: Pamięć nierządu w Polszcze r. 1587 (посвящено …зенбергу); Warszewicki: Lechitae et Bohemi colloquium 1587

вызвала въ Польшѣ общую радость; Поляки хорошо понимали, что Замойскій отразилъ нѣмецкое стремленіе на славянскій востокъ [1]). Первою заботою императора Рудольфа было освободить плѣннаго эрцгерцога брата, и по этому поводу онъ отправилъ Вильгельма изъ Розенберга въ Польшу. Чешскій панъ и на этотъ разъ мечталъ о польской коронѣ, а судьба, будто издѣваясь надъ нимъ, какъ прежде, такъ и теперь, посылала ему лишь непріятныя обязанности исправлять ошибки и промахи, вызванные стремленіями Габсбурговъ къ пріобрѣтенію для себя той же польской короны [2]). Розенбергъ встрѣтился на слезско-польской границѣ въ Старинѣ (въ февралѣ 1589) съ бычинскимъ побѣдителемъ, Замойскимъ. Здѣсь завязался между обоими славянскими государственными людьми любопытный разговоръ о тогдашнемъ положеніи славянскихъ народовъ. Замойскій напомнилъ Розенбергу, чтобъ онъ прежде всего заботился о чести и свободѣ славянскаго народа. Славяне, народъ великій, отъ части попали въ варварство, рабство, подъ господство иноплеменниковъ; такъ Москвитяне и Югославяне. Одни почти Чехи и Поляки оберегаютъ достоинство и свободу славянскаго народа. Розенбергъ занимаетъ-де нынѣ первое мѣсто въ славянскомъ народѣ, и долженъ прежде всего заботиться о чести и свободѣ своего народа, а не служить чужой жадности для его притѣсненія. Нынѣшнее и будущее поколѣніе смотритъ теперь на Розенберга, и по этому слѣдуетъ ему избѣгнуть всякаго подозрѣнія, будто онъ мѣшалъ свободѣ и чести славянскаго народа. Если же, послѣ всѣхъ военныхъ бѣдствій, Поляки были бы поражены, какая же польза будетъ отъ этого Чехамъ, кромѣ того, что они сами предали въ рабство соплеменные народы, способствовали распро-

---

(Opuscula inedita Chr. W., ed. Th. Wierzbowski 1883, p. 77; переводъ съ польскаго). Dunin Skrzyński, который жилъ въ Чехіи, „у Чеховъ, братьевъ и союзниковъ Поляковъ", издалъ въ Прагѣ латинскій переводъ своей польской брошюры Quali Polonia indigeat rege (1590).

[1]) См. „Славяне", II. 166—167.

[2]) Верьбовскій: Двѣ кандидатуры, 163.

страненію нѣмецкаго господства, и приготовили самимъ себѣ опасность и такую судьбу, которая постигла другіе славянскіе народы. И такъ Розенбергъ — кончилъ Замойскій—навѣрное больше подумаетъ о своемъ народѣ и о своемъ отечествѣ, чѣмъ о чужомъ могуществѣ и честолюбіи. Чешскій панъ, посолъ нѣмецкаго государя, въ своемъ безвыходномъ положеніи, не могъ на эти мѣткія и вѣскія разсужденія польскаго пана отвѣтить ничего другого, кромѣ того, что онъ будетъ дѣйствовать такъ, какъ этого требуетъ благо отечества и вѣрность государю; но въ душѣ онъ вѣроятно хорошо понималъ всю правду словъ Замойскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ всю фальшь своего положенія: чешскій панъ, Славянинъ, мечтавшій о польской коронѣ, а на дѣлѣ—покорный слуга нѣмецкихъ интересовъ на славянскомъ востокѣ [1]).

Посольство Розенберга на этотъ разъ увѣнчалось успѣхомъ: черезъ нѣсколько дней Максимиліанъ, отказавшись отъ польской короны, выпущенъ на волю. Эти событія не ослабили дружескихъ отношеній Чеховъ и Поляковъ. Чешскіе чины на сеймѣ 1589 г. просили императора и короля, чтобъ старинное согласіе между Чехіею и Польшею оставалось въ своей прежней силѣ, и прекратилось недоразумѣніе, которое произошло между нѣкоторыми землями чешской короны и польскимъ королевствомъ, и чтобъ сохранились между ними обоими искренняя любовь, единодушіе и доброе сосѣдство [2]).

Польскій престолъ занялъ болѣе счастливый соперникъ Максимиліана, шведскій королевичъ Сигизмундъ III, Полякъ по матери, породнившійся, посредствомъ двухъ браковъ съ австрійскими эрцгерцогинями, съ Габсбургами. Во время долголѣтняго царствованія Сигизмунда III въ Польшѣ произошли важныя перемѣны, которыя повліяли и на взаимныя отношенія Чеховъ

---

[1]) Сообщаетъ секретарь Замойскаго Heidenstein: Vita J. Zamoyscii (Collectanea vitam resque J. Zamoyscii illustrantia, ed. Dziayński 1861, p. 105); изъ рукописи взялъ уже Bohomolec: Życie J. Zamoyskiego (1775).

[2]) Постановленія чешскаго сейма 1589 г. (современная печать).

и Поляковъ. Стараніемъ короля Сигизмунда III, ревностнаго католика и приверженца іезуитовъ, въ Польшѣ началась пропаганда въ пользу исключительнаго католицизма и реакція противъ многочисленныхъ некатоликовъ или, какъ ихъ называли, „диссидентовъ“, протестантовъ „еретиковъ“ и православныхъ „схизматиковъ“. Католическая пропаганда велась съ успѣхомъ, ряды протестантовъ рѣдѣли, а православные значительно ослаблены уніею одной части ихъ церкви съ католическою, послѣдующимъ затѣмъ ополяченіемъ югозападной, литовско-польской Руси, и ея отчужденіемъ отъ Руси сѣверовосточной, Москвы. Польша тянула все больше на русскій востокъ, и сдѣлала при Сигизмундѣ попытку—хотя неудачную—завоевать и московскую Русь; на западѣ же усовершенствовала политическую ошибку Сигизмунда I, отдавши Прусію прямо бранденбургскому курфюрсту, и усиливши такимъ образомъ давнишняго опаснаго врага Славянства внутри своихъ границъ. Между тѣмъ въ Чехіи католицизмъ ослабѣвалъ, протестанты (лютеране и чешскіе братья) „еретики“ пріобрѣтали важныя права. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Чехіи начала XVII в. явился планъ преобразовать чешское государство въ такую же шляхетскую республику, какою была Польша. Когда же одинъ иностранный посланникъ въ Прагѣ замѣтилъ автору этого плана, Вячеславу Вхинскому, его сходство съ государственнымъ устройствомъ Польши, то Вхинскій отвѣтилъ, что вѣдь Чехи и Поляки братья [1]). Чехи пользовались, какъ единоплеменники, симпатіями Поляковъ, но какъ „еретики“ возбуждали отвращеніе строго католическаго польскаго короля и вообще среди польскихъ католиковъ, которые пріобрѣли себѣ въ Польшѣ перевѣсъ въ правительственныхъ и общественныхъ кружкахъ. Во взаимныхъ отношеніяхъ Чеховъ и Поляковъ произошло то, что́ и въ началѣ XV в. во время гуситскаго дви-

---

[1]) Gindely: Kaiser Rudolf u. seine Zeit I. 340. Замѣтимъ, что въ началѣ XVI в., во время т. н. кокошьей войны (1536), польскіе паны домогались, по примѣру чешскихъ, первенства передъ мелкою шляхтою, о чемъ см. Бѣльскаго Kronika polska, 577.

женія, съ тою однако разницею, что въ XV в. Поляки и ихъ короли, не смотря на все свое отвращеніе къ гуситской „ереси“, чувствовали себя все-таки „Славянами“, думали серьезно о защитѣ соплеменныхъ Чеховъ противъ ненасытной пасти Нѣмцевъ, даже о присоединеніи чешскаго государства къ Польшѣ. Между тѣмъ въ началѣ XVII в. польскій король думалъ, наравнѣ съ римскими папою и императоромъ, и испанскимъ королемъ, о необходимости поддержать католицизмъ противъ ереси, и тѣмъ самымъ тоже поддержать Габсбурговъ въ чешскомъ государствѣ; а о поддержкѣ этого славянскаго государства противъ Нѣмцевъ нельзя было Польшѣ уже думать и потому, что ея интересы требовали на этотъ разъ защиты не столько Праги и Вратиславля противъ нѣмецкихъ Габсбурговъ, сколько Кіева, Полоцка, Смоленска, Чернигова и другихъ русскихъ областей противъ законныхъ правъ царей всея Руси.

Въ 1618 г. началось возстаніе Чеховъ противъ Габсбурговъ. Чехи, хорошо понимая значеніе Польши въ предстоящей борьбѣ, старались разъяснить Полякамъ характеръ этой борьбы не только религіозной, но и политической и національной. Чешскіе чины въ самомъ началѣ возстанія обратились (25 іюня 1618) къ князю Янушу Радзивиллу, протестанту, найвысшему подчашію великаго княжества литовскаго, и объясняли ему необходимость возстанія въ защиту не только вѣры, а тоже правъ и привилегій чешскаго государства противъ ихъ вѣроломныхъ притѣснителей; они обращаются къ нему, знаменитому исповѣднику евангелія, сообщаютъ ему свою скорбь, свои жалобы, тѣмъ болѣе, что права крови и происхожденіи отъ братьевъ Лѣха и Чеха, основателей народовъ польскаго и чешскаго, перешедшія по наслѣдственной связи на потомковъ, настоятельно требуютъ, чтобъ братья, сосѣди, соплеменники и союзники другъ другу сообщали свое горе и оказывали помощь, благоволеніе и всякія сосѣдскія услуги. Чешскіе чины просили Радзивилла, чтобъ онъ подѣйствовалъ на своего родственника, курфюрста бранденбургскаго, и на польскихъ чиновъ, ихъ братьевъ и сосѣдей, чтобъ изъ Бранденбурга и Польши не предпринимались и не допускались

враждебныя дѣйствія противъ Чеховъ [1]). Самъ польскій король Сигизмундъ III старался въ началѣ смутъ посредничать между Чехами и императоромъ Матвѣемъ, и увѣщевалъ Чеховъ (17 сентября 1618) прекратить всѣ враждебныя дѣйствія; онъ напомнилъ имъ, что возмущеніе чешскаго королевства очень его взволновало и опечалило по поводу доброжелательства и любви къ этому королевству, которое съ польскимъ королевствомъ уже при прежнихъ польскихъ короляхъ жило въ добромъ сосѣдствѣ и согласіи [2]). Чехи въ отвѣтѣ королю (3 октября) защищались противъ обвиненій и клеветъ своихъ враговъ, которые призываютъ весь христіанскій миръ противъ нихъ на истребленіе дорогого ихъ отечества, стремятся къ уничтоженію его, распространяютъ ненависть къ нему, чтобъ сами могли удобнѣе ловить рыбу въ мутныхъ водахъ, поглотить жизнь и имущество Чеховъ, и возрасти изъ ихъ гибели. Чешскіе чины благодарятъ Сигизмунда за высказанныя къ нимъ доброжелательство и любовь, и просятъ посредничать между ними и императоромъ: въ пользу этого говорятъ сосѣдство королевствъ чешскаго и польскаго, одно происхожденіе народа, тотъ же языкъ, старинные договоры взаимной и постоянной любви и благоволенія обоихъ народовъ [3]). Сигизмундъ исполнилъ просьбу Чеховъ и въ письмѣ императору (10 ноября) старался примирить его съ Чехами [4]). Когда же

---

[1]) Латинскій подлинникъ (съ многими печатями) въ архивѣ князей Чарторыйскихъ въ Краковѣ; срв. нашъ Отчетъ за 1882 г., стр. 19.

[2]) Современные Pavel Skála ze Zhoře: Historie česká od r. 1602—1622 (vydal Tieftrunk, II. 397), Fr. Khevenhiller: Annales Ferdinandei (Leipzig 1724), IX. 198.

[3]) Письмо въ спискахъ земскаго архива въ Прагѣ, архива въ Кутной Горѣ, тоже въ рукописи Имп. публ. библіотеки въ Петербургѣ (иноязычныя Q. IV. I. fol. 395); срв. нашъ Отчетъ за 1882 г., стр. 76. Замѣчательны слова Чеховъ:.... odium et propositum evertendi patriam nostram, quo ipsi in turbatis aquis commodius piscar vitae et fortunis nostris inhiare, atque ex ruina nostra crescere qu rent.

[4]) Skála II. 442.

Чехи избрали въ свои короли Фридриха, курфюрста пфальцкаго, то въ Прагу прибыли послы польскаго короля, увѣщевая Чеховъ примириться съ преемникомъ Матвѣя, королемъ Фердинандомъ. Король Сигизмундъ, въ письмѣ Чехамъ (18 октября 1619), заявляетъ о своей готовности способствовать ихъ примиренію съ Фердинандомъ, сожалѣетъ о чешскихъ смутахъ тоже потому, что королевство чешское съ польскимъ соединено не только сосѣдствомъ, а тоже однимъ языкомъ, началомъ, и великою дружбою уже отъ предковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ польскій король отождествляетъ уже свои интересы съ интересами Габсбурговъ, и указываетъ на свое родство и на многіе договоры съ ними, такъ что все постигшее австрійскій домъ касается и его. Въ такомъ же смыслѣ Сигизмундъ писалъ Слезакамъ, сожалѣя о смутахъ въ чешскомъ королевствѣ, соединенномъ съ польскимъ почти однимъ языкомъ, началомъ и великою дружбою [1]). Чехи отвѣтили королю Сигизмунду (14 ноября 1619), что они уже не могутъ отказаться отъ избраннаго короля, и просили, чтобъ польскій король оказалъ милость и доброжелательство чешскому королевству и всѣмъ его коороннымъ землямъ, изъ-за великой дружбы и благоволенія существующихъ между обоими королевствами по поводу одного языка и начала обоихъ народовъ, и старинныхъ договоровъ заключенныхъ между обоими королевствами и народами и всегда сохраняемыхъ. Чины чешскаго королевства и депутаты остальныхъ коронныхъ земель чешскихъ, собравшіеся на генеральномъ сеймѣ въ Прагѣ, въ письмѣ Сигизмунду (16 ноября), защищали свой образъ дѣйствій и союзъ съ Слезаками [2]).

---

[1]) Письмо Сигизмунда Чехамъ (въ современномъ чешскомъ переводѣ) въ спискѣ въ земскомъ архивѣ чешскомъ; письмо Слезакамъ (въ нѣмецкомъ перев.) у Лондорпа: Acta publica (1668, I. 847); срв. (алу III. 397.

[2]) Оба письма (въ чешскомъ переводѣ) записаны въ земскихъ д :кахъ чешскаго королевства (Kvatern prvni zelený listův poselacich с г. 1607 sld., arch. L. 20); второе письмо тоже у Скалы III. 398, и Лондорпа I. 848.

Король Сигизмундъ и строго католическая партія въ Польшѣ смотрѣли на положеніе дѣлъ въ Чехіи съ усиливающимся отвращеніемъ; многіе польскіе паны католики, духовные и свѣтскіе, были готовы на всякія услуги Габсбургамъ, и самъ старый гетманъ Жолкевскій, узнавши о коронаціи новаго короля чешскаго Фридриха, замѣтилъ, что Полякамъ не приноситъ ни чести ни утѣшенія, смотрѣть на все это сложа руки; кто знаетъ, что̀ задумываютъ эти еретики [1]). Король Сигизмундъ и его соумышленники интересовались больше Чехами „еретиками", которыхъ надо укротить или истребить, чѣмъ Чехами „Славянами", которыхъ надо было спасать отъ Нѣмцевъ. Слова о Чехѣ и Лѣхѣ въ устахъ тогдашняго короля были фразы; интересы римскаго папы и нѣмецкихъ Габсбурговъ были для того короля болѣе важны, чѣмъ интересы обоихъ западно-славянскихъ народовъ вообще и Польши въ особенности: польскій король - іезуитъ и его фанатическіе соумышленники въ Польшѣ не поняли да и не могли понять грозныя — по истинѣ пророческія — слова Чеховъ, что угрожаетъ страшная опасность ихъ народу соплеменному Полякамъ, что многочисленные враги призываютъ весь христіанскій міръ на истребленіе Чеховъ, чтобъ поглотить ихъ жизнь и имущество и возрасти изъ ихъ гибели.

Осенью, въ октябрѣ 1619 г., король Сигизмундъ совѣщался о дѣлахъ чешскихъ и угорскихъ съ сенаторами и представилъ имъ опасность, угрожавшую-де Польшѣ со стороны Слезіи и Угріи и печальное положеніе католиковъ въ земляхъ императора. Но сенаторы рѣшительно отсовѣтывали всякое дѣятельное вмѣшательство въ чужія дѣла въ пользу австрійскаго дома, который Польшѣ никогда не помогалъ; они указывали на опасность угрожавшую Польшѣ со стороны Турокъ, и на то, что оказаніе помощи австрійскому дому не могло бы состояться безъ большого ущерба для Польши. Кромѣ того у Польши, по поводу близкаго сосѣдства, старинныхъ договоровъ и дружескихъ отношеній къ

[1]) Niemcewicz: Zbiór pamiętników VI. 295 (изд. львов. 1833, Mosbach: Wiadomości do dziejów polskich 263.

Чехіи, передъ тѣмъ не было существенной причины, чтобъ предпринимать противъ Чехіи что-нибудь враждебное; напротивъ, Польша съ Чехіею всегда и до сихъ поръ оставалась въ дружбѣ, согласіи и мирѣ. По этому король пусть серьезно подумаетъ о томъ, противъ кого онъ хочетъ воевать, особенно потому, что бо́льшая часть польскихъ чиновъ едва-ли согласится съ нимъ. Дальше надо сообразить, что споръ Чеховъ не одинъ только споръ изъ-за религіи, а что тутъ дѣло идетъ о старинныхъ правахъ чешскаго королевства, которыя чины чешскаго королевства и другихъ коронныхъ земель пріобрѣли отъ прежнихъ императоровъ и чешскихъ королей. На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь свободный выборъ короля; если же польскіе чины помогали бы нарушить этотъ старинный обычай чешской короны, то со временемъ и ихъ право свободнаго выбора короля могло бы сдѣлаться сомнительнымъ да совсѣмъ пропасть, за что они не хотятъ принять на себя отвѣтственности передъ своими потомками [1]).

Въ то время одинъ „богу, королю и родинѣ вѣрный польскій шляхтичъ", т. е. князь Юрій Збаражскій, потомокъ рода нѣкогда литовско-русскаго православнаго Корыбутовичей, но тогда уже католикъ, въ особой анонимной брошюрѣ рѣшительно отсовѣтывалъ войну противъ Чеховъ, которые не сдѣлали Польшѣ никакого зла. Збаражскій приводитъ семьдесятъ важныхъ причинъ, по которымъ польскому королю, сенаторамъ и шляхтѣ нельзя сопротивляться необходимой самооборонѣ Угровъ и Чеховъ; они защищаютъ самое справедливое дѣло противъ австрійскаго дома; Чехи и Поляки — одного происхожденія отъ бра-

---

[1]) По (сокращенному) разсказу Скалы въ рукописной, неизданной части его исторіи IX. 580 (въ библіотекѣ чешскаго музея). Скала ошибается, разсказывая, что Сигизмундъ предложилъ дѣло польс[кому] сейму; Лондорпъ (I. 850) и Кефенгиллеръ (IX. 632) говорятъ т[ол]ько о совѣтѣ сенаторовъ. Оба они приводятъ тоже письмо не[и]звѣстнаго сенатора гнѣзенскому архіепископу, что не слѣдуетъ в[м]ѣшиваться въ чешскія дѣла, въ чужіе опасные споры, и что лучше, е[сл]ибъ Польша защищала самую себя.

тьевъ Чеха и Лѣха, а слезскіе князья Пястовичи — истые наслѣдники польскихъ королей, и по этому готовиться безъ справедливой причины на ихъ гибель не что иное, какъ свирѣпствовать въ собственныхъ внутренностяхъ [1]).

Польскіе паны заговорили съ достоинствомъ, но польскому королю не понравился совѣтъ его сенаторовъ. Онъ не былъ прочь заключить съ Фердинандомъ союзъ противъ Чеховъ, за что представилась Польшѣ надежда пріобрѣсти Слезію; но такой союзъ не состоялся, и Польша должна была скоро обратить вниманіе на турецкія дѣла [2]). Но если король Сигизмундъ III не могъ выступить на помощь Нѣмцамъ противъ чешскихъ „еретиковъ" со всѣми силами Польши, то дѣлалъ все что могъ, чтобъ Нѣмцамъ доставлялась по крайней мѣрѣ косвенная помощь изъ Польши; онъ старался удерживать Слезаковъ отъ оказанія помощи Чехамъ, строго запрещалъ нанимать солдатъ и собирать военныя потребности въ Польшѣ на пользу Чеховъ, и вообще — по словамъ его секретаря Петра Бискупскаго — ничего не пропускалъ, что бы могло быть полезнымъ императору. Самая важная услуга, оказанная польскимъ королемъ Нѣмцамъ, было позволеніе цесарскимъ агентамъ Юрію изъ Гуменнаго, Альтану

---

[1]) Septuaginta graves et arduae rationes, ob quas regem Poloniae nec non senatores et nobilitatem regni defensioni in Hungaria, Bohemia et alibi locorum, inevitabili necessitate susceptae, non adversari decet (Posonii—т. е. вѣроятно въ Познанѣ, а не въ Пожонѣ-Пресбургѣ—1619); тоже по-нѣмецки (перепечатана у Лондорпа I. 850); по-чешски у Скалы (рукоп. IX. 581). Срв. „Славяне" II. 94. Противъ Збаражскаго издалъ плоцкій епископъ Станиславъ Лубенскій Responsio ad 70 rationes (1620). Лубенскій, стоя совсѣмъ на сторонѣ католическихъ Габсбурговъ, упрекаетъ Збаражскаго, что ему schismata et haereses placent. Въ брошюрѣ Лубенскаго находится тоже слѣдующая выходка противъ Русскихъ: Nec sane in Moschos pruritu vel dominandi libidine arma sumpta a nobis sunt, ut tu asse[illegible] fuerunt justae et legitimae causae, quae nos eo impulerunt, ut gent[illegible] solo nomine christianam, caeterum feritate barbaram, moribus inc[illegible] tam ...christiani nominis inimicam, bello impeteremus etc.

[2]) Gindely: Geschichte des böhm. Aufstandes II. 402.

и Фаренсбаху, нанимать солдатъ въ Польшѣ на цесарскую службу. Нѣкоторые польскіе паны заявляли пламенную готовность служить Нѣмцамъ противъ Чеховъ „еретиковъ“, какъ на пр. оба окатоличенные потомки русскихъ православныхъ родовъ, князья Янушъ Острожскій и Самуилъ Корецкій, членъ недавно основаннаго христіанскаго братства, гетманъ Станиславъ Жолкевскій, и др. [1]). Въ службу императора нанимались преимущественно казаки Лисовчики, сбродъ воровъ и разбойниковъ, бичъ всего восточнаго Славянства, опустошившіе недавно почти всю сѣверовосточную Русь подъ предводительствомъ перваго своего начальника Лисовскаго [2]). Чехи уже въ самомъ началѣ 1619 г. писали польскимъ королю и чинамъ, что распространяется слухъ, будто изъ Татаріи черезъ Польшу долженъ въ Чехію прибыть сбродъ воровъ и разбойниковъ; по этому Чехи просили короля и чиновъ, чтобъ они не пропускали черезъ свои страны непріятельскихъ войскъ назначенныхъ противъ Чеховъ. Когда же въ концѣ 1619-го и въ началѣ 1620-го г. на границахъ Слезіи и Угріи, въ краковскомъ воеводствѣ, нанимались на цесарскую службу тысячи Лисовчиковъ, то краковское воеводство протестовало (24 января 1620) противъ такой вербовки, что́-де вовлечетъ Польшу въ войну съ сосѣднею дружественною короною чешскою.

---

[1]) Письмо Бискупскаго Фишеру, совѣтнику эрцгерцога Альбрехта, отъ 15 іюня 1620 г. (Monumenta Hungariae historica, IV. 228, Pest 1859); другія разныя письма у Мосбаха Wiadomości do dziejów polskich z archiwum prowincyi szląskiéj, 263 sqq., въ нашемъ Отчетѣ за 1882 г., стр. 77.

[2]) Исторію этихъ Лисовчиковъ 1619—1623 гг. описалъ ихъ полевой патеръ Дэмболэнцкій (срв. „Славяне“ П. 138); срв. M. Dzieduszycki: Krótki rys dziejów i spraw Lisowczyków (Lwów 1843—44, 2 t). По одной современной запискѣ Лисовчики состояли изъ буйной польской шляхты и ея дружины, Мазуровъ, Руси, Литвы, Жмуди, Москвы, Цыганъ. Другіе славянскіе „лисовчики“ того времени, бившіе „еретиковъ“, были цесарскіе „кроаты“ (Хорваты и Сербы). „Слава“ этого славянскаго сброда, бившаго Славянъ „еретиковъ“ на вящшую славу Нѣмцевъ — одна изъ многочисленныхъ печальныхъ и позорныхъ страницъ славянской исторіи; срв. „Славяне“ П. 418.

Раздавались тоже голоса увѣщевавшіе Лисовчиковъ не вмѣшиваться въ чужія дѣла а защищать отечество противъ Турокъ. Но Лисовчики пошли не на Турокъ а на еретиковъ, вторгались въ Угрію, потомъ, въ началѣ февраля 1620 в., черезъ Слезію въ Моравію, гдѣ—такъ имъ говорилъ ихъ ватажка Клечковскій — прежде даже не слыхали о польскомъ народѣ, а теперь онъ здѣсь черезъ Лисовчиковъ прославился и отличился [1]).

Чехи посмотрѣли однако иначе на такое странное „прославленіе“ польскаго народа черезъ польскихъ разбойниковъ на чешско-моравской почвѣ, тамъ гдѣ два столѣтія тому назадъ появилось тоже польско-русское войско подъ предводительствомъ предка князей Збаражскихъ, Сигизмунда Корыбутовича, но спѣшившее на помощь своимъ гуситскимъ соплеменникамъ противъ Нѣмцевъ. Чешскій король Фридрихъ или собственно наивысшій канцлеръ чешскій, панъ Вячеславъ изъ Роупова, въ письмѣ польскому королю Сигизмунду (10 февраля 1620), упрекалъ его за этотъ наѣздъ и грабежъ Лисовчиковъ въ Моравіи; онъ желалъ, чтобъ старинные договоры между коронами чешскою и польскою соблюдались ненарушимо и распространились тоже на потомковъ; онъ хотѣлъ именно тогда тѣ старинные договоры и союзъ съ Польшею возобновить и утвердить черезъ торжественное посольство. Онъ требовалъ отъ короля Сигизмунда, чтобъ польское войско было изъ Моравіи отозвано; въ противномъ случаѣ не будетъ впредь мѣста для сношеній обоихъ королевствъ, и та старинная жизнь и связь между обоими народами, связанными языкомъ и происхожденіемъ, сосѣдствомъ и часто

---

[1]) Mosbach: Wiadomości 259, Niemcewicz: Zbiór pamiętników VI. 282, Zolecki: Copia listu utrapionéj ojczyzny do rycerstwa Lisowskiego (1621). Рѣчь Клечковскаго знаемъ по рукописному сборнику Имп. публ. библіотеки (иноязычныя Q. XVII. 162, p. 233). Р· 1619 г. Чехи пѣли ближе неизвѣстную пѣснь: Nebojme se Žižk krále (о ней вспоминаетъ Brandl: Glossarium); Жига, Зига, Жижк. Жигмундъ, Зигмундъ, Сигмундъ.

возобновляемыми договорами — совсѣмъ пропадетъ. Но чешскій король надѣялся, что этого не будетъ [1]).

Слезскіе князья и чины, въ обширномъ трактатѣ присланномъ польскимъ чинамъ (29 мая 1620), защищали Чеховъ и себя и требовали, чтобъ Польша прекратила враждебныя дѣйствія противъ нихъ; чешскія дѣла толкуются въ Польшѣ превратно, Чехи ведутъ справедливую борьбу, имѣя изъ - давна право избирать себѣ короля. Относительно разницы вѣроисповѣданія Поляки пусть вспомнятъ тоже о своихъ привилегіяхъ и о примѣрахъ изъ своей исторіи; король Владиславъ Ягайло не вмѣшался въ общую борьбу почти всего христіянства противъ чешскихъ гуситовъ, ограничившись только нѣкоторыми мѣрами противъ гуситовъ въ Польшѣ; да и при немъ и при его преемникѣ Поляки помогали гуситамъ противъ римско-нѣмецкихъ королей Сигизмунда и Альбрехта; король Казимиръ тоже не участвовалъ въ общей борьбѣ противъ гуситовъ, и позволилъ своему сыну Владиславу царствовать тоже надъ гуситами Чехами. Поляки пусть не забываютъ, что между обоими славными королевствами, польскимъ и чешскимъ, существуютъ старинные обоюдные договоры, которые соединяютъ оба народа, тѣсно породнившіеся происхожденіемъ, языкомъ, устройствомъ; что Слезаки и Поляки тоже родня и соединены уже по природѣ происхожденіемъ, языкомъ, устройствомъ. Польскіе сенаторы пусть хорошо извѣстятъ короля о дѣлахъ чешскихъ; если Польша нынѣ будетъ помогать императору, то со временемъ угрожаетъ опасность тоже свободѣ польской [2]).

---

[1]) Письмо въ архивѣ чешскаго намѣстничества, его списокъ въ чешскомъ земскомъ архивѣ; см. нашъ Отчетъ за 1882 г., стр. 77.

[2]) Ad senatores regni Poloniae scriptum silesiacum (1620), современная брошюра, которую перепечатали Mosbach: Wiadomości 2[illegible], Palm: Acta publica. Verhandlungen u. Correspondenzen der schlesischen Fürsten u. Stände (Breslau 1872), III. 103. Любопытно, что Чехи, защищая тогда свое право свободнаго выбора короля въ особой „Дедукціи“, ссылались на такой-же обычай у древнихъ Славянъ; см. „Славяне“ II. 29.

На разбойниковъ Лисовчиковъ Чехи жаловались и потомъ нѣсколько разъ. Еще на канунѣ паденія чешскаго государства, въ половинѣ октября 1620 г., чешскіе чины обращаются къ польскимъ чинамъ съ жалобами и съ просьбою, чтобъ земли чешской короны не были нападаемы казаками Лисовчиками; они напоминаютъ Полякамъ, что они обращались о своихъ дѣлахъ ко всѣмъ христіанскимъ народамъ, въ томъ числѣ и къ Полякамъ, своимъ соплеменникамъ по братьямъ Чеху и Лѣху и старымъ союзникамъ [1]).

Всѣ эти письма и увѣщеванія не остановили однако Лисовчиковъ въ ихъ походѣ черезъ Моравію и Австрію. Отъ Вѣны они, предводительствуемые Русиновскимъ, преемникомъ убитаго Клечковскаго, обратились въ Чехію, участвовали во взятіи городовъ Прахатицъ и Писка, и въ битвѣ на Бѣлой Горѣ у Праги (8 ноября 1620 г.), гдѣ сразились съ угорскимъ вспомогательнымъ отрядомъ, и преслѣдовали разбитое чешское войско до самыхъ воротъ пражскихъ. Лишнимъ было уже посольство, которое отправили именно въ тѣ роковые дни Слезаки отъ имени земель чешской короны въ Польшу; на ихъ слова, чтобъ оба братскія королевства жили по прежнему въ дружескихъ отношеніяхъ, Поляки отвѣтили, что на это можно надѣяться со стороны обоихъ народовъ соплеменныхъ и происшедшихъ изъ одного рода [2]). Но самое посольство не имѣло уже практическихъ результатовъ: бѣлогорская битва похоронила чешское государство.

Были въ Польшѣ тоже люди, которыхъ такое пособничество ихъ родины Нѣмцамъ при раздавленіи соплеменнаго народа чешскаго наполняло горечью и опасеніями, какъ это видно по упомянутому совѣту сенаторовъ королю, по голосу князя Збаражскаго, по протесту краковскаго воеводства. Князь Збаражскій, спустя годъ послѣ изданія своей знаменитой брошюры, въ письмѣ краковскому епископу, справедливо замѣтилъ, что импе-

---

[1]) Это письмо находится въ рукопис. сборникѣ библіотеки Р чинскихъ въ Познанѣ II. H. a. I, p. 707.

[2]) Palm: Acta publica III. 276, 307, Mosbach: Dwa poselstwa Polski przez Ślązaków odprawione, w l. 1611 i 1620 (Poznań 186

раторъ сломитъ Угровъ и лютеранъ съ польскою помощью, „у насъ будетъ вѣра католическая, но тоже неволя нѣмецкая“. Станиславъ Конецпольскій, полевой коронный гетманъ, возвратившись уже въ 1623 г. изъ турецкой неволи, писалъ одному слезскому князю, что онъ очень удивился, какъ усилилось своеволіе нѣкоторыхъ дикихъ и надменныхъ людей, что они не стѣсняются непосредственно нападать на сосѣднія королевства и земли, съ которыми Польша всегда сохраняла дружбу и миръ, и какъ злоба тѣхъ людей все больше распространяется и усиливается [1]).

Но грубый религіозный фанатизмъ затмилъ уже политическій разсудокъ польскаго короля и многихъ Поляковъ. На тѣхъ же самыхъ Чеховъ, за которыхъ заступались когда-то польскіе Владиславы и Казимиры, Шафранцы и Корыбуты, на тѣхъ же Чеховъ, которыхъ еще тридцать лѣтъ назадъ первый польскій государственный человѣкъ, І. Замойскій, назвалъ такъ сказать представителями Славянства—въ тѣ роковые 1618—1620 гг. могла отъ польскихъ публицистовъ и памфлетистовъ посыпаться разная брань: Чехи-де, не смотря на общее съ Поляками происхожденіе отъ братьевъ Чеха и Лѣха, удалились отъ польской доблести и мужества; они народъ во всемъ похожій на Москву, переродившійся на безчестіе и презрѣніе всѣхъ своихъ соплеменниковъ; ихъ гербъ не левъ, а скорпіонъ; у нихъ имѣетъ свое жилище Марсъ, и они охотно убиваютъ, какъ это показали во время гуситскихъ войнъ; они ослоѣды, пьяницы, опричники (oprycieney), друзья поганыхъ, мѣшокъ Іуды и пр. Эти польскіе фанатики радовались пораженію чешскихъ еретиковъ и написали имъ нагробную надпись: здѣсь лежатъ тѣ, которые надѣли кальвинскіе доспѣхи, съ зарѣзанными отъ острыхъ бритвъ горлами, гдѣ ихъ ни Гусъ ни Жижка не спасли изъ ада; съ ихъ кровью душа сейчасъ изъ нихъ утекла. Это знакъ клятвопреступленія и позорной кривды относительно бога и императора. Не забудутъ никогда о Лисовчикахъ Чехи!

---

[1]) Письмо Збаражскаго въ рукописномъ сборникѣ Имп. публ. библіотеки (иноязычныя F. XVII. 46, fol. 225), письмо Конецпольскаго у Мосбаха Wiadomości do dziejów polskich 289.

Nagrobek Czechom 1620.

Tu leżą, co w kalwińskie ubrali się zbroje,
Położyli od ostrych brzytew garła swoje.
Gdzie ich Hus ani Zyska ani Kalwin z piekła
Ratował, zaraz ze krwią dusza z nich uciekła.
Krzywoprzysięstwa to znak i haniebnéj krzywdy
Tak boskiéj jak cesarskiéj; niezapomnią nigdy
Lisowczyków Czechowie . . . [1]).

„*Отсутствіе* Польши“ — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ [2])—„среди исполинской трагедіи разыгрываемой на столь близкой сценѣ соплеменнаго народа — больно и противно; но еще противнѣе и больнѣе такое ея *присутствіе*, на какое намъ приходится смотрѣть. Для истинно великаго и умѣющаго глядѣть въ будущее польскаго государственнаго человѣка чешское возстаніе раскрывало широкіе замыслы и горизонты. Чехи, чувствуя, что въ Польшѣ найдутъ союзника, отыскивая его даже въ Варшавѣ уже почти въ моментъ бѣлогорской битвы черезъ особое посольство, предпочли бы конечно опереться на Польшу, избрать себѣ здѣсь короля, чѣмъ гоняться за Нѣмцемъ Фридрихомъ или Эмануиломъ савойскимъ. Соеди-

---

[1]) Jan Zrzenczycki: Nowiny z Czech i o przyrodzeniu tych ludzi (1619), Nowe nowiny z Czech, z Tatar i z Węgier (1620); этимъ воспользовался Bart. Pogodziński: Nowiny z Czech (1620), срв. Maciejowski: Piśmiennictwo polskie III. 660, 645; Pogrom albo porażka Czechów i Kalwinistów przez Lisowczyki r. p. 1620 (перепечатано у Дзѣдушицкаго Rys dziejów Lisowczyków II. 368). „Nagrobek Czechom“ встрѣчается у Зренчицкаго (срв. тоже у Дзѣдушицкаго II. 101). Зренчицкій разсказываетъ, что протестанты зборовскіе и краковскіе („żydzi chrzceni krakowscy“) послали чешскимъ „еретикамъ“ 18,000 złotych, 20,000 czerwonych; Гданщане послали порохъ, пули мѣдь, что́ однако-де конфисковано. Относительно названія Чеховъ „ослоѣдами“ см. „Славяне“ II. 190.

[2]) K. Jarochowski: Wojny trzydziestoletniéj początek (въ варшав. журн. Ateneum 1880, I. 104).

ниться съ чешскимъ движеніемъ, завладѣть имъ, руководить имъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, которымъ чешскіе интересы не противорѣчили, значило то же самое, чтó пріобрѣсти потерянную Слезію, занять въ сердцѣ Европы первостепенное положеніе, создать въ ея серединѣ большую славянскую державу, обезпеченную своею силою и положеніемъ отъ всякихъ перемѣнъ и капризовъ судьбы. Мѣшать осуществленію такой мысли могла захотѣть въ тогдашней Европѣ одна только Испанія, но никто этому помѣшать не могъ. Странно, что, не говоря уже о королѣ Сигизмундѣ III, который подчинялся вліяніямъ и теченіямъ не допускавшимъ подобной мысли, въ обществѣ въ то время столь падкомъ на политическія авантюры — доказательствомъ походы московскіе и волошскіе — не нашлось тогда достаточно фантазіи и прозорливаго смысла, чтобъ стремленіе первой и дѣятельность второго обратить на Чехію, втянуть можетъ быть короля и Польшу въ такое дѣло, какъ и прежде втянули ихъ въ походъ противъ Москвы. Къ сожалѣнію, это было время религіозной реакціи въ Польшѣ, не дозволявшей ставить дѣла народнаго величія и могущества выше интересовъ католической церкви; это было время, когда породнившійся сверхъ того съ габсбургскимъ домомъ польскій король не подалъ бы никогда руки еретикамъ, срывающимъ въ добавокъ корону съ головы его родственника. Даже при такихъ условіяхъ Польшѣ, умѣющей пользоваться обстоятельствами, представлялись все - таки менѣе широкіе, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно немаловажные замыслы. Мы упомянули о томъ, какъ Фердинандъ въ моментъ самыхъ тяжелыхъ своихъ затрудненій предложилъ Сигизмунду Слезію. Пріобрѣсти Слезію было конечно меньше, чѣмъ стать разомъ, какъ это было возможно, государемъ Чехіи, Моравіи, Слезіи и Лужицъ; но стать государемъ, хотя бы одной только Слезіи, значило оторвать отъ нея на вѣчныя времена домъ бранденбургскій, привести его притязанія вмѣстѣ съ територіальнымъ пространствомъ въ весьма скромные размѣры, исправить столь невыгодную западную границу, спасти отъ онѣ-

меченія столь важную часть ляшскаго племени [1]). Открывающаяся тогдашней Польшѣ столь блестящая перспектива осталась, къ сожалѣнію, незамѣченною ея близорукимъ королемъ, ея государственными людьми, ея обществомъ. Въ Польшѣ не умѣли воспользоваться представлявшимся ей великимъ политическимъ случаемъ, не умѣли даже понять его; зато, къ сожалѣнію, довольно было узкости тогдашней религіозной реакціи, довольно было кондотьерской фантазіи, чтобъ на деньги испанскаго короля Филипа снаряжать казаковъ, которые, несомнѣнно воинственные въ бою, покрылись печальными лаврами въ борьбѣ противъ братскаго народа, увѣковѣчили свою память въ его лѣтописи совершенными на немъ страшными насиліями и жестокостями. Прискорбная и больная роль Польши, когда она могла быть столь блестящею, и чешское возстаніе 1618 г., котораго она не поняла и которымъ не воспользовалась, составляетъ, къ сожалѣнію, одну изъ самыхъ тяжелыхъ ошибокъ польской политики, которая въ послѣдствіи отомстилась самымъ страшнымъ образомъ, а все-таки затрогивалась до сихъ поръ нашими историками только мимоходомъ. Эта ошибка наказана уже въ то же время пораженіемъ подъ Цецорою и войною турецкою; позже изолированіемъ и безпомощностью Польши среди остальнаго западнаго Славянства; наконецъ безвозвратною утратою Слезіи, за которою спустя слишкомъ сто лѣтъ отправился прусскій король Фридрихъ II, такъ какъ Польша, имѣвшая лучшія права на нее чѣмъ онъ, въ своемъ нерадѣніи ея не заняла".

---

[1]) Утрата Слезіи чувствовалась въ Польшѣ всегда; срв. выше (стр. 96—97) мысли Длугоша, и слова Старовольскаго („Славяне" II. 93). Въ XVI в. Март. Бѣльскій въ своей сатирѣ Sjem niewieści (1586, nowe wyd. 1889, p. 74) въ числѣ требованій польскихъ женщинъ приводитъ тоже слѣдующее:

Posły do Niemiec poślem, co za prawo mają,
Iż się u nas częstokroć Prus upominają;
Słuszniej by jeszcze było, by Śląsko wrócili,
Które polskie książęta naonczas przepili.

Вопросъ о возможномъ пріобрѣтеніи Польшею Слезіи затронутъ тоже въ полемикѣ между Збаражскимъ и Лубенскимъ въ 1619-1620 гг.; срв. выше, стр. 148.

Соглашаясь вполнѣ съ этимъ строгимъ но справедливымъ осужденіемъ польской политики относительно чешскаго возстанія, мы однако должны исправить одно важное опущеніе польскаго историка: онъ забылъ или просто не хотѣлъ сказать, что Польша начала XVII в. мечтала уже совсѣмъ о другихъ планахъ и, на сколько могла, ихъ тоже осуществляла. Не защита оставшихся въ живыхъ западныхъ Славянъ, Чеховъ, лужицкихъ Сербовъ, слезскихъ и прусскихъ Поляковъ отъ ненасытной пасти Нѣмцевъ, а распространеніе и утвержденіе польскаго владычества, народности, устройства и культуры на огромной Руси, насажденіе здѣсь католицизма, созданіе новой огромной Польши на ополяченной и окатоличенной Руси — вотъ цѣль, къ которой стремилась Польша уже съ конца XIV вѣка, особенно же съ конца XVI и начала XVII вв., гдѣ она чуть не завладѣла и Москвою. По этому во время чешскаго возстанія интересы Польши, интересы польскаго шляхетскаго народа заключались уже не въ спасеніи отъ нѣмецкой пасти чешской Праги и моравскаго Берна, сербсколужицкихъ Будышина и Хотѣбузя, польско-слезскихъ Вратиславля, Ополя и Тѣшина, польско-прусскихъ Квидзына и Лыка, польско-кашубскаго Словна, а въ насажденіи и утвержденіи полонизма и католицизма въ русскихъ Львовѣ и Кіевѣ, Вильнѣ и Полоцкѣ, Черниговѣ и Смоленскѣ. Тамъ по Днѣпру и Двинѣ возникала новая Польша, и старинные православные русскіе роды перерождались въ настоящихъ Поляковъ католиковъ, Острожскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Чорторыйскіе, Сапеги, Ходковичи, Тышковичи. Да планы Польши неслись дальше: она мечтала о присоединеніи русскаго царства, Москвы, гдѣ еще недавно польскій королевичъ сѣлъ на престолѣ русскихъ царей. Это стремленіе польскаго шляхетскаго народа и тѣсно связаннаго съ нимъ римскаго католицизма на славянскій востокъ, на Русь, не позволяло Полякамъ заняться уже чешскимъ движеніемъ XV в. на столько серьезно, какъ этого требовали жизненные интересы Славянства вообще и Польши въ особенности; оно помѣшало Полякамъ серьезно заняться чешскими и прусскими дѣлами въ началѣ XVI в. и заставило ихъ предоставить Чехію и Прусію Нѣмцамъ, Габсбургамъ и Гогенцоллернамъ; оно и въ началѣ XVII в.

выдало Чехію въ жертву Нѣмцамъ. Но съ другой стороны главная цѣль польской политики, изъ-за которой Польша бросила Нѣмцамъ западное Славянство, тоже не достигнута: Русь не покорена, не ополячена, а, напротивъ, окрѣпнувъ тѣснила со временемъ слабый народъ польскій на западъ, гдѣ на него напиралъ усилившійся его небрежностью нѣмецкій народъ [1]).

Такое отношеніе Польши къ чешскимъ дѣламъ способствовало паденію чешскаго государства и народа, хотя самое паденіе обусловливалось разными внутренними причинами: не весь народъ чешскій, воодушевленный одною великою идеею, возсталъ за свою свободу, — какъ это было во время гуситскаго движенія—, а возстали только шляхта и мѣщанство, и вздумали рѣшить свое дѣло наемными солдатами. Потерявъ одно сраженіе, шляхта и мѣщанство и избранный ими неспособный король Фридрихъ потеряли тоже голову, и не подумали о народной войнѣ противъ небольшого войска цесарскихъ солдатъ, да и подумать объ этомъ не могли: простое народонаселеніе, прикрѣпленное къ землѣ, давно уже не играло никакой политической роли, лишилось, наравнѣ съ своими панами, воинственнаго духа, и не могло уже подражать народнымъ гуситскимъ войскамъ Жижки и Прокопа, сражавшимся за освобожденіе правды закона божія и языка чешскаго и славянскаго. Но не смотря на всѣ эти важныя препятствія, чешское государство начала XVII в., поддержанное Польшею, все-таки могло быть спасено отъ Нѣмцевъ, да оно могло войти въ болѣе тѣсную связь съ славянскимъ востокомъ. И такъ паденіе чешскаго государства и народа и торжество Нѣмцевъ въ средней Европѣ находится, не говоря о внутреннихъ его причинахъ, въ тѣсной логической связи съ исторіею другихъ славянскихъ народовъ, именно съ взаимными отношеніями народовъ польскаго и русскаго. Слова возставшихъ Чеховъ обращенныя къ Полякамъ: Враги наши травятъ весь христіанскій миръ противъ насъ, чтобъ уничтожить Чехію, удобнѣе рыбу ловить въ мутной водѣ, поглотить все наше имущество

---

[1]) О славянской политикѣ Польши см. „Славяне" II. 70—100.

и возрасти изъ нашей гибели; если же вы Поляки, наши соплеменники, не поможете намъ, а будете помогать нашимъ врагамъ, то пропадетъ единоплеменный вамъ народъ чешскій, и порвутся всѣ связи соединявшія до сихъ поръ потомковъ двухъ братьевъ, Чеха и Лѣха! — эти слова вполнѣ оправдались, равнымъ образомъ, какъ и грозныя слова чешскаго короля Премысла II Отакара о ненасытной пасти Нѣмцевъ раскрытой на западныхъ Славянъ.

Печальныя послѣдствія бѣлогорскаго сраженія отозвались тоже на взаимныхъ отношеніяхъ Чеховъ и Поляковъ. Чешское государство, лишенное многихъ политическихъ правъ, не могло уже сноситься съ сосѣднимъ польскимъ, и его представители, шляхта, не могли уже говорить съ представителями Польши какъ потомки двухъ братьевъ Чеха и Лѣха [1]). Не могли они такъ говорить и потому, что въ ряды шляхты въ Чехіи ввалилось множество чужеземцевъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Ирландцевъ, Валоновъ, Испанцевъ и др. цесарскихъ генераловъ, офицеровъ, чиновниковъ, которые завладѣли конфискованнымъ имуществомъ казненной, прогнанной, выселившейся чешской шляхты. Традиціи этой новой придворной, Габсбургской шляхты, Лихтенштейновъ, Дитрихштейновъ, Эггенберговъ, Шварценберговъ, Галла-

---

[1]) Приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ донесенія одного венеціанскаго посла (Relationi della republica di Venetia del regno di Polonia et del regno di Boemia, del Sign. G. F. Olmo dottore al G. Cornaro doge di Venetia et all'senato, Venetia 1628): „La favella polacca è propria di quella natione simile al parlar boemo, et che hà molte parole communi con Schiavoni (Югославяне); оба народа происходятъ отъ двухъ братьевъ Чеха и Лѣха, „tra li sodetti popoli si trova qualche conformità di costumi, di favella, et di maniera di vivere. Il Polacco prevale di valore nell'armi, e di giudicio nelle lettere, il Boemo di politia, se bene ne l'uno, ne l'altro in questo particolare è comparabile con l'Italiano. Чешскій языкъ „è assai simile alla schiava, conciosia che essi Boemi portino la loro origine da Schiavoni, ma similissima alla polacca, e quasi la medesima, intendendosi vicendevolmente Polacchi et di Boemi, per la grande conformità, et quasi uniformità e loro linguaggi".

совъ, Шпорковъ, Валлисовъ, Миллесимо, Коллоредо, Колальто, Угарте, Букуа и др., конечно не указывали на братьевъ Чеха и Лѣха; она то, не зная чешскаго языка, вводила въ употребленіе языкъ цесарскаго двора и войска, языкъ нѣмецкій, въ публичную жизнь Чехіи и Моравіи (въ Слезіи и Лужицахъ такъ было уже давно); она то вовлекла въ новыя колеи и уцѣлѣвшую католическую славянскую шляхту Чехіи и Моравіи, пановъ изъ Лобковицъ, Мартиницъ, Штернберга, Коуницъ, Вальдштейна, Коловратъ, Дубой, Вертбы, Черниновъ, Славатъ, Вхинскихъ (Кинскихъ), Добренскихъ, Хотковъ, и др. Вся эта старинная славянская аристократія онѣмечивалась духомъ и языкомъ, дѣлалась такою же покорною придворною цесарскою шляхтою, какою были ихъ неславянскіе товарищи, чтобъ только отвести отъ себя всякую тѣнь подозрѣнія, загладить воспоминанія о 1618—1620 гг., и объ измѣнѣ Альбрехта Вальдштейна мѣтившаго на чешскую корону. Весь этотъ böhmischer Adel служилъ всѣмъ германизаціоннымъ и централизаціоннымъ планамъ Габсбурговъ, Лобковицъ и Коуницъ совершенно такъ, какъ Галласъ и Валлисъ, Штарембергъ и Кобенцель [1]).

Что же сказать о простонародьѣ? Страшно порѣдѣвшіе бѣдствіями тридцатилѣтней войны крѣпостной сельскій людъ и обѣднѣвшее мѣщанство, тѣснимые усиливающимся на окраинахъ нѣмецкимъ элементомъ, сохранились только подъ условіемъ возвратиться въ лоно католической церкви, отречься отъ блестящаго прошлаго, считать всю чешскую исторію XV и XVI вв. прискорбнымъ заблужденіемъ, за которое надо было стыдиться и каяться подъ руководствомъ цѣлой арміи разношерстныхъ монаховъ, преимущественно іезуитовъ, новыхъ воспитателей, учителей и просвѣтителей чешскаго народа; они то заняли мѣсто чешской протестантской интелигенціи, которая вынуждена была оставить родину, гибнуть на чужбинѣ и отчаяваться въ лучшей

---

[1]) Срв. на пр. слова Вячеслава Коуница о Россіи, во II т. соч. „Славяне“ стр. 413. Чешскіе шляхтичи въ родѣ Ф. Кинскаго были рѣдкимъ исключеніемъ; см. тамже стр. 66.

будущности своего народа [1]). „Древніе Чехи, народъ немногочисленный, сдѣлали нѣкогда попытку, одни и можетъ быть преждевременно, рѣшить великую задачу: освободить человѣческій духъ отъ средневѣковаго авторитета, или добыть себѣ право свободнаго изслѣдованія и убѣжденія въ вопросахъ вѣры и религіи. По этому они должны были два раза вести борьбу великую и роковую, какой свѣтъ до тѣхъ поръ еще не видалъ: борьбу за интересы и достояніе человѣческаго духа. Первый разъ, во время гуситской войны, удалось Чехамъ почти чудеснымъ образомъ побѣдить все остальное христіанство и заставить его признать право другого убѣжденія; но народы по этому возненавидѣли чешское имя и относились къ нему съ презрѣніемъ. Второй разъ, въ тридцатилѣтней войнѣ, Чехи, хотя они нашли уже и союзниковъ, все-таки побѣждены и замучены до такой степени, что погибли и исчезли въ неслыханныхъ ужасахъ и бѣдствіяхъ три четверти народа, а одна оставшаяся четверть спаслась только подъ условіемъ, что она не только отказалась отъ стремленій предковъ, а тоже отъ нихъ отрекалась и ихъ проклинала. Съ тѣхъ поръ восторжествовало такое мнѣніе, что вся чешская исторія XV и XVI вѣковъ была заблужденіемъ, о которомъ надо сожалѣть и котораго надо стыдиться. Всеобщая и безпощадная реакція бросилась на всѣ памятники духовной жизни этой эпохи, и оставшіяся отъ нея сочиненія считались опаснымъ ядомъ, и по этому отыскивались и все истреблялись больше чѣмъ въ теченіи цѣлаго столѣтія“ [2]).

Такое печальное положеніе чешскаго народа не могло не оставаться неизвѣстнымъ въ Польшѣ. Поляки скоро убѣдились

---

[1]) Въ моемъ родномъ городѣ Пискѣ (въ южной Чехіи), въ которомъ въ 1620 г. Лисовчики вмѣстѣ съ цесарскимъ войскомъ произвели страшную рѣзню, въ совершаемой послѣ бѣлогорской битвы католической контрреформаціи участвовали тоже польскіе монахи (Paláčkové), призванные туда тогдашнимъ владѣльцемъ Писка, Испанцемъ Гуэртою. О Лисовчикахъ и „Полячкахъ“ въ Пискѣ см. исторію этого города І. Мацнера въ Отчетѣ писецкаго реальнаго училища 1878—1879 гг.

[2]) Palacký: Dějiny národu českého V. 2., предисловіе.

о неумѣстности своей радости по поводу пораженія „еретическихъ“ Чеховъ, скоро почувствовали недостатокъ славянскаго государства въ средней Европѣ, и усиливающееся могущество нѣмецкихъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Во время тридцатилѣтней войны Польша вынуждена была молчать, не могла ничего предпринимать на пользу своихъ интересовъ,—хотя бы только въ виду пріобрѣтенія Прусіи и Слезіи,—и могла развѣ радоваться,—вмѣстѣ съ своими іезуитами и ихъ школьниками, разбивающими церкви - сборы „еретиковъ“, — успѣхамъ католицизма въ средней Европѣ, что́ однако соединено было съ усиленіемъ нѣмецкихъ Габсбурговъ [1]). Поступокъ польскаго короля Іоанна Собескаго въ 1683 г. составляетъ крупную политическую ошибку, и такъ его понимали тогда и позже и нѣкоторые Поляки, не переставая и впредь относиться съ крайнею подозрительностью къ нѣмецкой политикѣ Габсбурговъ [2]). Эти Поляки въ 1683 г. возставали противъ плана освобожденія Вѣны польскою кровью отъ Турокъ, замѣчая, что не Турки, а Бранденбургъ и Австрія — вѣковые враги Польши. Эти Поляки и по смерти короля Іоанна (1696), совмѣстно съ французскимъ посломъ, предостерегали отъ избранія въ короли Нѣмца, именно саксонскаго курфюрста: если курфюрстъ римско-нѣмецкой имперіи будетъ польскимъ королемъ, то можетъ случиться съ Поляками то, что случилось съ ихъ братьями Чехами, у которыхъ король тоже былъ курфюрстомъ; такая связь Чехіи съ имперіею поглотила это злополучное королевство, такъ что оно еле - еле существуетъ. Напрасно Франція старалась объ избраніи французскаго принца Конти; напрасно одинъ французскій государственный человѣкъ напоминалъ о правахъ польской короны на

---

[1]) Na cały przebieg wojny trzydziestoletniéj pozostała Polska bez tego, który jéj się należał, wpływu. Była to dobrowolna, szkodliwa bez miary abdykacya z politycznego stanowiska i głosu w ogólnych sprawach europejskich. Z martwym kolosem, do jakiego się Polska coraz to więcéj zbliżała, przestawano się liczyć. (M. Bobrzyński: Dzieje Polski, Warszawa 1881, II. 193).

[2]) См. „Славяне“ т. II, 82—85, 92, 96, 164—168, и др.

Слезію, Моравію и Лужицы [1]): польскіе паны уже давно перестали думать о такихъ дѣлахъ и превратились въ торгашей, продававшихъ корону Пястовичей и Ягайловичей разнымъ иноплеменникамъ; они ее продавали французскому принцу, и наконецъ продали Нѣмцу, саксонскому курфюрсту Августу (1697). Но и тогда нѣкоторые Поляки возставали противъ Нѣмцевъ, презирающихъ Поляковъ; пусть эти послѣдніе взглянутъ на судьбу свободныхъ нѣкогда королевствъ угорскаго и чешскаго подъ нѣмецкимъ господствомъ. „Ты видѣла Угрію, знаешь Чехію, берегись Польша!“ [2]) Польша не убереглась. Она вздумала спасти себя союзомъ съ Нѣмцами противъ Россіи, и — скоро очутилась тоже въ ненасытной пасти Нѣмцевъ [3]).

Забитый и скованный летаргическимъ сномъ чешскій народъ почти не замѣтилъ этой катастрофы въ Славянствѣ, какою было похищеніе польскихъ земель Нѣмцами. Онъ видѣлъ, что хорошо ему извѣстный прусскій король Фридрихъ II, который столь часто билъ цесарское войско, отнялъ у чешской короны Слезію, да хотѣлъ взять и Чехію,—похитилъ и сѣверозападную часть Польши, что и туда вошли старые знакомые бѣднаго чешскаго люда, бранденбургскіе гренадеры въ долгополыхъ фракахъ и высокихъ шапкахъ, которые, во время войнъ изъ - за Слезіи, по словамъ одной чешской народной пѣсни, отнимали у него все его имущество [4]). Но чешскій людъ увидалъ и что-то другое. Онъ увидалъ или по крайней мѣрѣ могъ увидать, что политикою австрійскаго дома руководилъ онѣмеченный чешскій вельможа Вячеславъ Коуницъ, что этой политикѣ служили тысячи онѣмеченной

---

[1]) Mémoire du marquis de Croissi presenté au roi 1696 (A. Walewski: Dzieje bezkrólewia po skonie Jana III, I. 125).

[2]) Załuski: Epistolae historico - familiares II. 154, 382, 488.

[3]) Срв. „Славяне“ т. II, стр. 97—100, 410.

[4]) Приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ этой чешской народно[illegible] пѣсни XVIII в. (поется по мелодіи извѣстной тоже въ Польшѣ: Pi[illegible]e Kuba do Jakuba, Jakub do Michała): Zle matičko, zle, Brandebu[illegible]i zde! Mají dlouhé kabáty, ukradnou nám dukáty, etc. Mají velké če[illegible]ce, ukradnou nám slepice, etc.

чешской шляхты и чиновниковъ, что эту политику поддерживали сотни тысячъ славянскихъ солдатъ подъ нѣмецкою командою. И вотъ эти онѣмеченные цесарскіе администраторы, знающіе болѣе или менѣе говорить или только лепетать по-чешски, эти чернорабочіе чешскіе сторожа и солдаты, наводнили отнятую у Польши новую провинцію австрійскаго дома, Königreich Galizien und Lodomerien, и предстали, съ своимъ официальнымъ нѣмецкимъ языкомъ и неофиціальнымъ славянскимъ жаргономъ, передъ тамошнею польскою шляхтою и мазурскими и русскими мужиками какъ совсѣмъ новое изданіе „чешскихъ“ соплеменниковъ, какъ выродившіеся и не очень то привлекательные представители „чешскаго“ или скорѣе „бемацкаго“ народа на славянскомъ востокѣ.

Исчезновеніе польскаго государства и занятіе польскихъ земель Нѣмцами, прусскими и австрійскими, несомнѣнно съ горечью почувствовали тѣ немногіе чешскіе патріоты писатели, которые въ теченіи второй половины XVIII в. взялись за огромный трудъ воскресить свой еле дышущій народъ къ новой жизни, и которые, видя всѣ враждебные чешскому народу планы и дѣйствія вѣнскаго правительства, не могли относиться дружелюбно къ такой политикѣ нѣмецкихъ Габсбурговъ. Но эти чешскіе патріоты могли высказать свои мысли развѣ только такимъ образомъ, какъ это сдѣлалъ Руликъ [1]).

Паденіе политической самостоятельности Чеховъ и Поляковъ, и вообще гибель западныхъ Славянъ, находятся въ тѣсной между собою связи, равнымъ образомъ какъ и въ связи съ судьбами восточнаго Славянства, Руси. Центробѣжныя стремленія

---

[1]) См. „Славяне“ т. II, стр. 100. Приводимъ изъ сочиненія Рулика (Kalendář historický, 1797) нѣсколько мѣстъ: „Povstaly v Polště různice, nevole, kteréž Kateřina na záhubu, bohužel, toho znamenitého slovanského národu válečnou zbraní v nivec uvedla... To ji ly tak slavné a veliké království národu slovanského přišlo k rozdě ní a k roztrhání, i samo pro sebe býti přestalo... Nešťastná nesvorn t, a domácí rozbroje, jakž, nastojte, všecko zlé, ano i smrť nejhorš ia národy uvaluje!“

западныхъ Славянъ вмѣстѣ съ антиславянскою дѣятельностью Нѣмцевъ — помѣшали образованію сильнаго западно-славянскаго государства, разрушали всѣ планы моравскихъ Ростислава и Святополка, чешскихъ Болеславовъ и Брячислава, польскаго Болеслава Великаго. Полабско - балтійскіе Славяне, неподдерживаемые — по разнымъ причинамъ — ни Чехами ни Поляками, погибли, Чехія спаслась отъ такой-же участи только въ слѣдствіе добровольнаго присоединенія къ Германіи. Польша, отраженная на западѣ напирающимъ на востокъ нѣмецкимъ народомъ, бросилась въ свою очередь тоже на востокъ, на Русь, и не могла уже подать помощь тонувшимъ въ нѣмецкомъ морѣ Чехамъ, тѣмъ болѣе, что подачѣ такой помощи мѣшали разныя постороннія соображенія Поляковъ, имѣвшія въ виду не защиту общихъ славянскихъ интересовъ противъ дружной анти-славянской дѣятельности Нѣмцевъ, а „исправленіе“ вѣроисповѣданія Славянъ — „еретическихъ“ Чеховъ. Наконецъ Поляки отражены отъ славянскаго востока, — гдѣ тоже взялись за „исправленіе схизматической“ Руси, — очутились между Нѣмцами и Русскими, не примкнули добровольно къ послѣднимъ, смяты и раздѣлили участь остальныхъ западныхъ Славянъ. Въ XII вѣкѣ Нѣмцы воздвигли гробницу полабско - балтійскимъ Славянамъ, не безъ содѣйствія Чеховъ и Поляковъ; вторая западнославянская гробница поставлена Нѣмцами въ началѣ XVII вѣка, именно „Nagrobek Czechom г. 1620“, при чемъ помогали и Поляки; а въ концѣ XVIII вѣка тѣ же побѣдители Нѣмцы воздвигли третій по очереди западно-славянскій „Nagrobek Polakom г. 1795“.

4. Духовныя связи Чеховъ и Поляковъ. Государственное и общественное устройство. Христіанство въ Моравіи, Чехіи и Польшѣ. Пражскій университетъ. Гуситство и чешскіе братья въ Польшѣ. Чешскій языкъ въ Польшѣ и его вліяніе на польскій. Чешскій языкъ въ Слезіи. Чешское военное искуство въ Польшѣ.

Чехи (Моравяне, Словаки) и Поляки, происходили — по старинымъ сказаніямъ — отъ двухъ братьевъ, Чеха и Лѣха.

Это сказаніе—не что иное какъ сказаніе и преданіе; но оно хорошо идетъ ко всему, что̀ намъ извѣстно о древнѣйшемъ устройствѣ обоихъ славянскихъ народовъ. Сходство государственныхъ и общественныхъ порядковъ у Чеховъ и Поляковъ поразительно. Оба государства основаны сильными князьями чешскими и польскими; въ этихъ государствахъ заняло первое да исключительное положеніе сословіе землевладѣльцевъ - земянъ, жупановъ - пановъ и владыкъ (влодыкъ), между тѣмъ какъ маса народонаселенія—кмети, въ историческое время, лишена всякаго вліянія на государственныя дѣла. Снѣмы, съемы - сеймы, вѣча и жупы (суды) у Чеховъ и у Поляковъ — это собранія однихъ только земянъ, пановъ и владыкъ, и изъ нихъ назначаемыхъ кметей (сановниковъ), а вовсе не общенародныя собранія, какъ это было у балтійскихъ Славянъ, Лютичей и Поморянъ, у Русскихъ и даже у Хорватовъ. Это чешское и польское земянство скоро образовало сословіе наслѣдственное, родовое—шляхту, съ особыми родовыми знаками, щитами—эрбами, гербами [1]).

[1]) См. обширно въ I т. соч. „Славяне". Нѣкоторые польскіе гербы (роды) производились изъ Чехіи, на пр. Окша, Венява, Огончикъ, Порай, Нечуя (Остревь), Одровонжъ (Одровонсъ, Odrowąs, Odrzywąs, чеш. Odřivous), и др.; на сколько такія производства вѣрны, трудно сказать. Шайноха (Nastanie szlachty i herbów w Polsce, Dzieła II. 215) выводитъ, совсѣмъ произвольно, всѣ польскіе гербы изъ Чехіи. Если въ XVI в. въ Литвѣ думали (срв. литовско-русскую лѣтопись, изд. Нарбуттъ, 40), что Ляхи, первоначально не шляхта, люди простые, приняли гербы отъ Чеховъ и сдѣлались шляхтою, а литовскіе паны-де старая римская шляхта, то это обыкновенныя тогда басни, которыя не имѣютъ ни малѣйшаго научнаго значенія. Но что сказать, если недавно Ф. Пекосинскій (O dynastycznem szlachty polskiéj pochodzeniu, Kraków 1888) удивилъ свѣтъ слѣдующею фантастическою гипотезою о польской шляхтѣ и ея гербахъ: польская шляхта происходитъ-де отъ 20-и „династій Драговъ" полабско-балтійскихъ князей, а „Драгъ" — это скандинавское из..., драконъ, грифъ (хотя всѣ эти балтійско-славянскія имена Драговитъ, Драгомиръ, Дражко, Даргашъ, Даргунъ, Тѣходаргъ и пр., чистѣйшія славянскія имена: драгъ - даргъ - дрогъ - дорогъ); гербы—это скандинавскія руны (почему же не глаголица?), и пр. Какъ видно, стра-

Если имена лицъ и географическія названія у всѣхъ Славянъ вообще поразительно сходны, то это сходство является еще больше у западныхъ Славянъ въ особенности. У Чеховъ и Поляковъ употреблялись на пр. имена Болеславъ, Богдалъ, Богданъ, Богумилъ, Богухвалъ, Богуславъ (Богуша), Бориславъ (Борешъ), Божей, Божата - Божата, Браниславъ (Бранишъ)—Брониславъ (Бронишъ), Будиславъ (Будишъ), Будивой, Чаславъ (Чеславъ), Честиборъ (Цьтиборъ), Далиборъ, Добеславъ (Добешъ), Добрята - Добрата, Доброгость, Домамиръ, Домаславъ, Держикрай, Держиславъ—Дерславъ, Держекъ, Драгобудъ, Драгомыслъ, Драгомиръ, Драгославъ, Драготѣхъ, Дражекъ, Драгонь, Драгота, Драгошъ, Драгиня (поль. Дрог—), Гнѣвомиръ, Годи-

---

ные Варяги (Норманы), эти Vindamyrdir (Славянобойцы), бившіе Славянъ ляшскихъ и русскихъ, не перестаютъ до сихъ поръ безпокоить многихъ Славянъ, и угрожать славянской исторіи: древняя русская исторія пострадала отъ Варяговъ неимовѣрно; Шайноха (Lechicki początek Polski) повелъ своихъ „варяжскихъ Ляховъ и Чеховъ" и противъ западно-славянской исторіи; наконецъ Пекосинскій пустилъ 20 „династій" балтійско-славянскихъ „драконовъ" или змѣевъ съ ихъ воинственными варяжскими именами и „рунами" на гибель исторіи польско-славянскаго земянства и ихъ щитовъ - гербовъ, Налэнчовъ, Богорый, Леливъ, Ястрембцевъ, Елитъ, Слѣповроновъ, Венявъ, Помяновъ и др. Въ числѣ разныхъ „ученыхъ" мнѣній, искони преслѣдующихъ названія „Чеховъ" и „Ляховъ", высказано было недавно и такое, что Чехи—Славяне „счастливые" (cetno), а Ляхи—„злополучные" (licho). Не входимъ въ оцѣнку этой тоже глубокомысленной гипотезы, но относительно разработки древней исторіи этихъ двухъ западно-славянскихъ народовъ это совершенно вѣрно: дѣйствительно, какое-то „лихо" преслѣдуетъ древнепольскую исторію со временъ магистра Викентія до сихъ поръ. Впрочемъ фантазіи Пекосинскаго пощекотали болѣе родовую спѣсь разныхъ этихъ мнимыхъ „Змѣевичей династовъ", Слѣповроновъ, Одынцевъ, Г зовъ, Мурделіоновъ, Елитъ, Пухалъ, Заглобъ и др.; въ наукѣ з теорія встрѣтилась съ опозиціею; срв. статью Лагуны въ журн.] 'artalnik historyczny 1890, I. 58. Замѣтимъ, что вопросъ о поль(й геральдикѣ нельзя разсматривать независимо отъ чешской, (оторой срв. Палацкаго Dějiny nár. česk. I. 2. p. 451, и статью] Іречка въ ж. Památky archeologické X. 634.

славъ, Гостирадъ, Грабиша, Ярогнѣвъ, Ярославъ (Ярошъ), Коханъ, Кресиславъ (Бреславъ), Кривсудъ—Кривсждъ, Лютоборъ, Лютогнѣвъ, Мѣшко, Милей, Милославъ (Милошъ), Мирославъ, Модлибогъ, Мстигнѣвъ, Мутыня - Мжтыня, Мыслиборъ, Несулъ, Незамыслъ, Одолянъ, Пакославъ, Помнѣнъ—Помянъ, Попелъ, Премыслъ, Прудота - Прждота, Предславъ, Прибыславъ, Радимъ, Радославъ, Радованъ, Ратиборъ, Сетѣхъ, Скрьбимиръ - Скарбимиръ, Славата - Славдта, Славиборъ, Смилъ, Собѣславъ, Спытигнѣвъ, Станиславъ - Станѣкъ, Стойгнѣвъ, Страхота, Судимиръ-Сждимиръ, Судивой - Сждивой, Сулиславъ, Святоплукъ - Святопелкъ, Троянъ, Унѣславъ, Вацеславъ - Вацеславъ, Владиславъ-Влодзиславъ, Верхославъ, Витекъ, Властъ - Влостъ, Войславъ, Войтѣхъ, Вратиславъ - Вроциславъ, Вратимиръ - Вроцимиръ, Врышъ - Варшъ, Всеборъ, Завиша, Збыгнѣвъ, Збраславъ, Жирославъ, и др. Чужія имена изъ христіанскаго календаря Чехи и Поляки часто передѣлывали одинаково на свой ладъ: Бедрихъ (Fridrich), Янъ - Яникъ (Ioannes), Бартошъ (Bartholomaeus), Блажей (Blasius), Бенеда (Benedictus), Дивишъ (Dionysius), Гавелъ (Gallus), Идикъ - Идзій (Aegidius), Юрій - Юрикъ (Georgius), Вавринецъ (Laurentius), Пабянъ (Fabianus), Павелъ - Павликъ (Paulus), и др. Что касается географическихъ названій, то и здѣсь встрѣчается множество одинаковыхъ названій чешскихъ и польскихъ, названія по именамъ (Войславице, Ратиборовице, Болеславь, Познань, Чеховъ, Трояново), по мѣстоположенію (Вышеградъ - Вышогродъ, Загорье), по занятіямъ жителей (Водѣрады, Ратае, Сокольники, Псары, Здуны, Щитники, Бобровники, Рыбаки), и пр. Прага, Вышеградъ - Вышогродъ, Краковъ, Судомѣрь - Сждомѣрь, Кошице, Зволень, Вратиславь - Вроциславь (Вроцлавь), Ратиборь, Быстрица, и др. встрѣчаются у Чеховъ, Моравянъ, Словаковъ, Поляковъ.

Христіанство проникло къ южнымъ Ляхамъ, въ краковскую землю Хорватовъ и къ другимъ „Вислянамъ“, и, можетъ быть, тоже къ поодрянскимъ Ляхамъ изъ моравской держа[ві] Святополка, изъ епархіи панонско - моравскаго архіепископ[а] Меѳодія, откуда распространилось къ тѣмъ Ляхамъ и словѣнск[ое] богослуженіе удержавшееся тамъ до XI вѣка. Къ сѣверны[мъ]

Ляхамъ (Полякамъ) христіанство съ латинскимъ богослуженіемъ перешло изъ Чехіи, именно при князѣ Мѣшкѣ, который, женившись на чешской княжнѣ Добравѣ Болеславовнѣ (965), принялъ съ своимъ народомъ крещеніе (966). Такимъ образомъ завязались между Чехами и Поляками религіозно - культурныя сношенія; вмѣстѣ съ тѣмъ и Польша открылась вліянію латинско-нѣмецкому, которое нашло сильную опору въ латинской іерархіи Польши и Чехіи, и скоро подавило послѣдніе остатки словѣнскаго богослуженія у Чеховъ и Поляковъ [1]). Первыми апостолами христіанства у Ляховъ были вѣроятно Моравяне и Словаки, потомъ, въ X в., Чехи; они, вмѣстѣ съ Нѣмцами, наполняли ряды польскаго духовенства, и первымъ польскимъ архіепископомъ (въ Гнѣзнѣ) былъ Чехъ Радимъ (Gaudentius), братъ второго пражскаго епископа Славниковича (Adalbertus) Войтѣха. Послѣдній находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ польскому князю Болеславу Мѣшковичу, пребывалъ нѣкоторое время при его дворѣ, прежде чѣмъ отправился къ Прусамъ; убитый въ Пруссіи онъ похороненъ въ Гнѣзнѣ и сдѣлался патрономъ не только Чеховъ а тоже Поляковъ. Поляки стали ему приписывать церковную пѣснь Bogarodzica, которая однако сочинена не раньше XIII вѣка [2]). Кромѣ Войтѣха Поляки почитали святымъ тоже чешскаго князя Премысловича Вячеслава — дядю Добравы Болеславовны — которому посвященъ краковскій соборъ, и кото-

---

[1]) См. „Славяне“ П. 520, Röpell: Geschichte Polens I. 622, Małecki: Kościelne stosunki w pierwotnéj Polsce (Przewodnik naukowy 1875). Титмаръ — главный источникъ для тѣхъ временъ—называетъ чешскую княжну Добрава (bona); форма Dubrava, Dubravka, Dąbrowka — болѣе поздняя.

[2]) Въ Гнѣзнѣ находились мощи св. Войтѣха до 1039 г., гдѣ чешскій князь Брячиславъ, вторгнувшійся тогда въ Гнѣзно, перенесъ ихъ въ Прагу. Но въ Гнѣзнѣ тоже показываютъ мощи св. Войтѣха. оздн̀ѣйшія русскія лѣтописи (см. „Славяне“ П. 448) называютъ ойтѣха врагомъ словѣнскаго богослуженія. См. А. Будиловича: черки изъ церковной исторіи западныхъ Славянъ. Нѣсколько крилческихъ замѣчаній на латинскую легенду о пражскомъ епископѣ ойтѣхѣ (Варшава 1880).

раго, наравнѣ съ Войтѣхомъ и Станиславомъ, Поляки долго считали своимъ патрономъ. Такъ на пр. король Владиславъ Ягайло обращается передъ домбровенскою битвою за помощью къ св. польскимъ патронамъ Станиславу, Вячеславу и Войтѣху, а историкъ Длугошъ, въ эпилогѣ своей исторіи, благодаритъ тѣхъ же святыхъ за окончаніе своего труда. Хотинскую побѣду (28 сентября 1621 г., день св. Вячеслава) нѣкоторые Поляки приписывали помощи „чешскаго князя св. Вячеслава одного съ Поляками происхожденія“ [1]). Самое имя св. Вячеслава (по-чешски Václav—Václav, латин. Wenceslaus) Поляки приняли прямо изъ чешскаго Wacław, хотя эта форма въ польскомъ языкѣ неорганическая; и въ живомъ польскомъ языкѣ XIV—XV вв. (въ судебныхъ книгахъ малопольскихъ, великопольскихъ и мазовскихъ) встрѣчается правильная польская форма съ носовымъ звукомъ: Wanclaw, Wenczslaf, Wanczslaw, Wǫczslaw, Wanch, Wiąch (сокращено, чеш. Vach) [2]), а въ имени Więcek (Wieckowice, чеш. Vacek) носовой звукъ сохранился до сихъ поръ. Наконецъ, посредствомъ Чеховъ, возобновлена въ Польшѣ тоже память и чествованіе свв. Кирилла и Меѳодія [3]).

Важнымъ звеномъ соединяющимъ Чеховъ и Поляковъ былъ *пражскій университетъ*. Поляки составляли здѣсь съ самаго начала одинъ изъ четырехъ университетскихъ „народовъ“, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими народами восточной Европы; къ польскому народу причислялись тоже Литовцы и Русскіе [4]). Для

---

[1]) Kobierzycki: Historia Wladislai principis, p. 824; Вячеславъ Потоцкій въ эпопеѣ Wojna Chocimska, p. 342: Dzień świtał Wacławowi królowi święcony czeskiemu, a że naszéj patronem korony, przeto nam uroczysty. Св. Вячеславъ приводится въ числѣ польскихъ патроновъ въ книгѣ Ст. Соколовскаго Officia propria patronorum provinciae polonae (1580 и часто, еще въ 1735 г.).

[2]) Другая сокращенная форма чешская и польская Vaněk; срв. Staněk - Stanislav, Břeněk - Břecislav, Čeněk - Častolov.

[3]) См. „Славяне“, II. 606.

[4]) Ecce Pruteni, ecce Rutheni, ecce Poloni — приводитъ въ началѣ XV в. професоръ Андрей Бродскій въ числѣ пражскихъ студентовъ. (Höfler: Geschichtschreiber der hussit. Bewegung, II. 155)

Литовцевъ польская королева Ядвига основала (1397) въ Прагѣ особую литовскую колегію, которая поручена надзору трехъ Чеховъ, Щекны, Крижа и Нѣпра, а позже I. Гусу; но вскорѣ въ этой колегіи водворился чешскій элементъ [1]). Число польскихъ студентовъ въ пражскомъ университетѣ уменьшилось въ слѣдствіе основанія университета или академіи въ Краковѣ (1364, возобновленной въ 1400 г.). Краковскій университетъ — по словамъ его возобновителя, короля Владислава — долженъ былъ просвѣщать и прославить Польшу такимъ образомъ, какимъ пражскій Чехію. Въ Краковъ перешли многіе професора изъ Праги, чешскаго, польскаго и нѣмецкаго народовъ [2]). Студенты польскіе и литовскіе посѣщали однако пражскій университетъ и въ послѣдствіи, до второй половины XV в., когда наконецъ папа запретилъ (1469) посѣщеніе этого „еретическаго" университета [3]). Духовную связь обоихъ университетовъ помнили въ Польшѣ долго; въ драмѣ Academia Cracoviensis (1537) Польша расказываетъ Чехамъ объ учрежденіи краковской академіи Казиміромъ и объ ея упадкѣ; Чехія же утѣшаетъ Поляковъ, что и у нихъ будетъ такой университетъ, какъ пражскій.

Гуситское движеніе не охватило польскаго народа до такой степени, какъ Чеховъ, благодаря меньшему умственному развитію Поляковъ и большей бдительности польской іерар-

---

[1]) О литовской колегіи см. Monumenta histor. universit. Prag. II. (грамоты 1397 и 1411 гг.), и Томка Исторію Праги и Исторію пражскаго университета.

[2]) Codex diplomat. univers. Cracov. I. 26, Длугошъ III. 540, Muczkowski: Wiadomość o założeniu uniwersyt. w Krakowie (1851). Въ краковской университ. библіотекѣ хранится нѣсколько книгъ професора I. Щекны, прибывшаго тогда въ Краковъ изъ Праги. См. нашъ Отчетъ за 1882 г., стр. 2.

[3]) Списокъ польскихъ студентовъ въ Прагѣ 1367—1467 гг. въ Monum. histor. univers. Prag. I, и оттуда у Мучковскаго: Wiadomość o założeniu uniw. w Krakowie, 96; папская грамота въ Monumenta Polon. histor., ed. Theiner, II. 164.

хія [1]). Но не смотря на всякія препятствія, гуситство все-таки пролагало себѣ путь и въ Польшу, находя поддержку въ безпрестанныхъ спорахъ шляхты съ духовенствомъ изъ-за десятины и другихъ дѣлъ [2]). Гусъ переписывался съ королемъ Владиславомъ и Іеронимъ Пражскій возбуждалъ большое неудовольствіе среди католическаго духовенства въ Польшѣ, Литвѣ и Руси [3]). Въ Констанціи за Гуса ходатайствовали также польскіе паны, и самъ императоръ Сигизмундъ заявилъ здѣсь, что чешскій магистръ имѣетъ много приверженцевъ также въ Польшѣ [4]). Уже въ 1419 г. гуситскія мнѣнія являются и преслѣдуются въ Великой Польшѣ, именно въ Равѣ [5]). Черезъ годъ (1420, въ сентябрѣ) польскіе епископы, на синодахъ въ Велюнѣ и Калишѣ, должны были обнародовать строгія мѣры противъ усиливающагося въ Польшѣ гуситства. Они проклинаютъ всѣ статьи ученія Виклефа и Гуса и ихъ приверженцевъ, особенно тѣхъ, которые публично провозглашаютъ или тайкомъ учатъ, что ради спасенія необходимо причащеніе подъ обоими видами; они строго прика-

---

[1]) Мнѣнія чешскаго ревнителя Іоанна Милича распространялись изъ Чехіи и въ Польшу, въ епархіи гнѣзенскую и краковскую; см. Raynaldi Annal eccles. ad a. 1374.

[2]) См. Н. Любовича: Исторія реформаціи въ Польшѣ, 27—42. По его мнѣнію „можно смѣло сказать, что польская реформація есть прямое продолженіе борьбы шляхты съ духовенствомъ“. Любовичъ отрицаетъ генетическую связь польской реформаціи съ гуситскимъ движеніемъ въ Польшѣ. Это, вообще говоря, вѣрно, т. е. реформація въ Польшѣ возникла не на гуситской основѣ, какъ это случилось въ Чехіи, гдѣ гуситы-утраквисты (но не чешскіе братья) примкнули по большей части къ лютеранству; Поляки-католики присоединялись прямо къ новымъ ученіямъ нѣмецкому и швейцарско-французскому, позже и къ чешско-братскому. Но съ другой стороны гуситство находило въ Польшѣ XV в. достаточно приверженцевъ, чтобъ приготовлять, хотя бы только отъ части, почву протестантству.

[3]) См. выше, стр. 39—41.

[4]) Documenta M. J. Hus, ed. Palacký, 116, 315.

[5]) Smolka: Archiwa w w. ks. Poznań. i w Prusiech (Rozpraw akademii IV. 256).

зываютъ, чтобъ въ приходскіе священники назначались одни только надежные и въ ереси неподозрительные люди, чтобъ священники не принимали въ школы никого, который прибывалъ бы изъ Чехіи; чтобъ никто не помогалъ людямъ ересью зараженнымъ, которые бы уходили въ Чехію или оттуда приходили; наконецъ епископы должны посредствомъ архидіаконовъ слѣдить за приверженцами и защитниками ереси Гуса; эти визитаторы должны особенно осматривать книги священниковъ и проповѣдниковъ, не находится-ли въ нихъ чего еретическаго [1]). Краковскіе професора, Андрей изъ Кокорина и Станиславъ изъ Скарбимѣря, писали особые трактаты противъ ученія Виклефа и Гуса, о мшѣ (литургіи), о причащеніи подъ обоими видами; другой неизвѣстный авторъ написалъ трактатъ противъ четырехъ гуситскихъ артикуловъ, которые распространялись тоже въ Польшу. Краковскіе студенты, записываемые въ университетскую матрикулу, должны были присягать, что они не будутъ признавать мнѣній осужденнаго еретика Гуса [2]).

Но эти мѣры были не очень дѣйствительны. Самъ папа Мартынъ жаловался на распространеніе гуситства и въ Польшѣ (1422), и настоятельно требовалъ отъ гнѣзенскаго архіепископа принять необходимыя мѣры противъ усиливающагося въ Польшѣ гуситства. Польскіе епископы собрались по этому поводу на синодѣ въ Лэнчицѣ (1423), и одновременно король Владиславъ совѣщался съ Малополянами и Великополянами о средствахъ, которыя надо употребить противъ приверженцевъ ереси и вообще противъ новаторовъ. Даже въ Червоной Руси появляются „ереси", и Владиславъ поручаетъ львовскому архіепископу принимать мѣры противъ тамошнихъ „еретиковъ" и „схизматиковъ";

---

[1]) Statuta synodalia ed. Norimberg. 1512, fol. 55, 91, перепечатаны въ сб. Starodawne prawa polskiego pomniki, IV. 75. Длугошъ (IV. 191) видѣлъ-де въ Краковѣ собственноручную рукопись Гуса, въ которой содержались его „ереси".

[2]) Wiszniewski: Historya liter. polskiéj V. 14, 43, 296; Höfler: Geschichtschreiber der hussit. Bewegung II. 479—480; Das älteste Matrikelbuch der Univers. Krakau, ed. Zeissberg, p. 2.

да скоро нужно было принимать мѣры и противъ монаховъ францисканцевъ въ русскихъ земляхъ, которые нарушали правила ордена, буйствовали и угрожали поджечь монастыри. На сеймѣ въ Велюнѣ (1424) король вмѣстѣ съ епископами и панами постановляетъ, строго наказывать каждаго еретика или въ ереси подозрѣваемаго; испытывать духовными лицами каждаго, кто возвращается изъ Чехіи; каждаго польскаго подданнаго, который бы не возвратился до извѣстнаго срока изъ Чехіи, считать еретикомъ, наказывать, лишать имѣнія и чести; купцамъ строго запрещалось въ Чехію вывозить товары, особенно свинецъ, оружіе и съѣстные припасы. Владиславъ и Витовтъ, вмѣстѣ со всѣми своими подданными, прелатами, князьями, панами, шляхтой, боярами, земянами и городами Польши, Литвы и Руси, всевозможно заботились о томъ, чтобъ еретическая зараза, которая осквернила сосѣднее и сродное чешское королевство, не проникла и въ ихъ земли; они обязываютъ себя, защищать католическую вѣру и наказывать еретиковъ и ихъ друзей, строго угрожаютъ всѣмъ, которые бы поднимали внутреннія смуты, собирались на незаконныхъ съѣздахъ, и вводили новшества. Противъ еретиковъ принимались мѣры опять на съѣздахъ въ Серадзѣ (1425), Едльнѣ (1430), Познанѣ (1432), Корчинѣ (1438). Кромѣ того оказалось необходимымъ, прибѣгнуть къ помощи инквизиторовъ для преслѣдованія еретиковъ въ Польшѣ Малой и Великой [1]).

---

[1]) Подробности см. въ Monumenta Poloniae historica, ed. Theiner, II. 25; Annales ecclesiast. ad a. 1423, ed. Raynald, p. 16; Volumina legum I. 85, 140; Codex epistolaris saec. XV, t. I. p. 62; Codex epistolaris Vitoldi p. 607, 692, 1052; Liber cancellariae St. Ciołek, ed. Caro, I. p. 46; Palacký Urkundl. Beiträge I. 305, 331, 334; Gołębiowski: Dzieje Polski za panowania Kazimierza (Warszawa 1848, p. 339); Bukowski: Dzieje reformacyi w Polsce I. 32, 46. Съ другой стороны католическіе священники чешскіе бѣжали въ Польшу; срв. выше стр. 41. — Замѣтимъ еще, что позднѣйшіе польскіе протестанты разсказывали о гуситствѣ въ Польшѣ разныя небылицы; такъ на пр. Симеонъ Турновскій, чешскій братъ, въ своемъ рукописномъ соч. Obrona konsensu sandomierskiego (срв. у I. Лукашевича O kościołach braci czeskich w dawnéj Wielkiéj Polsce, p. 10, 14).

Все это указываетъ не на ослабленіе, а на усиленіе „ереси" въ Польшѣ. Въ Великой Польшѣ все попадаются даже священники заподозрѣваемые въ ереси (1428, 1436—1438). Что касается Малой Польши, то самъ краковскій епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій жалуется (1435), что въ Польшѣ вообще и въ его епархіи въ особенности есть польскіе гуситы, которые требуютъ причащенія подъ обоими видами; а около этого времени краковскій инквизиторъ Николай изъ Бреста тоже жалуется на еретиковъ гуситовъ, которые прибываютъ изъ чужихъ странъ и живутъ въ разныхъ городахъ краковской епархіи, и строго требуетъ отъ всѣхъ жителей той епархіи, помогать ему въ дѣлѣ преслѣдованія еретиковъ и ихъ книгъ. Сами гуситскіе Чехи ходатайствовали передъ римскою іерархіею за польскихъ гуситовъ, въ Прагѣ (1433) и потомъ на базельскомъ соборѣ (1435). Даже между сельскимъ народомъ замѣчалось извѣстное броженіе. Въ Великой Польшѣ и въ Куявіи бывали случаи, что поселяне оскорбляли священниковъ, относились съ презрѣніемъ къ церковнымъ обрядамъ, топили наложницъ священниковъ, возставали противъ шляхтичей, что разбойники напали на инквизитора [1]). Польская шляхта все ссорилась съ духовенствомъ изъ-за десятинъ, находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ чешскими гуситами; она отъ части открыто признавалась къ гуситству, и въ ея рядахъ нашлись даже такіе смѣльчаки, какъ Надобный изъ Рогова рода Дзялоша и Куропатва изъ Ланцухова рода Сренява, которые въ 1430 г., вмѣстѣ съ княземъ Фридрихомъ Острожскимъ, напали на Ченстохову, разрубили тамошній образъ богородицы, и вообще вели себя — по словамъ Длугоша — „не какъ Поляки, а какъ Чехи". Около этого времени самъ король Владиславъ пишетъ инквизитору, чтобъ онъ строго наказалъ двухъ Поляковъ, которые разбили св. образъ. Въ числѣ польскихъ гу-

---

[1]) Smolka: Archiwa w w. ks. poznańskiem (Rozprawy akademii IV. 209); Codex epistolaris saec. XV. t. I. p. 79; Gołębiowski l. c.; Monumenta concilii Basil. I. 582, 726; T. Lubomirski: Rolnicza ludność w Polsce od XV do XVI w., въ журн. Biblioteka Warszawska 1861, III. 38.

ситовъ особенно извѣстны паны Спытекъ изъ Мельштына, Дерславъ изъ Рытвянъ, Николай Сестренецъ, Петръ Полякъ, Яковъ Прекора, Николай Ланцкоронскій, Авраамъ Чарный изъ Гощицъ, Страшъ, Куропатва, Авраамъ Збонскій (изъ Збоншина) и др. Мельштынскій и Збонскій содержали у себя гуситскихъ поповъ, поддерживали сношенія съ Чехами, и все ссорились съ епископами краковскимъ и познанскимъ. По смерти короля Владислава Ягайла эта партія Спытка заняла враждебное положеніе относительно пановъ управлявшихъ государствомъ за малолѣтняго короля, во главѣ которыхъ стоялъ давнишній врагъ Спытка и гуситовъ вообще, епископъ Збыгнѣвъ. Мельштынскій, и послѣ провозглашенія короля Владислава совершеннолѣтнимъ, не переставалъ относиться враждебно къ главному его совѣтнику, епископу Збыгнѣву, и, скоро послѣ неудачнаго для Польши окончанія чешскихъ дѣлъ, сталъ во главѣ конфедераціи польскихъ гуситовъ и недовольныхъ, взялся за оружіе противъ короля, но погибъ въ битвѣ подъ Гротниками недалеко Кракова (въ маѣ 1439). Въ то же время сошелъ со сцены и А. Збонскій, котораго усмирилъ силою оружія познанскій епископъ; нѣсколько пойманныхъ гуситскихъ поповъ сожжено, другіе спаслись бѣгствомъ въ Чехію [1]).

Съ паденіемъ обоихъ польскихъ гуситскихъ пановъ Польша однако не „очистилась“ еще отъ „еретической“ заразы, какъ утѣшался Длугошъ; напротивъ, гуситство все является въ разныхъ странахъ Польши, среди духовенства, шляхты и народа; то въ куявской (владиславской, влоцлавецкой) епархіи одинъ попъ оказывается приверженцемъ Виклефа и Гуса (1440), то збоншинскіе мѣщане подозрѣваются въ ереси (1442); то въ гнѣзенской

---

[1]) Длугошъ IV. 399, 581, 606; Codex epistolaris saec. XV, t. I. p. 148. Срв. A. Sokołowski: Ostatni obrońcy hussytyzmu w Polsce (Przegląd polski 1870), Prochaska: Hussyta polski, M. Siestrzeniec (Szkice historyczne I. 203), Konfederacya Spytka z Melsztyna (Przewodnik naukowy 1887; на стр. 400—403 напечатанъ впервые актъ конфедераціи); Caro: Geschichte Polens IV. 195. Срв. выше, стр. 62.

епархіи появляются еретическія сочиненія въ рукахъ попа и шляхтянки (1451) [1]). Збыгнѣвъ Олешницкій извѣщаетъ папу (1448), что въ плоцкой епархіи напали на имѣнія епископа и опустошили ихъ, потому что онъ не хотѣлъ назначить поповъ, которые причащали подъ обоими видами; да что на нѣкоторыхъ мѣстахъ напали на поповъ не одобряющихъ религіозныхъ новшествъ. Около этого времени (1450—52) краковскіе каноники получили печальныя вѣсти изъ той епархіи: въ добринской землѣ гуситство распространяется между духовенствомъ, шляхтою и народомъ [2]). Оказалось необходимымъ назначить особаго инквизитора для епархій гнѣзенской, познанской, владиславской и плоцкой (1454); а въ Краковѣ и во второй половинѣ XV в. инквизиторы все преслѣдовали еретиковъ, не безъ опасности со стороны нѣкоторыхъ тамошнихъ шляхтичей благопріятствовавшихъ ереси [3]). Гуситство находило приверженцевъ особенно въ Великой Польшѣ, Куявіи и Мазовіи; въ послѣдней, въ плоцкой епархіи, нужно было въ 1486 и 1498 гг. ввести калишскіе статуты 1420-го г. противъ еретиковъ [4]). Въ обѣихъ сѣверныхъ епархіяхъ, плоцкой и владиславской, епископы и капитолы, въ теченіи всей второй половины XV вѣка, разсматривали и судили разныя дѣла ереси, частые случаи причащенія подъ обоими видами, случаи съ еретическими книгами, непочтительнаго отношенія къ духовенству и къ св. образамъ, восхваленія Гуса, Іеронима, Рокицаны, и пр. Виновными оказывались попы, шляхта, мѣщане и поселяне; а нѣкоторые изъ

---

[1]) Smolka: Archiwa 209, 256; Pawiński: J. Ostroroga o naprawie rzeczypospolitéj, 113. Книги Виклефа находились въ Краковѣ et item in aliis partibus regni Poloniae copiose. (Codex diplomat. universitatis Cracov. II. 114).

[2]) M. Dzieduszycki: Zbygniew Oleśnicki II. dokumenty, 28; [Co]dex epistol. saec. XV, t. II. p. 44, 347.

[3]) Codex diplomat. Majoris Poloniae, ed. Raczyński, 172; Bu[ko]wski: Dzieje reformacyi w Polsce, I. 52.

[4]) Szujski: Odrodzenie i reformacya w Polsce (Dzieła VIII. [1]—134).

нихъ бывали въ Чехіи и Слезіи какъ воины и торговцы [1]). Вообще военныя сношенія Чеховъ и Поляковъ въ XV в. не мало способствовали распространенію гуситскихъ идей среди Поляковъ; множество Поляковъ бывало въ чешскихъ войскахъ, чешскія войска бывали въ Польшѣ, какъ на пр. въ 1433 г. Сиротки; и позже, во время долголѣтней войны Польши съ прусскими крестоносцами и во время войны изъ-за чешской короны (послѣ 1471 г.), находилось на польской службѣ много тысячъ чешскихъ воиновъ; они, воюя, вмѣстѣ съ соплеменниками Поляками,

[1]) Много примѣровъ см. въ Monumenta historica dioecesis Wladislaw., ed. Chodynski (Wladislawiae 1884, IV). Такъ на пр. въ Плоцкѣ въ 1440—42 гг. разсматривались дѣла de haereticis in civitate Plocensi et in locis variis dioecesis; въ 1445—1452 гг. дѣла de plebanis de terra Dobrinensi, de haeresi suspectis et diffamatis. Въ Влоцлавкѣ въ 1480 г. разбиралось дѣло о ереси шляхтича Fridani Lupsinski, qui communicavit aliquot vicibus sub utraque specie in exercitu bohemico (in bello Slesiae) in tentorio domini Samuel (чешскаго полководца въ Слезіи 1469 г.). Въ 1499 г. разбиралось дѣло самозваннаго попа Адама изъ Радзеёва, который осужденъ за то, что онъ nonnullos haereticos articulos et erroneos, maxime tamen de communione sub utraque specie tenuisse, asseruisse et defendisse, nec non illum sceleratissimum Hieronymum (!) Rokicinianum, notorium haereticorum illorum damnatae memoriae Johannis Hussinecz et Jeronymi haeresiarcharum in sacro concilio Constantiensi generali condemnatorum sectatorem laudasse, et de virtutibus, vita, moribus, scientia et fide commendasse et extulisse, sibique servivisse nonnullis annis, et errorem haereticorum Bohemorum, quam fidem dicebat, summe laudasse et commendasse, et pro illa mori voluisse; itaque dictorum Joannis Hus, Jeronymi, Rokicinani haeresiarchis et eorum erroribus adhaesisse, ipsorumque fautorem et defensorem, ac eis credentem fuisse et esse. Адамъ отлученъ и преданъ arbitrio judicis saecularis. Этотъ попъ Адамъ по всей вѣроятности тотъ самый Адамъ, о которомъ разсказываетъ Фричъ Модревскій (De republica emendanda, ed. 1559, p. 599), что онъ, по приказанію епископа куявскаго, сожженъ въ концѣ XV в. за то, что онъ причащалъ подъ обоими видами. Въ актахъ владиславскихъ 1480 г. часто упоминается нѣсколько поп... Матвѣевъ, причащавшихъ подъ обоими видами; а владиславскій ...ноникъ Дамалевичъ (Vitae Vladislaviensium episcoporum, Craco...

противъ Нѣмцевъ и Угровъ, способствовали тоже распространенію гуситскихъ идей, особенно въ сѣверозападной Польшѣ [1]).

Распространеніе и успѣхи гуситства въ Польшѣ и въ Угріи наполняло непольскихъ католиковъ опасеніями и гнѣвомъ; на это жалуется чешскій панъ Ульрихъ изъ Розенберга въ письмѣ папскому легату Карваялу (1447) [2]), а двадцать лѣтъ спустя папскій легатъ Рудольфъ обвиняетъ значительную часть польскаго духовенства въ симпатіяхъ къ чешской ереси, да прямо указываетъ на то, что въ Чехіи есть еретическіе попы изъ Поляковъ [3]). Въ числѣ еретическихъ поповъ польскихъ былъ тоже краковскій каноникъ и професоръ Андрей Галка изъ Добчина; онъ въ половинѣ XV в. (1449) сталъ говорить проповѣди противъ папы, богатства духовенства и разныхъ злоупотребленій въ церкви; у него были нѣкоторыя книги Виклефа, которыя онъ получилъ тоже отъ какого-то знатнаго Чеха. Галка возбудилъ негодованіе епископа Збыгнѣва и спасся только бѣгствомъ въ

1642, p. 343) говоритъ тоже о строгомъ наказаніи одного попа Матвѣя, причащавшаго подъ обоими видами (1480). За то же самое наказанъ тогда одинъ попъ въ познанской епархіи (Łukaszewicz: O kościołach braci czeskich, 16). Неизвѣстно, на сколько вѣренъ разсказъ Симеона Турновскаго (Źwierciadło nabożeństwa chrześciańskiego w Polszcze i Litwie, w Wilnie 1594, потомъ 1604; оттуда взялъ и А. Венгерскій: Systema histor.-chronolog. ecclesiarum slavonicarum 1652, p. 73), что ок. 1500 г. великопольская шляхта, собравшаяся въ Познанѣ, требовала отъ духовенства причащенія подъ обоими видами, ссылаясь на обычай первобытной церкви и на примѣръ Чеховъ, но напрасно. Фричъ и Турновскій ссылаются на свидѣтельства старыхъ очевидцевъ.

[1]) I. Остророгъ въ своемъ сочиненіи о реформахъ въ Польшѣ (см. ниже) осуждаетъ одинъ совсѣмъ гуситскій взглядъ на имѣнія духовенства: Plurimi homines et quidem stulti, Polonorum esse jura dicunt, milites in bellum proficiscentes bona spiritualia licite et impu[ne] vastare posse; haec vera, si quae sunt, impia omnino, et quisquis ill[a] edidit, non satis argute fraternae charitati et proximi prospexit dilec[tio]ni, etc.

[2]) Palacký Dějiny nár. česk. IV. 1. p. 140.

[3]) Срв. выше стр. 108.

Слезію, гдѣ проживалъ подъ покровительствомъ опольскаго князя Болеслава. Здѣсь онъ написалъ польскую пѣснь въ честь Виклефа; онъ восхваляетъ этого величайшаго магистра, который ратовалъ противъ господства антихриста и злыхъ поповъ: власть папы происходитъ-де не отъ Христа, а отъ антихриста; этого надо побить словомъ Христа, словомъ истины, которую попы скрываютъ; и такъ какъ они ея боятся, то говорятъ народу ложь; Христосъ да пошлётъ такихъ священниковъ, которые бы провозглашали истину и разбили антихриста [1]).

Въ числѣ польскихъ гуситскихъ поповъ, бѣжавшихъ въ Чехію, извѣстны Іоаннъ Галетъ, который въ 1451 г. проживалъ въ Таборѣ, и Михаилъ, прозванный *Полякъ*, шляхтичъ изъ Чешева въ Великой Польшѣ. Михаилъ учился въ Прагѣ, жилъ потомъ въ Краковѣ и въ Гнѣзнѣ, и вернулся опять въ Прагу, гдѣ прожилъ около тридцати лѣтъ и примкнулъ къ утраквистамъ, „хотя Полякъ, но усердный любитель чаши Христовой"—какъ выражается одинъ современникъ. Михаилъ пользовался всеобщею любовью и популярностью, и способствовалъ избранію Владислава въ чешскіе короли. Но его рвеніе къ утраквизму раздражало короля; Михаилъ засаженъ въ тюрьму, гдѣ подвергся пыткѣ и умеръ (1480) [2]). Бывали и позже случаи, уже во время разгара реформаціи въ Польшѣ, что польскіе католическіе попы присоединялись къ чешскимъ утраквистамъ; такъ сдѣлалъ на пр. польскій попъ Альбрехтъ Мичмаеръ изъ Люблина въ Малой Польшѣ [3]).

---

[1]) О Галкѣ см. Wiszniewski: Historya literatury polskiéj III. 224, 425; Codex diplomat. universitatis Cracov. II. 103 sqq.; статью А. Соколовскаго въ Przewodnik naukowy 1874, Caro Gesch. Polens IV. 405. Пѣснь начинается: „Lachowie, Niemcowie, wszycy językowie wątpicieli (wątpić jęli?) w mowie i wszego pisma słowie, Wiklef prawdą powie". Срв. Nehring: Altpoln. Sprachdenkmäler 224. Галка говоритъ все о Виклефѣ, а нигдѣ о Гусѣ.

[2]) О Галетѣ (Галкѣ?) говоритъ Эней Сильвій, посѣтившій въ 1451 г. Таборъ (см. Палацкаго Dějiny nár. česk. IV. 1. p. 401); о Михаилѣ тамъ-же V. 1. p. 201, и Staří letopisové čeští 221, 503.

[3]) Jednání a dopisy konsistoře katolické i utrakvistické, vy K. Borový (v Praze 1868), I. 316.

Вліяніе новыхъ идей, навѣянныхъ въ Польшу изъ гуситской Чехіи, замѣтно въ знаменитомъ политическомъ сочиненіи о необходимости реформъ въ Польшѣ Іоанна изъ Остророга, внука Сендзивоя воеводы познанскаго, того самаго, который часто сносился съ гуситскими Чехами, и сына Станислава воеводы калишскаго, одного изъ польскихъ пословъ въ Чехіи (1467) [1]. Это — Monumentum pro reipublicae ordinatione congestum, которое молодой польскій панъ юристъ написалъ (1456 г.) скоро послѣ возвращенія изъ Германіи (изъ университета эрфуртскаго) и вѣроятно тоже изъ Италіи, совсѣмъ въ духѣ гуситскомъ [2]. По мнѣнію Остророга новаго папу слѣдуетъ поздравить, но обѣщать, что польскій король во всемъ будетъ его слушаться, какъ часто говорится, не благоразумно. Польскій король не признаетъ надъ собою никого кромѣ бога; онъ не долженъ папѣ писать тономъ униженнымъ и умоляющимъ, и долженъ его слушаться только въ духовныхъ дѣлахъ, а никакъ не въ дѣлахъ свѣтскихъ, вспомнивъ, что царствіе Христово не отъ міра сего. Надо сожалѣть о томъ, что подъ религіознымъ предлогомъ вновь избранные епископы платятъ папской куріи такъ назв. анаты; эти платы пусть остаются въ королевской казнѣ. Духовенство пусть подчиняется всякимъ государственнымъ налогамъ и повинностямъ. Призывы къ суду и апеляціи въ Римъ пусть прекратятся, и тѣмъ самымъ и вывозъ польскихъ сокровищъ, за которыя присылаются хорошія вознагражденія: булы; многіе считая себя благочестивыми, кланяются такимъ пустякамъ съ красными печатями и конопляными веревками, прикрѣпленнымъ на дверяхъ церквей. Поляки пусть не позволяютъ дольше обманывать себя коварными Итальянцами. Наши распри пусть рѣшаютъ наши епископы и нашъ архіепископъ-примасъ. Римскій папа посылаетъ, когда ему захочется, даже вопреки волѣ короля и пановъ, булы для вымога-

---

[1]) См. выше, стр. 73, 86, 104. Остророги въ половинѣ XVI в. п мкнули къ единству чешскихъ братьевъ.

[2]) Jana Ostroroga żywot i pismo o naprawie rzeczypospolitéj. S dyum A. Pawińskiego (Warszawa 1884). Неизвѣстно, былъ-ли (троротъ въ Прагѣ; но гуситскія идеи зналъ онъ очень хорошо.

зельства денегъ подъ предлогомъ прощенія грѣховъ, и употребляетъ эти деньги, какъ говорятъ, для окончанія постройки храма, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности эти сокровища употребляются для содержанія родственниковъ и коней папы, чтобъ не сказать чего-нибудь болѣе худшаго. Симонія въ Польшѣ распространена чрезмѣрно: плебаны продаются похороны, крещеніе, причащеніе, и другія таинства. Обязательныя десятины, которыя платятъ бѣдные поселяне толстымъ и гордымъ попамъ, должны быть уничтожены. Недостойные люди рукополагаются въ попы, и этому званію посвящаются люди неспособные, лишенные сладкаго стыда и пріятнаго спокойствія. Монастыри наполнены грубыми монахами, Нѣмцами, которые дерзаютъ исключать Поляковъ ¹). Въ церквахъ читаются проповѣди по-нѣмецки на выдающемся мѣстѣ, а по-польски только въ какомъ-то углу. Все-это—стыдъ и срамъ для Поляковъ, и надо наконецъ, хотя и поздно, поумнѣть. И такъ какъ сама природа посѣяла вѣчную рознь и ненависть между обоими языками, польскимъ и нѣмецкимъ, то надо запретить нѣмецкія проповѣди въ Польшѣ; пусть учится польскому языку, кто хочетъ въ Польшѣ жить; вѣдь Нѣмцы у себя дома относятся враждебно къ польскому языку ²). Вообще желательно, чтобъ всѣ публичные акты писались не по-латыни, а по-польски.

---

¹) Нѣмецкій элементъ въ монастыряхъ былъ силенъ еще въ первой половинѣ XVI в.; см. Н. Любовича: Начало католической реакціи въ Польшѣ, стр. 19. Срв. „Славяне" II. 74.

²) Niemieckie kazanie до сихъ поръ означаетъ. непонятныя слова (срв. стр. 36). Замѣтимъ, что въ городахъ нѣмецкій элементъ сохранилъ свое значеніе глубоко до XVI вѣка; еще на сеймѣ 1558—1559 г. послы требовали: „Rajce krakowscy nie mają być obierani, jeno Polacy, których jeśli by tak wiele nie było, tedy jenak aby na więtszą połowę zawždy było Polaków aniž Niemców; i także we wszech innych mieściech i w Gdańsku". (Dzienniki sejmów walnych koronnych 1555 i 1558 r., w Krakowie 1869, p. 193). Въ XV в. нѣмец элементъ въ польскихъ городахъ былъ очень силенъ; въ городахъ салось по-латыни и по-нѣмецки. Нѣсколько нѣмецкихъ грам краковскихъ и львовскихъ см. въ рукоп. XV в. пражской униве библіотеки—Codex Premyslaeus VI. A. 7.

Вотъ нѣкоторыя мысли Остророга. Хотя онъ и словомъ не упоминаетъ о Гусѣ и гуситахъ, то все-таки обнаруживается у него сильное вліяніе гуситства въ разныхъ вопросахъ. Остророгъ, подобно Гусу, отрицаетъ всякую власть папы надъ королемъ, относится съ презрѣніемъ къ Риму и папѣ, къ испорченной богатой церкви, которую надо преобразовать въ духѣ первобытной бѣдной церкви, а церковныя богатства, возникшія изъ работы и пота простого народа, надо употребить для кормленія бѣдныхъ, и пр.; наконецъ Остророгъ является рьянымъ польскимъ патріотомъ, защитникомъ родного языка и рѣшительнымъ противникомъ Нѣмцевъ, совершенно такъ, какъ гуситскіе Чехи.

Гуситство не распространилось въ Польшу съ такою силою, чтобъ охватить польскій народъ во всѣхъ его слояхъ и вызвать въ немъ такой переворотъ, какъ это было въ Чехіи. Явные приверженцы чешскаго гуситства въ Польшѣ въ родѣ Мельштынскаго и Збонскаго были все-таки только единичныя явленія; они не повлекли за собою масы народа, которая—благодаря энергіи католической іерархіи польской—не рѣшилась на разрывъ съ Римомъ. Но гуситскія идеи все проникали въ Польшу, находили здѣсь приверженцевъ среди разныхъ слоевъ народа, и сохранились тамъ до конца XV и до начала XVI вѣка. Въ 1491—1492 гг. краковскій мѣщанинъ Шваипольтъ Фѣолъ, Нѣмецъ, извѣстный издатель церковныхъ словѣнскихъ книгъ, обвинялся въ ереси, именно что онъ считалъ возможнымъ спасеніе и въ другой „сектѣ“ внѣ католической церкви, что въ таинствѣ евхаристіи богъ не присутствуетъ, и что надо причащаться подъ обоими видами [1]).

---

[1]) О. Фѣолѣ см. Вишневскаго Historya literatury polskiéj III. 80, и монографію Эстрейхера (1867). Отреченіе Фѣола отъ ереси (1492 г.) см. въ Miscellanea Cracoviensia 1814, p. 78; его слова „profiteor, quod in sacro eucharistiac sacramento est verus deus, et quod communio sub una specie panis tantum est sufficiens populo christiano a[illegible] salutem“—указываютъ на радикалиную секту, которая отвергала т[illegible] нсубстанціацію („пикартовъ“), вѣроятно чешскихъ братьевъ (а не у[illegible] аквистовъ). Въ отреченіи Фѣола ничего не говорится о печатан[illegible] имъ церковныхъ словѣнскихъ книгъ въ Краковѣ (см. „Славяне“ II [illegible]72), и по этому мнѣніе Головацкаго (въ статьѣ о Фѣолѣ въ

Въ 1505 г. краковскій инквизиторъ судилъ такъ называемыхъ „яминковъ“—т. е. чешскихъ братьевъ отправлявшихъ богослуженіе въ „ямахъ“ — прибывшихъ въ Краковъ изъ Чехіи, и сжегъ ихъ старшинъ; а въ 1513 г. въ Сондчѣ обвинялся одинъ житель въ ереси [1]). Гуситскіе идеи исчезли наконецъ въ новыхъ ученіяхъ нѣмецкихъ, швейцарскихъ и французскихъ реформаторовъ, которыя распространились скоро тоже въ Польшѣ.

Важный у гуситовъ и позднѣйшихъ протестантовъ вопросъ о причащеніи подъ обоими видами интересовалъ—во время распространенія въ Польшѣ разныхъ протестантскихъ церквей—тоже католиковъ Поляковъ. Этимъ вопросомъ много занимался Андрей Фричъ Модревскій, и разбиралъ его уже въ 1549 г. въ двухъ разговорахъ, адресованныхъ чешскому пану Іоанну изъ Газенбурга, особенно же въ своемъ сочиненіи De republica emendanda; здѣсь онъ ссылается на Русскихъ и на Чеховъ, „нашихъ соплеменниковъ“, у которыхъ тоже міряне причащаются подъ обоими видами [2]). Польская шляхта католическая, во главѣ ея І. Тарновскій, краковскій кастелянъ и великій гетманъ коронный, требуя тогда (1555 — 1557) реформъ въ католической церкви, указывали именно на необходимость упраздненія целибата, замѣненія латинскаго языка польскимъ и причащенія подъ обоими видами, что̀ водится у Грековъ, Русскихъ, Болгаръ, Че-

---

Sitzungsberichte der k. Akademie d. Wissenschaften, Bd. 83), что эта дѣятельность Фѣола ставилась ему въ упрекъ тоже какъ „ересь“— совсѣмъ произвольно; Фѣолъ печаталъ словѣнскія книги для православныхъ Русскихъ и Волоховъ, и можетъ быть и для Болгаръ и Сербовъ, по комерческимъ соображеніямъ, какъ и другіе краковскіе Нѣмцы, Галлеръ, Віеторъ, Шарфенбергеръ и др. печатали книги латинскія и польскія.

[1]) Bukowski: Dzieje reformacyi w Polsce I. 54, 158. — Какіе-то haeretici (вмѣстѣ съ schismatici) встрѣчаются во второй половинѣ XV в. и въ Литвѣ; срв. J. Łukaszewicza Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie I. p. 1 (примѣчаніе).

[2]) По изданію 1554 г. стр. 286, по изд. 1559 г. стр. 310 [illegible] концѣ изд. 1554 (а въ изд. 1559 г. стр. 504) напечатаны тѣ два діа[illegible] 1549 г.

ховъ — утраквистовъ, у послѣднихъ съ разрѣшенія базельскаго собора. Даже епископы, холмскій Уханскій и краковскій Зебридовскій, стояли за причащеніе подъ обоими видами. Самъ король Сигизмундъ Августъ предложилъ папѣ ввести въ католической церкви Польши реформы, именно разрѣшить богослуженіе на польскомъ языкѣ, причащеніе подъ обоими видами уничтожить целибатъ, и созвать народный польскій соборъ. Папа однако отказалъ, и скоро всѣ такія требованія польскихъ католиковъ исчезли [1]).

Около половины XVI-аго вѣка является въ Польшѣ новая христіанская община, признающая то же ученіе какъ и лютеране и кальвинисты, но старшая: это единство чешскихъ братьевъ (jednota českých bratří, jednota bratrská). Чешскіе братья, преемники радикальныхъ гуситовъ, устроили свою церковную общину въ Чехіи во второй половинѣ XV-аго вѣка, и уже рано обратили свое вниманіе на христіанскую церковь восточную, православную, греческую, къ которой принадлежали тоже Славяне русскіе, болгарскіе и сербскіе. Съ этою православною церковью познакомились уже рано нѣкоторые чешскіе братья на мѣстѣ, путешествуя на Руси, въ Молдавіи и на балканскомъ полуостровѣ [2]). Чешскіе братья, исповѣдуя такъ называемое позже протестантское ученіе, не могли, конечно, и подумать о томъ, о чемъ думали одно время умѣренные гуситы утраквисты, т. е. о соединеніи съ православною церковью; но братья подумали о другомъ, о своей пропагандѣ среди католиковъ и православныхъ, особенно же Славянъ, Поляковъ и Русскихъ. Къ этому

---

[1]) Любовичъ: Исторія реформаціи въ Польшѣ 179—180, 346, его-же: Начало катол. реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ, 13, 61, и срв. „Славяне“ II. 553; W. Zakrzewski: Powstanie i wzrost reformacyi w Polsce, p. 95; Łukaszewicz: Dzieje kościołów wyznania helweckiego w dawnéj Maléj Polsce, p. 11. Замѣтимъ, что тогда (1564) папа и тридентскій соборъ разрѣшилъ чешскимъ утраквистамъ причащеніе подъ обоими видами. — Уханскій, какъ епископъ холмскій, зналъ хорошо православную русскую церковь, зналъ и словѣнскій языкъ; срв. „Славяне II. 550.

[2]) См. ниже отдѣлъ: Чехи и Русскіе.

ихъ поощряли сами нѣмецкіе реформаторы, съ которыми чешскіе братья вошли въ близкія сношенія. „Будьте вы апостолами народа чешскаго и славянсваго, я же съ своими будемъ апостолами нѣмецкими“ — сказалъ Лютеръ братьямъ Аугустѣ и Израэлю (1542); а Буцеръ уже раньше сказалъ брату Червенкѣ что чешскіе братья, посредствомъ своего славянскаго языка, могутъ служить болѣе распространеннымъ народамъ, чѣмъ Нѣмцы своимъ языкомъ [1]).

Такая пропаганда среди соплеменныхъ Поляковъ представилась чешскимъ братьямъ, когда они, послѣ чешскаго возстанія 1547 г., должны были выселиться изъ Чехіи. Они обратились въ землю „сродныхъ по языку Поляковъ“, какъ выражается исто-

---

¹) Это сообщаетъ великопольскій шляхтичъ кальвинистъ Іоаннъ Ласицкій въ своей исторіи чешскихъ братьевъ (De origine et rebus gestis fratrum Bohemorum), которую онъ написалъ, съ помощью С. Турновскаго и І. Благослава, въ 1570 г.; экземпляры этой исторіи посланы въ 1585 г. чешскимъ братьямъ для исправленія, а въ 1599 г. Карлу изъ Жеротина для изданія (см. письмо С. Турновскаго Жеротину у І. Лукашевича Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie II. 288). Гдѣ находится нынѣ полная рукопись этого сочиненія, неизвѣстно. Въ 1649 г. І. Коменскій издалъ въ Лешнѣ 8-мую книгу исторіи Ласицкаго (De ecclesiastica disciplina moribusque et institutis fratrum Bohemorum) съ нѣкоторыми отрывками изъ другихъ книгъ историческаго содержанія, въ подлинникѣ и въ чешскомъ переводѣ: Obraz jednoty českobratrské čili Łasitského historie o původu a činech bratří českých (новыя изд. чешскія въ Галле 1765, въ Прагѣ 1869).—Ласицкій, приводя слова Лютера, говоритъ, что онъ сказалъ братьямъ, чтобъ они были апостолами Чеховъ (apostoli Bohemorum); но Венгерскій (Systema historico-chronologicum ecclesiarum slavonicarum, 1652, p. 58) употребляетъ слова: Sitis vos apostoli gentis slavonicae. На такія слова Лютера ссылается тоже старшина братьевъ великопольскихъ, Симеонъ Ѳеофилъ Турновскій, въ своей проповѣди на съѣздѣ протестантовъ въ Торунѣ 1595 г.: „Wy w narodzie słwieńskim, ja z moimi w narodzie niemieckim bądźmy posłańca Krystusowemi“. (Kazania synodowe, 1599). — О сношеніяхъ Влачи (Flacius Illyricus) съ братьями см. „Славяне“ II. 293.

рикъ чешскихъ братьевъ [1]). Въ Польшѣ, именно Великой, единство чешскихъ братьевъ построило много „сборовъ“ (церквей), пріобрѣло себѣ много приверженцевъ, въ томъ числѣ нѣсколько знаменитыхъ панскихъ родовъ, изъ Остророга, изъ Лешна или Лещна (Лещинскихъ), изъ Кротошина (Кротоскихъ), Опаленскихъ, Маршевскихъ, Липскихъ и др., и заняло важное мѣсто въ рядахъ польскихъ некатоликовъ, наравнѣ съ лютеранами и кальвинистами. Одно время казалось, что и малопольскіе протестанты примкнутъ къ братской церкви, но это не состоялось, и они сдѣлались окончательно кальвинистами [2]). Чешскіе братья находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ остальными польскими протестантами, особенно съ малопольскими кальвинистами, собирались съ ними на разныхъ съѣздахъ, въ Козминкѣ, Пинчёвѣ, Сандомѣрѣ, Торунѣ и др., толкуя вмѣстѣ съ ними о дѣлахъ польскихъ протестантовъ вообще. Но эти ихъ съѣзды и союзы собирались и заключались только въ виду болѣе успѣшной борьбы протестантовъ съ усиливающимися католиками; въ одну протестантскую церковь съ одинаковою догматикою и одинаковымъ устройствомъ всѣ эти секты, братья, кальвинисты и лютеране, соединиться не могли, придавая своимъ разнымъ пустякамъ слишкомъ большое значеніе.

Чешскіе братья, живя и дѣйствуя въ Польшѣ, привыкли скоро къ польскому языку и стали на немъ говорить и писать. Въ польскихъ запискахъ чешскихъ братьевъ изъ перваго десятилѣтія ихъ пребыванія въ Польшѣ замѣтно еще вліяніе родного

---

[1]) Comenius: Historia fratrum bohem., 28. Одинъ чешскій братъ изъ г. Литомышля, въ письмѣ своему знакомому (1548), въ восторгѣ отъ встрѣчи съ Поляками въ Познанѣ: Tu přátely takové máme, lepši než někdy v Litomyšli, mezi nimiž jsme se zrodili. (Сни..къ въ земскомъ архивѣ пражскомъ).

[2]) См. J. Łukaszewicza: Wiadomość historyczna o dyssydentach mieście Poznaniu w XVI i XVII w. (1832), O kościołach braci czes..h w dawnéj Wielkiéj Polsce (1835, p. 38), Dzieje kościołów wyzna.. helweckiego w dawnéj Małéj Polsce (1853, p. 21); Н. Любовича: ..горія реформаціи въ Польшѣ, 141 и дальше.

ихъ языка чешскаго; видно, что они часто думали по-чешски а писали по-польски, да употребляли и нѣкоторыя чисто чешскія слова или чешскія слова на польскій ладъ; на пр. jednota braterska (только позже bratska, bracka), cerkiew, cerkiewny, gadka (въ смыслѣ чеш. hádka), jednanie (чеш. jednání), zalubić się (zalíbiti se), ponukać, uczedlnik, podstatny, zawierka - zawirka, pokrzyctwo (pokrytstvi), pry, próżny być czego (prázdný býti), zjewny, przedni, domacy, opatrowanie, fedrować, zględano (shledáno), wymianka (výminka), zbierka - zbirka, pieśniczka, dowierność (důvěrnost'), dziesiątek (desátek, поль. dziesięcina), rząd i kaźń św. cerkwie (řád i kázeň sv. církve), spis - spisek (т. е. сочиненіе), sakramenta albo świątości, umienie, skuszenie, и др. [1]). Еще на съѣздѣ въ Ксёнжѣ (1562), гдѣ обсуждался тоже вопросъ о польскомъ переводѣ чешско-братской конфесіи, Малополяне могли упрекать чешскихъ братьевъ въ недостаточномъ знаніи польскаго языка [2]). Это скоро измѣнилось, и чешскіе братья, происхожденіемъ Чехи, родившіеся еще въ Чехіи или въ Моравіи, но воспитанные и дѣйствовавшіе уже въ Польшѣ, стали писать по-польски не хуже Поляковъ, своихъ единовѣрцевъ. Въ Польшѣ

---

[1]) См. много такихъ братскихъ записокъ 1555—1560 гг. у I. Лукашевича: Dzieje kościołów wyznania helweckiego w dawnéj Małéj Polsce. Такъ на пр. въ 1556 г. оба чешскіе брата, Юрій Израэль и Рыба находились среди кальвинистовъ въ Малой Польшѣ; однажды „brat Jerzy zrównanie a zjednoczenie braterskie z ministrami ich w Koźminku uczynione, z czeskiego na polskie wykładał, a br. Ryba konfessyą braterską po polsku pisał (p. 70).. Brat Jerzy kazał (Малополянамъ) śpiewać pieśń z kancyonału braterskiego (p. 80).. Co się dotyczy spisów braterskich, niektóre posełają się tym (Малополянамъ), którzy nieco rozumieją po czesku, i którzy je téż radzi czytają, a ich już nie mało jest (p. 131)". На съѣздѣ въ Влодзиславѣ (1557) „każdy artykuł (со стороны чешскихъ братьевъ) z osobna prowadzon, a oni (Малополяне) wszystko pisali, a czego w czeskim języku zrozumieć nie mogli, po łacinie było dopełniono" (p. 179). Чешскимъ бр тьямъ, заботившимся столь о хорошемъ чешскомъ стилѣ, не нрав лась смѣсь польско - латинская въ проповѣдяхъ кальвинистовъ — . połowica słów polskich a połowica łacińskich (p. 68).

[2]) Любовичъ, Исторія реформаціи въ Польшѣ, 300.

дѣйствовали чешскіе братья, по происхожденію Чехи, Рыба (Рыбинскій), Черный, Червенка, Израэль, Рокита, С. Турновскій и др.; Рокита, отправляясь съ польскими послами въ Москву, мечталъ даже о пропагандѣ своего вѣроисповѣданія въ этомъ славянскомъ царствѣ [1]). Чешскіе братья Чехи въ Польшѣ въ своихъ сношеніяхъ съ чешскими братьями Поляками и другими протестантами съ начала употребляли свой родной языкъ чешскій, который дѣлался извѣстнымъ и многимъ Полякамъ. Вообще близкія отношенія чешскихъ и польскихъ протестантовъ, поѣздки Чеховъ въ Польшу, а Поляковъ въ Чехію и Моравію, употребленіе чешскихъ церковныхъ книгъ Поляками и польскихъ Чехами: все это способствовало распространенію чешскаго языка среди Поляковъ и польскаго среди чешскихъ братьевъ за границами Польши [2]).

Чешскіе братья въ Польшѣ, Чехи и Поляки, находились въ близкихъ сношеніяхъ съ своими единовѣрцами въ Чехіи и въ Моравіи. Такъ на пр. въ 1557 г. — разсказываетъ Ласицкій—великопольскіе паны Остророгъ, Кротоскій, Лещинскій, Томицкій и Маршевскій, наслышавшись много хорошаго о братьяхъ, отправились въ Моравію на синодъ слезанскій, и нашли все еще лучше, чѣмъ разсказывалось; они въ послѣдствіи часто восхваляли благочестіе, порядокъ, простоту, искренность, гостепріимство братьевъ. Ласицкій, проживши въ 1567 и 1571 гг. у братьевъ въ Прагѣ и Болеславѣ, очень ими восхищался и восклицаетъ: Чешская и моравская земля не знаютъ, какіе въ нихъ есть жи-

---

[1]) См. ниже отдѣлъ: Чехи и Русскіе.

[2]) Польскій переводъ чешско-братскаго канціонала, сдѣланный Вал. Брёзовскимъ, изданъ въ 1554 г. (въ Королевцѣ), катихизиса въ 1563 г. (въ Краковѣ); Іоаннъ Турновскій перевелъ съ чешскаго O powodu starszych bożych slug w Jednocie braterskiéj (1614, рукоп.); срв. тоже „Славяне" П. 154. На чешскій языкъ переведены нѣкоторыя сочиненія великопольскаго брата, Як. Немоевскаго, постила кальвиниста Григорія изъ Жарновца, и др. Братскій канціоналъ на чешскомъ языкѣ изданъ въ 1561 г. въ Шамотулахъ.

тели [1]). Польскіе протестанты встрѣчались съ чешскими братьями въ Чехіи и въ Моравіи, на синодахъ братьевъ, отправляемыхъ во второй половинѣ XVI в. въ Липникѣ, Слезанахъ, Преровѣ, Болеславѣ, гдѣ присутствовали часто депутаты польскихъ братьевъ и тоже кальвинистовъ, и гдѣ обсуждались тоже дѣла польскихъ братьевъ и кальвинистовъ, при чемъ Поляки говорили на своемъ языкѣ и читали свои статьи по-польски. Съ другой стороны и братья изъ Чехіи и Моравіи бывали у своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ [2]). Польскіе братья посылали свою молодежь въ Чехію и Моравію на воспитаніе, а съ другой стороны отправлялись и чешскіе воспитатели въ Польшу; такъ на пр. въ 1608 г. ректоръ пражскаго университета Мартынъ Бахачекъ послалъ чешскаго воспитателя протестантскому пану польскому Стадницкому [3]).

Въ слѣдствіе распространенія протестантизма въ Польшѣ польскіе некатолики стали смотрѣть на чешскую реформацію XV-го вѣка, на гуситство, совершенно иначе, чѣмъ ихъ предки. Кальвинистъ Станиславъ Сарницкій, говоря о зачаткахъ гуситства въ Чехіи, радуется, что опозиція Риму началась раньше въ языкѣ славянскомъ, чѣмъ въ нѣмецкомъ (Colloquium Piotrkowskie 1565) [4]). Другой кальвинистъ, Кипріанъ Базиликъ (Historya

---

[1]) Ласицкаго исторія братьевъ въ чешскомъ переводѣ I. Коменскаго, по изд. 1869 г., стр. 225, 236. Чистый нравственный характеръ жизни братьевъ дѣлалъ вообще на многихъ глубокое впечатлѣніе; срв. на пр. восторженные отзывы о братьяхъ католика Фрича Модрсвскаго (Commentarii de republica emendanda, ed. 1554, p. 345), и протестанта П. Вергерія въ письмѣ Стан. Остророгу 1558 г. (Quellen zur Geschichte der böhm. Brüder, ed. Gindely, Wien 1859, p. 216, in Fontes rerum austriac., Diplomataria et Acta, t. XIX).

[2]) Подробности въ сб. Dekrety jednoty bratrské, vyd. Gindely (v Praze 1865). Связи польскихъ антитринитаріевъ съ моравскими анабаптистами были очень непродолжительны; срв. Н. Любович Начало катол. реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ, 156.

[3]) Časopis Českého Musea 1845, p. 624.

[4]) См. „Славяне" II. 129.

o srogiem prześladowaniu kościoła bożego, z łacińskiego, 1567), разсказывая обширно о І. Гусѣ, называетъ его „святымъ человѣкомъ"; подобно тому и чешскій братъ, великопольскій шляхтичъ Яковъ Немоевскій, полемизируя (1569) съ іезуитомъ Гербестомъ, защищаетъ Гуса противъ обвиненія въ ереси, и называетъ его человѣкомъ набожнымъ, добрымъ и ученымъ. Третій кальвинистъ, великопольскій шляхтичъ Іоаннъ Ласицкій, въ своей исторіи чешскихъ братьевъ отнесся съ глубокою симпатіею къ этой гуситской церкви [1]). Старшина чешскихъ братьевъ, Симеонъ Ѳеофилъ Турновскій, происхожденіемъ Чехъ а воспитаніемъ и дѣятельностью уже Полякъ, въ своей книгѣ Zwierciadło nabożeństwa chrześciańskiego w Polszcze i Litwie (1594, потомъ 1604), разсказываетъ о зачаткахъ христіанства у Поляковъ, которое они приняли отъ своихъ братьевъ Чеховъ, о гуситствѣ и его распространеніи въ Польшѣ; равнымъ образомъ какъ христіанство прибыло въ Польшу изъ Чехіи, такъ и недавно прибыли въ Польшу чешскіе братья [2]). Церковною исторіею Чеховъ и Поляковъ, и вообще Славянъ, преимущественно реформаціею, которая перешла „со временъ апостоловъ черезъ страны славянскія въ нѣмецкую", занимался ученый священникъ братской церкви великопольской, Полякъ Андрей Венгерскій († 1649),

---

[1]) Ласицкій интересовался вообще религіозными вопросами, и написалъ De Russorum Moscovitarum et Tartarorum religione (Spirae 1582), De diis Samogitarum caeterorumque Sarmatarum; item de religione Armeniorum (Basileae 1615).

[2]) О гуситствѣ говоритъ Турновскій тоже въ своемъ соч. Obrona konsensu sandomierskiego (рукопись); выписки изъ него см. у І. Лукашевича O kościołach braci czeskich w dawnéj Wielkiéj Polsce; срв. тоже „Славяне" II. 553. Католическій священникъ Март. Лащъ (Tworzydło) въ отвѣтѣ na Żwierciadło Турновскаго (Okulary, 1594) конечно ругаетъ Гуса и гуситовъ и „разбойника" Жижку (котораго не умѣлъ даже назвать правильно: Zyszka); Жижка-де „папа" основатель вѣры еретиковъ, и онъ послалъ еретическихъ минисовъ съ своимъ барабаномъ (на которомъ натянута-де его кожа) Польшу, и на немъ „wy tu w Polszcze bębnicie, na wojnę trąbiąc, ycye, rebellye strojąc a na rozlanie krwi chrześciańskiéj wyzyjąc".

и написалъ замѣчательное для тѣхъ временъ сочиненіе Systema historico - chronologicum ecclesiarum slavonicarum (1652, потомъ 1679) [1]).

Въ Польшѣ чешскіе братья нашли вторично убѣжище послѣ бѣлогорской битвы. Лешно въ Великой Польшѣ сдѣлалось ихъ средоточіемъ, и чешская братская община съ своими чешскими священниками сохранилась здѣсь — рядомъ съ польскою и нѣмецкою — до второй половины XVII вѣка. Въ Лешнѣ дѣйствовалъ І. А. Коменскій, печатались чешскія книги, отправлялись синоды. Между братьями чешскими и польскими завязались вновь тѣсныя сношенія, Чехи изучали польскій языкъ а Поляки читали и чешскія книги [2]). Кромѣ того чешскіе братья встрѣчались и съ другими польскими и литовскими протестантами. Такъ на пр. на съѣздѣ этихъ протестантовъ въ Влодавѣ (1634) присутствовали тоже со стороны чешскихъ братьевъ І. Коменскій и А. Гартманъ; здѣсь между прочимъ упомянулось о томъ, что великопольскіе братья составляютъ съ чешскими одно тѣло, и І. Коменскій и Гартманъ, по просьбѣ всѣхъ собравшихся протестантовъ, говорили проповѣди на чешскомъ языкѣ; этимъ Поляки и Литовцы хотѣли выразить свое почтеніе къ братской церкви, засвидѣтельствовать единодушіе всѣхъ протестантовъ, которые съ чешскими братьями суть и должны быть одно [3]). Въ Лешнѣ Коменскій, огорченный вестфальскимъ миромъ, который Чехамъ протестанстамъ не принесъ никакой пользы, издалъ свое трогательное завѣщаніе умирающей матери единства братскаго (Kšaft umírající matky Jednoty bratrské, 1650), въ которомъ она между прочимъ обращается и къ своей дочери, къ единству польскихъ братьевъ, благодаритъ за принятіе ею прогнанныхъ изъ Чехіи дѣтей, и увѣщеваетъ своихъ приверженцевъ изъ народовъ польскаго, чешскаго и моравскаго, соблюдать старинные чистые по-

---

[1]) См. „Славяне“ II. 130.

[2]) Въ Лешнѣ дѣйствовалъ нѣсколько лѣтъ (1629—1633) братскій священникъ, Полякъ Андрей Венгерскій.

[3]) Dekrety jednoty bratrské, 283—285, J. Łukaszewicza Dziej kościołów wyznania helweckiego w Litwie II. 254.

рядки. „Опомнитесь сыны“—обращается она къ Полякамъ — раньше чѣмъ Господь и васъ также поразитъ, предупредите дѣйствительнымъ исправленіемъ и возобновленіемъ во всемъ добромъ его гнѣвъ, чтобъ онъ не сдвинулъ и вашего подсвѣчника съ его мѣста“. [1]).

Со временемъ чешскіе братья въ Великой Польшѣ ополячились. Ряды польскихъ братьевъ, равнымъ образомъ какъ и другихъ польскихъ протестантовъ, все больше рѣдѣли, такъ что въ XVIII в. они составляли уже незначительную часть польскихъ „дисидентовъ“. Изъ Лешна получили и берлинскіе чешскіе братья послѣдняго своего священника Славянина, Поляка Іоанна Эльснера, который здѣсь дѣйствовалъ въ 1747—1761 годахъ. Берлинскіе чешскіе братья, прося у Поляковъ священника, прибавили: „Какъ нѣкогда Чехія помогала Польшѣ, такъ пусть нынѣ помогаетъ Польша Чехіи“. Эльснеръ очень скоро изучилъ чешскій языкъ, и издавалъ потомъ въ Берлинѣ и Галле чешскія братскія книги, библію, канціоналъ, конфесію и др. [2])

Нынѣшніе литературные *языки чешскій* и *польскій* не представляютъ собою всѣхъ фонетическихъ, граматическихъ и лексикальныхъ особенностей всѣхъ нарѣчій и говоровъ, на какихъ говорятъ разныя племена по Лабѣ, Моравѣ, Вагу, Одрѣ, Вислѣ; многія такія особенности не вошли въ литературные языки, и живутъ только въ устахъ менѣе образованнаго населенія рядомъ съ книжными формами. Долго до созданія одного литературнаго языка чешскаго разныя племена по рѣкамъ Лабѣ, Волтавѣ и Огрѣ говорили на своихъ особыхъ нарѣчіяхъ и говорахъ, Чехи около Праги, Хорваты подъ Кръконошами, Зличане на востокѣ отъ Чеховъ, Дудлебы на верхней Волтавѣ, Лучане по Огрѣ, Лютомѣричи и Дѣчане на сѣверѣ, разныя племена по Моравѣ и подъ Карпатами, и др. Не смотря однако на такія діалектическія

---

[1]) О дѣятельности Коменскаго въ Лешнѣ см. Zoubek: Život Jana Amosa Komenského (v Praze 1871).

[2]) См. біографію Эльснера въ чешской энциклопедіи Slovník Naučný. Эльснеръ умеръ въ 1782 г. въ Лешнѣ какъ старшина братской церкви.

особенности всѣ эти племена Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ говорили на одномъ языкѣ, который отличался отъ языка сосѣднихъ Ляховъ, отъ нарѣчій и говоровъ племенъ на сѣверномъ склонѣ Карпатовъ, по Вислѣ и Одрѣ, по средней и нижней Лабѣ, Хорватовъ и Мазовшанъ, Слязанъ (по рѣкѣ Слязѣ) и Полянъ, Поморянъ, Лютичей и Ободричей. Племена полабско-лужицкихъ Сербовъ составляли какъ-бы переходъ отъ Чеховъ къ Ляхамъ, и сербскій языкъ съ своими нарѣчіями держалъ и держитъ середину между языками чешскимъ и ляшскимъ. Такъ на пр. въ нарѣчіяхъ Ляховъ, съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ, господствуютъ носовые звуки, между тѣмъ какъ въ нарѣчіяхъ Сербовъ, Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ носовыхъ звуковъ—въ историческое время — не было и нѣтъ [1]). Чехи, Моравяне и Словаки говорили, какъ и Ляхи, *г* (g, а не h): Praga, Godonin, Gron, а только съ XIII в. Praha, Hodonin, Hron (въ латинскихъ и нѣмецкихъ формахъ однако осталось g: Praga—Prag, Göding, Gran); h стали говорить и Сербы въ верхней Лужицѣ (Мильчане), между тѣмъ какъ Сербы въ нижней Лужицѣ (Лужичане) сохранили древнее g; Чехи и Моравяне, Сербы, восточные Ляхи (Поляки) стали съ XIII в. мягкое *рь* произносить ř (rz), между тѣмъ какъ Словаки и западные Ляхи сохранили r, и пр.

Порубежныя западно-славянскія нарѣчія составляютъ переходъ отъ одной языковой групы къ другой, показываютъ разныя особенности своей и сосѣдней групы, сливаются какъ бы въ новую групу, находящуюся въ серединѣ между обѣими главными групами, не смотря на то, что литературный языкъ, раздающійся въ церкви, школѣ, присутственныхъ мѣстахъ, въ устахъ интелигенціи, старается сгладить такія разныя діалектическія особенности. Если въ Чехіи, въ слѣдствіе ранней политической

---

[1]) Носовые звуки сохранились въ латинской формѣ имени Venceslaus (нѣм. Wenzel), Вацеслав, Váceslav, Václav, въ нѣмецкомъ названіи рѣки Angel, чеш. Úhlava (Ѫглава), въ старомъ названіи рѣки Лужницы—Lunsenize (XII в.), въ именахъ князей IX в Святослава (Sventislaus) и Святополка (Sventopulcus) и др. Но все это рѣдкія исключенія.

и умственной централизаціи выходившей изъ Праги, уже рано значительно сгладились діалектическія особенности, то онѣ въ Моравіи и въ верхней Угріи среди Словаковъ сохранились гораздо больше, не смотря на то, что въ Моравіи чешскій литературный языкъ принятъ съ самаго его водворенія въ литературѣ съ XIII—XIV вѣка, а у Словаковъ съ XV вѣка, со временъ распространенія гуситства въ сѣверной Угріи. Такъ на пр. сѣверовосточное моравское нарѣчіе „ляшское“ („Ляховъ“) на рубежѣ польско-слезскихъ нарѣчій опольскаго и тѣшинскаго, показываетъ много общихъ чертъ съ польскими нарѣчіями; въ ляшскомъ нарѣчіи — удареніе польское на предпослѣднемъ слогѣ, различаются *и* и *ы*, *л* и *ль*, кое-гдѣ цекается (cicho—ticho, pleść-plest'), смягчиваются *не*, *де* или *дзе*, *те* или *це* (ňeset'e, ved'et'e, ňeseće, vedźeće), сохраняется неперегласованное *а* (daj), *у* (cuzí), и пр. Ляхи, какъ и нѣкоторые другіе Моравяне (Валахи, Словаки), употребляютъ слова общія съ польскими, или прямо заимствованныя изъ польщизны, которыхъ въ нарѣчіяхъ чешскихъ, и западно-моравскихъ нѣтъ; на пр. bačit'-bačić (поль. baczyć, чеш. pozorovati), brać slub (ślub, vdavky), břidký (brzydki, ošklivý), břud (brud, špína), čisnut', ćisnuć (cisnąć, tlačiti), čub (czub, chochol), čudný (cudny, divný), gavał (kawał, kus), hałas (hałas, hlomoz), chrobak (chrobak, červ), chudý (chudy, hubený), koval (kowal, kovář), kuzňa (kuźnia, kovárna), łaňcúch (łańcuch, řetěz) ostatní (ostatni, poslední), paskudný (paskudny, rozpustilý), polovać (polować, honiti), psuć (psuć, kaziti), řadić (п. слез. rządzić—hovořiti, перешло и въ польской формѣ въ ляшское нарѣчіе: řondzit',-ić, řundit'), stav (staw, rybník), těžar (ciężar, tíže), záchod (zachód, západ), и пр. [1]).

---

[1]) Bartoš: Dialektologie moravská. I. Nářečí slovenské, dolské, valašské a lašské (v Brně 1886). Опавская земля, часть Моравіи рв. H. Jireček: Slovanské právo II. 12), заселена была искони чешко-моравскимъ народомъ; срв. Prasek: Čeština v Opavsku (1877); озраженія Быстроня (Prace filologiczne II. 788) неосновательны. Люопытно, что нѣкоторыя слова „ляшскаго“ нарѣчія имѣютъ значеніе е западнославянское, а юго-и восточно-славянское, на пр. břeh

Сосѣди моравскихъ „Ляховъ“ и „Валаховъ“, польскіе Слазаки (по-чеш. Слезаки) [1]) въ областяхъ опольско-ратиборской и тѣшинской (здѣсь тоже „Ляхи“ въ равнинахъ, и „Валахи“ и „Горали“ въ горахъ) употребляютъ нѣкоторыя формы, которыя приняты неорганически изъ сосѣднихъ нарѣчій чешско-моравскихъ (*nej*lepszi, bod*ej*, wystrzyg*nul*, wiesieli, поль. wesele) и много словъ чешско-моравскихъ: chłap, hławny, hned, kniez (т. е. поль. ksiądz), howado, hołka, bedliwy (п. troskliwy), hledać (п. szukać), zieli (kapusta), chasa (czeladź), vajca (jaja), strzibro (srebro), porzad (ciągle), и пр. Подобно тому и ближайшіе сосѣди Словаковъ, польскіе карпатскіе горцы (Горали и Подгаляне), приняли много словъ словенскихъ, на пр. hola, hala—голая гора (оттуда: Podhalanie), hladzić (hleděti), hned, szuhaj, Uhry (Węgry), и пр. Въ словенскихъ пѣсняхъ, которыя польскіе горцы поютъ на свой ладъ, осталось много словенскихъ словъ непередѣланныхъ по-польски, на пр. hora, dub, rubać, ruczki, su, и др. [2]).

(холмъ), hora (лѣсъ), ikro (икра, поль. łytka, иногда тоже ikra, чеш. lýtko), noša (ноша), úpek (упекъ), lehčina (легкія, ч. plíce, п. płuce), и пр. Замѣтимъ, что „Ляхами“ называются тоже польскіе жители равнинъ въ тѣшинской землѣ (въ Карпатахъ живутъ Горали и Валахи) и въ западной Галиціи на сѣверъ отъ Вадовицъ и Мысленицъ (а въ Карпатахъ: Горали, Подгаляне).

[1]) Употребляемъ и въ русскомъ языкѣ чешскую форму Слезія-Слезаки, извѣстную тоже въ древнерусскомъ языкѣ (срв. „Славяне“ II. 458), а не латинскую: Силезія, Силезцы, которая основывается на чешской (Slezsko), а не на польской (Ślęzanie, Ślęzacy, Śląsk, Śląsko позже Szlązacy, Szląsk); форма Slesia, Silesia, употреблялась въ самой Слезіи.

[2]) Польскіе горцы живутъ не только на сѣверномъ склонѣ Карпатовъ (въ Галиціи), а тоже на южномъ ихъ склонѣ въ сѣверныхъ предѣлахъ угорско - словенскихъ столицъ (округовъ) тренчинской, оравской, липтовской, спишской, числомъ 84.000; они говорятъ п польски, а въ церкви и школѣ слышатъ словенскій языкъ. С о нихъ Шемберы Dialektologie česko-slovenská, его-же статью въ Časopis Česk. Mus. 1876, p. 413; срв. тоже Listy filolog. 1885, p. 4(и замѣтку въ варшав. журналѣ Wisla 1888 (II. 831).

Въ польскихъ нарѣчіяхъ употребляется много словъ, которыя не вошли въ нынѣшній польскій литературный языкъ, но употреблялись въ древнепольскомъ языкѣ и употребляются тоже въ чешскомъ литературномъ языкѣ. О „заимствованіи“ такихъ словъ у Чеховъ можно говорить только въ такомъ случаѣ, если эти слова своею непольскою формою указываютъ на чешско-словенское происхожденіе, какъ на пр. hola, hala—у карпатскихъ польскихъ горцевъ, взятое отъ Словаковъ (по-польски было бы goła—голая гора), или слезско-тѣшинское hołka (дѣвушка, чеш. holka), что встрѣчается въ великопольскомъ нарѣчіи въ правильной формѣ gołka [1]). Если Слезаки называютъ чиновниковъ urzednicy (безъ носоваго звука), то это чешское úředníci (по-польски urzędnicy). Но обыкновенно такія общія Чехамъ и Полякамъ слова — общее достояніе славянское, хотя бы такія слова не употреблялись ни въ древнемъ ни въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ польскомъ; такъ на пр. слово cesta (дорога, путь), извѣстное польскимъ горцамъ и Слезакамъ, можетъ быть заимствовано изъ чешскаго, но можетъ быть и старинное слово польское, какъ оно извѣстно тоже Словѣнамъ (цѣста), Хорватамъ и Словенцамъ (cesta). Въ польскихъ нарѣчіяхъ употребляется слово dźwierze (чеш. dveře, двери), дрполь. dźwierze, въ нын. польскомъ языкѣ drzwi, но: odźwierny. Приведемъ здѣсь нѣсколько словъ, употребляемыхъ въ разныхъ польскихъ нарѣчіяхъ, но не въ литературномъ польскомъ языкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстныхъ въ чешскомъ литературномъ языкѣ. У *Слезаковъ* [2]): dźwiérze - dwierzy (drzwi, dveře, дрполь. dźwierze), swaczyna (podwieczorek, svačina), dziwy (dziki, divý), błecha (pchła, blecha), zwon (dzwon, zvon, дрполь. zwon), dąga (tęcza, duha), dziedzina (wieś, dědina), łoni (przeszłego roku, loni), łacny (tani, laciný), niewiasta (panna młoda, nevěsta), kłobuk (kapelusz, klo-

---

[1]) Срв. въ одномъ слезскомъ некрологѣ XII—XIII вв. (Zeitschrift für schles. Geschichte X. 438): Golca famula.

[2]) Первое слово въ скобкахъ—польское, второе—чешское или словенское.

bouk), szaty (ubranie, šaty, дрполь. szaty), ujec (wuj, ujec), żałoba (skarga, žaloba, дрполь. żałoba), szczuka (szczupak, štika), и пр. У *польскихъ горцевъ* въ Карпатахъ: brusić (ostrzyć, brousiti), dźwierze, chudobny (ubogi, chudobný), jar (wiosna, jaro), jedla (jodła, jedla - jedle), latoś (tego roku, letos), łoni (przeszłego roku, loni), luto mi (żal mi, líto mi), pastwa (pasza, дрполь. pastwa, чеш. pastva), otawa (potraw, otava), potwora (potwór, potvora), smrek (świerk, smrk), sądek (beczka, soudek, дрполь. sąd, ssąd), pełć (tratwa, plt', плотъ), и пр. [1]). У *Малополянъ* (въ земляхъ краковской, сандомѣрской, келецкой): latoś, łoni, dźwierze, szaty, giździć (paskudzić, hyzditi), gościniec (gospoda, hostinec), gospodzki (właściciel gospody, hospodský), zdarny (zdatny, zdárný), niezdara (niezdatny, nezdara), jak się patrzy (jak się należy, jak se patří), jagoda (poziomka, jahoda), ścibło (źdźbło, steblo), iścizna (gotówka, дрполь. iścina, iścizna, чеш. jistina), pradło (bielizna, prádlo), siąg (siążeń, sáh), na ręby (na wywrot, na ruby), dufać (ufać, doufati), modry (błękitny, modrý), szwiec (szewc, švec), kraj (brzeg, kraj), kapka (kropla, kapka), формы: je (jest), jedla, pieron (piorun), wiesna (wiosna), dziełać (działać=robić, чеш. dělati), buog, buoginka (dziwożona), twuoj, и пр. [2]). У *Великополянъ* и *Куявянъ:* kłobuk, latoś, łoni, pastwa, szwaczyna (swaczyna), dźwierze, kobyłka (polny konik, kobylka, дрполь. kobyłka), paduch (złodziej, padouch), siewierz (północ, sever), kierz (krzak, keř), ruchno (ubranie, дрполь. rucho, чеш. rúcho, roucho), miech

---

[1]) Общи горцамъ польскимъ и словенскимъ слова: gunia—húňa (верхній плащъ), kierpce - krpce (обувь), kabat (сюртукъ), salaš (избушка), baca - bača (начальникъ овчаровъ), obuszek (палка), и др. Карпатскіе горцы знаютъ слова: cesta (путь), koliba (изба), šater (шатеръ), vatra (огонь), živina (скотъ), skryzal (скрижаль), извѣстныя и южнымъ Славянамъ; слово vatra знаютъ и Куявяне, živina—Мазуры.

[2]) Если кое-гдѣ въ Малой Польшѣ говорятъ chybaj (т. е. precz рус. пошелъ!), то это чешское: hybaj, hybej! (повелит. накл. отъ hýbati); также и djos (чортъ, idź do kroć djosów) изъ чешскаго ďas (děsný, děsiti); впрочемъ В. Потоцкій (XVII в.) знаетъ слово dyasel (чортъ).

(worek, měch), modrak (bławatek, modrák), rębу i lice (strona odwrotna i naczelna, ruby i líce), ściernisko (rżysko, strnisko), niedziela (tydzień, neděle), zwolna (powoli, zvolna), gołka (dziewczyna, holka), chutnie (bardzo usilnie, chutě), cwałem jeździć (szybko, cválem), и пр.; формы mietła, wiesło, siestra (тоже дрпольскія, чеш. metla, veslo, sestra, нын. поль. miotła, wiosło, siostra). У *Мазуровъ* (Мазовшанъ): prowoz (powróz, provaz), doma (w domu, doma), naziem (na ziemię, nazem), kowany (kuty, kovaný), dokazać (dowodzić, dokázati), latoś, łoni, ostrow (wyspa, ostrov, также дрполь.), podobać się (podobnym być, podobati se), polica (półka, police), oddawać—oddawiny (ślub, oddávati—oddavky, кашуб. zdawac), pomazanka (chleb z masłem, pomazanka), zimno (febra, zimnice), panna (źrenica, panenka, срв. лат. pupilla), od (przez, od), je (jest, je) и пр. У *Поморянъ* и *Кашубовъ*: dwiérze, kłobuch, ic (т. е. ić, поль. iść, ч. jíti), jeli (jechali, jeli), jigo (jarzmo, jho), klin (łono, klín: matka trzyma dziecko na klinie), lubawy (chudy, libový, о мясѣ), miedwiédz (niedźwiedź, medvěd), niekara—niekarańc (swawolny, bez karności, nekáraný), niezbednik (hultaj, nezbedník), łeż (kłamstwo, lež), nogawice (spodnie, nohavice), paczyna (wiosło, opačina), pózdny (późny, pozdný), ruchna (множ. ч., ubranie, roucho), skorznia (obuw, дрполь. skornia, дрчеш. skorně,škorně), steblo (źdźbło, steblo), wietew (gałąź, větev), zrok (wzrok, zrak), zwon (dzwon, zvon), żdac (czekać, дрполь. и дрчеш. żdać—ždáti), и пр. [1]).

Фонетика польскаго языка съ теченіемъ времени существенно не измѣнилась, между тѣмъ какъ фонетика чешскаго языка подвергалась нѣкоторымъ важнымъ измѣненіямъ. Долгія гласныя (á=aa), существующія въ чешскомъ языкѣ до сихъ поръ, употреблялись въ польскомъ еще въ XV в. (waas, meego, grzechoom), и употребляются нынѣ еще въ кашубскомъ нарѣчіи и въ слезскихъ говорахъ. Потомъ онѣ исчезли или скорѣе измѣнились въ такъ назыв. наклонныя *á*, *é*, *ó*. Гласная *á*—среднiй звукъ между *a* и *o*, существуетъ только въ народныхъ говорахъ.

[1]) Списокъ трудовъ по польской діалектологіи (до 1885 г.) см. въ сборникѣ Prace filologiczne (Warszawa 1885, I. 663).

Гласная *é* переходитъ въ *i* (mléko—mliko, какъ произносится тоже чешское mléko—mlíko); оттуда происходитъ нынѣшнее правописаніе словъ sér, széroki, pastérz, cztéry, tém, которыя писались въ древнепольскомъ (какъ и по-чешски) syr, szyroki, pastyrz, cztyrzy, tym [1]). Гласная *ó* переходитъ въ *ú* (bóg=búg, boga), какъ и въ чешскомъ языкѣ (bóh—buoh—bůh, boha); въ одномъ малопольскомъ говорѣ, около Дзикова, *ó* произносится какъ *uo*: buog, buoginki, kruolowa, swuoj, obrzymuow (olbrzymów), Dzikuow; срв. кашубское kruéwa (krowa), nuéga (noga). Такія формы: buog, twuoj, wuola, Żydaczuow, skutkuow, встрѣчаются изрѣдка въ нѣкоторыхъ польскихъ памятникахъ XIV—XVI вв.; еще Лука Горницкій, въ польской орѳографіи (1594) [2]), предлагаетъ и писать *uo* (обѣ буквы соединены черточкою) вмѣсто *ó*: buog вм. bóg. Такое же измѣненіе *ó* въ *uo* существовало и въ чешскомъ языкѣ XIV—XVI вв.: buoh, puojde, а позже, съ XVI в., bůh, půjde (гдѣ *o* поставлено надъ *u*); *uo* встрѣчается тоже въ нѣкоторыхъ словенскихъ говорахъ (vuola, даже puajdu). Нѣтъ никакой надобности, приписывать древне-польское *uo* чешскому вліянію [3]).

Носовые звуки господствуютъ во всѣхъ ляшскихъ нарѣчіяхъ съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ, ą (an), ę, ǫ (пишется нынѣ ą), į. Но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются слова, въ которыхъ, вопреки правилу, носовой звукъ замѣненъ чистымъ; такъ на пр. въ польскихъ и полабскихъ географическихъ названіяхъ Łuczyca, Ługi, Pałuki, Lucie, рядомъ съ Łęczyca, Łęgi, Łączany, Lunkini; въ старинныхъ knese, knesicz, kneze graniza, cnasi damberowe, kneginiz, knaginice, гдѣ надо ожидать носо-

---

[1]) Срв. тоже моравско-ганацкое и кашубское произношеніе ы какъ э: rebe (ryby), weknąc (wyknąć), что иногда встрѣчается тоже въ нѣкоторыхъ дрпольскихъ памятникахъ.

[2]) См. „Славяне", II. 149.

[3]) Подобное тому и въ древнесербскомъ языкѣ, особенно въ босенскомъ нарѣчіи, встрѣчаются формы: вуок (вук), пуок (пук въ говорахъ хорут.-словенскихъ: buog - boga, boug - boga, для muož - moža. Малорусы и Бѣлорусы городенской губерніи говорятъ тоже: пуойде, пуойдзе.

вой звукъ (kniądz, ksiądz, полаб. tgenangs). И такъ, отсутствіе носоваго звука въ польскихъ словахъ встрѣчается, хотя очень рѣдко, уже рано, что́, конечно, нельзя еще приписывать непремѣнно вліянію чешскому или русскому. Въ концѣ словъ носовые звуки часто теряются, и на пр. mną, ulicę произносится какъ mno, ulice, и по этому и правописаніе и произношеніе словъ zasie (zaś), przecie, возникшія изъ zasię, przecię (przedsię) — не нужно еще приписывать чешскому вліянію. Въ кашубскомъ нарѣчіи носовые звуки и въ серединѣ словъ переходятъ иногда въ чистые, на пр. rzydzec (rządzić), zajikała (zająkała), wic (więc), zajic (zając), что́ вполнѣ совпадаетъ съ чешскимъ произношеніемъ тѣхъ словъ: řídíti, zajíkala, víc, zajíc, между тѣмъ какъ здѣсь о чешскомъ вліяніи и подумать нельзя. Иногда встрѣчаются двѣ формы того же самаго слова въ одно и то же самое время, съ звукомъ носовымъ и чистымъ, въ значеніи томъ же самомъ или различномъ: это надо объяснить вліяніемъ чешскимъ и отъ части и русскимъ; такъ на пр. smętek, smęcić—smutek, smucić, chęć, chętny, chętliwy—chuć, chutliwy, chutność, poruczyć, porucznik (поручикъ)—ręczyć, poręcznik (въ слезскомъ нарѣчіи то что поль. opiekadlnik—opiekun, чеш. poručník), rucznica (ружье), rozpuk, rozpuknąć—rozpęknąć, kusy—kęsy (кашуб. на пр. kęsy ubior, чеш. kusý), łuk, но obłąk. Нѣкоторыя слова употребляются нынѣ безъ носоваго звука, между тѣмъ какъ въ древнепольскомъ языкѣ въ этихъ словахъ встрѣчается носовой звукъ; такъ на пр. нын. sławetny произносилось еще въ XV в. sławętny (срв. имя Sławęta, Sławęcice), kęsy (XVI—XVII в.) рядомъ съ kusy, żaden—żądny, niżądny (nullus) еще въ XV—XVI в., uczestnik (но: uczęścić, uczęstność)—uczęstnik (въ XIV—XVI вв.), łuk—łęczysko, łęczyszcze (XIV—XV вв.), rzemiesło, rzemiosło, rzemieślnik—rzemięsło, rzemięślnik (XV—XVI в.), zubr (ошибочно żubr)—ząbr (еще въ XVI в., и срв. названія Zambrów, Zembrów, Zembrzycki), [1]). Встрѣчаются примѣры, что болѣе древняя форма

---

[1]) Поль. gusla (колдовство) и guslnik вѣроятно изъ чеш. kúzla kuzelník (это изъ joculator, cauculator, jongleur, gaukler, по-чеш. tokajklér - kejklíř, поль. kuglarz), а не отъ gęśli (гусли).

правильная безъ носоваго звука, а новая съ неправильнымъ носовымъ; такъ на пр. старое miedzy—нов. między, ст. szedziwy (чеш. šedivý, сѣдой)—нов. sędziwy, szędziwy, неправильныя mięszkanie, wnęk (XVI в.) и нын. mieszkanie, wnuk. Польское nadra, zanadrze (sinus) вѣроятно чешскаго происхожденія (ňádra, záňadří, вѣроятно jádra, чтó по-польски было бы jądra); поль. niezbedny, niezbednik—формою и значеніемъ (protervus, petulans) чешское nezbedný, nezbedník, отличается отъ niezbędny (nie zbyć) —необходимый, хотя обѣ формы одного происхожденія. Нѣкоторые польскіе писатели XV—XVI вв. употребляютъ иногда вмѣсто польскаго Węgry, Węgrzy, чешско-словенскую форму Uhry, Uhrzy, uherski, или Wuhry, Wuhrzy, wuherski, рядомъ съ польскою; такъ на пр. янычаръ Константиновичъ, неизвѣстный авторъ книжки Powieść o założeniu klasztora na Łyséj Gorze, Орѣховскій и Пашковскій [1]).

Гортанное *г* (g) свойственно всѣмъ ляшскимъ нарѣчіямъ, между тѣмъ какъ въ нарѣчіяхъ чешско-словенскихъ и западно-русскихъ господствуетъ *h*. По этому если въ польскихъ словахъ встрѣчается *h*, то такія заимствованы изъ чешскаго или западнорусскаго; это заимствованіе становится еще болѣе яснымъ, если сопоставить съ такими словами нынѣшняго литературнаго польскаго языка слова древнепольскія или діалектическія съ g, на пр. hasło (чеш. heslo)—godło, ohyda, ohydny (др. ohyzny), ohydzić (чеш. ohyzda, ohyzdný, ohyzditi)—діал. краков. и тѣшин. gizd, giździć (paskudzić), hańba, haniebny—gańba, ganiebny, gańbić (дрполь.), hardy, hardzieć (ч. hrdý)—gardzić, pogarda, hojny—gojić (хотя значеніе различно), hołota (можетъ быть чешское и русское)—gołota, hnet, hnetki—wnet, wnetki (ч. hned), wahać się—waga, и діалект. wagować się (ч. váhati), czuhać и czyhać (чеш. čihati), hołomek—gołomek, gołomęka, błahy—błogi (хотя значеніе обоихъ словъ различное, какъ и чеш. bláhový и blahý), hodować—godować (значеніе различно), и др.

---

[1]) Константиновичъ называетъ босенскій городъ Яйце на чешскій ладъ Вайце; такъ и Ваповскій.

Согласныя *ć* и *dź* вмѣсто *ть* и *дь*: ćicho, dźeće̜ (пишется: cicho, dziecię), въ нынѣшнемъ польскомъ языкѣ не представляютъ древнѣйшей формы языка ляшскаго вообще; въ западныхъ его нарѣчіяхъ (полабско-балтійскихъ) не было *ć* и *dź*, а польское dźeće̜ произносилось dete̜. Это *ć*-еканье и *dź*-еканье въ польскомъ языкѣ началось только на рубежѣ XII—XIII вв., но такъ, что рядомъ съ *ć* и *dź* долго употреблялись *t* и *d*, либо какъ установившаяся ороографія, либо какъ архаизмы [1]). Такъ встрѣчаются формы: Wratislawia, Wratislaus (Wrotis), Wladislaus (Wlodislaus), Tessin, Ratibor, Mistiwoj, но рядомъ съ Wrotzlaus, Wlodzislaus, Mscis, Woycech. Послѣднія формы (Wrocisław—Wrocław, Włodzisław—Włocław, Wojciech, Cieszyn) сдѣлались потомъ господствующими; но Władysław рядомъ съ Włodzisław, а въ латинскихъ и нѣмецкихъ формахъ Ratibor, Tessin—Teschen и пр. Отъ старыхъ формъ сохранились только слѣды: gospodyn—gospodzin, tesny—ciasny, teść—cieść, tesak, tesarz—ciesać, cieśla, stdza (styeszka)—śćdza (ścieżka), otec—oćec [2]); срв. дрполь. złostnik—złostny (позже złosny), miłostnik—miłosny, czestnik—poczestny, włostny, u złość, miłość, cześć, poczesny [3]), włość; формы kocioł—kotła, dziesię̜ć—dziesią̜ty, тоже tarn—cierń, tarlica, trzeć—cierlica, cierać, twardy, twierdza—ćwirdza, ćwierdza, stwierdzić—ćwirdzić, trzoda—ćrzoda, и пр.; литературное польское źdźbło (дрполь. śćbło) въ нарѣчіяхъ малопольскомъ—ścibło, въ слезскомъ—ściebło, въ кашубскомъ—stebło (какъ и въ чешскомъ), Kaszebsti и Kaszebsci. По этому формы съ *t* и *d* нужно считать польскими архаизмами, уцѣлѣвшими среди болѣе новыхъ формъ съ *ć* и *dź*, а не непремѣнно чехизмами. Но польское obywatel какъ юридическій терминъ (гражданинъ) взято

---

[1]) См. Бодуэнъ дэ-Куртенэ: О древне-польскомъ языкѣ, 43—53.

[2]) Moy otecz въ краков. судебной книгѣ 1400 г. (Sprawozdani komisyi językowéj III. 190).

[3]) Думаемъ, что слово poczliwy, poczliwość (Marcholt 1521, Żywot św. Eufraksyi 1524) описка или опечатка, и надо читать: poczciwy, poczciwość, а можетъ быть и на чешскій ладъ poctivý (poczti y).

изъ чешскаго, когда Поляки говорили уже stworzyciel, zbawiciel; такъ и польск. niestety! (eheu, vae!) надо считать испорченнымъ чешскимъ nastojte! nestojte!, между тѣмъ какъ древнепольское nastojcie, niestojcie (nastojeć—настоять, persequi) вполнѣ соотвѣтствуетъ законамъ польской фонетики [1]).

Югославянскимъ и чешскимъ формамъ *град(ъ)*, *власть*, русскимъ *город(ъ)*, *волость*, соотвѣтствуютъ—въ историческое время—польскія *грод(ъ)*, *влость* (włostь, włość). Но что эти польскія формы не первичныя, на это указываютъ формы въ нарѣчіяхъ полабско-балтійскихъ Ляховъ *гард(ъ)*, *Вартислав(ъ)*, у люнебургскихъ Славянъ позже gord, но Triglav, vlas, klada, а у Кашубовъ bardawka (brodawka), karwa (krowa), дрпольскія karw (еще въ XVI в. то что wół, срв. названія Karwów, Karwin, Karwice) и smard (въ XVI в., срв. Smardzowice, Smardzewo) [2]). Если же въ историческое время, рядомъ съ обыкновенными формами Wrocisław—Wrocław, Włodzisław—Włocław, Chrober, Bronisław, Bronice, Bronowice (но тоже Brun-owice), Bronczyce, Bronina, brona, włodyka, włodarz, włość, włosny, stróż, stroża, płoz, płozić, встрѣчаются тоже формы Wratislaus (въ одной кра-

---

[1]) Цеканье и дзеканье встрѣчается тоже въ нѣкоторыхъ говорахъ моравскихъ и словенскихъ, въ нарѣчіи бѣлорусскомъ, и въ одномъ говорѣ великорусскаго нарѣчія. По этому въ нѣкоторыхъ древнечешскихъ памятникахъ моравскаго происхожденія читаемъ тоже dzěd, ucěcha, užívaci. Срв. I. Иречка O zvláštnostech češtiny v[e] starých rukopisech moravských (1887). На рубежѣ польскомъ, но еще въ Моравіи (въ опавской землѣ?), сочинена тоже пѣснь (XV в.): Chci já na pannu žalovać, niechciałať mi trochy dać mému koni ovsa etc. (Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften, Bd. 39, p. 702).

[2]) Словѣнское *смрьдъ* и дррусское *смердъ* (плебей, селянинъ) знали Поляки еще въ XIII в. *smard* (smardones); такіе *смрьды* (smurdi) встрѣчаются тоже у полабско-балтійскихъ Славянъ, и еще въ XVIII в. люнебургскіе Славяне называли селянъ—смардами. Поляки забыли свое smard въ значеніи селянина (а smard въ XVI в. то что smród и plugawy człowiek, nicpoń), и приняли русское smerd, то ч chłop въ болѣе презрительномъ смыслѣ: Gdy się ubogi człowiek prawa uciecze, zaraz mu mówią: Nie dla was to piszą statuty, sme dowie, ale dla panów—пишетъ еще въ XVII в. Старовольскій.

ковской ротѣ 1398 г. Warcisław), Wratislawia, Wladislaus (Władysław), Wladislawia, włastny (własny), chrabry (chabry, прозвище Болеслава въ XI—XIII вв.), Branica, Branina, Branczyca, Branew, brana—brama, straż, strażnik, płaz, płazić—то послѣднія формы можно считать не непремѣнно чехизмами, а тоже польскими архаизмами [1]).

Асимилація гласныхъ (dǔsa—dǔse, dǔsu—dǔsi, dǔsú—dǔsí, lutý—lítý, piju—piji, pijú—pijí), столь важный законъ въ чешской фонетикѣ съ XIV в. (но не въ восточныхъ нарѣчіяхъ моравско-словенскихъ), не коснулась польскаго языка настолько, и ограничилась нѣкоторыми случаями: wiodę—wiedziesz, jezioro—jezierze, świat—świecie, jadę—jedziesz, śmiać—śmieli, czasza—cześnik, wiara—wierzyć. Но если вмѣсто lutować, lutościwy, ślutownik, szubienica, въ XV—XVI вв. встрѣчаются: litować, litościwy (рядомъ съ этою формою употребляется до XVII в. тоже lutować), szybienica (рядомъ съ szubienica), czyhać (рядомъ съ czuhać), то здѣсь сказалось чешское вліяніе, тѣмъ болѣе, что въ нарѣчіяхъ польскихъ сохранились до сихъ поръ luto, lutować, и форма litować составляетъ вообще исключеніе въ виду правильныхъ формъ lubić, lud, luty, czuć. Формы siestra, mietła, wiesło, pieron употребляются до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ польскихъ нарѣчіяхъ, и встрѣчаются уже въ древнепольскомъ языкѣ: wymiet подлѣ wymiot, jeziero—jezioro, cera (вм. dcera, дрчеш. dci)—cora (dcora), zwolena—zwolona, wsławiena—wsławiona, nasycena—nasycona, bieda—biada [2]), leda—lada, powiedać—powiadać, dziełać—działać, czekać—czakać, sieno—siano, jezda—jazda,

---

[1]) Встрѣчаются тоже формы wladarius (władarz, см. словарь у Бодуэна: О древнепольскомъ языкѣ, и Volumina legum), и władyka (въ краков. судебной книгѣ 1421 г., Helcel Pomniki II. Nro 1829). Если эти двѣ формы не опечатки вмѣсто обыкновенныхъ wlodarius (włodarz), włodyka (срв. др. włodać, włodza и нын. władać, władza)—то можно ихъ тоже причислить къ архаизмамъ.

[2]) Со временемъ biada стало означать горе! (vae!), а bieda (bieda)—бѣда, какъ wiarę (вѣру, винит. п. отъ wiara), а wierę! (навѣрно, чеш. věru!).

jechać—jachać, и пр. Формы съ *e* - *ie* тоже чисто польскія, какъ съ *o* и *a*, а не непремѣнно чехизмы [1]).

Древнепольскія формы приближались къ словѣнскимъ и древнечешскимъ болѣе, чѣмъ новопольскія, при чемъ одинаковыя формы польскія и чешскія не нужно приводить въ зависимость, а слѣдуетъ ихъ просто объяснить одинаковымъ духомъ славянскаго языка вообще. Родит. пад. множ.—*uow* (synuow, skutkuow), встрѣчающійся изрѣдка въ XIV—XVI вв. вмѣсто—*ow*,—*ów*, такой же польскій, какъ и чешскій, тѣмъ болѣе, что *uo* вмѣсто *ó* встрѣчается, какъ уже замѣчено, въ одномъ малопольскомъ говорѣ до сихъ поръ [2]). Мѣстный падежъ множ.—*iech*, *-iéch*, *-ich* (sądziech, какъ и чешское—*ech*, *-ích*), позже—*och*, *-ach*, творит. падежъ *-y*, *-i* (chleby, słowy, bogi, mąži, позже *-mi*, *-ami*). Формы zdrowie, zdrowié, но тоже imieni, ruszeni, w zboży, w weseli, w słuńcy, w siercy (словѣн. срьдьци) рядомъ съ w slutowaniu, w siercu, imienim, opolim, Podlaszym, w pokolenich и пр. — тоже польскія, а не чешскія. Чешскимъ вліяніемъ можно объяснить развѣ только рѣдкій родит. пад. единств. pokolenie (рядомъ съ: pokolenia), sierce (sierca), въ древнѣйшихъ псалтиряхъ, cesarze (вм. cesarza, въ пѣснѣ Галки). Древнепольскій родит. пад. ед.—*e* (первонач. *ę*) dusze, ziemie, nędze, wole prace, рядомъ съ—*ej*, *-éj*, изъ чего *i* - *y*: duszej—duszy, wolej—woli; cerkwie, krwie (такъ и въ слезскомъ говорѣ тѣшинскомъ), рядомъ съ krwi, cerkwi [3]), какъ и въ чешскомъ: duše, země, nouze, vůle, krve, církve, и въ словѣнскомъ: доуша, ꙁемлꙗ, кръве, цръкъве. Дрполь. формы: dobrem słowie, dobrym słowem, dobrymi słowy, а нын. dobrem słowie, dobrem słowem, dobremi słowami. Въ глаголѣ простыя прошедшія (mołwich, mołwiach, biesze, rzecze, śpiewachą) составляютъ уже въ XIV в. рѣдкое ис-

---

[1]) Въ одной рукописи XV в. (Prace filologiczne III. 286) изрѣдка встрѣчаются формы: jejca, oje, jewno, szlechta (чеш. vejce, voje, zjevno, šlechta).

[2]) См. выше, стр. 200.

[3]) Уже ок. 1400 г. употреблялись формы (genit.) krwi, krwi krwiej, рядомъ; см. Archiv f. slav. Phil. III. 479.

ключеніе, а обыкновенны сложныя: słyszał jeśm, jeś, jest, był przykazał, stało się jest, что уже въ XIV—XV вв. сокращалось въ dałeśm—dałem, dałeś, stało się, и пр. Неопредѣленное наклоненіе уже въ XIV в.—*ć*, изрѣдка еще въ XV в.—*ci*: daci—dać, byci—być, wybawici—wybawić; если же въ древнѣйшей псалтири XIV в. (флоріанской) встрѣчаются формы (bądą) lizat, (bądzie) karat, то это вѣроятно описки вмѣсто lizać (супинумъ по смыслу предполагать нельзя), а отнюдь не чехизмы, такъ какъ тогда въ чешскомъ языкѣ употреблялись только формы lízati, kárati, а lízat, kárat говорится только нынѣ [1]).

Общественное и государственное устройство Чеховъ и Поляковъ во многомъ тождественно или сходно, и по этому и въ языкахъ древнепольскомъ и древнечешскомъ употребляется много одинаковыхъ названій извѣстныхъ учрежденій, на пр. князь (kniądz—ksiądz—książę, kněz—knieže), земяне, жупаны, паны, владыки, кмети, старосты, владари, жупы, и др.; всѣ такія слова и учрежденія, конечно, общее славянское достояніе Поляковъ и Чеховъ, а не заимствованныя другъ у друга [2]). Нѣкоторые изъ этихъ юридическихъ терминовъ со временемъ исчезли у обоихъ славянскихъ народовъ въ одно время (кмети—сановники въ XIV—XV в.), или у одного народа раньше (влодыки у Поляковъ въ XV в.), у другого позже (владыки у Чеховъ въ XVII в.), замѣняются другими словами своими или чужими (шляхта, рыцари, гербы, сенаторы, гейтманы и др.), при чемъ такія чужія слова переходили къ Полякамъ не всегда прямо отъ иноплеменниковъ (особенно Нѣмцевъ), а уже посредствомъ Чеховъ (на пр. шлях-

---

[1]) Срв. Kalina: Historya języka polskiego (1883); Hanusz: Materyjały do historyi form deklinacyjnych w języku staropolskim w. XIV—XVI. (Sprawozdania komisyi językowéj akademii I. II).

[2]) Обширно въ I томѣ соч. „Славяне" (внутренній бытъ). Разумѣется, что много такихъ одинаковыхъ или сходныхъ учрежденій встрѣчается у всѣхъ Славянъ. Въ древнепольскихъ судебныхъ книгахъ начала XV в. встрѣчается на пр. слово ułożenie ziemskie, układ ziemski (Hube: Zbiór rot przysiąg sądowych, 1888, см. index) въ значеніи статута, при чемъ, конечно, нельзя думать о заимствованіи изъ русскаго „уложенія".

та, рыцарь, гербъ, гетманъ, бургграбя и др.); кастеляна назвали Чехи въ XIV в. hradodržie, а Поляки въ XV в. grododzierža; срв. дррусское бояринъ горододержавецъ [1]).

Въ древнепольскомъ языкѣ до половины XVI вѣка и дальше употреблялись многія слова, которыя со второй половины XVI в., т. е. со временъ возникновенія польской литературы и установившагося польскаго литературнаго языка, упали въ забвеніе или стали употребляться въ другомъ значеніи, которыя однако сохранились въ польскихъ нарѣчіяхъ и въ чешскомъ языкѣ, литературномъ и живыхъ его нарѣчіяхъ. [2]) Приведемъ здѣсь изъ древнепольскихъ памятниковъ XIV—XVI вв. нѣсколько словъ, которыя въ новѣйшемъ польскомъ языкѣ не употребляются или употребляются въ другомъ значеніи, между тѣмъ какъ они въ чешскомъ языкѣ сохранились, а нѣкоторыя изъ нихъ остались и въ польскихъ нарѣчіяхъ [3]). На пр. statek (statek, ma-

---

[1]) Царствованіе чешскаго короля Вячеслава II въ Польшѣ въ началѣ XIV в. ознаменовано назначеніемъ королевскихъ старостъ (capitanei) въ польскихъ областяхъ (Caro: Geschichte Polens II. 5—6), и распространеніемъ чешскаго гроша въ Польшѣ (срв. Piekosiński: O monecie i stopie menniczéj w Polsce w XIV i XV w., Rozprawy krakow. akademii IX); до сихъ поръ слово czeski около Сандомѣря означаетъ шесть польскихъ грошей (Kolberg Lud polski II. 261). Чешскіе гроши распространились тоже на Литву и югозападную Русь.

[2]) Въ польскомъ языкѣ встрѣчаются подчасъ удивительные просто „сословные“ курьезы; такъ на пр. „хлопъ“ говоритъ по-славянски: kożuch, strzecha, wieczerza, miesiąc, а „шляхтичъ“ futro, dach (по-нѣмецки), kolacya (латин.), и поэтическое księżyc.

[3]) Эти слова взяты изъ разныхъ древнепольскихъ памятниковъ до конца XV вѣка (перечисленныхъ у Неринга: Altpolnische Sprachdenkmäler, 1887, срв. Archiv für slav. Philologie X. 365), изъ соч. Pamiętniki jańczara M. Konstantynowicza (ок. 1495 г.), изъ памятниковъ первой половины XVI вѣка, на пр. Powieść o papieżu Urbanie (1514), Rozmowy króla Salomona z Marcholtem (1521), Opecia Żywot pana Jezu Krysta (1522), Fortuny i cnoty różność (1524), Żywot św. Eufraksyi (1524), Modlitownik siostry Konstancyi (1527), O panienstwie (c. 1528), Żywot bł. Alexego (1529), Wróbla Żołtarz

jątek), zboże (zboží, въ значеніи majątek), imienie, mienie, imiona (jmění, majątek, русск. имѣніе), dobytek i skot (dobytek, bydło: „chytrze bydlą s pany kmiecie... wprzągają chory dobytek"—въ одной пѣснѣ конца XV в.), bydlić—obydle (bydliti—obydlí, mieszkać, mieszkanie), iścina, iścizna (jistina, gotówka, тоже gotowe pieniądze въ XVI в., чеш. hotové peníze), gospoda — gospodzin—gospodyn(hospoda—hospodin, pan), żeńszczyna—żeńczyzna (ženština, kobieta), sąpierz (soupeř, rywal), wrotny (vrátný, odźwierny), dźwierze (dveře, drzwi, но діалект, dźwierze), rzecz (řeč, słowo—mowa), upełny (úplný, zupełny), pamiętnik (pamětník, кто помнитъ), kobyłka (kobylka, szarańcza, діалект. kobyłka), żałoba — żałować (žaloba—žalovati, skarga, діалект. żałoba), pica (píce, obrok, пища — кормъ), niedziela (neděle, tydzień, недѣля), sjem (sněm, sejm), zakon (zákon, prawo), prok (prak, proca), swadźba (svatba, wesele), koprzywa (kopřiva, pokrzywa), ki (ký, który), kazić się (kaziti se, psuć się), łąteczka (loutka, laleczka), przyczytać co komu (přičítati co komu, przypisać co), zimnica (zimnice, febra), skutek (skutek, czyn), płat (plat, płaca), gon (hon, polowanie), zawod (závod, wyścig), łeż (lež, kłamstwo), soczyć (sočiti, obmawiać), pogrzechu (pohříchu, niestety), przylisz (příliš, zanadto), Niemkini (Němkyně, Niemka), obrzym (obr, olbrzym), polski—niemiecki (adverb., polsky, německy, po polsku, po niemiecku), lubiezny (líbezný, przyjemny, а нын. lubieżny—сладострастный), szyp (šíp, strzała), tuł (túl, toul, kołczan), tążyć (tęsknić, toužiti), pożegnanie (požehnání, błogosławieństwo), przyprawić kogo o co (připraviti koho o co, pozbawić kogo czego), tarnę — tarnieć (trnouti, drętwieć), dziwić się, podziwiać się (dívati se, patrzyć, малорусск.

(съ 1535 г. нѣсколько изданій), T. Kłosa Algoritmus t. j. nauka liczby (1538), Tobias patriarcha starego zakonu (1539), Sprawa chędoga o męce Pana (1544), Reja Żywot Józefa z pokolenia żydowskiego (…45), Dyaryusz sejmu (1548), St. Chwalczewskiego Kronika (1549), …storya o żywocie i znamienitych sprawach Alexandra Wielkiego (…50), M. Bielskiego Kronika świata (1550), и др., тоже изъ нѣкото…хъ сочиненій второй половины XVI вѣка, M. Бѣльскаго, Орѣхов…іго, Рея, Кохановскаго и др.—Слова въ скобкахъ, первое — чеш…е, второе—нын. польское.

дивитися), żenie (žene, goni), krasa—krasny (krása—krásný, piękny), drzewie—drzewiej (dříve, dawniéj), wielmi—wieliki—większy (velmi —veliký—větší, bardzo - wielki—większy), ślub (slib, obiecanie, но ślub małżeński), kaźń (kázeň, dyscyplina), posledni (poslední, ostatni), wen (ven, precz), łoni (loni, przeszłego roku, но діалект. łoni), nadziewać się (nadívati se, spodziewać się), stolec (stolec, tron), pastwa (pastva, pasza, діалект. pastwa), obchod (obchod, handel), fałeszny (falešný, fałszywy), bezdzięki (bezděky, pomimo woli), szpatny (špatný, szpetny), gadka (hádka, spor), deka (dýka, kindżał), krzyżewnik (křižovník, krzyżak), słza (slza, łza) obiata—obieta—obiet (obět, ofiara), bratr, braterski, braterstwo (bratr, brat), dufać (doufati, ufać), nielza (nelze, niemożna), niemocny (nemocný, słaby), zaiste (zajisté, zapewne), przekażka (překážka, przeszkoda), zapowiadać (zapovídati, zabraniać), siodłak (sedlák, chłop), paduch (padouch, podły, но діалект. paduch), zwon—źwięk—zobać (zvon, zvuk, zobati, нын. dzwon, dźwięk, dziobać), jeli (jeli, jechali), miłować (milovati, kochać), lubić się (líbiti se, podobać się), czyść—czetł (čísti—četl, czytać—czytał), łacznąć (lačněti, łaknąć), dzieć (díti, zwać), stojeć (státi, стоить, wart być), kolnia (kolna, szopa), kupia (koupě, kupno), nieporuszona (neporušená, niepokalana), wiciądz (vítěz, zwyciężca вмѣсто zwiciężca отъ zwyciężyć вм. zwiciężyć), Gniezdno— gnieździeński (Hnězdno—hnězdenský, Gniezno и неправильное gnieźnieński), и др. [1]). Нѣкоторыя

---

[1]) Общеславянское *витязь* (срв. Archiv für slav. Philologie VIII. 13—18) существовало несомнѣнно и въ дрпольскомъ языкѣ: wiciądz (срв. raciądz, robociądz, wrzeciądz—rzeciądz, goniądz), и оттуда прилаг. wiciężny (kościół, въ письмѣ Уханскаго 1559, срв. Uchansciana, ed. T. Wierzbowski I. 116); въ псалтири XV в. (пулавской) wiciężca (wyczęszcza). Въ XVII в. Коховскій употребляетъ югослав. форму witez въ значеніи богатыря. — Названіе города Гнѣзна пишется въ древнихъ памятникахъ Gnezdna, Gnezden, civitas Gnezdensis, и лѣтописецъ объясняетъ это словомъ *гнѣздо*— dus interpretatur sclavonice (см. словарь въ соч. Бодуэна о древ польскомъ языкѣ); правильное прилаг. gnieździeński встрѣчается познанской ротѣ 1391 года, но gnieźnieński (arcybiskup) уже въ ловинѣ XV-аго вѣка. Срв. тоже Leszno вм. Leszczno, прилаг. L

старыя слова употреблялись однако глубоко до XVII вѣка; такъ напр. еще Вячеславъ Потоцкій (Wojna Chocimska, 1673) употребляетъ слова: szedziwy (sędziwy, чеш. šedivý), chodza (chód, ч. chůze), łątka (lalka, ч. loutka), dyasek (djabeł, ч. d'as), kasać się (porywać się, ч. kasati se), kierz (krzak, ч. keř), mieszkać (nie spieszyć, ч. meškati), naszyniec (nasz człowiek, ч. našinec), zrzejomo (widocznie, ч. zřejmě), wierę (na prawdę! ч. věru!), zaś (na nowo, ч. zas), tążyć (tęsknić po kim, ч. toužiti), chudzina (biedak, ч. chudina), и пр. Нѣкоторыя древнія слова исчезли изъ обоихъ западно-славянскихъ языковъ, по крайней мѣрѣ изъ литературныхъ языковъ; на пр. władyka —włodyka, [1]) myto (т. е. вообще плата, что надо подразумѣвать при названіяхъ даней: poradl*ne*, podym*ne*, pomoc*ne*, památ*né*, přísud*né*), nožny (ножны, pochwa, pošva), robociądz—robotěz (работяга, работникъ), ostrew, ostrzew —ostrev (обрубленный пень съ сучьями, лѣстница, тоже гербъ чешскій и польскій), prokny (каждый), żdać—ždáti (ждать, діалект. куявское и кашубское), odpowiedzieć— odpověděti (въ значеніи: объявить вражду, войну, оттуда odpowiedny — odpovědný list, древнерусская разметная грамота), и др.

Ок. 1600 г. приготовлялъ кто-то новое изданіе одной изъ первыхъ старопечатныхъ книгъ польскихъ, Валтазара Опеця Żywot wszechmocnego syna bożego pana Jezu Krysta (w Krakowie 1522), и съ этою цѣлью вписалъ въ свой экземпляръ вмѣсто старыхъ новыя слова и формы. Эти рукописныя замѣтки

czyński. Чехи сохранили болѣе древнюю форму Hnězdno, hnězdenský. Не можемъ не сожалѣтъ, что словари древнепольскій Л. Малиновскаго, и древнечешскій І. Гебауэра до сихъ поръ не изданы.

[1]) Въ Чехіи и въ Моравіи владыки (до XVII в.) = низшее земство; такъ и въ Польшѣ до конца XV в. влодыки (лат. milites). Срв. K. Potkański: Zagrodowa szlachta i włodycze rycerstwo w województwie krakow. (Rozprawy akademii, wydz. histor. XXIII). Въ XVI в. забыли въ Польшѣ это первоначальное значеніе слова влодыка, и въ одномъ памятникѣ 1544 г. włodyka, włodzika, włodzictwo, значаетъ просто воиновъ, солдатъ. Если въ слезскихъ юридическихъ памятникахъ XVI в. (опольскихъ, сѣверскихъ, освѣтимскихъ) рѣдка встрѣчается władyka въ значеніи земянина, то это чешское яніе.

представляютъ любопытный матеріалъ для исторіи польскаго языка, показывая состоявшіяся въ немъ въ теченіи XVI вѣка перемѣны въ отношеніи лексикальномъ и формальномъ. [1]) Такъ замѣнены на пр. cerkiew—kościół, ćma (тьма)—rota, czyść—czytać, dostojen—godny, drzewiej—pierwiej, działać—czynić, dzierżać—trzymać, gospodnie—boże, panie, jen, jenże—który, ić—iść, karmia (чеш. krmě)—pokarm, kromia (чеш. kromě)—krom, licemiernik—faryzeusz, lubo, lubić się (чеш. líbiti se)—podobać się, mier—zgoda, naposlad (чеш. naposled)—na ostatku, niechać (чеш. nechat', necht')—niechaj, niech, niemocen—chory, ninie (чеш. nyní)—teraz, nożny—pochwa, piał (ч. pěl)—śpiewał, pieszki (ч. pěšky)—pieszo, posełkini—służebnica, s, se (cum)—z, ze, srom—wstyd, umorzyć—zabić, wen—precz, wesele — wesoło, wielmi—bardzo, wietnica—ratusz, sądowa izba, więtszy—większy, wiła [2]) —błazen, głupi, niewolnik, zażegać—roświecać, żeńczyzna—pani, żołtarz (чеш. žaltář)—psałterz и пр.; древнія формы: winnice (genit.)—winnicy, o dziewice (vocat.)—dziewico, cirnim (instr.)—cierniem, powrozy —powrozami, ji (eum)—go, jego, idzi—idź, prosiż—pros, jeś—jesteś, je—jest, nie—niema, aby—abyś, abychom—

---

[1]) Экземпляръ этой книги хранится нынѣ въ библіотекѣ Имп. варшавскаго университета; замѣтки издалъ А. Крынскій въ сб. Prace filologiczne II. 666. Въ той же библіотекѣ хранится экземпляръ книги Ewangelium Seklucyana (Królewiec 1551) съ вписанными (въ концѣ XVI или въ началѣ XVII в.) новыми словами на мѣстѣ старыхъ, на пр. kościół — zbór, wyczytać — wyliczać, żupica — płaszcz, tram—birzwno, włodza—moc, strawa—pokarm, stracił — zagubił, rzecze — rzekł, и пр.; чужое szarańcze замѣнено вновь польскимъ kobyłki.

[2]) Древнепольское и древнечешское *вила*—глупый, шутъ, скоморохъ, то что błazen, igrzec, kuglarz, spilman (срв. словари чешскій Юнгманна, польскій Линде, и Nehring Altpoln. Sprachdenkmäler 127, 135, 215); нын. польское szalawiła—шалопутъ. Первоначально у Чеховъ и Поляковъ *вила* по всей вѣроятности такое сверхъестественное существо, какъ югославянское вила (см. „Славяне“ т. стр. 185, 187).— Слово wietnica (срв. powiat, wiece) встрѣчается е въ одномъ памятникѣ 1544 г.; оно извѣстно тоже въ древнемъ Д бровникѣ: виек(ь)ница (Miklošič: Monumenta serbica, p. 238, 380).

abychmy, abyśmy (чеш. abychom), mówił jest—mówił, napełniło się jest—spełniło się, oczekawa (чеш. očekává)—ozekiwa, bieda! — biada! (чеш. běda!), polutuj—politują, szybienica—szubienica, smętek—smutek, strożą — strażą, gańba —hańba, kropia—kropla, zwon (чеш. zvon) —dzwon, źwięk—dźwięk, weźrzeć — wejrzeć, ociec—ojciec, и пр.

Все здѣсь сказанное надо имѣть въ виду, если говорить о *вліяніи чешскаго языка на польскій.* [1]) Чехи стали на своемъ языкѣ писать раньше, чѣмъ Поляки, и произведенія чешской литературы распространились и читались тоже въ Польшѣ, преимущественно произведенія церковной литературы, чешскіе переводы библіи и ея частей, проповѣди, молитвы, пѣсни и пр. Христіанство съ словѣнскимъ богослуженіемъ распространилось къ Ляхамъ, именно къ южнымъ, карпатскимъ, еще изъ Великой Моравіи, изъ епархіи Меѳодія, а позже въ X в., уже съ латинскимъ богослуженіемъ, изъ Чехіи. Чешская христіанская церковная терминологія, основываясь отъ части на греческо-латинской и нѣмецкой, принята и въ Польшѣ. Нѣкоторые польскіе церковные термины можно отнести еще ко времени словѣнскаго богослуженія, какъ на пр. cirkiew, cierkiew, cerekiew, cierekiew, pop, papież, kolęda, msza, obiet—obietować, krzest, названія дней въ недѣлѣ, общеславянское господинъ—поль. gospodzin (въ значеніи Господа Бога); другія слова и термины перешли въ польскій языкъ уже изъ чешскаго, на пр. biskup, ksiądz (kniądz), żak, kościół, klasztor, ofiara, kazanie, nieszpor, bierzmować, и др. [2])

---

[1]) См. Nehring: Ueber den Einfluss der altčechischen Literatur auf die altpolnische (Archiv für slav. Philologie I. II.); онъ слишкомъ преувеличиваетъ вліяніе чешскаго языка на польскій.

[2]) См. Миклошича Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen (1875), и срв. „Славяне“ II. 520. Поляки до начала XVI в [illegible]олились: Wierzą w święta cyrkiew (cierkiew, cerkiew) krześciańs[illegible] (см. Prace filologiczne I. 352, и Заборовскаго Orthographia polon. 1[illegible]8 г.); а cerekiew объясняется: pospólstwo wiernych krześcianów (N[illegible]hring Altpoln. Sprachdenkmäler, 125). Въ XV в. и въ началѣ X[illegible]I в. Поляки говорили: arcybiskup gnieźnieńskiéj circkwe—cerk[illegible]е (въ польскихъ переводахъ статутовъ 1449 и 1503 гг.); Опець,

Поступленіе многихъ чешскихъ священниковъ и монаховъ въ ряды польскаго духовенства—съ начала единственнаго грамотнаго сословія знавшаго языкъ латинскій—объясняетъ замѣну въ латинскихъ грамотахъ польскихъ именъ чешскими. Если формы Wratislaus, Wratis, Wratislawia, Wladislaus, Wladislawia, Branis и др. можно еще до извѣстной степени считать польскими архаизмами, а не непремѣнно чешскими формамы, то формы Sutok, Sudomir, Lucicia, Bozata, Swatos, Kyniese, narub и др., встрѣчающіяся рядомъ съ Santok, Sandomir, Lancicia, Bozanta—Bodzanta, Swantos, ksanz, naramb, едва-ли можно иначе объяснить, какъ только тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ написаны чешскими и моравскими писцами; нельзя же предполагать, чтобъ польскій писецъ (священникъ) въ одно и тоже самое время произносилъ и писалъ Prandota и Prudota, Kriwosand

---

Орѣховскій, Кохановскій, Бирковскій и др. знаютъ слово cerkiew (św. katolicka) въ значеніи kościół; также у чешскихъ братьевъ XVI в.: cerkiew Krystusowa, cerkiew która jest rozproszona w Czechach, Morawie i Wielkiéj Polsce (срв. разныя братскія записки 1555—1560 гг. у І. Лукашевича Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Małej Polsce). Срв. географ. названія въ Польшѣ Nowa Cerkiew, Cerkwica, Cerekwica. См. выше, стр. 13. Слово pop (дрчеш. и дрпольск.)—sacerdos встрѣчается въ обѣихъ польскихъ псалтиряхъ XIV—XV вѣковъ. Галка въ своей похвальной пѣснѣ Виклефу (см. выше стр. 180) называетъ „попами" именно римскаго папу и римско-католическихъ священниковъ вообще: pop Lasota (папа Сильвестръ), cesarzscy popowie, prawdą popi tają, kapłani Krystowi; такъ и польскіе протестанты XVI в., на пр. Крышковскій и Будный: popi papieżnicy (срв. „Славяне" II. 154), Сенницкій (Polak nie niewolnik popowski—сказалъ онъ на сеймѣ 1565 г.). Срв. географ. названія въ Польшѣ Popowice.—Слово gospoda, gospodyn, gospodzin = господинъ, панъ вообще (см. „Славяне" II. 150, и срв. Sprawozdania komisyi językowéj akademii II. 7, 66—68, 122—124), женская форма gospodza (госпожа)=pani (Marcholt 1521, Reja Żywot Józefa 15). Кромѣ gospoda (sing.=gospodzin, pan, какъ и дрчеш. hospoda) встрѣчается тоже gospoda (collect.)=panowie (Archiv für slav. Philologie III. 47).

и Kriwosud, Sando и Sudo, Swantos и Swatos. [1]). Чешскіе священники—„попы,“ „князья“ (kněz, поль. ksiądz) приносили въ Польшу не только книги латинскія, а позже, по мѣрѣ развитія чешской церковной литературы, тоже книги чешскія, молитвы, пѣсни, разныя библейскія книги и пр. [2]) Чешскій языкъ развился раньше, чѣмъ польскій; на чешскомъ языкѣ стали писать уже въ XIII в., а въ XIV в. существовала въ Чехіи, рядомъ съ латинскою, и литература на чешскомъ языкѣ, церковная и свѣтская, въ томъ числѣ разныя духовныя пѣсни, переводы псалтири, да полной библіи. Съ начала XV в., со временъ гуситскаго движенія, чешскій языкъ пріобрѣлъ себѣ въ публичной жизни и въ литературѣ такую важность, какой польскій языкъ не имѣлъ. У Чеховъ является довольно богатая церковная литература на народномъ языкѣ, много рукописныхъ библій, а въ концѣ XV в. и въ самомъ началѣ XVI в. три печатныхъ изданія полной библіи. Между тѣмъ въ Польшѣ продолжало держаться господство латинскаго языка въ жизни государственной и церковной, а на народномъ польскомъ языкѣ существовало

---

[1]) Грамота князя Болеслава (dux Cracoviae et Sudomiriae) 1252 г. написана per manum fratris Bartholomei lectoris Brunensis; въ 1367 г. былъ Nicolaus Bohemus, canonicus ecclesiae Vislicensis, notarius curiae regis Poloniae.

[2]) Намъ извѣстны двѣ рукописныя чешскія библіи, хранящіяся въ Польшѣ, одна (неполная), написанная ороографіею Гуса, XV в., въ библіотекѣ гр. Замойскихъ въ Варшавѣ, другая, написанная старою ороографіею въ Каменицѣ въ Чехіи въ 1476—1478 гг. Яномъ „Заблоцкимъ“ (такъ читаетъ Польковскій, Rozprawy wydzialu filolog. akademii X. 94), но вѣроятно „Заблацкимъ“ (Záblatský), Чехомъ, а вовсе не „польскимъ шляхтичемъ“ (какъ думаетъ Nehring: Altpoln. Sprachdenkmäler 121); эта библія находилась въ Польшѣ уже въ XVI в. и читалась. Въ библіотекѣ короля Сигизмунда I (1510 г.) находилась чешская библія (Lelewel: Bibliograf. ksiąg dwoje II. 99). Чешская псалтирь XIV в. (витенбергская) читалась въ Польшѣ XV—XVII вв., и находилась потомъ на Руси (срв. изданіе Гебауэра). Рукопись чешскихъ проповѣдей XV в. хранится въ Дзиковѣ (Rozprawy akad. III). Рукописный чешскій молитвенникъ XV в. во Львовѣ, описанный Я. Головацкимъ, и др.

очень мало произведеній, въ томъ числѣ нѣсколько псалтирей (сохранились двѣ, флоріанская и пулавская) и одна библія (шаришско-потоцкая, сохранилась только часть). [1])

Польскіе переводчики псалтири и цѣлой библіи пользовались болѣе или менѣе чешскими переводами, извѣстными и въ Польшѣ. Переводчикъ псалтири XIV в. (флоріанской) зналъ чешскій переводъ, но переводилъ съ латинскаго самостоятельно, такъ что чешское вліяніе сказалось здѣсь не очень сильно: milost, sprawedlnosti, (но zlostny, radostny не непремѣнно чешскія), bohw (deorum), massu (carni); формы od pokolenye, sercze (genit.), obliczage (genit.), w serczy, w slunczi (срв. словѣн. сръдьци, слъньци), w widzeni (рядомъ съ w morzu, w serczu, w pokolenyu, w zbawenu); w milosirdzy a w slutowanyu въ польской псалтири соотвѣтствуетъ словамъ чешской псалтири w milosirdy a w slytowanyu; czynie (faciens, въ пулавской псалт. czynyǫcz), gyey (чеш. jej, рядомъ съ дрполь. gy=ji), rozumne (вм. rozumney) molwy twogye (и twogey), swe (вм.swey). Но формы nebyesa, gezera, stworzena, wyetrow, syeno, swedeczstwo, kwyet, powyedaycze, skutkuow (вмѣсто обыкновенныхъ niebiosa, jeziora, stworzona, wiatrów, siano, świadectwo, powiadajcie, skutków) тоже древнепольскія, и встрѣчаются до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ; формы lizat, karat (вмѣсто lizaci, karaci) вѣроятно описки, а не чехизмы; [2]) польскими могутъ быть и формы rosprostrzel gesm (рядомъ съ: rospostrzely sǫ) и wstanǫ (exsurgens, чеш. vstana). Слова gospodzin, obliczaj, krzydło, prokny, skutek (opus), czysło, poselkini, pych, jeszutność, trestkać и др. суть или могутъ быть польскія, а не исключительно чешскія. [3]) Текстъ псалтири XV в. (пулавской)

---

[1]) Подробности о древнепольскихъ памятникахъ до начала XVI в. см. у Неринга Altpolnische Sprachdenkmäler. Недавно проф. А. Брюкнеръ нашелъ въ Императ. публ. библіотекѣ отрывки древнепольскихъ проповѣдей первой половины XIV в.; см. варшав. Ateneum 1890, II. 374, Biblioteka Warszaw. 1890, II. 325.

[2]) Срв. выше стр. 207.

[3]) О флоріанской псалтири (издалъ Нерингъ въ 1883 г.) см статью Неринга въ Archiv f. slav. Philologie II. 409; онъ и Ма

примыкаетъ, вообще говоря, къ тексту псалтири XIV в., хотя опять во многомъ отличается, именно замѣною нѣкоторыхъ (но не всѣхъ) старыхъ словъ и формъ новыми; и въ псалтири XV в. осталось много выше упомянутыхъ словъ: spowyedacz szye, obyeta, szwyedecztwo, powyeda, szyercze (genit.), twoye (вм. twoyey); слово uczedlnik по всей вѣроятности чешское, хотя встрѣчается въ то время (въ юридическихъ памятникахъ) и польское слово opiekadlnik (позже: opiekun). [1])

Большее вліяніе чешскаго языка на польскій замѣчается въ польской библіи половины XV в. (шаришско-потоцкой). Польскій переводчикъ, Андрей изъ Яшовицъ, капелянъ королевы Софіи, счелъ нужнымъ придерживаться чешскаго текста; онъ относился къ своему дѣлу довольно небрежно, употреблялъ совершенно лишнія чешскія слова, гдѣ онъ могъ употребить существовавшія тогда слова польскія, да онъ часто не умѣлъ прочитать хорошо чешскія слова и написалъ безсмыслицу, на пр. na szwecze—чеш. nassiesse, stworzenye—чеш. stwrzenye (firmamentum), szǫ plodzy — чеш. se plazie, ducha, dusza— чеш. duha (радуга), czysta—чеш. czyesta т. е. cesta (дорога), wyǫczey—чеш. wyecze (vece, inquit) и пр. Прямо изъ чешскаго языка взяты невозможныя въ польскомъ слова: urazedlnik (чеш. vražedlník; форма wrożedlnik—отъ wrożda—могла употребляться и въ польскомъ языкѣ, срв. opiekadlnik), czast, pocestny (cesta, поль. podróżny), названія мѣсяцевъ (dǫbna, brzeznya, prosynecz), kmieć—въ чешскомъ значеніи старикъ (kmet') и пр. Но съ другой стороны многія слова, считаемыя чешскими, существовали или могли существовать тоже въ древнемъ польскомъ языкѣ, на пр. ać (чеш. at', дррусск. ать), pachać, piszczec, paduch, prok

---

кушевъ (Чтенія о старопольской письменности), часто преувеличиваютъ чешское вліяніе на эту псалтирь. Срв. тоже замѣтку І. Иречка в к. Časopis Česk. Musea 1872, 298, и статьи Лецеевскаго о языкѣ п лтири въ Archiv f. slav. Philologie VI, VIII, Гануша въ сб. Sprawzdania komisyi językowéj II.

[1]) О пулавской псалтири см. Неринга въ Archiv f. slav. Philgie IV. 216.

(чеш. prak, поль. обыкновенно proca), szyp, czysło, prza, opięć, odzienie, kruty, wieczerzadło, stan (шатеръ), żdać, lubić się, kobyłka, bydlić, stryc, rataj, osoczca, biernia, wróg (врагъ и убійца), и пр. [1]) Формы: jedla, ranien, udzieład, obietował и др. такія же польскія (древнія и діалектическія), какъ jodła, ranion, udziałał, obiatował и пр. [2])

Сильное чешское вліяніе замѣтно еще въ языкѣ польскихъ библейскихъ разсказовъ, изданныхъ въ Краковѣ ок. 1520 г.;

---

[1]) Общеславянское *ратай* (вмѣсто оратай) = arator; въ этой библіи, равнымъ образомъ какъ и въ чешской (срв. Časopis Česk. Musea 1864, p. 158) въ значеніи colonus; но и въ Слезіи, въ княжествѣ легницкомъ, ратаи въ XIII—XIV вв. были особые поселяне, пользовавшіеся своимъ „ратайскимъ правомъ" (Codex diplomat. Silesiae XIV. 115). *Osoczca* можетъ быть тоже слово польское, какъ есть и слово osocznik, отъ soczyć, osoczyć (клеветать), что происходитъ отъ sok; срв. Nehring: Altpoln. Sprachdenkmäler, и словарь Linde. *Biernia* (боръ, поборъ отъ *брать*, какъ дань, подать отъ *дать*) означало въ Чехіи (berňa, berně) государственную дань (такъ и въ Слезіи); слово было извѣстно въ Польшѣ еще въ XVII в.; а въ XIV в.: omnes proventus in toto regno Poloniae, qui vulgariter nuncupantur berne (Helcel: Pomniki prawa pol. I. 226). *Wróg* (врагъ, непріятель) означало въ древнепольскомъ языкѣ вѣроятно тоже убійцу (какъ и чеш. vrah); по крайней мѣрѣ дрполь. *wrożda*, *wrożba* означаетъ тоже вину (пеню) за убійство. Срв. „Славяне" I. 107—108. *Stryc* (чеш. strýc) и stryk сокращено изъ stryj-ec (въ нын. польщизнѣ stryj, прилаг. stryjeczny, stryczny, срв. wuj вмѣсто uj, а прилаг. wujeczny отъ wujec вм. ujec, чеш. ujec); форма stryc встрѣчается въ юридическихъ памятникахъ XV в. (stryc, brat stryczny рядомъ съ brat stryjeczny), у М. Бѣльскаго (Kronika świata 1550, пишетъ stricż).

[2]) О шаришско-потоцкой библіи, хранящейся въ г. Шаришскомъ Потокѣ въ сѣверной Угріи и изданной А. Малэцкимъ, см. статьи Неринга (Archiv für slav. Philologie VI. 159), I. Иречка (Časopis Českého Musea 1872, 297), Огоновскаго (Archiv f. slav. Philologie IV. 243, 253), Семеновича (Archiv f. slav. Phil. IX. 113, 529). Огоновскій отыскалъ въ языкѣ библіи тоже вліяніе словѣнское и малорусское, что однако оказывается произвольнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ словъ древнепольскихъ и чешскихъ.

кромѣ формъ и словъ въ родѣ: buog, bratuow, vcżennikuom, powieda, cżtwartego, ze wszem drzewym, iymieno, zakon (testament), cżirnidło, iytzi (т. е. jici, чеш. jíti), которыя суть или могутъ быть тоже польскія, чешское вліяніе замѣтно на пр. въ нѣкоторыхъ словахъ, въ которыхъ, вмѣсто правильныхъ и обыкновенныхъ въ этой книгѣ посовыхъ звуковъ (ą, ę) встрѣчаются такія формы: wszechmogaúcy (чеш. wssemohaucy), maúdroscy, saúsiedzi, zdziwily sie sú, rzekúcz (рядомъ съ: rzekącz), vwierzú (но vcżinią), hnet, wladarz, wladarstwo, wladnący (infinit. = władnąci), odtud, tehdy, muki (но: męczisz), rozmarhal, и пр. [1]).

Любопытно сравнить текстъ польскихъ библейскихъ книгъ XIV—XVI вѣковъ, замѣну многихъ древнопольскихъ (вмѣстѣ съ тѣмъ и чешскихъ) словъ болѣе новыми. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ:

псалтирей (żałtarz, żołtarz) XIV и XV вв. (флоріанской и пулавской):	псалтирей (żołtarz) В. Врубля 1539, 1540, 1543, 1547 гг.: [2])	библіи (psałterz) 1561 г.:
czysło	liczba	liczba
gąść i piać	chwalić i śpiewać	chwalić i śpiewać
gęśli i żałtarz (żołtarz)	lutnia i psałterz t. j. gęśli	harfa i żołtarz
lichota [3]) (zgłoba)	złość	złość
kaźń (dyscyplina)	nauka	kaźń

---

[1]) Эту книжку знаемъ только изъ статьи Калужняцкаго о польскомъ правописаніи въ Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften, Bd. 99, p. 967.

[2]) Въ псалтири Врубля 1535 г. сохранилось еще нѣсколько архаизмовъ: (drog) gospodinowych, ssąd zdunowy, pamiętnik, osierdzie, jenże, которыя уже въ изданіи 1539 г. замѣнены словами: bożych, garniec gliniany, kto na cię będzie pamiętał, srogość, który.

[3]) Такъ переводится латин. слово nequitiae. Въ чешской псалтири XIV в. (витенбергской) переводится это стариннымъ словомъ sabirstwo, о которомъ см. въ нашей статьѣ въ Archiv f. slav. Philologie VIII. 20.

kobyłka	kobyłka (тоже locusta)	sarańca
krasa	cudność	krasa
nalaz	wymysł	wynalazek
obiet	ofiara	ofiara
ostrow	wyspa	wyspa
pirzwieniec	pirworodny	pierworodny syn
pop	kapłan	kapłan
posełkini	służebnica	służebnica
potępa	pośmiech	pośmiewisko
prokny	wszytki	wszystki
pych	pyszne słowa	pyszne rzeczy
ssąd zdunowy	garniec gliniany	garnczarskie naczynie
żdać	oczekawać	oczekawać
żyzność	obfitość	obfitość. [1])

Для сравненія текстовъ приводимъ здѣсь начало второго псалма

изъ польской псалтири XIV в. (въ скобкахъ изъ псалтири XV в.):	изъ польской псалтири Врубля 1540 г.:
1. Przecz scrszitalo poganstwo, a ludze mislili sǫ prosznoscz.	1. Y czemu się ták przykro rozgniewáli pogáni, á lud żydowski prozne rzeczy poczynał.
2. Przistaiali sǫ (pomagaly) crolowe zemszczy, a ksǫszǫta seszli sǫ se na gromadǫ (w yedno) przeciwo gospodnu (bogu), y przeciwo iego pomazanczu.	2. Powstali krolowie ziemscy, a kxiążętá zeszli się społem w iedność náprzećiwko pánu y przećiwko Krystusowi iego.
3. Rostarguymy gich przecowi, i srzuczimy s nas garzmo gich.	3. Rozerwimy to ich więzienye, á zrzućmy z siebie ich iárzmo.

[1]) Въ обоихъ псалтиряхъ, флор. и пулав., встрѣчаются тож слова: brzemię (время, обыкновенно czas), trzem (теремъ).

4. Ien (ten) przebiwa na nebesech, pozmeie se gim, y gospodzin zwala smech w nich.

5. Tegdi (tedy) molwicz bǫdze k nym w gnewe swoiem y w roserdzu swoiem zamǫcy ie.

6. Ale ia postawon iesm crol od nego na Syon gorze, przepowadaiǫ (przepowyadayǫcz) kazn (przykazane) iego.

4. Ale ktory mieszka w niebie, nasmieye się z nich, á pan bog sam ie będzie náigrawał.

5. Potym więc k nim będzie mowił w gniewie swoim, á srogością swoią zasmući ie.

6. Wszakoż ia vstáwionem od niego ná Syon gorze swiętey iego, przepowiádáiąc przykazanie iego.

изъ польской библіи 1561 г.:

1. Przecż się zburzyli pogáni, á ludzie myslili prozności.
2. Stánęli krolowie źiemscy, y kxiążęta żesli (!) się pospołu przećiwko Pánu, y przećiwko pomázáńcu iego.
3. Rostárgniemy zwiąski ich, á zrzućmy z siebie iárźmo ich.
4. Ktory przebywa w niebiossách, náśmieie się s nich, á Pan vrągáć im będzie.
5. A thedy w gniewie swoim do nich mowić będzie, y w zápálczywośći swey zámąći ie.
6. A ia lepak postánowionym iest krolem od niego nád iego swiętą gorą Syon, oppowiedáiąc roskazánie iego. [1])

изъ чешской псалтири XIV в. (витенбергской):

1. Procz su sie wzridaly wlasty, a lude myslyly su prazdnye.
2. Przistupily su kraly zemsczi, a knyezata sie sessly

изъ чешской библіи 1506 г.:

1. Procž gsú prchali pohanee, a lidee rozgijmali gsú daremné wiecy.
2. Zastawili se králowe zemstij, a knižata sessla se

---

[1]) Срв. тоже текстъ 136-аго псалма изъ разныхъ рукописныхъ печатныхъ книгъ въ Zabytek dawnéj mowy polskiéj (Poznań 1857, s. 67).

w gedno proty hospodynu a proty bohu geho.	w gedno proti panu a proti Kristu geho.
3. Zlamaymy okowy gich, a otwirzmy ot nas yhoy gich.	3. Roztrhnieme swazky gich, a odwrzme od sebe gho gich.
4. Genz bidli na nebesiech, posmyege sie gim, a hospodyn wzruha sie gim.	4. Kteriž obýwá w nebesiech, posmiewati se bude gim a hospodin poruhati se bude gim.
5. Tehdy wzmluwy k nym w hniewie swem, a w ridany swem smuti gie.	5. Tehda mluwiti bude k nim w hniewu swem a w prchliwosti swé zarmútit' ge.
6. Ale yaz vstawen sem kral ot neho nad Syon horu swatu geho, kazye kazanye geho.	6. Ya pak vstawen gsem kralem od ňeho nad Syonem horú swatú geho, ohlassuge przykázanije geho.

Чешскими библіями пользовались польскіе переводчики до второй половины XVI в., но уже только какъ пособіемъ, которое облегчало переводъ, которое однако не повліяло на его языкъ. Чешская библія и вѣроятно тоже польская библія Андрея изъ Яшовицъ находились въ рукахъ переводчика католической польской библіи, исправленной священникомъ Іоанномъ изъ Львова (Leopolita) и изданной Шарфенбергеромъ въ Краковѣ 1561 (потомъ 1574, 1577). Чешскою библіею пользовался тоже другой польскій переводчикъ іезуитъ Вуекъ (1599), но въ его текстѣ чешское вліяніе не замѣтно. Возможно, что чешскою библіею пользовались тоже протестантскіе переводчики библіи берестской (Радзивилла, 1563), и переводчикъ несвижской библіи (1572) Будный, хорошій знатокъ славянскихъ языковъ. [1])

---

[1]) Переводчикъ библіи 1561 г. неизвѣстенъ; нѣкоторые полагаютъ, что это былъ доминиканецъ Леонардъ; срв. Muczkowski: O Janach Leopolitach i bibliach Szarfenbergerowskich; Wiszniewski: Historya liter. polskiéj VI. 549; Jocher: Obraz bibliograf.-histor. II. 7 Если въ одной запискѣ начала XVII в. говорится, что „Leonhard dicitur biblia sacra ex bohemico idiomate in linguam polonica transtulisse," то это невѣрно; текстъ переведенъ изъ латинск

Чешскія церковныя пѣсни переходили и въ Польшу, списывались и пѣлись здѣсь болѣе или менѣе полонизированныя, но рядомъ съ чисто польскими пѣснями. Такъ еще въ XV в. пѣлись церковныя пѣсни на польскомъ языкѣ, въ которыхъ однако остались нѣкоторыя чисто чешскія слова и формы вопреки духу польскаго языка; на пр. wstampil—otkupil (риѳма), zdrawa, nadyegie, wzdychame, lkagicze, placzice, Gezisye pozehnanego и др., что позже исправлено въ wzdychamy, łkając, płacząc, błogosławiony и пр. [1]) Чехизмы попадаются тоже въ молитвенникахъ, какъ на пр. въ молитвенникѣ сестры Констанціи (1527) и въ такъ наз. молитвенникѣ короля Сигизмунда I: nadieja (вм. nadzieja), nierozdilne (вм. nierozdzielne), diwny (вм. dziwny), matica (вм. macica), cichost (вм. cichość), bohu (вм. bogu), dusze (вм. dusza), prześladowanie grzesznego, muczenica (рядомъ съ męczenica), sud, łasku, matku и пр. [2]) Такія неорганическія явле-

---

вульгаты на хорошій польскій языкъ, а вовсе не „obfituje w wyrażenia i zwroty czeskie," какъ это голословно утверждаютъ нѣкоторые до сихъ поръ (срв. Bukowski: Dzieje reformacyi w Polsce I. 144). Все это надо понимать такъ, что переводчикъ заглядывалъ въ чешскую библію, какъ это дѣлали хорватскіе протестанты, русскіе переводчики острожской библіи и др. О Будномъ см. „Славяне" т. II, стр. 152—154.

[1]) Обширно у Неринга Altpoln. Sprachdenkmäler 108 — 193. Въ пѣснѣ Bogarodzica не видимъ чехизмовъ; формы sławiena, zwolena, вовсе не чешскія, какъ кажется Нерингу (Archiv f. slav. Philologie I. 79), а польскія. О нѣкоторыхъ чешскихъ пѣсняхъ и молитвахъ въ двухъ краковскихъ рукописяхъ XIV — XV вв. см. нашъ Отчетъ 1882 г., стр. 2 - 3. Въ одномъ польскомъ декалогѣ шестая заповѣдь гласитъ: nie zesmilnisz (чеш. nesesmilniš), грѣхъ—smilstwie (Archiv f. slav. Philologie XII. 140), въ другихъ: nie czyń grzechu nieczystego, nieczystości nie płodzi (Nehring Altpoln. Sprachdenkmäler 200 sqq); слово śmilstwo (z bałwany swemi śmilstwo stroili) встрѣчается еще въ польской библіи 1561 г. (Ezdr. 23, 37). Срв. польское и чешское имя Smił.

[2]) Wislocki въ сб. Sprawozdania komisyi językowéj III. 73, Hanusz въ сб. Rozprawy akademii, wydz. filolog. XI. 44.

нія польской фонетики (на пр. замѣна носовыхъ гласныхъ чистыми) замѣтны особенно въ нѣкоторыхъ польскихъ памятникахъ слезскаго происхожденія. Въ Слезіи чешскій языкъ сталъ рано, съ половины XV в., общеизвѣстнымъ и офиціальнымъ, вліялъ на мѣстное польское нарѣчіе, которое и такъ во многомъ было сходно съ сосѣдними нарѣчіями чешско-моравскими. Такъ въ одной рукописи XV в. и въ печатной книгѣ Statuta synodalia episcopi (wratislawiensis) Conradi (Wratislawiae 1475) помѣщены молитвы на польскомъ языкѣ для Слезаковъ; въ польскихъ молитвахъ встрѣчается однако нѣсколько чешскихъ словъ, которыя легко можно было замѣнить польскими: gsi, budz, nebi, odpusstiame, od zleho, newodiz, zdrawa, s tabu, myezi, wssechmogucziego tworzitala nyebe, trzeti, z mrtwich (рядомъ съ: martwe), wstupil, suientu czierkau obiecsnu, odpusstianye, otcze (рядомъ съ otcza); эти слова въ другихъ рукописяхъ молитвъ XIV—XV вв., писанныхъ въ собственной Польшѣ для тамошнихъ Поляковъ, пишутся правильно по-польски: yesz (jeś), b⌀cz—bandz—bącz, nebe—nyebye, otpusczami (od-my), ote (ode) zlego, zdroua (szdrowa), s toba (tobą), medzi (myedzy), wsemog⌀czego (s)tworziczela neba (nyeba), trzeczyego, wstąpil, z martwych, swat⌀ (szvyąthą) czirkyew (czyerkyew (czyerkyew, czyrkiew) krzescyanszką, odpuszczenye, otcza (oczcza). [1]) Къ числу польско-слезскихъ памятниковъ надо отнести и другія, на пр. польскія глосы въ одной латинской рукописи изъ половины XV в. (теолог. содержанія), гдѣ — рядомъ съ правильными польскими формами — встрѣчаются тоже формы: bezdeczność, odsudzili, potupili (а: sąd, potępa), sem, su, suce (а: są) и др.; пѣснь Давида (первой половины XVI в.), написанная на удивительномъ языкѣ, смѣси языковъ польскаго и чешскаго; въ ней встрѣчаются формы: hrzechy, bohu, jeho, libość, služiti, miłowati, wątpiti, zabit, opustil, miłostiwy, ho-

---

[1]) Подробно Быстронь въ сб. Prace filologiczne I. 345 — 3… срв. 61. Быстронь вопреки Нерингу (Archiv für slav. Philologie 72) слова gmye, wuola, справедливо считаетъ польскими а не че… скими; но формы wstupil, budz, suientu (т. е.—*tu*) не польскія, а чеш…

dzine, рядомъ съ: wszechmogący (единственное слово съ g), śmierci, miłość, dopuścił, dać, kajać, ji (eum), и др. [1]).

Значеніе и важность чешскаго языка, особенно въ богословской литературѣ, признаетъ еще во второй половинѣ XVI в. польскій переводчикъ одной книги Лютера (Postilla domowa M. Lutera, Królewiec 1574), Іеронимъ Малецкій, Мазуръ изъ Лыка: „Хорошій переводчикъ, который хочетъ переводить съ нѣмецкаго языка, долженъ хорошо понимать по-нѣмецки, и не только быть хорошимъ Полякомъ и правильно и исправно употреблять обороты рѣчи, но онъ долженъ знать тоже чешскій языкъ, потому что польскій и чешскій языки — одна рѣчь, не смотря на то, что каждый изъ этихъ языковъ имѣетъ свои собственныя выраженія или особенности. И такъ какъ Чехи раньше Поляковъ перевели библію и другія книги Лютера на свой чешскій языкъ, то мы Поляки должны были и въ нынѣшнее время брать много словъ отъ Чеховъ, и употреблять ихъ, преимущественно въ богословіи“.

Вліяніе чешскаго языка замѣтно тоже въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ свѣтской литературы польской, особенно въ переводахъ. Такъ на пр. въ романѣ Fortuny i cnoty różność w historyi o niektórym młodzieńcu ukazana (1524), переведенномъ съ чешскаго [2]), польскій переводчикъ находился подъ вліяніемъ чешскаго подлинника, если онъ изрѣдка написалъ żadne, ktore (genit. вм. обыкновенныхъ żadnej, ktorej), hnet, lehki, pry, čego (чеш. č вм. обыкновеннаго cz), слова dzielnicy (dělníci, поль. robotnicy), odrany (поль. obdarty), potka (pătka, поль. kłótnia), boległow (растеніе, чеш. bolehlav) и др. Подобно тому средневѣковый романъ объ Аполонѣ тирскомъ переведенъ на языкъ польскій—неизвѣстно когда—съ чешскаго; польскій текстъ со-

---

[1]) Глосы издалъ Л. Малиновскій (Sprawozdania komisyi język(ój akademii I, 295); пѣснь Давида, изъ рукописи краковскаго унив(ситета Nro 3301, стр. 232, въ нашемъ Отчетѣ за 1882 г., стр. 4. В(пе приведенныя слова пишемъ нынѣшнимъ правописаніемъ.

[2]) О чешскомъ подлинникѣ см. Časopis Česk. Mus. 1848, 113. П(ьскій романъ вновь изданъ въ Краковѣ 1889.

хранилъ и въ позднѣйшихъ изданіяхъ слѣды чешскаго подлинника, который переводчикъ не всегда понялъ, передавши на пр. чеш. nesličný словомъ niezliczony [1]).

Чехи и Поляки, начиная писать на своихъ языкахъ не письмомъ славянскимъ, а латинскимъ, наткнулись на непреодолимыя препятствія, чтобъ передать славянскіе звуки, *ч*, *ш*, *ж*, и пр.; они должны были тутъ прибѣгнуть къ разнообразнымъ, болѣе или менѣе удачнымъ, подъ-часъ безобразнымъ комбинаціямъ изъ латинскихъ буквъ [2]). Чешскіе и польскіе писцы не всегда писали одинаковымъ способомъ, и чешское правописаніе повліяло на польское только отъ части [3]). Такъ на пр. въ XIV в. писавшій польскую псалтирь пишетъ: dusza, szemye, szǫda, zhǫdost, morze, yego, и пр., а чешскій писецъ: dussye, ziemie, zada, zadost, morse, geho, и пр.; но оба одинаково: vczynyl, czakal, gemu, yaz, rzekl, studniczy (studniczi), и пр.; въ польской и чешской библіяхъ пишется: pocsǫtcze—poczatcie, szemya—zemie, uszyteczna—uzyteczna, и пр. Чешское вліяніе на польское правописаніе особенно замѣтно въ означеніи звука j (й) посредствомъ буквы g, которая однако означала тоже свойственный польскому языку звукъ g (чешское h); такъ на пр. Поляки писали: gego (т. е. jego), gy, gi (т. е. ji, eum), gygra (т. е. jigra), gǫzik (język), gyedynego (jedynego), Чехи: geho (jeho), gey, gazik, gedineho. Вмѣсто этого *g* Поляки писали иногда также *y*, *i* (yaz, yego, ielen, moie),

---

[1]) Объ этомъ романѣ см. статью I. Поливки въ ж. Listy filologické 1889. Вопросъ о средневѣковыхъ романахъ, которые перешли къ Полякамъ уже при посредствѣ чешскихъ переводовъ, слѣдуетъ тщательно разработать; такъ романъ объ Аполонѣ перешелъ въ польскую литературу изъ чешскаго перевода, между тѣмъ какъ романъ объ Александрѣ Великомъ (изд. 1550 г.) переведенъ прямо изъ латинскаго. Нѣкоторые западно европейскіе романы переходили — при посредствѣ польскихъ переводовъ—и въ русскую литературу.

[2]) См. „Славяне" I. 204.

[3]) О польскомъ правописаніи см. выше упомянутую статью Неринга въ Archiv f. slav. Philologie I, и статью Калужняцкаго въ Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften (1882), Bd. ..., p. 947.

которое съ половины XV в. вытѣсняло *g*; одно только слово *ji* (eum) пишется до начала XVII в. *gi*, *gy*; также уцѣлѣло v (=u) въ началѣ словъ: vczynić, vsta (т. е. uczynić, usta).

Чешское правописаніе поправилъ и упростилъ I. Гусъ, введеніемъ діакритическихъ значковъ (ċ, ṡ, ż, ṙ, ṅ, ḋ, ṫ), хотя эта орѳографія не сейчасъ вытѣснила прежнюю. Правописаніе Гуса не привилось въ Польшѣ, вѣроятно какъ „еретическое". Въ 1440 г. Яковъ Паркошъ, ректоръ краковскаго университета, придумалъ для польскаго языка довольно безобразную орѳографію по давнишнему способу. Хотя онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „нашъ славянскій языкъ, преимущественно польскій, нуждается въ многихъ буквахъ", то онъ все-таки пишетъ: pissesch, ssvee, patrzij, gǫzik, и пр., какъ будто орѳографія Гуса не существовала. Послѣ Паркоша неизвѣстный далъ буквамъ особыя названія (какъ это сдѣлалъ и Гусъ): Adaam bil bijl cał kaal czas etc., и другой, въ предисловіи къ статьѣ Паркоша (1486 г.), замѣчаетъ, что и Греки и Русскіе придаютъ буквамъ особыя названія: as, buky, vede, lahol [1]).

Но простое правописаніе Гуса все-таки сдѣлалось извѣстнымъ и въ Польшѣ. Такъ на пр. въ одной старопечатной латинской книгѣ начала XVI в. находится начало польскаго евангелія св. Іоанна, и здѣсь пишутся польскія слова: poċątku (но также początku), ċłowiek (но также człowiek), przesen; но bycz, bozzéi, przijeli; вмѣсто польскаго dz пишется на чешскій ладъ ḋ: przikhoḋącego, vidielismy, naroḋeni, и пр. [2]). Въ началѣ XVI в. Станиславъ Заборовскій, въ книжкѣ Orthographia seu modus recte scribendi et legendi polonicum idioma (1518), старался установить колеблющееся польское правописаніе, по примѣру чешскаго, введеніемъ діакритическихъ значковъ (signare litteras quibusdam punctis, sicut Bohemi et Sclavi). Звуки *ч*, *ш*, *ж*, и свойственное чешскому и польскому языкамъ ř (rz), Заборовскій значаетъ, по примѣру Гуса, точками: ċ, ṡ, ż, ṙ; звуки ć, ś, ń, р' и пр.— двумя точками: c̈, s̈, n̈, и пр. (о ź забылъ); польскій звукъ

[1]) Паркоша: De orthographia polonica libellus, ed. Bandtkie 30); Maciejowski: Piśmiennictwo polskie, Dodatki, p. 95.

[2]) Снимокъ въ ж. Czasopismo Ossolińskich 1834, p. 82.

dz означаетъ—какъ это встрѣчается уже въ только что упомянутомъ отрывкѣ евангелія — по-чешски ḋ, а dź — двумя точками d̈, ł по-чешски l'. Заборовскій вообще знаетъ хорошо чешскій языкъ; онъ на пр. знаетъ, что вмѣсто польскихъ носовыхъ звуковъ Чехи произносятъ u (budu, ruku), иногда a (svatý, proklatý) [1]). Предлагаемое Заборовскимъ правописаніе однако не привилось. Въ латинской книгѣ Матвѣя Мѣховскаго Tractatus de duabus Sarmatiis (Cracoviae 1517) польскія слова и имена пишутся, по примѣру Заборовскаго, gore, more, krzecot, Turagora Ċircaci, Drohicin, Zidacow, Dreuyanye, Trauyane и пр.; но уже во второмъ изданіи этой книги (1521) эти слова пишутся: gorzey, morze, krzeczot, Turzagora, Czyrkaczy, Drohyczyn, Zydaczuow, Drzewianie, Trawianie, и пр.; такъ и въ польскомъ переводѣ этой книги Мѣховскаго [2]).

Чешское вліяніе въ польской орѳографіи явилось хоть отъ части еще у Іоанна Секлюціана (въ статьѣ о польскомъ правописаніи при его польскомъ переводѣ евангелія, въ Королевцѣ 1551), который звуки ć, ś, означаетъ двумя или одною точкою, ž, а въ остальномъ пишетъ cz, sz, rz (для ź особую форму буквы z); потомъ у Валентина Брёзовскаго въ его протестантскомъ канціоналѣ, переведенномъ съ чешскаго: Cantional albo księgy chwał boskych etc. (Krolewiec 1554); Брёзовскій пишетъ тоже вмѣсто cz, sz, ż—c̈, s̈, z̈, вмѣсто ć, ś, ź—ċ, ṡ, ż; только rz оставлено (będzieś, opuscon, zywot, przecytac). Но и эта попытка осталась попыткою, равнымъ образомъ какъ и нѣкоторые другіе проекты исправить польское правописаніе, на пр. І. Кохановскаго и Луки Горницкаго [3]). Въ польскомъ языкѣ установилось съ

---

[1]) Сочиненіе Заборовскаго издано съ 1518 — 1560 г. восемь разъ; по-польски въ 1825 г. Кухарскимъ; литограф. снимокъ перваго изданія (1518) въ Краковѣ въ 1882 г. Въ правописаніи Заборовскаго встрѣчаются впрочемъ тоже непослѣдовательности, на пр. относительно dz и dź, іотаціи (n̈ebyosa, ymyenya).

[2]) Срв. въ статьѣ Калужняцкаго, стр. 966.

[3]) См. въ статьѣ Калужняцкаго, и срв. выше, стр. 200, и „Славяне" II. 149.

XVI в. правописаніе до нынѣ употребляемое, т. е. передавать свойственные польщизнѣ звуки по меньшей части при помощи комбинаціи латинскихъ буквъ (cz, sz, rz), а по большей части при помощи діакритическихъ значковъ (á, é, ó, ą, ę, ć, ś, ź, ż, ń, ł).

Давнишнія были сношенія Поляковъ и Словаковъ, какъ ближайшихъ соплеменниковъ и сосѣдей. Словаки входили въ составъ польскаго государства Болеслава Храбраго, но по смерти этого короля присоединены къ Угріи (а Спишъ только въ началѣ XII вѣка). Польское населеніе уже рано переселялось и на южную сторону карпатскихъ горъ, смѣшиваясь здѣсь съ словенскимъ населеніемъ. Одна часть угорско-словенской земли спишской въ началѣ XV в. перешла подъ прямое владычество польское, составляя староство краковскаго воеводства, и такимъ образомъ спишскіе Словаки и Поляки находились подъ управленіемъ польскихъ чиновниковъ [1]). Около половины XV вѣка, когда верхняя, словенская Угрія находилась подъ фактическимъ управленіемъ чешскаго гейтмана Искры изъ Брандыса, намѣстника королевы Елисаветы и ея малолѣтняго сына Ладислава, и потомъ и другихъ чешскихъ авантюристовъ Аксамита, Талафуса, Швеглы и др., въ ихъ войска поступало много Словаковъ и Поляковъ, въ числѣ послѣднихъ братья Коморовскіе. При такихъ близкихъ сношеніяхъ обоихъ славянскихъ народовъ дѣлались и ихъ нарѣчія извѣстными, польское у Словаковъ—которые именно тогда въ XV в. стали писать по-чешски—и чешско-словенское у Поляковъ карпатскихъ; такимъ образомъ могло случиться, что въ одну польскую грамоту половины XV в., вѣроятно ново-сандечскую, попали чешско-словенскія слова hrad, buděš [2]).

---

[1]) Срв. Janota: Zapiski o zaludnieniu dolin Dunajca i Popradu na Spižu (Roczniki towarzystwa naukowego, Kraków, t. 32, 1864), Sz. Morawski: Sądeczczyzna (Kraków 1863—1865, 2 t.); срв. тоже Wagner: Analecta Scepusii (Viennae 1774 — 1778). Акты спишскаго староства велись по всей вѣроятности на латинскомъ языкѣ. Чехи и Словаки говорятъ Спишъ, Поляки Спижъ, въ галичско-волынской лѣтописи XIII в. Зъпишъ; оттуда латин. Scepusium, нѣм. Zips, угор. Сепешъ.

[2]) Nehring: Altpolnische Sprachdenkmäler, 261.

Важнымъ звеномъ между народами чешско-моравскимъ и польскимъ была порубежная Слезія, находившаяся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними чешско-моравскими странами. Не говоря о томъ, что Слезія или значительная ея часть входила уже въ составъ государствъ моравскаго Святополка и чешскихъ Болеславовъ, туда переходили и позже, во время польскаго владычества, многіе Чехи, въ ряды духовенства, въ монастыри, и какъ колонисты [1]). Слезскіе князья Пястовичи уже рано сносились и роднились съ чешскими Премысловичами и Люксенбургами, при которыхъ Слезія соединена съ чешскимъ государствомъ, тогда уже по большей части онѣмеченная [2]). Въ одной только верхней Слезіи, въ княжествахъ ратиборскомъ, опольскомъ, бытомскомъ, тѣшинскомъ, освѣтимскомъ, заторскомъ, сѣверскомъ,

---

[1]) Въ древнѣйшемъ слезскомъ (вратиславскомъ) некрологѣ XII—XIII в. (Zeitschrift des Vereins für Geschichte u. Alterthum Schlesiens, X. 410, срв. Archiv für slav. Philologie X. 372) многія изъ записанныхъ именъ имѣютъ характеръ не польскій, а чешскій: Dubech, Wasech, Wratizlawa, Bochdanus, Rospuch, Branisius, Swetos, Chradizlaus и др.; ср. польскія имена: Prundota, Wencech, Wlost, (но тоже Wlazt), Wlodimirus, Wlostibor, Sansiwojus, Sandis, Drosec, Swentca, Swentech, Zwentana, Droguslaus, Drogos, Woycech, Wloscizlawa, Wlosceg. Такъ какъ большинство именъ (Ярославъ, Мирославъ, Борешъ, Добеславъ, Сулиславъ, Моймиръ, Людмила, Богуслава, Здислава) общи Чехамъ и Полякамъ, то нельзя опредѣлить, кто эти люди были; имена въ родѣ Bartholomeus Moravus очень рѣдки.— Въ Liber fundationis claustri S. Mariae in Heinrichow XIII в. (ed. Stenzel) въ числѣ колонистовъ въ имѣніяхъ этого слезскаго монастыря часто приводятся и Чехи: Bogwalus (Богухвалъ) Boemus, Myrzlaus (Мирославъ) Boemus, Dirizlaus (Держиславъ, Дерславъ) de Bohemia.

[2]) Тѣмъ не менѣе слезскіе Пястовичи всегда сознавали свое польское происхожденіе. Такъ на пр. когда легницкій князь Христіанъ поздравилъ новаго польскаго короля Михаила Вишневецкаго, то этотъ благодарилъ князя (1669), замѣчая, что emicant eminente[r] in epistola ejus non degeneris a Piasto illo primaevo regum et patr[iae] patre spiritus et calentis adhuc in suis posteris erga gentis originis suae gloriam et fortunam amoris scintillae etc. (Mosbach: Wiadom[ości] do dziejów polskich z archiwum prowincyi szląskiéj, 352).

и др., народъ остался польскимъ, хотя князья Пястовичи, высшее духовенство, часть шляхты, тоже пошли по слѣдамъ своихъ нижне-слезскихъ товарищей и онѣмечились, а мѣщане уже своимъ происхожденіемъ были Нѣмцы (какъ и въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ). Языки латинскій и нѣмецкій господствовали повсюду въ Слезіи, а о польскомъ не было и помину. Гуситское движеніе отразилось и на верхней Слезіи, и распространило туда чешскій языкъ, тѣмъ болѣе, что тогда княжества опавское и керновское (съ чешско-моравскимъ населеніемъ) и ратиборское (слезское, съ польскимъ населеніемъ) были соединены подъ родомъ, происходившимъ отъ чешскихъ Премысловичей, и въ княжествахъ керновскомъ и опавскомъ чешскій языкъ сталъ офиціальнымъ еще во время гуситскихъ войнъ (1426, 1431 гг.). Оттуда чешскій языкъ распространился въ верхнюю Слезію, не только въ княжество ратиборское, а тоже въ княжества опольское, тѣшинское, освѣтимское, заторское, сѣверское, потомъ и въ глоговское, олешницкое, козельское, зембицкое (минстербергское, гдѣ княжили со второй половины XV в. потомки Юрія Подѣбрадскаго). Чешскій языкъ употребляется, рядомъ съ нѣмецкимъ, въ грамотахъ чешскихъ королей и ихъ намѣстниковъ въ Слезіи [1]), слезскихъ князей, шляхты, духовенства (на пр. монастырей рудскаго, ратиборскаго), даже и нѣкоторыхъ городовъ (на пр. Ополя, Крапковицъ, Гливицъ). Чешскій языкъ сдѣлался съ теченіемъ времени офиціальнымъ, языкомъ судовъ, именно въ княжествахъ ратиборскомъ и опольскомъ, тѣшинскомъ и въ трехъ мелкихъ княжествахъ на польской границѣ, освѣтимскомъ, заторскомъ и сѣверскомъ. Въ концѣ XV в. одинъ опольскій князь не понималъ по-нѣмецки, и на съѣздѣ слезскихъ князей въ Нисѣ (1497) нѣкоторые изъ нихъ разговаривали другъ съ другомъ по-чешски [2]).

[1]) Король Владиславъ постановилъ (1510), что верхній намѣстникъ (гейтманъ) слезскій, и намѣстники свидницкій, яворскій, глоовскій и опавскій (Опава считалась тогда уже частью Слезіи), намѣстникъ лужицкій — должны быть назначаемы только изъ Чеховъ, не изъ другихъ народовъ и языковъ. (Palacký Dějiny n. č. V. 2, 172).

[2]) Множество чешско-слезскихъ грамотъ XV и XVI вв. напечатано въ Codex diplomaticus Silesiae, tt. II et VI. Чешскія грамоты

На чешскомъ языкѣ написаны и статуты верхней Слезіи, именно Zřízení zemské knížetství opolského a ratiborského i jiných krajuov k nim příslušejících (одобренное на сеймѣ въ Ополѣ 1561 г. и напечатанное въ Оломуцѣ 1563, новое изданіе въ Нисѣ 1671), и Zřízení zemské knížetství těšínského (издано въ 1572 г., и напечатано въ Оломуцѣ 1592). Оба эти статуты составлены по статуту моравскому и сходны между собою. Господство чешскаго языка или другого родственнаго (т. е. польскаго) въ судахъ постановлено въ этихъ статутахъ особыми статьями: A před soudem česky aneb tomu jazyku rozumitedlnú řečí, a ne jinač ode všech cizích i domácích mluveno, a pře vedeny býti mají. I nálezové českým jazykem činění, vypovídaní a psaní pod pečetí zemskú vycházeti, stranám vydávaní a do knieh zapisováni býti mají. Pa-

---

князей опавско-ратиборскихъ начинаются здѣсь съ 1433 г., опольскихъ (и глоговскихъ) съ 1440 г., тѣшинскихъ съ 1441 г., освѣтимскихъ съ 1457 г., олешницко-козельскихъ съ 1466 г., минстербергскихъ съ 1475 г. (срв. тоже Časopis. Česk. Mus. 1882, 527); слезской шляхты съ 1430 г.; слезскихъ монастырей рудскаго съ 1421 г., ратиборскаго съ 1450 г.; декана брежскаго 1476 г.; городовъ Гливицъ 1483 г. (но тоже по-нѣмецки), Ополя 1488, 1498 гг. (но обыкновенно грам. нѣмецкія), Крапковицъ 1507 г., и пр. Нѣкоторыя чешскія грамоты и письма слезскія XV—XVI см. въ сб. Archiv český (II. 393, и въ другихъ томахъ), въ Lehns u. Besitzurkunden Schlesiens u. seiner einzelnen Fürstenthümer im Mittelalter, ed. Grünhagen u. Markgraf (Leipzig 1883, II); нѣкоторыя слезскія грамоты на чешскомъ языкѣ см. въ нашемъ Отчетѣ 1882 г. и въ ж. Časopis Česk. Musea 1880, p. 403—409; въ дипломатаріѣ Бонецкаго (Codex diplomat. Poloniae Silesiae, Varsoviae 1887); другія хранятся въ архивѣ чешскаго музея въ Прагѣ, на пр. грамота глоговскаго князя Генриха 1422 г., грамоты князей минстербергскихъ, гр. тѣшинскаго князя Адама Вячеслава 1615 г., городовъ Легницы 1452 г., Тѣшина 1542 г., Олешна 1646 г., Фридка 1654 г. и пр. Срв. Grünhagen: Geschichte Schlesiens I. 389; Einige Quellen zur Geschichte Schlesiens überhaupt u. des H. Teschen insbesondere, Elvert: Verfassung von Schlesien (обѣ статьи въ Schriften der hist.-statist. Sektion der k. k. mährisch-schlesischen Gesellschaft, Bd. V, VII), Biermann: Geschichte d. H. Teschen (1863), Sláma: Dějiny Těšínska (1889), его-же Vlastenecké putování po Slezsku, и др.

kliby kdo jaké spravedlivosti, listy, grundfešty aneb svědomí pokázati chtěł před soudem zemským, jiným a ne českým jazykem, bud'to łatině neb německy předłožiti potřebovał, tento sobě na česko hodnověrným osobám předłožiti a častně před stáním k soudu pilně vypsati dáti má. A českým jazykem při těch jiných jazykoch (!) spravedlivosti své předložiti má tak dobře cizozemec jako obývatel, aby se tady jiným stranám nemeškało. О распространеніи чешскаго языка среди шляхты верхней Слезіи свидѣтельствуютъ тоже чешское сочиненіе Вар. Папроцкаго по слезской исторіи: Štambuch slezský, v kterém hospodář s hostem o mnohých věcech spasitedlných rozprávějí, pod erby a rody starodávných pánův, panův rytířstva knížetství horních v Slezí (v Brně 1609). Папроцкій помѣстилъ здѣсь многія предисловія къ разнымъ слезскимъ панамъ о ихъ родахъ, на пр. пану Прусковскому, гейтману княжествъ опольскаго и ратиборскаго, восхваляя его какъ „od začátku víry svaté v krajích słavenskýsh opravdově stáłého a neproměnitedlného s. religionis cultorem“, Бесу изъ Колна, Ларишу, Зировскому и др.; обращаясь къ слезской шляхтѣ герба Подкова, Папроцкій производитъ ихъ родъ и гербъ со временъ Александра Великаго македонскаго, который когда-то подарилъ Славянамъ, первымъ своимъ рыцарямъ, всѣ ихъ нынѣшнія земли, Хорватію, Сербію, Болгарію, Чехію, Моравію, Слезію, Польшу, Поморье, Кашубію, Мишень, Москву, Русь, Подолье, Волынь и др.; а въ числѣ этихъ знаменитыхъ рыцарей находился тоже праотецъ рода и герба Подкова [1]).

Чешскій языкъ входилъ въ употребленіе тоже въ городахъ верхней Слезіи, начиная съ XV вѣка, такъ что онъ вытѣснилъ латинскій и нѣмецкій. Городскія привилегіи, съ начала нѣмецкія, подтверждались потомъ по-чешски, какъ на пр. привилегіи Фриштата, Скочова, Фридка. Изъ верхней Слезіи, особенно изъ тѣшинскаго княжества, вышло нѣсколько чешскихъ писателей, какъ на пр. Либерда и Трановскій изъ Тѣшина, Мартинидъ изъ [Б]уды и др. Чешскій языкъ въ верхней Слезіи сохранился въ публичной жизни — рядомъ съ нѣмецкимъ — до первой половины

[1]) См. „Славяне“ П. 130, срв. 245.

XVIII вѣка; еще въ 1671 г. оказалась потребность вновь издать чешскій статутъ опольско-ратиборскаго княжества; латинскій переводъ тѣшинскаго статута сдѣланъ въ концѣ вѣка XVII, нѣмецкій—въ концѣ в. XVIII. Прусскій захватъ большей части Слезіи вытѣснилъ чешскій языкъ совсѣмъ, а въ тѣшинскомъ княжествѣ, оставшемся Австріи, случилось такъ вслѣдствіе германизаціонной системы Іосифа II; для простого народа польскаго въ средней и восточной части тѣшинскаго княжества остался по большей части языкъ чешскій—а не польскій — официальнымъ и литературнымъ языкомъ [1]).

Языкъ слезско-чешскихъ грамотъ вообще—чистый литературный языкъ чешскій XV—XVII вѣковъ (особенно въ грамотахъ князей опавско-ратиборскихъ), съ небольшой примѣсью нѣкоторыхъ фонетическихъ и лексикальныхъ особенностей слезско-польскаго нарѣчія, которыя однако отъ части свойственны и порубежнымъ нарѣчіямъ моравскимъ (опавскому, ляшскому, валашскому), и зависѣли по видимому отъ писарей грамотъ, Чеховъ и Моравянъ или Поляковъ (слезскихъ), изучившихъ болѣе или менѣе литературный языкъ чешскій. Такъ на пр. въ грамотахъ встрѣчаются формы: zupełna, dził, miłosci, poradzeno, dać, Jeři, ji (eum), polskiéj ličby (обыкновенно čísła polského), somnieni (sumienie, чеш. svědomí), małženka, otčizna, mateřizna, dvuor poplužný aneb folverk (поль. folwark), и пр. Польскія имена иногда оставляются (Lgota, Gorny Głogow, Gliwice, Grodzisko—Grodisko, Guorski, Szeliga), иногда пишутся на чешскій ладъ: Hlivice, Hłohov, Šeliha, Pelhřimovice, Dłuhoš, Uhry (Węgry, село), и др.; названіе города Освѣтимя пишется по-чешски Osvětim (Oswietim), по-польски Oświęcim (Oswanczim). Также и чешскій языкъ статутовъ опольско-ратиборскаго и тѣшинскаго правильный литературный языкъ тѣхъ временъ. Представители княжествъ называются, какъ и въ Чехіи и Моравіи, stavové, именно panský, prełátský, rytířský (изрѣдка тоже: vládyky, zemané), намѣстникъ — hajtman, который вмѣстѣ съ канцлеро[м]

---

[1]) Prasek: Národopisné proměny na Těšínsku (Osvěta 1886, 14[…]

(kancléř) и верховнымъ земскимъ судьею (vrchní zemský sudí) и другими судьями (soudci), засѣдаютъ въ верховномъ судѣ (vrchní soud) въ Ополѣ и Ратиборѣ, рѣшаютъ дѣла на чешскомъ языкѣ, при чемъ постановленія суда (nálezové) записываются въ судебныя книги. Въ этихъ статутахъ встрѣчается только немного польскихъ словъ, на пр. posah (подлѣ věno), nevyposažená, otčizna, mateřizna (имѣніе отцовское и материнское), podatek, zdradce, šoltys, vyřeci (a odříci), přivłaštěn, odvłaštěn, формы žádnej (вм. žádné), statkoch, šeredzení, и пр.

Въ трехъ мелкихъ слезскихъ княжествахъ, сѣверскомъ, освѣтимскомъ и заторскомъ, сохранился чешскій языкъ въ судахъ и послѣ ихъ присоединенія къ Польшѣ. Маленькое княжество сѣверское продалъ тѣшинскій князь Вячеславъ въ самомъ концѣ 1442-го года краковскому епископу Збыгнѣву Олешницкому. Сѣверская шляхта, и послѣ присоединенія къ Польшѣ, со второй половины XV вѣка, употребляла въ земскомъ судѣ и вообще въ письменныхъ дѣлахъ (грамотахъ), рядомъ съ латинскимъ, чешскій языкъ. Судили староста, подстаростій, судья (sudí, sudzí), земяне (zemané), владыки (vládyky), какъ называлась низшая шляхта на чешскій ладъ, паноши; собирались на сроки земскаго суда (roky zemské), и произносили рѣшеніе (nález, pan sudí a páni zemané našli) по польскому праву (podle rządu i prawa krolestwa polskiego). Чешскій языкъ употреблялся—на равнѣ съ латинскимъ—съ 1481 по 1506 г. исключительно; съ 1516 г. начинаются записи польскія, которыя съ тѣхъ поръ вообще преобладаютъ надъ латинскими; но и потомъ встрѣчаются еще нѣкоторыя записи на чешскомъ языкѣ (на пр. 1523, 1533, 1536 гг.). Чешскій языкъ, какъ онъ употреблялся въ судебныхъ книгахъ сѣверскихъ, вообще тогдашній письменный языкъ, но съ нѣкоторою примѣсью польскихъ особенностей, фонетическихъ и лексикальныхъ; иногда встрѣчаются формы dáci, ící (cti), miłości, złacie, Maciej, sudzí (подлѣ обыкновеннаго sudí), nałženka, которыя однако не только польскія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и восточно-моравскія. Съ другой стороны и польскій языкъ сѣверскихъ актовъ не остался безъ вліянія чешскаго. Польскія имена передаются нерѣдко на чешскій ладъ; на пр. Koziehłavský

и Koziegłowski, Mezihorský, Dubie; въ польскихъ актахъ встрѣчаются до половины XVI в. władyki въ значеніи землнъ —ziemianie, съ титуломъ urodzeny, sławutny, какъ въ Чехіи и въ Моравіи; чешскія слова pohon, erbi—herbi (въ значеніи наслѣдниковъ, а не польскаго herb), statek—zboże (имѣніе, какъ и древнеполь.), sudzí, súdci (schutczi рядомъ съ поль. schadczov т. е. sądcow), knezaczya biskupa (т. е. чешско-польская форма: kniežete—książęcia), и пр. Польскіе писари актовъ употребляли, вообще говоря, правильный польскій языкъ, но иногда, по прежней привычкѣ писать по-чешски, оставляли въ польскихъ актахъ не только юридическіе термины чешскіе, а простыя слова: bude, złaty, čeho, manželki, latha (lieta) panye (léta páně) и др. Если какой-нибудь земянинъ изъ сосѣдней Слезіи (на пр. опавской) судился съ земяниномъ сѣверскимъ, то это дѣло записывалось на какой-то смѣси польско-чешской, очевидно со словъ тягавшихся; такъ на пр. въ 1522 г. въ спорѣ между слезскимъ паномъ Николаемъ Брунтальскимъ изъ Вербна и сѣверскимъ паношею Матвѣемъ Вилькомъ изъ Пётровицъ въ судебныхъ книгахъ записано, что hranice v mocnosci zostavujemy: od kopca od zadku až do kopca ku řece, a za žadosci naši panskú tą řečką hranice jíci majá až do cesty na horu, ktorej řečky pánovie Pyřovscí z lidzmi svými etc. [1]).

[1]) Древнѣйшая судебная книга сѣверская, 1453—1543 гг., хранится нынѣ въ главномъ архивѣ варшавскомъ, до недавна въ Кельцахъ (срв. Časopis Českého Musea 1880, p. 404). Изъ нея въ сборникѣ Pamiętnik Sandomierski (Warszawa 1829, I. 386) сообщены одинъ актъ 1481 г. и два 1505 г., но съ такими ошибками, что напечатанные акты никуда не годны. Тамъ-же (р. 39) напечатанъ одинъ польскій актъ будто 1422 года (!), т. е. 1522 года (fol. 156, verso); упоминаемъ объ этомъ потому, что недавно (Archiv f. slav. Philologie X. 409) говорилось о польской грамотѣ будто 1422 г.; въ сборникѣ Бонецкаго—Бобовскаго Codex diplomat. Poloniae Silesiae (Varsoviae 1887) нѣтъ тоже никакихъ польскихъ актовъ XV—XVI вв., а есть только чешскіе (1449—1562 гг.). Приводимъ здѣсь изъ древнѣйше сѣверской книги начало первой чешской записи (fol. 38—40): Actum a. 1481 feria tertia proxima post festum S. Luciae in terminis judicia libus terrestribus in Syewior celebratis. Rudzky cum Domino Kozi

Княжества освѣтимское и заторское присоединены въ Польшѣ во второй половинѣ XV вѣка, первое въ 1457, второе въ 1494 г. [1]). Чешскій языкъ вошелъ и въ этихъ княжествахъ въ употребленіе со временъ гуситскихъ и вытѣснилъ нѣмецкій и латинскій. Гуситскія роты, находясь на польской службѣ, бывали часто въ этихъ странахъ и освѣтимскіе князья, наравнѣ съ тѣшинскими и тошецкими, нерѣдко вмѣшивались въ дѣла этихъ наемныхъ воиновъ, посредничали между ними и польскимъ королемъ, при чемъ употреблялся чешскій языкъ, и со стороны ротъ, слезскихъ князей и польскаго короля [2]). Княжества освѣтимское и заторское сохранили, и послѣ присоединенія къ Польшѣ, свое слезское право, которое во многомъ сходно съ моравскимъ, и въ судахъ, какъ вообще въ публичной жизни, употребляли чешскій языкъ. Въ земскихъ судахъ (освѣтимскомъ и заторскомъ) засѣдали староста или подстаростій, судья (sudie), писарь, и паны земяне (zemané), судили на срокахъ земскихъ (roky zemské), дѣла земянъ или рыцарей (rytířstvo) или тоже владыкъ (urozený vládyka), призывали къ суду (póhon, pũhon), произносили постановленіе (nález), и пр. Около половины XVI в. входилъ

---

glowzkij. Przed namy Janem Schasschowzkim Starostu Syewierzkim a Macziegem Sudzij y zemanij Syewierzkimi Stalo gssc giest w Ssewierze wterij po Swatey lucij w Roky zemzkye Lletha narozenij Bozeho Tyssiczeho stirsstebo ossmdessateho prwnieho giest wistupil przed nas wrozenij Pan Jan Stary Kozehlawzky Sdraw Buducij na smislye y na czielye ne przyprzeny (!) any zadnym bludem swiedeni dobrowolnye z przyzwolyenym oblicznym syna sweho Pana Krzczena y przetel sswich radu giest zastawil i moczy lista toho zastawyie miesta wsseho Koziehlaw polowiczy ktoruz ssobie sswymij dczeramy dzielem wigial y k tomv dwye wssij myenyem Szyedliecz a Gazin sz mlinij y gich myeramy Stawi sz sslessy platy roboty pocztamij pozythky malimy i wielkymi etc. Срв. тоже выше, стр. 60 (въ примѣчаніи).

[1]) F. Bostel: Sądownictwo ziemskie oświęcimskie i zatorskie 1440—1565. (Przewodnik naukowy 1888).

[2]) Много такихъ чешскихъ грамотъ напечатано въ нашемъ Отчетѣ 1882 г., въ ж. Časopis Česk. Musea 1880, p. 403, и въ польско-слезскомъ дипломатаріѣ Бонецкаго.

въ употребленіе тоже польскій языкъ, да еще раньше (послѣ 1538 г.) встрѣчаются формулы присяги писаря, на языкахъ чешскомъ и чешско-польскомъ т. е. чешскомъ съ примѣсью нѣкоторыхъ польскихъ словъ (przysyegam, vrzand, tayemnosti sandowe и пр.). Чешскій языкъ сохранился въ судебныхъ книгахъ освѣтимско-заторскихъ до полнаго слiянія обоихъ княжествъ съ польскою короною въ 1563 и 1564 гг. (послѣдняя чешская запись въ актахъ 1562-го г.); тогда пожаловано имъ польское коронное право, и съ тѣхъ поръ польскій языкъ сталъ ихъ офиціальнымъ языкомъ. Въ первой половинѣ XVII в. (1638) оказалась потребность перевести древнѣйшія актовыя книги XV в. на польскій языкъ, при чемъ переводчики оставили нѣкоторыя чешскія слова: nalez, prawo i ziemianie nalezli, prawo nalazło, poctiwa pani, słowutny pan и пр. На чешскомъ языкѣ написанъ тоже краткій статутъ, данный королемъ Сигизмундомъ I княжеству и рыцарству освѣтимскому и заторскому 1532 г.: Ustavy krále Zigmunta a některé artikule sebrané z lantfridu slezského.

Чешскій языкъ, употребляемый въ публичной жизни княжествъ освѣтимскаго и заторскаго, обыкновенный тогда литературный языкъ съ незначительной примѣсью польскою; видно, что писари освѣтимскій и заторскій, всѣ уроженцы тѣхъ земель (на пр. Витковскій, Брандысъ, Горскій и др.), изучали хорошо родственный чешскій языкъ. Только въ самомъ началѣ употребленія чешскаго языка замѣтно, что писарь еще не совсѣмъ привыкъ къ литературному чешскому языку, и записывалъ—со словъ говорящихъ по-польски землянъ—кое-что и на польскій ладъ; такъ на пр. въ 1440 г. записалъ—въ чешскомъ актѣ—польскія слова: sendya, gego (т. е. jego), kladen (т. е. польское kładę, чеш. kładu), и даже цѣлую фразу польскую: z gymenya swego, nygdym ja dyalw geho se opyekala. Въ чешскихъ освѣтимскихъ и заторскихъ актахъ и грамотахъ встрѣчаются слова и формы: peniedze, posag (posah), dziedzic, otčizna, mateřizna, małženka, kněža (kníže), vedłuh, uchvała, sudziego, sandiego (т. е. sudího), ji (jej), bude chtěł, obmavají, dáci, nahrodici, řeč (т. е. вещь), vtorého, zvyčaj, voliej, přes, sjem (дрполь., позже sejm), neumnějšiti, krambrnie (т. е. krnąbrnie), las, ruchajíce zbuoží, varunek, skarb, ličba

и пр.; нѣкоторыя польскія слова измѣнены на чешскій ладъ, на пр. podskrbie (поль. podskarbie). Наиболѣе полонизированная—грамота короля Казимира 1473 г.; грамота издана въ Краковѣ и касается долга короля Казимира Мышковскимъ; присутствовали здѣсь разные польскіе паны, освѣтимскіе сановники и земяне, мѣщане освѣтимскіе и кутскіе; писарь, хотя и зналъ чешскій языкъ, все-таки поддался вліянію окружавшей его живой польщизны, и написалъ Oswamcim, ji (дрполь. eum), ujrzy, zapłacici, sza (się), budz, и пр., гдѣ чешскій писарь написалъ бы Osvětim, jej, uzří, zapłatiti, se, bud' [1]). Равнымъ образомъ, какъ и въ остальныхъ слезскихъ актахъ, такъ и въ чешскихъ освѣтимско-заторскихъ, имена и названія польскія часто передаются на чешскій ладъ: Dubno (Dębno), Sudoměř (Sandomierz), Otěšín (Ocieszyn), Porubský (Porębski), Hrodek (Grodek), Sudeč (Sądecz, Sącz), Hłubovice (Głambowice), и др.

По примѣру освѣтимско-заторскихъ земянъ и мѣщане стали употреблять, вмѣсто латинскаго и нѣмецкаго языковъ, чешскій языкъ. Такъ это было несомнѣнно въ Освѣтимѣ и Заторѣ, такъ это было и въ городѣ Кантахъ (Kanty, Kęty). Въ книгѣ судебныхъ записей послѣдняго города (XV—XVI вв.) чешскія записи начинаются со второй половины XV в., именно съ 1475 года, и чередуются съ латинскими (нѣмецкихъ уже нѣтъ). Съ 1539 г. начинаются тоже польскія записи, но чешскія еще преобладаютъ; съ 1549 г. преобладаетъ уже польскій языкъ и послѣдняя чешская запись 1552 года. По-чешски городъ называется Kuty, Kuoty, даже Kauty, и въ чешскомъ языкѣ встрѣчаются изрѣдка тоже польскія слова: liczba, podłuh, wiele, ławnicy, rajcy, krawiec(и krajčí), kowal (и kovář), opiekadlnik, и др. Встрѣчаются тоже записи на смѣшанномъ языкѣ чешско-польскомъ, какъ на пр. 1549 г. (kraly gego milosczy) [2]).

---

[1]) Časopis Česk. Musea 1880, p. 403.

[2]) Эта городская книга принадлежала въ 1882 г.—когда я ее разсматривалъ въ Львовѣ—историку Калицкому (между тѣмъ умершему); срв. мой Отчетъ 1882 г., стр. 45—48. О чешской грамотѣ 1548 г., касающейся тоже города Кантъ или Кутъ, см. тамъ-же стр. 27.

При такомъ распространеніи чешскаго языка въ верхней Слезіи нарѣчіе слезско-польское долго оставалось заброшеннымъ, нелитературнымъ, употреблялось только изрѣдка, съ значительною примѣсью чешскаго языка—какъ въ упомянутыхъ молитвахъ и пѣснѣ—или попало въ письменность случайно, какъ на пр. въ двѣ польскія грамоты городовъ Гливицъ 1586 г. и Круцборка 1587 г., или въ одно стихотвореніе 1641 г. [1]). Первые зачатки слезско-польской письменности являются только въ XVII вѣкѣ, уже послѣ паденія чешскаго государства, народности и литературы, когда католическіе и протестантскіе священники стали издавать набожныя книжки для простого народа верхней Слезіи. Въ польскомъ языкѣ этой скромной литературы слезской встрѣчаются польско-слезскіе провинціализмы, и тоже примѣсь чешскаго языка. Одинъ изъ первыхъ писателей польско-слезскихъ XVII вѣка, протестантскій священникъ (fararz) ключборскій (круцборкскій) Адамъ Гдаціусъ, употреблялъ въ своихъ книгахъ чистый польскій языкъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ защищалъ право слезскихъ провинціонализмовъ рядомъ съ „отличною" польщизною, и необходимость приноровиться къ мѣстному нарѣчію (w Śląsku żyjąc Ślężakom się akkommoduję, z miłości przeciw ziemkom moim); по этому онъ, пишучи по-польски, употребляетъ на пр. слова szybał (плутъ, чешск. šibał), ohyzdzić, czeładka, misterny, dyasek (т. е. чортъ, чешск. ďas: ki dyasek, ki bies, ki zły duch człowieka gaba), объясняетъ zginienie (zatracenie), przykrość (utrapienie), starzy (dawni), и пр. Въ другой польской книжкѣ, изданной въ 1761 г. въ Опавѣ для тѣшинскихъ католиковъ, является тѣшинскій говоръ и съ чешскими словами: manżełstwie, pohławi, pisebnie, przyleżytość, spachać, opoważliwie, szetrzyć się, spusob, и др. [2]).

---

[1]) Sprawozdania komisyi językowéj III. 346; Archiv f. slav. Philologie V. 465, III. 639. Но въ этихъ польско-слезскихъ грамотахъ встрѣчаются все-таки нѣкоторыя чешскія слова: manżel, manżelka—manżołka, porucznik, płnu mocnost.

[2]) Изъ книгъ Гдаціуса знаемъ: Postilla popularis t. j. kazanie na ewanjelije święte (w Lesznie 1650), Kwestya o zmartwychwstaniu (w Brzegu 1683); объ опавской книжкѣ см. Prace filolog. I. 723. По

Оффиціальный характеръ чешскаго языка въ княжествахъ освѣтимскомъ и заторскомъ признавался королями и сановниками польскими, которые въ дѣлахъ земянства тѣхъ княжествъ издавали грамоты на чешскомъ языкѣ въ Краковѣ; нѣкоторыя изъ такихъ грамотъ записаны даже въ коронной польской метрикѣ (архивѣ), какъ на пр. въ 1484, 1488, 1490, 1492, 1494, 1502, 1540 гг. Все это предполагаетъ извѣстное знаніе чешскаго языка при королевскомъ дворѣ въ Краковѣ, и у писарей королевской канцеляріи. Такъ на пр. выше упомянутый статутъ освѣтимско-заторскій 1532 г. утвержденъ и умноженъ королемъ Сигизмундомъ I, на сеймѣ 1540 г. въ Краковѣ: za gistu wiedomosti rad nassych na ten czas przy nas sediczych schwalame, vmaczniame i potwrzuyeme... Dalo gse w Krakowie na sgiemie welkim pospolitym w patek przed nedieli Judica w puostie, letha panie 1540, a kralosthwi nasseho letha 34 [1]).

Изъ польской королевской канцеляріи временъ Казимира выходили акты на чешскомъ языкѣ не только по дѣламъ княжествъ освѣтимскаго и заторскаго, а тоже въ частыхъ сношеніяхъ короля съ чешскими военными ротами, находившимися на

словамъ I. Иречка (O zvlǎštnostech češtiny v starých rukopisech moravských, p. 69) въ сочиненіи Петра Губачка о рыболовствѣ и птицеловствѣ (1553) находится указатель къ птицеловству, на половину чешскій и на половину польскій.

[1]) Много чешскихъ освѣтимско-заторскихъ грамотъ (изъ разныхъ архивовъ), выписки изъ освѣтимско-заторскихъ судебныхъ книгъ (хранящихся въ земскомъ архивѣ во Львовѣ), освѣтимско-заторскій статутъ (по рукописи Ягайловской библіотеки въ Краковѣ)— я напечаталъ въ своемъ Отчетѣ 1882 г. и въ ж. Časopis Česk. Musea 1880 г.; о чешскихъ грамотахъ освѣтимско-заторскихъ ок. 1460 г. помѣщенныхъ въ краков. рукописи Liber magistri Petri de Ilkusz, см. тотъ-же Отчетъ 1882, стр. 4. О чешской освѣтим. грамотѣ 1530 вспоминаетъ Чацкій O litew. i polskich prawach (1800, I. 54, въ замѣчаніи). Нѣсколько грамотъ (1481—1559 гг.), относящихся къ ...шковскимъ, напечаталъ Шанецкій въ Miscellanea Cracoviensia ...5, одну (1487 г.) Щ. Моравскій Sądeczyzna (II. 288). Другія гр. ...онецкаго Codex diplomat. Poloniae Silesiae, и въ Codex diplomat.

польской службѣ. Тотъ же самый король издалъ чешскому королевичу Викторину, сыну короля Юрія Подѣбрадскаго, паспортъ на свободный въѣздъ въ Польшу (1471), не только на языкѣ латинскомъ, а тоже на чешскомъ, и оба эти акты записаны тоже въ коронной метрикѣ. Случалось, что польскіе короли въ сношеніяхъ съ слезскими князьями и шляхтою (чешской короны) употребляли чешскій языкъ; такъ на пр. грамота объ улаженіи спора между королемъ Казимиромъ и нѣкоторыми опавскими земянами—по поводу долга—издана на чешскомъ языкѣ (въ Освѣтимѣ 1449); присутствовали тѣшинскій князь Болеславъ, освѣтимскій староста Николай изъ Дубовца, нѣсколько опавскихъ земянъ и польскихъ пановъ и сановниковъ. Чешскій языкъ употреблялъ тоже король Сигизмундъ I, который зналъ этотъ языкъ еще со временъ своего правленія въ Слезіи, въ сношеніяхъ съ княземъ минстербергскимъ Варѳоломеемъ (1508), и съ княземъ опольскимъ Іоанномъ (1525) [1]. Подобно тому и польскіе паны въ сношеніяхъ съ слезскими князьями и панами употребляли чешскій языкъ; такъ на пр. Яковъ изъ Дубна (z Dubna), воевода судомирскій (sudomirský) и староста краковскій, въ одномъ дѣлѣ съ княземъ опавскимъ и ратиборскимъ Вячеславомъ (1474), братья Сыновцы изъ Сандовицъ—одинъ бургграфъ краковскій, а другой подкоморій польскаго королевства—въ дѣлѣ съ однимъ слезскимъ земяниномъ (1480); одинъ польскій земянинъ, вѣроятно изъ сандечской земли, Мартынъ Гидзелскій изъ Ценжковицъ, счелъ нужнымъ послать свою разметную грамоту

Silesiae VI (Registrum s. Wenceslai), въ Sprawozdania komisyi językowéj III. 334. Срв. тоже списокъ освѣт.-затор. грамотъ XIV—XV вв. въ Отчетѣ Ѳ. Верьбовскаго за 1876 г.; нѣмецкій языкъ употреблялся въ освѣтимско-заторскихъ грамотахъ еще въ 1445 г. Нѣсколько выписокъ изъ судебныхъ книгъ освѣтимскихъ и заторскихъ напечаталъ тоже Ф. Бостель въ выше упомянутой статьѣ.

[1] Codex diplomat. Poloniae—Silesiae, ed. Boniecki, Nro 3 (срв. Časopis Česk. Musea 1880, p. 403), 80, 81, 115 (эта грамота 150 г. записана въ коронной метрикѣ); Codex diplomaticus Silesiae V p. 172. О чешскомъ языкѣ въ сношеніяхъ польскихъ королей с чешскими ротами см. ниже.

(odpowiedny list) Вратиславлянамъ (1532) на языкахъ нѣмецкомъ, чешскомъ и польскомъ, а въ послѣднемъ текстѣ оставилъ чешскія формы jeho (miłość król), rozsudek (roschudek рядомъ съ roschandek). Христофоръ Шидловецкій, польскій канцлеръ, писалъ чешскія письма минстербергскому князю Карлу и чешскому пану Зденку Льву изъ Рожмиталя [1]).

Слезія, и княжества сѣверское, освѣтимское, заторское, представляла, такъ сказать, проводникъ чешскаго языка въ Польшу, особенно Малую. Многіе земяне владѣли имѣніями не только въ тѣхъ княжествахъ, а тоже въ краковскомъ воеводствѣ; многіе малопольскіе земяне владѣли имѣніями въ тѣхъ княжествахъ и назначались въ нихъ чиновниками. Съ другой стороны чешско-словенскій языкъ распространялся тоже въ карпатскомъ Подгорьѣ Малой Польши, особенно посредствомъ угорской спишской земли. Такимъ образомъ чешскій языкъ сдѣлался болѣе или менѣе извѣстнымъ въ нѣкоторыхъ шляхетскихъ родахъ малопольскихъ, у Мышковскихъ, Шидловецкихъ, Дэмбенскихъ, Курозвенцкихъ, Іордановъ изъ Закличина, Бонаровъ изъ Балицъ, Коморовскихъ и др. Они, въ сношеніяхъ съ Чехами, Моравянами и Слезаками, употребляли не только языкъ латинскій, а изрѣдка тоже чешскій; такъ на пр. по-чешски писали Северинъ Бонаръ изъ Балицъ, кастелянъ жарновскій и староста освѣтимскій, заторскій, бецкій и рабштынскій, Іоанну Планкнару изъ Кинсперка въ опавской землѣ (1534), Христофоръ Коморовскій на Живцѣ, кастелянъ сандецкій, оломуцкому епископу Станиславу Павловскому (1595) [2]).

[1]) Codex diplomat. Silesiae VI. 97, 108; Mosbach: Przyczynki do dziejów polskich z archiwum m. Wrocławia, 139. О чешскихъ письмахъ Хр. Шидловецкаго (въ архивахъ вратиславскомъ и требонскомъ) вспоминаетъ Резекъ въ ж. Slovanský Sborník 1881, р. 111. Христофору Шидловецкому посвятилъ чешскій писатель Коначъ одну книгу; срв. „Славяне" II. 58. Братъ Христофора, Николай, стелянъ сандомѣрскій и староста освѣтимскій и заторскій, зналъ шскій языкъ уже въ силу своей должности въ освѣтимской землѣ; ъ приводится въ двухъ чешскихъ грамотахъ 1523 и 1531 гг. (Misllanea cracov. 1815).

[2]) Mosbach: Wiadomości do dziejów polskich, 52, 237. Коуkъ (Časopis Česk. Mus. 1839, р. 220) говоритъ, что у какого-то К.

Такъ и во время кандидатуры императора Максимиліана на польскій престолъ (1575) одинъ польскій шляхтичъ, Хотовскій, писалъ ему по-чешски [1]).

Чешскія книги, рукописныя и печатныя, разнаго содержанія переходили въ Польшу, читались и способствовали распространенію чешскаго языка среди Поляковъ, наравнѣ съ личными сношеніями Чеховъ и Поляковъ [2]). При такомъ положеніи дѣлъ могло случиться, что знаменитый нѣмецкій гуманистъ Конрадъ Цельтесъ, пребывая въ Краковѣ (1488—1490), учился здѣсь не только по-польски, а тоже по-чешски, что одинъ польскій магистръ объяснялъ латинскія стихотворенія Цельтеса по-чешски, и одна польская его любовница Гасилина писала ему по-чешски (1500 г.) [3]) Въ началѣ XVI в. (1519 г.) Полякъ Петръ Пи-

---

въ Галиціи хранилось собраніе чешскихъ грамотъ изданныхъ польскими панами.

[1]) См. выше, стр. 137, примѣч. 1.

[2]) Срв. „Славяне" II. 58. Коначъ назначилъ свой чешскій переводъ хроники Энея Сильвія (1510) не только для Чеховъ а тоже для Поляковъ:

Protož ji sobě neobtěžuj čiesti,
Nebť muože tobě užitek přinésti,
Čechu, Slováku, Moravče, Poláku, chvili všelijaký.

Замѣтимъ еще, что огромная латинская энциклопедія Чеха Павла Жидка (срв. о немъ письмо епископа Збыгнѣва Олешницкаго папѣ 1454 г. въ монографіи М. Дзѣдушицкаго о Зб. Олешницкомъ II. p. 412, XCI), хранящаяся нынѣ въ краковской Ягайловской библіотекѣ, приписывалась польскому чародѣю Твардовскому; эту рукопись описалъ Мучковскій (1835, срв. Časopis Česk. Musea 1837, p. 225). По словамъ Мацеёвскаго (Piśmiennictwo polskie II. 875) Полякъ Николай изъ Шадка списалъ ок. 1530 г. чешскую библію; правда-ли это и гдѣ находится эта библія?

[3]) Письмо этой Польки Гасилины напечаталъ Ашбахъ въ своей статьѣ о Цельтесѣ въ Sitzungsberichte der k. Akademie der Wisse[n]schaften (1868, Bd. 60, p. 144); срв. тоже статью Мехеринска о Цельтесѣ въ Rozprawy krakow. akademii, wydział filolog., IV. [Н]входимъ въ вопросъ, кто написалъ это чешское письмо Гасили[н]ы (z Kepštajna i z Řitonic—названія крайне неприличныя).

лецкій, писарь рабштынскаго старосты Іоанна Бонара, списалъ чешскую „троянскую исторію"; чешскій языкъ—чистъ и только изрѣдка встрѣчаются полонизмы, на пр. szlachetnoszcz, boyuyacze, morduyaczy, nedwedzicza (рядомъ съ nedwedicze), obraczono, oszadzil, wiecze (wecze т. е. vece), czwarty и пр. Эта книга читалась Поляками, какъ видно по замѣткамъ Станислава Яцковскаго (XVII в.), который объяснилъ нѣкоторыя чешскія слова по-польски: slul—rzeczonym, pomezi—pogranicze, cesta—droga, skrze—przez, byesse—był, chtie—chcą, drzewe—pirwey, nasile—gwałt, и прочія [1]).

Съ половины XVI в., со временъ развитія польской литературы, церковной и свѣтской, польскій литературный языкъ установился и развивался самостоятельно, не нуждаясь въ помощи родственнаго чешскаго языка; въ немъ остались только немногія слова чешскія, какъ на пр. obywatel, hasło, rucznica и др. [2]). Нѣкоторые Поляки считали, по старымъ традиціямъ, чешскій языкъ все еще лучшимъ, чѣмъ свой родной, и старались иногда блеснуть знаніемъ болѣе изящнаго — по ихъ мнѣнію — чешскаго языка, такъ что это вызывало негодованіе и порицаніе со стороны польскаго писателя второй половины XVI вѣка, Луки Горницкаго [3]). Современникъ Горницкаго, Станиславъ Орѣховскій, желалъ иногда показать свои познанія въ чешскомъ языкѣ; онъ, касаясь судьбы „*bratrzéj* naszéj Czechów" (но обыкновенно по-польски: braciéj), и обращая вниманіе читателей на „Czechy *bratrzy* swe", употребляетъ слова szedłak (т. е. чешск. sedłák, польск. изрѣдка siodłak), Wuhry (вм. Węgry) [4]). Март. Бѣльскій тоже любилъ вставлять совсѣмъ ненужныя слова чешскія (и малорусскія), на пр. wahawy (váhavý, wahający się), toczenica (czepek), kohut, bradacica (bradatice, oksza) и др. Севастіанъ Клёновичъ, познакомив-

---

[1]) Рукопись Императ. публичной библіотеки; срв. нашу замѣтку въ ж. Listy filologické 1880, 128. Бонары, земяне краковскіе свѣтимскіе, знали чешскій языкъ.

[2]) Срв. выше, въ отдѣлѣ о польскомъ языкѣ и его измѣненіяхъ.

[3]) См. „Славяне", II. 156.

[4]) Срв. тоже выше, стр. 126 и 202.

шись съ чешскимъ языкомъ въ южной Чехіи (1570), вставилъ въ свое сочиненіе Worek Judaszów, безъ всякой нужды, чешскія слова, чтобъ щегольнуть знаніемъ чешскаго языка; онъ пишетъ на пр. jeśli się nie *szatrzy*, и прибавляетъ: szatrzenie po czesku, baczenie po polsku; *dzite* czeskie słowo, po polsku idźcie; *pokuta*, po czesku pokanie, quasi pokatanie; *szelma*, monstrum po czesku, и пр. Чешскіе братья, употребляя со временъ своего переселенія въ Польшу польскій языкъ, въ первые годы своей дѣятельности не могли уберечься отъ вліянія своего родного языка чешскаго. Наконецъ Польша подарила Чехамъ знаменитаго въ тѣ времена славянскаго историка, Варѳоломея Папроцкаго, писавшаго по-польски и по-чешски [1]).

Чехи считались въ Польшѣ XVI в. народомъ храбрымъ и воинственнымъ, — хотя болѣе по традиціямъ XV вѣка, чѣмъ тогда были на дѣлѣ, — смѣлымъ, дерзкимъ (hardy), любящимъ блескъ и роскошь, но свято исполняющимъ данное слово. Такъ рисуетъ Чеховъ поэтъ Рей изъ Нагловицъ, восхваляя особенно послѣднее ихъ качество:

To też osobną sztukę iście w sobie mają,
Iż słowo radzi dzierżą, gdy co przyrzekają.
Pierwéj, gdy co zacnego i w Polszcze zmawiano,
Tedy to czeskiem słowem zdzierżać obiecano [2]).

„Чешское слово“ въ Польшѣ XVI—XVII вв. означало вообще святое исполненіе обѣщаннаго, на что можно было поло-

---

[1]) Срв. выше, стр. 188, и „Славяне“ II. 137, 129.

[2]) Żwierciadło albo kstalt, w którym każdy stan snadnie się może swym sprawam, jako w żwierciadle przypatrzyć (1568, fol. 241). Уже Эней Сильвій въ своей чешской исторіи (cap. 1) замѣтилъ, что чешская шляхта—gloriae appetens, belli perita, periculorum contemptrix, ac promissi tenax. — Разумѣется, что такое мнѣніе Поляковъ о Чехахъ не исключало насмѣшекъ надъ ними. Такъ на пр. тотъ же самый Рей насмѣхается надъ однимъ Чехомъ, который хвастался своимъ мужествомъ, и когда поѣхалъ на Подолье противъ Татаровъ kozakować, испугался и убѣжалъ (Figliki albo rozlicznych ludzi przypadki dworskie, ok. 1570). См. тоже стихи А. Кмиты о Чехахъ въ соч. „Славяне“ т. II, стр. 190, и отзывы польскихъ католиковъ о еретикахъ Чехахъ 1620 г., выше, стр. 153.

житься. „A za ja Czech słowo dzierżeć (trzymać)? Co Czech słowo trzymać?“ Такія и тому подобныя слова встрѣчаются въ книгахъ Кромера, Сарницкаго, Папроцкаго, Стрыйковскаго, Рысинскаго.

Чехи XV—XVI вв., сносясь съ Поляками, употребляли не только языкъ латинскій, а часто тоже свой родной языкъ, равнымъ образомъ какъ Поляки сносились съ Чехами на своемъ языкѣ. Такъ уже гуситы часто сносились съ Поляками и Русскими на своемъ языкѣ, такъ было и при Казимирѣ Ягайловичѣ, при Сигизмундѣ I, и въ послѣдствіи, когда чешскіе паны, какъ послы Габсбурговъ, дѣйствовали въ пользу ихъ избранія въ польскіе короли; такъ было тоже въ сношеніяхъ чешскихъ братьевъ съ польскими братьями и другими протестантами [1]). Чехи знали тоже польскій языкъ, который въ XV—XVI вѣкахъ часто раздавался и въ Чехіи изъ устъ польскихъ воиновъ, дипломатовъ, духовныхъ; во время Юрія Подѣбрадскаго многіе Поляки жили въ Чехіи по городамъ какъ ремесленники и прислуга [2]). Особенно близкими стали взаимныя, личныя сношенія Чеховъ и Поляковъ со временъ воцаренія Ягайловичей въ Чехіи (1471—1526), отъ котораго оба народа обѣщали себѣ „усиленіе славы языка славянскаго.“ Въ XVI в.—по словамъ І. Благослава [3])—было много польскихъ монаховъ въ монастыряхъ чешскихъ и моравскихъ, которые такимъ образомъ привыкали къ чешскому языку, хотя, конечно, это не обходилось безъ разныхъ приключеній, подобно тому какъ это случалось съ Чехами пребывавшими въ Польшѣ; такъ на пр., когда іезуитъ Валтазаръ Гостоунскій, родомъ Чехъ, но воспитанный въ польскихъ іезуитскихъ коле-

---

[1]) См. объ этомъ выше. Христофоръ Зборовскій писалъ (30 мая 1576 г.) Вратиславу изъ Перништейна: Radem temu bardzo, żeś mi W. M. dał do tego pochop, abym sobie ciężko nie czyniąc, językiem przyrodzonym do W. M. pisał. Bom się tego bardzo bojąc, abyś W. M. polskiego pisma nie mógł wyczytać, musiałem się rad nie rad na łacinę zdobywać. Teraz wolniéj i łacniéj mi przychodzi. (Издалъ Przezdziecki: Jagiellonki polskie V. p. 210).

[2]) Staří letopisové češti 172, Длугошъ V. 305; срв. Палацкаго Dějiny nár. česk. IV. 2. p. 146.

[3]) Gramatika česká 342.

гіяхъ, въ Оломуцѣ (1568) впервые сталъ говорить проповѣдь, то онъ смѣшивалъ языки польскій и чешскій до такой степени, что слушатели стали смѣяться и Гостоунскій долженъ былъ прекратить свою проповѣдь [1]). О чешскомъ братѣ Червенкѣ говоритъ Благославъ, что онъ, долго пребывая въ Чехіи, Прусіи, Польшѣ и Моравіи, смѣшалъ особенности этихъ нарѣчій, такъ что въ его рѣчи встрѣчались слова и фразы прусскія, польскія и „мазовскія.“ О такомъ такъ сказать безсознательномъ сліяніи двухъ родственныхъ языковъ замѣтилъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ языковъ чешскаго и другихъ славянскихъ, тотъ-же Благославъ, что говорящіе на этихъ языкахъ, чешскомъ и польскомъ, часто не могли хорошо говорить ни на томъ ни на другомъ [2]).

Равнымъ образомъ какъ Поляки нерѣдко насмѣхались надъ своими чешскими соплеменниками, такъ и Чехи любили дразнить Поляковъ; такъ на пр. чешскій лѣтописецъ насмѣхается надъ Поляками „глупыми бѣдняжками,“ что они принимали легкую монету чеканенную въ Чехіи, Моравіи и Слезіи (1436), лѣтописецъ В. Гаекъ описываетъ бѣгство Поляковъ изъ Праги (1004) довольно грубо, панъ Цтиборъ изъ Цимбурга въ своемъ сочиненіи Hádaní pravdy a lži (1467) выводитъ Лѣнь изъ Польши, и пр. Любопытно, что чешскіе книжники XVI в. связывали старинный славянскій обрядъ истребленія зимы—смерти (куклы), совершаемый и въ Чехіи, съ крещеніемъ польскаго князя Мѣшка, и полагали, что этотъ обрядъ распространился потомъ изъ Польши въ Слезію, Моравію и Чехію [3]). Польскія книги читались въ Чехіи и переводились на чешскій языкъ; одна книга польская В.

---

[1]) Предлагаемъ знатокамъ языковъ польскаго и чешскаго выяснить себѣ на пр. значеніе чешскихъ и польскихъ словъ: kapusta, jelito, kantor, baba, milosť—miłość, pukati—pukać, čubiti—czubić, zákon, poručník, poslanec—poslaniec, páteř—pacierz, komornik, libezný—lubieżny, všetečný—wszeteczny, hnusny—gnušny, obyčejný—obyczajny, udatny, hodovati—hodować, zboží—zboże, bydło, dobytek, statek, и пр.

[2]) См. „Славяне“ II. 53.

[3]) Slovanský Sbornik 1887, p. 138.

Папроцкаго (Ogród królewski) напечатана въ Прагѣ. [1]) Въ чешскомъ переводѣ записокъ янычара Михаила Константиновича (издано два раза, 1565 и 1581), сдѣланномъ съ польской рукописи,—въ польской печати эта книга тогда не вышла, — остались нѣкоторые полонизмы: bałwochwalce, Wilk (сербскій Вукъ), gřecký, bułgarský, ostatní (по-чешски: poslední), и др. [2]) Кромѣ того переводились на чешскій языкъ и нѣкоторыя другія польскія книги, именно богословскаго содержанія. Переводились тоже календари польскихъ астрономовъ, на пр. Николая изъ Шадка, Петра изъ Пробощовицъ, Ѳомы изъ Пётркова, Якова изъ Курелова и др. [3]) Но вообще польскій языкъ не пріобрѣлъ себѣ у Чеховъ такого значенія, какое имѣлъ чешскій языкъ у Поляковъ. По этому нельзя говорить о вліяніи польскаго языка на литературный чешскій языкъ; это вліяніе ограничивалось только тѣми слезско-польскими княжествами, въ которыхъ офиціальнымъ языкомъ сдѣлался языкъ чешскій. Если же въ нѣкоторыхъ древнечешскихъ памятникахъ XIV—XV вв. встрѣчаются формы mlčeci (mlčeti), chodzici (choditi), vícěz (vítěz), nebožčík (nebožtík), ščur (štír), или слова: vřesen (julius, červenec), dle (pro), dobroděvstvie (dobrodiní), dřevo (чеш. обыкновенно strom), dřěvi, dřvi (dveři, dveře), jalmužna (almužna), ladný (krásný), laziti (lézti), malžen—malženka (manžel, manželka), macati (makati), modla (modlitba), obrus (ubrus), opekati se (péci se, pečovati), otvořiti (otevříti),

---

[1]) См. „Славяне" П. 45.

[2]) Rozpravy z oboru historie, filologie a literatury, vyd. J. a H. Jireček, 1. Число чехизмовъ въ польскомъ текстѣ, приводимыхъ I. Иречкомъ, надо сократить; чешскому вліянію надо приписать формы Uhrzy, porzad, hojny, chutnie, но слова: dobytek, statek, siodlak, stan, wietszy (т. е. więtszy), pogłowie, ślub, rzecz (т. е. рѣчь) и др. суть и могутъ быть польскія, а не непремѣнно чешскія. Срв. тоже „Славяне" П. 86.

[3]) Срв. Časopis Českého Musea 1862, p. 237. „Pronostyka krakowska" (1531) Николая изъ Шадка вовсе не чешская книжка напечатанная въ Краковѣ, какъ думалъ Бандтке (Historya drukarń krakowskich, p. 187), а чешскій переводъ и несомнѣнно печать пражская; срв. нашъ Отчетъ за 1882 г., стр. 16—17.

pastviti (pásti), poně (snad), požičiti (půjčiti), preč (pryč), skoro (spěšně), tarče (štít), tlum (množství), tudiež (také), vele (velmi), vrab, vrablec (vrabec), zácný (vzácný), záchod (západ), znoj (vedro), žáda (žádost'), и др., или формы: navyšší (дрпольс. nawyższy, позже naj—) и пр.: то все это еще не полонизмы или польское вліяніе, а діалектическія особенности чешскаго языка особенно въ его восточныхъ нарѣчіяхъ. [1])

При частыхъ сношеніяхъ обоихъ западно-славянскихъ народовъ, чешскаго и польскаго, установился такой обычай, что Чехи польскія географическія названія и имена произносили на свой ладъ. Такъ на пр. Чехи уже съ древнѣйшихъ временъ говорили Slezsko (поль. Śląsk, Śląsko), Vratisłav (Wrocław), Těšín (Cieszyn), Osvětim (Oświęcim), Kuty (Kanty, Kęty), Budzin-Bandin (Będzin), Sudoměř (Sandomierz), Dubno (Dębno), Łučica (Łęczyca), Častochova (Częstochowa), Sudeč (Sandecz, Sądecz), Sudivoj (Sandziwoj, Sędziwoj), Penízek (Pieniążek), Dłuhoš (Długosz), Horka (Górka), Porubský (Porębski), Lesota (Lasota), и пр. [2]).

Военное искуство процвѣтало въ Чехіи уже съ древнѣйшихъ временъ, и Чехи считались всегда народомъ воинственнымъ и храбрымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтили ближайшіе ихъ сосѣди, Нѣмцы, что у Чеховъ и у Поляковъ — одинаковое вооруженіе и одинаковый способъ воеванія [3]). Со временъ гуситскихъ войнъ

---

[1]) Много такихъ мнимыхъ полонизмовъ, предполагаемыхъ I. Иречкомъ (O zvláštnostech češtiny ve starých rukopisech moravských, 1887), объяснилъ какъ чешско-словенскія діалектическія особенности Пастрнекъ (Archiv für slav. Philologie XII. 188). Срв. выше, стр. 195. Замѣтимъ, что польское правописаніе нашло себѣ мѣсто и въ нѣкоторыхъ чешскихъ книжкахъ (sz, rz), печатаемыхъ вѣроятно для Слезаковъ; срв. Časopis Česk. Musea 1861, p. 277.

[2]) Срв. выше, стр. 214, и „Славяне" II. 133.

[3]) Est autem Polonis atque Boemis eadem armorum facies et bellandi consuetudo... fortes quidem sunt in congressu, sed in rapinis et mortibus crudelissimi—говоритъ Гельмольдъ (Chronica Slavoru[m] I. 1). Другой нѣмецкій лѣтописецъ тѣхъ временъ, Ансбертъ, тож[е] восхваляетъ agmen Boemorum, ad bellum et praedam plus ceter[is] exercitatorum... Boemi solita claruerunt virtute. А по словамъ им[]ператора Фридриха I-Bohemia suis feris ferior.

Чехи сдѣлались первымъ военнымъ народомъ Европы; Жижка сталъ основателемъ новой стратегіи, и гуситскіе воины—учителями въ военномъ искуствѣ у другихъ народовъ. Въ теченіи XV вѣка и въ началѣ XVI вѣка въ средней, восточной и юговосточной Европѣ, въ Чехіи, Германіи, Прусіи, Польшѣ, Литвѣ, Угріи и въ югославянскихъ странахъ—повсюду воевали наемныя роты (отряды) чешскія и примкнувшіе къ Чехамъ, Моравянамъ и Слезакамъ воины разныхъ народностей, Поляки, Словаки, Русскіе, Сербы, Нѣмцы, Угры и др., которые однако приноравливались къ своимъ чешскимъ учителямъ и привыкали къ чешскому языку. О многихъ такихъ чешскихъ воинахъ можно повторить слова, которыя написалъ ученый Чехъ, панъ Богуславъ изъ Лобковицъ, о знаменитомъ чешскомъ полководцѣ второй половины XV вѣка, Вячеславѣ Волчкѣ изъ Ченова, что онъ участвовалъ въ разныхъ походахъ на Лабѣ, Дунаѣ, Вислѣ и Днѣпрѣ [1]). Такія наемныя роты являются рано въ Угріи на службѣ польскаго и угорскаго короля Владислава и его противника, малолѣтняго Ладислава Габсбурга. Чешскія роты подъ предводительствомъ Еника изъ Мечкова провожали короля Владислава на его походѣ въ югославянскія земли, въ Сербію и Болгарію (1443), и участвовали въ сраженіяхъ на Балканѣ около Ниша и Софіи [2]). Были-ли чешскія роты въ несчастной битвѣ подъ Варною (1444), неизвѣстно; но въ другихъ сраженіяхъ Угровъ противъ Турокъ онѣ участвовали съ успѣхомъ; такъ на пр. въ сраженіи на Косовомъ полѣ (1448) чешскіе и польскіе воины, затворившись послѣ бѣгства Угровъ въ возахъ, защищались нѣсколько часовъ противъ Турокъ и наконецъ погибли. Въ войскахъ короля Матвѣя отличалась особенно такъ называемая „черная рота", состоявшая изъ Чеховъ, Моравянъ и Сербовъ [3]). Въ сѣверной, словенской Угріи, такія роты хозяйничали по своему произволу, такъ что король Матвѣй, задумывая уже войну противъ

---

[1]) Palacký: Dějiny národu českého IV. 1. 458.

[2]) Обширно объ этомъ походѣ въ ж. Časopis Česk. Musea 1859, p. 156—160.

[3]) Длугошъ V. 59, Палацкаго Dějiny n. r. IV. 1. p. 461.

чешскаго короля Юрія, и опасаясь этихъ чешскихъ ротъ въ своемъ государствѣ, велъ съ ними настоящую войну и наконецъ ихъ истребилъ силою недалеко Тернавы (1467) [1].

Чешскія наемныя роты находились особенно на службѣ польской. Польша вела свои войны съ нѣмецкими крестоносцами съ помощью такихъ наемныхъ ротъ уже въ началѣ XV вѣка, и позже во второй половинѣ XV вѣка, при чемъ такія чешскія наемныя роты сражались тоже въ рядахъ крестоносцевъ противъ Польши. Подобно тому чешскія роты служили Польшѣ и въ Угріи, во время короля Владислава III, и въ чешскихъ земляхъ во время войнъ Польши и Угріи изъ-за чешской короны по смерти Юрія Подѣбрадскаго. Такія же чешскія роты служили однако тоже Нѣмцамъ Габсбургамъ и угорскому королю Матвѣю противъ Поляковъ [2]). Польскіе короли, именно Казимиръ Владиславовичъ— при которомъ особенно много чешскихъ наемныхъ ротъ находилось на польской службѣ — сносился съ ними не только на языкѣ латинскомъ, а тоже на чешскомъ. При немъ служили въ Польшѣ Колда изъ Находа, Іоаннъ изъ Вальдштейна, Черининъ изъ Худеницъ, Альбрехтъ Костка изъ Поступицъ, Александръ Капунъ изъ Смирицъ, Вячеславъ Кавка изъ Собѣсукъ, Николай Жакъ изъ Свеборовицъ, Урбанъ изъ Старицы, Брезакъ изъ Бѣлой, Ольдрихъ изъ Смолотелъ, Іоаннъ изъ Шарова, Войтѣхъ изъ Хлума, Іоаннъ Мѣричка изъ Кръгова, Генрихъ изъ Манетыни, Петръ изъ Враньяго, Главачъ изъ Голедча, Генрихъ Пиво, Генрихъ Пуздро, Бѣлые (нѣ-

---

[1]) По поводу этой побѣды Угровъ надъ чешскими ротами писалъ Григорій изъ Геймбурга, совѣтникъ чешскаго короля Юрія, остригомскому архіепископу (19 февр. 1467): Non desino avisare, sed prudenti viro loquor et maturo ac in omnibus oculato, ne victoriola illa insolenciam pariat neve Hunni vel Pannonii vestri Slavis nostris non quidem iliricis aut liburnicis, sed scithicis et gothicis superbius se praebeant, quasi palladium Minervae abstulerint. Sed sic existiment, regis Bohemiae favore, qui feroces leones intra septa cohibuit, talem victoriam se nactos esse. (Diplomatarium Georgii regis, рукопись в библіотекѣ князей Лобковицовъ въ Прагѣ, л. 323). Срв. Палацкаг Dějiny n. č. IV. 1. p. 452—458.

[2]) См. выше, стр. 37—39, 94—98.

сколько), Еникъ изъ Мечкова, и др. [1]) Въ польскомъ войскѣ, отправившемся въ 1497 г. противъ Волоховъ, былъ гейтманомъ Чехъ Іоаннъ Тернка, и около того времени (1499) въ Подольскомъ Каменцѣ находились чешскіе воины подъ ротмистрами Юріемъ Хомутовскимъ, Іоанномъ Соколовскимъ, Стефкомъ и др. [2]). Еще въ 1520 г. во время войны польскаго короля Сигизмунда I съ магистромъ тевтонскаго ордена Альбрехтомъ въ польскомъ войскѣ было нѣсколько тысячъ чешскихъ воиновъ подъ ротмистрами Іоанномъ Жеротинскимъ, Вячеславомъ Пѣтипескимъ, Змешкаломъ, Костелакомъ и др. [3]).

Чешскіе воины переходили и дальше на славянскій востокъ, въ земли литовскія и русскія. Уже въ походѣ великаго князя Александра Витовта противъ Пскова (1426) находились въ его войскѣ тоже „Чехи (Чахи), земля чешская". [4]) Великій князь Швитригайло очень желалъ пріобрѣсти помощь чешскихъ воиновъ, и, дѣйствительно, въ битвѣ подъ Вилкомиремъ (1435) въ его войскѣ находились военные отряды чешскіе, слезскіе и австрійскіе. [5]) Такіе наемные

---

[1]) Много такихъ грамотъ напечатано нами въ ж. Časopis Česk. Musea 1880, p. 402, въ нашемъ Отчетѣ за 1882 г.; у Бонецкаго Codex diplomat. Poloniae Silesiae. На службѣ короля Матвѣя были тоже польскія роты подъ гейтманомъ I. Бѣлымъ (1471); срв. Archiv český V. 313, 315, 317, 323.

[2]) Хроника Б. Ваповскаго (Scriptores rerum polon., II. 26: Joannes Tyrnka, omnium copiarum dux); чешскія письма каменецкихъ ротмистровъ королю Іоанну Альбрехту у Caro: Geschichte Polens V. 1008.

[3]) Acta Tomiciana V. 110, 131, 155, 157, 293. Срв. выше, стр. 119. Въ коронной метрикѣ (XXXIV, л. 286) записаны тогда (1519 г.) формулы присяги пушкарей и плѣнниковъ на языкахъ чешскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ; см. Časopis Česk. Musea 1880, p. 411.

[4]) Лѣтописи Никоновская V. 92, Воскресенская (П. С. Р. Л. VIII. 93).

[5]) См. выше, стр. 69, 77. Въ 1447 г. какой-то моравскій панъ обирался съ 600 всадниками ити на помощь Новгороду противъ 'ѣмцевъ; срв. письмо магистра тевтонскаго ордена въ Monatschrift 's böhm. Museums 1828, p. 72, и Карамзина Ист. госуд. росс. V. рим. 316.

воины изъ Чеховъ, Моравянъ, Слезаковъ, Поляковъ и Нѣмцевъ, были въ литовскихъ и русскихъ земляхъ вѣроятно и позже; еще въ 1500 г., когда великій князь литовскій Александръ приготовлялся къ войнѣ съ Москвою, то по его порученію нанимались воины въ Польшѣ и въ Чехіи, Моравіи и Слезіи, и въ Германіи. Главными гейтманами этихъ войскъ были Чехъ Іоаннъ Черный и Полякъ Іоаннъ изъ Карнкова, опытный полководецъ служившій въ польскомъ войскѣ во второй половинѣ XV вѣка. Это наемное войско стояло подъ Смоленскомъ, и Черный, вмѣстѣ съ полоцкимъ воеводою Станиславомъ Глѣбовичемъ, вторглись въ псковскую землю. Въ 1517 г. были чешскіе и моравскіе и др. воины (Чахи, Ляхи, Угрове, Мораве, Мазовшане, Волохи, Сербове) въ польско-литовскомъ войскѣ въ Сѣверіи и подъ Опочкою въ псковской землѣ. [1])

Въ чешскія войска поступали многіе Поляки и Русскіе, уже въ самомъ началѣ гуситскихъ войнъ и позже, и способствовали

---

[1]) Срв. хроники Ваповскаго, Мѣховскаго, Бѣльскаго, Стрыйковскаго, литовско-русскую (т. наз. Быховца) къ 1500-ому году. Іоаннъ Черный (Cerninus Bohemus, Cyrne Bohemus, Чернякъ, Черникъ) — вѣроятно чешскій гейтманъ Черный изъ Градца Королевой, который въ 1469 г. вмѣстѣ съ Самуиломъ изъ Праги опустошалъ Слезію (Длугошъ V. 529); онъ часто упоминается въ 1501—1502 гг. (Псков. лѣтопись въ П. С. Р. Л. IV. 275, Акты запад. Россіи I. 273, Histor. Russ. Monumenta, ed. Turgenev, Supplem. 319—327); Jan Polák z Karnkova подписался на одной чешской грамотѣ 1479 г. какъ hajtman na Hluboké въ южной Чехіи (см. нашъ Отчетъ за 1882 г., стр. 65). I. Благославъ въ своей чешской граматикѣ (333) приводитъ моравскую пословицу: „divná chasa, łotrovina, Žmuď, Litva, per contemtum quasi diceres Scythae, Scytharum colluvies", и объясняетъ „Litva" словомъ „čertovina". Неизвѣстно, имѣетъ-ли это связь съ свѣдѣніями Чеховъ о Литвѣ XV в., или относится-ли это еще къ XIV вѣку, къ временамъ походовъ нѣмецкихъ крестоносцевъ противъ Литвы, въ которыхъ участвовали тоже многіе Чехи. Впрочемъ Чехи знали Литву еще въ XIII в., со временъ короля Премысла Отакар II; въ чешской Александреидѣ приводятся Litva, Prusi, Tateři, Bezermené, Rusi, и упоминается литовскій обычай сожигать мертвых (по изд. Гатталы и Патеры 77, 66).

такимъ образомъ распространенію чешскаго военнаго искуства на славянскомъ востокѣ. [1]) Въ числѣ такихъ польскихъ воиновъ былъ тоже знаменитый полководецъ Николай Фирлей, который — по словамъ Папроцкаго [2])—провелъ свою молодость въ чешскомъ войскѣ, ввелъ въ началѣ XVI в. въ Польшѣ укрѣпленіе возами (obyczaj toczenia obozu), что̀ однако не можетъ быть принято буквально, такъ какъ такое подвижное возовое укрѣпленіе было въ Польшѣ извѣстно уже давно, со временъ гуситскихъ войнъ. Такое изобиліе чешскихъ гейтмановъ и вообще воиновъ въ Польшѣ дало поводъ польской пословицѣ: Co Polak to pan, co Czech to hetman, извѣстной въ Польшѣ еще во второй половинѣ XVI вѣка. [3])

Чешское военное искуство, какъ его развилъ Жижка и его преемники, принято разными народами Европы, когда они увидали, что неустроенныя толпы средневѣковыхъ войскъ не могли устоять противъ новой искуственной стратегіи чешскихъ гуситовъ, особенно противъ подвижной возовой ограды (vozová hradba), изъ-за которой и немногочисленныя войска пѣхоты и артилеріи съ успѣхомъ сражались съ огромными войсками состоявшими преимущественно изъ конницы. Возами укрѣплялись уже давно раз-

---

[1]) См. выше, стр. 62—63, и предыдущее примѣчаніе.

[2]) Paprocki: Herby rycerstwa polskiego (Kraków 1584, p. 387).

[3]) Пословицу приводитъ Стан. Сарницкій въ своемъ сочиненіи Księgi hetmańskie (рукопись, срв. Czasopism naukowy księgozbioru im. Ossolińskich, 1830, III. IV). Въ посвященіи королю Стефану Сарницкій говоритъ: Jak wejdzie w zwyczaj ta nauka, nie trudno nam będzie o ludzi rycerskich, o rotmistrzów, a nawet o hetmanów; czego mamy dowód jasny w Czechach i Niemczech, że chociaż mniéj doskonałe wyszły książki o wojownictwie, namnożyło się hetmanów, tak że nawet w przysłowie poszło: co Polak to pan, co Czech to hetman (IV. 101). Сарницкій приводитъ тоже другую польскую пословицу: Co Włoch to doktór, co Niemiec to kupiec, co Polak to hetman—что болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ :орой половины XVI вѣка, когда воинственный духъ Чеховъ давно ке исчезъ. Если польскіе поэты XVI в., Дантышенъ и Пашковскій Venecya), говорятъ „fortis Bohemus, co nad Czecha śmielszego" — ı эти слова выражаютъ болѣе традиціи XV в., чѣмъ дѣйствительсть XVI вѣка.

ные народы, въ томъ числѣ и Славяне, [1]) но Жижка и другіе гуситскіе полководцы усовершенствовали этотъ старинный обычай, и отвели такой возовой крѣпости важное мѣсто въ самыхъ сраженіяхъ и вообще въ новой стратегіи. Эта возовая крѣпость войскъ на походѣ и въ лагерѣ (обозѣ, таборѣ) распространилась и въ Польшу. Она играла важную роль уже въ войнѣ Поляковъ и чешскихъ Сиротковъ съ нѣмецкими крестоносцами въ 1433 г. [2]), и во всѣхъ позднѣйшихъ войнахъ Поляковъ на западѣ и востокѣ, какъ на пр. въ войнѣ Поляковъ съ русскимъ княземъ Федькомъ Острож-

---

[1]) Такъ на пр. Славяне въ Мизіи уже въ VI в. (595) сражались въ возахъ: Sclavi quoniam vero occursum Romanorum vitare se vix posse cernebant, vehiculis junctis pro vallo se circumsepiunt, pueros et mulieres in medium recipiunt (Stritter: Memoriae populorum etc. II. 63); русское войско на Калкѣ (1224) „створи городъ около себѣ въ колѣхъ, и бися съ ними (Монголами) изъ города того по три дня" (П. С. Р. Л. I. 218). О чешско-гуситской стратегіи см. Палацкаго Dějiny husitské II. 216, и его статью въ ж. Časopis Česk. Musea, 1828, p. 1; статью Бурьяна въ ж. Časopis Česk. Musea 1836. p. 40. Русскія соч. кн. Н. Голицына: Всеобщая военная исторія среднихъ временъ III. 84—92 (СП. 1878), А. Пузыревскаго: Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка II. 34—42 (СП. 1884); въ этихъ книгахъ есть разныя формальныя ошибки, въ именахъ, географ. названіяхъ и въ чешскихъ словахъ, на пр. гарковники (вмѣсто гарцовники), пиковники (вм. пицовники), гарковницы (вм. гарцовницы); читай: Гаекъ изъ Годѣтина, а Гайка (не: Гаека), Влъчка-Волчка (а не: Волчека), и пр. О важномъ значеніи возовой ограды срв. въ подробномъ описаніи мастерскаго отступленія Жижки изъ сѣверо-западной Угріи въ Моравію въ 1423 г. (Staří letopisové čeští, 57—61.

[2]) Одинъ слезскій князь писалъ тогда магистру ордена, что два Нѣмца готовы ему служить, die do mit der wagenborg wol kunen als indert kein Beheme, и что was die Polan thun werden wider uwer gnode, das werden sie mit der wagenborg thun. (Scriptores rerum siles. VI. 121). Слова Длугоша (въ разсказѣ о войнѣ 1433 г.) „exercitus Bohemorum in progressu priorem ordinem tenebat et exercitum Poloniae anteibat" передалъ Бѣльскій (Kronika polska 344). „prz wojskiem wszędzie wprzód chodzili Czechowie dla stawienia obozu У Длугоша упоминается къ 1458 г. Davidus Bohemus ductor cu ruum.

скимъ на Подольѣ (1432), въ битвахъ подъ Вилкомиремъ (1435), подъ Гротниками (1439) и пр.; несчастный исходъ битвы подъ Варною въ Болгаріи (1444) приписывался тоже тому, что войско короля Владислава не окружило себя таборомъ. [1]). Въ походѣ Поляковъ противъ Волоховъ (1497) польское войско окружалось таборомъ, въ которомъ многіе и спасались на несчастномъ отступленіи; также и подъ Обертыномъ (1531) малое польское войско подъ гетманомъ I. Тарновскимъ окружившись и укрѣпившись возами, разбило Волоховъ. [2]) Въ таборѣ отступало польское вой-

[1]) Nullos de ipsis curribus more *tabor* instructo, quibus in orbem compositis, primo, secundo et tertio curruum ordine velut e fortalitiis tutius pugnare poterat exercitus — замѣчаетъ Длугошъ IV. 721. Это—первое, на сколько знаемъ, упоминаніе у Славянъ турецко-татарскаго слова для лагеря, *таборъ*; оно не имѣетъ ничего общаго съ названіемъ чешскаго города Табора (по библейскому Θаворъ) и гуситовъ Таборовъ (Таборитовъ), какъ предполагаетъ кн. Н. Голицынъ (III. 87); слово *таборъ* въ значеніи лагеря у Чеховъ не встрѣчается раньше XVI вѣка. Таборъ—лагерь и укрѣпленіе; Сарницкій (Księgi hetmańskie) говоритъ: „Polacy a Czechowie osobliwszy obyczaj naleźli, bo swoje obozy abo tabory wozmi obtaczają wielgiemi“; а въ XVIII в. объясняется таборъ: „Taborem nazywają kozacy otoczenie wojska wozami, z za których, jak z wałów, mężnie bronią się“. (Linde). Не знаемъ, откуда издатели „Грамотъ великихъ князей литовскихъ 1390—1569“ (Кіевъ 1868), В. Антоновичъ и К. Козловскій, почерпнули свое извѣстіе, что Федьку Острожскому, принадлежитъ заслуга усовершенствованія на Руси военнаго искуства; онъ ввелъ гуситскій строй войска *таборъ*, усвоенный въ послѣдствіи козаками, и доставившій имъ въ теченіе трехъ столѣтій не одну побѣду надъ Турками, Татарами и Поляками“ (стр. 4). Это возможно, особенно если принять тождество Фридриха и Федька Острожскаго; срв. выше, стр. 63. Замѣтимъ еще, что древнерусское слово *тôваръ*, *товары* (въ лѣтописяхъ галичско-волынской и новгородской) означаетъ лагерь, обозъ, съ товаромъ, имуществомъ войска; оттуда и слово товарищъ (commilito). Самое слово *товаръ* тоже не славянскаго происхожденія, и можетъ быть то же самое, что *таборъ*.

[2]) Въ хроникахъ Бѣльскаго (всемірной и польской) и въ соч. Сарницкаго Księgi hetmańskie находится изображеніе польскаго обоза подъ Обертыномъ.

ско въ Молдавіи передъ Турками (1620) къ Цецорѣ, гдѣ истреблено. Таборъ употребляли украинскіе козаки въ своихъ войнахъ съ Поляками и Татарами. Очевидецъ, французскій инженеръ Бопланъ, служившій въ первой половинѣ XVII в. въ Украинѣ, говоритъ, что козаки идутъ черезъ степи въ таборѣ (tabort), т. е. они идутъ посреди своихъ возовъ, восемь или десять возовъ впереди и столько же взади, вооруженные самопалами, копьями, косами на ратовищахъ; лучшіе наѣздники ѣдутъ около табора; въ случаѣ нападенія таборъ останавливается и козаки сражаются оттуда съ непріятелемъ. Самъ Бопланъ нѣсколько разъ ходилъ въ таборѣ съ 50 или 60 козаками и выдерживалъ въ немъ нападеніе 500 Татаровъ, которые не въ силахъ были разстроить его. [1]) Въ такомъ таборѣ козаки и ихъ семейства подъ атаманомъ Наливайкомъ отступали передъ польскимъ гетманомъ Жолкевскимъ въ Волынѣ и Украинѣ (1596), отстрѣливаясь изъ 20 пушекъ и отражая всѣ нападенія Поляковъ; около Бѣлой Церкви козаки дали битву въ таборѣ, переправились за Днѣпръ и укрѣпились подъ Лубнами четырьмя рядами возовъ; здѣсь они защищались нѣсколько дней противъ осаждавшаго ихъ польскаго войска, но наконецъ должны были сдаться. [2]) Такіе таборы употребляли козаки въ битвахъ съ Поляками въ первой половинѣ XVII в. (на пр. въ 1637—1638 гг.), во время войнъ Б. Хмѣльницкаго (на пр. подъ Берестечкомъ 1651, подъ Охматовомъ 1655); въ таборѣ отступалъ гетманъ Ханенко передъ Татарами на Подольѣ (1672), въ таборѣ пошли козаки въ Молдавію (1685), и пр.

Военная терминологія польская (и западно-русская) XV—XVI вв. по большей части чешскаго происхожденія. У Поляковъ многія военныя названія общеславянскія, доисторическія: мечъ, копье (kopie, позже kopia), лукъ, стрѣла, тулъ, прилбица, щитъ, пороkъ (prok, proca), воевода, сотникъ, десятникъ, полкъ,

---

[1]) Description d'Ukranie (Rouen 1650 и 1660), русскій переводъ въ Петербургѣ 1832.

[2]) Этотъ походъ подробно описалъ I. Бѣльскій въ продолженіи польской хроники (изд. Туровскаго, стр. 1750); срв. тоже Кулиша Возсоединеніе Руси, II.

и пр. [1]); нѣкоторыя названія приняты позже отъ восточныхъ турецко-татарскихъ народовъ (сабля, карабела, колчанъ, сайдакъ, буздыганъ, кинжалъ, булава, бунчукъ, и др.), равнымъ образомъ какъ и отъ западныхъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Французовъ. Нѣкоторыя слова перешли къ Полякамъ отъ сосѣднихъ Славянъ, какъ на пр. русскія сулица (чеш. sudlica), рогатина (rohatyna рядомъ съ rogacina), лукъ (łuk, по-поль. łąk, łęczyszcze, łęczysko), шлемъ (русск. шеломъ, шоломъ), и др. [2]) Въ слѣдствіе развитія военнаго искуства у гуситскихъ Чеховъ XV в. и распространенія его въ Польшу и югозападную Русь — многія слова чешской военной терминологіи, чешско-славянской и чешско-нѣмецкой, приняты, вмѣстѣ съ военнымъ искуствомъ, тоже въ языкахъ польскомъ и западно-русскомъ. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя такія слова чешской военной терминологіи въ польскомъ языкѣ. [3]) Славянское названіе военнаго начальника, полководца —*воевода* приняло въ Польшѣ значеніе особаго сановника (palatinus), а въ Чехіи — по нѣмецкому herzog — значеніе князя (vojvoda, vejvoda, vévoda); у Чеховъ оно уступило чешско-нѣмецкому hajtman, hejtman (нѣм. hauptmann, haupmann, переводъ латин. capitaneus, caput—haupt), что перешло и къ Полякамъ hejt-

---

[1]) Приводимъ эти названія въ русской формѣ; срв. „Славяне“ I. 158.

[2]) Форма sudlica не встрѣчается, а только sulica (XV в.); szłom въ одномъ поль. памятникѣ XV в. (Archiv f. slav. Philologie XII. 147).

[3]) См. чешскіе военные уставы XV в., Гайка изъ Годѣтина, I. Жижки и В. Волчка изъ Ченова (въ сб. Výbor z literatury české II), Staři letopisové češti, разные памятники въ сб. Archiv český, и срв. выше упомянутую статью Бурьяна. Польскіе военные уставы гетмановъ I. Тарновскаго (1558, 1579), I. Замойскаго; М. Бѣльскаго Sprawa rycerska (1569) и его хроники, хроники М. Константиновича Хвальчевскаго, Acta expeditionum bellicarum a. 1497—1498, Rejestr wozów skarbnych 1521, Записка о поединкѣ г. 1511 (Stronczyński Wzory pism dawnych, Nro 81), Krótkie wypisanie niektórych praw sposobu i zachowania bojowego rycerskiego (рукоп. Имп. Публ. библ., иноязычныя F. XVII. 21, fol. 187—213, изъ полов. XVI в.), Porządek praw rycerskich wojennych r. 1557 (рукоп. Имп. публ. библ.,

man, hetman. [1]) Также и другія названія военныхъ начальниковъ, какъ на пр. rotmistr—rotmistrz, не говоря объ общеславянскихъ названіяхъ сотникъ, десятникъ. Названія оружія, kopie — kopia (kopí, kopinníci), oštěp—oszczep, kuša, samostřeł — samostrzał, cep, palcát (булава), dýka—deka (кинжалъ), paveza — paweza, pawęża (большой щитъ, вооруженные ими pavezníci — pawęznicy), чеш. plech, plechowice (рядомъ съ blach), bernienie (чеш. brnění), rukawy—zarukawie, и др.; особенно огнестрѣльное оружіе: střelba — strzelba, dělo — działo, puška — puszka, hakovnice—hakownica, hák, půłhák—półhak, ručnice — ručnica (ręczna strzelba, позже rusznica), tarasnice — tarasnica, srubnice [2]), húfnice, houfnice—hufnica (działa polnij, uffnij, terasnij ок. 1495 г.). Пушкарское искуство очень цѣнилось, и чешскіе пушкари (артилеристы) стали учителями пушкарей польскихъ и русскихъ. [3]). - Военное устройство: húf, houf—huf, uf, šik—szyk, hufy spraviti, šikovati—hufy sprawié, szykować, posiłci – posiłki, posiłeczne hufy, stracenci—stracency, harc, harcovati, harcovník— harc (certamina quae harce vocamus, говоритъ Длугошъ), harcować, harcownik, hesło — hasło, pravá, levá ruka — prawa, lewa ręka; возы и ихъ названія, чешскія: plac, brána, placní řady, krajní vozy i řa-

---

польскія Q. IV. 45), и др. Срв. Wł. Łebiński: Materyały do słownika historycznego języka i starożytności polskich. I. Militaria (Roczniki Towarzystwa przyjaciół nauk poznańskiego, 1889, t. XVI), тоже K. Górski: O rozwoju sztuki wojennéj w Polsce w XV w. (Biblioteka Warszawska 1890, II).

[1]) Форму hejtman (heythman) нашли мы въ хроникѣ Хвальчевскаго (I. 109) и въ дневникѣ сейма 1558 г. (p. 243); но обыкновенно hetman. С. Будный въ своемъ переводѣ библіи пишетъ: „Abimelech i *wojewoda* jego. (Genes. 21, 22). Niektórzy tłumaczą *hetman*; ale iż to cudzoziemskie słowo, woleliśmy własne, bo wojewoda właśnie ten jest, który *woje* abo wojska wodzi".

[2]) Въ польскихъ памятникахъ мы ея не нашли; но въ западной Руси: шрубница.

[3]) Такъ на пр. еще въ 1545 г. ревизоръ волынскихъ замковъ требуетъ, чтобъ въ Брацлавлѣ кромѣ русскихъ пушкарей, „один былъ Ляхъ або Чехъ, навчоный пушкарь для лепшое и певнейшое справы и стрельбы замковое". (Rewizya zamków wołyńskich p. 1[...]

dy, řád šikovaných vozův, picní vozy, kładení vozův, и др. — и польскія: plac (rynk), brana (такъ часто рядомъ съ brona, brama), rynkowe rzędy, skrajne rzędy, rzędowe wozy, rząd obozowy, picne wozy, kładzenie obozu, и пр.

Югозападные Русскіе познакомились съ чешскимъ военнымъ искуствомъ и съ чешскою военною терминологіею отъ части непосредственно, находясь въ чешскихъ войскахъ (какъ на пр. князь Ф. Острожскій и многіе червоно-русскіе земяне) или видя у себя на Руси чешскія наемныя роты, отъ части посредственно, отъ Поляковъ. Такимъ образомъ перешли въ нарѣчіе югозападной Руси слова: гетманъ, ротмистръ, стрѣльба, дѣло, пушка, шрубница, гуфница, тарасница, гаковница, пищаль (чеш. píšťala, ружье), ручница, шихъ, шиховати, пицованіе, и др. [1]). Нѣкоторыя такія названія распространились и въ восточную, московскую Русь, на пр. пушка, ручница, пищаль, гафуница, по большей части уже посредствомъ Поляковъ, отъ которыхъ Русскіе, юго-западные и сѣверо-восточные, вообще приняли много оружій и ихъ названія. Но московскіе Русскіе могли познакомиться съ тѣмъ или

---

[1]) См. Уставы для литовскихъ гетмановъ 1507 и 1512 гг., Литовскіе статуты, Акты западной Россіи, Археограф. Сборникъ документовъ исторіи сѣверозап. Руси (IV. 214), Метрика литовская, Реестръ попису войска господарского вел. кн. литовского 1565 (рукопись Импер. Публ. библ., русскослав. F. IV. 82, съ польскими замѣчаніями на поляхъ) и др. Любопытно, что въ военныхъ уставахъ чешскомъ (Гайка), польскихъ (Тарновскаго и Замойскаго) и литовскихъ оберегаются пчелы въ лѣсахъ. Чешская píšťala (пищаль) намъ въ польскихъ памятникахъ не попалась. Нѣкоторые чешскіе военные термины перешли и къ Нѣмцамъ: haufnitze (haubitze=haufbüchse), bizschälen, pischczalen (пищали, оттуда pistolen), pafesen, pafesner (павезники), possatken (posádka, blockhaus); Нѣмцы XV в. знали тоже слово thabor (der thabor an der prukh—M. Beheim, quodlam thabor aut fortalicium munitissimum—Eschenloer). Думаемъ, что и боевой крикъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ her! her! не что иное, какъ чешско-гуситское: hr! hr! (hr na ně! въ гуситской боевой пѣснѣ: Kdož jste boží bojovníci; hr Kunštat hr! боевой крикъ войска пана Орія изъ Подѣбрадъ и Кунштата 1448 г.).

другимъ порядкомъ прямо отъ самихъ Чеховъ; такъ на пр. слово *пищаль* Полякамъ извѣстно не было, а это — чешское пищала, pištala (ружье на способъ „пищали“—canna) [1]). Чешскіе наемные воины бывали и въ московской Руси; такъ на пр. въ 1513 г. князь Михаилъ Глинскій нанималъ на службу великаго князя Василія Ивановича воиновъ въ Германіи, Чехіи и Слезіи; въ ихъ числѣ находился ротмистръ Чехъ Лята (Ляда), краковскій мѣщанинъ. [2]). Эти иностранные, нѣмецкіе и чешкіе воины, вѣроятно тоже пушкари, могли обучать и русскихъ ратниковъ, пушкарей и пищальниковъ, военному и пушкарскому искуству, которымъ русскіе пушкари отличились уже годъ спустя (1514) при взятіи Смоленска. Съ начала XVI вѣка и въ московской Руси входитъ въ употребленіе обычай защищаться въ подвижномъ (гуляющемъ) укрѣпленіи, и называемомъ гуляй-городъ; онъ состоялъ изъ досокъ на возахъ или саняхъ, которыми окружалось войско и изъ-за которыхъ отстрѣливалось, особенно въ битвахъ противъ Татаровъ. Такіе гуляи употреблялись въ московской Руси до конца XVII в., и еще войско князя В. Голицына на походѣ противъ крымскихъ Татаровъ (1687, 1689) шло въ такомъ гуляѣ. Можетъ быть, что этотъ восточно-русскій гуляй городъ возникъ по образцу чешской гуситской возовой ограды. [3]).

---

[1]) Такъ на пр. въ чешскомъ военномъ уставѣ Волчка изъ Ченова ок. 1492 г. (Výbor z literatury české II. 1014) постановляется: Což bude u vojšte pišťał a šipuov, k každému vozu maji dvě pišťadle(!) býti šikovány. Срв. тоже Časopis Česk. Musea 1828, p. 9, 1836, p. 46. Объ огнестрѣльномъ оружіи въ московской Руси см. Военный энциклопед. словарь, и Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ (СП. 1841, I).

[2]) См. хроники Ваповскаго, Деція и Стрыйковскаго къ этому году.

[3]) См. въ Военной русской энциклопедіи ст. Ратное дѣло въ Россіи, Гуляй городъ и др.; кн. Н. Голицынъ: Русская военная исторія II. 24, 475 (СП. 1878). О проектѣ походнаго городка, представленномъ царю Михаилу Федоровичу, см. Соловьева Исторію Россіи IX, 389.

Іосифъ Первольфъ

Лит. В. Глувчевскій въ Варшавѣ

СЛАВЯНЕ,
ИХЪ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ
И СВЯЗИ.

СОЧИНЕНІЕ

ЮСИФА ПЕРВОЛЬФА

(† 21 дек. 1891 г.).

съ портретомъ автора и указателемъ ко всѣмъ тремъ томамъ.

ТОМЪ III.

Славянская идея въ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ Славянъ до конца XVIII вѣка.

ЧАСТЬ II.

Славяне западные и восточные въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА,

Королевская улица № 13.

1893.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ *И. Щелковъ.*

По опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета издается нынѣ оставшаяся въ рукописи и не вполнѣ оконченная *вторая* часть III-го тома многолѣтняго труда покойнаго профессора I. I. Первольфа. Смерть застигла нашего товарища въ самомъ разгарѣ окончательной обработки къ печати этого выпуска. Съ лихорадочной поспѣшностью онъ работалъ надъ нею, какъ будто подталкиваемый какимъ-то смутнымъ предчувствіемъ... Но судьба однакожъ не дала ему закончить даже III-ій томъ „Славянъ", тогда какъ имѣвщійся въ виду IV-ый — о возрожденіи Славянъ и о развитіи славянской идеи за послѣднее столѣтіе [1])—остался совсѣмъ ненаписаннымъ; для него былъ собранъ лишь сырой матеріалъ въ видѣ массы выписокъ, справокъ, вырѣзокъ и т. п.

По плану автора III-ій томъ посвященъ разсмотрѣнію *взаимныхъ сношеній Славянъ въ области политической и культурной* „насколько въ этихъ сношеніяхъ проявляется славянское сознаніе народовъ, и насколько въ нихъ замѣчается вліяніе одного народа на другой въ разныхъ сторонахъ народной жизни, напр. вліяніе одного языка славянскаго на другой, воздѣйствіе одной литературы на другую и вообще распространеніе культуры одного народа къ другому" [2]). Въ *первой* части этого тома (изд. въ

---

[1]) См. Предисловіе къ I тому, стр. VIII.

[2]) См. Предисловіе къ I части III-го тома, стр. I.

1890 г.) разсматриваются такія сношенія западныхъ Славянъ, преимущественно Чеховъ и Поляковъ.

Предлагаемый нынѣ вниманію читателей посмертный II-ой и послѣдній выпускъ III-го тома заключаетъ въ себѣ обозрѣніе *взаимныхъ сношеній Славянъ западныхъ и восточныхъ*. Къ сожалѣнію авторъ не успѣлъ довести его до конца, а равно обработать окончательно тѣ части послѣднихъ его отдѣловъ, которыя уже были написаны или набросаны.

Большую часть настоящаго выпуска занимаютъ сношенія *русско-польскія*, и на нихъ сосредоточивается весь его интересъ [1]. Но и этотъ отдѣлъ остался не вполнѣ обработаннымъ (см. напр. пропускъ на стр. 221) и недописаннымъ, и изъ заключительной главы (о церковной уніи), куда долженъ былъ войти и обзоръ политическихъ сношеній польско-русскихъ въ позднѣйшій періодъ до конца XVIII в. — согласно общему плану книги, нашелся лишь небольшой отрывокъ.

Въ видѣ отрывковъ же, хотя и болѣе обширныхъ, являются и другіе два отдѣла книги, изъ которыхъ одинъ посвященъ *сношеніямъ Чеховъ съ православными Славянами* (Русскими и Югославянами), а другой — по всему видно — долженъ былъ обнять *сношенія южныхъ Славянъ между собой и съ остальнымъ славянствомъ*. Первый изъ нихъ остался не конченнымъ и не обработаннымъ, — имѣющееся было очевидно написано гораздо раньше и должно было быть дополнено по новѣйшимъ изысканіямъ; а изъ второго написана лишь одна глава: „Югославяне католики и Славяне православные, патарены и гуситы".

Послѣдній трудъ I. I. Первольфа печатается конечно совер-

---

[1]) Первоначально очерки эти — лишь отчасти и притомъ въ нѣсколько иной формѣ (какъ извлеченіе изъ подготовляемаго большого труда)—появились по-чешски въ журн. Osvěta за 1881 г. („Polaci a Rusini"), изданіи мало доступномъ русскимъ читателямъ.

шенно въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ-подъ пера автора. Самыя незначительныя измѣненія текста, нами допущенныя, касаются исключительно внѣшней формы: языка и стиля. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ мы вездѣ руководствовались только необходимостью. Такое точное воспроизведеніе рукописи возможно было лишь потому, что большая часть книги (до 7 главы польско-русск. отд., стр. 175) была вполнѣ готова къ печати. Остальное — особенно послѣднія написанныя страницы этого главнаго отдѣла и отрывочныя части прочихъ — нося вообще характеръ неоконченности, не было еще въ такой же мѣрѣ подготовлено къ печатанью, не говоря уже объ отсутствіи внѣшней отдѣлки: недоставало кое-гдѣ ссылокъ и выносокъ, иныя изъ нихъ нуждались въ провѣркѣ и дополненіи, недоставало заголовокъ и проч. Всѣ эти, впрочемъ незначительные пробѣлы нами посильно пополнены.

Кромѣ того мы рѣшились составить и присоединить къ этому заключительному тому почтеннаго труда покойнаго слависта— *указатель личныхъ именъ* ко всѣмъ тремъ томамъ, дабы облегчить каждому пользованье этимъ богатымъ и интереснымъ сводомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній изъ исторіи всего славянства, особенно нуждающимся—по самому характеру изложенія и группировкѣ матеріала—въ такомъ пособіи.

Принявъ на себя трудъ по редактированью и печатанью этой послѣдней книги Іосифа Іосифовича, мы счастливы, что имѣемъ случай тѣмъ самымъ принести посильную дань нашего глубокаго уваженія и сочувствія—памяти незабвеннаго товарища.

Считаемъ пріятнымъ долгомъ высказать нашу искреннюю признательность профессору И. П. Филевичу за помощь при чтеніи корректуръ.

Константинъ Гротъ.

Варшава, 12 апр. 1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ

ВЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И КУЛЬТУРНЫХЪ СНОШЕНІЯХЪ СЛАВЯНЪ

ДО КОНЦА XVIII ВѢКА.

III. ПОЛЯКИ И РУССКІЕ.

„Cóż wżdy za pożytek ma król Jegomość z tak wielu kłopotów, które zażył z narodem ruskim? Ten pożytek ma, że jest nas sławiańskich narodów różnych ośmnaście; ci wszyscy kładli swobody swéj ratunek na królach polskich; ci wszyscy rozumieli, że naród polski miał ich z ciężkiego pogańskiego jarzma wyswobodzić, ci wszyscy na każdą potrzebę króla i narodu polskiego garła swe gotowi dać byli. A teraz jako krzywdę poczęto czynić narodowi ruskiemu, są nam głównemi nieprzyjaciołami. Teraz wolą pomrzeć na wojnie sami, żony i dzieci swe popalić, jako to w Smoleńsku uczynili, niżby mieli do zgody jakiéj przyjść z nami krwią swoją".

(Zdanie o narodzie ruskim pana Szczęsnego Herburta, 1613, см. ниже стр. 78).

III.

ПОЛЯКИ И РУССКІЕ.

1. ***Славянскія племена по Вислѣ, въ Карпатахъ, по Днѣстру, Днѣпру, Двинѣ. Ляхи и Русь, ихъ этнографическая граница. Государства польское (лядьское) и русское; польскій католицизмъ и русское православіе, ихъ борьба изъ-за первенства на славянскомъ востокѣ. Стремленіе Поляковъ на русскій востокъ. Присоединеніе Руси карпатской и поднѣпровской къ Польшѣ. Побѣда польской культуры въ юго-западной Руси.***

Земли на сѣверъ карпатскихъ горъ, орошаемыя Вислою и Днѣпромъ, искони заселены славянскими племенами, которыя въ послѣдствіи стали означаться двумя главными названіями *Ляхи* и *Русь*. Многія изъ этихъ племенъ были въ своихъ земляхъ автохтоны, другія производили себя — по крайней мѣрѣ по древнимъ преданіямъ русскимъ и польскимъ—изъ южныхъ подкарпатскихъ и подунайскихъ странъ [1]). Нельзя опредѣлить, когда въ закарпатскихъ и повислянскихъ земляхъ состоялось раздѣленіе тамошнихъ Славянъ на двѣ групы, Ляхи и Русь, принимая послѣднее названіе вообще въ смыслѣ восточныхъ Славянъ [2]). Это раздѣле-

---

[1]) См. „Славяне“ II, стр. 100 и сл. и 420 и сл., о лѣтописяхъ русскихъ и польскихъ.

[2]) Русскій народъ назывался искони *Русь* (собират.), единств. *Русинъ* (срв. Литва—Литвинъ, Чудь—Чудинъ, Мазовше — Мазовшанинъ, Сербинъ, Болгаринъ, Угринъ, Волошинъ и пр.), позже на гре-

ніе случилось во всякомъ случаѣ въ доисторическія времена; несомнѣнно, что русское полногласіе и недостатокъ ринезма съ одной стороны, а ляшскій ринезмъ и недостатокъ полногласія съ другой стороны установились уже въ тѣ времена, и что уже тог-

---

ческій ладъ *Россія*, *Россіянинъ*, о чемъ см. „Славяне“ II, 435. Форма „Русинъ“ означала каждаго Русскаго въ Галичѣ, Кіевѣ, Полоцкѣ, Новгородѣ, Москвѣ, въ противуположность Гречину, Словенину, Варягу, Нѣмчину, Латинину, Литвину, Татарину, Ляху и пр. Въ сѣверовосточной Руси (Москвѣ) позже вмѣсто „Русинъ“ стали употреблять прилаг. „Русскій“ (т. е. человѣкъ). Такъ напр. въ договорѣ польскаго короля Сигизмунда съ московскими боярами, писанномъ подъ Смоленскомъ (Акты западной Россіи IV, № 180), говорится о „господарствѣ рускомъ московскомъ, о Руси (т. е. московскомъ государствѣ“), о томъ, что „Русину (въ москов. госуд.) руская, а польскимъ и литовскимъ людемъ лядская вѣра вольна быти маетъ“ и пр.; еще въ концѣ XVIII в. Поляки называли жителей русской имперіи Rusin (см. „Славяне“ II. 196). Латинская форма Ruteni, Rutheni, Ruthenia употреблялась рядомъ съ Russi, Russia безразлично въ значеніи Руси югозападной и сѣверовосточной; форма Ruteni, основываясь на формѣ Русинъ, опиралась тоже на воспоминаніяхъ книжниковъ, наткнувшихся у латинскихъ классиковъ на народъ въ Галіи Ruteni; они и стали означать Русь, какъ и Teucri — Турокъ, Daci — Датчанъ, Roxolani—Русскихъ, Triballi — Сербовъ, Curetes — Хорватовъ и пр. Такъ назывались король галичско-русскій Даніилъ—rex Russiae, Ruthenorum, Гедиминъ — rex multorum Ruthenorum, царь русскій Василій Ивановичъ—imperator Ruthenorum и пр. Гнѣзенскій архіепископъ I. Ласкій называетъ Русскихъ въ московскомъ государствѣ—Rutheni albi, а въ Польшѣ и Литвѣ — Rutheni rubei. Матвѣй изъ Мѣхова, въ описаніи Сарматіи, говоритъ, что „in Moscovia unam linguam et unum sermonem esse, scilicet rutenicum seu sclavonicum“; Герберштейнъ — Russi gentiliter, Rutheni latine, и пр. Греческую форму „Россія“, „Россіяне“, полюбили въ концѣ XVI и въ XVII вв. особенно львовскіе и кіевскіе книжники въ значеніи южной Руси, и такъ писали тоже нѣкоторыя Поляки (см. ниже). Названія Русь Россія) Малая, Великая, Бѣлая, Черная, Червоная—формы книжныя отчасти греческо-византійскаго происхожденія, о чемъ срв. нашу статью въ Archiv für slav. Philologie VIII. 21. Прилагательное отъ Русь, Русинъ, было и можетъ быть только — русьскый (древнее), русскій (этимолог.) рускій (фонетич.), какъ и отъ Литвинъ — литов.

да восточныя племена говорили Судомирь, Володимирь, Ляхи — лядьскій, а западныя—Сѫдомирь (Sańdomierz), Влодимирь (Włodzimierz), и вѣроятно Лѧхи [1]).

Нѣкоторыя одинаковыя названія племенъ ляшскихъ и русскихъ могли бы указывать на одно происхожденіе, на переселенія ихъ съ востока (Руси) на западъ (къ Ляхамъ) и наоборотъ; за неимѣніемъ однако другихъ болѣе положительныхъ свидѣтельствъ нельзя еще настаивать на такомъ фактѣ и отчасти можно его объяснить просто случайностью, духомъ славянскаго языка вообще, по которому у всѣхъ Славянъ жители полей (равнинъ) названы—Поляне, жители лѣсовъ (деревъ) — Деревляне, и пр. Такъ напр. встрѣчаются Поляне по Днѣпру и по Вартѣ, Деревляне (Древяне) по Припети (въ Полѣсьѣ) и по нижней Лабѣ, Сѣверяне по Деснѣ и по Вислѣ, Волыняне по Бугу и на балтійскомъ морѣ, и пр. Въ началѣ XII вѣка восточно-русскія племена Радимичи и Вятичи производили себя отъ Ляховъ, отъ двухъ братьевъ Радима и Вятка, хотя только названіе Радимичей можно производить отъ Радима, а Вятичей—скорѣе отъ Вѧтовъ (Veneti, Venedi, Antae)[2]). Тогда-же, въ началѣ XII вѣка, въ кіевской землѣ въ Поросьѣ, по рѣкѣ Роси (Ръси), въ числѣ Поросьянъ, Поршанъ жили еще потомки плѣнныхъ Ляховъ, которыхъ тамъ поселилъ Ярославъ Володимировичъ. Такихъ поселенцевъ плѣнниковъ лядьскихъ (польскихъ) на Руси, а русскихъ въ Польшѣ, было вообще много, но они, подобно другимъ переселенцамъ, живя среди соплеменниковъ, скоро примкнули къ господствующему народу. Жители карпатскихъ горъ и земель по верхней Вислѣ, по Сану и по верхнему Днѣстру—Хорваты, вѣроятно уже рано раздѣлились на двѣ по-

---

скій (поль. litewski, а не litwiński), Словенинъ — словенскій, Болгаринъ—болгарскій. Если же нѣкоторые поляки и ихъ русскіе ученики въ Галиціи отличаютъ ruski (даже rusiński!), руській, рускій (это-де малорусскій и бѣлорусскій) и russki, rossyjski, русскій, россійскій (а это-де великорусскій, московскій), то здѣсь играетъ роль, конечно, не наука, а какая-то особая наивная славянская политика.

[1]) См. Archiv für slavische Philologie IV. 68.

[2]) Срв. „Славяне" I. 93, 105.

ловины, такъ что западные Хорваты по верхней Вислѣ въ землѣ краковской примкнули къ Ляхамъ, а восточные Хорваты по Сану и верхнему Днѣстру къ Руси [1]). Такіе же Хорваты жили и дальше на западъ въ Чехіи подъ кръконошскими горами и между полабскими Сербами, на югѣ же въ Далмаціи [2]).

---

[1]) Ляшское происхожденіе всѣхъ карпатскихъ Хорватовъ („Chrobatów", срв. Archiv für slav. Philologie VII. 626), на чемъ настаиваетъ изъ новѣйшихъ историковъ Ст. Смолька (Rok 1386, p. 51), сомнительно. Что было въ доисторическія времена, неизвѣстно; въ историческое время восточные Хорваты были не Ляхи, а Русь, и говорили: Перемышль, Теребовль, Звенигородъ, Городокъ, Дулѣбы, Холмъ, Володимеръ, Володарь, Володиславъ, Судиславъ, Святополкъ, а не: Przemyśl, Trzebow', Zwenigrod, Grodek, Dudlebi, Chełm, Włodzimierz, Włodarz, Włodzisław, Sędzisław, Swiętopełk; имена карпатско-русскихъ бояръ въ родѣ Судиславъ (а не: Sędzisław) или Володиславъ (а не: Włodzisław) вовсе не „lechickie" (ляшскія, по латин. формѣ Lechitae), а тоже русскія и общеславянскія. Подобно тому нечего искать слѣдовъ Ляховъ въ земляхъ русскихъ Радимичей и Вятичей, т. е. если признать преданіе русской лѣтописи о происхожденіи обоихъ племенъ отъ Ляховъ; въ историческое время Радимичи и Вятичи (а не: Вѧтичи—Vętiči) были Русь и говорили: Воробейна, Городецъ, Радимль, Дѣдославль, и пр. О переселеніи разныхъ славянскихъ племенъ см. нашу статью Slavische Völkernamen (Archiv. f. slav. Philologie VII. VIII).

[2]) Разсказъ Константина Багрянороднаго о переселеніи южныхъ Хорватовъ изъ карпатской Хорватіи „бѣлой" или „великой" встрѣтился съ сильнымъ сомнѣніемъ со стороны Рачкаго (Rad jugoslav. akagemije, kn. 52). Срв. тоже наши замѣтки въ Archiv für slav. Philologie, VII. 625, VIII. 2—5. „Хорваты" въ учредительной грамотѣ пражской епископіи (973, 1086) это —Хорваты въ Чехіи въ двухъ областяхъ подъ кръконошскими горами, а не Хорваты карпатскіе. Въ польскихъ лѣтописяхъ Хорваты—хорошо извѣстные русской лѣтописи — почти неизвѣстны, и только Викентій Кадлубекъ знаетъ, что Болеславъ Храбрый „Hunnos seu Hungaros, Cravatios (вѣроятно краковскихъ, повислянскихъ) et Mardos gentem validam (Моравянъ съ Словаками) suo mancipavit imperio. Если Карпы или Карпіаны греческихъ и римскихъ писателей первыхъ столѣтій Р. Х., воевавшіе въ подунайскихъ странахъ—Хорваты, то можно принять отчасти разсказъ Константина Багрянороднаго, но только въ смыслѣ дви-

Какія были первоначально границы между Ляхами (Хорваты около Кракова, Висляне около Вислицы, Мазовшане по средней Вислѣ) и Русью (Хорваты по Сану и Днѣстру, около Перемышля и Теребовли, Дулѣбы - Бужане - Волыняне на верхнемъ Бугѣ около Червеня, Волыня, Володимиря, Бужска и Белза, Дреговичи на среднемъ Бугѣ)—неизвѣстно, вѣроятно средняя Висла; позже, въ XII—XIII вѣкахъ, составляютъ эту границу водораздѣлъ рѣкъ Вислоки и Вислока, Санъ (Сянъ), Быстрица, Вепрь, Кросна, Нурецъ, верхняя Наровь (Narew'), Бобря (Biebrza); здѣсь на сѣверѣ Ляхи и Русь граничили съ литовскими племенами, именно съ Ятьвягами (польск. Jadźwingi — Jaćvęgi), которые истреблены соединенными силами Ляховъ и Руси. Пограничные польскіе города были здѣсь, въ XII — XIII и XIV вв. Сандечъ, Тарповъ, Сандомѣрь, Люблинъ, Луковъ, Нуръ, Визна, а русскіе—Кросно (Коросно), Решовъ, Ярославль, дальше въ „украинѣ" по Вепрю Щекаревъ, Холмъ, Верещинъ, наконецъ Берестье, Мельникъ, Дорогичинъ, Каменецъ, Бѣльскъ [1]).

женія карпатско-подунайскихъ Хорватовъ на югъ въ Далмацію, равнымъ образомъ какъ и движеніе карпатско-подунайскихъ Сарматовъ—Сербовъ на югъ въ Мизію и Далмацію. Греки и Римляне знали горы Карпаты (хребты) и ихъ части Пенины и Бескиды (срв. племена Piengitae, Biessi), племена Арсіеты (Решовъ?) и Сабоки (по Сану), городъ Асанка (Сандечъ—Санчъ или Санокъ?).

[1]) Подробное изслѣдованіе вопроса объ этнографическомъ польско-русскомъ рубежѣ во всѣхъ его историческихъ фазахъ ждетъ еще своего историка. См. Н. Барсова Очерки русской исторической географіи (Варшава, 1885), Д. Зубрицкаго Granice między ruskim i polskim narodem w Galicyi (Lwów 1849), А. Добрянскаго О западныхъ границахъ подкарпатской Руси (Ж. М. Н. П. 1880, кн. 208), Андріяшева Очеркъ исторіи волынской земли до конца XIV в. (Кіевъ 1887), Петрушевича, Краткое извѣстіе о введеніи христіанства въ предкарпатскихъ странахъ во время свв. Кирилла и Меѳодія, (Львовъ 1882) и Краткое извѣстіе о холмской епархіи (1867), И. Линниченка Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV в. (Кіевъ 1884), Филевича Борьба Польши и Литвы - Руси за галицко-владимирское наслѣдіе (СП. 1890), Е. Крыжановскаго Забужная (т. е. Забужская) Русь (Собраніе сочиненій, Кіевъ 1890, II), Лонгинова Чер-

Всѣ эти сѣверныя славянскія племена по Вислѣ и по Днѣпру долго жили въ раздробленіи, не думая о болѣе прочномъ и продолжительномъ союзѣ; нѣкоторыя повислянскія и карпатскія племена, Висляне и Хорваты, вошли въ составъ велико-моравскаго

венскіе города (Варшава 1885), Сборникъ Батюшкова Холмская Русь (Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, VII, VIII СП. 1885), Алекс. Будиловича, Истор. очеркъ милеевской церкви въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополяченія завепрянской Руси до р. Быстрицы (Варшава, 1890), О. Кольберга Mazowsze, t. V (Kraków 1890), и др. Среднее Побужье съ Дорогичиномъ было искони русское, а не ятьвяжское, о чемъ срв. статью С. Кулаковскаго въ Этнограф. Сборникѣ III. 47, Барсова Очерки 39, 231, ст. Авенаріуса въ сб. Древности сѣверо-западнаго края (СП. 1890, I); ст. Крыжановскаго о забужской Руси; о Ятьвягахъ срв. тоже Sjögren: Über die Wohnsitze u. die Verhältnisse der Jatwägen (SP. 1858), Sembrzycki (Altpreuss. Monatschrift 1891, I. 76). Что касается люблинской земли, то возможно, что она первоначально была русская, но въ XII—XIII вв. она принадлежала уже Польшѣ (въ галичско-волынской лѣтописи упоминаются часто люблинскіе Ляхи), но галичско-волынскіе князья постоянно ея добивались. Во всякомъ случаѣ люблинская земля скоро ополячилась, только по Вепрю и по Быстрицѣ отчасти сохранилась православная, потомъ уніатская Русь, а въ городѣ Люблинѣ она имѣла свою церковь и свое церковное братство, о чемъ срв. соч. Ал. Будиловича о милеевской церкви, Лонгинова Памятники русской старины въ г. Люблинѣ (Холмская Русь, Памятники VIII. 229) и Червенскіе города, 79. Въ городѣ Казимирѣ на Вислѣ была еще въ XV в. православная русская церковь (Востокова, Опис. рукописей Румянцева стр. 185, срв. „Славяне" II. 550, примѣч. 3, гдѣ однако вмѣсто „католическая церковь" надо читать „православная"). Что касается русскаго населенія на лѣвомъ берегу Вислы въ землѣ сандомирской (судомирской), то можемъ указать только на присутствіе русскихъ жителей въ Чмелёвѣ (Ćmielów) около Опатова; по крайней мѣрѣ въ 1505 г. король Александръ, жалуя селенію Чмелёву (Sczmielowo) нѣмецкое право, уничтожаетъ въ новомъ городѣ всѣ права польскія и русскія—removentes omnia jura polonicalia et ruthenica (Metryka koronna XXI, 211; грамоту знали Baliński i Lipiński, Starożytna Polska II. 316), т. е. если послѣднихъ словъ не считать обыкновенною формулою, встрѣчающеюся часто въ тогдашнихъ жалованныхъ грамотахъ на нѣмецкое право вообще. Мнѣніе о русскомъ на-

государства, а позже въ составъ чешскаго государства. Въ IX—X вѣкахъ возникаютъ однако два государства, въ которыхъ со временемъ соединились Ляхи и Русь. Ляхи по Вартѣ, около озера Гопла и по средней Вислѣ, Поляне, Куявяне, Мазовшане, являются около половины X в. соединенными подъ сильною рукою князя польскаго (Полянъ) Мѣшка, который могъ подумать уже о борьбѣ съ Нѣмцами, Лютичами, Чехами и Русью, и о распростра-

селеніи около Опатова (изъ соч. Петрушевича вошло и въ Исторію Россіи Иловайскаго I. 2. стр. 28, 40, и въ соч. Ант. Будиловича: Общеславянскій языкъ (Варшава 1892, II. 103)—просто недоразумѣніе; аббатъ католическаго опатовскаго монастыря и его преемники, епископы любушскіе были въ XIII в. не епископы русскіе (Ruthenorum episcopi), а епископы для сосѣднихъ Русскихъ, которыхъ эти епископы должны были сдѣлать католиками; срв. K. Reifenkugel: Die Gründung der römisch-katholischen Bisthümer in den Territorien von Halicz u. Wladimir (Archiv für österreich. Geschichte, Bd. 52, p. 406), Н. Дашкевичъ: Первая унія югозападной Руси съ католичествомъ, стр. 6 (Кіев. Университ. извѣстія 1884). Въ городѣ Сандомирѣ могла существовать и православная русская церковь, хотя объ этомъ упоминаетъ только писатель XVIII в., доминиканецъ Сейковскій (Dni roczne ś. zakonu kaznodziejskiego, Kraków 1743), который утверждаетъ, что доминиканскій „kościół św. Jakoba w Sandomierzu był przed oddaniem Dominikanom ruskiéj religii, w którym odprawiała Ruś swoje nabożeństwo“. Угорскій монахъ Рикардъ (около 1227 — 1241 г., Rerum hunganicarum monumenta Arpadiana, ed. Endlicher 1849, p. 254) разсказываетъ, что язычники „Мордваны“ (regnum Morduanorum около заволжской Ungaria Magna), желая принять христіанство, послали „ad ducem magne Sondemerie, que est terra Rhutenorum illis vicina“, а этотъ dux указалъ имъ на папу; очевидно, здѣсь говорится о какомъ-то русскомъ князѣ около Мордвы; поэтому думаемъ, что тутъ вмѣсто Sondemerie надо читать Londemerie (Ladomerie) т. е. Володимерь. Считать нѣкоторыя церкви даже въ краковской епархіи, въ которыхъ въ началѣ XIV в. въ 1326 г. (Theiner: Monumenta Poloniae I, № 358) встрѣчается по два священника, на половину латинскою и словѣнскою — какъ это дѣлаетъ Петрушевичъ —слишкомъ фантастическое предположеніе. Наконецъ замѣтимъ еще, что нѣкоторые историки (напр. Петрушевичъ, Лонгиновъ), не вникая въ языкъ русской лѣтописи, по однимъ ея словамъ „епископы, игумены, попы, черноризцы, церкви, монастыри“ въ смы-

неніи границъ своего княжества. Восточныхъ Славянъ по Ильменю, Двинѣ, Днѣпру и Днѣстру соединили князья русскихъ кіевскихъ Полянъ, и власть этихъ князей въ X вѣкѣ доходила на западъ за Санъ и Бугъ въ земли Хорватовъ, Дулѣбовъ и Дреговичей, гдѣ Русь сосѣдила съ государствами чешскимъ и польскимъ, и тоже съ литовскими племенами, именно съ Ятьвягами. Зачатки христіанства проникли къ карпатскимъ Ляхамъ изъ Моравіи, имен-

---

слѣ католическихъ польскихъ — впадаютъ въ большое заблужденіе, считая всѣхъ тѣхъ—словѣнскими или прямо русскими. Между тѣмъ древніе русскіе лѣтописцы называютъ и католическихъ польскихъ и православныхъ русскихъ іереевъ „епископами, попами", и православные и католическіе храмы „церквами" и „божницами"; а слова *церковь* и *попъ* тоже древнепольскія, срв. „Славяне" III. 213. Равнымъ образомъ русскіе лѣтописцы говорятъ тоже о польскихъ „князьяхъ, боярахъ, челяди"; такъ напр. въ 1030 г,: „бысть мятежь великъ въ лядьской земли, и въставше людье избиша епископы и попы и бояры своя"; въ 1261 г. (т. е. 1260), въ разсказѣ о разгромѣ Сандомиря Татарами: „церкви погорѣ.. игумени съ попы и съ дьяконы, бояре, боярынѣ, слуги боярьскиѣ (погибли)"; эти игумени, попы, дьяконы—доминиканскіе монахи, которые тогда перебиты въ Сандомирѣ; въ 1286 г. (т. е. 1288) по смерти краковскаго князя Лестька „епископъ, игумени и поповѣ и дьякони... положиша тѣло его во Краковѣ городѣ, во церкви св. Троицѣ, и плакашася по немъ вси людье, боярѣ и простии", и пр. Непростителенъ промахъ Лонгинова (Грамоты малорусскаго князя Юрія II. стр. 13 въ москов. Чтеніяхъ 1887, II), который говоритъ даже о православной церкви св. Юрія въ Варшавѣ въ XIV в., ссылаясь на Балинскаго и Липинскаго Starożytna Polska I. 411, гдѣ однако говорится о католической церкви св. Юрія въ Варшавѣ. Введеніе православныхъ русскихъ церковныхъ терминовъ въ польскій и латинскій языки (wladica — władyka, pop, baytko — batko, archymandryt, ihumen, czerniec, cerkiew, monaster, krest и пр.), а католическихъ польскихъ — въ русскій языкъ (бискупъ, князь—ксёндзъ, патеръ, костелъ, кляшторъ, крыжъ и пр.) принадлежитъ уже позднѣйшему времени; срв. тоже „Славяне" II. 552. Еще янычаръ Константиновичъ, Хвальчевскій, Бѣльскій говорятъ о православныхъ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ biskupach, zakonnikach, kościołach, klasztorach, krzyżu и пр., между тѣмъ какъ Стрыйковскій говоритъ о русскихъ władykach, archymandrytach, popach, czerncach, cerkwiach, monasterach и пр. Съ другой стороны выраже-

но изъ епархіи Меѳодія, и словѣнское богослуженіе сохранилось у нихъ отчасти и впослѣдствіи до XI вѣка, когда съ X в. католическая латинская церковь сдѣлалась въ Чехіи и Польшѣ господствующею [1]). Русь примкнула къ церкви восточной, право-

---

нія: крыжъ латинскій или ляцкій (а *крестъ* православія), костелъ сирѣчь церковь, костелъ, бискупъ и пр. встрѣчаются въ русскихъ памятникахъ уже въ XV вѣкѣ.

[1]) О словѣнскомъ богослуженіи въ Польшѣ знаемъ, по достовѣрнымъ источникамъ, очень мало; срв. „Славяне" II. 520, III. 170, 213, и Wł. Abraham, Organizacya kościoła w Polsce do połowy w. XII. (Lwów, 1890, p. 104—111). Устарѣвшія сочиненія В. Мацеёвскаго: Pierwotne dzieje chrześciaństwa u Słowian obojga obrządku (Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie, prawodawstwie Słowian, Petersburg, 1839, I. 61, русскій переводъ въ Варшавѣ 1840, срв. тоже „Славяне" II. 520, примѣчаніе), и Инокентія Борисова: О началѣ христіанства въ Польшѣ (Ж. М. Н. П. 1842, перепечатано особою брошюрою въ Кіевѣ 1886)—не выдерживаютъ критики. Также и нѣкоторыя мнѣнія о словѣнской церкви въ Польшѣ А. Петрушевича (см. выше) и Ант. Будиловича (Общеславянскій языкъ II, 95 — 100) требуютъ болѣе вѣскихъ доказательствъ. Греко-византійская архитектура, скульптура, живопись могли переходить въ Польшу съ начала черезъ Моравію и позже черезъ Русь; о такихъ греческихъ памятникахъ часто говоритъ Длугошъ, по словамъ котораго (IV. 536) еще король Владиславъ Ягайло украсилъ церкви въ Гнѣзнѣ, Сандомирѣ и Вислицѣ sculptura graeca, предпочитая ее латинской; а Дамалевичу казалась еще въ XVII в. живопись въ церкви гнѣзенской — pictura ruthenica et moscovitica. Длугошъ (Liber beneficiorum dioec Cracov. III. 229), говоря о польскомъ монастырѣ св. Креста на Лысой Горѣ, вспоминаетъ о его opere graeco, pictura graeca. Православные греко-византійскіе и русскіе образа переходили и въ Польшу; такъ напр. образъ богородицы въ Ченстоховѣ — происхожденія православнаго и переданъ туда во второй пол. XIV в. изъ Львова, срв. Zimorowicz, Historya m. Lwowa, przełoż. Piwockiego, p. 81, и срв. M. Baliński, Pielgrzymka do Jasnéj Góry w Częstochowie, Warszawa, 1846, тоже книжку: Ченстоховская чудотворная икона Богородицы (Вильна, 1881). О греческихъ образахъ съ словѣнскими надписями въ нѣкоторыхъ катол. церквахъ краковской епархіи въ началѣ XVII в. вспоминаетъ Копыстенскій, Палинодія, стр. 995—996. До сихъ поръ въ краковскомъ соборѣ есть одна часовня, Ягайлов-

славной греческой съ богослуженіемъ на словѣнскомъ языкѣ. Это религіозное и культурное раздвоеніе сѣвернаго Славянства дало его дальнѣйшему историческому развитію рѣшительный оборотъ, и повліяло на взаимныя отношенія Ляховъ и Руси. Еслибъ лядьскія племена, подобно Руси, приняли православіе съ церковнымъ языкомъ словѣнскимъ, или еслибъ католическое вѣроисповѣданіе съ латинскимъ языкомъ распространилось и укрѣпилось на Руси, то племена лядьскія и русскія слились бы въ одно политическое и народное цѣлое, и между Краковомъ и Кіевомъ образовалась бы вѣроятно только такая разница, какъ между Кіевомъ и Володимеремъ-Москвою. Но католицизмъ „лядьская (польская) вѣра“ и православіе „русская вѣра“ и связанный съ ними вѣроисповѣдный и культурный дуализмъ и антагонизмъ воздвигли между Поляками и Русскими такую преграду, которая придала всей ихъ исторіи особый характеръ: на славянскомъ востокѣ начинается борьба изъ-за первенства не только между обоими славянскими народами Ляхами и Русью, — какъ это было напр. между Русью южною (Кіевомъ) и Русью сѣверною (Суздалемъ, Володимеремъ, Москвою)—а тоже между Ляхами-католиками „латинами, латинянами, римлянами, кривовѣрными, полувѣрными, еретиками“, и между Русью—православными „греками, схизматиками, невѣрными, погаными“ [1]). Оба вѣроисповѣданія сдѣлались существенною при-

---

ская, украшенная въ концѣ XV в. русскою живописью и надписью, о чемъ см. Н. Дашкевича, Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства (Кіевъ, 1885, стр. 107). Основаніе католическаго словѣнскаго монастыря въ Краковѣ съ монахами глаголяшами въ концѣ XIV в. не имѣетъ никакой связи съ православно-словѣнскими преданіями въ Польшѣ; см. „Славяне“ II. 546 — 547. О чествованіи св. Кирилла и Меѳодія въ Польшѣ см. тамъ же II. 606.

[1]) Приводимыя у Петрушевича (О введеніи христіанства, 59) слова Длугоша объ „идололатріи“ Русскаго Теодорика (Theodorici genere Rutheni) читаются въ новомъ изданіи Длугоша (II. 409, ad a. 1268): Tenutarius castri Bydgoszcz in Cuyav. ducatu Theodoricus genere *Pruthenus*, qui idololatria relicta, fidem rectam professus est.— Католическая вѣра называлась на Руси тоже „фряжскою (Франговъ, Франковъ), нѣмецкою, варяжскою“. По византійскому примѣру и

надлежностью народностей польской и русской, и поддерживали и разжигали еще болѣе давнишній политическій и народный антагонизмъ Поляковъ и Русскихъ, тѣмъ болѣе, что Поляки охотно приняли на себя роль, указанную имъ Римомъ: быть католическими миссіонерами на славянскомъ востокѣ и пособниками всевозможныхъ притязаній римскихъ папъ относительно распространенія католицизма среди огромной Руси [1]).

Ляхи (Польша) и Русь, два сосѣдніе государства и народы, сносились и сталкивались издавна. Польскіе князья, со временъ образованія польскаго государства по Вартѣ и по средней Вислѣ, обращали свое вниманіе не только на западъ, а тоже на востокъ, гдѣ на юго-востокѣ отъ Кракова (съ 999 г. польскаго) по Вислокѣ до источниковъ Дунайца начиналась Русь [2]). По мѣрѣ того, какъ Польша была тѣснима Нѣмцами съ запада на востокъ, теряла славянскія земли по Одрѣ и балтійскому морю, она стремилась все

православные Славяне раздѣляли языки (народы) на правовѣрные—православные, полувѣрные (еретики, въ томъ числѣ и Ляхи, Чехи, Хорваты) и невѣрные, какъ это встрѣчается напр. въ одномъ памятникѣ болгарскомъ (Шафарика Слав. Древности, послѣднее приложеніе) и сербскомъ (Тихонравовъ, Памятники отреченной литературы II. 441). Такъ и въ русскихъ памятникахъ часто латиняне, полувѣрцы, еретики, безбожные, поганые, о чемъ срв. А. Попова: Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.), Москва, 1875. Сборники разныхъ такихъ полемическихъ статей противъ латинянъ (см. Макарія Исторія русской церкви, V. 329) часто списывались на Руси „на посрамленіе Ляховомъ и Латынамъ“. (А. Поповъ, 155). Русскіе лѣтописцы называютъ православіе просто „христіанская вѣра“ (правая, православная), а католицизмъ „вѣра латинская, нѣмецкая, лядьская“, срв. лѣтописи литовско-русскія, новгородскую, софійскую.

[1]) См. „Славяне“ II, 80.

[2]) Жидъ Ибрагимъ 965 г. (Извѣстія Ал-Бекри о Руси и Славянахъ, 49), говоритъ, что въ Прагу приходятъ изъ города Кракова Русы; въ одной запискѣ (послѣ 999 г.), впрочемъ довольно темной (Bielowski, Monumenta Poloniae histor. I. 148, Zeissberg въ Archiv für österreich. Geschichte, Bd. 38, p. 109): fines Russe extendente (!) usque in Craccoa.

больше на востокъ, и русскія земли должны были ей замѣнить утраченныя западно-славянскія земли, Лужицы, Поморье, Слезію. Ляхи вмѣшивались въ дѣла Руси карпатской, волынской, кіевской, присоединили значительную часть этой южной Руси къ своей державѣ, вступали вмѣстѣ съ Литвою и въ Русь западную, наконецъ стремились завладѣть Русью восточною. Съ другой стороны, и русскіе князья вмѣшивались въ дѣла Польши и помогали польскимъ князьямъ Пястовичамъ въ ихъ междоусобицахъ. Польскія войска часто стояли подъ Червенемъ, Володимеремъ, Галичемъ, Кіевомъ, Полоцкомъ, Смоленскомъ, Москвою, а русскія войска стояли подъ Люблиномъ, Сандомѣремъ, Краковомъ, Калишемъ, Варшавою; въ славянскихъ земляхъ по Вислѣ, Днѣстру, Днѣпру, Двинѣ, Волгѣ лилась кровь потоками въ братоубійственной борьбѣ обоихъ славянскихъ народовъ, Ляховъ и Руси; долго не рѣшался ихъ споръ изъ-за политическаго первенства въ восточной Европѣ, пока наконецъ не водружено русское знамя надъ Варшавою. Эта упорная и кровавая борьба все разжигала политическую, народную и вѣроисповѣдную вражду обоихъ славянскихъ народовъ до безконечности; равнымъ образомъ какъ кіевскій лѣтописецъ представлялъ себѣ „бѣса въ образѣ Ляха", а галичско-волынскій лѣтописецъ назвалъ Ляховъ „безбожными", такъ и для польскаго лѣтописца Викентія Русскіе—заклятые враги Поляковъ, которые при каждомъ случаѣ утоляютъ вражеское бѣшенство ненависти и старинную жажду зависти въ крови Поляковъ [1]. Но не смотря на эту страшную борьбу Поляки и Русскіе не забывали о своемъ славянскомъ родствѣ, о томъ, что Чехія, Польша и Русь—огромная славянская страна, что Русь—какъ бы другой міръ, а русскій народъ своимъ безчисленнымъ множествомъ равняется звѣздамъ, какъ выражаются въ половинѣ XII вѣка краковскій епископъ Матѳій и кметь Петръ Властъ въ письмѣ Бернарду, аббату клервоскому; но они вмѣстѣ съ тѣмъ не нахо-

---

[1]) Русскія лѣтописи къ 1074 и 1143 гг. Слова Викентія: Rutheni, quos nulla occasio, nulla remoratur difficultas, non ut amico morem gerant, sed ut hosticam odii rabiem, ut antiquam invidiae sitim cruore Polonorum expleant. (Monumenta Poloniae histor. II. 286).

дятъ словъ чтобъ выругать соплеменный народъ русскій, только „по имени христіанскій", за его „безбожные обряды", „заблужденія", „ереси", которыя слѣдуетъ истребить, вѣроятно, тоже такимъ крестовымъ походомъ, какой затѣялъ тогда аббатъ Бернардъ на дальній востокъ и какой предприняли тоже одновременно сѣверные Нѣмцы противъ балтійскихъ Славянъ [1]). Но не смотря на все взаимное озлобленіе обоихъ славянскихъ народовъ, все-таки раздавались изъ рядовъ Ляховъ такіе возгласы, обращенные къ Руси: „яко дьяволъ есть повергль вражду сію межи нами", „братья моя милая Руси, потягнете за одино сердце", а послѣ борьбы „умиришася Ляхове съ Русью и начаша быти въ любви велицѣ", собирались „снемы рускимъ княземъ и лядьскимъ, и положиша рядъ межи собою о землю рускую и лядьску, утвердившеся крестомъ честнымъ", и „створиша межи собою клятву Русь и Ляхове: аще посемъ коли будетъ межи ими усобица, не воевати Ляхомъ руское челяди, ни Руси лядьской" [2]).

Сношенія Поляковъ съ южною и западною Русью были, конечно, болѣе близки и тѣсны, чѣмъ съ Русью сѣверовосточною; а самыя тѣсныя сношенія завязались у Польши съ Русью кіевскою, и особенно съ Русью карпатскою (княжествами перемышльскимъ, теребовльскимъ, галичскимъ) и волынскою (княжествомъ володимиро-волынскимъ). Польскіе Пястовичи и русскіе Рюриковичи не только сталкивались и боролись то другъ съ другомъ, то какъ союзники противъ борющихся между собою князей польскихъ и князей русскихъ; они и ихъ народы сносились тоже мирнымъ путемъ, посредствомъ браковъ, посольствъ, пребываніемъ Ляховъ на Руси а Русскихъ въ Польшѣ, купцовъ (гостей), вои-

---

[1]) Monumenta Poloniae historica II. 15; срв. „Славяне" III. 5. Петръ Власть играетъ извѣстную роль и въ исторіи карпатской Руси, см. упомянутое сочиненіе Линниченка, стр. 217.

[2]) См. разсказъ галичско-волынской лѣтописи 1202, 1229, 1262, 1268, 1281 гг. Лѣтопись издана, по ипатьевскому списку, въ полномъ собраніи русск. лѣтописей, II, особо археограф. комиссіею СП. 1871; и Петрушевичемъ во Львовѣ 1871 — 1872, срв. монографію Шараневича Die Hypatioschronik (Lemberg, 1872).

новъ, плѣнниковъ, и пр. [1]). Такимъ образомъ Ляхи знакомились съ русскимъ языкомъ, а Русь съ лядьскимъ. Ляхи на своемъ языкѣ не писали, а русская грамота была для Ляховъ „рамота“ (поль. ramota — каракули), которую знали очень не многіе изъ нихъ. Въ началѣ XIII в. находилась у одного каноника въ Плоцкѣ русская лѣтопись, которая однако не могла оказать вліяніе на польскихъ лѣтописцевъ XIII—XIV вѣковъ, писавшихъ на латинскомъ языкѣ [2]). Только впослѣдствіи, когда русскія земли стали входить въ составъ польскаго государства, польскіе историки, вводя въ польскую исторію тоже исторію Литвы и Руси, почувствовали необходимость знанія русскаго языка и русскихъ лѣтописей. Такъ І. Длугошъ, желая пользоваться русскими лѣтописями, учился уже въ старости русскому языку; русскими лѣтописями пользовался тоже М. Стрыйковскій въ своей исторіи Литвы и Руси [3]).

Борьба между Ляхами и Русью изъ-за первенства на славянскомъ востокѣ началась очень рано, уже въ то время, когда племена Ляховъ по Вислѣ, а Русскихъ по Днѣпру соединялись Пястовичами и Рюриковичами въ два государства. Польскій князь Мѣшко, стремясь, съ начала второй половины X вѣка, къ распространенію предѣловъ своего государства, и натолкнувшись на западѣ на сильное сопротивленіе своимъ завоевательнымъ планамъ со стороны Нѣмцевъ, Лютичей и Чеховъ—послѣдніе владѣли краковскою Хорватіею и Слезіею — бросился на востокъ, на сосѣднюю Русь, именно на земли карпатскихъ Хорватовъ и побужскихъ Дулѣбовъ или Бужанъ (позд. Волынянъ), гдѣ были горо-

---

[1]) См. выше упомянутое соч. И. Линниченка.

[2]) Wiszniewski: Historya literatury polskiéj, II. 108, Biblioteka Warszawska 1853, III. 23; срв. „Славяне“ II. 105.

[3]) См. „Славяне“ II. 110, 122. Длугошъ говоритъ: Cano jam capite ad perdiscendas litteras rutenas me ipsum appuleram; какъ онъ воспользовался русскими лѣтописями, о томъ срв. Бестужева-Рюмина: О составѣ русскихъ лѣтописей (приложенія, 64). По словамъ Длугоша, краковскій епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій зналъ русскій языкъ, чѣмъ снискалъ себѣ расположеніе великаго князя литовско-русскаго Александра Витовта.

да Перемышль и Червень, и занялъ ихъ на время. Но скоро русскій князь Володимиръ отвоевалъ эти „червенскіе города“ и присоединилъ ихъ опять къ Руси [1]). Эта русская область, — гдѣ потомъ являются княжества волынское, перемышльское, теребовельское, галичское, — осталась и впослѣдствіи яблокомъ раздора между Польшею и Русью и представляла ближайшую цѣль завоевательныхъ стремленій Польши на востокъ, куда она старалась распространить свое вліяніе и свое господство. Такъ это было уже въ XI вѣкѣ при Болеславахъ I и II, доходившихъ до Кіева для поддержки русскихъ князей, своихъ родственниковъ; Болеславъ I присоединилъ червенскіе города на нѣсколько лѣтъ къ Польшѣ, а Болеславъ II сдѣлалъ такую же попытку, хотя вѣроятно безъ успѣха. Въ концѣ XI в. засѣли въ червенскихъ городахъ, Перемышлѣ и Теребовли (и Галичѣ) Ростиславичи, которые

---

[1]) Слова русской лѣтописи (981 г., но скорѣе 979 г.). „Иде Володимеръ къ Ляхомъ, и зая грады ихъ Перемышль, Червень и ины городы“ — слишкомъ ясны, чтобъ можно было сомнѣваться въ достовѣрности этого факта, какъ это дѣлаютъ Крыжановскій и Лонгиновъ. Мѣшко былъ сильный князь завоеватель; равнымъ образомъ, какъ онъ до 990 г. отнялъ у чешскаго князя Болеслава какое-то regnum (вѣроятно Слезію), такъ онъ могъ занять на время и русскія области. Слова лѣтописи, конечно, нельзя понимать въ такомъ смыслѣ, будто Хорваты по Сану и Дулѣбы (у Арабовъ Дулабы, а не Дудлебы, какъ они бы назывались попольски, какъ и чешскіе Дудлебы) по верхнему Бугу были Ляхи; лѣтопись называетъ оба племени Русью, а не Ляхами, и вся исторія „червенскихъ городовъ“ указываетъ на ихъ русское происхожденіе. Разсказъ лѣтописи опровергаетъ тоже слова учредительной грамоты пражской епископіи (973, 1086 кг.), по которой восточныя границы этой епископіи были рѣки Бугъ и Стырь, т. е. именно въ области Дулѣбовъ—Волынянъ; границы Руси начинались въ X в. уже недалеко отъ Кракова (см. выше). По словамъ русской лѣтописи, тогда, въ концѣ X вѣка (ок. 980—999 гг.), „Володимиръ бѣ живя съ князи околными его миромъ, съ Болеславомъ лядьскымъ, и съ Стефаномъ угорьскымъ, и съ Андрихомъ (Ондроникомъ, т. е. собственно Болеславомъ, отцомъ князя Ольдриха) чешьскымъ, и бѣ миръ межи има и любы“. По городу Червеню карпатская Русь называлась позже Червоною, что однако встрѣчается не раньше XVI вѣка.

относились къ Польшѣ враждебно; князь теребовельскій Василько, желая отомстить Ляхамъ за землю русскую, мечталъ прямо о завоеваніи Польши [1]). Враждебныя дѣйствія противъ Польши продолжали галичскіе Ростиславичи и въ XII в., а ихъ преемники въ Галичѣ въ XIII в., Романъ волынскій и его потомки Романовичи. Казалось, что въ началѣ XIII в. Польшѣ удастся осуществленіе завѣтной ея мысли, что она распространитъ свое господство въ волынскую землю; здѣсь распоряжался тогда Лестько князь краковскій, между тѣмъ какъ галичская земля сдѣлалась добычею Угровъ, отчасти и Поляковъ. Но скоро посредствомъ сѣвернаго князя новгородскаго Мстислава Удалаго „спасъ Богъ рускую землю отъ иноплеменьникъ: вси бо Угре и Ляхове убьени быша", и Даніилъ Романовичъ соединилъ свою волынско-галичскую отчину, Татарами страшно опустошенную, и поднялъ ее къ небывалой славѣ; онъ, подобно отцу своему, оспаривалъ у Польши Люблинъ, вмѣшивался въ дѣла польскія, доходя до западныхъ предѣловъ

---

[1]) По одному посланію кіевскаго митрополита Никифора (1104—1121) о Латинахъ „къ неизвѣстному князю" (см. митр. Макарія Исторія русской церкви II. 352): „понеже земля лядская въ *судѣхъ* у тебе есть"—казалось бы, что въ началѣ XII в. какая-то лядьская земля находилась подъ властью русскаго князя; но оказывается, что въ этомъ посланіи *волынскому* князю Ярославу Святополковичу надо читать: „земля лядская въ *суспдахъ* у тебе есть". (А. Поповъ: Историко-литерат. обзоръ древно-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ Латинянъ, 109). Митрополитъ Никифоръ пишетъ между прочимъ, что Латины „молвятъ, яко не достоитъ инѣмъ языкомъ хвалити Бога, но токмо треми языки, жидовьскымъ языкомъ, еллиньскымъ и римскымъ. Блядутъ бо въ томъ: Христосъ же за вся умре, и пророци вся языци научаютъ. Глаголетъ бо Давидъ: вси языци въсплещѣте руками, вси языци пріидутъ и поклонятся предъ тобою Господи. Всяко дыханіе да хвалитъ Господа, яко всякомъ языкомъ достоитъ хвалити Господа, ни единого бо не отгонитъ Господь отъ хваленіа и отъ пѣніа его". Никифоръ, самъ Грекъ и писавшій по гречески, возстаетъ здѣсь противъ той „тріязычной ереси", которую столь блестящимъ образомъ поразилъ и посрамилъ еще въ 867 г. св. Константинъ въ спорѣ съ латинскимъ духовенствомъ въ Венеціи; срв. „Славяне" II 613.

Польши, до Калиша: „иный князь не входилъ бѣ въ землю лядьску толь глубоко, проче Володимера великаго"; да онъ, какъ союзникъ угорскаго короля и польскаго князя, проникъ въ сѣверную Моравію: „не бѣ бо никоторый князь рускый воевалъ землѣ чешьское, не бѣ бо въ землѣ русцѣй первее, иже бѣ воевалъ землю чешьску, ни Святославъ хоробры, ни Володимеръ святый" [1]). Романовичи галичскіе и волынскіе вообще дѣятельно вмѣшивались въ польскія дѣла; Левъ Даніиловичъ въ концѣ XIII в. мечталъ о занятіи краковскаго стола, хотя напрасно; но ему удалось занять Люблинъ, который однако уже въ началѣ XIV в. взяли вновь Поляки.

Стремленія Польши распространить свое господство или вліяніе на Русь галичскую и волынскую не удавались, не удавались тоже планы папской куріи о водвореніи католицизма, уніи православной церкви съ Римомъ въ галичско-волынскомъ княжествѣ, ни при Романѣ [2]), ни при королѣ Даніилѣ, при чемъ польское духовенство и монахи думали играть роль папскихъ слугъ на Руси не только въ пользу католицизма, а также и Польши. Но положеніе дѣлъ перемѣнилось послѣ прекращенія галичско-волынскихъ Рюриковичей-Романовичей (1321 — 1322), когда на княжескій столъ галичскій и володимирскій вступилъ Пястовичъ, мазовскій князь Болеславъ Тройденовичъ (1325 — 1340), сынъ Маріи, сестры послѣднихъ двухъ Романовичей, жены мазовско-черскаго князя Тройдена. Болеславъ принялъ православіе и имя Юрія II; но вскорѣ послѣ занятія галичскаго стола возвратился къ католи-

---

[1]) Эти слова галичско-волынскаго лѣтописца не вѣрны: по его же словамъ, уже въ 1076 г. „ходи Володимеръ сынъ Всеволожь (Мономахъ) и Олегъ Святославль Ляхомъ въ помочь на Чехы"; а князь Володимеръ ходилъ „за Глоговы до чешскаго лѣса", какъ князь самъ написалъ въ своемъ поученіи.

[2]) Неизвѣстно, откуда Длугошъ (II. 173) почерпнулъ свое свѣдѣніе, что князь Романъ, собираясь въ походъ противъ Польши, minatur se non solum Poloniae regnum vastaturum, sed et paginam divinam Latinorem exterminaturum. Въ галичско-волынской лѣтописи какъ разъ недостаетъ разсказа о княженіи князя Романа Мстиславича.

цизму и сталъ преслѣдовать православіе[1]). Болеславъ-Юрій поплатился за это жизнью—онъ былъ отравленъ галичскими боярами; но анти-православную и анти-русскую дѣятельность этого мазовскаго Пястовича продолжалъ его преемникъ въ галичской Руси, другой Пястовичъ, польскій король Казимиръ; онъ занялъ ее—послѣ неудачной попытки въ 1340 г. — въ 1349 г. и удержалъ ее противъ Литвы, которая тогда завершала собираніе югозападной Руси и отразила Польшу по крайней мѣрѣ отъ Володимиря, Луцка, Белза, Холма, Берестья. Съ половины XIV в. югозападная Русь стала раздѣляться на „Русь што Литвы слушаеть“ и на „Русь што польского короля слушаеть“. Къ послѣдней скоро присоединены были Холмъ и Белзъ (1396 — 1462 принадлежавшій мазовскимъ князьямъ), и—послѣ долголѣтней борьбы съ Литвою—Подолье; между тѣмъ Волынь Литвѣ удалось отстоять отъ всѣхъ притязаній Польши [2]). Такимъ образомъ въ половинѣ XIV в. и оконча-

---

[1]) Тождество Болеслава Тройденовича и Юрія II доказалъ особенно Режабекъ (Časopis Česk. Musea 1883), срв. тоже замѣтки Бѣлёвскаго (Monumenta Poloniae histor. II. 620), Рейфенкугеля (Archiv für österreich. Geschichte, Bd. 52, p. 422), Лонгинова (Москов. Чтенія 1887, II). Монеты съ русскою надписью „Болеславъ“ (т. е. польскій Б. Храбрый, см. „Славяне“ II. 520) не могутъ принадлежать Болеславу Тройденовичу, какъ предполагаетъ Болсуновскій (Solidy Bolesława z słowiańskim napisem, Kijów 1887); Болеславъ, какъ русскій князь, назывался не Болеславъ, а Юрій.

[2]) И. Филевичъ: Борьба Польши и Литвы-Руси за галицковладимирское наслѣдіе (СП. 1890), И. Линниченко: Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи галицкой Руси (Ж. М. Н. П. 1891, май, іюнь, іюль). Нѣкоторыя свѣдѣнія о галичскихъ дѣлахъ сообщаетъ современный чешскій лѣтописецъ Францискъ (Fontes rerum bohem. IV. 430); онъ, подобно польскимъ лѣтописцамъ, тоже говоритъ о „scismaticus error Ruthenorum“ (а „christiani“ у него только catholici). О Подольѣ см. Н. Молчановскій: Очеркъ извѣстій о подольской землѣ до 1434 г. (Кіевъ 1886, срв. Варшав. Atenen 1887, I.), Батюшковъ: Подолія, историческое описаніе (СП. 1891). — Потѣшныя рѣчи короля Казимира и пана Спытка изъ Мельштына помѣщаетъ Зиморовичъ въ хроникѣ Львова (XVII в., изд. въ польскомъ переводѣ 1835). Мельштынскій, какъ истый Катонъ, кончает

тельно въ 1387 г. Польша достигла своей завѣтной цѣли, стала крѣпко и на продолжительное время на русской почвѣ, сдѣлала первый болѣе успѣшный и прочный шагъ въ своемъ дальнѣйшемъ походѣ на славянскій востокъ, на Русь. Это стремленіе Польши на востокъ означало рѣшительный поворотъ въ исторіи польскаго народа, именно его поворотъ съ запада на востокъ; оно сопровождалось все усиливающимися успѣхами, указывало какъ бы на блестящую роль польской народности въ восточномъ Славянствѣ, но сдѣлалось въ концѣ концовъ для Польши роковымъ: Польша не устояла противъ окрѣпшей Руси и пала подъ ея напоромъ и стремленіемъ на западъ. Это движеніе и стремленіе Польши на востокъ вполнѣ естественно и понятно; роль ея на западѣ была—во время короля Казимира—уже сыграна: Польша вынуждена была сложить оружіе передъ все наступающими на западныхъ Славянъ Нѣмцами, лишилась почти половины своихъ земель на западѣ, и безъ соединенія съ силами Литвы и Руси не могла и подумать объ успѣшной борьбѣ съ страшнымъ врагомъ Славянства, съ нѣмецкими крестоносцами, которые стремились прямо къ истребленію польскаго народа [1]). Соединеніе Польши и Литвы состоялось во второй половинѣ XIV в., хотя эта связь обоихъ государствъ съ начала была только династическая; литовская династія Гедимина заняла въ лицѣ Ягайла Ольгердовича также и польскій престолъ. Но эта внѣшняя политическая связь Польши и Литвы была для Польши не столь еще важна, сколько связь внутренняя, религіозно-культурная. Литва

свою рѣчь противъ ненавистной Руси такъ: (стр. 50). „Tego od nas ojczyzna, potomki, patronowie i opiekuńcze duchy milcząc wymagają, abyśmy las wyciąwszy i wilków, także ich wolności wyplenili, że tylko zguba nienawistnego narodu końcem nieszczęścia a początkiem ich będzie wolności. Upadkiem niegdyś zawistnego miasta (Kartaginy) Rzym wzniósł się najwyżéj, ani my, jak długo Rusini zostają, bezpiecznie zostawać będziemy mogli, jeżeli ich niezgładziemy, sami zginiemy!“

[1]) Temerarii fratres et rabidi cruciferi temere contra deum et justiciam terram suam (Wladislai Loketkonis) occupare volentes, conantes exterminare idioma polonicum—говоритъ одинъ лѣтописецъ къ 1331 г. (Monumenta Poloniae historica II, 815).

одна, т. е. земля литовско-жемонтскаго (жмудскаго) народа по Нѣману, не могла бы придать особыя силы Польшѣ; Литва сдѣлалась великою державою только вслѣдствіе присоединенія къ ней югозападной Руси по Двинѣ и по Днѣпру. Эта литовская Русь сдѣлалась для Польши важнѣе, чѣмъ понѣманская Литва.

Вслѣдствіе присоединенія всей югозападной Руси къ двумъ чужимъ государствамъ, къ Польшѣ и къ Литвѣ, русскій народъ въ Карпатахъ, по Днѣпру и по Двинѣ очутился въ близкихъ отношеніяхъ къ двумъ народамъ, чужому литовскому и соплеменному польскому. Результатъ этой связи Руси съ Польшею и съ Литвою не былъ однако тотъ же самый. Воинственные, но необразованные князья и вельможи литовскіе вскорѣ подчинились вліянію своихъ подданныхъ, болѣе многочисленныхъ и образованныхъ Русскихъ, которые дали своимъ повелителямъ свои учрежденія, языкъ, литературу, вѣру и вообще культуру. Литва между морями балтійскимъ и Чернымъ, хотя основанная и управляемая литовскими князьями, стала собственно государствомъ русскимъ, и ея государи не только назывались, но и были великими князьями литовскими и русскими; офиціальнымъ и вообще литературнымъ языкомъ этого государства былъ языкъ русскій, учрежденія по большей части — русскія, и многіе литовскіе князья и вельможи, если не остались вѣрны своей національной вѣрѣ, приняли отъ Руси тоже вѣру православную, русскую и русскую образованность. Иначе было на Руси польской. Здѣсь польскій элементъ, господствующій и вмѣстѣ съ тѣмъ представитель западно-европейской культуры, не подчинился болѣе многочисленному, но менѣе культурному элементу русскому; напротивъ, онъ дѣйствовалъ на него все сильнѣе, проникалъ въ него все глубже, и наконецъ втянулъ въ себя вполнѣ его высшіе, господствующіе и образованные класы, которые со временемъ приняли порядки, языкъ, вѣру, культуру своихъ повелителей, стали Ляхами—Поляками.

Польша въ своемъ стремленіи на востокъ, на Русь, не остановилась однако на Карпатахъ и на Бугѣ: она стремилась дальше на юговостокъ и на востокъ. Это стремленіе Польши къ устьямъ Дуная, къ Днѣпру и Двинѣ увѣнчалось тоже успѣхомъ. Съ одной стороны православные молдавскіе князья съ своимъ народомъ, во-

лошскимъ и русскимъ, должны были признать верховную власть польскаго короля, хотя они часто разбивали своихъ повелителей, стремившихся все дальше на юговостокъ къ Черному морю. Съ другой стороны въ 1386 г. великій князь литовскій и русскій Ягайло избранъ въ польскіе короли, принялъ католицизмъ и имя Владислава. Такимъ образомъ Литва съ своею Русью и Польша соединены подъ одною династіей, и польскій элементъ сталъ дѣйствовать на поднѣпровскую и подвинскую Русь и на Литву настоящую и обрусѣвшую съ такимъ же успѣхомъ, какъ на Русь карпатскую: Ягайловичи, литовскіе и русскіе вельможи и бояре со временемъ окатоличились и ополячились и сдѣлались такими же Ляхами, какою была шляхта въ „коронѣ" (Польшѣ) и какими давно сдѣлались и русскіе бояре въ коронной (польской) Руси. Одинъ только простой народъ во всей Руси не пошелъ по слѣдамъ своихъ князей и бояръ, остался вѣренъ своей народности, отстоялъ ее отъ окончательнаго ополяченія, приготовлялъ свое соединеніе съ Русью сѣверовосточною, и наконецъ прекратилъ дальнѣйшее существованіе польскаго государства въ той формѣ, какую оно приняло со времени присоединенія всей югозападной Руси къ Польшѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекратился тотъ постепенный процесъ асимиляціи югозападной Руси съ господствующею надъ нею Польшею и прививки той Руси польскихъ порядковъ и нравовъ.

Съ водвореніемъ польскаго господства въ югозападной Руси завѣтныя желанія краковскаго епископа Матѳія о пріобрѣтеніи католическою церковью „схизматическихъ" Русскихъ приняли болѣе осязательную форму и стали осуществляться, тѣмъ болѣе, что Поляки, давно уже усмотрѣвши въ католической церкви важное орудіе въ дѣлѣ усиленія и умноженія своей народности, стали дѣйствовать въ такомъ духѣ; и дѣйствительно, тамъ, гдѣ на Руси стали латинскіе-„лядьскіе" (польскіе) крестъ, церковь, монастырь, тамъ, гдѣ появились латинскіе-польскіе епископы, священники, монахи, — тамъ и водворялось не только католичество — „вѣра лядьская", а также господство или притязанія на такое господство Ляховъ съ ихъ культурою, которая тоже заявляла свои притязанія на православную Русь. Этотъ тѣсный союзъ латин-

ства и „лядьства“, или вѣрнѣе тождество этихъ двухъ факторовъ, религіозно-культурнаго и политическо-національнаго, объясняетъ лучше всего громадные успѣхи польской народности въ русскихъ земляхъ, отъ Перемышля и Львова до Кіева, отъ Полоцка, Чернигова до Смоленска. Малый польскій народъ, лишенный поддержки католичества, не могъ бы никогда пріобрѣсти себѣ такого значенія и такой силы на Руси [1]).

---

[1]) Срв. „Славяне“ II. 77 и дальше. Поляки, справедливо отождествляя католицизмъ съ „польскою“ вѣрою, а православіе или „схизму“ съ „русскою“ вѣрою, смотрѣли на свое стремленіе на востокъ очень просто. Уже завоеватель карпатской Руси, король Казимиръ, въ письмѣ (1370 г.) царьградскому патріарху—у котораго онъ хлопочетъ объ учрежденіи особой галичской митрополіи (противъ кіевско-московской) — высказываетъ такую мысль, что „если у Русскихъ не будетъ митрополита, то намъ нужно будетъ крестить ихъ на латинскую вѣру (Русская истор. библіотека, СII. 1880, VI, приложенія, стр. 128, и срв. Smolka: Rok 1386, p. 133). Митрополита не стало въ концѣ XIV в., и латинская польская вѣра на Руси восторжествовала. Въ 1406 г. католическій епископъ перемышльскій Матвѣй объясняетъ введеніе извѣстной платы католическому духовенству вмѣсто десятины просто—„ut ad partes Russie populus catholicus liberius conflueret Ruthenosque et alios scismaticos easdem partes inhabitantes potencius extirperet“. (Akta grodzkie i ziemskie IV. № 12). Въ XVI в. Станиславъ Орѣховскій, шляхтичъ Червоной Руси, замѣтилъ: „In hanc postea gentem (Graecorum-Ruthenorum in Roxolania), maiorum nostrorum memoria, Polonorum victoria latinum nomen invexit, tanto rerum successu, ut latinus pro graeco princeps habeatur nunc in Roxolania ritus, quod maximam partem nobilitas ipsa ritus sit latini, colonis et infimae plebi ritu derelicto graeco“ (автобіографія Орѣховскаго 1564 г., изд. краков. 1891, p. 6, и срв. Orichoviana, p. 587). Еще въ концѣ XVI в. польскій поэтъ-философъ Сев. Клёновичъ восхваляетъ короля Казимира: „Rex Casimirus abusus otio non est, sed eo tempore Leopolim et alias primarias civitates et arces Ruthenorum subjugavit et in fide societateque Polonorum ita continuit, ut jam Russia sacrorum ritu, moribus, artibus, lingua, legibus, commerciis, consanguinitatibus omnino polonizet“. (Стихотвореніе Gorais ок. 1590, wyd. Okęcki, w Warszawie 1875, p. 19). Отъ людей старыхъ временъ нельзя, конечно, ожидать вѣротерпимости, и Поляки не бы-

2. *Раздѣленіе славянскаго праязыка. Словѣнскій языкъ церковный и литературный всей Руси, юго-западной и сѣверо-восточной. Языки западно-русскій и польскій, ихъ вліяніе другъ на друга. Вліяніе языка польскаго на западно-русскій. Книжный языкъ западно-русскій.*

Раздѣленіе славянскаго праязыка на нѣсколько языковъ съ ихъ фонетическими особенностями состоялось еще въ доисторическія времена. Подунайскіе Словѣне говорили: градъ, блато, межда, пошть, штуждь, свѧтъ, мѫжь, рало; поднѣпровскіе Русскіе—город(ъ), болото, межа, ноч(ь), чуж(ь) свят(ъ), муж(ь), рало; повислянскіе Ляхи — грод (гард), блото, медза, ноц, цудз, свѧт, мѫж, радло и пр. Ближайшіе соплеменники и сосѣди восточныхъ Славянъ (Антовъ-Руси), подунайскіе Славяне (Словѣне), стали—первые среди Славянъ вообще—писать на своемъ языкѣ, который сдѣлался у Руси языкомъ церковнымъ, литературнымъ, оказывая свое вліяніе и на русскій языкъ. Съ политическимъ могуществомъ Польши на славянскомъ востокѣ и вмѣстѣ съ культурнымъ преобладаніемъ польскаго элемента въ юго-западной Руси, началось вліяніе польскаго языка на языкъ этой Руси [1]).

Словѣнскій языкъ сдѣлался на Руси, послѣ принятія христіанства, языкомъ церковнымъ и вообще письменнымъ, литературнымъ, хотя онъ не сохранился на Руси въ первобытной своей чистотѣ: большее или меньшее вліяніе домашняго русскаго языка на этотъ принятый изъ Болгаріи и вообще изъ подунайскихъ земель церковный и литературный языкъ Руси создало словѣнско-русскій изводъ, который употреблялся въ книгахъ церковныхъ, но заявилъ свою силу отчасти и въ литературѣ свѣтской; и въ послѣдней, именно въ лѣтописяхъ, писанныхъ преимущественно монахами на болѣе чистомъ народномъ языкѣ русскомъ, все-таки

ли ни лучше, ни хуже другихъ народовъ; еще хорошо, если въ тѣ мрачныя времена пробивались хоть нѣкоторые болѣе гуманные голоса въ пользу иновѣрцевъ, въ Польшѣ напр. голоса Орѣховскаго, Сенявскаго, Гербурта, Сапеги, Пясецкаго, о которыхъ см. ниже.

[1]) Срв. „Славяне“ I. 197, II. 530.

не могли обойтись безъ церковно-словѣнскихъ словъ въ родѣ — градъ, глава, злато, дщерь, дръжати, потвръжденіе и пр. Менѣе всего поддался вліянію церковнаго словѣнскаго языка русскій языкъ юридическихъ памятниковъ, законовъ, грамотъ и пр. [1]). Такъ это было во всей Руси, въ юго-западной и въ сѣверо-восточной; обѣ эти половины Руси участвовали соединенными силами въ разработкѣ литературы: произведенія южной Руси дѣлались достояніемъ сѣверной Руси, и наоборотъ [2]). Связующимъ ихъ звеномъ былъ именно книжный церковный языкъ словѣнскій въ своемъ русскомъ изводѣ. „Если языкъ этой письменности“—замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ ея знатоковъ—„не былъ народный, а церковно-славянскій, слегка видоизмѣняемый вліяніями народной рѣчи, то онъ былъ совершенно одинаково доступенъ на югѣ и на сѣверѣ. Кромѣ того, были совершенно одинаковы тамъ и здѣсь культурныя условія, создавшія эту письменность. Главнымъ источникомъ письменной дѣятельности была одна и та же церковь, принесшая на югъ и сѣверъ одни и тѣ же сначала въ особенности южно-славянскіе памятники въ видѣ переводовъ священнаго писанія, богослужебныхъ книгъ, твореній святыхъ отецъ и иныхъ церковныхъ писателей, житій и поученій, византійскихъ хронографовъ, повѣстей, апокрифическихъ легендъ и т. д. Усвоеніе этихъ произведеній, являвшихся въ большомъ числѣ въ готовыхъ южно-славянскихъ переводахъ, очевидно, не могло быть приписано спеціально ни сѣверной, ни южной письменности: это чужое содержаніе, дававшее пищу возникавшей образовательной дѣятельности и направлявшее извѣстнымъ образомъ домашнія литературныя силы, воспринималось одинаково на югѣ и на сѣверѣ. Первые результаты этого просвѣтительнаго вліянія выразились

---

[1]) Обширно см. „Славяне“ II, послѣднюю главу.

[2]) Подробныя указанія на древнѣйшія рукописи и старопечатныя книги, именно южно-русскаго происхожденія, см. между прочимъ А. Архангельскаго: Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. (Москва 1888, стр. 51 и слѣд.), тоже у П. Владимірова: Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. (Кіевъ 1890).

появленіемъ русскихъ учительныхъ сочиненій и русской лѣтописи; то и другое являлось опять одинаково на сѣверѣ и югѣ, и для старыхъ книжныхъ людей видимо не представляло никакого различія то, исходили-ли они отъ писателей сѣверныхъ или южныхъ: это была одна и та же школа, одно и то же содержаніе. Правда, бывали оттѣнки: вслѣдствіе того, что на югѣ сосредоточивались въ первое время великія княженія, шла болѣе оживленная политическая жизнь, собирались бо́льшія образовательныя средства, въ южныхъ произведеніяхъ сказывалось болѣе оживленія, напр. въ лѣтописи, тогда какъ на сѣверѣ эта лѣтопись была болѣе сухою; на югѣ, по видимому, письменная производительность была въ первое время сильнѣе, но это не измѣняло общихъ условій литературы, и доказательствомъ ея цѣльности въ этомъ періодѣ можетъ служить то легко наблюдаемое обстоятельство, что произведенія письменности — безразлично сѣверной и южной—обращались одинаково тамъ и здѣсь. Такъ, южная лѣтопись перешла на сѣверъ и служила обыкновенно началомъ для мѣстныхъ лѣтописей, которыя въ дальнѣйшемъ продолженіи посвящались уже только мѣстнымъ событіямъ, какъ, съ другой стороны, извѣстно, что лѣтописный сводъ, носящій имя Нестора, въ свою очередь заключалъ въ себѣ данныя, почерпнутыя изъ чужихъ мѣстныхъ лѣтописей. Словомъ, если Русь удѣльнаго періода, при всемъ ея дѣленіи на земли съ ихъ мѣстною жизнью и интересами, была объединена одною вѣрою, династіею и общимъ племеннымъ инстинктомъ, то она была также объединена и одною письменностью. Очевидно, что выдѣлить изъ этой письменности тѣ или другія произведенія, писанныя на югѣ, и механически сопоставить ихъ, какъ историческое явленіе, это будетъ значить насильственно вырвать факты изъ ихъ естественной связи и поставить ихъ въ чисто искусственную и потому фальшивую систему. Правда, много памятниковъ древней письменности, и особливо южно-русской, погибло въ позднѣйшихъ нашествіяхъ и военныхъ погромахъ, и многое, вѣроятно, безслѣдно, но внимательный историкъ не могъ бы тѣмъ не менѣе забыть того знаменательнаго факта, что большинство этихъ произведеній сохранилось до нашего времени въ спискахъ сѣверно-русскихъ... Можно признать (и это вѣроятно

справедливо), что именно южная Русь въ древнемъ періодѣ проявляла наиболѣе оживленную умственную дѣятельность; но результатъ ея, быть можетъ, становился тѣмъ цѣннѣе, что дѣлался достояніемъ обще-русскимъ. Историческая картина довершается еще слѣдующимъ важнымъ явленіемъ. Когда миновалъ древній періодъ и произошло политическое раздробленіе Руси на сѣверную (новгородскую и суздальско-московскую), западную (малорусско-бѣлорусскую въ литовскомъ великомъ княжествѣ) и югозападную (галицко-русскую въ составѣ Польши), то литературная традиція чрезвычайно ослабѣла, частью прервалась даже совсѣмъ въ двухъ послѣднихъ и сохранилась только въ первой. Здѣсь въ письменности сѣверной Руси не только сберегались произведенія стараго періода, но и послужили исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія. Такъ развивалось обширнымъ образомъ лѣтописаніе, причемъ основою оставалась Несторова лѣтопись, и здѣсь же создались потомъ первые опыты историческихъ сводовъ, т. е. цѣльныхъ изложеній русской исторіи, конечно, въ томъ духѣ, какъ въ тѣ вѣка понималась исторіографія. Первыя житія святыхъ, явившіяся на югѣ (житія Бориса и Глѣба, Печерскій Патерикъ), развились на сѣверѣ въ цѣлую обширную литературу житій, первыя древнія поученія—въ обширную литературу подобныхъ произведеній. Самое Слово о полку Игоревѣ нашло отзвукъ на сѣверѣ у писателя, прославлявшаго побѣду Димитрія Донского надъ Татарами. Обширное собраніе древней повѣсти византійско-южнославянскаго происхожденія и апокрифической легенды, какъ надо думать, впервые появлявшееся на югѣ, разрослось по преимуществу въ сѣверной письменности, получивши здѣсь распространеніе въ народной массѣ и разнообразно отразившись въ самой народной поэзіи, и т. д. Однимъ словомъ, наблюдая ходъ старой русской письменности отъ древнѣйшихъ временъ до самаго XVIII вѣка, мы находимъ *непрерывающуюся* нить развитія, составившую цѣльное историческое преданіе. Наконецъ, даже народно-эпическая память о древнемъ Кіевѣ и князѣ Владимирѣ сохранилась только въ сѣверной былинѣ: въ настоящее время Илья Муромецъ несравненно популярнѣе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ, въ Кіевѣ, гдѣ преданіе указываетъ мѣсто его погребенія.

Все это было естественно. Въ древнемъ періодѣ, до Татаръ и до политическаго раздробленія Руси, не было никакой спеціально южно-русской литературы; была общая литература русскаго или русско-славянскаго письменнаго языка, распространявшаяся одинаково по всѣмъ областямъ тогдашняго русскаго племени. Для той поры современные филологи только съ нѣкоторымъ усиліемъ отыскиваютъ въ памятникахъ слѣды мѣстныхъ нарѣчій, во всякомъ случаѣ столь незначительные, что строить на нихъ какую-либо отдѣльную литературу нѣтъ никакой возможности“ [1]).

---

[1]) А. Пыпинъ: Особая исторія русской литературы (Вѣстникъ Европы 1890, сентябрь, 262, нѣмецкій переводъ въ Archiv. für slavische Philologie XIII, 434 и сл.), т. е. отзывъ о странной исторіи „руской“ литературы Омеляна Огоновскаго (Львовъ 1887), которая свидѣтельствуетъ о низкомъ уровнѣ историко-филологическихъ наукъ въ современной Галиціи. Литература „руская“ должна быть что-то другое, чѣмъ „русская, россійская, московская“ (срв. выше стр. 3, пр.) равнымъ образомъ какъ „Исторія Руси“ А. Барвинскаго (Львовъ 1890) — исторія Руси юго-западной (съ портретами напр. Володимира св., Даніила галичскаго, князя К. Острожскаго, гетмана Хмѣльницкаго и др., и нѣмецкихъ государей Маріи Терезіи, Іосифа II, Франца-Іосифа, кронпринца Рудольфа). Въ исторіи „руской“ литературы являются на сцену, ни къ селу, ни къ городу, „московскіе панслависты“, къ которымъ причисляется — въ отвѣтѣ Огоновскаго Пыпину — также и послѣдній. О воображаемой роли этихъ ужасныхъ русскихъ „панславистовъ“ (скорѣе петербургскихъ, чѣмъ московскихъ) въ мірѣ русскомъ и вообще славянскомъ можно, конечно, думать, говорить, писать, фантазировать сколько угодно, что̀ и дѣлается особенно въ Галиціи; но едва-ли можно серьёзно думать, что забитымъ карпатскимъ Русскимъ, Лемкамъ, Бойкамъ, Гуцуламъ помогутъ Нѣмцы съ своими союзниками; такая своеобразная „помоць“ оказывалась для Славянъ всегда роковою, и едва-ли на карпатской Руси оправдается южно-русская пословица: „Мова не полова, ніякій вѣтеръ еѣ не вывѣе“. Что касается языка книги Огоновскаго и другихъ галичско-русскихъ ученыхъ, какой-то смѣси русско-польской, то уже въ половинѣ нашего столѣтія одинъ изъ лучшихъ представителей галичской Руси, Д. Зубрицкій (Исторія древняго галичско-русскаго княжества, Львовъ 1852, II. 47) высказался о необходимости одного литературнаго языка въ научныхъ книгахъ для всей Руси довольно рѣзко:

Культурнолитературная связь между Русью югозападною и сѣверовосточною не порвалась и впослѣдствіи, когда югозападная Русь подпала господству и вліянію Польши; эту связь поддерживало православное вѣроисповѣданіе и церковный языкъ словѣнскій (славянскій) или скорѣе словѣнско-русскій (славено-россійскій), на который переводились въ Москвѣ книги „бѣлорусскія (бѣлороссійскія)"; а между писателями и дѣятелями сѣверовосточ-

---

„Есть мрачные изступленники или скорѣе низкіе невѣжды, въ лѣни доселѣ проживавшіе, пренебрегавшіе всякую науку собственнаго языка, употреблявшіе чуждое нарѣчіе, прислушивавшіеся только простонародному разговору своихъ слугъ и работниковъ, и желавшіе теперь, чтобъ мы писали свою исторію на областномъ нарѣчіи галичской черни. Странное и смѣшное требованіе! Исторіи пишутся для образованнаго и образующагося класса народа. Для простолюдина довольно молитвенника, катехизиса и псалтыри. Где-же то пишутся исторіи на нарѣчіи простого земледѣльца?" Читая книгу Огоновскаго и его Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, убѣждаешся все болѣе въ той великой благодати, какую представляетъ одинъ общій литературный языкъ для всей Руси, и въ глубокой истинѣ словъ Як. Гримма: „Alle Mundarten und Dialekte liefen Gefahr sich ins unendliche zu splittern und zu verwirren, wäre dem nicht eine weise Schranke gestellt durch das Uebergewicht der sich niedersetzenden grösseren Schriftsprachen, wie die Herrschaft grosser Völker dem Zerfahren der Stämme steuert und die im kleinen unvermögenden Kräfte zu einem mächtigen Ziele sammelt. Herrschende Sprachen verzehren schonunglos, aber wohlthätig, eine Masse von Eigenheiten, günstigen und nachtheiligen, deren Schalten der grossen Wirkung des Ganzen nicht zu gute kommen würde. Wie es den Bäumen des Waldes versagt ist, alle Aeste, dem Ast alle Zweige in gleicher Reihe zu treiben, so werden auch Sprachen, Dialekte, Mundarten neben und durcheinander gehindert und zugleich gefördert: zwischen zurückbleibenden ragen erblühende desto herrlicher vor." (Geschichte der deutschen Sprache, II. Ausg. p. 578). Вопросъ объ одномъ обще-литературномъ языкѣ русскомъ рѣшается въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ кружкахъ болѣе лирическо-эпическимъ тономъ козацкихъ бандуристовъ, чѣмъ въ практическомъ смыслѣ стремленій славянскихъ философовъ и политиковъ въ родѣ Крижанича или Петра Великаго. „Между тѣмъ это обще-русское единство, понятое серьёзно" — замѣчаетъ А. Пыпинъ (Споръ между южанами и сѣверянами, Вѣстникъ Европы 1886, апрѣль)—„могло бы

ной Руси XVII — XVIII вв. является значительное число югозападныхъ Русскихъ, которые писали на славяно-русскомъ и со временъ Петра Великаго на общелитературномъ русскомъ языкѣ[1]).

Фонетика языковъ русскаго и польскаго строго опредѣлена; такъ напр. полногласіе, отсутствіе носовыхъ звуковъ—характеристическая черта русскихъ нарѣчій, а носовые звуки, отсутствіе полногласія—характеристическая черта ляшскихъ (польскихъ) нарѣчій. Нарѣчія русскія и польскія на этнографическомъ рубежѣ народностей русской и польской стоятъ другъ къ другу ближе, чѣмъ нарѣчія болѣе отдаленныя. Вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, вліяніе польскаго языка на болѣе близкія русскія нарѣчія оказалось болѣе сильнымъ, чѣмъ вліяніе языка русскаго на польскій. Нѣкоторыя одинаковыя явленія фонетики польской и русской не нужно непремѣнно считать вліяніемъ тѣхъ или другихъ нарѣчій, а можно ихъ объяснить—какъ общеславянскія черты [2]). Такъ напр. произношеніе *ѣ* (тоже *е*) какъ *ја*, *ѣа* (вѣра — вјара, гнѣздо гньаздо) свойственное языку польскому и нарѣчію бѣлорусскому, встрѣчается тоже отчасти въ говорахъ мало-

---

быть дѣйствительно сильною опорою для мѣстной русской жизни Галиціи, могло бы доставить ей поддержку той великой умственной и нравственной силы, какую, при всѣхъ трудностяхъ и бѣдствіяхъ своего развитія, успѣла собрать русская литература въ своемъ новомъ періодѣ... Что же касается до того, что русскій языкъ „не есть еще всемірный", то во всякомъ случаѣ его литература есть самая обширная по объему и богатая по содержанію славянская литература; и если ея поэтическія произведенія получаютъ въ послѣднее время такое широкое распространеніе въ Европѣ и если русская наука даетъ уже свои самостоятельные вклады въ содержаніе науки европейской, то, думаемъ, они бы могли съ пользою послужить и для Галичанъ: имъ естественнѣе было бы примкнуть къ этому родственному движенію, чѣмъ нуждаться во „всемірной литературѣ" чужого языка, которая огромному большинству будетъ все-таки недоступна, а вмѣстѣ будетъ имѣть на слабую народность подавляющее вліяніе."

[1]) Срв. „Славяне" II. 465, 472.

[2]) Въ подробности не входимъ, о нихъ см. сочиненія по исторіи языковъ русскаго и польскаго, и по ихъ діалектологіи.

русскихъ и великорусскихъ, и въ языкѣ болгарскомъ. Перемѣна долгаго *о* въ *уо* (уа, уе), *у* въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ (конь — куонь, кунь, Польша — Пуольша) встрѣчается и встрѣчалась въ говорахъ бѣлорусскихъ, чешско-словенскихъ, польскихъ и сербскихъ [1]). Такъ какъ носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ не было — въ историческое время — и нѣтъ, то употребляемыя въ русскихъ нарѣчіяхъ слова въ родѣ Венгрія, вензелъ, зацентый, ксёндзъ, дзенковаць (-ати) уже этимъ самымъ указываютъ на свое нерусское происхожденіе.— срв. русскія Угрія, узелъ, утятый, князь, дакувати (передѣланное на русскій ладъ польское dzię̧kować). Съ другой стороны если Поляки говорятъ łuk (вмѣсто łąk, łęk) или zubr (неправильно żubr, вм. ząbr), то отсутствіе въ такихъ словахъ носовой гласной указываетъ на ихъ русское происхожденіе [2]). Полногласныя формы *город(ъ)*, *голова* — свойственны издавна русскимъ нарѣчіямъ, а формы *грод*, *глова*—польскимъ [3]); поэтому, если въ русскихъ нарѣчіяхъ встрѣчаются слова: грод, кроль (круль), хлоп, хлопец (хлопецъ и хлопець), то это заимствованія изъ польскаго: если же въ польскомъ языкѣ встрѣчаются слова dorożka, czereda, czerep, dereń, hałas, то это заимствованія изъ русскаго, какъ и слова sobor (тоже sbor, zbor, concilium, но позже только sobor. a zbor — протестантская церковь), sojusz (союзъ). Смягченіе зубныхъ *д* и *т* въ *дзь* и *ць* (dź, ć), свойственное польскому языку (нарѣчіямъ Ляховъ восточныхъ, но не западныхъ) [4]) и нарѣчію бѣлорусскому (дзень, дзевяць, жици—жиць) можетъ быть общее этимъ нарѣчіямъ явленіе, а не непремѣнно польское вліяніе на бѣлорусское нарѣчіе. Это дзеканье и цеканье въ бѣлорусскомъ во всякомъ случаѣ—явленіе болѣе новое (первые его слѣды можно отыскать только во второй пол. XII в.); оно встрѣчается спорадически и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ на рубежѣ бѣлорусскомъ и польско-

---

[1]) Срв. „Славяне“ Ш. 200.
[2]) Срв. тоже „Славяне“ Ш. 200.
[3]) Срв. тоже „Славяне“ Ш. 204.
[4]) Срв. „Славяне“ Ш. 195. 203.

карпатскомъ, и въ одномъ говорѣ великорусскомъ (Ситкарей). Гортанное *г*, произносимое у Ляховъ, Словѣнъ и восточныхъ Русскихъ (Великорусовъ) какъ *g*, произносится у всѣхъ западныхъ Русскихъ (Малорусовъ, Бѣлорусовъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ западно-великорусскихъ) какъ *h*; поэтому, если въ западно-русскихъ нарѣчіяхъ встрѣчается *g* (здѣсь писалось *кг*, въ отличіе отъ *г*=*h*), то такія слова указываютъ на свое польское происхожденіе, напр. кгродъ, кгвалтъ, кгрунтъ. Съ другой стороны въ польскій языкъ перешло нѣсколько западно-русскихъ словъ съ *h*, напр. hulać, hultaj, hołota, hruby, rubacha—rubaszny (вѣроятно вмѣсто hrubacha), bohatyr (bohater), hreczka (и gryka, „греческое" растеніе), hospodar, hody (годі, довольно), hubka (gąbka), druh, rozhowor, hołoble, buhaj (bugaj), hajdamak, hałas, hornostaj (gronostaj), hoży, czerha и др. [1]).

Польскія (и вообще западно-славянскія) *радло*, *седло* соотвѣтствуютъ русскимъ *рало*, *село*; если въ западно-русскомъ нарѣчіи употребляется слово *быдло* (скотъ), то оно уже по суфиксу *дло* указываетъ на свое польское происхожденіе помимо польскаго значенія этого слова (скотъ). Равнымъ образомъ польское sielanka взято изъ русскаго (село-селянка); по польски было бы siedlaczka (siedło, siedlce—siedlaczka, срв. wieś—wieśniaczka). Замѣна мягкаго *р* (rz) твердымъ (r) въ нѣкоторыхъ польскихъ словахъ śrebro, środek, źródło, źrebię, źrenica, конечно, не русское вліяніе, а новѣйшее правописаніе старопольскихъ śrzebro, śrzodek, źrzódło, źrzebię, źrzenica. Но суфиксъ — *icz*, — *owicz* (panicz, królewicz) вѣроятно русскій, такъ какъ польскій — *ic*, — *owic*: królewic, (дрполь.), panic (другое значеніе чѣмъ panicz), oćcic (ojczyc, ojcowic), dziedzic, rodzic, księżyc, wojewodzic, starościc, Prawdzic, Wojsławic (Wojsławice), Włostowic (Włostowice) и др. [2]). Нѣкоторыя слова съ начальными групами *кп*

---

[1]) Срв. еще „Славяне" III. 202.

[2]) Формы именъ Klonow*icz*, Szymonow*icz*, Zimorow*icz* надо слѣдовательно считать русскими вмѣсто польскихъ Klonow*ic*, Szymonow*ic*, и пр.

(кпити, kpić изъ нѣмецкаго), *пс* (псувати), *кв* (квѣтъ рядомъ съ цвѣтъ) и др. указываютъ па польское ихъ происхожденіе.

Формы русскія и польскія—своеобразны, хотя въ нихъ, какъ вообще во всѣхъ славянскихъ формахъ, замѣчаются и сходства. Такъ простыя прошедшія времена (аористъ, имперфектъ) исчезли, уже въ историческое время, изъ обоихъ славянскихъ языковъ, а прошедшее время выражается формулою *ходилъ есми*, что въ польскомъ языкѣ съ XIV—XV вв. сокращается: изъ chodził jeśm, jeś, jest, jeśmy, jeście, są, въ chodziłeśm, chodziłem и пр., но въ русскихъ нарѣчіяхъ сохранилось съ разными измѣненіями—до сихъ поръ; если же кое-гдѣ въ русскихъ нарѣчіяхъ слышны напр. форма *ходиламъ, ходилась*, то это по всей вѣроятности вліяніе польское. Форма *буду ходила* не непремѣнно польская, такъ какъ она встрѣчается также въ древнерусскихъ памятникахъ и въ югославянскихъ нарѣчіяхъ [1]).

Польское вліяніе на русскія нарѣчія и говоры сказалось особенно сильно на этнографическомъ рубежѣ Ляховъ и Руси по Сану, Вепрю, Нурцу, Бобрѣ. Такъ, въ говорѣ Русскихъ на крайнемъ западѣ въ карпатскихъ горахъ, около источниковъ Вислока и Вислоки и на верхнемъ Санѣ, такъ называемыхъ „Русняковъ Лемковъ“ (по слову *лемъ*, у Словаковъ len, у Поляковъ jen, jeno), живущихъ около другихъ славянско-карпатскихъ горцевъ, польскихъ (Горалей и Подгалянъ) и словенскихъ. Въ говорѣ Лемковъ слышны польскія формы: кроль, брозда, загрода (рядомъ съ русскими борозда, боронити), крстити—кстити, мьудъ, льудъ, прыньусъ (miód, lód, przyniósł), дзевча, дзядекъ, идземъ, здрадзицъ (вмѣсто: здрадзиць, хотя обыкновенно—ити), мацъ, цы—ци (поль. czy, cy), знаме, продаламъ, и др.; Лемки употребляютъ вообще много польскихъ словъ, не передѣланныхъ на русскій ладъ, напр. власна, цура (córa), лясъ, пасъ, попатрети (popatrzyć), барзъ, обѣцяти, гва̀рь (говори), заржнути (zarżnąć), соботка (праздникъ Ивана Купала), крижъ, панна Марія, и пр.; даже удареніе въ говорѣ западныхъ Лемковъ ставится, по польскому примѣру, на

---

[1]) Срв. П. Житецкій: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. (Кіевъ 1889), стр. 48—50, 70—71.

предпослѣднемъ слогѣ [1]). Въ говорахъ побужскихъ Русскихъ на Руси холмской (губ. люблинской) и подляшской (губ. сѣдлецкой и городенской), соприкасающихся по рѣкамъ Вепрю, Кроснѣ, Нурцу и Бобрѣ съ Поляками малопольскими и мазовецкими, замѣтно тоже сильное вліяніе польское въ разговорной рѣчи и въ пѣсняхъ; такъ напр. Русскіе говорятъ — на польскій ладъ — дзись, зацентый (zacięty), дзенкую, хоць, госци, цякнулъ (ciachnął, ciął); чарноксентникъ (czarnoksiężnik), конкуоль (kąkol), цёнкгле (ciągle), тэнкго (tęgo), ксёнже, цо, цы, и вообще на мазурскій ладъ: друзина, цорный, сце (еще), пусцу, что́ замѣтно у Русскихъ городенской губерніи на рубежѣ съ польскими Мазурами; иногда встрѣчается въ пѣсняхъ удареніе польское, хотя въ разговорной рѣчи удареніе другое. Притомъ многіе Русскіе, принявшіе изъ уніи католичество, сохранили свое малорусское нарѣчіе, хотя они говорятъ тоже на польскомъ языкѣ; послѣдній

---

[1]) См. о Лемкахъ, ихъ пѣсняхъ и обычаяхъ, въ сборникѣ Як. Головацкаго: Народныя пѣсни галичской и угорской Руси II. 718, III. а. 115, 248, б. 366, 521, тоже у П. Житецкаго: Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 333, у Кочубинскаго: Отчетъ о занятіяхъ славянскими нарѣчіями (Одесса 1876); объ удареніи въ говорахъ галичскихъ Русскихъ вообще ст. Верхратскаго (Archiv. für slav. Philologie III. 381). Вотъ начало одной пѣсни Лемковъ изъ окрестностей Сандча, перенятой очевидно отъ Поляковъ: „Ишолъ дзядекъ, не преставши, трафилъ на богача: заночуйте добры люде, бо мя ночка зашла! Мы тя не пріймеме, бо мы тя не знаме, не будешь ту ночевати, иди собѣ дале“. Лемки и другіе угорскіе Русскіе заимствовали тоже отъ Словаковъ разныя слова, пѣсни и пр. часто совсѣмъ неорганически, напр. хлапъ, глава, гавранъ, младенецъ (т. е. юноша, парень), злато, заграда, шугай, сетникъ, кръвавый (3-слож.), пожегнати и пр. Вообще въ западныхъ Карпатахъ славянскіе горцы смѣшались въ значительной степени, при чемъ словенскій элементъ занялъ первое мѣсто. У всѣхъ этихъ славянскихъ горцевъ, живущихъ въ одинаковыхъ условіяхъ жизни, встрѣчается много общихъ словъ— специфически карпатско-славянскихъ, напр. салашъ (шалашъ), острова — островница (ostrev), гуня, колиба, ватра, поляна, и пр. Срв. „Славяне“ III. 196.

употребляется тоже многими побужскими Русскими, прежде уніатами, а нынѣ православными [1]).

Поляки, живущіе на этнографическомъ рубежѣ польско-русскомъ, приняли отъ своихъ русскихъ сосѣдей и соплеменниковъ русскія слова, хотя русское вліяніе на Поляковъ не столь значительно, какъ польское вліяніе на Русь. Такъ напр. карпатскіе Поляки употребляютъ русскія слова brechać (брехати)—pleść, bredzić, herba (горбъ)—grzbiecik góry, harny (гарный) — dumny, haraśny (гараздъ)—piękny, hory (горі)—na górze, stryło (стрѣла, стріла)—piorun, wataszka (ватажка, т. е. топоръ), hody (годи)—wcale nie, и др. Гораздо больше повліяла Русь (Малорусы и Бѣлорусы) на Поляковъ-Мазуровъ въ бывшемъ Подляшьѣ по Бугу, Нарви, Бобрѣ (пол. Biebrza). Эти восточные Мазуры употребляютъ много словъ русскихъ, особенно въ пѣсняхъ, которыя приняты отъ Руси, напр. hołys (голышъ, но nagis), het (геть, вотъ), nahledziu sie (нагляжуся), hlani (гляни), huska (тоже gąska, булка, чеш. houska), dub (dąb), okutać (окутать), cudzać się (чуждаться), chołojec (вм. chołodziec, холодецъ — chłodnik), korowaj (коровай), cerez (черезъ), woronieńki (вороненькій, конь), doroha (дорога), horodzici (городити, но zagrodzić), sołoma, hronostaj (тоже gronostaj), horoch (groch), hruszecka (gruszeczka), darycі, trymaci, prysel, dobre, korenie, skrydło, gospodar, ślozka (łza), sioło, pirog, choroso, bojary (въ свадебной пѣснѣ), формы: pytaje, zbieraje, maje, takaja, и пр. [2]). Поляки,

[1]) О говорахъ Руси холмской и подляшской см. Труды этнограф.-статист. экспедиціи въ западно-русскій край, собр. П. Чубинскимъ (СП. 1872, VII. 364, 552), П. Житецкаго Очеркъ исторіи звуковъ малорусскаго нарѣчія 297, замѣтки Желеховскаго (варшав. Русскій Филолог. Вѣстникъ 1884, 255), Страшкевича (въ сб. Батюшкова Холмская Русь II. 494), Янчука (въ Памятной книжкѣ сѣдлецкой губерніи на 1891 годъ), С. Кулаковскаго, о западной части городенской губерніи (Этнограф. Сборникъ III. 85), П. Бобровскаго соч. о городенской губерніи I. 623, и др. Городенскіе Русскіе поютъ даже польскія пѣсни (срв. Этнограф. Сборникъ, 101); въ Червоной Руси поется напр. пѣснь о Жальманѣ отчасти по-русски, отчасти по-польски (срв. сборникъ Як. Головацкаго II. 697).

[2]) Вотъ нѣсколько стиховъ изъ пѣсенъ подляшскихъ мазуровъ: Hej pójdziemy bracia rzecki *horodzici, zagrodzim* rzeckę... Siadaj pro-

живущіе на Руси Малой и Бѣлой среди русскаго населенія, приняли много русскихъ словъ и фразъ, часто вопреки законамъ фонетики, даже русское удареніе, и употребляютъ эти русскія особенности, если не въ языкѣ письменномъ, то по крайней мѣрѣ разговорномъ; такъ напр. hołoble, strymhołow, pobereżnik, pohany, storożka, hołubić, hadinka, и много другихъ русскихъ словъ, напр. sobaka, futor, kurzeń, perebendiować, padalica, postoły, osełedeć, tuman, wertepy, czerha, czupurno, и пр., и формы piszu, widuszczy, my pili, okólica, и др. [1]).

Что касается лексикальнаго богатства, то въ нарѣчіяхъ ляшскихъ и русскихъ—не говоря объ общеславянскомъ богатствѣ—встрѣчается множество одинаковыхъ словъ; нѣкоторыя вышли изъ употребленія въ литературномъ языкѣ, но сохранились въ нарѣчіяхъ, говорахъ, другія совсѣмъ исчезли и встрѣчаются только въ древнихъ памятникахъ. О заимствованіяхъ словъ тѣмъ или другимъ нарѣчіемъ можно говорить только послѣ тщательнаго ихъ изслѣдованія. Въ западно-русскихъ нарѣчіяхъ находится, конечно, больше словъ, общихъ съ ляшскими нарѣчіями, чѣмъ въ восточно-русскихъ нарѣчіяхъ; но много такихъ словъ, общихъ нарѣчіямъ ляшскимъ и западно-русскимъ, встрѣчается тоже въ во-

---

ściuseńko, *hlani* milusieńko... *Cerez* bór zieleneńki biezy koń *woronieńki*... *Niet* cem druzeńków *darycі*... Ojceńkc wianka nie *wstrymaje*; bo w nim nadzieję małą *maje*... Sokół leci, *skrydłami* zwinie do *duba*... Idzie dziewczyna z komory, do swej matuli *howory:* moja matulu, moja rodzona, rozłąka mnie z *toboju*... Rozwijaj się suchy *dubie* choć na cztery liście, jak ja cię kochał, tak kochać *będe*, etc. Подробно у Кольберга: Mazowsze. Obraz etnograficzny (t. V, Kraków, 1890). Неорганическія въ польскомъ языкѣ слова: horodzici, doroha, dub, sioło, darycі и пр., встрѣчаются главнымъ образомъ въ пѣсняхъ, очевидно перенятыхъ Мазурами у ихъ русскихъ сосѣдей. Въ этихъ пѣсняхъ часто dunaj—вообще вода.

[1]) См. разныя статьи польской діалектологіи (срв. „Славяне" III. 199), Верхратскаго въ Archiv. für slav. Philologie III. 381, Труды этнограф.-статист. экспедиціи въ западно-русскі край, П. Чубинскаго, VII. 251, и др. Русское слово mudo замѣнило у Поляковъ польское mędo (срв. mędak у Мазуровъ =быкъ); слово mud (мудь) сдѣлалось у Поляковъ въ южной Руси даже презрительнымъ названіемъ мужика.

сточно-русскихъ (великорусскихъ) говорахъ. Такъ напр. вежа (архангельск.)—wieża, вечерять (ужинать, смоленск., пензенск.)—wieczerzeć, господыня (кухарка, тверск.)—gospodyni. громада (въ курск. губ. сходка поселянъ, какъ и въ югозападной Руси и въ Польшѣ)—gromada, жадать (желать, вологод., рязан., тамбов.)—żądać, жито (рожь, въ г. курск. и донской землѣ)—żyto, жупанъ (въ г. вологод., смоленск., худой кафтанъ)—поль. żupan[1]), звычайно (обыкновенно, въ костром., смолен.)—zwyczajnie, кій (палка въ г. псков., смолен., твер.)—kij, купа (куча въ г. твер.)—kupa, мара (призракъ въ г. курск.)—mara, надѣя (надежда, въ г. архангель.)—nadzieja, пильно (прилежно, въ г. курск., смолен., твер.)—pilnie, посагъ (приданое и свадьба въ г. орлов., твер.) — posag. рачить (хотѣть въ г. олонецк.) — raczyć, честовать (угощать, въ г. архангель., малорусск. частувати)—częstować, вмѣсто czestować, и пр. [2]). Въ нарѣчіяхъ и говорахъ русскихъ и польскихъ вообще встрѣчается много одинаковыхъ словъ, которыя не вошли въ литературные языки или прежде употреблялись, а потомъ исчезли. Такъ напр. въ польскомъ языкѣ употреблялись слова: imienie (имѣніе), ułożenie (уложеніе), zakon (законъ), gospodzin — gospoda (господинъ), gospodza (госпожа), żeńszczyna (женщина).

---

[1]) Слово вѣроятно татарское (тоже зипунъ), которое перешло къ Полякамъ только въ XVI в., какъ и татарскіе kontusz, szarawary. karabela, sahajdak —sajdak, kołczan, buńczuk, dzida, tabor, и др. Замѣтимъ, что слово żupica (у Секлюціана и Рея) означаетъ плащъ; оно встрѣчается тоже въ западно-русскомъ романѣ о Тристанѣ (злотоглавая жупица), и было извѣстно до недавна въ мазурскомъ Подляшьѣ (Kolberg, Mazowsze V. 170). Можно-ли поль. żupan сопоставить съ француз. и итальян. jupon — giubbone (юбка, женская), не знаемъ. Срв. слова Л. Горницкаго (Dworzanin polski 1566, wyd. Turowskiego p. 92): „Dziś u nas tak wiele jest strojów, iż im liczby niemasz; to po włosku, to po hiszpańsku, po brunszwicku, po usarsku, po kozacku, po tatarsku, po turecku... jedni golą brody, a z wąsy chodzą, drudzy strzygą brody po czesku, trzeci przystrzygają po hiszpańsku... My polacy niemamy swego własnego ubioru i (jesteśmy) do cudzoziemskich ubiorów zbytnie chciwi“.

[2]) П. Житецкій: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в., стр. 45.

rzecz (рѣчь, а не вещь), niedziela (недѣля), łeż (ложь), lubiezny (любезный), wen (вонъ), słza (слеза), nielza (нельзя), kupia (купля), junoch—junosza—junoszka (юноша), młodziec (молодецъ), nożny (ножны), żdać (ждать), wrzemię — brzemię, wrzemienny (время, временный), kłodnik w ciemnicy (колодникъ въ темницѣ), pobiedzić (побѣдить) [1], przytcza (притча — случай), szłom (шеломъ, шоломъ), przystaw (приставъ), cyrkiew—cerkiew (церковь католическая), sbór—zbór (церковь—соборъ), pop (попъ католическій), chrzebt—chrzybiet (хребетъ), dziewica (дѣвица), gęśli (гусли), gorze (горе!), jęcstwo (ятство-нятство), kaki-kako (какой—како), lubić się (полюбиться), miłość (милость, gratia), mołwa (молва, нынѣ mowa), myto (мыто, pretium), nynie (нынѣ) obiata (обѣтъ, votum), opięć (опять), ostrow (островъ), piać — pienie (пѣть — пѣніе), smard (смердъ), ssąd (сосудъ), iskać (искать), odiskać (отыскать), iściec (истецъ), pirżwieniec (первенецъ), płoszczyca (площица), pośledni (послѣдній), skot (скотъ), smieś (смѣсь), teszno—tesznica (тошно), trzem (теремъ, atrium et tentorium), wieliki (великій), zapad (западъ), zaszczycić — zaszczytca (защитить, защитникъ), zelie (зелье), znamienity (знаменитый), zwąk—źwięk (звукъ), żądny (жадный), żyźń — żyzność (жизнь, ubertas), jętry—jętrew', jątrew' (ятровь), świekry (свекровь), żełw'—żełwica — żołwica (золовка), dziewierz (деверь), szurz—szurzy (шуринъ), [2] ćma (тьма, часть войска), wiodro (ведро), robionek (ребенокъ), prok (порокъ, т. е. праща, поль. тоже proca), posuły (посулы), utolić (утолить), zmiennik (измѣнникъ), rzewniwy (ревнивый), przysiodłek (приселокъ), przygrodek (пригородъ, у балт. Ляховъ prigard), pisany (писаный, т. е. malowany), rozbójca (разбойникъ), najmit (наймитъ), bies (бѣсъ), и др. Нѣкоторыя такія слова исчезаютъ изъ польскаго

---

[1]) Срв. польскія географ. названія Pobiedzisko, Pobiednik, Pobiedna.

[2]) Szurz (а не: szurza) въ краковскихъ судебныхъ книгахъ 1439 г. (Helcel: Pomniki II. № 2779), szurzy у М. Бѣльскаго. Въ польскомъ Подляшьѣ до недавна żałwica — сестра жениха (Kolberg, Mazowsze, V. 141).

языка въ XIV в., другія въ XV и въ первой половинѣ XVI в., и позднѣе; такъ напр. слово wrzemię (brzemię), wrzemienny, встрѣчается еще въ проповѣдяхъ св.-крижскихъ XIV в. и въ обѣихъ псалтиряхъ XIV—XV вв., szłom, przystaw, pobiedzić въ XV в. (рядомъ съ wicięstwo, wicię̇żca), ząbr, łęczyszcze въ началѣ второй половины XVI в., smard, gospodzin — gospodza во второй половинѣ XVI в. (хотя уже въ XV в. преобладаетъ pan — pani); другія слова употребляются еще во время разцвѣта польской литературы во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII в., напр. posuły, rzewniwy, bies, и пр. [1]).

Въ польскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ употребляются до сихъ поръ многія слова, которыя употреблялись въ древнепольскомъ или не вошли въ литературный языкъ польскій, но извѣстны и въ другихъ славянскихъ языкахъ, именно въ чешскомъ и русскомъ; такъ напр. слова: rąbież (рубежъ), zabyć (забыть), top' (топь), ćma (тьма, множество), jajco (яйцо), siewierz (сѣверъ), piska (писанка), oberwaniec (оборванецъ), ani widu ani słychu (ни виду ни слуху), narocznie—znarocza (нарочно), dźwierze (двери), niewiasta (невѣста), szczuka (щука), żałoba (жалоба), niedziela (недѣля), doma (дома), ostrow (островъ), łeż (ложь), wietew (вѣтка), żdać (ждать), przystaw (смотритель рабочихъ, въ польской библіи XV в.: przystaw jen za żency stał, на островѣ Ранѣ въ 1307 г.: nuncius qui pristaw dicitur), и др. [2]).

Многія названія разныхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій у Ляховъ и у Руси, равнымъ образомъ какъ и

---

[1]) См. Nehring, Altpolnische Sprachdenkmäler, его-же словарь къ псалтири XIV в., срв. разныя статьи по древнепольскому языку въ Archiv für slavische Philologie, и польскій словарь Линде. Многія такія древнепольскія слова встрѣчаются тоже въ чешскомъ языкѣ; срв. „Славяне" III. 208. Что касается формъ wrzemię (въ св.-крижскихъ проповѣдяхъ) и brzemię (въ псалтиряхъ XIV –XV вв.), то срв. brieme вмѣсто vrieme въ древнехорватскомъ евангеліи Н. Ранины 1504 года. Въ св.-крижскихъ проповѣдяхъ встрѣчаются формы togo (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, нын. tego), chociał (хотѣлъ), нын. chciał.

[2]) Срв. „Славяне", III. 197.

у другихъ Славянъ, одинаковы или сходны, и относятся къ древнѣйшему періоду славянской исторіи, напр. слова городъ (grod), обчина (obec), село—весь (siedło—wieś), вѣче (wiece), князь (kniądz), господарь (gospodarz), староста (starosta), владыка (włodyka), дѣдичъ (dziedzic), воевода (wojewoda), смердъ (smard), холопъ (chlop), отчина и дѣдина (oćczyzna, dziedzina), волость (włość), дань и боръ (dań, pobor), укладъ и уложеніе (układ, ułożenie) и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ со временемъ и вслѣдствіе разнороднаго вліянія приняли у Руси и у Ляховъ различныя значенія; такъ напр. Русскіе употребляли обыкновенно *село*, а Поляки *wieś;* общеславянское *городъ* сохранился у Русскихъ, между тѣмъ какъ Поляки приняли по нѣмецкому stadt—stätte, miasto, а grod сталъ у нихъ означать замкнутую крѣпость; zamek (нѣм. schloss); русское *вѣче* — общенародное собраніе, польское wiece—судъ, русскій князь—господарь (государь), польскій kniądz, ksiądz — духовный начальникъ (а gospodarz—хозяинъ), равнымъ образомъ какъ русскій *владыка* (изъ языка церковно-словѣнскаго)—духовный начальникъ, а древнепольское włodyka—низшій земянинъ; русское и польское *староста*—первоначально начальникъ общины, но со временемъ у Поляковъ—княжескій намѣстникъ, замковый судья; русское и польское *воевода* — военный начальникъ вообще, потомъ въ Польшѣ первый придворный сановникъ (comes palatinus) и намѣстникъ въ воеводствѣ, и пр. Названія оружія у всѣхъ Славянъ одинаковы или сходны; общія русско-польскія названія: мечъ, ножны (тоже дрполь.), щитъ, лукъ (дрполь. łąk, łęk), тулъ (тоже дрполь.), копье, рогатина (rogacina), шеломъ (szłom), и др. Если Поляки употребляли (уже въ XV в.) формы sulica, rohatyna, то эти русскія формы вмѣсто польскихъ sudlica (срв. чешское sudlica) и rogacina указываютъ на заимствованіе изъ русскаго; но слово szłom (XV в.) можетъ быть чисто польское, а не заимствованное изъ русскаго шеломъ, шоломъ (словѣн. шлѣмъ), хотя Поляки употребляли тогда обыкновенно przyłbica и тоже нѣмецкое helm; форма szłom соотвѣтствуетъ вполнѣ законамъ польской фонетики, какъ и prok—proca (порокъ, праща) [1]).

---

[1]) Срв. „Славяне“ III. 259. Сулицы „лядьскія“ въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Племенное родство Ляховъ и Руси и вообще всѣхъ Славянъ выразилось тоже во множествѣ одинаковыхъ или сходныхъ названій лицъ и мѣстъ; такъ напр. Русскіе и Поляки назывались Молибогъ (Modlibog), Володиславъ (Włodzisław, Władysław), Збыгнѣвъ, Вячеславъ (Węcesław, Węcław), Ярославъ, Славята (Sławęta), Святополкъ (Swętopełk, Świętopełk), Станиславъ, Ратиборъ, Перемыслъ (Premysł — Przemysł), Мстиславъ, Кій и пр. Подобно тому въ земляхъ русскихъ и ляшскихъ встрѣчается множество одинаковыхъ географическихъ названій: племенъ, селеній, горъ, рѣкъ, урочищъ и др., какъ Поляне, Волыняне, Лучане, Хорваты, Сѣверяне, Деревляне (Древяне), Новгородъ, Бѣлгородъ, Вышегородъ, Волынь, Пѣна, Бобръ, и др. Эти имена и географическія названія оба славянскіе народа произносили по своему, по законамъ своей фонетики; Русскіе говорили о польскихъ Володиславахъ, Святополкахъ, Межкахъ, а Поляки о русскихъ Влодзимѣрахъ, Влодзиславахъ, Святопелкахъ; русскія географическія названія Перемышль, Холмъ, Межирѣчье, Володава, Берестье, Дорогичинъ, Городно (Городня), Новгородокъ, Володимерь и др. Поляки произносили Przemyśl, Chełm, Miedzyrzecze (Międzyrzecz), Włodawa, Brześć, Drogiczyn, Grodno, Nowogródek, Włodzimierz и пр., польскія Sandomierz, Łęczyca, Goniądz, Rajgród называли Русскіе—Судомирь, Лучица, Гонязь, Райгородъ. Вслѣдствіе политическаго и культурнаго преобладанія польскаго элемента въ юго-западной Руси польскія формы сдѣлались господствующими и среди Русскихъ, напр. Влодава, Дрогичинъ, Гродно, Новогрудокъ, и пр. [1]).

Все здѣсь сказанное надо имѣть въ виду, если говорить о вліяніи языка русскаго на польскій и польскаго на русскій. Вліяніе русскаго языка на польскій до половины XVI вѣка очень незначительно, ограничиваясь принятіемъ нѣсколькихъ русскихъ словъ въ польскій языкъ вопреки законамъ польской фонетики,

---

[1]) Въ Руси холмской и подляшской древнерусскія названія возобновлены, но въ остальной юго-западной Руси употребляются часто польскія формы до сихъ поръ, напр. Брестъ, Гродно, Новогрудокъ.

напр. sulica вмѣсто sudlica, rohatyna вм. rogacina, łuk вм. łąk, łęk, rubl—rubel [1]). Болѣе русскихъ словъ переходило въ польскій языкъ позднѣе, по мѣрѣ постепеннаго присоединенія югозападной Руси къ Польшѣ, не только политическаго, а тоже культурнаго, напр. bohatyr (bohater), hultaj, smerd, zubr, cerkiew (православная), pop (православный) и др. Вліяніе русскаго языка на польскій было вообще незначительно, ограничиваясь принятіемъ сотни русскихъ словъ въ польскій языкъ: за то вліяніе польскаго языка на русскій оказалось гораздо сильнѣе вслѣдствіе политическаго и культурнаго перевѣса Польши надъ Русью; въ послѣдней и въ ея языкѣ являются польскіе шляхта, земяне, воеводы, старосты, паны (и пани, панны), гетманы, войты, князья (т. е. поль. ksiądz, священникъ), замки, кгроды (grod, а не horod), и др. Такой переходъ русскихъ словъ въ языкъ польскій, и польскихъ въ русскій совершался тѣмъ легче, что многіе польскіе писатели XVI в. считали такое обогащеніе польскаго языка изъ разныхъ славянскихъ языковъ возможнымъ и желательнымъ [2]).

При переходѣ нѣкоторыхъ русскихъ словъ въ польскій языкъ играютъ извѣстную роль тоже разныя національныя, вѣроисповѣдныя и соціальныя соображенія и сословные курьёзы, которые придавали тѣмъ же самымъ славянскимъ словамъ въ польской ихъ формѣ болѣе важное значеніе, чѣмъ въ формѣ русской. Такъ напр. у Поляковъ русское слово kniaź означало князей низшаго разряда (какъ-бы podlejszego gatunku), чѣмъ польское książe; такъ и русское bojar стало ниже, чѣмъ szlachcic, pop—ниже, чѣмъ ksiądz; слово ramota (изъ: грамота, hramota) стало означать маранье, каракули (непонятная для Ляховъ русская грамота), hałas

[1]) Предполагаемое В. Макушевымъ (Славянскій Сборникъ III) русское вліяніе на польскій языкъ XIV—XV вв. опровергаетъ А. Крынскій (Варшав. Ateneum 1879). Предполагаемыя О. Огоновскимъ (Archiv. f. slav. Philologie IV. 364) „русскія" слова въ польской библіи XV в. вовсе не русскія, а дрпольскія (prok, płoszczyca, mirzony, udacieu, przystaw, robionek), и чешскія (duha, skiba изъ нѣмецкаго); о словѣ ług см. замѣтку Крынскаго и нашу въ Archiv. f. slav. Philologie VII. 599; только слово rubel заимствованное русское.

[2]) Срв. „Славяне" II. 150—157, III. 204, 208, 213.

(голосъ, hołos) — шумъ, крикъ; hałasować—поднимать шумъ, а głos—голосъ, głosować—подавать голосъ, и пр.

Народный языкъ югозападной Руси входилъ въ употребленіе въ свѣтской письменности, въ памятникахъ юридическихъ, грамотахъ, въ лѣтописяхъ, при чемъ вліяніе церковнаго языка словѣнскаго заявляло бо́льшую или меньшую силу, а даже исчезало совсѣмъ. Со временемъ образовался особый книжный языкъ русскій, на основаніи разныхъ нарѣчій югозападной Руси и выработавшихся традицій въ канцеляріяхъ и судахъ великаго княжества литовско-русскаго. Въ этомъ книжномъ языкѣ русскомъ встрѣчаются особенности то нарѣчія западнаго, то южнаго, но вообще характеръ этого языка одинъ; онъ и назывался всегда просто языкомъ „русскимъ" или „рускимъ" (фонетическимъ правописаніемъ); онъ отличался сначала не много отъ языка „русскаго" въ сѣверо-восточной Руси (Москвѣ) и назывался здѣсь — по ближайшей Руси Бѣлой—„бѣлорусскимъ, бѣлороссійскимъ", хотя въ немъ не встрѣчалось свойственное впослѣдствіи народному говору въ Бѣлой Руси *дзе*-канье, *це*-канье и *а*-канье. Этотъ книжный языкъ югозападной Руси нашелъ себѣ мѣсто не только въ юридической и исторической (лѣтописной) литературѣ, а тоже въ романахъ, повѣстяхъ и другихъ произведеніяхъ свѣтской письменности. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ начала XVI в. въ югозападной Руси является стремленіе сдѣлать и библію болѣе доступною для простого народа, и замѣнить, болѣе или менѣе, церковный языкъ словѣнскій или скорѣе словѣнско-русскій языкомъ русскимъ, при чемъ понятіе „русскій языкъ" опредѣлялось субъективными взглядами переводчиковъ. Они, воспитанники церковныхъ школъ, гдѣ господствовалъ церковный словѣнскій языкъ (въ изводахъ русскомъ, болгарскомъ и сербскомъ), не могли сразу отрѣшиться отъ всѣхъ традицій; поэтому они, предоставляя въ своихъ переводахъ больше или меньше мѣста народному русскому языку, не могли вполнѣ отдѣлаться отъ словѣнскаго текста книгъ, такъ что ихъ языкъ представляетъ не чистый народный языкъ югозападной Руси, а какую-то смѣсь языковъ русскаго, словѣнско-русскаго и словѣнско-болгарскаго (съ юсами) [1].

---

[1]) Срв. „Славяне" II. 595 и слѣд.

Давнишнія сношенія сосѣднихъ двухъ славянскихъ народовъ, Ляховъ и югозападной Руси, ихъ политическое соединеніе и послѣдствія этого соединенія,—все это обнаружило свою силу и въ языкахъ Ляховъ и Руси; если русское вліяніе на польскій языкъ было незначительно, то вліяніе польское на русскій языкъ было очень значительно, усиливаясь съ теченіемъ времени все больше. Сначала это польское вліяніе въ русскомъ языкѣ сказалось принятіемъ польской терминологіи въ области государственнаго устройства, судопроизводства и военнаго искусства (воевода, кастелянъ, староста, войтъ, шляхта, панъ, речникъ, гетманъ, ротмистръ и др.); но позднѣе въ русскій языкъ переходило тоже много другихъ словъ польскихъ, прежде всего въ Руси польской (Червоной), потомъ литовской. Въ червоно-русскихъ переводахъ польскихъ коронныхъ статутовъ XV в. русскій языкъ очень чистъ, и польское вліяніе замѣтно—кромѣ той польской терминологіи— въ немногихъ словахъ, въ родѣ: моцъ, члонокъ, скарбъ, превротность и др. Подобно тому русскій языкъ, употребляемый въ литовской Руси въ памятникахъ юридическихъ, въ лѣтописяхъ, повѣстяхъ и др. до начала XVI в. довольно чистъ, безъ особенной примѣси польской. Фр. Скорина въ своемъ бѣлорусскомъ переводѣ библіи отвелъ гораздо больше мѣста словамъ чешскимъ, чѣмъ польскимъ. Послѣдующіе за Скориною переводчики библіи на русскій языкъ, авторы разныхъ богословскихъ сочиненій на русскомъ языкѣ, поддавались вліянію польскаго языка и отводили ему въ своемъ русскомъ языкѣ больше мѣста уже въ силу привычки. Съ половины XVI в. польщизна пріобрѣтала въ литовской Руси все больше гражданскихъ правъ, почти такія права, какими она уже давно пользовалась въ коронной Руси, гдѣ со второй четверти XV в. почти перестали писать по-русски, и русскій языкъ уступилъ мѣсто латинскому и польскому.

По мѣрѣ все усиливающихся связей, политическихъ, соціальныхъ и культурныхъ, соединяющихъ Литву и литовскую Русь съ Польшею и закончившихся политическою уніею Польши и Литвы 1569 года, — русскій языкъ всей югозападной Руси принималъ все болѣе польскихъ элементовъ фонетическихъ, формальныхъ, синтаксическихъ и лексикальныхъ; они водворились въ письмен-

моиъ языкѣ русскоиъ до такой степени, что не возбуждали никакого удивленія и сопротивленія, да считались даже свойствоиъ русскаго языка; подъ конецъ этотъ русскій языкъ казался почти транскрипціею польскаго языка, чѣмъ дѣйствительно и былъ: русскіе писцы и авторы, слыша постоянно польскій языкъ, читая разцвѣтающую польскую литературу, употребляя все больше польскій разговорный и письменный языкъ, по неволѣ поддавались ему и предоставляли ему все больше вліянія на свой родной языкъ русскій. Польское вліяніе сильно замѣтно въ русскомъ языкѣ уже перваго литовскаго статута (1529), а языкъ двухъ последующихъ литовскихъ статутовъ (1566, 1588) кажется какою-то русскою транскрипціею польскаго текста. Польское вліяніе замѣтно все больше и въ другихъ юридическихъ памятникахъ, грамотахъ, судебныхъ записяхъ и пр., въ лѣтописяхъ, въ историческихъ, полемическихъ, богословскихъ, филологическихъ сочиненіяхъ, въ романахъ и повѣстяхъ, стихахъ, вообще во всей литературѣ югозападной Руси XVI — XVII вв., въ сочиненіяхъ Бронскаго, І. Вишенскаго, Ставровецкаго, Копыстенскаго, Могилы, Галятовскаго, Барановича, Зизаніи, Берынды, Саковича и др. Многіе изъ русскихъ писателей, владѣя хорошо польскимъ языкомъ и желая дѣйствовать на болѣе широкіе кружки русскіе и польскіе, и просто по привычкѣ, писали по-польски, и — надо отдать имъ справедливость — лучше и правильнѣе чѣмъ по-русски; при томъ они примѣшивали въ свои польскія сочиненія разныя русскія слова, подчасъ совсѣмъ лишнія. По-польски писали Смотрицкій, Кревза, Кальнофойскій, Саковичъ, Коссовъ, Могила. Барановичъ, Жоховскій и др. Такое распространеніе польскаго языка среди югозападныхъ Русскихъ было вполнѣ естественно, и происходило само собою безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ; да литовскій статутъ (2 и 3) прямо защищалъ право русскаго языка въ юридической жизни Литвы и литовской Руси, хотя это право, вслѣдствіе повальнаго ополяченья шляхты югозападной Руси, съ теченіемъ времени сдѣлалось чисто теоретическимъ.

А) Русь польская (коронная).

3. *Католицизмъ—вѣра польская, православіе—вѣра русская Преслѣдованіе православія. Католицизмъ и унія — орудія ополяченія Руси.*

Польскому вліянію подчинились прежде всего русскія земли, присоединенныя къ Польшѣ непосредственно, т. е. Русь Червоная (земли перемышльская, галичская, львовская, и др.), Русь белзская, холмская и подольская. Вѣрный союзникъ Поляковъ въ ихъ походѣ на Русь, латинскій католицизмъ, вступая на Русь подъ покровительствомъ польскаго короля, присвоилъ себѣ тотчасъ роль господствующаго вѣроисповѣданія и воинствующей церкви противъ греческой русской вѣры, т. е. православія или „схизмы“ [1]). На польской Руси основаны во второй половинѣ XIV вѣка католическія епископіи въ Галичѣ (архіепископія, перенесенная позже во Львовъ), въ Перемышлѣ, Володимирѣ волынскомъ (позже перенесена въ Луцкъ), Холмѣ, Каменцѣ подольскомъ; строились католическія церкви и монастыри для католическаго духовенства польскаго и ради пропаганды среди русскаго народа [2]). У православныхъ епископій русскихъ отнимались

---

[1]) „Греческая“ вѣра называлась и на Червоной Руси православною (см. „Славяне“ II. 328), не только у Русскихъ („православные христіане нашого закону греческого“—перемышльскій епископъ Арсеній 1547 г., „православная церковь россійская“ — львовскій епископъ Арсеній Желиборскій 1644 г.), а тоже у Поляковъ („prawosławni chrześcianie“ у польскаго поэта XVII в. львовянина I. Зиморовича).

[2]) Въ 1412 г. король Владиславъ Ягайло просилъ папу о перенесеніи архіепископіи изъ Галича во Львовъ „pro defensione fidei orthodoxae ac etiam incremento fideliumque salute, ac reductione ad ovile dominicum infidelium et oberrantium populorum.“ (Theiner, Monumenta histor. Poloniae II. 5). Тотъ же король въ 1423 г. пожаловалъ львовскому архіепископу право наказывать еретиковъ и схизматиковъ, именно: Ex nunc nullus christianorum vel christianarum ritus romani audeat pueros suos in scismaticam sectam quoquomodo bap-

церкви и имѣнія и передавались католическимъ, какъ напр. въ Галичѣ, Львовѣ, Перемышлѣ, Холмѣ; въ Перемышлѣ въ 1412 г. король Владиславъ Ягайло отнялъ у православныхъ русскихъ соборъ и передалъ католикамъ, чтобъ очиститься передъ Нѣмцами, что онъ де не покровительствуетъ „схизматикамъ" [1]). Особая православная митрополія въ Галичѣ, возникшая въ половинѣ XIV в. и поддерживаемая, по политическимъ соображеніямъ—въ виду отдѣленія польской Руси отъ митрополіи всерусской,—польскимъ королемъ Казимиромъ, скоро исчезла, и Галичъ остался, съ начала XV вѣка до первой половины XVI в., безъ духовнаго пастыря. Старинная на Руси вѣра православная, „русская", ея приверженцы, ея духовенство, церкви, праздники не пользовались у господствующихъ католиковъ Поляковъ, королей, епископовъ и духовенства, пановъ и шляхты особою симпатіею и уваженіемъ, и даже встрѣчались часто прямо съ презрѣніемъ. Старая вражда Ляховъ и Руси, народная и религіозная, выступила еще ярче, и оба народа (Rutheni et Lechitae sive homines ritus romani catholici, Rutheni et catholici) находили въ своихъ вѣроисповѣданіяхъ неизсякаемый источникъ взаимнаго недоброжелательства. Поляки не особенно долюбливали всѣхъ этихъ схизматиковъ Русскихъ (schismatici Rutheni), владыкъ, архимандритовъ, игуменовъ, поповъ, чернцовъ, этихъ церквей или „синагогъ" (synagogae) и монастырей, ставили ихъ ниже своихъ католическихъ польскихъ, правовѣрныхъ бискуповъ, опатовъ, ксендзовъ, мниховъ, законниковъ, костеловъ, кляшторовъ; они употребляли и въ латинскихъ и польскихъ документахъ ихъ русскія названія (mitropolit, wladicae, popones, batko, baytko, popowicz, czyrncy, harchi-

---

tizare et si baptizati sunt, ad ritum suum catholicum reducantur. Изъ метрики коронной XXIII. 287 сообщаетъ J. Pociej: Zbiór wiadomości histor. i aktów dotyczących dziesięcin kościelnych na Rusi, Warszawa 1845, p. 6, тоже A. Prochaska: Codex epistolaris Vitoldi, p. 607, срв. „Славяне" III. 173. Перечень католическихъ церквей и монастырей на польской Руси XIV—XVIII вв. см. въ статьѣ Як. Головацкаго, Карпатская Русь (Ж. М. Н. II. 1875, кн. 179, стр. 366—374).

[1]) Длугоша Historia Polon. IV. 149.

mendrita, humyon, dyak, monaster — manastir), а слово „христіанинъ“ считали какъ бы принадлежащимъ исключительно католикамъ [1]). Въ городахъ и въ селеніяхъ, пожалованныхъ нѣмецкимъ правомъ, православные Русскіе не всегда допускались въ представительства общинъ, въ цехи, и это право предоставлялось только католикамъ, Нѣмцамъ и Полякамъ.

Это враждебное отношеніе католиковъ къ русскому православію, „схизмѣ“—явленіе, въ тѣ времена обыкновенное и повсемѣстное, нашло себѣ позднѣе и формальную причину, именно въ томъ, что въ 1439 г. русскій митрополитъ Исидоръ во Флоренціи принялъ унію церквей западной и восточной и старался водворить ее и на Руси, вызывая всѣхъ христіанъ, Латиновъ и Грековъ, и всѣхъ „иже подлежатъ соборной церкви костянтинопольстѣй, еже суть Руси и Серби, Влахи“, принять это „свято-

---

[1]) Срв. напр. въ судебныхъ книгахъ львовскихъ. A. 1445: nobiles Stanislaus et Suprom de Czeperow recusabant ad *colcza* (кольца, цѣпь) ecclesie ruthenicalis jurare, sed voluerunt ad crucem sicut christiani, хотя эти Чеперовскіе сами себя называютъ terrigene ab antiquo Rutheni. A. 1448: juveni filio est nomen Johannes et non Jakowyecz, et est Christianus et non Ruthenus. (Akta grodzkie i ziemskie XIV. № 1277, 2024). Срв. въ другихъ актахъ: jure ruthenico jurare... per catenam ecclesie, circa ecclesiam, synagogam; въ перемышльскомъ земскомъ судѣ 1468 г. разсматривался вопросъ: qualiter nobiles Rutheni debent jurare, an circa synagogam ipsorum vel circa crucem more terrestri; а въ 1462 г. перемышльскій гродскій судъ постановилъ способъ присяги more ruthenico (Akta grodzkie i ziemskie XIII. № 6899, 5034). Въ Перемышлѣ католическіе радцы утверждали „esse sancitum de jure communi civili, testimonia Ruthenorum in causis christianorum non esse admittenda“; перемышльскіе православные принуждались праздновать и латинскіе праздники, что́ однако отчасти отмѣнили короли Іоаннъ Альбрехтъ (1497), Александръ (1502) и Сигизмундъ (1519); послѣдній приказываетъ: Rutheni jurabunt apud suam synagogam, non tamen secundum jus ruthenicum etc.“ (изъ Метрики коронной XXXI, 511 сообщаетъ Поцѣй, O dziesięcinach, p. 8). Во Львовѣ въ 1518 г. сожжены Армянинъ Ивашко и его любовница Полька католичка Софія — quia ipse existens Armenus commisceri ausus est cum christiana (Zubrzycki, Kronika miasta Lwowa, 141).

пресвятое единачество“ [1]). Исидоръ, возвращаясь изъ Флоренціи черезъ Угрію и Польшу на Русь, проживалъ нѣкоторое время (1440) въ польской Руси и отправился потомъ въ Кіевъ и Москву [2]). Скоро послѣ того польскій король Владиславъ III особою жалованною грамотою (1443) уравнилъ русскую церковь и духовенство, принявшее унію съ Римомъ, въ правахъ съ католическою церковью и духовенствомъ въ Польшѣ, т. е. на Руси коронной (Червоной и подольской); эта привилегія впослѣдствіи подтверждалась еще нѣсколько разъ (1504, 1543, 1621) [3]). Но эта

---

[1]) Воскресенская лѣтопись въ П. С. Р. Л. VIII. 106.

[2]) Послѣ берестьевской уніи, во время полемики между православными, уніатами и католиками, уніаты выдумывали разные факты и документы, которые должны были доказывать существованіе флорентинской уніи на Руси въ XV—XVI вѣкахъ. Въ началѣ XVII в. (1605) уніатскій митрополитъ Ипатій Потѣй сочинилъ и напечаталъ, по-русски и по-польски, „Поселство до папежа рымъского Сикста“ уніатскаго митрополита Мисаила, духовенства и пановъ литовской Руси будто 1476 г., найденное-де имъ въ Кревѣ (см. Архивъ югозападной Россіи I. 7. стр. 193). Православные Русскіе уже тогда считали эту грамоту подложною, такъ напр. львовскій священникъ (см. „Славяне“ II. 447) и авторы „Synopsis“ 1632 г. (см. Архивъ югозапад. Россіи I. 7, стр. 574, 635). Къ этому же времени и къ этой же фабрикѣ относится подложная грамота митрополита „всея Росіи“ Исидора, изданная будто-бы въ Холмѣ 1440 г. „старостамъ холмъскимъ и воеводамъ и заказникомъ и всимъ православнымъ“; Исидоръ въ ней проповѣдуетъ такую мысль: что „намъ сущимъ православнымъ християномъ Ляхомъ и Руси достоитъ исполняти божия церкви, и ихъ свещенъниковъ, а не обидети: есмо бо нини, далъ Богъ, одино братя християне Латыни и Русь“. Эта подложная грамота Исидора была хорошо извѣстна въ XVII вѣкѣ (Harasiewicz, Annales 75), записана въ 1637 г., по просьбѣ холмскаго епископа Меѳодія Терлецкаго, въ Метрику коронную (Архивъ югозападной Россіи I. 7. стр. 4); одинъ ея списокъ, находящійся въ публичной библіотекѣ познанской, издалъ О. Бодянскій въ московскихъ Чтеніяхъ 1846, I. (О моихъ поискахъ въ познанской публичной библіотекѣ, стр. 13). Надо удивляться, что архіепископъ Макарій (Исторія русской церкви IX. 45) могъ грамоту Мисаила считать подлинною.

[3]) Harasiewicz 78, Архивъ югозапад. Россіи I. 1. стр. 440,

унія принята однимъ только митрополитомъ Исидоромъ и его преемникомъ Григоріемъ; на Руси польской, литовской и московской она не была принята и скоро пришла въ забвеніе, не смотря на всѣ старанія польскаго духовенства. Напрасно нѣсколько лѣтъ спустя послѣ флорентинскаго собора (1451) краковскій епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій надѣялся на краснорѣчіе Іоанна Капистрана, которому удастся-де отвратить многихъ знатныхъ людей отъ „старой секты греческой" и присоединить ихъ къ католической церкви; правда, флорентинская унія не сдѣлала своего дѣла на польской Руси, и Русскіе или Греки не отказались отъ своихъ заблужденій и суевѣрій; напротивъ, они ихъ берегутъ до сихъ поръ еще упорнѣе, утверждая, что не они, а Латиняне заблуждались; между тѣмъ русскій народъ можно бы было легко отвратить отъ греческаго послушанія, такъ какъ онъ — народъ простой и жаждущій добра и очень проникнутый нравами и образомъ жизни Латинянъ [1]).

Дѣйствительно, русскій народъ держался крѣпко своей ста-

Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи I. № 42. Въ грамотѣ говорится только о королевствѣ польскомъ, а не о великомъ княжествѣ литовскомъ.

[1]) Codex epistolaris saec. XV, t. I. в. p. 125; срв. „Славяне" III. 93. Флорентинская унія пришла въ полное забвеніе до самаго конца XVI вѣка на всей Руси вообще, и въ коронной Руси о ней нѣтъ и помину. Самъ папа Павелъ II считаетъ (1471) Перемышль лежащимъ inter gentes scismaticas et ruthenicas ac neophytos; а въ началѣ XVI в. Іоаннъ изъ Освѣтимя (Sacranus) и Іоаннъ Ласкій, архіепископъ гнѣзенскій, говорятъ только о Rutheni schismatici и о ихъ errores, при чемъ Ласкій (1514) раздѣляетъ Русскихъ: Rutheni albi modo vero Moscovitae, Rutheni Walachi (idioma habent commune cum rutheno et italico vulgari, ritum ruthenicum), Rutheni rubei subditi regis in corpore regni Poloniae et magni ducatus Lituaniae. Подобно тому польскій географъ и историкъ Матвѣй Мѣховскій (Tractatus de duabus Sarmatiis, 1517) знаетъ только православныхъ Русскихъ въ Польшѣ: Ad montes sarmaticos habitat genus Rutenorum, quibus praesident nobiles Polonorum; in Russia sunt plures sectae; est enim religio christiana romano pontifici subjecta, et illa regit et praevalet, quanquam sit exigua numero; est altera secta Ruthenorum amplior, quae ritum Graecorum

пресвятое е…
ціи чере…
(1440)
скву [2]
жало…
вен…
ск…
г…

…ринной православной „русской" вѣры. Объ уніи русской церкви съ Римомъ нельзя было пока и думать, и польско-католическое духовенство обращало все свое вниманіе на пріобрѣтеніе католицизму высшихъ сословій, шляхты, изъ которыхъ многіе—по словамъ епископа Збигнѣва—продолжали отказываться отъ „старой секты греческой", дѣлались „христіанами" (католиками), и тѣмъ самымъ переставали быть „Русскими" и превращались въ Ляховъ. Этотъ процессъ продолжался успѣшно уже со временъ занятія карпатской Руси Казимиромъ; съ тѣхъ поръ, какъ по настоянію этого короля одинъ знатный русскій князь (вѣроятно Александръ Коріатовичъ) со своею дружиною принялъ католичество, ряды русскихъ православныхъ бояръ все рѣдѣли, и они дѣлались „Ляхами" въ отношеніи вѣроисповѣдномъ, а также народномъ [1]). Польскіе короли, чиновники и епископы на Руси дѣйствовали здѣсь дружно. Имѣнія прекратившейся въ началѣ XV в. галичской православной епископіи (митрополіи) были расхищены, достались католическому архіепископу львовскому и львовскому старостѣ; они отдавали ихъ особымъ намѣстникамъ въ пользованіе, въ опеку (opiekadlnictwo), которымъ принадлежала даже судебная власть надъ русскимъ духовенствомъ (popones и ихъ synagogae) и въ дѣлахъ церковныхъ. Не лучше было въ сохранившейся епархіи перемышльской. И здѣсь многіе польскіе католическіе чиновники и земяне притѣсняли православное русское духовенство, позывали ихъ самовольно къ своему суду, совершали брачные разводы, удаляли поповъ отъ ихъ церквей и давали ихъ другимъ попамъ за деньги. Король Казимиръ, къ которому обратился перемышльскій владыка за помощью, запретилъ такіе незаконные поступки

---

imitatur, totam Russiam adimplens; est tertia secta Judaeorum etc. Современникъ Мѣховскаго, историкъ Децій тоже говоритъ: Apud Roxolanos et Podolitas sunt Rutheni, qui graecam habent fidem, et ita, ut Bohemi, a romana ecclesia separati.

[1]) Объ успѣхахъ католицизма среди „схизматической" Руси уже во второй половинѣ XIV в. см. письма папъ 1351, 1371 гг. (Theiner, Monumenta histor. Poloniae I. p. 531, 668), тоже галичскаго архіепископа Якова 1392 г. (Akta grodzkie i ziemskie III. № 55), и др.

(1469): онъ долженъ заботиться о всѣхъ своихъ подданныхъ, и надѣется, вмѣстѣ съ папою и другими католическими государями, на будущую унію церкви греческой или русской съ Римомъ, и поэтому онъ беретъ подъ свое покровительство владыку и запрещаетъ строго всѣмъ католическимъ чиновникамъ и земянамъ вмѣшиваться въ духовныя дѣла Русскихъ, что̀ принадлежитъ одному владыкѣ[1]). Эту привилегію короля Казимира перемышльскому русскому епископу подтвердилъ король Сигизмундъ I въ 1509 году; но съ другой стороны тотъ же король въ томъ же самомъ году (1509) пожаловалъ католическому львовскому архіепископу право назначать „намѣстниковъ русскихъ" православной львовской епископіи, съ тою цѣлью, „чтобъ схизматики тѣмъ легче приводились къ христіанской религіи или по крайней мѣрѣ исправились въ своихъ заблужденіяхъ—quo ipsi scismatici tanto facilius ad religionem christianam adducantur seu saltem in eorum erroribus emendarentur" [2]). Подобно тому, и въ холмской землѣ по мѣрѣ того, какъ тамошняя русская шляхта окатоличивалась и ополячивалась, польскіе короли отнимали имѣнія у холмской православной епископіи (vladicatui) и давали ихъ католической епископіи (episcopatui); такое отчужденіе имѣній православной епископіи довершилъ король Сигизмундъ I (1533), въ виду того, что почти вся

[1]) Послѣ принятія перемышльскимъ православнымъ епископомъ уніи (въ концѣ XVII в.) въ Перемышлѣ подумали, что эта жалованная грамота Казимира дана Ruthenis unitis, что̀ конечно не вѣрно; другіе правильно считали ее данной favore non unitorum.

[2]) См. документы 1458 и 1469 гг. (Akty grodzkie i ziemskie VII. № 51, 60, XII. № 4286), 1509 и 1516 гг. (изъ Метрики коронной, кн. 23 и 29 издалъ Поцѣй O dziesięcinach, p. 9, 10); срв. Turgenev, Supplementum ad historica Russiae monumenta p. 137, Harasiewicz Annales p. 50, Д. Зубрицкаго Kronika Lwowa 160, Галицкая Русь въ XVI ст., 37 (въ москов. Чтеніяхъ 1862, III). По словамъ акта 1458 г. „na mitropolita" и королевской грамоты 1522 г. „vladica seu metropolites Haliciensis" видно, что бывшая галичская епископія считалась митрополіею.

холмская шляхта перешла отъ обряда греческаго или русскаго въ единство съ римскою церковью [1]).

Оставшаяся, но все рѣдѣющая шляхта въ коронной Руси— въ ряды которой вступали и нѣкоторые волошскіе бояре изъ сосѣдней Молдавіи—не переставала, на сколько могла, защищать свою православную вѣру и жаловаться на ея притѣсненіе и на вспышки католической нетерпимости. Въ 1539 г. духовенство, шляхта и поспольство греческой вѣры въ земляхъ русской и подольской просили своего митрополита кіевскаго заступиться передъ королемъ за намѣстника галичской епископіи Макарія и вообще за тѣснимое православіе противъ католическаго архіепископа львовскаго. „Столецъ галицкій загинулъ отъ колька сотъ лѣтъ, и на томъ стольци галицкомъ учинено есть арцибискупство латинское; которыи были мѣста и села къ Галичу, то все отобрали и на томъ фундовали арцибискупство, гдѣжъ имъ былъ тото фундовалъ Якгейло король и листы папежскими потвердилъ"; нынѣ же настала для нихъ „великая бѣда, плачъ и тяжкость, гдыжъ насъ былъ выдалъ король на вальномъ соймѣ арцибискупу и бискупомъ у розказованье и у моцъ на вѣки вѣчныи"; всѣ эти притѣсненія дѣлаются съ тѣмъ, „обыхмо тымъ рыхлѣй были принужени къ вѣрѣ римской". Наконецъ удалось православной шляхтѣ въ коронной Руси выхлопотать у короля Сигизмунда I возобновленіе православной епископіи во Львовѣ (1539) [2]). Православные русскіе роды были тогда Шумлянскіе, Болобаны (Балабаны), Станимирскіе, Дѣдошицкіе, Чолганскіе, Шептицкіе, Ярмолинскіе,

---

[1]) Грамоту (изъ Метрики коронной, кн. 49) издалъ Поцѣй O dziesięcinach, стр. 13.

[2]) Католическій архіепископъ львовскій сохранилъ однако свое вліяніе на замѣщеніе православной львовской епископіи. Еще во второй половинѣ XVII в. (1671) уніатскій митрополитъ Коленда пишетъ римской конгрегаціи пропаганды: Episcopatus Leopoliensis immediate confertur seu praesentatur regi ab archiepiscopo Leopoliensi ritus latini. Nulla bona et villas habet. Statim enim ac schismaticis cessit, occupata fuerunt bona per potentiam variorum magnatum. Reditus ipsius sunt ex parochis ecclesiarum, quas dicitur sex millia numerare. (Theiner Monumenta Poloniae histor. III. p. 600).

Грабовецкіе, Горбачовскіе, Желиборскіе, Свистельницкіе, Дубравскіе, Замостьскіе, Жолковскіе и др. Нѣкоторые изъ этихъ русскихъ шляхтичей (въ томъ числѣ Олехно Замостьскій) сдѣлались тогда (1544) членами православнаго церковнаго братства львовскаго [1]). Православная русская шляхта защищала свою вѣру, жаловалась на ея притѣсненія на сеймахъ и въ судахъ, такъ напр. на сеймѣ въ Пётрковѣ 1558 — 1559 гг., въ гродскихъ судахъ галичскомъ и львовскомъ и пр. [2]).

---

[1]) См. грамоты 1509 — 1544 гг. въ Supplementum ad histor. Russiae monumenta 137, въ Актахъ западной Россіи II, соч. Гарасевича Annales 94, Зубрицкаго Галицкая Русь 38. Жолковскихъ считаетъ Бартошевичъ (Encyklopedya powszechna) русскимъ родомъ, назвавшимся по русской Жолкви (Nicolaus Zolkowski woywoda Sanocensis a. 1388), хотя они въ XVI в. производили себя изъ Польши. Православные русскіе Замостьскіе происходили изъ Замостья около Радымна въ перемышльской землѣ (nobiles heredes de Zamoszcze Jaczko, Josko, Senko, Piechno, Michno, Wanko, Hawrilo, Wolczko, Iwan, Hanya, Fena, въ XV в.). Гнѣздомъ другихъ Замостьскихъ было Замостье въ белзской землѣ, около котораго въ 1580 г. гетманъ Іоаннъ Замостьскій (Замойскій) основалъ городъ Замостье; но и эти Замойскіе были по всей вѣроятности русскій православный родъ; Христофоръ Филалетъ, посвящая свое сочиненіе Апокрисисъ (1597, по-русски 1599) канцлеру и гетману Іоанну Замойскому, прямо заявляетъ, „że przodkowie W. M. niekiedy greckiéj religiej byli", выхваляя его вообще за его вѣротерпимость, такъ что современники называли его oziębłym katolikiem (озяблымъ католикомъ). Но русское происхожденіе этихъ Замойскихъ скоро пришло въ забвеніе; они стали считать себя Поляками. М. Смотрицкій, который хорошо зналъ русскіе роды, сдѣлавшіеся Ляхами (срв. его Lament wschodniéj cerkwie, 1610), Замойскихъ къ нимъ не причисляетъ, и, посвящая свое соч. Apologia peregrynacyej do krajów wschodnych (1628) подканцлеру Ѳомѣ Замойскому (сыну Іоанна), замѣчаетъ, что „podać usadziłem katolicki script katolikowi, obronę prawdy obrońcy prawdy, istotne ruskiej cerkwie wiary wyznanie z przodków istotnego ruskiej cerkwie wiary wyznania, urodzonemu potomkowi, pobożnego ojca pobożnemu synowi."

[2]) Приводимъ здѣсь любопытныя слова русской шляхты о положеніи „Ляховъ и Руси" въ коронной Руси, сказанныя на сеймѣ въ Пётрковѣ 1558—1559 г.: „Angariae ziem ruskich. Stan duchowny

Но ряды этой православной русской шляхты все рѣдѣли, благодаря дѣятельности іезуитовъ и другихъ католическихъ монаховъ и священниковъ, Нагая, Скарги, Камила, Гербеста, Скринскаго, которые въ концѣ XVI вѣка обращали много русской шляхты въ католичество. Съ конца XVI в., когда въ Берестьѣ провозглашена вновь унія русской православной церкви въ Польшѣ и

rzymskiego kościoła jako w inych ziemiach ślachtę a rycerstwo koronne do sądów swych ciągnie i za dworem wyzywa; tak się też to wszystko dzieje w ruskich ziemiach; ich m. księża przywłaszczają sobie nad nami zwierzchność, prawo, sądy o majętności, o gardła, o poczciwości, o małżeństwa, o dzieci nasze i dusz naszych zbawienie, co nic innego nie jest, jeno tyraństwo a niewola ludziom wolnym a zwłaszcza krześciańskim nieznośna; k temu nad wszytki inych ziem uciski to jeszcze większe okrucieństwa cierpiemy. Slachtę posłuszeństwa kościoła greckiego do sądów swych przymuszają, prawa swe na nich przewozą, klątwy wydawają, roku doczekawszy do starosty na exekucyą odsyłają; jeśliż się kiedy trafi, by jeden raz rzymski człowiek na roli siedział, już po nim kmiotki nasze greckie w nabożeństwie, zwyczaju, na dawanie mesznego przyciskają. Przetoż gdy rola po Lachu spustoszeje, nie chce na nię Rusin dla płaceni mesznego siedzieć, tak iż wiele pustek we wsi mieć musiemy. Są to rzeczy barzo obciążliwe, a przed tym nigdy w Rusi niesłychane, abowiem ludzie ruskiego zakonu mają osobne swe kościoły, osobne władyki, osobne popy, których pasterstwa używają a onym skromne wyżywienie z dobrej wolej swej oddziełają, co wdzięcznie a z dzięką przyjmując Pana Boga chwalą, a służby owiec swych pilnują, o dochody swe sądów sobie żadnych nieprzywłaszczają, ani klątwy żadnej na ludzi niewydawają, ani pro exequutione do urzędów odsyłają, jako ich m. księża kościoła rzymskiego czynią. Których praeangariae nam cięższe, niźli Tatarzyn albo który iny poganin, aby się nam i braciej naszej i poddanym nie działy, prosimy i pilnie się oświadczamy, żeśmy się pod nie nigdy nie poddali, ani poddać chcemy, bo niewyznawamy ani mamy inszego pana, jeno W. K. M.“ (Dzienniki sejmów walnych koronnych za panowania Zygmunta Augusta króla polskiego, w. ks. litewskiego, 1555 i 1558 r. w Piotrkowie złożonych, Kraków 1869, p. 228). Срв. жалобы русской шляхты на разныя притѣсненія православія—въ Актахъ западной Россіи III, № 140, 146, 147, въ Supplementum ad histor. Russiae monumenta 148, и пр.

Литвѣ съ Римомъ, былъ внесенъ раздоръ въ русскую церковь; какъ бы полноправными считались только Русскіе принявшіе унію, „униты, уніаты", между тѣмъ какъ православные „схизматики, дисуниты" стали считаться врагами Польши. Унія стала распространяться разными безнравственными средствами и въ коронной Руси, въ епископіяхъ холмской, перемышльской и львовской, хотя не безъ борьбы съ православіемъ, продолжавшейся до конца XVII вѣка. Уніи благопріятствовали польское правительство, духовенство, шляхта, вполнѣ соглашаясь со словами одного холмскаго уніатскаго епископа XVII в., Якова Суши, что „унія необходима не только для спасенія душъ, но и для сохраненія Рѣчи посполитой". Холмскіе епископы были уніаты уже съ конца XVI вѣка, хотя въ ихъ епархіи унія боролась съ православіемъ до второй половины XVII вѣка. Въ концѣ этого вѣка (1691) унія восторжествовала въ перемышльской епархіи[1]). Всего позже присоединился къ уніи львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій (1700), хотя онъ уже съ 1677 г. былъ тайнымъ уніатомъ. Не смотря на то, онъ все заискивалъ у русскихъ царей и у русскаго резидента въ Варшавѣ, и даже по смерти короля Іоанна Собескаго выразилъ желаніе возвратиться къ православію, увѣряя кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго и боярина Бориса Шереметева, что онъ — prawdziwy cerkwie bożej prawosławno-wostocznej syn, щоденный Его Царско-Величества богомольца", и желаетъ „цареви нашему Петрови на враги побѣду и всему воинству христіанскому покорить подъ нозѣ всякого врага и супостата" [2]). Но всѣ эти

---

[1]) Въ началѣ XVII в. Іоаннъ изъ Вишни восхваляетъ перемышльскую церковь: „Сія иматъ похвалу въ Мало-глаголемой Росіи въ захованію вѣры, непорочности, отъ всѣхъ прочихъ честнѣйшую: не бо помазася духомъ латиномудрія, ни же обесчестися ересію, но въ красотѣ апостольской проповѣди неподозрено стоитъ." (Архивъ югозападной Россіи, ч. I. т. 7. стр. 37). Любопытно, что въ концѣ XVII в. при церкви русскаго посольства въ Варшавѣ служилъ одинъ священникъ изъ Перемышля (Сводная галицко-русская лѣтопись, 365).

[2]) О Шумлянскомъ см. Антоновича: Очеркъ состоянія православной церкви въ югозападной Россіи съ половины XVII до конца

слова остались словами, и въ 1700 г. епископъ Шумлянскій принялъ окончательно унію. Примѣру епископовъ послѣдовало духовенство, оставшаяся еще шляхта — которая однако скоро сдѣлалась прямо католическою, а тѣмъ самымъ и польскою—мѣщане и простой народъ, церковныя братства, наипозднѣе львовское ставропигійское (1708). Такимъ образомъ въ началѣ XVIII в. православіе исчезаетъ во всей коронной Руси, въ Червоной Руси, Подольѣ, Холмѣ и Белзѣ; унія здѣсь вполнѣ восторжествовала, да кромѣ того съ теченіемъ времени многіе русскіе уніаты, особенно на польско-русскомъ рубежѣ, переходили прямо въ католицизмъ и такимъ образомъ дѣлались вполнѣ Поляками [1]). Этому

XVIII столѣтія (Монографіи I. 281). О сношеніяхъ Шумлянскаго съ Россіею см. особенно Самуила Величка Лѣтопись событій въ югозападной Россіи (Кіевъ 1851, II, 503, III. 388), С. Соловьева Исторія Россіи XIV. 194; срв. Сводную галицко-русскую лѣтопись 253, 347, 371. Около этого времени искали тоже нѣкоторые православные Русскіе сѣверной Угріи помощь у русскаго царя Петра, покровителя Фр. Ракоцы, о чемъ см. Bidermann, Russische Umtriebe in Ungarn (Innsbruck 1867, p. 2 sqq.), тоже Slovenské Pohlady 1886 p. 46. Царь Петръ, какъ союзникъ польскаго короля Августа, бывалъ часто въ русскихъ земляхъ Польши; такъ напр. въ 1698 г. онъ пребывалъ въ Жолкви, Равѣ, и въ православномъ монастырѣ Креховскомъ (см. Холмская Русь I. 334), въ 1707 г. въ Жолкви и Львовѣ, въ 1711 г. съ войскомъ подъ Ярославлемъ; здѣсь онъ пользовался большою популярностью: Nikt się przed carem darmo nie poskarżył, z najmniejszym rad gadał, na biesiady mieszczan uczęszczał, w obozie najwięcej przebywał, i sam każdemu sprawiedliwość czynił— замѣчаетъ одинъ современникъ; см. Siarczyński, Wiadomość histor. i statyst. o mieście Jarosławiu, p. 111.

[1]) Въ холмскомъ и подляшскомъ Забужьѣ замѣчаются слѣды русскаго происхожденія въ говорѣ и обычаяхъ у многихъ Поляковъ католиковъ на рубежѣ польско-русскомъ, да многіе изъ этихъ католиковъ говорятъ по малорусски, о чемъ срв. вышеупомянутыя сочиненія Крыжановскаго и Будиловича, см. Щебальскаго въ Русскомъ Вѣстникѣ 1883, кн. 165, стр. 492, Страшкевича въ сб. Холмская Русь II. 453, Труды этнограф.-статист. экспедиціи VII. 364, и др. Подобно тому и на верхнемъ Дунайцѣ, въ нѣкоторыхъ нынѣ польскихъ селеніяхъ сохранились нѣкоторые остатки русскихъ церквей

способствовало тоже недружелюбное отношеніе польскаго католическаго духовенства, шляхты и мѣщанства даже къ уніатской Руси, которая не считалась равноправною съ католическими Поляками. Такъ напр. въ карпатскомъ мѣстечкѣ Тыличѣ, подданномъ краковскому епископу, между русскими Лемками, многіе като-

---

(нынѣ католическихъ) и образовъ, о чемъ срв. Biblioteka Warszawska 1850, III. 422. Dodatek do Gazety lwow. 1855, № 32 (Ruś sandecka). Въ епархіи перемышльской было въ XVII в. нѣсколько тысячъ приходовъ (3,000 по словамъ холмскаго епископа Суши, 5,000 по словамъ уніатскаго митрополита Коленды), нынѣ только ок. 800; въ епархіи холмской было въ XVII в. 700 приходовъ, въ XVIII в. менѣе 300, а въ концѣ существованія уніи 267. См. упомянутыя сочиненія Петрушевича (о холм. епархіи), Головацкаго, Гарасевича, Поцѣя, Малиновскаго (Die Kirchen— u. Staatssatzungen bezüglich des griechisch-katholischen Ritus in Galizien, Lemberg 1861), Шараневича (Patryarchat wschodni w obec kościoła ruskiego i rzeczypospolitéj polskiéj, Rozprawy krakow. akademii, wydz. histor. t. 8, 10), Петрушевича (Сводная галичско-русская лѣтопись, Львовъ 1874 и 1887, т. е. матеріалы для исторіи Червоной Руси 1600—1772 гг.). Приведемъ здѣсь два свидѣтельства современниковъ о введеніи уніи въ карпатской Руси. Въ 1593 г. Екатерина Ваповская, кастелянша перемышльская, желая „dusznego zbawienia" своихъ русскихъ подданныхъ около Дынова и соображая, „iż wiele Polaków wiary katolickiej między Rusią mieszkając na ruskie niedowiarstwo dla swawolniejszego żywota przystawali", рѣшила „cerkwie ruskie na kościoły rzymskiej wiary przemienić, kapłany katolickie w nich postanowić, popy ruskie uprzątnąć"; католическіе священники и іезуиты должны „nawracać Ruś do kościoła św. rzymskiego, dzieci ruskie chrzcić", etc. (Harasiewicz, Annales 53—55). Нѣсколько лѣтъ спустя (1606) православный епископъ перемышльскій Михаилъ Копыстенскій жалуется на жестокое поведеніе уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя въ своей епархіи; здѣсь онъ „cerkwi pieczętuje, zabrania chwałę bożą wedle starego zwyczaju cerkwie św. odprawować; on wiele zacnych panów do tego przywiódł, że popów swoich w władyctwie moim gwałtownie iſmusem do posłuszeństwa tegoż ks. metropolity przywiedli; on do władyctwa mego takowych osób nasyła, którzy wielkie zamięszanie i nienawiść między ludźmi duchownemi i świeckiemi czynić nieprzestają etc. Wielki a nigdy niesłychany rozruch i niemiłość między krześciany urosła; zaczym krzyk, płacz ludzi dla wiary uciśnionych". (Maciejowski, Piś-

лики приняли православіе; епископъ дозволилъ жить тамъ только уніатамъ (1612), отнялъ церковь у православныхъ и вытѣснялъ ихъ изъ мѣстечка насильственнымъ образомъ. Позже (1682) отнята церковь и у Руси уніатской, какъ это случилось еще раньше въ другомъ сосѣднемъ мѣстечкѣ краковскаго епископа, Мушинѣ, такъ что русскіе уніаты тыличскіе и мушинскіе сдѣлались уже прямо латинскими католиками, а тѣмъ самымъ и Ляхами [1]).

4: Польскіе порядки въ коронной Руси. Бояре, земяне, шляхта, паны. Русь и Поляки. Ополяченіе русской шляхты. Верещинскій, Орѣховскій, Гербуртъ. Польское право на Руси и его русскій переводъ. Города-мѣста на Руси, ихъ ополяченіе, мѣщане польскіе и русскіе. Селяне-кмети.

Галичско-волынское княжество во время своей самостоятельности при Рюриковичахъ рода Ростислава и Романа имѣло свое древне-русское устройство, политическое и общественное: около князя находились бояре (великіе, старшіе, и малые, младшіе)—землевладѣльцы, дѣдичи, отчичи, на своихъ дѣдинахъ-дѣдичствахъ, отчинахъ-отечествахъ, пріобрѣвшіе уже рано много политическихъ правъ и бо́льшее значеніе, чѣмъ въ другихъ рус-

---

miennictwo polskie, Dodatki, p. 223). О насильственномъ распространеніи уніи въ холмской Руси епископомъ Меѳодіемъ Терлецкимъ (1626—1649) см. въ запискѣ холмскаго епископа Якова Суши 1664 г. (у Гарасевича Annales ecclesiae ruthenae 298—349); о дѣятельности самого Суши см. его письмо римской пропагандѣ 1681 г. (Theiner Monumenta Poloniae III. 682). Срв. Петрушевича, Холмская епархія (1867), Н. Попова, Судьбы уніи въ русской холмской епархіи (Москва 1874), и др. (срв. въ вышеупомянутомъ соч. Ал. Будиловича о милеевской церкви).

[1]) См. Ordynacya komisarzów biskupa krakowskiego przeciwko Rusi po wziętéj cerkwi r. 1636 (Dodatek do Gazety lwowskiéj 1855, № 34, 35), Liber fundalis ecclesiae ritus graeci in Tylicz a. 1682 (Зубрицкій: Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или галицкой Руси, Москва 1845, приложенія, стр. 20—28).

скихъ земляхъ, въ городахъ жили горожане, въ селахъ—селяне, смерды, временно обязанные, но лично свободные, отправлявшіе разныя повинности, наконецъ невольная челядь (рабы); всѣ эти класы народонаселенія подчинены одному общему земскому праву. Земля принадлежала князю, боярамъ, духовенству и общинамъ. Княжество дѣлилось на земли и волости, а населеніе—на тысячи, ста (сотни), десятки, единицы административныя, судебныя, финансовыя и военныя; въ ихъ главѣ стояли тысячскіе или воеводы, сотскіе (сотники) и десятскіе (десятники), сначала народомъ выбираемые, потомъ назначаемые княземъ чиновники преимущественно судебные, какъ и другіе княжескіе сановники и чиновники, дворскій или дворецкій, печатникъ, княжесскій дядька, держатели городовъ, дѣтскіе, отроки, тіуны-живуны, стольники, и др. Въ карпатской Руси существовали, какъ и повсюду на Руси, народныя вѣча (а снемы—вообще сходки), хотя онѝ здѣсь, вслѣдствіе особаго историческаго развитія этой Руси, рано лишились своего значенія[1]). Вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ сосѣднею Польшею и Угріею князья галичско-волынскіе и ихъ бояре знакомились съ порядками польскими и угорскими, съ языками польскимъ и особенно латинскимъ, столь необходимымъ въ сношеніяхъ съ сосѣдними „латинскими" государствами, съ Польшею, Угріею, Чехіею, съ Нѣмцами, въ томъ числѣ и съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи. Галичско-волынскій лѣтописецъ, по которому можно себѣ составить хорошее понятіе объ устройствѣ княжества XIII в., знаетъ сосѣднюю Польшу, ея порядки, языкъ и исторію. Хотя онъ польскія учрежденія обыкновенно называетъ по-русски (лядьскіе бояре, воеводы, епископы, попы, игумены, церкви и пр.), но изрѣдка онъ употребляетъ и польскія слова, напр. крижевники (т. е. крестоносцы нѣмецкіе), керьлѣшь (какъ пѣли Ляхи kyrie eleison[2]), пасати мечемъ (хотя пишетъ всегда по-русски: поясъ), пробощъ (люблинскій), Краковъ городъ (т. е. замокъ, поль. grod)

---

1) Подробно въ I т. „Славяне", внутренній бытъ.

2) Такъ пѣли и Чехи: kerlesn, какъ видно изъ хроники Косьмы (Fontes rer. bohem. II. 38); въ концѣ пѣсни Hospodine pomiłuj ny по-

и мѣсто (miasto), а жители—горожане и мѣстичи, и пр. Польскія имена и географическія названія приводитъ онъ то въ русской, то въ польской формѣ, напр. Володиславъ, Святополкъ, Судиславъ Бернатовичъ, Вячеславъ, Воршъ, Судомирь (Sandomierz), Воротьславль (Wrocisław, Wrocław), Вышегородъ (мазовецкій), Индрихъ, Кондратъ, Лестько, Межко, Сомовитъ и пр. Княженіе Болеслава-Георгія мазовскаго въ галичско-волынскомъ княжествѣ сблизило эту Русь еще больше съ Польшею; при немъ разныя учрежденія русскія стали, въ латинскихъ грамотахъ, называться на польскій ладъ: barones et milites palatini, т. е. воеводы—тысячскіе, именно въ Белзѣ, Перемышлѣ, Львовѣ, Луцкѣ, надворный судья (judex curiae), и др.

Водвореніе польскаго господства въ Карпатской Руси въ половинѣ XIV вѣка раскрыло польскимъ порядкамъ путь въ русскія земли; они вмѣстѣ съ громаднымъ наплывомъ польской шляхты мало по малу прививались на Руси и со временемъ почти совсѣмъ вытѣснили русскіе порядки. Въ белзской Руси, присоединенной въ 1396 г. прямо къ Мазовіи, порядки польско-мазовскіе распространились съ самаго начала господства въ ней мазовскихъ князей, раньше и глубже, чѣмъ въ коронной, польской Руси, червоной, холмской, подольской.

Древніе *бояре*-землевладѣльцы въ княжествахъ галичскомъ и володимирскомъ уже рано пріобрѣтали большую силу, вліяли на занятіе княжескаго стола, подобно панамъ польскимъ и угорскимъ. Присоединеніе карпатской Руси къ Польшѣ произвело въ боярскомъ сословіи громадный переворотъ. Вслѣдствіе господства польской народности и вѣры въ карпатской Руси и все усиливающейся польской колонизаціи, именно переселенія туда польской шляхты, бояре въ Руси Червоной, въ земляхъ белзской, холмской, подольской, входили все болѣе въ сношенія съ польскою шляхтою, принимали польскіе гербы; многіе изъ нихъ дѣлались католиками, а такимъ образомъ и „ляхами" въ отношеніи вѣроисповѣдномъ и народномъ, *панами*, *землянами* (*земянами*),

---

ется тоже krleš. Слово „вицькій" въ лѣтописи галичско-волын.—не польское, а угорское (взятое изъ хорватскаго) vitez.

шляхтою[1]). Такимъ образомъ въ рядахъ земянства карпатской Руси водворился дуализмъ народный и вѣроисповѣдный: земянство было „Поляне и Русь", „добрые люди шляхты Ляхи и Русь", „Poloni et Ruteni de nobili genere". Русскіе земяне долго, глубоко въ XV вѣкъ, назывались по русскому способу: Васко Кузмичъ, Гаврило и Ванко Кирдеевичъ, Глѣбъ Дядковичъ, Дмитръ Волчковичъ, не только въ грамотахъ русскихъ, а тоже латинскихъ: Hleb Dworscowicz, Wasco Cusmicz, Hriczko Kierdejowicz, Iwanko Ruthenus; другіе стали называться по своимъ имѣніямъ: Задеревецкіе (Данило-Дажбоговичъ), Ходоровскіе, Быбельскіе, Дѣдошицкіе, Облазницкіе, или Ивашко изъ Боринычъ, Братко изъ Дулебъ, также и въ латинскихъ актахъ: Jurscha Chodorowski, Iwan Zamosczsky, Czurylo de Stoyanicze, Iwanco Werboticzski, Wolczco Boretinsky, Federko et Fedko filii Wasconis de Malczyce, Stecko de Czerkas, Iwasko de Duleby, Wolczko Przesluha (Przesluzicz) de Rohatyn. Такъ напр. въ спискѣ шляхты земель львовской и зудечевской (жидачевской) 1464 г., Поляковъ и Русскихъ, шляхта называется по своимъ имѣніямъ, названія которыхъ пишутся обыкновенно на польскій ладъ: Czemierzynce, Strzelczyce, Pomorzany, Czartoryje; немногія сохранили русскія формы: Pohorelec, Duleby, Drewlany; нѣкоторые шляхтичи русскаго происхожденія называются еще по-русски: Iwan, Fedko, Dmitr, Olechno, Jurscha и пр., именно изъ родовъ Ходоровскихъ, Лагодовскихъ, Мальчицкихъ, Гошовскихъ, Дѣдошицкихъ, Балицкихъ, Черкаскихъ и пр.; надписи на печатяхъ по большей части латинскія, и только на нѣкоторыхъ еще русскія[2]).

---

[1]) „Бояре" еще въ грамотахъ 1371—1378 гг., потомъ „земляне, земяне"; „Бояре и земляне" въ грамотѣ подольскаго князя Александра Коріятовича 1375 г., заподозрѣнной К. Стадницкимъ, но защищаемой Житецкимъ (Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 355) и Молчановскимъ (Очеркъ извѣстій о подольской землѣ, 219); „бояре хмельницкіе" (въ Подольѣ) въ грам. Швитригайла 1431 года. Еще въ грам. 1427 г. nos bojari, proceres, nobiles, terrigenae Halicienses et sic de aliis terris Russiae (Ciołek Liber cancellariae, I, N-ro 116).

[2]) Akta grodzkie i ziemskie VII. 105.

Названіе „бояре“—замѣненное польскимъ „паны, земяне, шляхта, рыцари“—стало съ тѣхъ поръ означать особый класъ свободныхъ людей, занимавшихъ мѣсто между шляхтою и кметями и обязанныхъ—какъ и литовско-русскіе бояре—преимущественно къ военной службѣ въ замкахъ; они назывались тоже служки. Такіе „бояре“ встрѣчаются въ XVI—XVII вв. въ селахъ земель холмской и львовской, и въ Подольѣ около Скалы, Каменца, Хмельника и Бара[1]).

Къ этому коренному русскому земянству прибывала—со временъ польскаго владычества въ Червоной Руси и Белзѣ—шляхта польская, преимущественно изъ Малой Польши (земель краковской и сандомирской) и Мазовіи. Польскіе короли и ихъ намѣстники, епископы и вообще польско-католическое духовенство благопріятствовали такой польской колонизаціи по соображеніямъ экономическимъ, религіознымъ и національнымъ. Польская шляхта получала на Руси отъ короля или посредствомъ браковъ съ русскими шляхтянками земли, города, села, по которымъ стала и называться. Уже во второй половинѣ XIV в. и еще больше въ XV вѣкѣ являются въ Червоной Руси, въ Холмѣ, Белзѣ, Подольѣ польскіе роды: Пилецкіе, Одровонжы, Далеёвскіе, Ходецкіе, Мельштынскіе, Кмиты, Тарлы, Тэнчинскіе, Ясинскіе, Конецпольскіе, Фредры, Калиновскіе, Сенявскіе, Конопки, Цебровскіе, Стадницкіе, Бучацкіе—Язловецкіе и др.[2]).

---

[1]) О холмскихъ и подольскихъ боярахъ см. люстраціи староствъ любомльскаго и барскаго 1564 и 1565 гг. (Архивъ югозападной Россіи VII. 2; около Бара: wsi ziemiańskie, które tak ślachcice polscy jako i ziemianie abo bojarowie ruscy dzierżą), люстраціи ст. скальскаго 1570 г. (Dodatek do Gazety lwowskiéj 1859, Nro 38) и королевскихъ имѣній въ воеводствѣ подольскомъ 1615—1616 гг. (Żródła dziejowe V); о львовскихъ боярахъ см. Ѳ. Любомирскаго Rolnicza ludność w Polsce XV—XVI w. (Biblioteka Warszawska 1858, I, 244). Еще въ уставѣ цеха портныхъ г. Тернополя (1636) говорится тоже о тѣхъ членахъ цеха, которые работали „u ziemianina i bojarzyna którego w naszym państwie“. (Dodatek do Gazety lwowskiej 1855, Nro 8).

[2]) Въ Подольѣ поселились польскіе шляхетскіе роды особенно по смерти Витовта; но еще раньше, въ концѣ XIV и въ началѣ XV

Нѣкоторые изъ нихъ приняли свои родовыя названія уже по своимъ русскимъ городамъ и селамъ, какъ напр. Далеёвскіе по Далеёву, Бучацкіе по Бучачу, Язловецкіе по Язловцу, Жабокруцкіе и Браницкіе (Цебровскіе) по Жабокрукамъ и Браницамъ (Бранцамъ), Бѣлецкіе по Бѣлкѣ и пр. Эта польская шляхта, осѣдлая и дѣйствующая въ русскихъ земляхъ, привыкала къ русскому языку, который былъ столь близокъ ихъ родному языку [1]).

вѣка являются въ Подольѣ многіе Поляки или ополяченные Русскіе (изъ Червоной Руси), напр. Спытекъ изъ Мельштына, Грицко Кердеевичъ изъ Поморянъ, Дерславъ Конопка, Петръ Шафранецъ, Фредро, Бучацкій, Бедрихъ (Бедришко) и др. Около половины XIV в. одинъ изъ подольскихъ князей Коріятовичей, Александръ, принялъ католицизмъ (первый Гедиминовичъ). См. K. Stadnicki, Synowie Gedymina (Lwów 1881, отдѣлъ о Коріятовичахъ и объ исторіи Подолья), Н. Молчановскій, Очеркъ извѣстій о подольской землѣ до 1434 года (Кіевъ 1886).

[1]) Происхожденіе многихъ родовъ, осѣдлыхъ въ карпатской Руси, надо — послѣ изданія актовъ гродскихъ и земскихъ — вновь разсмотрѣть; такъ напр. Цебровскіе не были Русскіе, какъ думаетъ Шараневичъ (Rys wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniéj w 2 poł. 15 wieku, Lwów 1869, p. 79), а Поляки, происходившіе отъ Бенка изъ Кухаръ, который въ 1374 г. получилъ отъ Владислава опольскаго Жабокруки и Бранице въ землѣ львовской съ тѣмъ, чтобъ онъ съ семьею поселился на Руси propter carenciam populi (срв. Akta grod. i ziemskie VII. Nro 10, XIV. pag. XI - XII). Бучацкихъ-Язловецкихъ считаетъ Шайноха (Jadwiga i Jagiełło, Lwów, 1861, III. 245, глава „Ruś Czerwona") Русскими, но они были Поляки и католики (Михаилъ Бучацкій католикъ въ 1379 г.); они, конечно, знали и русскій языкъ, какъ видно изъ русскихъ грамотъ Михаила Бучацкаго, старосты галичскаго (1418 и около 1434 г.), Мужила и Бартоша Бучацкихъ, старостъ снятинскаго и подольскаго (1454), Яна Бучацкаго (около 1458 г.); о Бучацкихъ-Язловецкихъ см. К. Стадницкаго Synowie Gedymina, Lwów, 1881, стр. 247. Родъ Бирецкихъ или Берецкихъ (изъ Бирчи) былъ русскій православный, какъ видно уже по именамъ его членовъ XV в.: Iwan, Iwaschko, Denko и др.; два изъ этого рода, Анастасій (Аѳанасій) и Иванъ, были православными епископами (wladicae) перемышльскими, и послѣдній называется прямо nobilis de ritu Grecorum; поэтому не вѣрно производство Бирецкихъ отъ мазовскихъ Гижицкихъ (по Папроцкому, Несецкому, Бар-

Заселеніе русскихъ земель польскою шляхтою не обходилось однако безъ насильственныхъ мѣръ. Старые русскіе роды боярскіе, потомъ шляхетскіе, часто не могли доказать своихъ правъ на свои дѣдины-отчины, проигрывали въ судахъ процесы, которые начинали противъ нихъ новые польскіе колонисты, получавшіе на эти земли королевскія грамоты. Такъ напр. въ 1421 году полякъ Іоаннъ Бѣлецкій, предъявивъ на львовскомъ судѣ русскаго старосты королевскую грамоту на Бѣлку (по которой онъ и назвался), выигралъ процесъ противъ стараго русскаго рода Лопатичей, который эту свою дѣдину Бѣлку „стратилъ на вѣки и его ближніи" [1]). Старинные національные и религіозные счеты между Ляхами и Русью не могли быть вообще заглушены. Они проявлялись часто еще въ безконечныхъ распряхъ между Литвою и Польшею, вспыхнувшихъ по смерти великаго князя литовскаго и русскаго Александра Витовта (1430 г.) и поведшихъ къ кровавой войнѣ изъ-за Волыни и Подолья; послѣднее только тогда окончательно присоединено къ Польшѣ и открылось для наплыва польской шляхты [2]). Многіе польскіе паны, по-

---

тошевичу, который предполагалъ даже, что польскіе Бирецкіе приняли потомъ православіе). Кромѣ польской шляхты поселялись въ русскихъ земляхъ и другіе шляхтичи, напр. Гербурты изъ опавской земли (см. ст. К. Стадницкаго во львовскомъ журн. Przewodnik naukowy 1874, II. 83), Paulus Bohemus de Zahradiszcze (1389), Хорваты Ярмолинскіе, и др.

[1]) Актъ напечатали Р. Губе (Wyrok lwowski r. 1421, Warszawa 1888) и И. Линниченко (Ж. М. Н. П. 1891, іюль, 168). Остальные три акта, напечатанные у Губе, изданы между тѣмъ въ сборникѣ А. Прохаски Materyały archiwalne wyjęte głównie z Metryki litewskiéj od 1348 do 1607 r. (Lwów 1890). Недостатокъ грамотъ, как документальныхъ доказательствъ на землевладѣніе передъ судомъ, вызвалъ уже во второй половинѣ XIV в., а еще больше въ XV и XVI вв. цѣлый рядъ подложныхъ „листовъ" будто князя Льва Даниловича. См. Востокова, Описаніе рукописей Румянцева. № 69, и статью Линниченка.

[2]) О Подольѣ смотри вышеупомянутыя сочиненія Стадницкаго и Молчановскаго; тоже Владимирскаго-Буданова: Населеніе югозапад-

лучивши въ 1442 г. отъ короля Владислава города и селенія на Руси и Подольѣ, прогоняли оттуда старинныхъ жителей и дѣдичей, которые въ отчаяніи бѣжали къ Татарамъ и побуждали ихъ къ наѣздамъ на русскія земли и на тѣ имѣнія, откуда были прогнаны. Они бывали вѣроятно и въ числѣ татарскихъ „козаковъ“, сброда бѣглецовъ и разбойниковъ, которые опустошали русскія земли[1]). Недостатокъ населенія въ карпатской Руси вмѣстѣ съ нерадѣніемъ польскаго правительства въ виду постоянныхъ наѣздовъ татарскихъ[2]) вызывали часто вопросъ объ уси-

---

ной Россіи отъ половины XIII до пол. XV в. (Архивъ югозападной Россіи VII. 1, 2).

[1]) Срв. Длугоша Histor. Polon. IV. 422, 683, V. 530, разсказы къ 1430, 1442 и 1469 гг. „Augebant autem hujusmodi malum baronum Poloniae ambitio, quia a rege donationibus oppidorum et villarum in terra Russiae et Podoliae impetratis, antiquos incolas et haeredes de illis excludebant, qui inopia et egestate pressi et quadam desperatione compulsi ad Tataros fugiebant, illosque postmodum ad vastandum terras Russiae et possessiones, de quibus ejecti fuerant, inducebant“. Къ 1469 г. упоминаются впервые *козаки*: frequens Tartarorum exercitus ex fugitivis praedonibus et exulibus, quos sua lingua *kosacos* appelabant, collectus. Къ разсказу Длугоша относится напр. процесъ львовскихъ русскихъ земянъ Лопатичей Чеперовскихъ противъ Іоанна Далеёвскаго (1444—1446 гг.), который выпросилъ себѣ село Чеперовъ у короля; но Чеперовскіе доказали, что село не королевское, а ихъ старинная дѣдина, что они ея старые „отчичи“; см. Akta grodzkie i ziemskie XIV. Nro 946, 1577, и др. Эти Чеперовскіе не хотѣли однако присягать по русскому обычаю, о чемъ см. выше, стр. 47. Темные слухи о такихъ притѣсненіяхъ въ Червоной Руси доходили и на Литву, которая тогда боролась противъ притязаній Поляковъ на унію Литвы съ Польшею. Литовско-русскій лѣтописецъ XVI в. (изд. Нарбуттомъ, 57), говоритъ, что черезъ годъ послѣ коронаціи короля Казимира паны польскіе на сеймѣ въ Парчевѣ „вмыслили пановъ литовскихъ порезать, а княство литовское до коруны привлащить, и потомужъ вчинити, какъ вчинилъ (король) надъ паны русскими, премысльскими, позвавши ихъ до рады, и тамъ порезали и Премысль заселя“.

[2]) Вотъ напр. какъ описываетъ Длугошъ (V, 608) наѣздъ Татаръ на Подолье и Русь 1474 г.: „gemitus et ploratus in Podolia et aliis Russiae locis, suorum carorum mortes et abductiones, ab his, qui

ленной колонизаціи русскихъ земель и о лучшемъ устройствѣ вооруженныхъ ея силъ. Въ началѣ XVI в. представленъ планъ о такой колонизаціи людьми изъ разныхъ западно-европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ также Чеховъ; эти послѣдніе пойдутъ можетъ быть на Русь ради торговли и славы, которой они всегда жаждутъ; они вообще приноровляются къ новымъ странамъ и обычаямъ, и такъ будетъ тѣмъ скорѣе на Руси, что они приходили бы изъ славянскихъ странъ, и полагаютъ, что они самый знатный изъ славянскихъ народовъ [1]).

Число шляхты изъ „Ляховъ" на Руси все увеличивалось не только новыми пришлецами—земянами польскими, а также все поступающими въ ихъ ряды лицами русской шляхты, которая принимала католицизмъ, а тѣмъ самымъ и польскую народность [2]). Важную роль играли здѣсь браки Русскихъ съ Польками и вообще родство Русскихъ съ Ляхами, съ ихъ гербами. Такъ напр. въ 1441 г. русскій шляхтичъ Сенко Быбельскій, женихъ польки Ядвиги Фредровны, долженъ былъ передъ бракомъ сдѣлаться ка-

---

residui erant, deplangentium, et suos principes atque rectores execrantium, usque ad Altissimi pertingens thronum, audiebatur: interim justa forsitan effervens rabie, ut niterentur sibi de alio principe providere, videntes, se non solum ab ope, sed etiam omni spe destitutos.

[1]) Уляницкій: Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи (Москва 1887, стр. 236). Замѣтимъ, что около этого времени въ подольскомъ Каменцѣ былъ чешскій гарнизонъ; срв. „Славяне" III. Ч. I. стр. 253.

[2]) Любопытны слова католическаго архіепископа галичскаго Якова, которыя онъ сказалъ по поводу основанія католической церкви русскимъ земяниномъ Іоанномъ Клюшомъ (панъ Клюшъ Вижнянскыи въ русской грамотѣ 1414 года) въ его дѣдинѣ Вижнянахъ, (1400); архіепископъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что при немъ „eadem provincia haliciensis orthodoxis pro magna parte sui tamquam choruscantibus gemmis preciosis principibus et baronibus est illustrata, per quos divinus cultus crescit in eisdem partibus cotidie ac augetur, scismaque mira dei dispensacione decrescit et exstirpatur", и желаетъ, чтобъ примѣръ Клюша подѣйствовалъ и на другихъ. (Грамоты напечатаны въ изд. Dodatek do gazety lwowskiej 1851, Nro 39, 1852, Nro 25, 26, 27).

толикомъ или, какъ тогда говорилось, „окреститься“ [1]). Русскіе шляхтичи Чеперовскіе доказывали передъ львовскимъ судомъ (1445—1446 г.) право—какъ отчичей на свою дѣдину тоже тѣмъ, что ихъ предки были не только „шляхта русскаго рода“ (nobiles de ruthenicali genologia), а тоже „шляхта Ляхи“ (nobiles Lachi); они, хотя себя называли земянами издавна русскими (terrigene ab antiquo Rutheni), не хотѣли однако уже присягать по русскому обычаю, а непремѣнно—какъ католики [2]). „Ляхами“ сдѣлались Клюсы (Клюши), Кирдеи (Кирдеевичи, Кердеевичи), Ходоровскіе, Давидовскіе, Лоевичи, Быбельскіе, Бѣлецкіе, Мальчицкіе, Дѣдошицкіе (нын. графы Дзедушицкіе), и др. [3]). Въ родѣ Дѣдошицкихъ первый католикъ былъ Іоаннъ въ началѣ XVI в., но его сыновья и внукъ Вячеславъ были опять православные; Вячеславъ Дѣдошицкій, котораго называетъ еще Рей (Zwierzyniec, 1562) „Грекомъ“, принялъ только передъ смертью († около 1583) съ семействомъ католицизмъ [4]).

Русское происхожденіе многихъ родовъ, не говоря о генеалогическихъ данныхъ, можно узнать тоже по русскимъ именамъ, употребляемымъ въ тѣхъ родахъ и тогда, когда они сдѣлались „Ляхами“-католиками, но продолжали еще долго употре-

---

[1]) Akta grodzkie i ziemskie XIII, N-ro 1491.

[2]) Akta grodzkie i ziemskie XIV, N-ro 946, 1277, 1577; см. тоже выше, стр. 65. Лопатичи Чеперовскіе приводятъ въ этомъ дѣлѣ nobiles de ruthenicali genologia Michaelem de Remynno, Hlepkonem de Chilczicze, Fedorkonem Moschenski, Dimitronem de Lahodow, Jurgiy de Lahodow, Olechnonem de Borschow, Chodkonem de Stanimirz, Dimitronem de Czanstin; nobiles Lachos Nicolaum de Romanow, Nicolaum de Dawidow, Johannem de Hermanow, Stanislaum de Chodorowstaw; но и эти „Ляхи“ Романовскіе, Давидовскіе (Осташко Д. упоминается въ русскихъ грамотахъ, 1386, 1414, 1422 гг.), Германовскіе, Ходоровскіе были по происхожденію тоже русскіе земяне.

[3]) Случалось, что одни члены и линіи одного рода были католики, другіе остались православными; такъ напр. панъ Иванъ Клюшъ изъ Вижнянъ былъ ок. 1400 г. католикъ, а двѣсти лѣтъ спустя (1600) другой Иванъ Клюшъ былъ православный, членъ львовскаго ставропигійскаго братства.

[4]) Kronika domowa Dzieduszyckich (Lwów, 1865).

блять родной языкъ русскій. Приведемъ нѣсколько такихъ примѣровъ изъ латинскихъ актовъ XIV—XV вѣковъ съ прибавленіемъ именъ, встрѣчающихся въ немногихъ русскихъ актахъ конца XIV и начала XV вѣковъ: Балицкіе, (Татомиръ, Hrycko, Stecko, Danko), Бирецкіе (Elena, Denka, Iwanko), Боратинскіе (Dimitr, Hleb, Iwaszko, Wolczko), Боршовскіе (Olechno, Fedko, Michno), Быбельскіе (Ходко-Chodko, Андрейко-Andrejko, Грицко-Hrycko, Iwan, Kostko-Koscej, Wasko, Semon-Senko, Duchna), Бѣлецкіе (Budko, Fedko), Давидовскіе (Осташко, Ostaszko), Дѣдошицкіе (Dmitr, Jacko), Замостьскіе (Senko, Iosko, Iwan, Piechno, Michno, Wanko, Hawryło, Wolczko, Fenka, Nastka), Кирдеевичи (Hrycko, Ванко-Wanko), Лагодовскіе (Iwaszko, Dimitr, Jury), Лоевичи (Стецко, Ходко, Волчко сыновецъ пана Ходковъ Лоевича, вѣроятно Волчко Переслюжичъ, Преслюжичъ, Wolczko de Rohatyn), Лопатки или Лопатичи-Чеперовскіе-Осталовскіе (Sopron, Roman, Iwaszko, Senko, Mitko, Иванъ Юрьевъ), Мошенки, Мошенчичи-Мальчицкіе (Fedorko, Fedko, Jury, Wasko, Hrycko, Senko, Oluchna, Nastka), Неслуховскіе (Olechno, Stecko, Iwan, Ostaszko), Ременовскіе (Michalo, Lazar), Романовскіе (Hleb, Dmitrius), Рыботискіе, Рыботицкіе, (Fedko, Jurko, Ihnatko, Wasko, Iwanko-Иванко, Радко), Ритеревичи, Рытеровскіе (Hrycko, Iwasko), Свистельницкіе (Iwan, Wasyl-Wasko, Anastasia), Станимирскіе (Wasko, Danko, Iwanko, Hleb, Stecko, Kuprian, Chodko Ruthenus), Хилецкіе (Hlebko, Wasko, Ihnatko), Ходоровскіе (Jursza-Georgius, Klichna), Шептицкіе (Hlib, Fedor. Senko), Шумлянскіе (Fedko, Jurko, Ihnatko, Iwanko, Wasko), и др. Этотъ обычай употреблять въ латинскихъ и польскихъ актахъ русскія, а не польскія формы извѣстныхъ именъ христіанскаго календаря во многихъ родахъ первоначально Русскихъ, но потомъ Ляховъ, сохранился до XVII вѣка включительно; въ рядахъ шляхты львовской и жидачевской половины XVII в. встрѣчаются въ польскомъ актѣ многія такія имена: Fedor-Fedko, Hrehory, Iwan, Wasyl-Wasko, Hawryło, Hryń, Dymitr, Ihnat, Hryć и др. въ родахъ Чайковскихъ, Лозинскихъ, Гошовскихъ, Березовскихъ, Струтинскихъ (у нихъ даже съ отчествомъ Leś

Pawłowicz, Stefan Olechnowicz, Hryć Witowicz, Iwan Daszkowicz), Витвицкихъ (Wasko Demkowicz, Fedko Andruszewicz), и др. [1]).

Въ русскихъ родахъ нерѣдко водворялся дуализмъ вѣроисповѣданія; одни члены остались православными, и такимъ образомъ сохранили болѣе свой русскій характеръ, не говоря о принятіи ими многихъ чертъ польскаго быта; другіе члены рода сдѣлались „Ляхами"—католиками Поляками. Въ началѣ XVI в. въ холмской землѣ жилъ православный русскій земянинъ Федоръ Верещинскій; его жена, урожденная Сосновская, была сестра православнаго епископа холмскаго Ивана; другой ея братъ Григорій принялъ, не смотря на всѣ отсовѣтыванія родителей, католицизмъ, и пользуясь покровительствомъ католическаго епископа холмскаго сдѣлался католическимъ священникомъ. Когда у Федора Верещинскаго родился сынъ, то католикъ Сосновскій поспѣшилъ предупредить своего православнаго брата и окрестилъ его по-католически именемъ Андрея къ большой досадѣ епископа Ивана и отца Федора, который жаловался, что католикъ Сосновскій сдѣлалъ его сынка „бѣсовымъ Ляхомъ". Мальчикъ учился дома русской грамотѣ у дьяка; но католикъ Сосновскій сманилъ его къ себѣ и воспитывалъ, желая сдѣлать изъ него тоже священника; однакожь молодой Верещинскій избралъ военную службу и поселился потомъ въ Холмской землѣ и жилъ, хотя и „Ляхъ", въ дружбѣ съ родителями [2]). Такія довольно дружелюбныя сношенія шляхты

---

[1]) Popis pospolitego ruszenia szlachty lwow. i żydaczow. 1651 г. (Akta grodzkie i ziemskie I. № 42).

[2]) Всю эту исторію разсказываетъ сынъ Андрея, Іосифъ Верещинскій, католическій каноникъ холмскій, абатъ сецеховскій и наконецъ епископъ кіевскій, въ книжкѣ: Wizerunek na kształt kazania (Kraków 1585), а еще раньше В. Папроцкій: Herby rycerstwa polskiego (Kraków 1584, p. 544); срв. тоже статью Шайнохи: Jak Ruś polszczała (Szkice historyczne IV. 175). Іосифъ Верещинскій былъ извѣстный польскій писатель, авторъ проповѣдей и разныхъ сочиненій моральныхъ и политическихъ; онъ много мечталъ и писалъ о войнѣ христіанъ противъ Турокъ, и объ основаніи рыцарскаго ордена въ Украинѣ на нижнемъ Днѣпрѣ; онъ старался дѣйствовать въ та-

Ляховъ и Руси не были необыкновенны именно въ XVI вѣкѣ, поглощенномъ разными вѣроисповѣдными мудрствованіями, и поэтому довольно вѣротерпимомъ. Протестантизмъ кальвинскій нашелъ себѣ и въ коронной Руси сторонниковъ, въ родахъ Горайскихъ, Сенявскихъ, Бучацкихъ, Дорогостайскихъ, Дрогоёвскихъ, Потоцкихъ, Стадницкихъ, Реевъ, Замойскихъ, Жолкевскихъ и др. Такое разнообразіе вѣроисповѣдныхъ мнѣній въ Польшѣ при королѣ Сигизмундѣ Августѣ способствовало тоже перемѣнѣ во взглядахъ многихъ Поляковъ, не только протестантовъ, но тоже католиковъ, на православную русскую церковь, которую въ Польшѣ привыкли считать все „схизмою" и—въ виду постепеннаго усиленія и обаянія Москвы въ русскомъ мірѣ—даже опаснымъ Польшѣ вѣроисповѣданіемъ. Равноправность всѣхъ вѣроисповѣданій въ Польшѣ при благоразумномъ королѣ Сигизмундѣ Августѣ стали многіе Поляки считать лучшимъ укрѣпленіемъ своего отечества и прославляли своего короля: онъ де уничтожитъ тоже „ссоры между латинянами и Русью, которыя породили столько кровопролитія, столько смутъ въ Рѣчи посполитой [1])".

Такой благоразумный взглядъ на православную греческую, русскую вѣру раздѣлялъ тоже одинъ изъ первыхъ польскихъ писателей тѣхъ временъ, Станиславъ Орѣховскій, шляхтичъ перемышльской земли, сынъ польскаго шляхтича и русской поповны. Онъ, католическій священникъ, каноникъ перемышльскій, заклятый врагъ всѣхъ ересей—въ томъ числѣ и чешскаго гуситства,—относился всегда дружелюбно къ русскому православію, вѣроисповѣданію своей матери, и, хотя и желалъ уніи церкви западной и восточной, защищалъ всетаки русскій народъ и православную церковь противъ католическихъ фанатиковъ, утверждая, что православные Русскіе—добрые христіане; да одно время онъ даже самъ хотѣлъ присоединиться къ русскому православію; впервые онъ въ молодости хотѣлъ

комъ смыслѣ и на русскаго царя Федора Ивановича. См. I. Wereszczyńskiego Pisma polityczne (wyd. I. Turowskiego, Kraków 1858).

[1]) Такъ выразился сандомирскій депутатъ Зомбскій на пётрковскомъ сеймѣ 1559 г. См. L. Kubala: Stanisław Orzechowski (Lwów, 1870, p. 47).

сдѣлаться православнымъ священникомъ, чтобъ избѣгнуть неестественнаго и ненавистнаго целибата, а позже, преслѣдуемый католическою іерархіею за свой бракъ, онъ намѣревался примкнуть опять къ православной русской церкви и въ ней проводить и кончить свою жизнь [1]). Орѣховскій называлъ себя—въ виду своего русскаго происхожденія по матери и по поводу своей родины „Руси" (воеводства русскаго, Russia)—часто Русскимъ (Ruthenus, Russus, Rusin, hruby Rusin) [2]); но, чувствуя себя вполнѣ польскимъ

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя мысли Орѣховскаго (изъ сб. Orichowiana. Opera inedita et epistulae St. Orzechowski, ed. I. Kozłowski, Cracov. 1891, I): Ego in Ruthenorum ecclesiis, graeco ritu constitutis, versari errorem nullum scio, ne illum quidem de Spiritu sancto... ceterum matrimonium sacerdotum et plebis calicem, id error non est, sed ipsissima veritas (p. 218). Quae gentes atque integrae nationes schismatis nomine a papa romano notatae sunt non aliam ob causam, nisi quod religionibus vetustis et sacerdoti uxorem et plebi suam linguam faventissime conservarunt (p. 451). Dissidium hoc (въ вѣроисповѣданіи) reperit absurdum et reprehendendum, ut alii Latini, alii Graeci, alii Rutheni, alii Poloni in Russia appellentur, ut quasi familiae dissentientes inter se et arrogantes magis quam disjunctae aut dispares, alteri sibi solis deberi possessionem ecclesiae contendant, alteri vero tanquam commune patrimonium derelictum a communi parente adeant jure cum Romanis pari. (p. 41). Орѣховскій изо всѣхъ силъ стремился уничтожить разныя такія злоупотребленія—abusus, quibus improbissimi idemque avarissimi atque ignavissimi homines efficiunt, ut Ruthenus Polonum, Polonus vicissim in Russia damnet Ruthenum, quae omnia ad ipsius Christi domini nostri contumeliam fiunt. (p. 311, и срв. 315 жалобы Орѣховскаго на фанатизмъ перемышльскаго католическаго епископа). Si ex ecclesiae latina pellar, non in partem haereticorum, sed in illam veterem atque sanctissimam ecclesiam Graecorum concedam... cum hominibus graecis communicabo... idque instituto majorum meorum maternorum faciam, qui omnes alto a sanguine graeco fuerunt creti (p. 463).

[2]) Такъ часто въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ (Ruthenum me esse et glorior et libenter profiteor, memor generis graeci ac sanguinis ruthenici, unde cretus ortusque sum, etc.), хотя онъ зналъ, что majores mei a Polonis oriundi etc.; срв. Orichoviana, 30, 38, 219, 588. Въ соч. Chimaera sive de Staneari funesta regno Poloniae secta (1562) Орѣховскій выражается такимъ образомъ: Est mihi genitrix Polonia, pro-

шляхтичемъ, Полякомъ, гражданиномъ польской Рѣчи посполитой, онъ называлъ себя „родомъ Русскій, а народомъ Полякъ"— gente Ruthenus, natione Polonus, а въ своихъ рѣчахъ онъ могъ говорить къ шляхтѣ польской и къ русской (изъ Руси) „мы Поляки", или иногда и на русскій ладъ (по-польски) „my Lachowie" [1]).

Орѣховскій зналъ, кромѣ языковъ латинскаго и греческаго, польскаго и русскаго, тоже языкъ церковный словѣнскій (słoweński, bułgarski), который онъ очень уважалъ, а отчасти и чешскій; онъ назвалъ свв. апостоловъ Славянъ, Кирилла и Меѳодія, переведшихъ съ языка греческаго на словѣнскій священныя книги и для Руси, „величайшими геніями Славянъ—maxima genia inter Schlavos" [2]). Орѣховскій счелъ возможнымъ вводить въ польскій языкъ и нѣкоторыя слова словѣнскія и русскія, напр. kierchmasz albo prażnik (праздникъ); krzyż który po słowiańsku krzest zowią; славянское *король* сравниваетъ съ гре-

---

creatrix Ecclesia, altrix Roxolania, patria Peremislia, postremo Orichovianum est mihi natale rus et solum.

[1]) Высокое мнѣніе Орѣховскаго о польскихъ шляхетскихъ привилегіяхъ видно напр. по слѣдующимъ его словамъ, обращеннымъ къ литовцамъ: „O niewolny Litwinie! mnie wolnego słuchaj Polaka... z niewolnika wolnym wolnością swą cię czynię, jakom też niewolnego przed laty Rusina wolnym i swobodnym panem, i równym we wszem sobie uczynił, z którym w ziemi jego mieszkam, i gruntu jednego z nim używam, wszystkiego na poły z nim mam, nie jako z sąsiadem, ale jako z swym własnym bratem. Grunt i wszystko księstwo ruskie ja Polak dobywszy go pod ruskimi pany, pod srogimi tyrany, w jednem ciało królestwa polskiego, pod jednym królem i pod jednem prawem złączył". (Quincunx, t. j. wzór korony polskiéj na cynku wystawiony, 1564). Но одинъ Литовецъ въ своемъ рѣзкомъ отвѣтѣ Орѣховскому (Rozmowa Polaka z Litwinem, 1564) возразилъ: „Nie wiem co za libertas u was... iże ście insze stany ucisnęli, iż ich sobie prosto za nic nie macie, stan miescki i oracki ledwo ludźmi być rozumiecie, czasem wzgardzieńsze niż żydy i podlejsze poczytacie, rychléj o żydowską niż o ich wolność się zastawicie". Срв. Przewodnik naukowy i literacki, 1891, p. 916.

[2]) Orichoviana p. 39.

ческимъ κοίρανος (kiran): Polacy jako i ini słowiańskiego języka ludzie, z greckiego κοίρανος, u Węgrów kiral, u Rusi korol, u nas Lachów król; подобно тому онъ слово кметь (kmieć) считаетъ греческимъ κομήτης: robotny człowiek kmieć-kmit starzy Słowacy greckiem słowem nazwali; lichwa—jakoby jakie osobliwe złe, bo licho po słowiańsku złą rzecz znamienuje[1]).

Въ русскихъ земляхъ саноцкой и перемышльской, находящихся на польскомъ рубежѣ въ сосѣдствѣ земель краковской и сандомирской, Русь и Ляхи искони сносились и сталкивались, и какъ-бы помимо воли пріучались смотрѣть другъ на друга не всегда съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія. Еще въ концѣ XVI в., уже во время приготовленій къ уніи, раздается съ католической стороны жалоба на многихъ Поляковъ, живущихъ между перемышльскою Русью, что они присоединяются къ „русскому полувѣрію—na ruskie niedowiarstwo[2])". Даже не всѣ католическіе епископы перемышльскіе XV—XVI вв. относились къ православной Руси съ обязательною для нихъ враждою, и заботились о православныхъ попахъ и церквахъ въ своихъ имѣніяхъ, какъ напр. епископъ Валентинъ Гербортъ изъ Фульштейна (Фель-

---

[1]) Срв. „Славяне" II. 88, 135, 149, 151, III. 126, 245. О Ст. Орѣховскомъ см. гр. I. Оссолинскаго Wiadomości historyczno-krytyczne do dziejów literatury polskiéj III. (w Krakowie 1822), гр. Ст. Тарновскаго Pisarze polityczni XVI w. (w Krakowie 1886, I), вышеупомянутую статью Кубали, и ст. Сумцова (Кіев. старина 1888, ноябрь). Русскіе знали мысли Орѣховскаго о православной церкви, авторъ „Апокрисисъ" (1597—1599), и Зах. Копыстенскій (Палинодія 1621, по изд. въ Русской истор. библіотекѣ IV. 606, 931, 997, 1162, VII. 1577). Копыстенскій восхваляетъ Орѣховскаго: „То правый и старый правды мовца Ляхъ. О! гды бы и нынѣшніи панове Поляцы такъ чтили, шановали и поважали св. столицу Константинополскую, теды нѣгды бы зъ нами, братіею своею, которыхъ одинъ народъ роксолянскій сплодилъ, одна отчизна—корона польская выховала, и одна Константинополская столица вѣры Христовы научила,—нѣгды бы зъ нами, братіею своею, въ шранки о вѣру не вступовали".

[2]) См. выше, стр. 11, примѣчаніе.

штына), который помогалъ православнымъ Русскимъ въ своихъ имѣніяхъ строить церкви (1562—1566)[1]. Одинъ изъ его преемниковъ, Павелъ Пясецкій (съ 1644 г.), прежде епископъ въ подольскомъ Каменцѣ и въ Холмѣ, былъ въ тѣ бурныя времена фанатическихъ вѣроисповѣдныхъ споровъ человѣкъ необыкновенный; онъ, Полякъ изъ сандомирской земли, жившій много лѣтъ въ русскихъ земляхъ, относился къ православному русскому народу и козакамъ съ симпатіею, и—что особенно замѣчательно—не долюбливалъ лелѣяннаго католическою польскою іерархіею дѣтища, *уніи* (такъ онъ пишетъ это слово всегда въ своей всемірной хроникѣ), называя ее главнымъ источникомъ всѣхъ смутъ въ тогдашней Польшѣ[2]. Пясецкій еще какъ епископъ холмскій выступилъ рѣзко противъ холмскихъ уніатовъ, утверждая, что русскіе уніаты католической церкви вреднѣе, чѣмъ православные (disuniti[3]). Не забудемъ, что въ перемышльской землѣ съ конца XVI в. и съ начала XVII в., именно при одномъ изъ предшественниковъ Пясецкаго, Сецинскомъ, шла ожесточенная борьба между православіемъ и уніею, поддерживаемою епископомъ Сецинскомъ[4]).

---

[1]) Pawłowski, Premislia sacra, 297, 319; Prochaska въ статьѣ о Радымнѣ (Przewodnik naukowy 1891, p. 774).

[2]) По его словамъ православные противники уніи „omnibus populis suis adeo exosam fecerunt, ut audito solo *unionis* nomine, ab omni de ea tractatu prorsus abhorreant, et nihil magis hucusque quam tumultus istorum seditiosi et querelae perennes pro *unione* et contra *unionem* rem publicam polonam turbant". (Chronica gestorum in Europa, Cracoviae 1645, p. 165).

[3]) Harasiewicz, Annales ecclesiae ruthenae, 352.

[4]) Взглядъ польскаго епископа Пясецкаго на дѣла восточнаго Славянства крайне не понравился его новѣйшему біографу, Юл. Бартошевичу: „Piasecki nie lubi *unii* religijnéj, któréj wszędzie przymawia, jego całe współczucie ma syzma. Nigdy nie mówi o unii jako o kościele, który powstał natchnieniem i potrzebą naprawy upadłéj cerkwi, ale jako o wymyśle ludzkim, unitów ma za wichrzycieli i zawsze, o nich mówiąc, pisze: tak zwani unici; samo nazwisko unitów odmiennemi głoskami drukuje. Niepojęta jest w nim, biskupie, ta zaciętość dla katolickiego obrządku, dla cudownych ducha spraw, które wywołało święte wes-

Энергическій голосъ въ защиту Руси раздается въ началѣ XVII вѣка изъ саноцкой земли, именно изъ Добромила, города Гербуртовъ (Гербортовъ) изъ Фульштына (Фельштына), переселившихся въ концѣ XIV вѣка изъ опавской земли въ карпатскую Русь, и здѣсь вполнѣ ополячившихся[1]). Въ началѣ XVII вѣка унія распространялась всѣми средствами въ земляхъ русскихъ; православная шляхта и епископы—въ томъ числѣ и перемышльскій Михаилъ Копыстенскій[2])—протестовали противъ такихъ насильственныхъ мѣръ. Въ перемышльской землѣ явился, по смерти Копыстенскаго (1610), уніатскій епископъ Аѳанасій Крупецкій, который, поддерживаемый католическимъ епископомъ перемышльскимъ Станиславомъ Сецинскимъ, оспаривалъ перемышльскую епархію у православнаго епископа[2]). Вмѣстѣ съ этими вѣроисповѣдными вопросами Польша волновалась тогда возстаніемъ Зебридовскаго—въ которомъ играли видную роль некатолики,—московскими дѣлами и московскою войною. Въ тѣ бурныя времена *Іоаннъ Феликсъ Гербуртъ*, ученый и просвѣщенный польскій панъ, жилъ и дѣйствовалъ—послѣ возстанія Зебридовскаго, въ которомъ онъ тоже принималъ участіе—въ Добромилѣ, слѣдилъ за политическими событіями и издавалъ въ своей типографіи разныя книги на языкахъ польскомъ и латинскомъ. Іоаннъ Гербуртъ,

---

tchnienie Rusi". (Kronika P. Piaseckiego, polski przekład, Kraków 1870, p. LVIII, LIX, срв. XLII). Пясецкій не любилъ не только „святого вздоха Руси", но также іезуитовъ, Нѣмцевъ, Габсбурговъ, и, какъ истый Славянинъ, съ любовью вспомнилъ о свв. апостолахъ славянскихъ, Кириллѣ и Меѳодіѣ; см. „Славяне" II. 93, 74, 167. Пясецкій только въ имѣніяхъ своей епископіи не могъ не поддерживать уніи; см. Pawłowski, Premislia sacra, 459.

[1]) Герборты или Гербурты были родъ нѣмецкій, поселенный оломуцкимъ епископомъ Бруномомъ въ опавской землѣ; одинъ Гербуртъ (Гѣрьбортъ) защищалъ, вмѣстѣ съ двумя панами Бенешевичами, въ 1253 г. опавскую землю противъ Даніила Романовича галичско-волынскаго, о чемъ см. галичско-волынскую лѣтопись (изд. археограф. комис., 548). О Гербуртахъ см. выше (стр. 64) упомянутую статью К. Стадницкаго.

[2]) См. выше, стр. 74, и Павловскаго Premislia sacra, 366.

католикъ, Полякъ, любилъ русскій народъ, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ, изъ котораго происходила и его жена, русская княжна Елисавета Заславская, хотя уже католичка; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, зная Польшу, Русь и Чехію—гдѣ онъ былъ въ 1590 г.—былъ тоже ревностнымъ Славяниномъ[1]). Не даромъ польскій поэтъ Каспаръ Мясковскій прославляетъ І. Гербурта, „славянскаго Геркулеса", какъ онъ озаглавилъ свою поэму „Herkules słoweński", изданную въ Добромилѣ (1612): этотъ славянскій Геркулесъ—Русскій (Rusin), украшеніе русской земли, который живетъ на сѣверѣ, гдѣ процвѣтаетъ нынѣ держава внуковъ Лѣха, кровь Славянъ! Самъ Гербуртъ, въ предисловіи къ поэмѣ Мясковскаго, вспоминаетъ объ обоихъ славныхъ польскихъ поэтахъ, Реѣ и Кохановскомъ, этихъ пѣвцахъ „пѣсни богини славянской", восхваляетъ тоже Мясковскаго, что онъ „столь прелестно одѣлъ эту славянскую дѣвушку—żeś nam tę dziewoję słowieńską tak strojno ubrał", и желаетъ поэту, „украшенію языка и славы славянской" многихъ лѣтъ: „chowaj cię boże długo ozdobo języka i sławy słowieńskiéj[2])!" Въ приложенномъ къ поэмѣ Мясковскаго разговорѣ Геркулеса съ Счастьемъ и Доблестью—родѣ автобіографіи,—Счастье говоритъ Геркулесу, чтобъ и Славяне искали груши въ пеплѣ, что оно любитъ славянскій языкъ; Доблесть же приводитъ изреченія о счастьѣ Грека и Латинина, а также „моего славнаго Славянина", и говоритъ „о твоихъ доблестныхъ Славянахъ". Гербуртъ, зная русскій языкъ, сообщаетъ въ этой статьѣ одну русскую пѣснь и двѣ русскія пословицы[3]). Іоаннъ Гербуртъ, понимая всю важность отечественной исторіи, издалъ въ своемъ Добромилѣ лѣтопись Викентія Кадлубка, аналы Орѣховскаго, и начало польской исторіи Длугоша, котораго онъ справедливо назвалъ „первенствующимъ въ славянской исторіи—princeps historiae slavicae"; изданію всей исторіи Длугоша помѣшала глупость современниковъ[4]).

---

[1]) О. І. Гербуртѣ см. ст. А. Соколовскаго въ журн. Biblioteka Warszawska 1883, II. III.

[2]) См. „Славяне" II. 161.

[3]) Срв. Вишневскаго Historya literatury polskiéj VII. 122.

[4]) Срв. „Славяне" II. 101.

Такой польскій и славянскій патріотъ не могъ молчать въ виду ужасной братоубійственной борьбы между Поляками и Русскими изъ-за „уніи“ и всѣхъ ея послѣдствій, и дѣйствительно заговорилъ, и не какъ Полякъ римскій фанатикъ, а какъ истый Полякъ Славянинъ. На сеймѣ 1613 г. панъ Іоаннъ Гербуртъ представилъ свое мнѣніе о народѣ русскомъ — Zdanie o narodzie ruskim[1]). „Той рану задаетъ въ сердце отчизнѣ нашей, хто колвекъ право еи ламлетъ, згоду межи народами, зъ которыхъ естъ полская речъ посполитая зложена, розрываетъ, тотъ въ сердце отчизну забиваетъ. Такая естъ колотня, которую зачали зъ народомъ рускимъ, братьею и кровью нашею, тая естъ якъ рана сердечная, которая бы наменшая была, смерть приноситъ. Вѣдаю добре, што ея почавши отъ зъізду берестійского онымъ дѣетъ. Тое вѣдаю добре, якъ на сеймикахъ надѣю имъ чинятъ, а на сеймахъ зъ нихъ смѣхи строятъ. На сеймикахъ братьею зовутъ, а на сеймахъ отщепенцами. Чого они хотятъ по томъ зацномъ народѣ, якую раду и до которого цѣлю змѣряютъ? того я жаднымъ способомъ розумѣти не могу. Бо если того хотятъ, абы Руси не было въ Руси, то естъ речъ неподобная, и такое подобенство естъ, яко бы ся имъ хотѣло, жебы тутъ море было коло Самбора, а Бесчадъ коло Гданска. Жаденъ того розумъ, жаденъ гвалтъ перемочи

---

[1]) Это Zdanie o narodzie ruskim собственноручной рукописи Гербурта находится въ экземплярѣ книги Wizerunek utrapionéj Rzeczypospolitéj i naprawa Piotra Grzegorzkowicza. Przy tym Hercules słowieński K. Miaskowskiego. (Dobromil 1616), хранящемся въ университ. библіотекѣ львовской (Harasiewicz, Annales 40, Петрушевича Сводная галицко-русская лѣтопись, 63). По другой рукописи (виленской) издано въ сборникѣ: Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края (СП. 1865, стр. 214). Современный западнорусскій переводъ помѣщенъ въ книгѣ кіевскаго ученаго Захаріи Копыстенскаго: Палинодія или книга обороны каѳолической св. апостолской всходней церкви (1621 г., по изданію въ Русской истор. библіотекѣ IV. 956): „Здане премудрого и велможного мужа и пана Іоанна Щасного Герборта, старосты вышвенского и мостиского, красомовного и выборного оратора на сеймѣ валномъ у Варшавѣ поданое“. Приводимъ слова Гербурта по этому переводу.

не можетъ, абы Руси не было въ Руси. Штожъ, а коли зась ся кому зобачитъ, абы Поляковъ не было въ Полщи? ба, безнашъ южъ не такъ, бо хотяжъ по-полску мовимо, але правъ и звычаевъ запомнѣлисмо. Але аречетъ хто: „не хочемо мы Руси отмѣнити въ Руси". Ба, и не можете! Але хотѣте ихъ позискати до вѣры нашей повшехной римской и до едности ведлугъ собору флорентского привести. Того я не ганю, если то пристойне чинятъ и ведлугъ науки Христовы". Гербуртъ строго осуждаетъ насильственныя мѣры въ дѣлѣ введенія уніи, какъ это дѣлается и при уніатскомъ перемышльскомъ епископѣ Крупецкомъ. „Штожъ вжды за пожитокъ маетъ король его милость зъ такъ великихъ клопотовъ, которыхъ зажилъ зъ народомъ рускимъ? Тотъ пожитокъ маетъ, же естъ насъ словенскихъ народовъ розныхъ осмнадцать: тыи всѣ розумѣли, же народъ полскій мѣлъ ихъ зъ тяжкого поганского ярма высвободити; тыи всѣ на кождую потребу кроля и народу полского горла свои дати были готови. А теперъ, якъ кривду почато чинити народови рускому, суть намъ головными непріятелями. Теперъ волятъ померети сами на войнѣ, жоны и дѣти свои попалити, якъ въ Смоленску учинили, нѣжбы мѣли до згоды якой прійти зъ нами, кровью своею. А што естъ перешкодою до успокоеня Москвы? Едно уражоная вѣра руская. А што помогло до побитя въ Волошехъ Потоцкаго? Едно таяжъ нехуть народу руского ку народови нашему" [1]).

Іоаннъ Гербуртъ высказалъ свои убѣжденія относительно уніи самому папѣ Павлу V, который—по просьбѣ католическаго епископа перемышльскаго Сецинскаго — потребовалъ отъ него содѣйствія въ дѣлѣ распространенія уніи среди Русскихъ. Гербуртъ, въ письмѣ отъ 5 августа 1616, отвѣтилъ папѣ, что онъ одобряетъ принципъ уніи, которую слѣдуетъ распространять средствами мирными, но ничуть не насильственными. Польша до сихъ поръ была свободна отъ религіозныхъ смутъ; но уже надо опасаться, чтобъ и въ Польшѣ не возникъ такой пожаръ, отъ ко-

---

[1]) Эти послѣднія слова Гербурта о Славянахъ, о Москвѣ и Потоцкомъ повторилъ князь Х. Збаражскій на сеймѣ 1627 г.; см. „Славяне" II. 94. Срв. эпиграфъ въ началѣ этой 2 части III-яго тома

тораго, погибла бы она какъ Троя: Fuimus Troes, fuit Ilium et ingens gloria! Этого боится и Гербуртъ. „Русскіе — народъ мой, Русь—наше общее отечество, съ ними у насъ безконечное родство, подданные почти всѣ Русскіе; вижу, что дѣло уніи проводится насиліемъ: насиліе возбуждаетъ смуту, смута — очень опасна. Русская держава — огромна, состоя изъ шести воеводствъ, которыя могутъ приравниваться не областямъ, а державамъ. Сосѣди у насъ безчисленные народы Угріи, Болгаріи, Греціи, Москвы, всѣ той же самой вѣры, всѣ рождены къ войнамъ“ [1]). Епископъ Сецинскій, познакомившись съ этимъ письмомъ, упрекалъ Гербурта за его помощь, оказываемую „схисматикамъ“ и противникамъ уніи: онъ, Гербуртъ, ихъ вождь, онъ ихъ защищаетъ повсюду, публично и частно, онъ дозволяетъ строить православныя церкви въ имѣніяхъ королевскихъ и своихъ, покровительствуетъ православному монастырю въ Добромилѣ, позволяетъ грубому люду идолопоклонничать, дѣлая изъ глупыхъ сумасбродныхъ; онъ отвращаетъ отъ послушанія уніатскому владыкѣ, утвержденному папою, его подчиненныхъ и преслѣдуетъ ихъ; онъ содержитъ у себя какого-то бѣжавшаго изъ Угріи злодѣя и велитъ ему рукополагать поповъ; онъ вообще дѣйствуетъ въ смыслѣ противномъ своему католическому имени. Что касается Русскихъ, которыхъ Гербуртъ называетъ своимъ народомъ,—кончаетъ епископъ—то это не вѣрно; онъ родился въ Руси и породнился съ Русскими, именно посредствомъ своей жены изъ русскаго рода князей Заславскихъ, но католиковъ, мать его была католичка Дрогоёвская; но первый Гербуртъ прибылъ на Русь изъ Фульштына около Оломуца въ Моравіи [2]).

---

[1]) Russi gens mea est, Russia patria nostra communis, adfinitates cum illis infinitae, subditi fere omnes Russi; vi rem geri video: vis excitat tumultum, tumultus periculosissimus. Regnum Russiae maximum, sex palatinatibus constans, qui non provinciis sed regnis aequiparari possunt. Vicinae nobis sunt gentes hungaricae, moesicae, bulgaricae, graecae, moschicae innumerae, omnes ejusdem fidei, omnes ad bella natae!

[2]) Эти любопытныя письма издалъ, въ особой брошюрѣ, уже по смерти Гербурта († 1616) Яковъ Сливскій, канторъ тарновскій: Grus

Еще во второй половинѣ XVII в., когда православіе въ Польшѣ клонилось уже къ упадку, а унія все больше торжествовала, изъ той же карпатской Руси, именно изъ ея окраины, изъ Кросна, раздался польскій голосъ въ защиту православныхъ и противъ уніи. На варшавскомъ избирательномъ сеймѣ 1669 г. права православной Руси защищалъ молодой польскій панъ Іоаннъ Фредро, староста кросенскій,—онъ возсталъ противъ уніи и назвалъ ее—въ смыслѣ словъ епископа Пясецкаго—прямо причиною войнъ и смутъ въ Польшѣ, которой козаки гораздо нужнѣе, чѣмъ уніаты [1]).

Православіе, составлявшее всегда важную принадлежность русской народности, осталось—особенно при повальномъ ополяченіи русской шляхты, члены которой дѣлались „Ляхами", и при повсемѣстномъ распространеніи среди русской шляхты польскаго языка и польскихъ нравовъ—почти единственною чертою русской народности той шляхты и мѣщанства въ коронной Руси, которые не сдѣлались „Ляхами", а остались вѣрны своей старинной русской православной вѣрѣ греческаго закона. Около половины XVII в. въ воеводствахъ русскомъ и подольскомъ православные были Балабаны, Замойскіе (перемышльскіе), Тисаровскіе, Рознятовскіе, Чолганскіе, Винницкіе, Шумлянскіе, Жураковскіе, Березовскіе, Струтинскіе, Васильковскіе, Витвицкіе, Братковскіе, Балицкіе, Подвысоцкіе, Свистельницкіе, Терлецкіе, Грабовецкіе, Лозинскіе, Шептицкіе,

---

spiritualis seu vigilantia pastoris, continens litteras de unione schismaticorum Ruthenorum cum catholicis optanda (Cracoviae 1617). См. Harasiewicz, Annales eccles. ruthenae, 249—252, Петрушевичъ, Сводная галицко-русская лѣтопись I. 424. Въ помянникѣ православнаго добромильскаго монастыря съ благодарностью упоминается (къ 1614 г.) „арцышляхетный панъ милостивый Янъ Щенсный Гелбултъ" и его семья; срв. Сводная галицко-русская лѣтопись, 50.

[1]) Объ этомъ съ негодованіемъ пишетъ уніатскій митрополитъ Коленда римской пропагандѣ 1671 г. (Theiner: Monumenta Poloniae, III. p. 597). Коленда радуется тоже, что на слѣдующемъ коронаційномъ сеймѣ оказалась слабость православія: tum cognovimus parvas jam vires superesse schismaticorum; nam vix 30 nobiles schismatici in hac electione rivabantur nobiscum.

Предимирскіе, Устрицкіе, Путятинскіе, Яворскіе, Тустановскіе, Попели, Кульчицкіе, Копыстенскіе, Кропивницкіе, Добрянскіе, Дубравскіе, и др. [1]). Но со временъ побѣды уніи надъ православіемъ въ епархіяхъ перемышльской и львовской вся тамошняя шляхта сдѣлалась не уніатскою — унія была для мѣщанъ и для хлоповъ, — а католическою, и тѣмъ самымъ и Ляхами.

Польское господство въ карпатской Руси повліяло на весь ея политическій и общественный строй. Намѣстникомъ короля въ карпатской Руси былъ съ половины XIV в. староста (capitaneus), какъ онъ назывался по образцу польскому, староста „русскій", староста „русской земли" во Львовѣ; кромѣ этого главнаго старосты были меньшіе старосты въ Санокѣ, Перемышлѣ, Галичѣ, Самборѣ, Зудечевѣ (Жидачовѣ), Коломыѣ, Снятинѣ, Глинянахъ, Городкѣ, Теребовли, Холмѣ и др., были старосты въ подольской землѣ, въ Белзѣ. Старосты вѣдали администрацію, судъ, военное дѣло; они съ самаго начала польскаго владычества были Поляки, католики, сановники въ коронѣ (Польшѣ); такъ во второй половинѣ XIV в. и въ началѣ XV в. „русскими" старостами были паны Пилецкій, Кмита, Тарновскій, Далеёвскій, Корыцинскій, Обыховскій, Мельштынскій, Харбиновскій, Менжикъ изъ Домбровы [2]); саноцкіе старосты—Бенко изъ Кухаръ, Оглендовскій, Браницкій, Кобылянскій, Пенёнжекъ; перемышльскіе старосты—тотъ же Бенко изъ Кухаръ, Бучацкій, Конецпольскій, хотя королева Ядвига (1387 г.) обѣщала назначать здѣсь старосту „Поляка или Русскаго шляхетскаго рода" [3]); галичскіе старосты—Щекоцкій,

---

[1]) Эти и другіе „szlachta województwa ruskiego i podolskiego... naroda naszego starożytnego religiej greckiej... podług obrzędu cerkwie wschodniej apostolskiej" подписались на актѣ избранія новаго „episkopa prawosławnego, lwowskiego, halickiego i Kamieńca podolskiego" 1641 г. См. Сводная галицко-русская лѣтопись 1600 — 1700, стр. 87—91.

[2]) О русскихъ старостахъ см. М. Дзедушицкаго въ ж. Przewodnik naukowy 1875, p. 428, въ соч. Филевича (Борьба Польши, стр. 203), Губе (Wyrok lwowski), Линниченка (Ж. М. Н. П. 1891), и др.

[3]) Akta grodzkie i ziemskie VII. 37.

Бучацкій, Тарновскій, Одровонжъ; нѣкоторые подольскіе старосты— Грицко Кердеевичъ изъ Поморянъ (ополяченный Русскій), Петръ Шафранецъ, Михаилъ и Федоръ Бучацкіе. Помощникомъ старосты сдѣлался древнерусскій *воевода*, называемый еще до XV в. и въ латинскихъ актахъ по-русски woyewoda, woywoda, или palatinus, тоже subcapitaneus—vicecapitaneus (подстаростій), иногда burgrabius; его помощники были до начала XV в. древнерусскіе сотскіе [1]). Староста, воевода и сотскій, судья, писарь и нѣсколько земянъ составляли судъ, на которомъ рѣшались всѣ судебныя дѣла по обычному праву русскому, но тоже по праву польскому; приговоры записывались въ актъ (листъ) на языкѣ русскомъ или чаще латинскомъ, потомъ въ особыхъ судебныхъ книгахъ латинскихъ, вводимыхъ по образцу польскому и на Руси. Члены суда, кромѣ старосты Поляка, были Русскіе и Поляки [2]). Польскіе порядки судебные и др. вообще проникали все болѣе и на Русь, и по мѣрѣ все усиливавшагося переселенія польской шляхты въ карпатскую Русь, распространялись туда разныя постановленія и обычаи польскаго права и примѣшивались все болѣе къ „русскому" праву и обычаямъ. Судъ староства саноцкаго уже въ началѣ XV в. принимаетъ нѣкоторыя черты земскаго суда по образцу польскому. Наконецъ является и высшій земскій судъ по образцу польскаго вѣца (хотя самое слово вѣце еще не встрѣчается), состоявшій изъ наивысшихъ сановниковъ земскихъ и многихъ земянъ [3]). И внѣшняя форма судопроизводства по „русскому праву" лишилась русской одежды: латинскій языкъ (и ка-

---

[1]) Сотскіе (соцкіе, szoczky, szeczky) упоминаются въ Львовѣ, Теребовли, въ грамотахъ русскихъ и латинскихъ 1368—1412 гг.

[2]) Tempore juris ruthenicalis (т. е. уже во время польскаго господства на Руси) erat moris inscripciones facere coram capitaneis pro causis quibuscunque—записано въ одномъ саноцкомъ актѣ 1442 г. (Akta grodzkie i ziemskie XI. № 1445).

[3]) О судопроизводствѣ въ коронной Руси (до 1435 г.) см. R. Hube: Wyrok lwowski r. 1421 (Warszawa 1888) и замѣтки И. Линниченка въ Ж. М. Н. П. 1891, іюль, 144; предисловія къ сборнику Akta grodzkie i ziemskie, начиная съ XI тома. О польскихъ судахъ см. Hube: Prawo polskie w 14 wieku (Warszawa 1886).

лендарь) сдѣлался офиціальнымъ въ политической и юридической жизни коронной Руси со всѣми юридическими терминами польской государственности, такъ что со второй половины XIV в. латинскія грамоты подавляютъ своимъ количествомъ небольшое число русскихъ грамотъ, а судебныя книги писались съ самаго начала только на латинскомъ языкѣ [1]). Такъ какъ писари латинскихъ грамотъ и судебныхъ книгъ были Поляки, то и тѣ нѣкоторыя нелатинскія слова, встрѣчающіяся въ латинскихъ актахъ, — польскія, а не русскія, напр. *kmetones*, alias *mąży*, humiliacionem alias *pokorą*, obligavit alias *zastawil*, daciam alias *daniną*, *obszary*, *posag*, possessionabit vulgariter *osadzi*, communitas ville alias *gromada*, terminus magnus alias *wiece*, *pamiętne*, *pomocne*, manu conjuncta *pospolną rąką*, pena qnindecimalis *pięćnadzieście*, pena *niestanie*, terminus peremptorius *rok zawiły*, tenutarius officialis alias *urzędnik*, подать *podymne* (1426), и др.

Русскія грамоты выходили изъ королевской канцеляріи, отъ нѣкоторыхъ князей, пребывавшихъ временно въ Червоной Руси (напр. Володислава опольскаго, Швитригайла, Федора Любартовича), отъ старостъ въ русскихъ земляхъ (Пилецкаго, Далеёвскаго, Кухарскаго—Жабокруцкаго, Обыховского, Щекоцкаго, Бучацкаго и др., и отъ нѣсколькихъ русскихъ пановъ. Въ этихъ русскихъ грамотахъ — писанныхъ особыми писарями, дьяками попо-

---

[1]) Отъ судебныхъ книгъ временъ „русскаго" права сохранились только саноцкія 1423—1434 гг., изд. въ сборникѣ Akta grodzkie i ziemskie XI. Русскія грамоты изданы въ сборникахъ: Акты западной Россіи, Акты зап. и южной Россіи, Науковый сборникъ галицко-русской Матицы 1865—1867, Archiwum książąt Sanguszków I, Матеріалы изд. Уляницкимъ, Akta grodzkie i ziemskie, Materyały archiwalne (изд. Прохаски) и др. Срв. Lisiewicz: Język urzędowy na Rusi Czerwonéj (Przewodnik naukowy 1886), соч. Филевича, Губе, Линниченка. Послѣдній русскій судебный актъ ок. 1434 г.—Михаила Бучацкаго, пана и старосты галичскаго, и Колы Далеёвскаго, судьи галичскаго (Akta grodzkie i ziemskie XII. 425). Въ статью Линниченка (стр. 160, прим.) вкралась опечатка: вмѣсто 1474 г. надо читать 1424 г. Замѣтимъ еще, что и на монетахъ (грошахъ), чеканенныхъ для Руси, имѣются только латинскія надписи.

вичами — замѣтно уже вліяніе польское, матеріальное и формальное (въ языкѣ): панъ, землянинъ — земянинъ, шляхетни панове, рада панская и землянская, пани, панна, урядникъ (врядникъ), староста, кметь, войтъ, мѣстичъ, князь арцибискупъ (львовскій, ksiądz arcybiskup), бискупъ (премыскій, католическій и православный), рокъ завилый, покупити три гривны (поль. pokupić trzy grzywny, т. е. заплатить вину), оправити (oprawić), поспольная рука, помочное, привиліе, ланъ, чиншъ, личба (польская, русская), гроши, и пр. Въ языкъ русскихъ грамотъ вкрадываются польскія формы: кроль, кролество, кролевскій (подлѣ обыкновеннаго король), гродъ (подлѣ обыкновеннаго городъ), влость (подлѣ волость), кторый (подлѣ который), обротити, габати, прозвиско; даже географическія названія: Премысль, Премышль (премыскій), Сендомирь (Сундумирь) подлѣ Перемышль (перемыскій), Судомирь; Влодиславъ (Владиславъ и Володиславъ), Бартошъ, Мацѣй, Бенко, Крщенъ (Хрщенъ), Вятславъ, Бедрихъ, Алжбета; наконецъ и въ русскихъ грамотахъ употребляется обыкновенно лѣточисленіе не съ сотворенія міра (такъ только въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ грамотахъ), а съ Рождества Христова. Но рядомъ съ этимъ новымъ польскимъ наслоеніемъ въ русскихъ грамотахъ встрѣчаются еще многія древнерусскія черты и учрежденія: воеводы, сотскіе, тивуны, дьяки, земли или волости (перемышльская, саноцкая, снятинская, галичская, теребовльская, смотричская, и въ нихъ волости меньшія, села и селища съ ихъ уѣздами, и дворища съ ихъ объѣздами, дѣдицтва — дѣдины — дѣднины — дѣдинины, вотнины (отчины), вотчичи (отчичи), и др.; древнерусская гривна, рубель-рубль, рядомъ съ новыми пѣнязи, копами грошей русской и польской личбы, краковскаго разу, краковской монетой, подольскими полугрошниками - полугрошками, и пр. Равнымъ образомъ какъ западноевропейскіе гроши перешли изъ Польши на Русь и стали здѣсь означать вообще деньги, такъ и русскій рубль сталъ извѣстенъ въ Польшѣ [1]).

---

[1]) Rubl, rubel — отрубленный кусокъ серебра (русск. *рубить* = польск. rąbić rąbać) означалъ въ Польшѣ XV в. извѣстный вѣсъ

Такимъ образомъ многіе польскіе обычаи и постановленія польскаго права распространялись постепенно въ русскія земли еще до формальнаго въ нихъ введенія польскаго права. Такъ было именно въ белзской землѣ, гдѣ уже съ конца XIV в. и въ XV в. являются польскіе чиновники—воевода, кастелянъ, староста, (а подстаростій—древнерусскій воевода), судья земскій и подсудокъ, особые суды гродскій и земскій; наконецъ въ 1462 г. белзское воеводство соединено съ короною и пожаловано польскимъ правомъ. Въ остальной польской Руси, при многочисленной въ ней польской шляхтѣ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ короною, введено польское право раньше, именно при Владиславѣ Ягайлѣ, на съѣздахъ въ Едльнѣ (1430) и въ Краковѣ (1433), и наконецъ на коронаційномъ сеймѣ 1434 г. при Владиславѣ III. [1]). Съ 1435 г. водворено въ новыхъ воеводствахъ (дѣлимыхъ на земли и повѣты), русскомъ и подольскомъ,—вмѣсто русскаго права—окончательно польское право, какъ оно уложено въ статутахъ вислицкомъ, вартскомъ и др. Вмѣсто старостъ—намѣстниковъ королевскихъ, являются воеводы (palatini) русскій и подольскій; кастеляны, которые отчасти являются еще раньше; дальше старосты и под-

серебра (waga, siclus, talentum); это слово встрѣчается въ разныхъ юридическихъ памятникахъ, въ судебныхъ книгахъ краковскихъ, перемышльскихъ (a. 1464: unius finistri (!) argenti alias rubel), въ польской библіи XV вѣка и пр. Отъ слова *рубить* происходитъ и слово *рубежъ*, которое вошло тоже въ литературный польскій языкъ—rubież, но которое въ куявско-добринскомъ говорѣ встрѣчается съ правильнымъ носовымъ звукомъ rąbież.

[1]) Volumina legum I. 40, 91 (изд. Петербург.), Длугоша Historia polon. IV, 296, 548; Bandtkie Jus polonicum p. 292 (возобновленіе правъ 1456 г.); срв. К. Стадницкаго Synowie Gedymina (1881, p. 213—216). Польское право пожаловано, конечно, всей шляхтѣ, католической и православной — tam catholicis quam scismaticis (срв. Liber cancellariae St. Ciołek, I. № 40). „Русское право“ упоминается потомъ рѣдко; такъ напр. въ саноцкой землѣ въ 1445 г. terrigene de Dobra осуждены на niestanie, videlicet bovem secundum jus ruthenicum; а въ 1450 г. осужденъ мельникъ на такое niestanie in bove secundum jus polonicum; другіе примѣры въ ст. Линниченка въ Ж. М. Н. П. 1891, іюль, 166—167.

старостіе (эти въ XV в. еще по-древнерусски воеводы), судьи, писари на судѣ гродскомъ (для уголовныхъ дѣлъ), судьи и подсудки, писари на судѣ земскомъ (для гражданскихъ дѣлъ), и двоякія судебныя книги, гродскія и земскія, подкоморіе, бургграби (тоже воеводы и подвоеводы), коморники, войскіе, хорунжіе, мечники и другіе урядники; земскіе вѣчевые суды (wieca, colloquia) и сеймики въ земляхъ русскаго воеводства (львовской, перемышльской, саноцкой, галичской, холмской); на этихъ сеймикахъ выбирались земскіе послы (депутаты) на польскій сеймъ, которые вмѣстѣ съ сенаторами собирались еще на генеральномъ сеймикѣ въ разныхъ мѣстахъ, потомъ въ Вишнѣ и Галичѣ; въ подольскомъ воеводствѣ былъ сеймикъ въ Каменцѣ, въ белзскомъ — въ Белзѣ [1]).

Статуты польскіе (коронные и мазовскіе) написаны на латинскомъ языкѣ, который однако понимали немногіе паны и земяне; оказалась потребность перевести статуты на языкъ польскій, что́ и сдѣлано въ половинѣ XV вѣка [2]). Но эти и нѣкоторые болѣе поздніе польскіе переводы имѣли характеръ частный, а не офиціальный; офиціальнымъ остался текстъ латинскій. Подобно то-

---

[1]) Въ самомъ началѣ земскихъ книгъ галичскихъ находится слѣдующая записка: Anno domini 1435 proxima feria secunda post festum Nativitatis Marie (т. е. 12 сентября) post donacionem juris polonici terre Russie per serenissimum principem dominum Wladislaum presens registrum est factum pro judicio terrestri presentibus magnifico domino Johanne Cola judice, Stiborio de Wasyczyn subjudice, Nicolao de Wodnyki, camerario judicis et Conrado de Kunaschow, camerario subjudicis dominorum. Въ гродскихъ книгахъ галичскихъ 1435 г. (12—18 ноября) записано одно постановленіе — jus quod fit in terris cracov. et sandomir. et terra Polonie, котороє приняли и для Руси старосты львовскій и галичскій и многіе паны галичскіе вмѣстѣ съ нѣкоторыми сенаторами Польши. Одна записка въ земскихъ книгахъ львовскихъ относила начало польскаго права къ 1 января 1435 г. Срв. Akta grodzkie i ziemskie t. XI. p. V, t. XII. p. 1, 425. Слово „рядца" едва-ли можно по-польски передать radca, а скорѣе rządca, управляющій, то что владарь, włodarz (villicus) или тивунъ.

[2]) Польскіе переводы изданы въ Вильнѣ 1824 г. (Лелевелемъ, Księgi ustaw polskich i mazowieckich), въ Познани и Парижѣ 1876

му и въ коронной Руси, послѣ введенія здѣсь польскаго права, оказалась потребность перевести польскіе статуты для Русскихъ на русскій языкъ. Статутъ вислицкій переведенъ на русскій языкъ два раза; переводы сдѣланы независимо другъ отъ друга прямо съ латинскаго текста, при чемъ переводчики не знали польскаго перевода и не воспользовались имъ. Первый русскій переводъ статутовъ, вислицкаго и вартскаго [1]), сдѣланъ, по всей вѣроятности, въ промежутокъ 1430—1434 гг., т. е. въ то время, когда польское право провозглашалось обязательнымъ и для коронной Руси, но еще не было введено вполнѣ, когда еще не устроены воеводства русское и подольское, не назначены воеводы и другіе чиновники, а когда еще дѣйствовало „русское право", правда, пропитанное уже многими польскими порядками, и когда русскими землями управляли королевскіе намѣстники—старосты. По крайней мѣрѣ русскій переводчикъ вислицкаго и вартскаго статутовъ не совсѣмъ точно знакомъ со всѣми подробностями польскаго права и государственнаго строя, и переводитъ иногда не совсѣмъ вѣрно. Такъ напр. онъ перевелъ слово colloquium magnum — *соймъ* великій (земскій, однажды тоже правильно: рокъ великій земскій), между тѣмъ какъ слѣдовало перевести великое *вѣче*, какъ перевелъ и польскій переводчикъ (wielkie wiece); польское wiece—наивысшій судъ, а sejm — парламентъ [2]). Русскій перевод-

(по рукописи 1460 г.), и—вмѣстѣ съ латинскимъ текстомъ—Гельцелемъ: Starodawnego prawa polskiego pomniki I (1856 w Warszawie), новымъ правописаніемъ, въ которомъ однако часто затерты особенности древней польщизны.

[1]) Изданы по списку съ новгородской софійской рукописи (о ней срв. Востокова Описаніе рукописей Румянцева, № 430) въ Актахъ западной Россіи I. № 1 и 27. Русскій переводъ короннаго вартскаго статута (1420, 1423 гг.) сдѣланъ, конечно, не для Литвы, какъ полагаетъ Г. Иречекъ (Svod zákonův slovanských, 1880, p. IX, 69), а для коронной Руси. Слова въ скобкахъ ниже, въ выпискахъ, взяты изъ выписки Востокова.

[2]) Русскій переводчикъ, очевидно, уже забылъ о древнерусскомъ „вѣчѣ", о томъ времени, когда — по словамъ галическо-волынскаго лѣтописца—князь Даніилъ созвалъ вѣче, на которомъ присут-

чикъ не счелъ нужнымъ переводить слова palatinus (wojewoda) и castellanus (kastelan, pan) — воевода и кастелянъ, такъ какъ эти должности въ русскихъ земляхъ (еще не воеводствахъ) не существовали; онъ переводитъ эти слова, равнымъ образомъ какъ и capitaneus (starosta),—*староста*, общее названіе королевскихъ намѣстниковъ на Руси; при томъ онъ не могъ избѣгнуть противорѣчій, такъ какъ онъ — говоря о судахъ — называетъ всѣхъ этихъ сановниковъ одинаково старостами; воевода у него скорѣе воевода русскій, помощникъ старосты, подстаростій [1]). Названія: шляхта (шляхтичъ), землянинъ, рыцарь—означаютъ то же самое, что и польскіе ślachta (ślachcic), ziemianin, rycerz (nobilis, terrigena, miles), пользующіеся правомъ рыцарскимъ (jus militare, prawo ślachetne, prawo rycerskie); слово панъ употребляется иногда въ смыслѣ шляхтичъ (nobilis), или вообще какъ владѣлецъ

ствовали его тысячскій, сотскій и отроки; онъ забылъ тоже о тѣхъ временахъ, когда „снимашася снемы, сонмы“ (сходки) князей русскихъ и лядьскихъ, или даже „снемы“ русскихъ и лядьскихъ воевъ; а вислицкое вѣче онъ назвалъ, болѣе по русски, соймомъ. Такъ въ сѣверно-русской лѣтописи разсказывается, что въ 1382 г. „сотвориша вѣче, позвониша во всѣ колоколы и сташа суймомъ народы мятежницы, крамолницы“; въ уставной грамотѣ полоцкой (во второй половинѣ XV в.) постановляется, „абы вси сымались посполу... а безъ бояръ мѣщаномъ и дворяномъ городскимъ и черни соймовъ не надобѣ чинить“. Послѣ 1435 г. въ коронной Руси слова *вѣче* (wiece) и *сеймъ* употребляются въ польскомъ значеніи: вѣче — высшій судъ, напр. въ актахъ саноцкихъ 1438 г. (collocucio generalis alias wiece), галичскихъ 1435, 1471 гг. (convencio magna dominorum alias wiece, colloquium generale alias wiece, magnum judicium alias wiece), переворскихъ 1463 г. (colloquium alias wiece). Сеймъ—сходка, напр. въ актахъ львовскихъ 1442, 1443 гг.: convencio alias sejm (въ Мостискахъ), convencio ubi terre cracoviensis, sandomir. et Russie convencionaliter conveniant alias sejmą się. О словахъ *вѣче* и *снѣмъ* (сонмъ, снемъ, съемъ, сеймъ) см. „Сляване“ I. стр. 162.

[1]) Срв. напр.: judex, palatinus, castellanus, oprawca — sędzia, wojewoda, kastelan albo grodztwa pan, oprawca — судья, староста, воевода, буркграбя, оправца; castellanus cracov., sandomir., lublin. — kastelan (kr., sand., lub.) — староста алюбо воевода, castellania — grodztwo—староста; filia palatini—dziewka wojewodza—дочка старо-

села и кметей (dominus), но обыкновенно въ смыслѣ наивысшихъ сановниковъ, засѣдающихъ вмѣстѣ съ королемъ въ вѣчѣ (barones, паны рады, головные паны),—прежніе кмети, которыхъ польскій переводчикъ назвалъ уже не kmiecie, a rycerze [1]). Въ русскомъ переводѣ нѣтъ и влодыкъ (włodyka — miles, простой шляхтичъ, a ślachcic — miles famosus—знаменитый шляхтичъ), нѣтъ паношей (simplex miles—prosty panosza—простой землянинъ) [2]).

Приведемъ здѣсь выписки изъ этого перевода статутовъ вислицкаго и вартскаго.

Статутъ вислицкій:

О ставленьѣ правъ, коли вси права маютъ быть. Колижъ вси уставленья, законъ и право (права) чинять всимъ рѣчемъ, то хочемъ, штобы (чтобы) тыя (тая) права, што есмы уставили на великомъ соймѣ у Вислици, пріиманы были (была): про тожъ (тоже), коли кого хто на судъ зазоветъ за дѣдичьство (дѣ-

O ustawieniu nowem, a którą moc ima. Gdyż wszystki ustawienia (r. 1460 i 1503: układy) i statuta układają rzeczam a dziejam przydącym nie przeminąłym, chcemy, aby nasza ustawienia (r. 1460 i 1503: układy) wszystka nynie w wiecu wielkiem (r. 1506: na smowie pospolitej) w Wislicy uczyniona nie patrzyli przeminąłych, ale tylko nyniejszych a

---

стина; да въ одной и той же статьѣ переводится capitaneus — староста, palatinus—староста. Въ статутѣ вартскомъ тоже palatinus—староста, а между тѣмъ въ томъ же статутѣ опредѣляется точно кругъ дѣятельности старостъ (capitanei), начальниковъ гродскихъ судовъ. Послѣ 1434 г. не встрѣчается уже такое колебаніе относительно значенія словъ palatinus, castellanus, capitaneus; кругъ дѣятельности этихъ „урядниковъ“ точно опредѣленъ, по примѣру польскому, и въ коронной Руси.

[1]) См. „Славяне“ I. 138.

[2]) Влодыки сохранились въ Польшѣ до XV в. (срв. „Славяне“ I. 135, III. 211). Въ мазовскихъ статутахъ XV в. хорошо отличаются nobilis—ślachcic и miles — włodyka. Мазовскіе статуты были вѣроятно извѣстны тоже въ белзской Руси. Польскій текстъ приводимъ по изданію Лелевеля, по рукописи 1449 г., но нынѣшнимъ правописаніемъ; латинскій—по изд. Гельцеля (своду).

диство) на пѣнези зоставлено (заставлены), а колижъ виноваты не станетъ на року, тогды подводца изыщетъ дѣдичьство (дѣдиство).

przydących rzeczy. A tego dla, gdy kto pozywa do sądu kogo o dziedziną w pieniądzoch zastawioną, a ji do sądu wyzowie, tedy, acz sąpierz na roku zawiłem nie stanie, powod (r. 1460: powod abo jisciec) zyscze mienionej dziedziny pieniądze wżdy sąprzewi wrociwszy.

I. Quum omnes constitutiones et statuta legem imponant rebus et negotiis futuris et non praeteritis, volumus, ut omnes nostrae constitutiones, editae nunc in colloquio generali in Vislicia, non respiciant praeterita, sed tantum modo praesentia et futura. Unde, si quis citat ad judicium aliquem pro hereditate in pecunia obligata, et ipsum ad judicium evocat, extunc, si reus in termino peremptorio non parebit, actor lucrabitur nominatam hereditatem, pecunia reo nihilominus restituta.

Коли хто наганить алюбо наречеть сказанью старосты краковского, имѣетъ ему откладать лупежьми горностайными, а старостѣ судомирскому или любельскому ласицами, судьи краковскому и судомирскому куницами, подсудкомъ лисицами, подкоморыимъ по 6 гривенъ, коморникомъ по 6 шкотъ, судьямъ городнымъ по полугривны каждому, земскому писареви каждому по лисицы.

Kiedy kto nagani abo otzowia skazania pana krakowskiego, co rzeczono jest pospolicie narzeczenie alibo naganienie, łupieże (r. 1460 и 1503: kocz abo torlop) gronostajowe to jest takie kożuchy, ale panu sandomirskiemu a lublinskiemu łasiczne, *a każdemu wojewodzie łasicze*, sądziam krakowskiemu i sandomirskiemu kunie, podsądkom lisie, podkomorzam po 6 grzywien, komornikom tych wszystkich po 6 skot, sądziam kastelańskim alibo pańskim po półgrzywny każdemu, pisarzowi ziemskiemu lupieże lisie.

XCV. Cum aliquis arguit seu provocat sententiam castellani cracoviensis, quod vulgariter dicitur narzecze vel nagani, pel-

les ermelinas, castellanis autem sandomiriensi et lublinensi pelles mustellinas, *cuilibet palatino pelles mustellinas* [1]), judicibus cracoviensi et sandomiriensi pelles mardurinas, subjudicibus pelles vulpinas, subcamerariis per 6 marcas, camerariis istorum omnium per 6 scotos, judicibus castellanorum per mediam marcam, cuilibet notario terrestri pelles vulpinas.

Статутъ вартскій.

Головныи паны земль нашихъ на великыхъ соймѣхъ... сѣдаютъ отъ насъ на судѣхъ, предъ которыминжъ то паны жалобы великыи дѣдичьныи бывали жаловани, а ихъ сказаніе бывало правдиво, какъ бы предъ нашею обличьностью то ся дѣело.

Rycerze ziem naszych w sądziech wiec pospolitych lubo wielgich personą naszą znamionują, przed jimiż rzeczy dziedzinne i jine wiąćsze wodzą się a rosprawiają, a skazania przez nie uczyniona moc mają wiekuistą, jako przed oblicznością naszą sią stała.

XIII. Barones terrarum nostrarum in judicio colloquiorum generalium personam nostram repraesentant, coram quibus causae haereditariae et aliae majores agitantur et tractantur, et sententiae per eosdem latae robur oblinent firmitatis, ac si in praesentia nostra ferrentur.

Мы уставляемъ, которыи члонкы имѣють судить старосты: напервѣй судить о усилство женское, другое о розбои на добровольной дорозѣ, третее о пожогу, четвертое о кгвалты домовыи; а въ иньшихъ жалобѣхъ не имають судить.

Ustawiamy, aby starosty ziem naszych jinszych rzeczy mimo członki niżej popisane nikakie sądzić nie mieli: gwałt albo fatanie dziewic albo niewiast, sbijanie na gościńcu albo na jawnej drodze albo uczyniony gwałt, pożega a ognia wypuszczenie, nagabanie gwałtowne czyjego przebytku; ale jinszych rzeczy mimo ty członki nie mają mieć mocy sądzenia.

---

[1]) Эти слова въ русскомъ переводѣ не находятся. Слово łupież въ значеніи звѣриной шкуры Поляки знали еще въ XVI—XVII вв.; см. словарь Линде.

XVII. Decernimus, quod capitanei terrarum nostrarum non debeant alias causas praeter infrascriptos articulos judicare, videlicet pro violentia feminarum, pro depraedatione stratae publicae, pro incendio et emissione ignis, pro violentia domicilii alicujus invasione; aliarum autem causarum minime judicandi habeant facultatem.

Другой русскій переводъ вислицкаго статута сдѣланъ ок. 1440 г. побужденіемъ Ванка Кирдеевича изъ Квасилова, кастеляна (пана) холмскаго [1]). Этотъ „Ванко Кирдеевичъ, панъ земли холмской, дворенинъ а рыцерь удатный, изъ рады пана короля Володислава“—говоритъ переводчикъ въ предисловіи къ статуту, „о то былъ сталъ, абы тыто книги правъ польскихъ изъ латины были въ часку (? руску) ричь и въ тыхто стронахъ на дальней земли рускіи выложены; онъ о тыито книги праведныи статочне стоялъ, абы ему могли изъ чески (?) изъ латины выложены быть, небо латины чести невмѣше, але литеру руску добре чтяше“. Переводчикъ былъ по всей вѣроятности Чехъ или въ русскомъ переводѣ участвовалъ какой-нибудь Чехъ, и зная по опыту близость языковъ чешскаго, польскаго и западно-русскаго, не могъ пропустить случая, чтобъ не заговорить о близкомъ племенномъ родствѣ Чеховъ и Русскихъ: „далеко суть одъ себе тыито земли, Чехи а Руси за лесы... суть Чехове люди на западе слонця на горахъ, а люди довцепны; мало отъ руского языка оттаргнены... а Русь есть люди близки ричи свы языка ческа подъ усходемъ слонцемъ. Чехове тито великими и успанелыми довцепносцами часы суть своеми воевали, а велики вальки по краль Вятславе а

[1]) Ванко Кирдеевичъ изъ Квасилова, холмскій кастелянъ, упоминается часто въ грамотахъ 1434 — 1470 гг.; по одной грамотѣ 1438 г. видно, что онъ служилъ уже королю Владиславу Ягайлу; въ русской грамотѣ 1470 г. „Ванко Скердѣевич (!) сын Джусин ис Квасилова панъ Холмъскии“ объявляетъ, что онъ продаетъ свою „отчизну и дѣдину“ (11 селъ въ луцкомъ повѣтѣ, въ томъ числѣ и Квасиловъ) князю Семену Васильевичу дѣдичу Збаразскому за „тисяч коп широкихъ грошей ческое монеты.“ (Archiwum książąt Sanguszków I. № 69). Ок. 1500 г. упоминается Кирдей Ванковичъ.

по смерти его и съ цесаремъ Зыгимонтемъ королемъ угорскимъ, и зъ его стороны Немци, Ракушане, Швабы, Дурынки, Харвати, Бавори, Слязане и съ иными многими суть поступовали". Въ предисловіи упоминается „князь Казимиръ а панъ король польска роду", несомнѣнно братъ польскаго короля Владислава III, избранный Чехами гуситами въ чешскіе короли въ 1438 году [1]). Русскій языкъ этого польскаго статута довольно не удаченъ, и переводъ сдѣланъ подъ вліяніемъ языковъ польскаго и чешскаго; только чешскимъ вліяніемъ можно объяснить нѣкоторыя слова русскаго текста, которыхъ Полякъ употребить не могъ; такъ напр. въ предисловіи вышеупомянутыя слова: удатный (чеш. udatný, т. е. храбрый), о то былъ сталъ (o to był stál), статочне стоялъ (statečně stál), ричи (т. е. рѣчью, чеш. řečí), по краль Вятславе (po král Václavě), названія упомянутыхъ народовъ вполнѣ чешскія: Rakušane, Durynkové, Bavoři, Slezané, Charváti, и пр. Такъ и въ самомъ текстѣ статута: дѣти цо летъ немаи (děti co let nemají), седлакъ, прото седлаци въ той вси быдляции (proto sedłáci v té vsi bydlící), разгрешить (rozgřešiti), книжата (knížata), опытати (opytati, optati), посвятный (posvátný), небъ (neb, ибо), окончанія—*емъ*,—*ехъ*, и пр. [2]). Приведемъ изъ этого русскаго перевода вислицкаго статута одну выписку (изъ постановленія архіепископа Ярослава о десятинахъ), вмѣстѣ съ польскимъ переводомъ 1449 г. и съ латинскимъ подлинникомъ:

---

[1]) Это обстоятельство опредѣляетъ ближе время русскаго перевода, т. е. скоро послѣ 1438 г. О симпатіяхъ карпатскихъ Русскихъ къ гуситскимъ Чехамъ см. „Славяне" III. 58.

[2]) Этотъ русскій переводъ вислицкаго статута помѣщенъ въ рукописномъ сборникѣ 1520 г., хранившемся до 1827 г. въ супрасльскомъ монастырѣ. Даниловичъ издалъ изъ этого сборника литовско-русскую лѣтопись: Latopisiec Litwy (w Wilnie 1827); здѣсь на стр. 9 и 325 описанъ супрасльскій сборникъ; срв. тоже статью Даниловича о литовскихъ лѣтописяхъ въ варшавскомъ изданіи хроники Стрыйковскаго 1846, I. 56. Раньше эта рукопись была въ рукахъ Сосновскаго, который напечаталъ изъ вислицкаго статута нѣсколько выдержекъ (Dziennik Wileński 1822, II. 277) со многими ошибками, латинскимъ письмомъ и польскимъ правописаніемъ. Предисловіе см.

Кды жака забиютъ, такежъ кде и ксенза алибо жака посвеценого, былъ бы раненъ а не забитъ, тоготъ мястя костелъ алибо церковь правемъ суть положоны во посвятныхъ обходехъ, а прото въ немъ служба божия неима быти о бозе такъ длуго, ажъ тенъ злосникъ ксензю бискупу поданъ будетъ; а естлижбы тенъ злосникъ не могъ улапанъ быти, тогда тито седлаци имаю присячь, ижъ его влапити немогли, ани таки причины давали, абы втеклъ; тогда бискупъ има костелъ разгрешить зася ку службе божии.

Gdzie żak święcony albo kapłan był by zabit, uranion, ufacon, jąt albo w jątstwie dzirżan, tam cirkiew (r. 1460 и 1503: parrachia, parochia), albo cirekwi, acz jich wiącej jest, prawem albo ot prawa sią zapowiedzany, to jest iż interdykt w nich samem prawem położon, a tego dla w nich urząd służby bożej niema być przez kapłany czynion, ale winowaciec ksiądzu biskupowi bądzie podan, jeu nie bądzie-li być moc ufacon albo jąt, tedy przebywacze tego miasca (r. 1460 и 1503: kmiecie onej wsi albo miasta) przysiągą, jako winowaćca jąć nie mogli ani jemu przyczyny uciecienia dali, zatym biskup albo jego namiastnik włoży zapowiedź lubo interdykt prawem położony, to jest odpuści (1460 и 1503: ma dać rozgrzeszenie) wspiewać i jinszych urząd cirkiewny czynić jako pirzwej, ale wżdy złostnik ten ma być sbiegiem i przez kogokole ufacon może być, ksiądzu biskupowi podan bądź a kląt ma być rozumien, aliż dosyć uczyni.

тоже у Вишневскаго Historya literat. pol. VIII. 442. По словамъ „въ часку ричь“ и „изъ чески изъ латины“—очевидной безсмыслицѣ, происшедшей отъ неумѣнья Сосновскаго читать русское письмо—Бѣлёвскій (Biblioteka Ossolińskich 1864, 182) и I. Иречекъ (Časopis. Česk. Musea 1875, 168) совершенно произвольно говорятъ о „чешскомъ“ переводѣ вислицкаго статута. Нынѣ супрасльскій сборникъ затерянъ; срв. нашу замѣтку въ Трудахъ VI археолог. съѣзда (Одесса 1886,

Praeterea ubi clericus ordinatus, vel presbyter esset occisus, captus, vulneratus vel detentus, illius loci ecclesia vel ecclesiae, si fuerint plures, jure sint interdictae; et ideo in eisdem divinum officium non debet celebrari, quousque malefactor domino episcopo tradatur; qui si comprehendi non poterit, tunc habitatores ejusdem loci praestabunt juramentum, quod malefactorem deprehendere non potuerunt, nec occasionem effugiendi dederunt; extunc ordinarius sollet interdictum a jure statutum; et nihilominus malefactor sit proscriptus, et per quemcunque capi potuerit, domino ordinario tradatur, et omnino excommunicetur.

Русскій переводъ этихъ коронныхъ статутовъ представляетъ наглядно всѣ тѣ перемѣны въ жизни коронной Руси, которыя начались съ половины XIV в., распространялись все больше и наконецъ узаконены коронными статутами, обязывающими съ 1435 г. тоже русскія коронныя земли. Шляхта воеводствъ русскаго и подольскаго дѣлается такимъ же политическимъ факторомъ государственной жизни Польши, какъ и шляхта Польши Малой и Великой и Мазовіи, посылаетъ въ польскій сенатъ своихъ сенаторовъ (епископовъ католическихъ, но не православныхъ, воеводъ, кастеляновъ), и въ избу посольскую своихъ пословъ (депутатовъ). Статуты вислицкій и вартскій не представляютъ еще политическаго устройства Польши въ той полнотѣ, въ какой оно является со второй половины XV в. и въ какой оно опредѣлено статутомъ Ласкаго 1506 г.; поэтому польскій парламентаризмъ не опредѣленъ еще въ тѣхъ двухъ статутахъ, не говорится напр. о сеймахъ и сеймикахъ (какъ назывались эти собранія и по-русски), и словомъ „соймъ" означается наивысшій судъ — вѣче (wiece); кромѣ того переводчикъ вислицкаго и вартскаго статутовъ, имѣя въ виду особенности политическаго и юридическаго устройства коронной Руси, не передаетъ во всей точности обязанностей воеводъ и кастеляновъ. Но въ остальномъ и въ русскомъ текстѣ коронныхъ

I. 307). Замѣтимъ еще, что, переписывая русскій текстъ русскимъ письмомъ съ изданія Сосновскаго, мы, конечно, не ручаемся за его исправность.

статутовъ является все устройство Польши,—польское право, которымъ управлялись паны, шляхта, рыцарство, земляне, со своими урядниками, называемыми по-польски: староста, подсудокъ, подкоморій, оправца, коморникъ, служебникъ, владарь, бургграбя; кмети (рѣдко: селяне) на правѣ польскомъ и нѣмецкомъ, и начальники послѣднихъ—шелтысы; вся юридическая терминологія польская: роки, поводъ и супорь (тоже виноватый), речникъ, злодѣй, мужебойство, вины 15 и 70, паметное, закладъ или отежаніе (ciąża, ciążanie) или дѣцькованіе (dzieckowanie, pignoratio); опекальникъ (opiekadlnik) [1], отчизна (oćczyzna, imienie oćczyzne), материзна (macierzyzna), пустовщина (puśćina, puścizna), и пр. Нѣкоторыя изъ такихъ названій и юридическихъ терминовъ общеславянскія, польскія и русскія, напр. староста, судья, писарь, злодѣй, дѣдичъ, дѣдина и пр., но они приняли на Руси подъ вліяніемъ польскимъ извѣстное значеніе, равнымъ образомъ какъ нѣкоторыя русскія слова и термины приняты и Поляками, жившими на Руси. Такъ напр. русскій переводчикъ статута употребляетъ слово *владарь* (wlodarius, wladarius, włodarz), хотя могъ употребить русское *тивунъ*, извѣстное и въ судебныхъ актахъ XV вѣка (wladarius alias tywon) [2]. Слово *злодѣй* приняло у западныхъ Славянъ болѣе опредѣленное значеніе вора,—древнерусскій *тать*; хотя злодѣй тоже у карпатскихъ Русскихъ стало означать вора, но старинное тать сохранилось въ судебныхъ актахъ—otaćbić (otaćbił alias obwinił złodziejską winą, 1455). *Дѣтскіе (дѣцкіе)* въ смыслѣ молодой служни княжеской и боярской, отроковъ, пасынковъ, были хорошо извѣстны на Руси [3]) и означали позднѣе въ литовской Руси низшихъ судебныхъ чиновниковъ; можетъ быть, что дѣтскіе были и въ Польшѣ, судя по слову dzieckowanie; львовскій dziecki въ актѣ 1446 г. можетъ быть и русскаго

---

[1]) Это слово (латин. tutor) встрѣчается уже въ русской грамотѣ литовскаго князя Семена Лыгвенія 1389 г., изданной въ польскомъ Судомирѣ.

[2]) Обязанности тивуна описаны напр. въ двухъ перемышльскихъ актахъ; см. Akta grodzkie i ziemskie XIII. № 472, 4727.

[3]) См. „Славяне“ I. 136.

происхожденія. Общеславянское *дѣдичъ* (латин. heres) землевладѣлецъ,—собственникъ, господарь, и князь государь; у Русскихъ, кромѣ дѣдича, употреблялось тоже слово *отчичъ;* такъ назывались (дѣдичъ и отчичъ) князья русскіе, московскіе, литовскіе и галичскіе [1]). Это слово сохранилось въ карпатской Руси до XV вѣка, и употреблялось не только въ русскомъ переводѣ вислицкаго статута: отчичи алюбо дѣдичи (латин. heredes, поль. только dziedzicy), а также въ латинскомъ языкѣ судебныхъ актовъ. Дѣдичи или отчичи владѣли своими землями: дѣдинами, отчинами (поль. dziedzina, oćczyzna), имѣніями дѣдичными (imienie oćczyzne), дѣдичьствами или отьчествами, тоже бабинами, или, какъ на Руси позднѣе стали говорить на польскій ладъ, отчизнами, материзнами (macierzyzna), бабизнами (babizna); все это земли дѣдовъ, отцовъ, матерей-бабъ (hereditates, patrimonia, bona paterna, materna — matrimonialia, avalia — avalitates) [2]).

Кромѣ юридическихъ терминовъ въ русскій переводъ вислицкаго и вартскаго статутовъ вошло нѣсколько польскихъ словъ не передѣланныхъ на русскій ладъ, напр. пани, панна, невѣста (т. е.

[1]) Въ галичско-волынской лѣтописи разсказывается, что въ 1190 г. „галичькии мужи срѣтоша Володимера Ярославича, князя своего и дѣдича", а въ 1208 г. галичскіе бояре говорили угорскому королю: „дай намъ отцича Галичю Данила."

[2]) Срв. въ актахъ львовскихъ 1444 г.: heredes alias oczcziczowye et terrigene ab antiquo Rutheni; въ актахъ львов. 1443—1444 г.: bona materna et paterna alias babisna y oczczizna, въ актахъ галичскихъ 1472 г.: porcio matris et avae alias babina; въ актахъ перемышльскихъ 1445 г.: villa patrimonialis alias oczczistwo) и пр. Въ русскихъ грамотахъ второй половины XIV р. и начала XV в.: дѣдичьство, дѣдицтво, дѣдина, дѣдьнина, дѣдинина, вотнина, отчичи—вотчичи. Дѣдинами владѣли не только семьи, а цѣлые роды или *племена.* Слово *отчичъ* было извѣстно и древнимъ Полякамъ: oćcic (отъ ociec, какъ dziedzic отъ dziad), позже ojczyc, ojcowic, это слово означало первоначально несомнѣнно то, что dziedzic, а въ XVI—XVII вв.- сынъ отца, сынъ отечества, но тоже, подъ литовско-русскимъ вліяніемъ, отчичей—подданныхъ (см. словарь Линде). Кажется, что и Чехи знали это слово otčic=dědic: čstní otčici, všie šlechty předci dědici (Alexandreis).

жена), малжонка, хоругвь (chorągiew, т. е. знамя), моць, речь (т. е. вещь), кгвалтъ, члонокъ, скарбъ, броннѣ (bronnie), готовизна (gotowe pieniądze), вымовляти, злюбити (ślubić), ошацовати, воровати ся, частокроть (—kroć), польскія формы именъ Якубъ, Кондратъ, Идій, Индрихъ, и др. [1]). Русскій переводчикъ употребляетъ слова: бискупъ, прелатъ, ксензъ, капланъ, жакъ; ecclesia (католическая) переводитъ: церковь (такъ и польскій переводчикъ: cyrekiew), рѣдко костелъ. Видно, что противуположность обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, польскаго и русскаго, все больше выступала, и латинско-польская церковная терминологія входила въ употребленіе у Русскихъ для католицизма, а греческо-русская у Поляковъ для православія [2]). Въ латинскихъ грамотахъ, относящихся къ карпатской Руси, и въ судебныхъ книгахъ русскихъ земель церковная православная русская терминологія оставляется непереведенною на латинскій языкъ: wladica, роро, batko—baytko, ihumen—humion, и др. [3]).

Въ русскомъ текстѣ польскихъ статутовъ осталось не много древнерусскихъ терминовъ: отчичъ, дѣдичъ, дѣдичьство, племенникъ (членъ племени-рода), дѣцькованье, селяне (изрѣдка подлѣ обыкновеннаго кмети), село (тоже на польскій ладъ: весь), доспѣшный людъ (armata militia, harnaszowa ślachta) и пр. Вообще

---

[1]) Въ статьѣ 96 „о голотахъ" встрѣчается „слуга реченый *уломокъ*", т. е. famulus qui dicitur gołomąka (въ другой рукописи włomek, вѣроятно испорчено вм. gołomek), поль. parobek jiż rzeczon po polsku gołomąka, изд. Гельцеля § 94); въ позднѣйшихъ изданіяхъ famulus dictus gołota aut alias obłomek (Volumina legum I. 36), sługa czyj rzeczony gołota albo inaczéj obłomek (Herburt Stat.).

[2]) Напр., въ русской грамотѣ 1404 оба перемышльскіе епископы, католическій и православный, называются еще бискупы: мы бискупи Мацѣй премыски и Ѳеанасей владыка премыски; въ русской грамотѣ 1415 г.: князь арцибискупъ львовскій по польскому ksiądz arcybiskup; въ русской грамотѣ польскихъ сенаторовъ въ Молдавію 1433 г. духовные сенаторы называются бискупами: іарцибискупъ гнѣзденскии, бискупове краковскии, познанскии, холмскии, влоцлавскии.

[3]) См. выше, стр. 46. О древнепольскихъ словахъ cyrkiew, pop; см. „Славяне" III. 213.

въ русскомъ переводѣ коронныхъ статутовъ сохранилось менѣе слѣдовъ древнерусскихъ словъ и учрежденій, чѣмъ въ русскихъ грамотахъ второй половины XIV в. и начала XV вѣка, или даже въ латинскихъ грамотахъ и актахъ XIV — XV вв., издаваемыхъ въ коронной Руси и для нея.

Русскій переводъ статутовъ вислицкаго и вартскаго, сдѣланный частнымъ образомъ, служилъ только частнымъ потребностямъ карпатской Руси. Со времени введенія польскаго права въ этой Руси употребленіе русскаго языка въ официальныхъ документахъ—явленіе и до того времени довольно рѣдкое — совсѣмъ прекратилось. Во всякомъ случаѣ скоро миновало время, когда можно было сказать о русскихъ панахъ, что они не знали по-латыни, а читали хорошо по-русски; латинскіе статуты коронные сдѣлались болѣе или менѣе понятными и русской шляхтѣ около Перемышля, Холма, Львова и Каменца, равнымъ образомъ какъ и польской шляхтѣ на Руси, въ Польшѣ Малой и Великой, и въ Мазовіи. Въ судахъ и сеймикахъ русская шляхта говорила по-русски или по-польски, подражая своимъ польскимъ собратьямъ; но всѣ судебныя дѣла, приговоры, постановленія записывались на официальномъ языкѣ латинскомъ, тѣмъ болѣе, что урядники (чиновники) были почти все Поляки. То, чтó практиковалось уже въ судахъ еще во время „русскаго права“, т. е. что въ судебныхъ книгахъ въ латинскіе акты примѣшивались польскія слова [1]), происходило потомъ и въ судебныхъ актахъ и другихъ документахъ въ воеводствахъ русскомъ, подольскомъ и белзскомъ. Вся юридическая терминологія была, конечно, латинско-польская (fidejussio, hereditas, memoriale, pignoratio, terminus, dziedzina, ciąża — dzieckowanie, pamiętne, posag), равнымъ образомъ и другія нелатинскія, славянскія слова и цѣлыя фразы, роты (формулы присягъ), попадающіяся въ латинскихъ грамотахъ и актахъ,—польскія, при чемъ объясненіе латинскаго слова польскимъ сопровождается часто словами: alias, vulgariter.

Подобно тому и географическая номенклатура Руси, названія городовъ, селъ, горъ, рѣкъ, урочищъ и пр., передавалась По-

---

[1]) См. выше стр. 83 (объ актахъ саноцкихъ).

лаками, польскими писарями на польскій ладъ, хотя часто сохраняла и подъ руками польскими свою русскую форму. Такимъ образомъ являются формы Przemyśl—Перемышль, Chełm—Холмъ, Gródek — Городокъ, Trębowla (Trzebowla въ XVI в.) — Теребовль, Dziedoszyce—Дѣдошичи, но также русскія формы Halicz, Horodło (Hrodło), Hrubieszów, Podhajce, Hlebowice, Hawryłów, Horysławice, Drewlany, Dublany, Uherce, Horodnyca, или двойныя формы: Dołhe—Dłuhe — Długie, Werbeża—Werbiąż, Czestin — Częstin, Dubrowlany — Dąbrowiany, Czortoryje—Czartoryje, Tołstobaby—Tłustobaby, Bortniki — Bartniki, Połowce—Płowce, Hruszowice — Gruszowice, Kniaża Dąbrowa, и пр. Польскія формы многихъ названій урочищъ въ русскихъ имѣніяхъ объясняются тоже присутствіемъ въ этихъ земляхъ польскаго населенія [1]), которое могло употреблять такія польскія названія, напр. Trzy Dęby, Długi Potok, rzeka, błoto, рядомъ съ русскими: Tatowy Czerteży, ustie (русское устье)—uście, wirchowiny—wirzchowiny, połoniny — płoniny [2]), и пр. Но съ другой стороны такія польскія формы географическихъ названій въ русскихъ земляхъ являются просто какъ результатъ польскаго происхожденія писцовъ, которые русскія названія часто писали на свой польскій ладъ. Равнымъ образомъ и Русскіе произносили и писали на свой ладъ Судомирь (Sandomierz), Лучица (и Ланчица, Lancicia — Łęczyca) и др.; даже въ русскихъ актахъ Поляковъ встѣчаются такія русскія формы польскихъ именъ и названій, напр. Судивой (Sandiwoj — Sędziwoj), Мужикъ з Дубровы (Mężyk z Dąbrowy), Заруба (Zaręba), Судомирь (Sandomierz), Брѣсть((Brześć), Межирѣчье (Międzyrzecze),

---

[1]) Селенія Ляшки, Ляцкое и др. въ русской Галиціи, давно уже русскія, были сначала дѣйствительно „лядьскія". Срв. Як. Головацкаго Карпатская Русь (Ж. М. Н. П. 1875, кн. 179, стр. 365), повторено тоже въ I т. его сборника пѣсенъ галицкой и угорской Руси.

[2]) Длугошъ пишетъ: montes et silvae provinciarum Russiae, qui połoniny nuncupantur; писари судебныхъ актовъ пишуть часто płoniny. Русское полонина = югослав. планина. Срв. Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, изд. Я. Головацкимъ, I. 577.

Ляда (Lęda), рядомъ съ польскими формами Влодиславъ, Марцинъ, Войцехъ, Ланчица, Влоцлавь и пр. [1]). Обрусеніе и ополяченіе коснулось даже именъ лицъ; такъ напр. Полякъ Иво изъ Обыхова, староста русскій (въ началѣ XV в.), называется въ грамотахъ русскихъ и польскихъ по-русски Иванъ (Iwo alias Iwan), галичскій воевода Zaludz (1435—1436, т. е. Жалудь) называется обыкновенно Zołądz (Żołądz), сынъ пана Ходка Головенчича (Hołowienczycz) называется Jacko Głowienczycz, и пр.

Писари латинскихъ актовъ и документовъ на Руси—какъ Поляки—употребляли польскія формы географическихъ названій и примѣшивали и польскія слова и фразы; но случалось тоже, что писарь, живя долго на Руси, привыкши къ тамошнему русскому нарѣчію, слыша его и передъ судомъ, иногда помимо воли поддавался ему, и употреблялъ изрѣдка и русскія слова и формы. Нѣкоторыя исключительно русскія названія разныхъ русскихъ учрежденій оставались и въ латинскихъ (позже и въ польскихъ) актахъ, напр. władyka, pop, dyak и вся русская церковная терминологія, далѣе bojari, homines kalanny, setny—sotny, ciągły (тяглый), ordyniec, wojewoda (русскій), setski—sotski, dziecki, tywon, krajnik, kniaz, wataman, zbor, kunica—kuniczne, prazniczne, pojemszczyzna, и пр. Кромѣ того изрѣдка попадаются въ латинскихъ актахъ русскія слова и формы случайно вмѣсто польскихъ, напр. sudza (судья, поль. sandza—sędzia), pokoru (обыкновенно pokorą—humiliacionem), słuha, boho (въ польской присяжной ротѣ вмѣсто bog), grossi prahenses (pragenses), otaćbić (тать), oćczyc (отчичъ), tretina, czetwertnia, kniaz (староста села по волошскому праву), но также на польскій ладъ knedz, kniadz, kniądz, ksiądz—ksią-

---

[1]) Срв. русскую грамоту польскихъ сенаторовъ 1433 г. молдавскому воеводѣ Стефану (Улянищкій: Матеріалы, 37). Въ этой грамотѣ встрѣчается тоже польское слово *столечники* (въ переводѣ статута вислицкаго 1460 г. stolnik, 1503: stolecznik), т. е. сановники, пользующіеся правомъ сидѣть на стульяхъ (stoł, stolec, stolica, krzesło). Это слово перешло тоже въ западно-русскій языкъ, въ одну библію XVI в. „столечником и бояром земьским“, польск. starostowie i książęta (Владиміровъ о Скоринѣ, 240).

stwo, и пр. [1]). Этому вліянію языка русскаго на польскій поддавались болѣе или менѣе не только писари актовъ и документовъ, но также другіе Поляки, жившіе между Русскими. Такъ напр. въ одной латинско-польской рукописи ок. 1462 — 1468 г., списанной во Львовѣ доминиканцемъ происхожденія польскаго или русскаго, встрѣчаются изрѣдка такія формы: światu wiarą, łaju, maju (вмѣсто mają), koryści (вм. korzyści), recz (вм. rzecz), wyrzeczonogo (вм.—ego, по русскому—oho) [2]).

Со времени введенія польскаго права въ коронной Руси русскій языкъ, употребляемый и до тѣхъ поръ довольно рѣдко, исчезъ изъ публичной жизни и совсѣмъ уступилъ мѣсто языку латинскому, а позже польскому. Польскіе короли писали на Русь по латыни, и только очень рѣдко и по-русски, какъ напр. король Сигизмундъ I (1535) перемышльскому епископу Лаврентію и пану Рагозинскому. Въ рядахъ русской шляхты карпатской Руси ихъ родной языкъ или скорѣе знаніе его письма приходило мало-по-малу въ забвеніе; она, хотя и говорила еще долго послѣ принятія католицизма на своемъ языкѣ, въ судахъ, сеймикахъ, вѣчахъ и въ частной жизни [3]), все-таки признавала офиціальный латинскій языкъ. Поэтому уже въ первой половинѣ XV в., особенно послѣ водворенія польскаго права, оказалась необходимость переводить русскія грамоты на офиціальный языкъ латинскій, а позже и польскій; такія русскія грамоты предъявляли Быбельскіе, Мальчицкіе, Свистельницкіе, Дѣдошицкіе, Замостьскіе, Шептицкіе, епископы

---

[1]) Если въ судебныхъ книгахъ коронной Руси XV в. встрѣчается форма wnuk рядомъ съ wnąk, то и первая форма (безъ носового звука)—польская; обѣ формы встрѣчаются тоже въ краковскихъ судебныхъ книгахъ XV в. (wnank, wnuk). Срв. „Славяне“ III. 202.

[2]) Sprawozdania komisyi językowéj akademii I. 21.

[3]) Любопытный примѣръ русской рѣчи въ судахъ записанъ въ актахъ львовскихъ 1446 г., о чемъ срв. выше, стр. 67. Русскіе земяне Лопатичи Чеперовскіе, въ числѣ свидѣтелей своихъ правъ отчичей на отчину, приводили тоже „шляхтичей Ляховъ“—причемъ они подразумѣвали нѣсколькихъ окатоличившихся русскихъ земянъ; а гродскій писарь написалъ въ латинскомъ актѣ необыкновенное слово „nobiles Lachos“—вмѣсто Polonos, christianos (т. е. catholicos).

перемышльскій и львовскій, и другіе шляхтичи и священники, часто съ просьбою перевести ихъ на языкъ латинскій [1]). Въ числѣ такихъ грамотъ нерѣдко предъявлялись тоже грамоты подложныя, напр. князя Льва Даниловича. Русскія грамоты и ихъ переводы, латинскіе и польскіе, записывались тоже въ коронной метрикѣ и въ судебныхъ книгахъ XVI—XVII вѣковъ въ русскомъ подлинникѣ или въ польско-латинской транскрипціи. Въ польскихъ, иногда и въ латинскихъ переводахъ, сохранялись нѣкоторыя русскія слова, не говоря уже о церковной терминологіи (władyka, pop, cerkiew и пр.), напр. kniaz, wojewoda (русскій), carz, samodzierżec, horodyszcze, hramota — ramota, kuna, и др. [2]). Польскіе переводы оказались нужными по мѣрѣ водворенія польскаго языка, какъ офиціальнаго, и его распространенія и употребленія среди русской шляхты въ воеводствахъ коронной Руси; даже протесты православныхъ Русскихъ противъ притѣсненій львовскихъ православныхъ изъ народа русскаго Поляками „posłuszeństwa papieskiego“ записаны въ львовскихъ гродскихъ книгахъ (1592, 1595) по-польски. Также въ дѣлахъ русскихъ кметей по волошскому праву уже рано сталъ употребляться польскій языкъ, какъ видно напр. по польскимъ письмамъ сельскихъ „князей“ 1544 и 1558 гг. [3]). Март. Кромеръ, въ описаніи Польши

---

[1]) Такъ напр. въ 1530 г. львовскій земянинъ I. Мальчицкій предъявилъ русскую грамоту 1407 г. королю Сигизмунду, съ просьбою „illud privilegium suum de ruthenico idiomate in latinum transferri et innovari“.

[2]) См. въ Aktach grodzkich i ziemskich I. № 4, 5, 60; III. № 84, 87, V. № 27, VI. № 12, VII. № 26, въ метрикѣ коронной кн. 77, стр. 166, у Поцѣя O dziesięcinach na Rusi 21, Dodatek do Gazety lwowskiéj 1853, № 12, и др. Составляя подложныя русскія грамоты будто-бы XIII—XIV вв., авторы употребляютъ ополяченный русскій языкъ XVI в.: кроль, царь и царъ самодръжецъ, метрополитъ, православной вѣры, грецкой (а не греческой), земълямь, прѣмыскый и др.; они знаютъ и „бояръ“ въ древнерусскомъ значеніи, хотя въ XVI в. „бояре“ Руси Червоной и подольской уже не означали земянъ—шляхты. См. выше, стр. 62.

[3]) Supplementum ad hist. Russiae monumenta, 151, A. Stadnicki: O wsiach wołoskich, 47 (первая намъ извѣстная запись на поль-

1573 г., замѣчаетъ, что въ коронной Руси, особенно на югѣ, употребляется почти больше нарѣчіе польское, чѣмъ русское, такъ какъ со временъ польскаго господства на Руси Поляки охотно тамъ поселялись вслѣдствіе плодородной почвы и борьбы противъ Татаръ [1]).

Русскій языкъ употреблялся съ XVI вѣка рѣдко, преимущественно въ дѣлахъ церковныхъ, православною русскою шляхтою, мѣщанствомъ, духовенствомъ. Такъ напр. въ началѣ XVII в. панъ Иванъ Клюшъ записался въ книгу церковнаго братства львовскаго по-русски (1600), паны Адамъ и Александръ Балабаны, основывая и жалуя одинъ монастырь, употребили въ своихъ грамотахъ, первый — русскій языкъ (1612), а второй — польскій (1629). На польской грамотѣ объ избраніи львовскаго владыки (1641) православные духовные подписались по большей части еще по-русски, а нѣкоторые по-польски; изъ присутствовавшей православной шляхты изъ воеводствъ русскаго и подольскаго большинство (81) подписалось уже по польски (Jerzy Zamojski, Jerzy Bałaban, Prokop Tysarowski, Andrzej Czołhański, Theodor Winnicki, Stefan Szumlański, Eliasz Swistelnicki, Bazyli Rozniatowski, Alexander Balicki, Wasko Jaworski, Roman Popiel, Gabriel Kulczycki, Jordan Dobrański, Jan Przedymirski, Fedor Żurakowski, и др.), и только меньшинство (30) еще по-русски (Юрій Рознятовскій, Өеодоръ Балицкій, Павелъ Предимирскій, Миколай Яворскій, Иванъ Попель, Федоръ Кулчицкій, Иванъ Добрянскій, и др.). И русское письмо дѣлалось среди русской шляхты менѣе обычнымъ, чѣмъ польско-латинское; поэтому и тѣ Русскіе, которые употребляли еще свой родной русскій языкъ, иногда стали его писать письмомъ польско-латинскимъ; такъ напр. на одной церковной книгѣ написалъ (1686) Andrey Żurakowski woyski zemski Halicki: Syia knyha kuplena ot

---

скомъ языкѣ 1544 г. въ гродскихъ книгахъ перемышльскихъ), Dodatek do Gazety lwow. 1853, № 17.

[1]) Polonia sive de situ, populis, moribus et republica regni polonici (Coloniae 1578, p. 46).

mene mnohohriszпoho do seła Turi do chramu Preswiatoy Bohorodycy, aby precz neodbyrana proszu [1]).

Русскій языкъ, уступая въ коронной Руси латинскому, а позднѣе польскому, сохранился дольше въ сношеніяхъ Польши и карпатской Руси съ сосѣднимъ молдавскимъ княжествомъ. Земля по рѣкамъ Пруту и Днѣстру до устьевъ Дуная издавна заселена была тоже русскими племенами, которыя находились въ постоянныхъ сношеніяхъ и въ зависимости отъ галичской Руси; еще въ началѣ XII в.—по словамъ русскаго лѣтописца —жили русскіе Тиверцы въ своихъ городахъ по Днѣстру до устьевъ Дуная и до Чернаго моря въ „Великой Скиѳіи", а въ концѣ этого вѣка пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ" восхваляетъ галичскаго князя Ярослава Осмомысла, что онъ „подперъ горы угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви (угорскому) путь, затворивъ Дунаю ворота, суды рядя до Дуная". Русское населеніе сохранилось въ этихъ земляхъ до позднѣйшихъ временъ, когда здѣсь распространились Волохи (Румуны) и основали княжество молдавское—съ устройствомъ и культурою славянскою, именно русскою [2]). Въ православной церкви молдавской, равнымъ образомъ какъ и волошской, и между Волохами въ Угріи и Семиградіи, употреблялся словѣнскій языкъ болгарскаго извода, а этотъ изводъ распространился тоже въ карпатскую Русь и въ первыя старопечатныя книги словѣнскія, изданныя въ Краковѣ [3]). Молдавскіе воеводы или господари, жупаны-сановники, бояре были ревностные поборники православія, которое поддерживали и на Руси и въ болгарскихъ странахъ до Охриды и до Св. Горы Аѳонской;

---

[1]) См. Сводная галицко-русская лѣтопись 1600—1772 гг.

[2]) О сношеніяхъ Русскихъ и Волоховъ см. въ статьѣ Я. Головацкаго: Карпатская Русь (Ж. М. Н. П. 1875, кн. 179); срв. тоже A. Jabłonowski: Sprawy wołoskie za Jagiellonów (Źródła dziejowe X, Warszawa 1878). Разные русскіе акты Молдавіи см. въ сборникахъ: Акты западной Россіи, Акты южной и западной Россіи, Памятники дипломат. языка русскаго въ древнемъ галицко-володимирскомъ княжествѣ, Akta grodzkie i ziemskie, въ сборникахъ Хаждеу, Яблоновскаго, Уляницкаго и др.

[3]) См. „Славяне" II. 550, 559, 572.

они писали по словѣнско-болгарски, а въ сношеніяхъ съ Русью польскою, литовскою и московскою—по-русски; на русскомъ языкѣ писали имъ тоже изъ королевской канцеляріи польской, нѣкоторые пограничные паны польскіе (напр. Бучацкіе), хотя обыкновенный дипломатическій языкъ между Польшею и Молдавіею былъ языкъ латинскій. Молдавскіе господари признали во второй половинѣ XIV в. верховное владычество польскихъ королей, но не всегда его признавали, а часто оспаривали. Это вело къ частымъ войнамъ между Польшею и Молдавіею, такъ что „Волохъ" (молдавскій) считался такимъ же врагомъ Польши, какъ и Турокъ, Татаринъ, Москаль; оно и понятно, если принять во вниманіе, что молдавскіе воеводы, повелители православныхъ Волоховъ и Русскихъ, восприняли отъ князей карпатскихъ Русскихъ роль поборниковъ православія противъ наступательнаго движенія католическо-польскаго элемента; они, дѣйствительно, долго останавливали стремленіе на русскій востокъ католическихъ Поляковъ, которые, завладѣвши карпатскою Русью, все стремились дальше на юговостокъ, къ устьямъ Дуная и къ Черному морю и старались и здѣсь насаждать свою культуру. Это имъ хоть отчасти удалось. Скоро дипломатическій русскій языкъ между Молдавіею и Польшею уступилъ мѣсто латинскому; а съ первой половины XVI в. входитъ въ употребленіе и языкъ польскій [1]). Въ государственный строй Молдавскаго воеводства входятъ въ употребленіе тоже нѣкоторые польскіе порядки и названія, напр. панъ, панове рада, староста, пръколабъ (бургграфъ) и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ и католическая пропаганда стремилась въ Молдавію, хотя съ небольшимъ успѣхомъ [2]). По мѣрѣ повсемѣстнаго ополяченія шляхты

---

[1]) Срв. напр. польскіе договоры между королемъ Сигизмундомъ I и воеводою молдавскимъ Стефаномъ 1519 и 1527 гг. (Acta Tomiciana V. 90, IX. 172).

[2]) Въ 1571 г. удалось обратить въ католицизмъ около двухъ тысячъ угорскихъ гуситовъ (Ungari, qui prius sequebantur haeresim Joannis Hus) Молдавіи, гдѣ гуситство распространялось уже ок. 1430 года (срв. Codex epistolaris saec. XV, t. II. 254, 290, и „Славяне" III. 94); см. о томъ письмо секретаря каменецкаго епископа папскому нунцію въ Польшѣ (Theiner, Vetera Monumenta Poloniae II. p. 762).

и мѣщанства въ коронной Руси польскій языкъ входилъ въ употребленіе все чаще и въ сношенія молдавскихъ воеводъ съ православными русскими „бургарами (бръгарами)“, Львовянами, съ ставропигійскимъ братствомъ; уже во второй половинѣ XVI в. и особенно въ XVII в. молдавскіе воеводы употребляютъ въ этихъ сношеніяхъ польскій языкъ, и на такомъ же языкѣ пишутъ воеводамъ и Львовяне, именно съ XVII вѣка [1]).

Со временъ польскаго господства въ карпатской Руси измѣнился характеръ древнихъ *городовъ*, которыхъ было здѣсь много: Санокъ, Перемышль, Ярославль, Галичъ, Львовъ, Звенигородъ, Теребовль, Коломыя, Белзъ, Холмъ, а въ волынской Руси Володимирь, Луцкъ и др. Въ этихъ русскихъ городахъ уже давно поселялись — на болѣе или менѣе продолжительное время — иностранцы, именно гости (купцы): Нѣмцы, Ляхи, Чехи, Угры, Татары, Жиды и др.; въ Холмѣ въ XIII в. поселились не только Русскіе, а также Нѣмцы, Ляхи и другіе „иноязычники“; такъ и въ Володимирѣ—Нѣмцы; и во Львовѣ рядомъ съ Русскими жили тоже Жиды, Татары, Армяне, Нѣмцы и др. Но всѣ эти иноплеменники въ городахъ югозападной Руси не исключались изъ-подъ общаго русскаго права; въ русскихъ городахъ не образовались особыя общины иноплеменниковъ, какъ это было въ сосѣдней Польшѣ. Здѣсь въ XIII в. на мѣстѣ древнихъ славянскихъ городовъ возникали особыя нѣмецкія *мѣста*, а вмѣстѣ съ ними и нѣмецкія села; жители мѣстъ, *мѣщане* или *мѣстичи*, и жители новыхъ или вновь устраиваемыхъ селъ (всей) управлялись своимъ особымъ нѣмецкимъ правомъ, въ противуположность земскому польскому праву, съ своими избираемыми бурмистрами и радцами, войтами, шолтысами (шелтысами) и лавниками и пр. [2]). Всѣ эти перемѣны въ общественномъ и государственномъ строѣ Польши были, конечно, хорошо извѣстны и въ галичской и волынской Руси; здѣсь точно умѣли отличать, какъ напр. и въ Краковѣ, старый

---

[1]) Срв. разныя грамоты (русскія и польскія) въ юбилейномъ изданіи въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго ставропигійскаго братства (Львовъ 1886).

[2]) Срв. „Славяне“ I. 125.

„городъ“ (grod, zamek) и „горожанъ“, и новое „мѣсто“ и „мѣстичей“; да жители города Володимиря, Русскіе и Нѣмцы, назывались тоже „мѣстичами“, хотя эти володимирскіе „мѣстичи“ вовсе не были то-же, что краковскіе „мѣстичи“, а просто старые горожане [1]). Въ русскихъ городахъ были тысячскіе или воеводы — давно уже намѣстники княжіе, а не народомъ выбираемые старшины и сотскіе [2]).

Водвореніе польскаго господства въ Руси Червоной и белзской открыло путь и нѣмецкому праву въ города и села. Русскіе города измѣнялись въ „мѣста“, въ такія же общины мѣщанъ, управлявшихся правомъ нѣмецкимъ, магдебургскимъ, которое вводилось вмѣсто права русскаго (consuetudines ruthenicales, jus ruthenicum) или права польскаго, и привилось съ польскимъ господствомъ среди польскаго ихъ населенія [3]). Подобно тому какъ въ Польшѣ въ городахъ водворился сильный элементъ нѣмецкій, и въ карпатской Руси города принимали другой характеръ, наполняясь Нѣмцами [4]).

Нѣмецкое право пожаловано потомъ королемъ Казимиромъ и его преемниками городамъ Львову (Lamburg, Lemburg, Lemberg, 1356), Саноку [5]), Перемышлю, Ярославлю, Теребовли, До-

---

1) Срв. галичско-волынскую лѣтопись, по изд. археограф. коммисіи, 596, 614.

2) Срв. „Славяне“ I. 115.

3) Въ привилегіяхъ городамъ на нѣмецкое право все говорится объ уничтоженіи въ нихъ права русскаго и польскаго обыкновенно безъ болѣе точнаго ихъ опредѣленія; только изрѣдка встрѣчаются нѣкоторыя ихъ подробности, напр. въ привилегіи г. Тышовцамъ (1453), гдѣ между прочимъ уничтожается подать odumarszczyzna, основывающаяся на „правѣ русскомъ“. Эта odumarszczyzna встрѣчается часто въ актахъ карпатской Руси XV вѣка.

4) Любопытно, что Владиславъ Опольскій вызывалъ (1387) жителей Червоной Руси къ войнѣ съ королевою Ядвигою нѣмецкимъ манифестомъ—alle landleuten und stätten in Reussen. (A. g. z. III № 39).

5) По грамотѣ галичско-волынскаго князя Болеслава-Юрія 1339 г. (Codex. diplomat. Poloniae III. 197) Саноку пожаловано уже тогда нѣмецкое право, которымъ должны были пользоваться всѣ его жители Нѣмцы, Поляки, Угры, Русскіе. Эта грамота упоминается

рогобычу, Холму, Красному Ставу, Белзу, Бужску, Туробину, Городлу, Каменцу, Смотричу, Лятичеву и др.; позднѣе, въ XVI—XVII вв., вновь основываемымъ городамъ Бару, Тернополю, Бережанамъ, Бродамъ, Жолкви, Замостью, Станиславову, Фирлеёву и др. [1]). Въ этихъ городахъ селились Нѣмцы, Поляки, Русскіе, Армяне, Жиды и др., составляя тоже особыя общества церковныя: католическое господствующее, православное, армянское, жидовское; православные Греки, Волохи, Сербы примыкали къ своимъ русскимъ единовѣрцамъ.

Русскимъ и другимъ жителямъ городовъ предоставлялось пользоваться правомъ нѣмецкимъ, магдебургскимъ или ихъ стариннымъ правомъ. Въ Коломыѣ встрѣчается въ концѣ XIV в. русскій войтъ. Въ Каменцѣ подольскомъ съ XV в. были общины польская или лядьская (Lechitae), русская и армянская, со своими войтами, лядьскимъ, русскимъ и армянскимъ, радцами (consules ritus polonici, consules ritus rutenici), и пр. [2]). Городъ Баръ

въ XV в. (1439) въ саноцкихъ судебныхъ книгахъ (Akta grodzkie i ziem. XI, p. 161).

[1]) О Львовѣ см. Zubrzycki: Kronika miasta Lwowa (1844), Шараневичъ: Стародавный Львовъ 1250—1350 (1861), Rasp: Beiträge zur Geschichte der Stadt Lemberg (Archiv für österreich. Geschichte, Bd. 43), Łoziński: Lwów starożytny (1889—1890, 2 t.), Czołowski: Lwów za ruskich czasów (Kwartalnik histor. 1891). О Каменцѣ и о другихъ подольскихъ городахъ см. вышеупомянутыя люстраціи подольскихъ староствъ, статьи Яблоновскаго и Молчановскаго, Przezdziecki: Podole, Wołyń, Ukraina (1841), Rolle: Zameczki podolskie na kresach multańskich (1880). Вообще срв. Baliński i Lipiński: Starożytna Polska; Szajnocha: Zdobycze pługa polskiego (Dzieła II. 327); Tatomir: Geografja ziem dawnéj Polski (1868, p. 186), и др. Много документовъ см. въ сборникѣ Akta grodzkie i ziemskie.

[2]) Въ люстраціи каменецкаго староства 1565 г. (Архивъ юго-западной Россіи VII. 2. стр. 165) говорится: „Miasto Kamieniec ma w sobie trojaki naród ludzki, trojaki obyczaj prawa: Polacy autoritate praeeminent, a sądzą się prawem maydemburskim, Ruś prawem i zwyczajem ruskim sądzą się i wojta swego mają, Ormianie—obyczajem armeńskim i wojta też swego mają“. Въ Каменцѣ тогда были pisarz grodzki i pisarz ruski (Źródła dziejowe XIX. 216).

раздѣлялся тоже на три части, лядьскую, русскую и черемисскую (Черемисы — Татары); такъ и городъ Могилевъ на Днѣстрѣ состоялъ изъ общинъ польской, русской (съ Греками, Волохами, Сербами), армянской. Такъ какъ съ XV и особенно съ XVI в. Нѣмцы католики сливались съ господствующимъ народомъ польскимъ, то Поляки скоро пріобрѣли и въ городахъ перевѣсъ и господство, и такимъ образомъ придали имъ польскій характеръ. Во львовскихъ городскихъ книгахъ XV — XVI вв. записано, что Нѣмцы мало-по-малу превращались въ Поляковъ (Germani in Polonis sensim mutati), и наконецъ сдѣлались, вмѣстѣ со многими Русскими,—Поляками (Russorum magna pars, antiqui Germani: omnes in Polonos transierunt). Польскій элементъ восторжествовалъ и въ городахъ коронной Руси; польскій языкъ сдѣлался господствующимъ, официіальнымъ, равнымъ образомъ какъ и нѣмецкое магдебургское право въ польской одеждѣ [1]).

При вѣроисповѣдной исключительности и нетерпимости среднихъ и новыхъ вѣковъ мудрено было установить въ городахъ болѣе сносный способъ общежитія между католиками Поляками (и другими народностями, примкнувшими къ Полякамъ) и православною Русью. Польскіе католическіе короли, паны и шляхта, епископы, священники, монахи относились съ надменною спѣсью къ русскому православію или „схизмѣ", къ „русской сектѣ", къ ея служителямъ „владыкамъ", „попамъ", „батькамъ", „игуменамъ", „чернцамъ", къ ея „церквамъ — синагогамъ", „монастырямъ", и только и твердили, въ Польшѣ и на Руси, что главная цѣль польскаго захвата Руси — уничтоженіе здѣсь „схизмы" и торжество католицизма [2]). Отъ своихъ пановъ и епископовъ не

---

[1]) Срв. „Славяне" Ш. 11 — 12. Съ магдебургскимъ правомъ перешли и на Русь всѣ его варварскія казни, и мѣстскія власти пріобрѣтали „facultatem seu potestatem secundum jus maydeburgense decolandi, rotandi, mutilandi pedes, manus, aures, linguas, prout jus decernet"—какъ замѣчаетъ панъ Андрей Тарло въ привилегіи, данной на это право городу—мѣсту Хырову (1538).

[2]) См. выше, стр. 13, 21. Еще въ концѣ XVI в. (1596) львовскій архіепископъ Іоаннъ Соликовскій заявляетъ, что онъ всегда желалъ въ своей епархіи торжества католицизма „in media turba haeretico-

отставали и католическіе мѣщане, нѣмецкіе и польскіе, и, если ужъ не могли удалить „схизматиковъ“ изъ ихъ древнихъ городовъ, то давали имъ во всемъ чувствовать преимущество своего „христіанства“, т. е. католической, „лядьской“ вѣры передъ ихъ „русскою“ вѣрою [1]). При такой вѣроисповѣдной нетерпимости и ненависти трудно было предполагать, чтобы католическіе мѣщане безропотно терпѣли въ своей средѣ православныхъ. Дѣйствительно, если уже общежитіе „христіанъ“ (католиковъ) и „схизматиковъ“ оказывалось, по разнымъ экономическимъ соображеніямъ, необходимымъ, то первые относились ко вторымъ болѣе или менѣе враждебно, стараясь исключать ихъ изъ городского представительства, изъ цеховъ и вообще всевозможно имъ вредить и солить. Это враждебное настроеніе католическаго большинства въ городахъ противъ православнаго меньшинства усиливалось вмѣстѣ съ усиленіемъ польскаго элемента, въ которомъ исчезъ элементъ нѣмецкій, и со временъ провозглашенія уніи одной части русской церкви съ Римомъ; вражда „Ляховъ“ къ „Руси схизматической, дисунитской“ не осталась на одной почвѣ вѣроисповѣдной, а очутилась тоже на почвѣ національной.

Въ столицѣ Червоной Руси, въ городѣ Львовѣ, послѣ его обращенія въ нѣмецкое „мѣсто“ Lamburg—Lemberg, сначала новый элементъ нѣмецкій относился къ старому населенію русскому довольно хорошо, и въ XIV—XV вв. даже въ числѣ мѣстскихъ радцевъ попадаются тоже Русскіе (Ruthenus, Reusse) [2]).

---

rum et schismaticorum aliorumque infidelium“, въ чемъ ему помогутъ водворенные во Львовѣ іезуиты.

[1]) Въ уставѣ львовскихъ мѣховщиковъ (1470) постановлено тоже, что „die Reussen zu unsir kristenlichen beigruft (похороны), und die zeche zu erer reusseschen beigruft, nisnichten haben sullen. Auch sall man keinen Reussen, weder keinen unkristen zu zechmeister kysen“. Въ польскомъ уставѣ (1557) выражаются уже иначе: na pogrzebach polskich i ruskich... na cechmistrzostwo żaden inszy tylko z rzymskiéj religiej nie ma być. Срв. Akta grodzkie i ziemskie VI. № 97, Dodatek do Gazety lwow. 1861, № 22.

[2]) Въ числѣ львовскихъ мѣщанъ Русскихъ въ первой половинѣ XV в. часто упоминается радца и лавникъ Johannes (Januszko) Tolmacz, J. dictus interpres.

Съ начала XVI в. однако католическіе мѣщане выступали все болѣе противъ православной Руси, не выбирали ихъ въ мѣстное представительство, не признавали ихъ свидѣтельства въ судѣ, заставляли ихъ присягать не въ ихъ церкви, а въ церкви католической или въ ратушѣ, мѣшали имъ въ отправленіи ихъ обрядовъ. Король Сугизмундъ I защитилъ львовскихъ православныхъ противъ такихъ враждебныхъ дѣйствій львовскихъ католиковъ (1521), но вскорѣ послѣ того (1525) самъ поступилъ по примѣру послѣднихъ и запретилъ имъ покупать дома внѣ ихъ „русской" улицы, вступать въ цехи, въ которые они и раньше не допускались, и вообще одобрилъ разныя притѣсненія, практиковавшіяся съ цѣлью повредить ихъ матеріальнымъ интересамъ и религіознымъ чувствамъ. Этою грамотою короля Сигизмунда прикрывалось всегда католическое польское большинство городского представительства, когда русскіе мѣщане жаловались на разныя стѣсненія и требовали ихъ уничтоженія [1]). Отправленіе православныхъ обрядовъ въ публичныхъ мѣстахъ часто возбуждало неудовольствіе католиковъ; напр. похороны Русскихъ не смѣли отправляться торжественно черезъ весь городъ, такъ какъ такіе обряды ненавистныхъ „схизматиковъ" производили соблазнъ и вызывали негодованіе католиковъ [2]). Даже въ тѣхъ цехахъ, въ которые допускались Русскіе, пришлось имъ терпѣть разныя притѣсненія со стороны католическихъ членовъ цеха. Цехи котельниковъ и суконщиковъ исключали схизматиковъ (1616), мѣховщики допускали и Русскихъ, но только въ члены, а не въ начальники (цехмистры), которыми должны были быть только католики (1470, 1557). Львовскіе сапожники, раздѣлявшіеся на два цеха, польскій и русскій, сочли потомъ (1635) болѣе удобнымъ соединиться въ одинъ цехъ

---

[1]) Срв. напр. Lustracya starostwa lwowskiego r. 1570, wyd. Heck, p. 35 (Stryj 1890).

[2]) Срв. напр. любопытную жалобу львовскихъ католиковъ по поводу русскихъ похоронъ (1623 г.), приговоръ львовскаго войта I. В. Зиморовича (1659 г.) въ спорѣ двухъ бабъ, польской и русской, о колоколахъ, и пр. (Сводная галицко-русская лѣтопись, 277, 315). Зиморовичъ въ хроникѣ Львова назвалъ „kondaki" и „tropari"—прислугою митрополита (Zubrzycki: Kronika m. Lwowa, 271).

съ двумя цехмистрами, польскимъ и русскимъ; но не смотря на это соглашеніе, между безпокойными львовскими сапожниками „religii rzymskiéj i religii greckiéj“ споры не прекращались [1]). Въ началѣ XVII в. (1609) православные мѣщане львовскіе жаловались королю: „Утяжени естесмо мы, народъ рускій, отъ народа полского ярмомъ надъ египъскую неволю, же насъ лечъ безъ меча але горѣй нѣжъ мѣчемъ съ потомствъ выгубляютъ, забороннивши намъ пожитковъ и ремеслъ обходовъ вшелякихъ, чимъ бы толко человѣкъ живъ быти моглъ, того не воленъ Русинъ на прирожоной земли своей руской уживати въ томто рускомъ Львовѣ. А зажъ панове цехмистрове и ремесници львовские, шевцѣ, кравцѣ, рѣзники, поворозники, гончары ец. ец. (et cetera), цось зачнѣйшого о собѣ надъ войска Ваш. Кор. Мил. быти розумѣютъ, же насъ въ цехахъ своихъ весполъ зъ собою мѣти не хотятъ? А зажъ панове райцѣ львовские и цехове львовские щось болшого надъ то себе быти розумѣютъ, же насъ народу руского при боку своемъ мѣти не хотятъ, але съ потомствъ насъ выгубляютъ?“ [2]). Но всѣ такія жалобы были безполезны, и притѣсненія православныхъ Русскихъ не прекращались, не смотря на разныя королевскія грамоты, уравнивавшія православныхъ съ католиками: и въ Польшѣ теорія и практика расходились.

Подобное тому болѣе или менѣе униженное положеніе занимали Русскіе и въ другихъ городахъ карпатской Руси. Въ Перемышлѣ городскіе радцы были только католики; они въ дѣлахъ католиковъ не принимали свидѣтельствъ Русскихъ, взыскивали съ Русскихъ высшія судебныя платы, заставляли ихъ участвовать въ католическихъ праздникахъ, такъ что къ концѣ XV и въ началѣ XVI в. сами польскіе короли, Іоаннъ Альбрехтъ, Александръ и Сигизмундъ (1519), должны были вмѣшиваться въ дѣла перемышльскихъ католиковъ и православныхъ, отчасти и въ пользу

---

[1]) См. Łoziński: Lwów starożytny II. 253, Литер. сборникъ галицко-русской матицы 1870, стр. 101, Akta grodzkie i ziemskie I. № 47, срв. Сводная галицко-русская лѣтопись, 308.

[2]) С. Голубевъ: Матеріалы для исторіи западно-русской церкви (Кіевъ 1891, I, 65).

послѣднихъ [1]). Въ цехахъ перемышльскихъ является та же самая вражда католиковъ къ православнымъ; сапожники раздѣлялись на два цеха, польскій (Поляки и Нѣмцы) и русскій, а по уставу кузнецовъ (1471) прямо запрещалось польскому мастеру держать и обучать русскихъ подмастерьевъ—nullus magister Polonorum debet servare ac docere discipulum Ruthenorum [2]). Король Сигизмундъ I вообще нерѣдко занимался взаимными отношеніями католическихъ и православныхъ мѣщанъ во Львовѣ и въ другихъ городахъ коронной Руси. Въ Красномъ Ставѣ православные Русскіе не могли быть ни радцами, ни лавниками, ни членами цеховъ: король Сигизмундъ уничтожилъ этотъ несправедливый обычай, и допустилъ и православныхъ Русскихъ въ городское представительство, по два радцы и лавника, и въ цехи (1523, 1524). Но тотъ же король въ г. Бужскѣ исключилъ православныхъ Русскихъ изъ представительства города и довершилъ постановленіе 1411 г., по которому запрещалось Русскимъ приготовлять напитки и солодъ [3]). Въ Каменцѣ сапожники, мѣховщики, портные и др. раздѣлялись на польскихъ и русскихъ. Въ нѣкоторыхъ русскихъ городахъ, равнымъ образомъ какъ и въ селахъ, православные Русскіе должны были давать десятину или другія платы католическимъ священникамъ, прибывшимъ въ тѣ русскіе города и села только съ польскимъ завоеваніемъ. Въ Холмѣ — по распоряженію короля Сигизмунда (1519)—всѣ некатолики и Жиды, которые владѣли землями и домами, принадлежавшими прежде Ляхамъ (Lechitis sive hominibus catholicis, ritus romani), должны были платить десятины католическому священнику холмскому. Въ нѣкоторыхъ городахъ, особенно новыхъ, православные Русскіе прямо исключались изъ пользованія мѣстскимъ правомъ, которое предоставлялось однимъ только католикамъ, такъ напр. въ Яслискахъ, въ Плазовѣ [4]). Въ Замостьѣ основатель го-

---

[1]) См. выше, стр. 51.

[2]) Akta grodzkie i ziemskie VI. № 99.

[3]) См. грамоты изъ метрики коронной у Поцѣя, Dziesięciny, 10—13.

[4]) Въ Яслискахъ, мѣстечкѣ среди карпатскихъ русскихъ Лемковъ, подчиненномъ перемышльскому католическому епископу, въ нача-

рода, Іоаннъ Замойскій (1580), тоже постановилъ, чтобъ мѣщане были одни только католики; но скоро онъ убѣдился, что такое постановленіе трудно исполнить, и поэтому распространилъ пожалованныя городу привилегіи и на православныхъ Грековъ и Русскихъ, которые—вмѣстѣ съ давно обрусѣвшими Греками—приняли унію только въ концѣ XVII вѣка [1]). Въ другихъ городахъ, гдѣ нельзя было обойти многочисленное русское населеніе, оно занимало второстепенное положеніе въ думѣ, судѣ, цехахъ, чувствуя на каждомъ шагу господство католическаго польскаго населенія. Въ городское представительство русскіе мѣщане имѣли только ограниченный доступъ, имѣя обыкновенно только по одному члену между радцами и лавниками; въ нѣкоторыхъ городахъ Русскіе, хотя были и мѣщане, не допускались въ городское представительство. Въ городскихъ цехахъ Русскіе то исключались, то допускались въ майстры, изрѣдка и въ цехмистры (jeden lacki, drugi ruski), и вообще русскіе члены цеха занимали въ немъ второстепенное мѣсто [2]).

При всей этой всеобщей фанатической вѣроисповѣдной враждѣ находились всетаки среди Поляковъ люди болѣе просвѣщенные, которые искренно желали установленія болѣе дружескихъ отношеній между обоими славянскими народами. Такъ, ок.

лѣ XVII в. не дозволялось быть мѣщанами „Руснакамъ", людямъ greckiéj wiary, a Ruthenus ставился наравнѣ съ illegitime natus. (Przewodnik naukowy 1890, p. 806).

1) О Замостьѣ см. Холмская Русь I. 187, 259.

2) Вотъ напр. одно постановленіе устава ткачей въ Немировѣ (1624): „Między tymi mistrzami tego rzemiosła aby nie był żaden Rusin, któryby sobie majstrował, oprócz tego, któryby towarzysz Rusin przywędrował, któremu wolno robić dwie niedzieli. A jeśliby nadwędrował Polak towarzysz, mistrz ten, u któregoby Rusin towarzysz robił, powinien go odprawić, a towarzysza Polaka przyjąć, odprawiwszy Rusina". (Dodatek do Gazety lwowskiéj 1853, № 62). Отношеніе Ляховъ и Руси въ русскихъ городахъ и цехахъ напоминаетъ до извѣстной степени отношеніе Нѣмцевъ и Славянъ въ полабско-балтійскихъ городахъ, о чемъ срв. наше соч. „Германизація балтійскихъ Славянъ".

1576 г. Іеронимъ Сенявскій, воевода русскій, жалуя городу Олешичамъ нѣмецкое право, справедливо замѣтилъ, что въ такомъ государствѣ, какъ Польша, гдѣ столько вѣроисповѣданій, никто не долженъ господствовать надъ вѣрою и совѣстью людей, и поэтому въ городѣ могутъ поселяться люди всѣхъ вѣроисповѣданій [1]) Въ началѣ XVII в. гетманъ Станиславъ Жолкевскій, потомокъ православнаго русскаго рода, но уже давно окатоличеннаго и ополяченнаго, самъ ревностный католикъ и врагъ чешскихъ еретиковъ, относился всетаки съ уваженіемъ къ православной Руси, по примѣру просвѣщеннаго своего современника и родственника Іоанна Гербурта. Станиславъ Жолкевскій принялъ православныхъ Русскихъ въ основанномъ имъ городѣ Жолкви подъ свое особое покровительство; онъ, въ виду „разиноженія хвалы божіей и украшенія религіи греческой“ (dla pomnożenia chwały bożéj i ozdoby religiej greckiéj), пожаловалъ (1612) православной церкви разныя льготы, и православнымъ жителямъ полную свободу въ отправленіи обрядовъ ихъ вѣроисповѣданія и право засѣдать тоже въ городскомъ представительствѣ, по одному радцѣ и лавнику [2]).

---

[1]) A iż korona polska okwita jest w rozmaite stany ludzi, zwłaszcza z strony religiej, k temu że żadna zwierzchność nie ma panować nad wiarą, czcią i sumnieniem, pozwalamy to najwięcej, aby mogli dla spokojnege życia osiadać ci ludzie, którzyby nie dla jakich występków a złości, ale z inszych przyczyn prześladowanie albo ucisk mieli, używając wszystkich wolności i prawa od nas nadanego. A jeśliby kto z potomków naszych, mierząc się nabożeństwem takich ludzi, chciał je wyganiać, tedy powinien będzie wszystkie nakłady w budowaniu domów, browarów, słodowien, naprawowania ogrodów, sadów, łąk, rol im odłożyć, pod zakładem winy do skarbu królewskiego złotych dwu tysiącu. (Изъ Метрики коронной у Балинскаго и Липинскаго Starożytna Polska II. 1220). Приводимыя въ Сводной галицко-русской лѣтописи (стр. 313) гуманныя слова будто-бы Андрея Потоцкаго (1658) относительно православныхъ его города Станиславова —позднѣйшая выдумка, такъ какъ эта грамота подложна (Szarłowski: Stanisławów 1887, p. 99).

[2]) Грамоту Жолкевскаго напечаталъ J. Barącz: Pamiątka miasta Żółkwi (Lwów 1852, p. 113). Привилегіи Жолкви утдердилъ ко-

Селяне карпатской Руси, называемые еще въ концѣ XIII в. и навѣрное и въ XIV в. *смерды* [1]), а со временъ польскаго завоеванія по-польски *кмети* (въ русскихъ и латинскихъ актахъ), пользовались и потомъ своимъ стариннымъ русскимъ правомъ (jus ruthenicum, ruthenicale), отправляя разныя повинности и платы натурою государству и своимъ панамъ, которые, по образцу польскому, пріобрѣтали право суда надъ своими подданными. Со второй половины XIV в. поселялись въ карпатской Руси колонисты изъ сосѣдней волошской Молдавіи и сѣверной подкарпатской Угріи, Волохи и Русскіе, на особомъ волошскомъ правѣ, которое основывалось преимущественно на денежной платѣ владѣльцу [2]), Кромѣ селъ на правѣ русскомъ и волошскомъ, основывались села на правѣ польскомъ (jus polonicum, polonicale) и на правѣ нѣмецкомъ (jus theutonicum), которыя распространялись на Русь изъ Польши; польское право, похожее на русское, служило польскимъ кметямъ-католикамъ, которыхъ польскіе земяне охотно поселяли въ своихъ селахъ на Руси; нѣмецкое право, основываясь— подобно волошскому — на денежной платѣ (чиншѣ), служило не столько кметямъ нѣмецкимъ — которыхъ на Руси было вѣроятно мало,—сколько польскимъ и русскимъ. Польскіе земяне на Руси и сами русскіе земяне, подобно тому какъ они приняли польское право (1434), такъ стремились и потомъ уравнить положе-

---

роль Іоаннъ Собескій (1693), внушая католикамъ, aby religii greckiéj okiem nie przenosili.

[1]) Слово *смердъ* — плебей, земледѣлецъ—знали Русскіе, Ляхи (смардъ) и Словѣне (смрѣдъ); срв. „Славяне" I. 128, III. 204. Впослѣдствіи это слово приняло значеніе браннаго слова, мужика, хлопа въ презрительномъ смыслѣ, такъ что оно вызывало даже жалобу въ судъ со стороны такъ обзываемаго; срв. въ актахъ львовскихъ 1440 и 1443 г. (Akta grod. i ziem. XIV) дѣло о брани словомъ smard. Это слово знаютъ еще Поляки XVI в. (Мончинскій, Рей, Бѣльскій, Папроцкій) въ презрительномъ смыслѣ: простака мужика, хлопа, неряхи.

[2]) Срв. въ грамотѣ князя Швитригайла (1424): „Село Косово имѣють намъ давати подлугъ права волоского тыто доходы, штожь съ полонинъ..., а съ каждого кметя по 2 гроши польскихъ краковского разу у каждый годъ".

ніе своихъ подданныхъ кметей съ положеніемъ кметей въ Польшѣ. Такъ напр. уже въ 1435 г. земяне галичской земли приняли нѣкоторыя постановленія относительно кметей, которыя были обязательны въ земляхъ краковской, сандомирской и польской [1]. Случалось, что въ одномъ селѣ жили кмети—Поляки католики и Русскіе православные, одни на правѣ польскомъ, другіе на правѣ русскомъ; когда тѣ и другіе переходили и переводились на право нѣмецкое, то обязывавшее ихъ право русское или польское уничтожалось, и только изрѣдка право польское (и русское?) считалось какъ бы дополненіемъ нѣмецкаго. Значительное количество польскихъ католическихъ кметей въ земляхъ карпатской Руси въ началѣ XV вѣка видно уже по все увеличивающемуся числу католическихъ церквей, основываемыхъ въ селахъ не только католическихъ, а также въ селахъ русскихъ. Эти церкви, не говоря о ихъ характерѣ католической пропаганды среди православнаго населенія русскаго, должны были служить всетаки прежде всего духовнымъ потребностямъ католическаго населенія на Руси, земянъ и кметей. Кромѣ того на польское населеніе въ имѣніяхъ карпатской Руси указываетъ тоже польская географическая номенклатура, которая встрѣчается постоянно въ разныхъ письменныхъ памятникахъ конца XIV и начала XV вѣка; если такія польскія названія надо отчасти объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что писцы латинскихъ грамотъ были Поляки, польскіе священники, то всетаки трудно предполагать, чтобъ эти писцы назвали всѣ урочища по-польски, тѣмъ болѣе, что они знали и употребляли тоже русскія названія. Такъ напр. около Рогатина въ галичской землѣ, имѣнія русскаго пана Волчка Переслужича изъ Рогатина (1415—1419), употреблялись польскія слова (съ прибавленіемъ vulgariter): powrozy, obszary, włok bobrownicy (другія слова, ostrow, potok, могли быть польскія и русскія); въ Рогатинѣ была католическая церковь и плебанъ и двѣ русскія церкви (ruthenicales ecclesiae, а ужъ не synagogae) и священники (presbyteri ruthenicales, а не popones, baytkones). Около села Мальчичъ въ львовской землѣ, принадлежавшаго русскимъ земянамъ Өедорку

[1] Akta grodzkie i ziemskie XII. p. 425.

и Федьку Мошенчичамъ-Мальчицкимъ (1447), почти всѣ слова и названія урочищъ—польскія: głęboki potok, rzeka, obszary, stawek, wgon, stępy, spuścić, na wirzch, podatki, dzieckować, przasny, obcy; но встрѣчаются тоже названія русскихъ повинностей: kunica, concordatio alias mirne, divortionabile alias rozpust, и пр. Бывали тоже случаи, что въ одномъ и томъ же самомъ селѣ жили кмети на правѣ русскомъ, волошскомъ и нѣмецкомъ,—что кмети, пользовавшіеся правомъ нѣмецкимъ и особенно волошскимъ, переводились или добровольно переходили на право русское,—что надо было рѣшать вопросъ, пользуются-ли они правомъ волошскимъ или русскимъ; да иногда русскіе кмети не хотѣли переходить на право нѣмецкое, такъ какъ они привыкли къ праву русскому (nos noluimus sedere in jure theutonico, quia consuevimus sedere in jure ruthenico). Сельскій староста кметей на русскомъ правѣ назывался уже въ XIV в. *ватаманъ (атаманъ)* [1]; сельскій староста кметей на волошскомъ правѣ — *князь* (въ селѣ) и *крайникъ* (въ краинѣ, округѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ селъ); староста кметей на нѣмецкомъ правѣ—*войтъ* (voigt, advocatus), *шелтысъ* (schultheiss, scultetus, у Поляковъ szołtys, sołtys); назывался-ли староста кметей на польскомъ правѣ *староста*—какъ въ Польшѣ въ XIII—XIV вв. — неизвѣстно. Во многихъ селахъ коронной Руси, напр. въ земляхъ белзской, холмской, галичской, въ Подольѣ, старосты назывались *ватаманами* еще въ XVI—XVII вв., хотя эти села давно уже не были на правѣ русскомъ, а на правѣ „чиншевомъ" (нѣмецкомъ), и такой ватаманъ былъ собственно говоря уже войтомъ, шелтысомъ [2]). Старинное славянское дѣленіе населенія на тысячи, сотни (ста) и десятки сохранилось и въ карпатской Руси XV вѣка: люди сотные (homo sotny или, на польскій ладъ, setny); воеводы (тысячскіе)

---

[1]) Это слово по всей вѣроятности татарское. Такіе ватаманы были тоже въ сѣверной Руси (срв. „Славяне" I. 114). У русскихъ козаковъ атаманы—разные начальники.

[2]) У карпатскихъ Гуцуловъ сельскій староста еще въ первой половинѣ XIX в. назывался *князь, атаманъ*. Срв. ст. Вагилевича въ ж. Časopis Česk. Musea 1838, 491.

и сотскіе встрѣчаются только въ городскихъ многолюдныхъ общинахъ, но десятники (dzesatnik, dzesantnik)—въ селахъ. Кмети на Руси назывались въ XV в. тоже селяне, мужи, людъ; община—уже по-польски gromada (communitas villae alias gromada), и даже, по польскому примѣру, gmin — изъ нѣмецкаго gemeine, gemeinde (communitas alias gmin), сходки кметей—вѣча, сборы (congregationes rusticorum quod sbory nuncupantur) [1]. Русскіе кмети раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ, вольныхъ и невольныхъ, служебныхъ сотныхъ, каленыхъ (каляныхъ, каленики, каляники, въ калянствѣ, срв. малорусское каляти, польское kalić, kalać, марать, загрязнить) и ординцевъ (въ „ордѣ", какъ бы въ рабствѣ, неволѣ) [2].

---

[1]) Въ одно село галичскаго староства „podstarości halicki zjeżdżał dwakroć do roku sądzić wieca" (Lustracya starostwa halickiego r. 1566). Сельскія wieca встрѣчаются въ XVI в. тоже въ ратенскомъ староствѣ холмской земли (см. ст. Любомирскаго о ратен. староствѣ въ ж. Biblioteka Warszawska 1855, II). Сельскія вѣча — сходки и суды знали Поляки и поднѣпровскіе Русскіе; срв. „Славяне" I. 117. Въ одномъ селѣ саноцкаго староства (Rewizya star. sanock. г. 1565) въ числѣ разныхъ податей встрѣчается owies wiecowy, т. е. дань натурою со стороны вѣца; срв. sarna zborowa—серна, даваемая зборомъ, owies poctowy czynszowy — овесъ, даваемый какъ поцта (какъ бы почетный подарокъ), чиншъ (оброкъ).

[2]) Въ жалованной грамотѣ короля Казимира 1456 г., данной русскимъ землямъ (Bandtkie: Jus polonicum 292, Turgenew: Supplementum ad histor. Russiae monum. 456) постановляется тоже, чтобъ „cmetones terrigenarum per capitaneos ac officiales ipsorum aliosque violenter non recipiantur in servitutem vulgariter *mordinice* (*mordanice*), hoc expresso, nisi prius villicus alias tywon seu wataman cum omnibus cmetonibus possessionatis super eo juraverint, quod sit de eorum genere et servitute". Вмѣсто непонятнаго слова *mordinice* (Шафарикъ сравнивалъ его съ *смердъ*) читаемъ „w ordinice" — „w ordince" (въ ординцевъ). Князь Фад. Любомирскій (Rolnicza ludność w Polsce od XV do XVI w., Biblioteka Warszawska 1858, I) приводитъ, изъ львовскихъ книгъ 1446—1452 г., одинъ разрядъ свободныхъ кметей—pochoży (извѣстные тожё въ Литвѣ): est tributarius verus, illiberus, non procedens, nie pochodzący. Этого мѣста мы въ изданныхъ актахъ львовскихъ (Akta grodz. i ziemskie XIV) отыскать не могли

Положеніе кметей въ коронной Руси уравнивалось все болѣе съ положеніемъ кметей въ Польшѣ уже послѣ 1435 г., когда они очутились въ большей зависимости отъ своей шляхты, особенно же въ силу статутовъ 1496 и 1505 гг. „Русское" право пришло въ забвеніе, и отъ него остались только нѣкоторые слѣды; чиншевое право нѣмецкое сдѣлалось — рядомъ съ волошскимъ правомъ—господствующимъ, да оно стало называться и было собственно польскимъ [1]). Дольше, чѣмъ право русское, именно до XVIII в., сохранилось право волошское, которое существовало въ русскихъ земляхъ отъ Покутья на молдавскихъ границахъ—на западъ до Сандча и на сѣверъ до Холма, Белза и Волыня. Такія „волошскія" села были, особенно позднѣе, русскія, да и назывались тоже русскими (villae ruthenicae seu Valachorum), равнымъ образомъ какъ были русскими и села на „нѣмецкомъ" правѣ. Отъ русскаго права сохранились немногіе остатки, именно нѣкоторыя

Въ галичскихъ актахъ 1446 г. упоминается homo zapochodzącу; но его положеніе не ясно. Также не ясно названіе и положеніе людей „каленыхъ, каляныхъ" (или каланыхъ?); въ другихъ русскихъ земляхъ встрѣчаются въ землѣ кіевской (ок. 1471 г.): „въ селѣ Цветковѣ атаманъ и два человѣка, одинъ слуга, а другой коланьный", въ барскомъ староствѣ въ Подольѣ (1565 г.): „służkowie kolanni (kołanni?) alias zubożałe ludzi, obracają na posługi potoczne"; но и здѣсь значеніе этого слова темно. (Архивъ югозападной Россіи VII. 2. стр. 2, 222). Въ львовскихъ книгахъ XV в. встрѣчается слово *ятвежинъ, ятвежанинъ* (homo regalis alias iathwyesin, homo yathwyeszanin); положеніе этихъ подданныхъ не ясно, но ихъ названіе русское, а не польское,—по литовскому племени Ятвеговъ, Ятвяговъ, Ятьвяговъ (попольски Jadźwing, Jaćwęg), съ которыми воевали галичско-волынскіе князья XIII в., и о которыхъ много разсказываетъ галичско-волынская лѣтопись; срв. выше, стр. 5 и 6 пр. Народное названіе Ятвягъ сдѣлалось нарицательнымъ, какъ напр. влахъ — валахъ, склавъ; срв. „Славяне" I. 72, 129, 132.

[1]) Такъ напр. около Сандча 1578 г. кмети одного села заявляютъ, что они a jure eorum ruthenico ad ius polonicum quoad labores et servitia sunt translati a dominis ipsorum (Любомирскій). Въ саноцкомъ староствѣ въ 1565 г. въ числѣ селъ встрѣчаются Dąbrówka Niemiecka dziś Polska (кмети съ названіями польскими и нѣмецкими), и Dąbrówka Ruska (кмети — Русскіе); оба села платятъ чиншъ.

названія должностныхъ лицъ и повинностей, встрѣчающіяся въ селахъ (sioła и по-польски) на правѣ волошскомъ и нѣмецкомъ, напр. kniaz, wataman, tywon albo włodarz, kniaz alias wataman, kniaz alias tywon, przełożeństwo czyli tywoństwo, kuna—kunica—kuniczne, pojemszczyzna, prazniczne, wychodne, poholowszczyzna, poczerewizna, poludzie, ciągli—zaciągli — pociągli (тяглые люди), hultaj (голтяй, беззеиельный голышъ, бродяга, бобыль), и пр. На рубежѣ польской и литовской Руси, земель подольской и кіевской, сохранились еще въ XVI в. слѣды стариннаго сельскаго копнаго суда, на которомъ „о злодѣйства и о всякіе кривды яко зъ селъ лядскихъ, такъ и зъ селъ великого князства повѣту кіевского права себѣ даютъ“ [1]).

---

[1]) Старинное русское полюдье (у Византійцевъ X в. πολύδιον, срв. „Славяне“ I. 157) встрѣчается въ XVI в. въ староствѣ ратенскомъ (сначала часть земли волынской, потомъ земли холмской русскаго воеводства); это была дань медовая и денежная, и называлась тоже pocta, pokłon; срв. статью I. Ф. Любомирскаго: Starostwo rateńskie (Biblioteka Warszawska 1855, II), и Lustracya starostwa rateńskiego г. 1565 (Архивъ югозападной Россіи VII, 2). Въ томъ староствѣ встрѣчается тоже: „poczerewizna (pobrzuchowszczyzna), jus primae noctis pro d. capitaneo g. 2; dają ci ktorzy żonę z pod drugich panów biorą“ (kunicę od tych, co do cudzych dóbr dziewki oddawają). Южно- и западно-русское слово *голтяй* (въ кіевской землѣ ок. 1471 г.: голтяи, люди приголтяевѣлые; въ западно-русской, каменецкой Четьи 1489 г.: гольтяй—бѣднякъ, гольтяйство—бѣдность) встрѣчается тоже въ коронной Руси, именно въ белзской землѣ въ началѣ XVI в.: holtaji, oltaje — nihil tenent, nihil dant; къ нимъ причислялись тоже бродяги музыканты, древніе скоморохи (срв. названіе двухъ селъ въ белзской землѣ—Скоморохи). О копномъ судѣ въ коронной Руси (срв. „Славяне“ I. 120) см. Вил. Археогр. Сб. I. 122; Молчановскаго о подольской землѣ, 334; срв. Акты Вил. Арх. Ком., т. XVIII (1891).—О положеніи кметей въ коронной Руси см. Atka gr. i ziem., разныя описи (lustracyi, rewizyi, inwentarze) королевскихъ и частныхъ имѣній XVI—XVII вв., напр. староствъ саноцкаго, галичскаго, львовскаго, любомльскаго, ратенскаго, скальскаго, каменецкаго, барскаго, хмѣльницкаго и др. Срв. статьи I. Ф. Любомирскаго: Rolnicza ludność w Polsce od XV do XVI w. (см. Akta grodzkie i ziemskie, t. XII, p. XI et 425), A. Стадницкаго: Ziemia lwowska za rządów polskich w XIV i XV w. (Bi-

Польскіе колонисты-селяне исчезали среди русскаго населенія, сливаясь съ соплеменными Русскими, и только названія селеній на Руси Ляшки и Лядьское (Ляцкое) указываютъ на ихъ лядьское происхожденіе [1]. Подобно тому и въ Подольѣ—послѣ его возсоединенія съ Польшею (1699) — поселялись не только Русскіе изъ Червоной Руси, а также повислянскіе Поляки, которые однако со временемъ дѣлались Русскими [2].

Въ колонизаціи карпатской Руси вѣроисповѣдный моментъ не могъ не играть своей роли. Нѣмецкое право жаловалось обыкновенно всѣмъ кметямъ, Русскимъ и Полякамъ; но нерѣдко одни только католики, Поляки и Нѣмцы, считались достойными пользоваться нѣмецкимъ правомъ, между тѣмъ какъ „схизматики" Русскіе изъ него исключались (schismaticis et Ruthenis omnino ex-

---

blioteka Ossolińskich 1863, III), Papée: Skole i Tucholszczyzna (львов. Przewodnik naukowy 1890), А. Яблоновскаго: Podole u schyłku w. XV (варшав. Ateneum 1880, II. III), и введенія къ изданнымъ имъ люстраціямъ подольскихъ староствъ (Źródła dziejowe t. V, XIX), Владимирскаго-Буданова: Населеніе югозападной Россіи до люблинской уніи (введеніе къ изданнымъ имъ памятникамъ въ Архивѣ югозападной Россіи VII. 1. 2., и срв. еще А. Яблоновскаго въ Ateneum 1888, I). О волошскомъ правѣ см. А. Стадницкаго: O wsiach tak zwanych wołoskich na północnym stoku Karpat (1848), O kniaztwach we wsiach wołoskich z poglądem na wójtowstwa we wsiach na magdeburskiém prawie osadzonych (1853), I. Ф. Любомирскаго: Północnowschodnie wołoskie osady (Biblioteka Warszawska 1855, IV), замѣтки Е. Калужняцкаго (въ вѣнскихъ Denkschriften der k. Akademie 1880, Bd. XXX, p. 25—64), А. Прохаски (Przewodnik naukowy 1889, p. 467), и др. Замѣтимъ, что слово „волохъ, валахъ, влахъ" сдѣлалось у Славянъ нарицательнымъ, о чемъ см. „Славяне" I. 72—73, и оба сочиненія Пича (заглавія см. „Славяне" III. 95).

[1]) См. выше стр. 100.

[2]) Отвиновскій (Pamiętniki do panowania Augusta II, Poznań 1838, p. 14) пишетъ: Poczęło się po pokoju uczynionym Podole osadzać, dokąd wiele tysięcy poszło chłopów od Wisły, a osobliwie od Przemyśla i Sanoka, że prawie całe wsi pozostawały pustkami w Podgórzu. Zeszło się też tam i Rusi potrosze, a ci nasi Mazurowie successu temporis w Ruś się poobracali, i może się tam teraz ten kraj nazywać polsko-ruski.

clusis et exceptis). Такъ было напр. въ селахъ Годовичахъ и Жидатичахъ (1405), Зубрьѣ (1408), Малеховѣ и Клекотовѣ (1419), Вербяжѣ (1423), Титовичахъ (1433), и др. Католическое духовенство требовало десятинъ и другихъ платъ не только отъ своей католической паствы, а тоже отъ „схизматиковъ", съ чѣмъ соглашались и польскіе короли и паны. Такъ это было именно въ львовской архіепископіи, гдѣ архіепископъ взималъ извѣстныя платы тоже съ „схизматиковъ", поселенныхъ на нѣмецкомъ правѣ; этотъ обычай утвердилъ король Владиславъ Ягайло (1426). Если въ селѣ жили католики Поляки (и Нѣмцы) и православные Русскіе, то эти послѣдніе должны были часто содержать не только своего попа, батька, но также давать десятину или извѣстныя платы католическому ксёндзу плебану, патеру [1]). Такъ это было въ епархіяхъ коронной Руси, и часто тоже въ Руси литовской. Послѣ введенія уніи католическое духовенство требовало десятины тоже отъ уніатской Руси.

Положеніе православныхъ Русскихъ въ городахъ и селахъ ухудшилось послѣ уніи одной части русской церкви съ Римомъ, которая привилась и въ карпатской Руси, прежде всего въ епархіи холмской, потомъ и въ епархіяхъ перемышльской и львовской. Одни только русскіе „униты" могли еще разсчитывать на снисходительность польскихъ католиковъ, а „дисуниты, схизматики" считались уже прямо врагами католической Польши. Такъ напр. въ городахъ Томашовѣ и Угриновѣ допускались въ городскія представительства католики и уніаты, а въ Каменцѣ, послѣ многолѣтняго турецкаго господства, православнымъ вообще запрещалось жить: ludzie religii greckiéj disuniti mieszkać nie mają—порѣшили даже на польскомъ сеймѣ 1699 г. [2]). Во Львовѣ

[1]) Срв. напр. въ селахъ львовской архіепископіи, въ Петликовцахъ (1421), Золотникахъ (1459), Грумнѣ (Румнѣ 1471), Литвиновѣ (1476), въ сб. Akta grodzkie i ziemskie; въ селахъ перемышльской епископіи въ XVI в. (Pawłowski: Premislia sacra, p. 205, 248, 309); о холмской епархіи см. выше, стр. 114. Срв. Pociej: O dziesięcinach na Rusi, 31. См. тоже выше, стр. 53—54., жалобы шляхты коронныхъ русскихъ земель на сеймѣ 1558—1559 гг.

[2]) Volumina legum (изд. петербург.) VI. 35; срв. Сводная галицко-русская лѣтопись 389, 683.

русскимъ мѣщанамъ не помогла даже унія, восторжествовавшая въ Червоной Руси на рубежѣ XVII — XVIII вѣковъ; львовскіе и другіе Русскіе, хотя уніаты, оставались въ прежнемъ своемъ униженномъ положеніи. Въ холмской епархіи католическое духовенство въ XVII—XVIII вв. собирало десятины и съ уніатской Руси, не смотря на всѣ запрещенія Рима и протесты уніатскихъ епископовъ холмскихъ. Трудно было защищаться, если господствующая польская католическая народность все смотрѣла на Русь, не только православную, но тоже уніатскую, съ какимъ-то презрѣніемъ, смотрѣла на унію какъ на „вѣру хлопскую“ (а католицизмъ „вѣра панская“), не считала даже уніатскаго духовенства равнымъ католическому духовенству польскому и дѣйствовала всегда въ смыслѣ словъ шляхты белзскаго воеводства, высказавшей еще въ половинѣ XVIII в. (1746) все свое презрѣніе даже къ уніатскому русскому духовенству въ инструкціи своимъ депутатамъ на сеймъ: „A że clerus ritus graeci uzurpuje sobie officia, tytułując się dziekanami, officyałami etc., więc praxim antiquam obserwując, aby in stallo popowstwa simpliciter zostawali, et majores titulos nie uzurpowali, ani żadnego praejudicium dziedzicom i possessorom juryzdykcyą takową, któraby intracie praepedire mogła, non inferant, ichmość panowie posłowie curabunt. Tudzież domówić się, aby presbyteri ritus graeci non praetendant decimas, gdzie per erectiones decimae applicatae do kościołów ritus romani“ [1]).

---

[1]) Подробности у Поцѣя: O dziesięcinach kościelnych na Rusi. Взглядъ польской шляхты на уніатскую Русь измѣнялся только медленно по мѣрѣ распространенія просвѣщенія и чужого вліянія. Въ карпатской Руси уже австрійское правительство (1782) запретило всякое важничанье римскаго католицизма въ ущербъ обрядамъ русскому и армянскому (Сводная галицко-русская лѣтопись, 299; Pelesz: Geschichte der Union der ruthen. Kirche mit Rom, II 644). Въ великомъ княжествѣ варшавскомъ, въ которое вошла и холмская Русь, могъ уже въ 1811 г. уніатскій холмскій епископъ Цѣхановскій (первый русскій епископъ въ польскомъ сеймѣ) въ варшавскомъ сенатѣ сказать, между прочимъ, и слѣдующее: „Zniкło już upodlenie roxolańskiego narodu, który niegdyś jednym imieniem wszystkich za-

Коронная Русь въ своихъ высшихъ шляхетскихъ слояхъ, казалось, ополячилась; русская шляхта смѣшалась съ Ляхами и скоро сдѣлалась такими-же Ляхами gente Rutheni, natione Poloni. „Вслѣдствіе взаимныхъ симпатій, взаимнаго благоволенія Русь ополячивалась. Какъ два братскіе корня одного дерева, стремились другъ къ другу и переплетались между собою элементъ русскій съ элементомъ лядьскимъ, чтобы общими силами выростить изъ себя одно исполинское дерево, одинъ могущественный народъ. Какъ затѣмъ дерево многими сучьями возносится ввысь, такъ и народъ разрастается и увѣнчивается тысячею меньшихъ семей, а между родовитыми вѣтьвями Польши въ золотые ея вѣка развѣ не первыми по доблести, заслугамъ и славѣ, были именно роды, которые изъ русскаго корня на русской почвѣ, именно изъ земли холмской выросли. То-то наши знаменитѣйшія фамиліи и домà польскіе въ XVI и XVII вв., тѣ Зомойскіе, Жолкевскіе, Собескіе,— это все дома русскіе, отрасли холмскіе, изъ стараго Замостья въ землѣ холмской, изъ старой Жолкви въ землѣ холмской, изъ холмской Воли Собеской. Видя, что прекраснѣйшіе цвѣты польщизны развивались изъ русскихъ соковъ, видя послѣ, какъ двумя единственными мѣстными домами, на долю которыхъ выпало украсить себя въ лучшія времена польскою короною, были именно два русскіе дома, наши холмскіе Собескіе и сосѣдніе съ Холмомъ Вишневецкіе, мы могли бы теперь перейти къ изображенію вопроса въ противуположномъ свѣтѣ, представить другую сторону всегда прекрасной картины того испоконъ вѣковъ существующаго братскаго единства, и начать такъ, какъ мы здѣсь кончаемъ: Русь ополячивалась, а Польша обрусѣвала“ [1]).

---

szczycał Polaków. Zniknął naganny przesąd upadlający Rusinów. Teraz dopiero widzimy się zupełnie porównani z bracią naszą“ (Петрушевичъ: Холмская епархія, 204).

[1]) Szajnocha: Jak Ruś polszczała (Szkice historyczne IV. 189). Шайноха рисуетъ взаимныя отношенія Поляковъ и Русскихъ какъ-то въ розовомъ свѣтѣ (срв. тоже его Jadwiga i Jagiełło, главу Ruś czerwona); если онъ подъ „Русью“ подразумѣваетъ шляхту на Руси, то онъ, пожалуй, правъ; но врядъ-ли кто-нибудь согласится нынѣ съ мнѣніемъ, что шляхта или бояре представляютъ „народъ“, и что,

Шляхетскій „народъ“ въ карпатской Руси весь былъ польскій, и не было уже разницы между Дѣдошицкими, Жолковскими, Замостскими, Одровонжами, Потоцкими, Яблоновскими. Русское мѣщанство, православное и потомъ уніатское, тоже говорило, читало, писало, одѣвалось по-польски, а русское свое происхожденіе обнаруживало преимущественно въ жизни церковной, въ „русскихъ“ обрядахъ. Если бы была правда, что исторія сильныхъ и знатныхъ родовъ представляетъ вмѣстѣ исторію страны, то ополяченіе коронной Руси можно было на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ считать совершившимся фактомъ, тѣмъ болѣе, что въ то же время въ той Руси окончательно восторжествовала пасербица польскаго католицизма, унія. Но такое мнѣніе — одна только иллюзія. Русь въ Карпатахъ, по Сану, Днѣстру, Бугу не исчезла; отъ нея остался, правда, одинъ талько „людъ“, „попы и хлопы“ (какъ выражались въ Польшѣ), всѣ тѣ сѣрые Лемки, Гуцулы, Бойки, Подоляне, которые однако—вмѣстѣ съ своими братьями по Днѣпру и по Двинѣ — держали на своихъ плечахъ пышное зданіе польской шляхетской и католической Рѣчи Посполитой. Уже въ концѣ XVI в. раздается во Львовѣ голосъ, обращенный къ сильному царю „многоплеменитаго рода російскаго, отъ нихъ же и мы обрѣтаеміи во градѣ Львовѣ убози и умалени суще паче всѣхъ человѣкъ жителей града сего“. А когда около половины XVII в. зданіе Рѣчи Посполитой падало, не поддерживаемое плечами русскихъ хлоповъ, и Богданъ Хмѣльницкій стоялъ подъ Львовомъ, то и въ карпатской Руси повсюду замѣчалось опасное броженіе между хлопами: confusio et occultae a graeca religione insidiae, inpla-

какъ думаетъ другой польскій историкъ К. Стадницкій, historya możnych i świetnych rodzin jest razem historyą kraju. (Synowie Gedymina II. 261). Шайноха, историкъ-художникъ и лирикъ, вообще смотритъ на задачу историка довольно своеобразно; онъ, упрекая Костомарова въ индиферентизмѣ, замѣчаетъ, что taki indyferentyzm jest szkodliwy dziejom naszéj ojczyzny, gdyż autor tych dziejów traktując ją z zupełnym indyferentyzmem, nie zapala się miłością do dziejów naszych, nie unosi się chwałą tych dziejów, nie stara się o podniesienie jéj najszczytniejszych czynów i dążeń. (Szkice histor. IV. 204). Но такое отношеніе къ фактамъ—не исторія, а эпопея.

cabile odium contra catholicos et Polonos, Ruś prosi Chmielnickiego, aby im contra tyrannidem Polaków chciał subvenire— вотъ что записалъ тогда одинъ современникъ очевидецъ [1]). Да броженіе распространялось и дальше на западъ, гдѣ Костка Наперскій, надѣясь на помощь Хмѣльницкаго, возбуждалъ польскихъ горцевъ противъ шляхты и Жидовъ.

Опасность миновала, а карпатскою Русью все управляли польскіе паны, настоящіе „Ляхи", и „Русскіе, обросшіе ляльскимъ мясомъ", чуждые своимъ православнымъ и позднѣе уніатскимъ русскимъ хлопамъ. Уже современникъ Іоанна Замойскаго и Станислава Жолковскаго, Іоаннъ изъ Вишни, касаясь разныхъ шляхетскихъ предразсудковъ и притязаній, съ ироніею замѣчаетъ: „Чимъ ты лѣпшій отъ хлопа? Албо ты не хлопъ такій же, не таяжъ матерія, глина и персть, не тоежъ тѣло и кровь и тлѣніе? Съ нами богъ восточными, разумѣйте языци, и ты прегордая Латино, и покоряйся, яко съ нами богъ!" [2]). Эти-то русскіе хлопы не сдѣлались Ляхами, а сохранили своей карпатской родинѣ характеръ земли русской; и только на плечахъ этой хлопской Руси держались польскіе ея паны, какъ истые rari nantes in gurgite vasto, но руководители ея судебъ. А эта Русь въ Карпатахъ по Сану, Днѣстру, Бугу смотрѣла не очень дружелюбно на своихъ пановъ Ляховъ, которые ей дали „панщизну" (барщину); идеаломъ этой Руси былъ тотъ же „козакъ", который дѣйствовалъ въ остальной югозападной Руси противъ Ляховъ пановъ и Жидовъ, противъ Татаръ и Турокъ.

5. *Русскій языкъ и русская письменность въ карпатской Руси въ XVI—XVII вв. Польскій языкъ въ карпатской Руси; вліяніе русскаго языка на польскій, польскаго на русскій. Польская литература въ карпатской Руси.*

Русскій языкъ исчезъ изъ канцелярій королевской, изъ воеводскихъ, земскихъ, старостскихъ и другихъ, изъ дворцовъ пан-

[1]) Кушевичъ у Лозинскаго, Lwów starożytny II. 257; срв. тоже хроники Львова I. Зиморовича и Юзефовича, и ниже о „селянкѣ" I. Зиморовича.

[2]) См. ниже.

скихъ и шляхетскихъ, и остался только среди русскаго духовенства и мѣщанства, хотя и здѣсь его право все больше оспаривалъ польскій языкъ, дѣлаясь и въ этихъ сословіяхъ языкомъ литературнымъ и обиходнымъ. На русскомъ языкѣ въ карпатской Руси писалось мало. Русскіе книжники изъ духовенства находились подъ вліяніемъ церковнаго языка словѣнскаго, который въ свою очередь подвергался вліянію русскаго языка и болгарско-волошскаго извода. Во Львовѣ, Угорцахъ и Уневѣ печатались церковныя словѣнско-русскія книги; во Львовѣ издана въ 1591 г. „Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка, совершеннаго искуства осми частей слова. Ко наказанію многоименитому россійскому роду“ [1]). Главною опорою русскаго православія въ коронной Руси стало церковное ставропигійное братство во Львовѣ, поддерживаемое не только Русскими, а тоже Волохами изъ сосѣдней Молдавіи; оно старалось, насколько возможно, дѣйствовать во имя единства всей Руси, югозападной и сѣверовосточной, всего „многоименитаго или великоименитаго рода російскаго (россійскаго)“. Братство въ концѣ XVI вѣка (1592), строя вновь свою сгорѣвшую церковь, обратилось за помощью тоже къ русскому царю Федору Ивановичу, „господарю сѣверскія страны великоименитаго рода російска“, котораго „Богъ во многороднѣмъ племенѣ російскомъ царя неподвижна отъ прародителей постави“. „Твое Величество всѣмъ по вселеннѣй во благочестіи и православіи живущимъ прохлажденіе еси и утѣшеніе и окормленіе, паче же вездѣ обрѣтающимся отъ многоплеменитаго рода російскаго; отъ нихъ же и мы обрѣтаеміи во градѣ Лвовѣ духовніи, священици, дидаскаліе, родъ російскій и греческій, убози и умалени суще паче всѣхъ человѣкъ жителей града сего. Понеже въ польскихъ странахъ во великихъ печалѣхъ обрѣтаемся, и вси славніи и благороднѣйшіи и могутствомъ силніи во иновѣрія различна поползновеніемъ падошася; мы же, яко не имущи прибѣжища, къ тебѣ благоутробному и тихому и милости требующимъ пристанищу благонадежному притекаемъ“; они извѣщаютъ царя о

---

[1]) О ней срв. статью Лепкаго въ Литературномъ Сборникѣ галицко-русской Матицы 1871, стр. 35.

несчастіи, постигшемъ ихъ церковь, и просятъ о помощи. „Да уподобишся, всесвѣтлый царю, памяти святѣй честнаго ти царства прародителю, великому Владимиру, просвѣтившему весь родъ російскій святымъ крещеніемъ и честными храмы святолепнѣ землю роскую даже доздѣ освятившему". Просьбу братства поддержалъ передъ царемъ, царицею и боярами терновскій митрополитъ Діонисій, эксархъ Малой и Великой Россіи, указывая на то, что во Львовѣ живутъ христіане „благочестія ради и истины и православія ради утѣсняеми и умалишась паче всѣхъ жителей града того, понеже нарочитіи ихъ во иновѣріе разыдошась и не имуще прибѣжища". Царь Федоръ Ивановичъ внялъ этимъ просьбамъ и прислалъ братству деньги и подарки [1]).

Въ рядахъ православнаго духовенства карпатской Руси находились всегда ревностные защитники стариннаго православія, боровшіеся словомъ и перомъ, все на русскомъ языкѣ, противъ наступательнаго католицизма и уніи [2]). Въ самомъ концѣ XVI и началѣ XVII в., послѣ провозглашенія церковной уніи въ Берестьѣ, уроженецъ карпатской Руси, Іоаннъ изъ Вишни, монахъ св. Горы аѳонской, написалъ нѣсколько статей и посланій о тогдашнихъ церковныхъ отношеніяхъ на Руси—ко всѣмъ православ-

---

[1]) Акты западной Россіи IV. № 34; Юбилейное изданіе въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго ставропигійскаго братства (Львовъ 1886, № 90 и др.). Въ забитой угорской Руси католическая іерархія и шляхта относились къ русскимъ „схизматикамъ" и ихъ „батькамъ" съ такимъ-же презрѣніемъ, какъ и въ Польшѣ. Попытки прививать русскимъ „схизматикамъ" католицизмъ начались въ Угріи уже въ XIV в., но безъ успѣха; Стефанъ изъ Вербовца въ своемъ угорскомъ уложеніи (въ началѣ XVI в.) говоритъ, что Rusnjaki neki su se k našoj vere, a neki su se gerčkoj blude pridružili (по словенско-хорват. переводу Пергошича). Въ угорской Руси въ теченіе почти всего XVII вѣка происходила борьба православія съ уніею; срв. статью Фидлера въ вѣнскихъ Sitzungsberichte der k. Akademie d. Wissenschaften 1862, Bd. 39, p. 481. Замѣтимъ, что угорскіе Русскіе тоже назывались „Волохи"—Rutheni, quos et Valachos vocant (Bidermann: Die ungarischen Ruthenen II. 84).

[2]) Приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій тогдашнихъ карпатскихъ Русскихъ, какъ образцы языка и слога.

нымъ христіанамъ Малой Россіи (Малое Руссіи), народу русскому, литовскому и лядьскому въ Польшѣ, уніатскимъ епископамъ, и пр. Онъ между прочимъ указываетъ тоже на то, что „нынѣ межи Ляхи князіе рускіе всѣ поеретичили и христіанства, истинныя вѣры отступили, и еще на слѣдъ божій хулять и ропщутъ, иноческій чинъ ругаютъ, посмѣваютъ, злословятъ, лжутъ, клевещутъ, судятъ, мерзятъ, безчестятъ и до конца ненавидятъ", а „если бы тые клобучники каптуроносци межи вами не были, уже бы есте давно погыбли. На пановъ же вашихъ руского рода, на сыны человѣческія, не надѣйтеся, въ нихъ же нѣсть спасенія! Всѣ бо живаго бога и вѣры яже въ него отступили, прелести же еретической ся поклонили." Онъ представляетъ совершенно другую характеристику шляхетства, чѣмъ къ какой тогда привыкли: „Хтожъ есть шляхтичъ? Тотъ, который зъ неволѣ мірской къ богу вырнетъ и съвыщше ся отъ духа святаго породитъ, по Іоанну: елициже, рече, пріяша его, дастъ имъ власть чадомъ божіимъ быти, вѣрующимъ въ имя его, иже не отъ крови, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ бога родишася. Видиши ли шляхетство вѣры нашея? Который отъ бога ся породитъ, тотъ есть шляхтичъ." А обращаясь къ уніатскимъ іерархамъ „ксендзамъ бискупамъ", шляхтѣ, Іоаннъ Вишенскій упрекаетъ ихъ, что они своихъ собратьевъ христіанъ считаютъ „подлѣйшими отъ себе" и прозываютъ ихъ „хлопами (хлапами), кожемяками, сѣдельниками, шевцами на поруганіе", и наконецъ спрашиваетъ: „Чимъ ты лѣпшій отъ хлопа? Альбо ты не хлопъ такій же, не такая же матерія, глина и персть, не тоежъ тѣло и кровь и тлѣніе? Гдѣжъ Христосъ на своихъ учениковъ хлапавъ кожемякавъ?" Въ городахъ „войтове, бурмистрове, лантвойтове, власть мірская градская, не дадѣте Руси ни едино пространство въ жизни ихъ, въ судѣхъ по Руси не побоpяйте, пачеже и кривдите, въ купляхъ, торгахъ, ремеслахъ Русинъ съ папежникомъ волности единой да не имать, въ цехахъ ремесницкихъ Русину быти не достоитъ, доколѣ ся не попапежитъ, на власти войтовства и бурмистрапства и прочихъ строителствъ отъ руского народа да ся не поставляютъ, доколѣ ся у папежа не увѣруютъ". Іоаннъ Вишенскій рѣзко нападалъ на дѣятельность іезуита Петра Скар-

ги, который взводилъ разныя клеветы на православіе и на русскій народъ, рекомендуя ему унію, какъ единственное средство для выхода изъ его жалкаго положенія. Между прочимъ онъ возмущался нападками Скарги на церковный языкъ словѣнскій: онъ-де не могъ и не можетъ русскому народу дать того, что́ даетъ языкъ латинскій католикамъ; Греки надули-де Русь, предоставивъ ей церковный словѣнскій языкъ, а не давъ ей своего греческаго въ церкви и наукѣ; а съ помощью словѣнскаго языка, непонятнаго для самихъ поповъ, никто ученымъ быть не можетъ: „Мы Русь словенскаго языка не разумѣемъ!“ восклицаетъ Іоаннъ Вишенскій, и спрашиваетъ, чѣмъ же словенскій языкъ хуже латинскаго въ дѣлѣ спасенія; вѣдь греческіе учители все растолковали, такъ что всякій „языка словенскаго Русинъ либо Сербинъ или Болгаринъ вѣдаетъ и разумѣетъ, чѣмъ спастися можетъ, если только самъ восхощетъ“. Велико число святыхъ угодниковъ святаго языка словенскаго въ Великой Россіи, и въ Малой Россіи, во всемъ родѣ россійскомъ, и въ турецкой землѣ въ родѣ сербскомъ и болгарскомъ. „Ты Скарго на славянскій языкъ [1]) посполу съ діяволомъ борбу подвигнулъ еси, который для того языка словянского не любитъ, и отъ всѣхъ другихъ на онаго подвигомъ силнѣйшимъ (стлумити и угасити его хотяй) подвигнулъ есть, ижъ въ языку словянскомъ лже и прелесть его никакоже мѣста имѣти не можетъ, ибо ани діалектитъ и силогизмъ поганскихъ (ницующихъ правду божію во лжу), ани хитрорѣчіемъ лицемѣрнаго фарисейства упремудряетъ, толко истинною правдою божіею основанъ, збудованъ и огороженъ есть; и ничтоже другое ухищреніе въ себѣ не имѣетъ, толко простоту и спасеніе рачителю славянскаго языка еднаетъ“! Іоаннъ изъ Вишни ревностно защищаетъ права словенскаго языка въ церкви, все утверждая, что „словенскій языкъ предъ богомъ честнѣйшій есть и отъ еллинскаго и латинскаго“ [2]).

Печальное положеніе православной Руси въ Польшѣ не смущало однако Іоанна Вишенскаго, и онъ гордо восклицаетъ:

---

[1]) Іоаннъ пишетъ „словенскій“, „словянскій“, „славянскій“.

[2]) См. „Славяне“ II. 594, 600.

„Съ нами Богъ восточными, разумѣйте языци, и ты прегордая Латино и покоряйся, яко съ нами Богъ! Если бо гордостію преможете, отъ тресущнаго божества побѣждени будете, яко съ нами Богъ; и иже аще съвѣтъ съвѣщаете, разоритъ и Господь, яко съ нами Богъ; и слово еже аще възглаголете, не иматъ пребыти въ васъ, яко съ нами Богъ“ [1]).

Современникъ Іоанна изъ Вишни, неизвѣстный православный священникъ львовскій, въ началѣ XVII в. тоже обширно описалъ событія временъ берестьевской уніи; онъ между прочимъ разсказываетъ о введеніи христіанства у Поляковъ и Русскихъ, а гибель „паньства руского“ приписываетъ недостатку школъ и наукъ. „Поляци рускіе паньства пообсѣдали, попріятелѣвшися зъ ними, и царскіе цурки (дочери) своѣ за Русиновъ давши, черезъ нихъ своѣ обычаѣ оздобные и науку укоренили, такъ ижъ Русь посполитовавшися зъ ними, позавидѣли ихъ обычаемъ, ихъ мовѣ и наукамъ, и не маючи своихъ наукъ, у науки римскіе своѣ дѣти давати почали; которые зъ науками и вѣры ихъ навыкли, и такъ по малу-малу науками своѣми все паньство руское до вѣры римской привели, ижъ потомкове княжатъ рускихъ зъ вѣры православной на римскую выкрестились, и назвиска и имена собѣ поотмѣняли, яко бы николи не зналися быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ“ [2]). Говоря о введеніи уніи, авторъ замѣчаетъ, что вслѣдствіе того „не тылько Русь, але и Ляхове ажъ до войны внутреней межи собою пришли, сеймы ся

---

[1]) Посланія Іоанна изъ Вишни см. въ Актахъ южной и западной Россіи II. 205—270. Зачапка мудраго Латынника съ глупымъ Русиномъ въ диспутацію (С. Голубевъ: Петръ Могила, Кіевъ 1883, I. приложенія, стр. 67), и нѣсколько другихъ статей, изданныхъ С. Голубевымъ въ Архивѣ югозападной Россіи (1887). ч. I. т. 7, стр. 19. Срв. Кулиша: Исторія возсоединенія Руси I. 297. О Іоаннѣ Вишенскомъ см. статьи Сумцова и Житецкаго въ Кіевской Старинѣ 1885, XI. 649; 1890, XXIX—494, еще срв. 1889, XXV, 141 и приложеніе; 1890, XXIX, приложенія стр. 111.

[2]) Авторъ говоритъ, что „по збуренью паньства руского“ въ числѣ добычи были тоже „словенскія книги“, которыя еще тогда, въ началѣ XVII в., хранились въ склепахъ въ Краковѣ и Львовѣ.

ломали, все злое оттоль пошло и конца еще не маетъ", что унія распространяется насильственными средствами, что не даютъ „вряду никому, кто не есть папежовъ, а Русинъ коли не есть унѣятомъ, а напередъ у незнаемыхъ пытаютъ, если Полякъ, чи есть католикъ, а если Русинъ, чи есть уніятъ; наконецъ и у права коли тягаются межь собою, теды также пытаются, естьли католикъ альбо уніятъ, и на то баченье маютъ" [1]).

Лѣтописныя записки велись во Львовѣ еще около половины XVII в. по-русски. Львовскій лѣтописецъ особенно интересовался исторіею козаковъ и подробно разсказываетъ о возстаніяхъ Тараса и Павлюка; между прочимъ говоря о кровавой битвѣ между польскимъ гетманомъ Конецпольскимъ и Тарасомъ (1630), онъ замѣчаетъ, что Конецпольскій „показывалъ, слезы стираючи, трупъ великій тые слова мовячи: Отожь унія, лежитъ Русь съ Поляками"! [2]).

Нѣкоторые книжники карпатской Руси попробовали писать— по латинскимъ и польскимъ образцамъ — стихи или вирши, которые свидѣтельствуютъ о всемъ другомъ, только не о поэтическомъ талантѣ стихотворцевъ, обращавшихся немилосердно съ языкомъ славено-россійскимъ и съ смѣсью русско-польскою. Такъ напр. Яковъ Седовскій прославляетъ своего земляка Григорія Криницкаго, „вь Россіѣ Лвовскіа землѧ обывателѧ", въ виршахъ русскихъ, изданныхъ въ Венеціи 1641 г., замѣчая въ славено-россійскомъ посвященіи венеціанскимъ гражданамъ, что эти его стихи будутъ „во общую ползу и утѣшеніе прочіѣм православным, найпаче же людем діалекту славенскаго, егоже шерокость земли шерокости равна". Самые русскіе стихи въ честь Криницкаго и греческаго народа—въ родѣ слѣдующихъ:

Так ся прудко фортуны кола обертают,
сцептры въ ѩрмо, достатки въ нендзу отмѣняют,
але ты цный народе люб терпиш отмѣну
в дочасных рѣчах, вѣру держиш неотмѣну, и пр.

---

[1]) Акты западной Россіи IV. № 149.

[2]) Львовская лѣтопись издана въ Русскомъ истор. сборникѣ Погодина 1838, III, и въ Науковомъ сборникѣ галицко-русской Матицы 1867.

Современникъ и землякъ Седовскаго Григорій Бутовичъ, студентъ замостской академіи, прославлялъ въ русскихъ стихахъ (1642) новаго „православного епископа львовского, галицкого и Каменца подольского, въ Россіи, въ Роксоланіи", Арсенія Желиборскаго,—въ родѣ слѣдующихъ:

Презацкый доме, Желиборскихъ секты.
Кгды поглидаю на твои аспекты
Барзо высоко уступилесь кроку
От мого зроку, и пр. [1]).

Мысль переводить библію и другія церковныя книги на простую „мову рускую" нашла себѣ сторонниковъ не только въ Руси литовской, но также въ Руси карпатской; здѣсь въ XVI в. въ такомъ смыслѣ дѣйствовали Михаилъ Васильевичъ изъ Санока, Лука изъ Тернополя, Василій Жугаевъ изъ Ярославля, Димитрій изъ Зинкова (оба послѣдніе списали части западно-русской библіи Скорины), и другіе [2]). Но къ такимъ мыслямъ русское духовенство карпатской Руси все-же относилось не очень доброжелательно, какъ это было и въ другихъ странахъ русскихъ [3]). Оно защищало неприкосновенность словѣнско-русскаго текста церковныхъ книгъ въ смыслѣ словъ львовскаго епископа Арсенія Желиборскаго, высказанныхъ въ предисловіи къ изданному имъ въ 1644 г. Требнику: „Што ся тычетъ нововыниклыхъ што день отмѣнныхъ такъ тексту ꙗко и сенсу, инщимъ типографіамъ звычайныхъ корректуръ и поправокъ, тымъ далисмы покой, маючи за то, же въ рыхломъ (што дай Боже) часѣ, за общимъ архіереовъ православноѣ церкве россійскоѣ совѣтомъ, и не оспалымъ стараніемъ, станетъ една ꙗкая статечная и неотмѣнная, такъ старопре-

---

[1]) Объ этихъ стихахъ см. Як. Головацкій: Библіографическія находки во Львовѣ (Записки Императорской Академіи Наукъ, XXII, приложенія).

[2]) См. ниже. О русскихъ евангеліяхъ: чолганскомъ (1603), саноцкомъ (1635), библіи шарогородской (1660), см. Петрушевича Сводную галицко-русскую лѣтопись, стр. 21, 74 316; Рукописи Ундольскаго 380.

[3]) См. „Славяне" II. 600.

тлумачоныхъ книгъ корректура, яко и въ нашомъ словеньскомъ языкѣ еще не былыхъ претлумаченіе“ [1]).

Какъ видно, немногіе карпатско-русскіе книжники писали на языкѣ церковномъ славено-россійскомъ; обыкновеннымъ письменнымъ языкомъ былъ простой русскій языкъ съ значительною примѣсью польскою; только изрѣдка къ этому языку русскому примѣшивались нѣкоторыя слова церковнаго славено-россійскаго языка, какъ бы въ воспоминаніе церковныхъ школъ у пишущихъ священниковъ; такъ напр. въ русскихъ сочиненіяхъ Іоанна Вишенскаго встрѣчаются слова: съборъ и соборъ, въпрашати и вопрашати, гласъ, градъ, подвизѣ, святаго и святого, бяше, съдѣяся, хотѣхомъ, въврещи, виждь, одеръ (и ложко), врата адова (и брамы пекелные) и др. Въ русскомъ языкѣ Іоанна Вишенскаго и другихъ карпатско-русскихъ книжниковъ XVI—XVII вв. встрѣчается множество польскихъ словъ, передѣланныхъ и непередѣланныхъ на русскій ладъ, напр. звитяжца, трутизна, тяжаръ (ciężar), князь (и ксіондзъ), брама, вонпене (wątpienie), нендза (nędza), небожента, въ бленъдзе, владза, цурка, трвати, скарбъ, барзо, укрижовати, фрасунокъ, ратунокъ, гвалтъ (кгвалтъ), трафити, шафовати, проходилемся, мѣлесь, и др. Львовскій священникъ въ началѣ XVII в. замѣтилъ, что „якъ Поляцы у свой языкъ намѣшали словъ латинскихъ, которыхъ южъ и простые люди зъ налогу уживаютъ, такъ же и Русь у свой языкъ намѣшали словъ польскихъ и оныхъ уживаютъ“. [2]).

---

[1]) О словѣнско-русскихъ и русскихъ памятникахъ карпатской Руси см. Калужняцкаго, Обзоръ славянорусскихъ памятниковъ львовскихъ (Кіевъ 1877), Петрушевича, Сводная галицко-русская лѣтопись 1600—1772 гг., ниже упоминаемыя соч. Архангельскаго и Владимірова о памятникахъ югозападной Руси вообще, разные сборники Актовъ (озобенно Акты южно-западной Руси въ Науковомъ Сборникѣ галицко-русской Матицы 1867—1870 гг.) и др.

[2]) Акты западной Россіи IV. стр. 229. При такихъ соображеніяхъ авторъ узналъ подлогъ митрополита Потѣя относительно мнимой грамоты митрополита Мисаила 1476 года, о чемъ см. „Славяне“ II. 447. Письмо митрополита Исидора (см. выше стр. 48) считаемъ тоже подложнымъ.

Такой русско-польскій стиль употреблялся вообще во всѣхъ тѣхъ немногихъ запискахъ, которыя писали уже почти только одни карпатско-русскіе священники. Любопытно по существу и по языку воззваніе львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго къ русскому духовенству его епархіи въ изданной имъ книгѣ „Метрика албо реестръ для порядку церкви св.“ (Львовъ 1687): „Наслухалемся и того часто, же намъ панове духовенство рымское, а часомъ и ляда кто промавляютъ простотою, называютъ насъ неуками, а то для того самого, же латинского письма альбо польского многіе не разумѣютъ, языкомъ латинскимъ албо польскимъ мовити не умѣютъ, хочай другій священникъ въ славенскомъ языку и письмѣ будетъ добре учоный и умѣетный и болшъ умѣти бы не повиненъ только кождый своего власного языка добре письмо, але же латинского языка албо польского не умѣетъ, то южъ у пана простакъ. Павелъ святый по священнику науки потребуетъ гды мовитъ: подобаетъ епископу албо священникови быти учительну, и сама слушность, албо потреба духовная того на насъ вытягаетъ, иле тутъ въ краяхъ короны польской, абы духовенство наше россійское православное духовенству римскому языкомъ принаймнѣй корреспондовало, жебы священникъ съ паномъ полѣтичне моглъ ся розмовити, и на заданье якой трудности умѣетне отповѣдити. Абысте сыновъ своихъ зъ молодыхъ дитинскихъ лѣтъ заправовали, первѣй своего словенского письма и языка добре научившу, потомъ до школъ польскихъ и латинскихъ не забороняли, и овшемъ отческо ихъ промововали. Суть зъ ласки божой школы, не только тутъ въ Львовѣ, въ Ярославію, въ Краковѣ, але и въ Кіевѣ, еще за державы найяснѣйшихъ монарховъ кроловъ польскихъ, и за особливымъ стараньемъ блаж. пам. преосвящ. метрополиты кіевского и вся Россіи, господина отця Могилы зафундованіе, а теперъ за державы благочестивыхъ царей и великихъ князей россійскихъ повеленіемъ и скарбомъ ихъ ново реставрованніе албо отновленіе; суть и ближей насъ на Гойщи дорога тежъ за упокоеніемъ монарховъ христіанскихъ, хвала богу, вольная, такъ зъ Кіева до насъ и отъ насъ до Кіева. Також честніи отцеве своихъ сыновъ для науки посылайте, кошту не жалуйте, а ежели кому здается до Кіева далеко, посылай теды

до Гойщи, может и тут поучитися добре, так русского, словенского, яко и польского и латинского письма и языка".

Трудно было развиваться русской литературѣ въ ея карпатской родинѣ при ополяченіи высшихъ ея сословій и при богатомъ развитіи польской и латинско-польской литературы, которая служила потребностямъ не только Поляковъ, но также Русскихъ въ коронѣ польской и въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ самой карпатской Руси, во Львовѣ, Добромилѣ, Замостьѣ, Яворовѣ и др. печатались книги польскія и латинскія, и многіе польскіе и польско-латинскіе писатели происходили изъ этой Руси, жили и писали здѣсь: Орѣховскій, Рей, Семпъ-Шаринскій, Верещинскій, Щербичъ, Бирковскій, Гербуртъ, Окольскій, Пясецкій, Шимоновичъ, Зиморовичи, Юзефовичъ; а другіе польскіе писатели пребывали временно въ карпатской и въ другой Руси, напр. Март. Бѣльскій, Клёновичъ, Вячеславъ Потоцкій и др. Эти польскіе писатели, живя въ карпатской Руси или сносясь съ русскимъ народомъ, знали болѣе или менѣе его нарѣчіе; они принимали нѣкоторыя русскія слова въ свой польскій языкъ, отчасти вслѣдствіе дѣйствительнаго недостатка соотвѣтствующихъ польскихъ словъ, отчасти только чтобъ блеснуть знаніемъ русскаго языка или придать своимъ литературнымъ произведеніямъ мѣстную окраску провинціализмовъ (z ruska, jak Ruś mowi), отчасти же ради того, что такое обогащеніе польскаго языка изъ разныхъ славянскихъ языковъ, особенно изъ чешскаго и русскаго, считалось возможнымъ [1]). Съ половины XVI в. переходили въ польскій языкъ нѣкоторыя русскія слова, именно посредствомъ Руси коронной, карпатской; они встрѣчаются уже у польскихъ писателей второй половины XVI вѣка, у Рея, Орѣховскаго, М. Бѣльскаго, Л. Горницкаго, І. Кохановскаго, Клёновича и др. Коронная, карпатская Русь стала первымъ проводникомъ такихъ русскихъ словъ въ польскій языкъ; скоро къ ней примкнула тоже и литовская Русь. Появленіе нѣкоторыхъ такихъ словъ въ польскомъ языкѣ можно коментировать и ближе. Такъ напр. героя Поляки XV в. называли, какъ и Чехи, gardzino (чеш. hrdina), вѣроятно тоже wiciądz

[1]) См. выше, стр. 41.

(витязь); Мончинскій въ словарѣ латинско-польскомъ (1564) слово heros объясняетъ: człowiek znamienity, pan zacny; Орѣховскій замѣчаетъ, что героевъ—Ruś nasza bohatermi zwała od Boga (!), и съ тѣхъ поръ восточное татарско-турецкое и Русью принятое слово *богатырь* употреблялось тоже Поляками: bohatyr, bohater [1]). Русское слово *голтяй* (голый, голь, голышъ, голякъ, голота, голытьба), встрѣчающееся въ западно-русскомъ языкѣ XV—XVI вв., перешло въ польскій въ формѣ hultaj (т. е. hóltaj, hołtaj) [2]). Мончинскій еще не знаетъ этого слова и переводитъ vagus, vagabundus — tułacz, łazęka, у другихъ łazęga (срв. włóczęga, волоцюга, бродяга); Орѣховскій знаетъ уже łazęga и hultaj. Слово hultaj вошло затѣмъ и въ юридическую терминологію польскую въ значеніи бездомныхъ людей [3]). Эта уже польская форма перешла опять въ западно-русскій языкъ: *гултай*, *гултяй*, *гулътай*. Берында и другой южнорусскій лексикографъ объясняютъ словенское слово льтецъ, лестецъ русскимъ „тулакъ, волоцюга, гултай (гултяй)". Поляки приняли тоже западно-русскія формы hołota, hółaczek, hołysz, но не забыли своихъ gołota, golec-gołek, gołysz. Это h вмѣсто польскаго g указываетъ вообще на заимствованіе словъ изъ западно-русскаго или также изъ чешскаго [4]). Польское smard сохранилось до второй половины XVI в. въ значеніи простого хлопа въ презрительномъ смыслѣ (у Мончинскаго, Рея, Бѣльскаго, Папроцкаго); но со второй половины XVI в. и въ XVII в. польская форма этого слова уступила русской smerd (смердъ), каковую употребляютъ Стрыйковскій, Старовольскій [5]). Польское pop означало вообще священника, и като-

---

[1]) О словѣ wiciądz см. „Славяне" III. 210, о словѣ gardzina см. Biblioteka Warszawska 1891, I. 247. О словарѣ Мончинскаго см. „Славяне" II. 147. Поляки знали тоже слова: русское mołodec, mołodziec, mołojec (Стрыйковскій, Папроцкій, Бирковскій, Окольскій), и югославянскія junak (Будный, Гвагнинъ-Пашковскій, Коховскій, Опалинскій и witez (Гвагнинъ-Пашковскій, Жебровскій, Коховскій).

[2]) См. выше, стр. 122.

[3]) Срв. примѣры изъ Volumina legum въ словарѣ Линде.

[4]) Срв. выше, стр. 31.

[5]) Срв. выше, стр. 38.

лическаго; въ XVI в. польскіе протестанты любятъ называть попами именно католическихъ священниковъ (Будный, Рей, Сенницкій); Орѣховскій такъ называетъ протестантскихъ священниковъ (popi kacerzykowie, а католическіе—kapłani). Со второй половины XVI в. pop стало означать православныхъ (и уніатскихъ) русскихъ поповъ, какъ и слово cerkiew (сначала вообще церковь также католическую)—церковь православную, уніатскую [1]). Въ такомъ значеніи вошло слово pop, равнымъ образомъ какъ и другія русскія названія władyka, humen-humenica, cerkiew и др., въ польскую юридическую терминологію—для отличія отъ католическихъ польскихъ biskup, opat, ksiądz — kaplan, opat; kościół и пр. [2]). Слово ząbr (словѣн. зѫбрь) Поляки употребляли до половины XVI вѣка: dominus Pylko dictus zambr (1372), zambrus, zambro у Длугоша (о гербѣ Венява), ząbr въ польскомъ переводѣ литовскаго статута (1532); но уже Кромеръ (Polonia, напис. въ 1573 г.) замѣчаетъ: zubrum seu zambrum vocant nostrates, и со второй половины XVI в. русская форма zubr (такъ пишетъ напр. Рей), позднѣе неправильная żubr, водворилась въ польскомъ языкѣ, хотя въ географическихъ названіяхъ Zambrów, Zambrzyce сохранилась еще дрпольская форма. Польская форма *жубр* перешла потомъ и въ малорусское нарѣчіе [3]). Подобно тому русская форма łuk (лукъ, безъ носового звука) перешла въ польскій языкъ въ началѣ XVI в. вѣроятно—чтобъ отличить łuk (оружіе) отъ łęk (часть сѣдла, срв. тоже obłąk). Въ обѣихъ польскихъ псалтиряхъ XIV — XV вв. встрѣчается еще форма съ носовымъ звукомъ łęczyszcze, łęczysko; уже въ псалтиряхъ XVI в. (Врубля, напр. 1540, 1567 гг.) по большой части łuk, но рядомъ тоже łęczysko; у другихъ польскихъ писателей уже только łuk, напр. у М. Бѣльскаго (1550),

---

[1]) Срв. „Славяне" Ш. 213—214.

[2]) Слово pop употреблялось потомъ въ презрительномъ смыслѣ. У Кохановскаго pop—конь въ шахматахъ (какъ и дрчеш.). См. Словарь Линде.

[3]) „Жубровая трубонька" въ червонорусской колядкѣ (сб. Як. Головацкаго Ш. б. 61).

Мончинскаго, Рея, Кохановскаго, въ библіи 1561 г. и др. Черезъ русскія земли въ XVI в. перешли въ польскій языкъ разныя восточныя (турецко-татарскія, кавказскія) названія оружія и одежды, употребляемыя Русскими и Поляками, напр. kołczan (tuł), sahajdak — sajdak (łuk), dzida, karabela, kolczuga, buława, szarawary, żupan и др. Съ другой стороны многія слова польской военной терминологіи перешли въ русскій языкъ [1]).

Повальное ополяченіе шляхты всей коронной Руси, распространеніе польскаго языка среди этой шляхты, насколько она была русскаго происхожденія, видно тоже по тому, что въ числѣ первыхъ польскихъ писателей нашлись уроженцы той Руси, именно Николай Рей изъ Нагловицъ—изъ земли жидачевской и Станиславъ Орѣховскій изъ земли перемышльской, которые, вмѣстѣ съ уроженцами польскихъ земель Бѣльскимъ, Кохановскимъ, Горницкимъ, дѣльно поработали надъ литературнымъ польскимъ языкомъ. Протестантъ Рей владѣлъ польскимъ языкомъ въ совершенствѣ, благодаря отсутствію у него основательнаго знанія латинскаго языка, который портилъ польскій слогъ. Рей сознаетъ себя вполнѣ Полякомъ, чѣмъ дѣйствительно и былъ (его отецъ переселился изъ краковской земли на Русь); онъ игнорируетъ Русь, гдѣ онъ родился, росъ и жилъ, и въ его сочиненіяхъ, которыя могли быть написаны и подъ Краковомъ, Люблиномъ, Познанемъ и Варшавою, нѣтъ и слѣдовъ русскаго колорита, и только очень немногія русскія слова могутъ свидѣтельствовать о родинѣ Рея на берегахъ Днѣстра, напр. kobzá, drewno, pohromki, nadzieżny, dohadywać, zubr, puhacz, krynica, czuprуna, rohatynka, sulica и др.; въ сочиненіи Figliki онъ приводитъ Поляка говорящимъ съ Литвиномъ по-русски. Подобно Рею и младшій его современникъ и землякъ, Николай Семпъ Шаринскій (Sęp Szarzyński), проживавшій въ львовской землѣ, ничѣмъ не заявляетъ о своей русской родинѣ, развѣ только словомъ pohaniec. Если у Рея и Шаринскаго почти ничто не напоминаетъ ихъ русскаго гнѣзда, то старшій ихъ землякъ, Станиславъ Орѣховскій, пользуется часто

[1]) Срв. „Славяне“ III. 258 — 262. Форма łuk можетъ быть впрочемъ тоже чешская.

случаемъ напомнить о своемъ любимомъ „родомъ Русскій, народомъ Полякъ"; онъ употребляетъ иногда лишнія русскія слова, которыя онъ могъ замѣнить польскими, напр. korabl (а не korab'), sorom (а не srom, но sromota), hruby (а не gruby), bohater — bohatyr (слово „нашей Руси"), hultaj или łazęga и др.; онъ приводитъ тоже нѣсколько русскихъ словъ, сказанныхъ королемъ Владиславомъ Ягайломъ. Подобно Орѣховскому, и другой польскій писатель изъ карпатской Руси, Іоаннъ Гербуртъ, другъ и доброжелатель Руси, вставилъ въ свое сочиненіе русскія пословицы, пѣснь и слова короля Владислава Ягайла [1]). И нѣкоторые другіе польскіе писатели, побывавшіе на Руси, внесли въ свои польскія сочиненія нѣсколько русскихъ словъ, чтобъ только показать свое знакомство съ Русью. Такъ напр. Март. Бѣльскій, проживщій много лѣтъ на Руси, въ землѣ перемышльской, въ Покутьѣ и Подольѣ, употребляетъ нѣсколько русскихъ словъ, напр. pohaniec, hruby, rohatyna, łuk, skorb, hospodin и др. [2]). Даже

---

[1]) О Ст. Орѣховскомъ и І. Гербуртѣ см. выше, стр. 70—73, 75—79.

[2]) М. Бѣльскій зналъ вообще Славянство довольно хорошо, о чемъ см. „Славяне" II. 115, 425 — 427, 437, III. 245. По Вишневскому (Historya literatury polskiéj VII. 306) казалось бы, что въ сатирѣ Март. Бѣльскаго Sjem niewieści (Kraków 1586, 1595) одна изъ этихъ женщинъ говоритъ русскіе стихи; но въ изданіяхъ 1586 и 1595 г. ничего подобнаго нѣтъ, и всѣ женщины говорятъ по-польски. Эти русскіе стихи помѣстилъ только позже Ежовскій, издавшій Sjem niewieści Бѣльскаго подъ своимъ именемъ (1639); но эти „русскіе" стихи — замѣна польскихъ словъ такими же русскими, удачными и неудачными, напр. często—czasto, przymawiała—prymawlała, gorszego=choroszoho (!), łaskawie — troszeńka, co — szczo, między—meży и пр.; слова ulżyła, więcej, bardzo, остались тоже въ русскомъ текстѣ. Срв. М. Бѣльскаго: Satyry по изд. краковскому 1889 г. Въ экземплярѣ всемірной хроники М. Бѣльскаго (изд. 1564 г.), хранящемся въ варшавской университ. библіотекѣ, кто-то недавно къ слову nye (т. е. n-je, nie jest) приписалъ t: nyet, и это nyet дало поводъ къ страннымъ разсужденіямъ о „русскомъ" словѣ нѣтъ у Бѣльскаго. Срв. А. Павинскаго статью о Бѣльскомъ въ варшав. журналѣ Tygodnik illustrowany 1880, p. 195.

Іоаннъ Кохановскій, первый поэтъ польскій второй половины XVI в., счелъ возможнымъ употребить нѣсколько словъ русскихъ, напр. nadzieżny (но nadzieja), królewicz (и królewic), wiedma (и wiedźma), hrosz, не говоря о другихъ словахъ русскихъ, которыя тогда въ польскомъ языкѣ пріобрѣли уже право гражданства, напр. bohater, łuk, и др. [1]). Вставка отдѣльныхъ русскихъ словъ и даже фразъ въ польскія сочиненія считалась дѣломъ возможнымъ, не говоря о принятыхъ уже въ литературномъ языкѣ польскомъ словахъ русскихъ. Такъ напр. Клёновичъ употребляетъ не только слова bohatyr—bohater (bohatyrz), hultaj, krynica, hałas, pohaniec, łuk, surma, а также лишнія русскія слова: czerewo (черево, brzuch, а trzewo—кишка), skrowiszcze (сокровище, skarb), hołowieńka, mołojec, muż, borzobohaty, hołoble, gramota (а не hramota), izmiennik (у другихъ польскихъ писателей zmiennik), pobratym, zołote (żniwo, но złote kłosy, grona и пр.), chorosze, czoboty, hubi, zahibł, carstwo (tureckie), brednia, Lach-lacki, и др. [2]). Современникъ Клёновича, Іосифъ Верещинскій, потомокъ русскаго рода изъ холмской Руси [3]), зналъ русскій языкъ, употребляя иногда въ своихъ польскихъ сочиненіяхъ русскія слова (horodyszcze, bohomodlca, braha—piwo, horodniczy, skomoroch, hramota), не говоря объ обыкновенной польской номенклатурѣ mitropolit, władyka, archimendryt, humen, czerniec, pop;

---

[1]) Слова Uhry, ruka, употребленныя Кохановскимъ только какъ исключеніе (обыкновенно Węgry, ręka),—русскія или чешскія.

[2]) Клёновичъ, родомъ изъ Сулимѣрицъ въ Великой Польшѣ, жилъ потомъ въ Люблинѣ и познакомился съ Русью; онъ зналъ тоже чешскій языкъ, о чемъ сравни „Славяне" II. 138, III. 246. Надо сожалѣть о томъ, что Клёновичъ описалъ Русь стихами не польскими, а латинскими (Roxolania, 1584). Въ его поэмѣ Worek Judaszów на одной страницѣ (изд. Туровскаго 77) встрѣчаются слова skarbnica (польск.), pokładnica (чеш.), skrowiszcza (русск.); въ другомъ мѣстѣ (стр. 114) приводится „czuryło młody", волокита въ родѣ русскаго Чурилы Пленковича (но Czuryło тоже родъ червонорусскій XV—XVI вв.); стр. 124: jak Ruś mówi: jeden idzie k lesu, drugi czesze k biesu.

[3]) См. выше, стр. 69.

онъ выводитъ Татаръ, говорящихъ по-русски, и польскій переводъ русскаго письма hospodara cara i w. kniazia Chwedora Iwanowicza къ нему, Верещинскому. Русскій языкъ былъ извѣстенъ обоимъ доминиканцамъ, уроженцамъ карпатской Руси, Ф. Бирковскому и Ш. Окольскому, которые кромѣ того побывали тоже въ другихъ земляхъ русскихъ. Окольскій провожалъ полеваго гетмана Николая Потоцкаго въ его походѣ противъ возставшихъ козаковъ (1637—1638) и описалъ этотъ походъ; онъ часто вставляетъ въ свой дневникъ русскія слова и фразы козаковъ, напр. ataman, asawuł, mołojcy, kozacy horodowi, ochoczy, wypisczykowie, czerń, jaruga, wertep, dobroho zdrowia od hospoda boga, и др. [1]).

Въ XVII в. нѣкоторые польскіе писатели идилій, проживавшіе на Руси, именно во Львовѣ, старались болѣе или менѣе придать своимъ польскимъ произведеніямъ мѣстный русскій колоритъ, примѣшивая въ разговоры своихъ героевъ русскія слова и фразы. Идилію назвали они, именно Шимоновичъ и Зиморовичи, по-русски: sielanka (село, селянинъ — селянка), а не по-польски (wieś, wieśniak — wieśniaczka) [2]). Впрочемъ всѣ эти пастухи и пастушки ихъ селянокъ могли свою сладкую дребедень декламировать повсюду и въ Греціи, Италіи и пр., гдѣ могли жить всѣ эти Коронеллы, Доримунды, Цыприны, Амореллы, Амаранты, Геліодоры, Гіацинты и др. Селянки Шимона Шимоновича не окра-

---

[1]) Окольскій написалъ между прочимъ исторію доминиканскаго ордена на Руси (Russia florida rosis et liliis, Leopoli 1646); онъ предполагаетъ, что Russia Rubea dicitur primo ex complexione, quia gens a Lublino in Leopolim et Podoliam complexione rubea est; secundo ex loco propter rubeta; tertio ex sanguinis copiosi per summum fervorem belli effusione.

[2]) Краковянинъ Андрей Збылитовскій, изобразившій въ своей поэмѣ Wieśniak (Kraków 1600) сельскую жизнь, не знаетъ словъ sioło, sieło, sielanka, а только wieś, etc.; „Nimfo słowieńska... nie gardź moją wsią ubogą“. Поляки знали слова siodłak (срв. „Славяне“ III. 245), siedlce, siedliszcze, siedlisko, przysiodłek. Но въ половинѣ XVII вѣка Краковянинъ Іоаннъ Гавинскій назвалъ идилію (уже по-русски) sielanka.

шены еще на русскій ладъ, и развѣ только нѣкоторыя слова указываютъ на русскую обстановку автора, напр. sielanka, otrok (т. е. młodzieniec, отрокъ), debrz (дебрь), winohrad, Wołha. Больше русскаго колорита встрѣчается въ селянкахъ обоихъ братьевъ Зиморовичей, Шимона и Іосифа Вареоломея, особенно послѣдняго, старшаго. Оба они назвали свои селянки прямо Roksolanki to jest ruskie panny, rosiejskie—rosyjskie kniehynie, córy rosyjskie, z Podola i Ukrainy, z ruskiéj — roksolańskiéj stolicy (Lwowa), z ruskich — roksolańskich—roszańskich włości, z ruskiego księstwa; эти Роксоланки утѣшаютъ не только rosyjskie ziemie, a тоже możnego Lecha mnogie plemię, умѣютъ pląsy ruskie wyprawiać i polski taniec toczyć z panienkami lackiemi, вмѣстѣ со своими парнями, поющими подъ звуки бандуры, кобзы и сербскихъ гуслей (przy serbskich gęślach), и обращающимися къ Музамъ и къ „славянскимъ Каменамъ“ [1]). Въ селянкахъ Зиморовичей встрѣчается нѣсколько русскихъ словъ, и именно съ цѣлью придать селянкамъ русскій колоритъ, какъ напр. kniehynia (и ksieni), bojary, czerń, derewnia, sioło — sielski, bandora, kobza, surma, duma, wataha, mołodyca, wasilek, pirog (ruski), knysz, mużyk, hołubec, krynica, czołobitne ukłony, sołowij po naszemu (обыкновенно: słowik), zezula, puhacz, czerepacha, sobaka, wertep, horylica, trużenie, trużenik, bis—bies, druh, hospodyn, władyka, ihumen, świaszczennik, czerniec, czernica, diak, cerkiew, monaster, proskurnica, ryza (риза), obidnia, Lachowie — laski, и др. Вся эта rosyjska młódź, всѣ эти kobeźnicy (кобзари), trużenicy (труженики), ruskie płaczennice, mołojcy, изъ которыхъ многіе носятъ также русскія имена (Pałachna, Parasia, Bohymnia, Olena, Hafia, Fedora, Femka, Tymosz, Hryc, Miłosz, Samujło, Daniłko, Olechno, Dorosz, Ostafi, и пр.), справляютъ народные праздники и обряды (напр. огни наканунѣ св. Ивана Купалы—sobotki) [2]), похороны

[1]) Зиморовичи, слѣдуя русскому обычаю XVII в., употребляютъ и книжную греческую форму „Россія, россійскій“, даже „роксоланскій“ и народную „Русь, русскій“; срв. выше, стр. 2.

[2]) Owszem, kiedy sobótkę, jako zwyczaj niesie, zapalicie na błoniu równem lub przy lesie etc., (Sielanki J. B. Zimorowicza, wyd.

(гробъ, украшенный гіацинтомъ—kwiat słowieńskiéj ziemi), и пр. Въ двухъ селянкахъ, Kozaczyzna, Burda ruska, I. B. Зиморовичъ рисуетъ, какъ очевидецъ, уже не какія-то „идиліи“, а страшную дѣйствительность 1648 года, осаду Львова козаками и Татарами и всѣ ужасы того смутнаго времени возстанія Руси противъ Ляховъ и противъ православныхъ Русскихъ, обросшихъ „лядьскимъ мясомъ“; ихъ то русскіе (roksolańscy) козаки и „чернь, мужики, хлопы, толпы окозаченнаго сброда“, эти ихъ „побратимы, братья“, били наравнѣ съ „Ляхами собаками“, съ сарматскими панами, которые вынуждены были бѣжать за Вислу; было то страшное время, когда возставшая Русь считала богоугоднымъ дѣломъ lackie plemię wybiwszy oswobodzić z niego ruską ziemię, била Ляховъ и Русь — bracia bracią, synowie ojców, такъ что Rusi zginęła niemal połowica; więcej ich niż milion zabrali Tatarzy, więcej Rusi, niż bydła, w Turczech na bazarze, wszystkie hordy pogańskie, Tehinie, Stambuły, Azye obie śmierdzą już od ruskiej smoły! Тщетно православное русское духовенство и мѣщанство старалось ссылаться на общее свое съ козаками и чернью происхожденіе и вѣроисповѣданіе; тѣ только кричали вмѣстѣ съ Татарами: Bateńku choroszyj, nechoczem twojij wiry, łysze ditczych hroszyj; masz denhy lackie! считая ихъ котиковъ неразвитыми Русскими, обросшими лядьскимъ мясомъ, которое надо отбить отъ ихъ русскихъ костей:

Żeś ty Rusin, kotiuho, niedoszły,
Bo mięsem lackiem ruskie kości twe obrosły,
Przeto jeźli się dostać chcesz z nami do nieba,
Obić ci mięso lackie z kości ruskich trzeba!

Такую-то „селянку“ Ляховъ и Руси въ половинѣ XVII вѣка нарисовалъ тогда польскій писатель изъ Львова, I. Зиморовичъ.

Отдѣльныя слова и фразы русскія встрѣчаются и у другихъ польскихъ писателей XVII в., уроженцевъ не карпатской Руси,

---

Turowskiego, 45, 48). Іоаннъ изъ Вишни возстаетъ противъ такихъ обрядовъ: „Купала на Крестителя утопѣте, и огненное скаканя отсѣчете“. Акты южной и западной Россіи, II. 223).

а коренныхъ польскихъ земель, у Старовольскаго, Твардовскаго, Гавинскаго, Коховскаго, Вячеслава Потоцкаго и др., напр. smerd, draka, rozhowor, czerewo, sudno, derewnia, sobaka, sioło, sielanka („sielanka—skotopaska w słowiańskim stroju" у Гавинскаго), bandora, kobza, duma (т. е. историческая, эпическая пѣснь), kozacy mołojcy, и пр. [1]).

Польская литература сдѣлалась повсюду въ русскихъ земляхъ, на Руси Червоной, Малой и Бѣлой, своею, которую читали не только поселившіеся тамъ Ляхи, но тоже Русь [2]). Уже во

---

[1]) Русскую форму *смердъ* вмѣсто польской smard употребилъ, послѣ Стрыйковскаго (срв. выше, стр. 139), краковянинъ Шимонъ Старовольскій (Reformacya obyczajów polskich, ок. 1625 — 1630 г.): „Gdy się ubogi człowiek do prawa pospolitego uciecze, zaraz mu mówią: Nie dla was to piszą statuty, *smerdowie*, ale dla panów. O czem zasłychnąwszy dobrze Moskwa, gdy im mówiono na traktatach pod Smoleńskiem, aby się z naszym narodem złączyli i jarzmo tyrańskiéj niewoli z szyje swojéj złożywszy, z nami spólnie swobody i wolności miłéj zażywali, odpowiedzieli św. p. ks. Zadzikowi kanclerzowi koronnemu na on czas: Nie *choczem* panie biskupie waszéj wolności, *derżyte* ją sobie, bo u nas jeden tylko car co naszym *horłem* i majętnościami dysponuje, a u was co bojar to tyran". Старовольскій называетъ эпическія историческія пѣсни польскія — *думы* (Nehring, Altpolnische Sprachdenkmäler, 216) несомнѣнно по южно-русскимъ думамъ, которыя (ruskie lamenty, podolskie dumy, kozackie dumy) были извѣстны Полякамъ XVI—XVII вв.; срв. Jagić: Gradja za historiju slovinske narodne poezije (Rad jugoslav. akademije, knj. 37). Въ стихотворномъ пр. Żywot kozaków Lisowskich (1620) приводится русскій разговоръ двухъ козаковъ: Pomahaj boh Kiwajło! Spasi boh Iwane! Odkud idesz? Z Morawcow. Proszu te, moj pane, szczo tam czuwaty? Wsie licho Czechom. Szczo czyniti wam? Mołojcom terpity. Nemcom? Nemcow bity. Но Лисовчики били не только Нѣмцевъ, а также Чеховъ и Русь; срв. „Славяне" III. 149. О русскихъ словахъ и фразахъ въ польскихъ сочиненіяхъ срв. тоже въ ж. Biblioteka Warszawska 1891, III. 547.

[2]) Ст. Орѣховскій въ своей книжкѣ Baptismus Ruthenorum (1544, срв. Orichoviana, p. 47) помѣстилъ формулу присяги Русскаго, принимающаго католицизмъ, не на языкѣ русскомъ, а на польскомъ.

второй половинѣ XVI в. Севаст. Клёновичъ, въ своихъ элегіяхъ на смерть I. Кохановскаго могъ сказать, что кончину великаго польскаго славянскаго поэта оплакиваютъ рѣки славянскія, города „широкаго народа славянскаго", Краковъ, Познань, Люблинъ, Вильна въ ополяченной Литвѣ и Львовъ въ русскихъ земляхъ:

Płacze cię Litwa spolszczała, żałuje cię silno
Janie, dwugrodne Wilno,
Porządny Lwów w ruskich krajach, uczonych uciecha,
Płacze godnego Lecha [1]).

Но не вся Русь карпатская наслаждалась стихами Кохановскаго и Зиморовича, читала хроники Бѣльскаго и Кромера, сборники правъ Гербурта и Янушовскаго, Щербича, проповѣди Скарги и Бирковскаго и русско-польскія „вирши" Седовскаго и Бутовича. Масса русскаго народонаселенія въ Карпатахъ, по Сану, Бугу, Днѣстру, слушала въ своихъ церквахъ старинныя пѣснопѣнія на церковномъ языкѣ словѣнскомъ, пѣла со своими попами „Господи помилуй ны", а въ своихъ хатахъ—старинныя народныя пѣсни, и прославляла не пановъ Ляховъ, а гайдамаковъ и опришковъ (разбойниковъ), особенно же козацкихъ молодцовъ Хмѣльницкаго, Перебійноса, Нечая, Морозенка, Козубая, которые били и рѣзали вражихъ Ляховъ, рубили ихъ мечомъ и топили водою, гнали ихъ за Случъ и за Вислу [2]).

Б) Русь литовская [3]).

6. *Литва и присоединеніе къ ней югозападной Руси по Двинѣ и по Днѣпру. Великое княжество литовско-русское. Русскій языкъ и русская вѣра въ Литвѣ. Гедиминовичи. Литва и ли-*

---

[1]) Żale nagrobne na Jana Kochanowskiego (w Krakowie 1585, перепечаталъ Туровскій 1858).

[2]) См. Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, собранныя Як. Головацкимъ (Москва 1878, 3 т.).

[3]) См. Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи (СП. 1846—1853, 5 т.), Акты, относ. къ исторіи южной и западной Россіи

товская Русь и Польша, столкновеніе католицизма и православія, католическая Литва и православная Русь. Русскій языкъ — офиціальный и литературный языкъ литовско-русскаго государства, католической Литвы и православной Руси. Русское устройство литовско-русскаго государства; князья и бояре, города, селяне.

На верхнемъ Нѣманѣ и средней Двинѣ издавна сосѣдили и сносились Русь, именно племя Кривичей, и Литва (съ Латышами— Лѣтьголою и Зиміголою); по Кривичамъ же Латыши называютъ до сихъ поръ Русскихъ Кревами, а въ литовскомъ ихъ названіи Гуды, кажется, тоже скрывается переводъ названія Кривичей [1]). Кривская земля раздѣлилась потомъ на двѣ половины, восточную—

(СП., выходятъ съ 1863 г.), Грамоты великихъ князей литовскихъ 1390—1569 (Кіевъ 1868, изд. Антоновичъ и Козловскій), Документы объясняющіе исторію западно-русскаго края (СП. 1865), Skarbiec dyplomatów do dziejów Litwy a Rusi litewskiéj (Wilno 1860 — 62, 2 t., wyd. Daniłowicz), Zbiór praw litewskich (Poznań 1841, wyd. Działyński), Памятники изд. комисіею для разбора древнихъ актовъ (Кіевъ 1845 —1859, 4 т.), Архивъ югозападной Россіи (Кіевъ, выходитъ съ 1859 г.), Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ (Вильна 1843), Археограф. Сборникъ документовъ сѣверозападной Руси (Вильна 1867—1889, 11 т.). Акты, издаваемые коммиссіею для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ (Вильна, выходятъ съ 1865), Историко-юридическіе матеріалы изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской (Витебскъ 1871—1881, 12 т.), Archiwum książąt Sanguszków (Lwów 1887—1890, 4 t.) и др. Объ исторіи Литвы и литовской Руси см. сочиненія Нарбута, Ярошевича, Балинскаго, Крашевскаго, Кояловича, Брянцева, В. Антоновича (Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго до смерти в. к. Ольгерда, Монографіи по исторіи западной и югозападной Россіи I., Кіевъ 1885; срв. Н. Дашкевича, Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства, Кіевъ 1885). Мѣсто исторіи литовскаго государства въ исторіи Руси хорошо понялъ уже Устряловъ; на нее обратили вниманіе особенно Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія II; Д. Иловайскій, Исторія Россіи, II. III.; Макарій (Булгаковъ), Исторія русской церкви.

[1]) См. Archiv für slav. Philologie VII. 594

Смоленскъ и западную — Полотьскъ (Полоцкъ). Полоцкое княжество распалось на много мелкихъ княжествъ: полоцкое, мѣньское (минское), витебское, изяславское (нжеславское, жеславское), логожское, друческое (друцкое), случеское (слуцкое), новгородецкое, городенское, клеческое (клецкое), свислочское, лукомское, оршанское и др. Нѣкоторые изъ этихъ полоцкихъ князей покорили себѣ тоже латышскія земли, и въ началѣ XIII в. русскіе князья встрѣчаются также въ латышскихъ городахъ Коконосѣ и Герсикѣ.

Западные Литовцы (Прусы) покорены и истреблены нѣмецкими рыцарями; сѣверные Литовцы (Латыши) покорены другимъ нѣмецкимъ рыцарскимъ орденомъ меченосцевъ; а южные Литовцы, Ятьвяги (пол. Jaćvęgi), истреблены соединенными силами Руси и Ляховъ. Только средніе и восточные Литовцы по Нѣману (Литва и Жемоить — Жмудь), долго преслѣдуемые русскими князьями, съ конца XII в. выступаютъ изъ своихъ лѣсовъ и болотъ и начинаютъ все чаще наѣзжать на русскія земли, на Полоцкъ и дальше на востокъ и на югъ. Русь, разрываемая безконечными междоусобицами князей и скоро разгромленная наѣздомъ монгольскимъ, не могла сопротивляться воинственнымъ Литовцамъ; о нихъ уже въ концѣ XII в. сказалъ пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ: „Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ; единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ (полоцкій), позвони своими острыми мечи о шеломы литовскыя, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи“.

Около половины XIII в. вся западная часть кривской земли находилась подъ господствомъ литовскаго князя Миндовга; Новгородокъ, Волковыйскъ, Слонимъ, Городно (Городенъ), Пинскъ, Полоцкъ, Витебскъ и др. входили непосредственно или посредственно въ составъ все усиливающагося литовскаго княжества, и границы его распространялись все дальше на югъ. При великомъ князѣ Гедиминѣ (1316—1341) литовское господство утвердилось въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Пинскѣ; завоеваны Туровъ, Берестье, Дорогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ; Волынь достался Литвѣ позднѣе вслѣдствіе брака Любарта Гедиминовича съ волынскою княж-

ною. При Ольгирдѣ (Ольгердѣ) Гедиминовичѣ (1345—1377) присоединены къ Литвѣ земли сѣверская, подольская и вѣроятно кіевская [1]); вмѣстѣ съ тѣмъ литовское господство утвердилось и въ землѣ волынской противъ притязаній Польши, владѣвшей карпатскою Русью. На крайнемъ востокѣ и Смоленскъ призналъ верховную власть Литвы, и наконецъ присоединенъ къ ней непосредственно (1404). Такимъ образомъ въ XIII—XIV вв. по Нѣману, Двинѣ и Днѣпру образовалось сильное государство литовское, бóльшую часть котораго составляла югозападная Русь по Двинѣ и по Днѣпру. Это литовско-русское государство восприняло и страшную борьбу съ наступающею на литовскій и славянскій востокъ силою нѣмецкою, съ обоими орденами нѣмецкихъ рыцарей, стремившихся къ покоренію и порабощенію этого востока [2]).

Литовскіе князья, распространяя свое господство въ русскихъ земляхъ, оставляли въ нихъ прежнихъ князей Рюриковичей или раздавали княжества членамъ своего рода; послѣдніе пріобрѣтали русскія княжества тоже вслѣдствіе браковъ съ русскими княжнами. Но Рюриковичи въ югозападной Руси все вымирали; въ началѣ XIV в. прекратились они въ Туровѣ, Пинскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Волынѣ, Минскѣ; у другихъ князей отняты ихъ княжества, какъ напр. у князей сѣверскихъ, кіевскаго, смоленскаго. Въ XV в. въ литовской Руси было уже мало Рюриковичей въ своихъ старинныхъ княжествахъ; больше сохранились они въ Сѣверщинѣ. Русскія княжества достались литовскимъ Гедиминовичамъ и Ольгирдовичамъ, которые княжили въ нихъ подъ верховнымъ владычествомъ великаго князя литовскаго и русскаго, какъ прежде русскіе князья—подъ верховнымъ владычествомъ великаго князя кіевскаго. Литовскіе князья, сносясь и сталкиваясь постоянно съ Русью, рано привыкли къ русской культурѣ: принимали православіе — „русскую“ вѣру; сами, будучи въ сравненіи съ болѣе образованною

---

[1]) Такъ думаютъ Антоновичъ и М. Грушевскій (Очеркъ исторіи кіевской земли до конца XIV в., Кіевъ 1891); Дашкевичъ и др. принимаютъ завоеваніе Кіева Гедиминомъ.

[2]) Срв. „Славяне“ II. 400.

Русью „варварами", мало-по-малу обращались въ Русскихъ вѣрою, образованіемъ и языкомъ. Уже сынъ Миндовга Войшелкъ былъ ревностнымъ православнымъ и сталъ защитникомъ русско-православной партіи противъ литовско-языческой. Сыновья Гедимина, за исключеніемъ Монвида и Кестутія (Кейстута), и большая часть Ольгирдовичей, рожденные отъ русскихъ княженъ, были православные Русскіе, хотя нѣкоторые — въ виду своего языческаго литовскаго народа—не примкнули открыто къ православію. Православными Русскими были Гедиминовичи Евнутій (Явнута) Иванъ, Ольгирдъ (Ольгердъ), Коріатъ Михаилъ, Наримунтъ Глѣбъ, Любартъ Димитрій, Ольгирдовичи—Ягайло (Ягелло) Яковъ, Андрей, Корибутъ (Корыбутъ) Димитрій, Володимиръ, Скиригайло (Скиргелло) Иванъ, Лугвеній (Лингвень) Семенъ, Швитригайло (Свидрыгелло) Александръ, и др. [1]); Кестутій остался вѣренъ вѣрѣ отцовъ, но его сынъ Витовтъ принялъ у нѣмецкихъ крестоносцевъ христіанство католическое, а вернувшись въ Литву—православіе и имя Александръ [2]). Великій князь Ольгирдъ мечталъ о

---

[1]) Швитригайла называютъ нѣкоторые Львомъ (срв. Акты западной Россіи I. примѣчанія, стр. 12; Stadnicki, Bracia Władysława Jagiełły, 365); но самъ Швитригайло назывался еще въ концѣ своей жизни „Александро (Олександро) инако Швитрикгайло Ольгирдовичъ" въ двухъ грамотахъ 1446 и 1451 гг. (Archiwum książąt Sanguszków III. № 8, 10); въ 1424 г. онъ называется „Болеславъ инако Швитрикгайло".

[2]) См. монографіи Каз. Стадницкаго: Synowie Gedymina (1849—1853, 2 t., I томъ въ новомъ изданіи 1881), Olgierd i Kiejstut (1870). Bracia Władysława Jagiełły (1867); дополненія написалъ J. Wolff: Ród Gedymina (1886). Имена литовскихъ князей пишемъ въ русскихъ ихъ формахъ, какъ онѣ встрѣчаются въ русскихъ грамотахъ и лѣтописяхъ. Слѣдовало бы ихъ писать по-литовски, но литовскія ихъ формы до сихъ поръ не возстановлены и не объяснены; Микуцкій считаетъ правильными формы Ягайлас, Швитригайлас, Карибутас, Витаутас, и объясняетъ — *гайлас* словомъ *гайлети* — жалѣть, *твитри*—свѣтлый, *кари*—дѣлать, *бутас*—домъ (Карибутас = славян. Домарадъ), *таута* — народъ, и пр. В. Юргевичъ (Опытъ объясненія именъ князей литовскихъ, въ москов. Чтеніяхъ 1883, III) сближаетъ литовскія имена съ именами христіанскаго православно-русскаго ка-

собраніи всѣхъ русскихъ земель противъ Москвы, важность которой относительно литовской Руси онъ уже предчувствовалъ; онъ, Ягайло и Витовтъ старались ослабить Москву въ отношеніи политическомъ и церковномъ, и стремились къ учрежденію особой митрополіи для литовской Руси и въ возвышенію Кіева противъ Москвы, что́ имъ и удавалось, хотя только на время; а Ягайло заключилъ даже союзъ съ татарскимъ ханомъ Мамаемъ противъ Москвы. Многіе Ольгирдовичи были ревностные православные Русскіе, пользовались общею любовью русскаго народа; такъ напр. Володимиръ Ольгердовичъ и его потомки Олельковичи (по Александру-Олельку Володимировичу) князья Слуцкіе, Бѣльскіе, Ольгердовичи Иванъ Скиригайло, Димитрій Корибутъ (Корыбутъ) и его сынъ Сигизмундъ Корибутовичъ, извѣстный защитникъ

лендаря, напр. Мингайло — Михайло, Ягайло — Яковъ (Яга, срв. въ Воскресенской лѣтописи, П. С. Р. Л. VII. 253: Яковъ нареченный Ягайло), Кестутій (Кейстутъ, Кинстутъ)—Константинъ (Костя), Лугвеній (Лингвень) — Лонгинъ, и пр. О православіи Гедиминовичей и Ольгердовичей (и Ягайла) см. монографіи Стадницкаго (срв. „Славяне“ III, 45) противъ Шайнохи (Jadwiga i Jagiełło III. 355), который защищаетъ язычество Ягайла и др., какъ и I. Вольффъ (Ród Gedymina, 86); срв. Smolka: Kiejstut i Jagiełło (1888). Православіе Ягайла защищаетъ тоже М. Смирновъ: Ягелло—Яковъ—Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею (Одесса 1868); изъ приводимыхъ имъ источниковъ надо выпустить такъ называемый дневникъ Кибурга 1397 года, оказавшійся поддѣлкой начала XIX вѣка, и мнимыя слова Длугоша, который будто называетъ православіе idololatria (это относится къ Pruthenus, а не Ruthenus, см. выше стр. 10). Шайноха (стр. 358) приводитъ изъ книжки Historia pulchra et stupenda miraculis referta imaginis Mariae, quomodo et unde in Clarum montem Czanstochowiae et Olsztyn advenerit (Cracoviae 1523) слѣдующія слова: Post mortem Ludovici regis grande deus donum et miraculum genti polonae contulit. Ladislaus enim dux egregius Lithuanorum, vocatus ad regnum ea lege, si misso schismate chistianus purus efficeretur etc. Срв. тоже что́ пишутъ нѣмецкіе рыцари въ своей запискѣ, представленной констанцскому собору въ 1416 году: Unum certe de humanitate dictorum Ruthenorum et aliorum infidelium recitacione dignum estimatur, quod dominum regem Polonie et alios, qui a fide eorum recesserunt et nostram susceperunt, ea beni-

чешскихъ гуситовъ, и др. [1]). Православными русскими родами остались и другіе Гедиминовичи и Ольгирдовичи: князья Жеславскіе — Заславскіе (Евнутьевичи), Мстиславскіе (Лугвеньевичи), Пинскіе и Корецкіе (Наримунтовичи), Сангушки (Сонгушки, Сенкушки, Сендюшки), Гуркй и Кобринскіе (родъ Федора Ольгирдовича), и др. [2]).

Борьба Литвы и Москвы изъ-за первенства на Руси кончилась бы раньше или позже въ пользу Москвы, сплоченіе же русскихъ земель около Москвы состоялось бы вѣроятно гораздо раньше, если бы событія не повернули Литвы и ея Руси съ востока на западъ—къ Польшѣ. Этотъ важный въ исторіи всего Славянства фактъ 1386 г. — избраніе великаго князя литовскаго и русскаго Ягайла въ польскіе короли и принятіе имъ, нѣкоторыми его братьями, Витовтомъ и народомъ литовскимъ католицизма, что́ и придало дальнѣйшей исторіи Польши и Руси совсѣмъ иной характеръ. То, что случилось еще раньше, около половины XIV вѣка, въ карпатской Руси, т. е. водвореніе господства латинско-поль-

---

gnitate et paciencia tolerant, qua ipsos in eorum perfidia tolerabant, in eo christianorum humanitatem excedentes, qui a fide eorum relapsos ad idola non solum ad ipsorum conversacionem non admittunt, sed diris cruciatibus persecuntur. (Codex epistolaris Vitoldi, p. 1030). О католическомъ и православномъ крещеніи Витовта см. особенно его письмо прусскимъ крестоносцамъ ок. 1390 г. (Scriptores rerum prussicarum II. 713); срв. А. Барбашевъ: Витовтъ и его политика до грюнвальдской битвы (СП. 1885, стр. 135), тоже „Славяне“ III. 45.

[1]) О Сигизмундѣ Корибутовичѣ см. „Славяне“ III. 54; срв. еще Wolff: Ród Gedymina, 90, 152. Михаилъ Коріятъ, Димитрій Корибутъ, Александръ Володимировичъ упоминаются въ запискахъ XIV—XV вв. въ евангеліи лаврашевскомъ, которое хранится въ библіотекѣ кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ, а не въ Императорской публ. библ. въ Петербургѣ, какъ думаютъ Востоковъ (Описаніе рукописей Румянцева, стр. 124) и издатели Актовъ южной и западной Россіи II. стр. 103. Срв. нашъ Отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границею 1882 г., стр. 23—24.

[2]) См. J. Wolff: Ród Gedymina; A. Boniecki: Poczet rodów w w. ks. litewskiém w XV i XVI w. (Warszawa 1887, срв. Ateneum 1888, III. 525), часто противъ Стадницкаго и Бартошевича.

скихъ католицизма и культуры,—то же самое состоялось въ концѣ XIV в. и въ Литвѣ и въ соединенной съ нею югозападной Руси. Литва и Русь раскрылась латинской культурѣ, проводимой тамъ Польшею,—той культурѣ, которая давно уже напирала на Русь и Литву со стороны западныхъ ихъ сосѣдей, Шведовъ и прибалтійскихъ Нѣмцевъ въ Прусіи и Ливоніи. Подобно тому какъ въ этихъ прибалтійскихъ странахъ литовскихъ и чудскихъ латинская культура сопровождалась паденіемъ независимости тѣхъ племенъ и ихъ религіи, водвореніемъ тамъ политическаго господства и устройства Нѣмцевъ и Варяговъ (Шведовъ),—такъ и въ Литвѣ и югозападной Руси латинская культура сопровождалась политическимъ и культурнымъ господствомъ польскаго элемента въ ущербъ не только литовскому язычеству, а тоже русскому православію или, какъ въ Польшѣ выражались, „схизмѣ". Этой цѣли посвящена съ XIV вѣка почти вся дѣятельность польскаго народа; она-то отвлекала его отъ славянскаго запада и влекла его на славянскій востокъ; „стремленіе на Русь" составляетъ главное содержаніе исторіи польскаго народа,—то роковое стремленіе, которое не соотвѣтствовало силамъ польскаго племени и кончилось полною неудачею и паденіемъ этого славянскаго народа [1]).

---

[1]) Доктрина о „задачѣ" польскаго народа—переносить западноевропейскую, латинскую культуру (католицизмъ и полонизмъ) на Русь—повторяется въ польской исторіографіи часто, даже въ новѣйшія времена. Если князь І. Ѳ. Любомирскій думаетъ, что „cudne plemię lechickie przyjęło tylko najświetniejsze wyniki rzymsko-teutońskiego świata; téj uświetnionéj i zzamożniałéj narodowości lechickiéj powołaniem było rozciągnąć na kraj nowo przyłączony swoje rozliczne, płodne żywioły" (Biblioteka Warszawska 1855, IV. p. 7), то онъ смѣшиваетъ исторію съ эпопеею. Въ такомъ смыслѣ высказываются тоже Шайноха (срв. статью Гильфердинга: Польскій вопросъ, въ Собраніи сочиненій II. 291) и Ст. Смолька; послѣдній еще недавно выразился, что посредствомъ западной латинско-польской цивилизаціи и католицизма Русь должна была освободиться „изъ клещей заплѣсневѣлаго востока и замораживающей схизмы". (Rok 1386. W pięciowiekową rocznicę. Kraków 1886). Польскій историкъ какъ-то уже слишкомъ увлекается доктриною и впадаетъ въ неумѣстный,

Владиславъ Ягайло — такъ назвался новый польскій король и наивысшій князь литовскій и русскій послѣ принятія католицизма — всевозможно старался не только распространять католицизмъ въ Литвѣ и Жмуди, но и придалъ ему характеръ господствующаго вѣроисповѣданія; онъ находился всецѣло подъ вліяніемъ католической іерархіи, а поэтому и возненавидѣлъ чешскихъ гуситовъ; не менѣе враждебно относился онъ и къ православію или „схизмѣ", и все носился съ мыслью объ уніи церквей восточной и западной. Въ такомъ смыслѣ воспитаны и его сыновья, и такъ вела себя и его четвертая жена Софія изъ православныхъ литовско-русскихъ князей Ольгимунтовичей — Гольшанскихъ, сдѣлавшаяся ревностною католичкою. Великій князь литовскій и русскій, Александръ Витовтъ Кестутьевичъ, не смотря на свое вторичное присоединеніе къ католицизму (1386), не относился враждебно къ православію; онъ, конечно, не могъ забыть, что огромное большинство его подданныхъ—православная Русь, что онъ „господарь литовскій и многихъ рускихъ земль". Онъ заботился также о православной русской церкви и хлопоталъ о назначеніи особаго кіевскаго митрополита (1415)—противъ московскаго,—чтобы православная „вѣра не меншала ни угыбала, и русская честь вся стояла на своей земли", и чтобы „митрополитъ

національно-конфесіональный лиризмъ, и тѣмъ самымъ въ совсѣмъ неисторическій тонъ: „Pod tchnieniem unii (1386) rozwiało się groźne widmo azyatyckiéj potęgi, która miała zaciężyć nad Europą, jeśli nie na zgubę zachodniéj cywilizacyi, to na nieszczęście ludów, przez unię ocalonych. W unii z Polską i pod wpływem Polski, Litwa stanęła na wschodzie Europy jako niezmordowana krzewicielka katolickiéj wiary i zachodniéj cywilizacyi... A Ruś, którą unia odsunęła od panowania, wzamian za berło złowrogiéj potęgi, otrzymała w tem zjednoczeniu ludów pierwszy posiew duchowego zmartwychwstania. Rok 1386 wyrwał ją z kleszczy zapleśniałego wschodu i powołał do wspólnego z zachodem życia. Ze zjednoczeniem kościelnem, które od chrztu Jagiełły stało się koniecznością dziejową, zstąpił duch w martwe a piękne ciało ruskiéj cerkwi i rozbudził żywotność tych bujnych soków cywilizacyjnych, które schizma zmroziła w ruskim narodzie". Можно подумать, что это написалъ польскій іезуитъ Скарга, а не польскій историкъ конца XIX вѣка! Менѣе лирически и болѣе исторически

сѣдѣлъ на своемъ столѣ въ Кіевѣ", подобно тому, какъ есть первосвятители у Болгаръ и у Сербовъ [1]). Витовтъ интересовался дѣлами православной церкви въ своемъ государствѣ не только по соображеніямъ политическимъ, но также потому, что онъ, подобно Ягайлу, думалъ объ уніи восточной церкви русской съ Римомъ. Новый кіевскій митрополитъ Григорій Цамблакъ, Болгаринъ, долженъ былъ, по желанію Витовта и Ягайла, хлопотать о дѣлѣ уніи, но ничего не сдѣлалъ [2]). Витовтъ сначала не чуждался и чешскихъ гуситовъ; при немъ въ Литвѣ находился и другъ Гуса, Іеронимъ Пражскій (1413), съ которымъ Витовтъ совѣщался о нѣкоторыхъ церковныхъ вопросахъ; да католическая іерархія позже

поставленъ имъ вопросъ: „Czy nie poszła na marne cała zasługa dziejowa, która się w unii zawiera?" Исторія рѣшила этотъ вопросъ не въ пользу польскаго народа, а „задача" его была, по нашему мнѣнію, другая, срв. „Славяне" II. 70—100, III. 157, 164.

[1]) Акты западной Россіи I. № 25. Объ избраніи особаго кіевскаго митрополита писалъ ливонскій магистръ прусскому вел. магистру (1 янв. 1416): „Herzog Vitovd hat einem russchen babist odir anders patriarchen geheissen, in Lettowen irhaben und irwelt, da her die Moskower, Nogardere, Pleskower und alle Russenland umme en gelegen, zu twingen wil, das sie deme patriarchen gehorsam sollen sin und keime andern". (Liv—esth— und kurländisches Urkundenbuch, ed. Bunge, V. 107).

[2]) Въ литовско-русской лѣтописи (изд. Даниловича, 240) разсказывается, что митрополитъ Григорій спросилъ Витовта, зачѣмъ онъ не православный: „Что ради ты княже самъ въ вѣрѣ ляцкой, а не въ православной вѣрѣ христіанской? И отвѣща ему Витовтъ: Аще хощеши не токмо мене единого видѣти въ своей православной вѣрѣ, но и всѣхъ людей невѣрныхъ моея земля литовскія, то иди въ Римъ, и имѣй прю съ папою и съ его мудрици; аще ихъ преприши, то вси мы будемъ христіане, и аще-ли не преприши, то имамъ вся люди своея земля въ свою нѣмецкую превратити вѣру. И посла его въ Римъ" (т. е. въ Констанцъ). Этотъ разсказъ перешелъ тоже въ сѣверныя русскія лѣтописи; см. м. Макарія, Исторія русской церкви IV. 99; Stadnickiego Bracia Władysława Jagiełły 129. Срв. письмо Владислава Ягайла папѣ 1418 г. у Левицкаго Codex epistolaris saec. XV, t. II, p. 98. О Григоріи Цамблакѣ см. тоже „Славяне" II. 222.

на констанцкомъ соборѣ обвиняла Іеронима, что онъ уговаривалъ Витовта и Литовцевъ отречься отъ католицизма и принять православіе, къ которому Іеронимъ относился съ глубокимъ уваженіемъ и симпатіею [1]).

Не всѣ Ольгирдовичи братья Ягайла приняли католицизмъ; большая часть остались ревностными православными Русскими. Но даже тѣ Ольгирдовичи, которые замѣнили православіе католицизмомъ, не могли забыть о вѣроисповѣданіи своей молодости, о „русской вѣрѣ", тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ—уже въ силу своего пребыванія среди православной Руси и вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ нею—не могли относиться къ ней враждебно. Такъ именно младшій братъ Ягайла, Швитригайло Александръ, и послѣ принятія католицизма (1386 г. и имени Болеславъ), все держался православныхъ Русскихъ [2]); Русскіе же съ своей стороны были къ нему всегда расположены и охотно помогали ему во всѣхъ его предпріятіяхъ, и въ несчастной для него битвѣ вилкомирской: въ ней — по словамъ литовско-русскаго лѣтописца — Швитригайло вмѣстѣ „съ князи рускими, бояры и со

---

[1]) Hieronymus... in Lituania et Russia intrans ecclesias schismaticorum fidem seu perfidiam praetulit fidei communi christianae... dixit, quod schismatici et Rutheni essent boni christiani... Hieronymus, interrogatus per ducem Witoldum et episcopum (виленскимъ), si baptizati secundum ritum Graecorum erant rebaptizandi, consuluit, quod non, sed simpliciter in fide romana instruendi... Hieronymus, quantum potuit, circa dominum ducem institit et laboravit et conabatur, d. ducem cum tota gente sua christiana a fide christiana avertere, et ad permanendum in dicta secta Ruthenorum et infidelium populorum inducere. (Hardt: Constant. concilium IV. 634 etc.). Срв. „Славяне" III. 37, 40, 44.

[2]) Sectae ruthenicae quam maxime favens — говоритъ о немъ Длугошъ. Епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій тоже съ негодованіемъ отзывается (1432) о взаимныхъ симпатіяхъ Русскихъ и Швитригайла и о сношеніяхъ чешскихъ гуситовъ съ Швитригайломъ и съ православною Русью, „qui inter se videntur de multis articulis, videlicet communione utriusque speciei, paupertate cleri et aliis multis supersticionibus, concordare cum Bohemis, et sunt unius idiomatis". (Codex epistolaris saec. XV, t. II. 289).

всею силою рускою“ сражался противъ великаго князя литовскаго Жидимонта (Сигизмунда) Кестутьевича съ его „силою литовскою и съ Ляхи“ [1]). Швитригайло тоже думалъ объ уніи церкви восточной съ западною, но неискренно и по соображеніямъ чисто политическимъ, да онъ даже, готовясь къ войнѣ съ великимъ княземъ Сигизмундомъ, велѣлъ сжечь митрополита Герасима, душу этихъ плановъ объ уніи [2]). Сношенія Ольгирдовичей и Витовта съ подвластными имъ православными Русскими, съ „схизматиками“, весьма не нравились нѣмецкимъ крестоносцамъ и ихъ верховному повелителю, римско-нѣмецкому императору; они упрекали даже Ягайла и Витовта въ вялости при защитѣ интересовъ католицизма въ Литвѣ и Руси и въ дѣлѣ церковной уніи [3]).

Подобно тому какъ Литовцы принимали отъ покоренной ими Руси вѣроисповѣданіе православное, такъ приняли они отъ нея тоже *языкъ*, который употребляла вся югозападная Русь въ публичной жизни и въ литературѣ. Этотъ русскій языкъ, употребляемый во всей югозападной Руси и потомъ тоже въ Литвѣ,—литературный языкъ со своими опредѣленными формами и стилемъ,

---

[1]) Срв. „Славяне“ III. 67—78.

[2]) Срв. St. Smolka, Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego, 18—19.

[3]) Вотъ напр. нѣсколько отзывовъ нѣмецкихъ крестоносцевъ объ Ольгирдовичахъ; они-де „scismaticorum perfidia baptizati... magis Ruteni quam christiani, magni et horribiles inimici christianitatis... Jagello fovet scismaticos immo hereticos videlicet Rutenos... Witawtus tenet se magis ad Litwanicos et Rutenicos et infideles quam ad christianos, quia ipse cum illis Rutenicis sicut cum illis de Moskaw et de Magna Naugarten et de Plescaw se colligavit contra christianitatem“ etc. (срв. Codex epist. Vitoldi 23, 996, 1025, 1030; Codex diplomat. Prussiae V. 183, etc.). Сношенія Ягайла, Витовта и Швитригайла съ чешскими гуситами „еретиками“ (см. обширно „Славяне“ III) еще усилили вопли тѣхъ борцовъ „христіанства“, такъ какъ нѣмецкіе крестоносцы въ своей скромности считали себя какъ бы главными его представителями; но тѣмъ не менѣе они не могли отнестись спокойно къ факту крещенія Литвы Ягайломъ: nec grave eis (Литовцамъ) erat aquis mergi, quia ea gens a juventute sua balneis est assueta.

развившійся на основаніи общаго древне-русскаго языка; это не языкъ простого народа югозападной Руси, такъ называемыя нарѣчія малорусское и бѣлорусское; характеристическія ихъ черты развивались и вліяли болѣе или менѣе на литературный языкъ югозападной Руси довольно поздно, вмѣстѣ съ языкомъ польскимъ. Въ этомъ письменномъ языкѣ „рускомъ“ — такъ онъ назывался — нѣтъ тѣхъ характеристическихъ чертъ говоровъ простого народа, т. е. именно нарѣчій бѣлорусскаго и малорусскаго, нѣтъ напр. бѣлорусскаго *дзъ*-еканья и *цъ*-еканья, *а*-канья и *я*-канья (дзядъ, цяперъ, быць-быци, адзинъ, вяликій), малорусскаго *и*-канья (ви̑кно, ди̑дъ), общезападнорусскихъ бувъ, вовкъ — воукъ и пр.; такія формы встрѣчаются очень рѣдко рядомъ съ обыкновенными: дѣдъ, теперь, одинъ, быти, великій, окно, былъ волкъ и пр. Такъ писали въ Кіевѣ, Волынѣ, Львовѣ, въ Вильнѣ, Могилевѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ. Да „бѣлорусское“ *дзъ* и *цъ* исключаются даже изъ именъ и географическихъ названій западной Руси и изъ словъ, принятыхъ изъ польскаго языка, который тоже *дзъ*-екаетъ и *цъ*-екаетъ; такъ въ этомъ письменномъ языкѣ югозападной Руси пишется: Радивилъ (а не: Радзивилъ, поль. Radziwiłł), Будиловичъ (Будзиловичъ, Budziłowicz), Костюшко (Косцюшко, Kościuszko), Тыкотинъ (Тыкоцинъ, Tykocin), тивунъ (цивунъ, ciwun), дѣцкій (дзецкій, dziecki), кметь (поль. kmieć), костелъ (поль. kościół) и пр. Формы: паслѣ (послѣ), мядовое (медовое), помяняли (помѣняли), Мицьково (Митьково), шляхцѣ (шляхтѣ), слаць (слати), Дзедунъ (Дѣдунъ) и др. встрѣчаются рѣдко, да и то главнымъ образомъ уже позднѣе, въ XVI—XVII вѣкахъ [1]. „Бѣлорусскимъ“ назывался этотъ письменный

---

[1]) См. И. Недешевъ: Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ (въ варшав. „Филолог. Вѣстникѣ“ 1884, XII); срв. тоже Е. Карскій: Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи (Москва 1886), П. Житецкій: Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія (Кіевъ 1876), Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. (Кіевъ 1889). О письменномъ языкѣ литовской Руси см. тоже замѣтки Як. Головацкаго въ соч. Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ по актамъ XVI стол. (Вильна 1888, стр.

языкъ югозападной Руси только въ Москвѣ, названіе чисто географическое, такъ какъ ближайшая часть литовской Руси по верхнему Днѣпру и по Березинѣ со второй половины XVI вѣка носила названіе „Бѣлой Руси“ [1]). Этотъ письменный русскій языкъ литовской Руси—чисто русскій языкъ безъ примѣси церковнаго языка словѣнскаго; такая примѣсь замѣтна только въ памятникахъ, составляемыхъ съ участіемъ православныхъ духовныхъ лицъ, которыя не могли писать по-русски безъ разныхъ словѣнскихъ: аще, градъ, глава, събрати, дръжати, добраго, поставихомъ, бяше, и пр. [2]).

Русскій языкъ былъ офиціальнымъ языкомъ великаго княжества литовскаго; по-русски говорили и писали Гедиминовичи, Ольгирдовичи, Ягайловичи, князья и бояре литовскіе, дома, на сеймахъ, судахъ; по-русски писались литовскіе уложенія, статутъ Казимира (1468), статуты литовскіе всѣхъ трехъ редакцій (1529, 1566, 1588) и множество привилегій, грамотъ уставныхъ, жалованныхъ и др. для цѣлаго великаго княжества и для отдѣльныхъ его земель; по-русски писались разные сеймовые и судебные акты, записываемые въ особыя книги государственнаго архива литовскаго, въ такъ называемую метрику литовскую, и въ особыя судебныя книги [3]). Изъ великокняжеской канцеляріи

31); Головацкій впалъ въ ту же самую ошибку, какъ до него Палацкій (Dějiny národu českého, III. 1. p. 145) и я (Славянская взаимность СП. 1874, стр. 251), т. е. онъ предполагаетъ вліяніе чешскаго языка на этотъ письменный языкъ западно-русскій, чего доказать нельзя. Сходство здѣсь только племенное славянское, тѣмъ болѣе, что западно-русскія нарѣчія во многомъ очень близки къ нарѣчіямъ чешско-словенскимъ. Помню, что я, слушая малорусскую проповѣдь въ соборѣ св. Юрія во Львовѣ, часто воображалъ себѣ, что слушаю проповѣдь чешскую или словенскую.

[1]) Бѣлорусскимъ называетъ его тоже Крижаничъ; срв. „Славяне“ II. 330.

[2]) Срв. напр. въ литовско-русской лѣтописи напыщенную „похвалу о великомъ князи Витовте“ или грамоты объ избраніи митрополита Григорія (1415).

[3]) Метрика литовская хранится нынѣ въ Москвѣ, въ архивѣ министерства юстиціи; срв. Пташицкій: Описаніе книгъ и актовъ

писали по-русски въ Москву и въ Молдавію, въ Польшу, Татарамъ, даже въ Ливонію и въ Угрію. Въ сношеніяхъ съ Нѣмцами и вообще съ западною Европою былъ въ употребленіи преимущественно языкъ латинскій, извѣстный въ Литвѣ уже въ XIII в., особенно же съ конца XIV вѣка. Исторіею Литвы занимались русскіе лѣтописцы; они сначала не разъ отличаютъ Русь отъ завоевательной Литвы („возгласи Русь плачемъ великимъ, ижъ такъ вси суть побити отъ безбожной Литвы“), но со временемъ, по мѣрѣ сліянія Литвы съ Русью, приняли литовскую точку зрѣнія противъ разныхъ притязаній Поляковъ. Говоря о древнѣйшей исторіи Литвы, они послѣдовали выдумкамъ польской исторіографіи, Длугоша и др. о происхожденіи Литвы-Литавіи изъ Италіи и пр.; такъ напр. въ XVI в. литовско-русскій лѣтописецъ разсказываетъ удивительныя вещи о древней исторіи Литвы: изъ Италіи вышелъ-де „княжа Палемонъ и пять сотъ шляхты римское... пошли на кораблехъ моремъ на полночь и дошли до устія, где река Немонъ впадаетъ въ море“, и тамъ поселились. Важный въ тѣ времена вопросъ о гербахъ, переходившихъ отчасти изъ Чехіи въ Польшу, а оттуда въ Литву, лѣтописецъ трактуетъ по своему усмотрѣнію: онъ—не зная ничего о городенскомъ съѣздѣ и выражая гордость Литовцевъ противъ Ляховъ—разсказываетъ, что „Ляхове не были шляхта, але были люди простыи, ани мели гербовъ своихъ и великими дары того доходили въ Чеховъ, бе-

---

литовской метрики (СП. 1887). Списокъ древнѣйшихъ книгъ (1—66, съ XV в. до второй половины XVI в.), сдѣланный въ 1777 г. польскимъ письмомъ, хранится въ главномъ архивѣ варшавскомъ (книги означены № 191—219); этимъ спискомъ, удобнымъ для историковъ и юристовъ, но не для филологовъ, мы и пользовались. Судебныя книги хранятся въ центральныхъ архивахъ въ Кіевѣ, Вильнѣ, Витебскѣ; срв. Описи актовыхъ книгъ кіевскаго центральнаго архива (Кіевъ, выходятъ съ 1866 г.); Каталогъ древнимъ актовымъ книгамъ губерній виленской, гродненской, минской, ковенской, также книгамъ нѣкоторыхъ судовъ губерній могилевской и смоленской, хранящимся нынѣ въ центральномъ архивѣ въ Вильнѣ, составленъ Н. Горбачевскимъ (Вильна 1872). Акты изданы и издаются въ вышеупомянутыхъ сборникахъ.

ручи такъ великіи скарбы отъ нихъ и гербовъ своихъ изжичили и шляхтою ихъ починили, и въ гербы свои ихъ приняли; але мы шляхта старая римская съ гербы своими не потребуемъ жадныхъ иныхъ гербовъ, але ся держимъ старыхъ, што намъ предки наши зоставили“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ литовско-русскомъ лѣтописцѣ заговорила тоже шляхетско-польская спѣсь, если онъ о великомъ князѣ Зигизмундѣ Кестутьевичѣ разсказываетъ, что онъ „мыслилъ въ серцу своемъ, какобы весь рожай шляхецкій погубити и кровь ихъ розлити, а поднести рожай хлопскій псью кровь“ [1]).

Сами Литовцы и Жомоиты (Жмудь) на своемъ языкѣ говорили развѣ только у себя дома, если не употребляли русскаго языка; но на сеймахъ и судахъ они говорили и писали не по-литовски, а по-русски. Имъ издавались разныя русскія грамоты изъ великокняжеской канцеляріи, совершенно какъ Русскимъ; и въ литовско-русскихъ земляхъ встрѣчаются, какъ и въ земляхъ русскихъ, князья, бояре, старосты, намѣстники, дѣтскіе, тивуны, серебщины, выдавщины, куницы, пересуды и другіе русскіе порядки, а Русь приняла отъ Литвы развѣ только слово *дякло* (дань натурою) [2]). По-русски говорили и писали обрусѣвшіе князья Гедиминовичи и другіе литовскіе и жмудскіе князья и бояре, Остики-Радивилы, Гаштовты, Гедройти, Монвиды, Кезгайлы, Бутримы, Пацы—совершенно такъ, какъ природные русскіе князья

---

[1]) Литовско-русская лѣтопись XVI в., издалъ Нарбутъ (1846, стр. 6, 1, 43, 48 — 49). Литовско-русскую лѣтопись XV в. издали Даниловичъ (1827) и А. Поповъ (1854). О литовско-русскихъ лѣтописяхъ срв. статьи Даниловича (въ Ж. М. Н. П. 1840, по-польски въ варшав. изданіи Стрыйковскаго 1846), Шараневича (1882), Ст. Смольки (1889), А. Прохаски (1890). Лѣтописи писались тоже въ южной Руси, въ Кіевѣ, Львовѣ и др.; см. Сборникъ лѣтописей, относ. къ исторіи южной и западной Руси (Кіевъ 1888). Русскими лѣтописями пользовался и Стрыйковскій въ своей литовско-русской хроникѣ; срв. „Славяне“ II. 122.

[2]) Это слово (dziakło) употребляется еще нынѣ около Райгрода (въ польскомъ Подляшьѣ), означая т. н. даремщизну (daremszczyzna), т. е. работу подданныхъ даромъ (Biblioteka Warszawska 1860, II. 751).

и бояре. Вѣроисповѣданіе—католическое (а прежде и языческое) и также православное у Литовцевъ, и православное у Русскихъ, здѣсь ни чуть не мѣшало: всѣ писали по-руски. Такъ напр. шляхта жомоитская просила по-русски короля, чтобъ всѣ должности въ жомоитской землѣ давались не Литвѣ, не Руси, не Ляхамъ, а только Жомоити. Католическіе Литовцы, и во главѣ ихъ „князь бискупъ“ (по польскому ksiądz biskup) виленскій, заявляли свою преданность „его милости отцу святому папежу и костелу святому римскому“, бранили „Москвитина отщепенца и непріятеля костела святого римского“, возставали противъ „чужоземцовъ Ляховъ, пановъ Поляковъ“, защищали въ собраніяхъ полную самостоятельность Литвы, требуя, чтобы „великое князьство литовское мѣло коруну; тогды не може быти привлащено къ корунѣ польской: бо коруна въ коруну втѣлена быть не може“—все по-русски [1]). Литовцы, конечно, говорили и писали тоже на латинскомъ языкѣ, но никогда по-литовски. Это господство официальнаго русскаго языка въ Литвѣ возбудило въ литовскомъ патріотѣ Михаилѣ (1550) большое негодованіе; онъ, увлекаясь фантазіями польскихъ и литовскихъ лѣтописцевъ о происхожденіи Литвы изъ Италіи, жалуется на употребленіе московскаго письма, не древняго и лишняго, такъ какъ русскій языкъ для Литовцевъ чужой; они—происхожденіемъ Итальянцы, изъ крови итальянской [2]).

Ягайловичи на польскомъ престолѣ говорили долго и послѣ

---

[1]) Срв. Акты запад. Россіи II. № 144, 221, III. № 24; Акты южн. и западной Россіи I. № 101, и др.

[2]) Literas moscoviticas, nihil antiquitatis complectentes, nullam ad virtutem efficaciam habentes, ediscimus, cum idioma ruthena alienum sit a nobis Lihuanis hoc est Italianis, italico sanguine oriundis. (De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moscorum, Basileae 1615). Эти слова Михаила, вѣроятно, дали поводъ къ разсужденіямъ о литовскомъ языкѣ въ такъ наз. дневникѣ Кибурга (конца XIV вѣка, по поддѣлкѣ начала XIX в.); виленскій епископъ разсуждаетъ здѣсь о литовскомъ языкѣ почти такъ, какъ Шлейхеръ или Микуцкій (русскій переводъ дневника у Смирнова: Ягелло-Яковъ-Владиславъ, стр. 26).

соединенія Польши и Литвы (1386) по-русски, тѣмъ болѣе, что сами Поляки не придавали своему родному языку особеннаго значенія, писали почти исключительно по-латыни, и только съ начала XVI в. начали чаще писать и по-польски. Владиславъ Ягайло, не зная ни латинскаго, ни польскаго языка, говорилъ по-русски; это было извѣстно въ Польшѣ долго, до XVII в., и польскіе писатели Орѣховскій и Гербуртъ выводятъ въ своихъ книгахъ короля Владислава Ягайла говорящимъ по-русски [1]). Младшій сынъ Ягайла, Казиміръ, пребывая съ молодости въ Литвѣ и окруженный литовско-русскими панами, привыкъ къ русскому языку и къ русскимъ обычаямъ, тѣмъ болѣе, что его мать Софія была изъ русско-литовскаго рода князей Гольшанскихъ [2]). Въ часовнѣ св. Креста въ краковскомъ соборѣ, въ которой похороненъ Казиміръ, до сихъ поръ гласитъ русская надпись, что (вѣроятно 1470 г.) „благоизволеніемъ, мудростью бога отца всемогущяго написана бысть сия каплица повелѣніемъ великодержавнаго короля Казимира за божьей милости короля польского и великого князя литовского и руського (и пр.) и его королевое прѣнаяснѣйшей паней Елизаветы ис поколѣнья цесарьскаго, внука пренанезвитяжней-

---

[1]) Въ лѣтописи монастыря Лысогорскаго (ок. 1536—1540 гг.) Ягайло спрашиваетъ монаховъ лысогорскихъ по-русски: szto to jest. Ст. Орѣховскій (Dyalog) разсказываетъ, что Ягайло „z ruska odpowiedział: Kniaże wid na koli pietuch den i nocz pojet, woszehda korol“. Гербуртъ (Herkules) вспоминаетъ о русскихъ словахъ Ягайла, сказанныхъ великому магистру прусскому: „Ty na mene hramotu, a ja na tebe szablju“. Срв. выше, стр. 142. Съ гуситами Чехами говорили Ягайло и Витовтъ вѣроятно тоже по-русски; срв. „Славяне“ III. 66.

[2]) Длугоша Historia Polon. IV. 659. На Руси Казимиръ назывался тоже Андрей, напр. въ Воскресенской лѣтописи (П. С. Р. Л. VII. 256: „Ондрѣй Казимиръ“), въ западно-русской Четьи 1489 г. („король Андрей“). К. Стадницкій (Bracia Władysława Jagiełły, 144) замѣчаетъ: „Umiano u nas dołożyć starania, aby prawda historyczna zmąconą została, albo nigdy światła nie ujrzała. Ale zastanowić musi, że kroniki ruskie prawie zawsze Kazimierza Jagiellończyka nazywają Andrzejem, a czasami dodają, że był odszczepieńcem“.

шаго цесаря Жикгимонта пана земли ракуськое а ческое, вгорской“ [1]). Сынъ Казимира, король Сигизмундъ I, зналъ кромѣ польскаго языка тоже языки чешскій и русскій: въ его библіотекѣ (1510 г.) находились, кромѣ книгъ латинскихъ, тоже книги чешскія и русскія (словѣнско-русскія), и изъ нихъ именно трефологій „сербскаго языка“, часословецъ, молитвы, книга св. Іоанна Златоуста, и разныя книги библіи [2]). Только король Сигизмундъ Августъ, послѣдній Ягайловичъ, поднялъ пренебрегаемый до тѣхъ поръ языкъ польскій, вводилъ его болѣе въ публичную жизнь, и вообще больше держалъ сторону Поляковъ въ ущербъ Литвѣ и Руси. Поэтому и память объ обоихъ Сигизмундахъ на Литвѣ и Руси не была одинакова; въ началѣ XVII в. въ Литвѣ упрекали короля Сигизмунда Августа, что онъ „Подлясье и Волынь вынищылъ, Ляхомъ мянуючися“, но за то хвалили Сигизмунда I: „солодкая памѣть его, бо той Нѣмцевъ якъ собакъ не любилъ, а Ляховъ зъ ихъ хитростьми велмѣ не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловалъ“ [3]).

Названіе „Литва“, первоначально названіе этнографической единицы—области литовскаго племени, принимало все болѣе обширное значеніе, по мѣрѣ распространенія границъ великаго кня-

---

[1]) Срв. Н. Дашкевича, Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства, 107—108.

[2]) Lelewel: Bibliograficzne księgi II. 97 (изъ Метрики литовской, срв. соч. Владимирова о Фр. Скоринѣ, 15). Срв. тоже „Славян“ III. 242.

[3]) Эти слова встрѣчаются въ такъ называемой рѣчи пана Ивана Мелешка, кастеляна смоленскаго, произнесенной будто-бы на варшавскомъ сеймѣ 1589 года. Но такія странныя „рѣчи“ на сеймахъ не говорились, а панъ Иванъ Мелешко былъ смоленскимъ кастеляномъ въ 1615—1623 гг. (J. Wolff: Senatorowie i dygnitarze w. ks. litewskiego 1386—1795, Kraków 1885, p. 131). Эту „рѣчь“ сочинилъ по всей вѣроятности какой-нибудь литовско-русскій юмористъ XVII вѣка и приписалъ ее костеляну Мелешку. Она напечатана, изъ рукописи архива Хребтовичей въ Щорсахъ (въ губ. минской), у Вишневскаго Historya literatury polskiéj VIII. 480, и вѣроятно оттуда въ Актахъ южной и западной Россіи II. № 158.

жества литовскаго въ югозападной Руси. „Литва“ во второй половинѣ XIV в. — это всѣ земли по Нѣману, Двинѣ и Днѣпру, большая половина владѣній Ягайла; меньшая половина — это „Польша“. Но въ самомъ великомъ княжествѣ литовскомъ различали „Литву“ (около Вильны и Трокъ) вмѣстѣ съ Жомоитью (Жмудью) отъ „Руси“, и великій князь господарь назывался литовскимъ, русскимъ и жомоитскимъ. Въ великомъ княжествѣ литовскомъ были русскія земли: полоцкая, витебская, смоленская, подляшская, волынская, кіевская, сѣверская и др. [1]). „Литвинъ“ отличался отъ Полочанина, Витблянина, Смольнянина, Кіянина и вообще Русина. Такъ напр. великій князь Казимиръ (1440) раздѣляетъ „своихъ людей: Ляхъ, Литвинъ, Витблянинъ, Полочанинъ, Смольнянинъ, Русинъ или съ иныхъ нашихъ русскихъ земль“; король Сигизмундъ Августъ (1558) обращается къ своимъ подданнымъ „въ паньствѣ нашомъ великомъ князьствѣ литовскомъ и на Волыни, на Руси і Подляшью“; рѣка Двина раздѣляла „стороны литовскую и рускую“, какъ говорилось въ XVI вѣкѣ. Кромѣ того, вслѣдствіе соединенія Литвы и Польши въ 1386 г., названія „Литва — Литвинъ“ и „Русь — Русинъ“ приняли тоже значеніе вѣроисповѣдное: католиковъ и православныхъ, „шляхта литовского и руского народу“, „панове и шляхта обоего закону и вѣры христіанское, римского закону Литва и греческого Русь“, совершенно такъ, какъ и въ Польшѣ названія „Ляхъ“ и „Русинъ“. Такой „Литвинъ“ вѣрою (католикъ) могъ быть конечно и „Русинъ“ по языку. Въ южной Руси, въ земляхъ кіевской и волынской, подъ названіемъ „Литва — Литвинъ“ подразумѣвали часто вообще сѣверную Русь литовскую, земли бѣлорусскія, какъ и до сихъ поръ Малорусы называютъ Бѣлорусовъ Литвинами. Послѣднее названіе „Бѣлая Русь“—форма книжная; оно сначала означало самостоятельную Русь московскую (не-литовскую, не-польскую); такъ и называлась она напр. у прусскихъ крестоносцевъ,

---

[1]) Пограничныя земли назывались вообще *украинѣ;* это названіе осталось особенно въ южной Руси, и въ XVII в. Украина — козацкая поднѣпровская земля—кіевская и сѣверская. Срв. ст. Ю. Бартошевича въ ж. Biblioteka Warszawska 1864, II.

у разныхъ книжниковъ средней Европы, въ Польшѣ [1]), да и въ самой Москвѣ; но позже со второй половины XVI в. „Бѣлая Русь“—это земли литовско-русскія по Двинѣ, Березинѣ, Сожи и верхнему Днѣпру, около Мстиславля, Могилева, Рши (Орши), Свислоча, Рѣчицы, Мозыря, Бобруйска, „волостей русскихъ“ въ отличіе отъ западныхъ, „волостей литовскихъ“ около Новгородка, Слонима, Городна, этой „Черной Руси“ [2]). Названіе „Бѣлая Русь“ принята потомъ и въ Москвѣ въ значеніи сѣверной литовской Руси, а „бѣлорусскій языкъ“ сталъ въ Москвѣ означать литературный языкъ литовско-польской Руси вообще. Кромѣ этихъ книжныхъ формъ „Русь Бѣлая и Черная“, въ русскихъ земляхъ приняты по примѣру канцелярскаго стиля въ Византіи и царьградскаго патріархата—тоже книжныя формы „Русь (Россія) Великая“—въ значеніи самостоятельной Руси московской, а „Русь (Россія) Малая“ — въ значеніи польско-литовской южной Руси, часть которой составляла тоже „Русь Червоная“ [3]).

---

[1]) Такъ напр. у архіепископа Іоанна Ласкаго (1514), о чемъ см. выше, стр. 2; см. Archiv f. slav. Philologie VIII. 21.

[2]) У польскаго лѣтописца XIV в., Іоанна Чарнковскаго (Monumenta Polon. histor. II. 719), однако Polock castrum Albae Russiae.

[3]) О названіяхъ Русь (Россія) Великая, Малая, Бѣлая, см. Archiv für slav. Philologie VIII; срв. тоже выше стр. 2, 161 — Объ отдѣльныхъ земляхъ литовской Руси см.—кромѣ общихъ исторій Литвы и литовской Руси — П. Батюшковъ: Бѣлоруссія и Литва, историческія судьбы сѣверозападнаго края (СП. 1890), его-же: Волынь, истор. судьбы юго-западнаго края (СП. 1888), Stecki: Wołyń pod względem statyst., histor. i archeolog. (Lwów 1864 — 1871, 2 t.), А. Киркоръ: Полѣсье литовское (!) и бѣлорусское (СП. 1882; замѣтимъ, что все Полѣсье по Припети—русское, а не „литовское“, и что Городно, Берестье, Свислочь и др.—въ Руси, а не въ „Литвѣ“); Полѣсье, библіограф. матеріалъ по исторіи, статистикѣ, этнографіи и эконом. состоянію Полѣсья; сѣверозападный и югозападный край вообще, и губерніи минская, гродненская, волынская, кіевская и могилевская въ частности (СП. 1883); разныя монографіи въ сборникахъ: Акты виленскіе, Архивъ югозападной Россіи и др. Монографіи Андріяшева (Очеркъ исторіи волынской земли до конца XIV в., 1887), Грушевскаго (Очеркъ исторіи кіевской земли до конца XIV в., 1891), До-

Великое княжество литовско-русское состояло изъ нѣсколькихъ большихъ и меньшихъ княжествъ, въ которыхъ княжили члены рода Гедимина, а въ немногихъ еще Рюриковичи. Но съ начала XV в. эти князья все болѣе исчезаютъ, и вмѣсто князей являются въ городахъ и земляхъ великокняжескіе *намѣстники* (старые посадники) и ихъ помощники въ судахъ *тивуны* и *дѣтскіе*, все древнерусскія должностныя лица, преимущественно судебныя; помощникомъ намѣстника сталъ тоже *воевода* (древнерусскій тысячскій), какъ и въ коронной Руси воевода помощникъ старосты. Намѣстники въ южной Руси, именно въ землѣ волынской (и подольской), назывались уже въ XIV в. также *старосты*, по примѣру польскихъ старостъ—намѣстниковъ вообще, какіе были въ коронной Руси [1]). Земли раздѣлялись на округи, называемые уже въ XV в. по-польски *повѣты;* но часто слово „повѣтъ" означало то, что „земля", и въ концѣ XV в. и въ началѣ XVI в. говорится о „повѣтѣ" кіевскомъ, мстиславскомъ, смоленскомъ, новгородскомъ, берестьевскомъ, слуцкомъ, и пр., что̀ означаетъ землю. Средоточіемъ земли былъ *городъ*, всесословная община; горожане—это бояре, поспольство, чернь. Отъ древнерусскихъ должностныхъ лицъ находились по городамъ великокняжескіе намѣстники (старосты) со своими помощниками (воеводами, тивунами), и городскіе сотники или сотскіе, десятскіе

внара-Запольскаго (Очеркъ исторіи земель кривичской и дреговичской до начала XIII в., 1891), Багалѣя (Исторія сѣверской земли до половины XIV в., 1882) касаются только древней исторіи этихъ земель. — Пишемъ „Волынь, Волыня, Волынемъ" (муж. рода), такъ какъ это adjectivum possessivum: „Волынь scilicet городъ, какъ и Володимерь, Изяславль, Перемышль, Ярославль, Брячиславль (Брацлавль), Всеволожь, Святополчь и пр.; всѣ эти названія въ древнерусскомъ языкѣ были муж. рода: къ Волыню, къ Володимерю, подъ Володимеремъ, до Ярославля, (Святополкъ въ свое имя нарече) Святополчь городъ, и пр. Поляки до сихъ поръ употребляютъ правильныя формы Wołyń, na Wołyniu, Wołyniem, w Jarosławiu, pod Włodzimierzem, и пр.

[1]) Срв. статью З. Радзиминскаго: O namiestnikach rusko-litewskich (краков. Przegląd polski 1885, ks. 77, p. 355).

или десятники. Горожане не-бояре, именно лучшіе (называвшіеся уже въ XV в. на польскій ладъ мѣщане) владѣли землями, селами. Жители города собирались по древнерусскому обычаю на вѣча: „мужи Полочане вѣчомъ ся справовали, какъ великій Новгородъ и Псковъ“ — замѣчаетъ еще въ XVI в. литовско-русскій лѣтописецъ. Обыкновенная въ древнерусскихъ городахъ борьба партій, бояръ и черни, людей вятшихъ, добрыхъ и людей меньшихъ, малыхъ, продолжалась и подъ господствомъ литовскихъ великихъ князей. Такъ еще около половины XV в. (1440) Смольняне „чорные люди, кузнеци, кожомяки, шевники, мясники, котелники“, вооружившись зазвонили въ колоколъ и напали на замѣстителя намѣстника великаго князя Сигизмунда, воеводу Андрея Саковича и на его дворянъ и на бояръ, и между обѣими партіями произошелъ кровавый бой [1]). Во второй половинѣ XV вѣка въ городѣ Полоцкѣ происходили споры между боярами и остальными жителями города, мѣщанами (такъ назывались уже лучшіе горожане, хотя городъ не пользовался еще нѣмецкимъ правомъ), городскими дворянами (вѣроятно дворня намѣстника), чорными людьми и всѣмъ поспольствомъ; король Казимиръ, улаживая эти споры, приказалъ, „абы бояре и мѣщане и дворяне городскіи и все посполство въ згодѣ межи собою были, а дѣла бы наши городскіе вси згодою посполу справляли по давному, а сымались бы вси посполу на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ тымъ сыймывались здавна; а безъ бояръ мѣщаномъ и дворяномъ городскимъ и черни соймовъ не надобѣ чинить“ [2]).

Князья и бояре были происхожденія русскаго, литовскаго и иного. Князья и бояре землевладѣльцы, по жалованію великаго князя господаря, володѣли наслѣдственными дѣдинами-отчинами, какъ дѣдичи-отчичи, или держали временно помѣстья или выслуги—какъ державцы [3]). Русскіе князья Рюриковичи мало по

---

[1]) Литовско-русскія лѣтописи, изд. Попова 54, Нарбута 53.

[2]) Акты западной Россіи I. № 60; въ варшав. спискѣ Метрики литовской эта грамота означена 1486 годомъ.

[3]) Срв. Владимірскій-Будановъ: Помѣстья литовскаго государства (Чтенія въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца III, Кіевъ 1889 г.).

малу вымирали, уступая свои княжества Гедиминовичамъ—Ольгирдовичамъ; послѣдніе, именно Олельковичи, Слуцкіе, Жеславскіе, Мстиславскіе, Бѣльскіе, Сонгушки (Сангушки), Корецкіе, принимая православіе и русскую народность, сдѣлались такими же Русскими, какими были Рюриковичи: Друцкіе, Любецкіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Ярославичи, Четвертинскіе и др. Происхожденіе многихъ „княжескихъ" родовъ въ литовско-русскомъ государствѣ неизвѣстно; нѣкоторые изъ нихъ, желая показать родовую связь съ Ягайловичами, стали позднѣе производить себя отъ Гедимина и Ольгирда, а некритическіе генеалоги повѣрили всему, что́ князья разсказывали. Такъ напр. князья Чорторыйскіе, Вишневецкіе, Збаражскіе, Порыцкіе, Воронецкіе, Ружинскіе, Лукомскіе, Полубенскіе и др. производили себя изъ рода Гедимина-Ольгирда, другіе князья производили себя отъ Рюриковичей; нѣкоторые князья происходили изъ боярскихъ родовъ, какъ напр. князья Гольшанскіе (Ольгимунтовичи), князья Радивилы (Остиковичи, хотя ихъ княжескій титулъ происхожденія не литовскаго, а римсконѣмецкаго), и др.; происхожденіе нѣкоторыхъ князей (Капуста, Пузына, Курцевичъ, Соломирецкій и др.) неизвѣстно [1]. Князья

[1]) Польскіе генеалоги внесли въ родословіе этихъ князей много путаницы, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ особенно извѣстный Herbarz Несецкаго. Эта путаница начинаетъ распутываться только въ новѣйшее время, благодаря критическимъ пріемамъ К. Стадницкаго (въ монографіяхъ о Гедиминовичахъ и Ольгирдовичахъ), I. Вольфа (Ród Gedymina), А. Бонецкаго (Poczet rodów w w. ks. litewskiém); срв. тоже Ю. Бартошевича, разныя генеалог. статьи въ Encyklopedyi powszechnéj, и ст. Kniaź i książe (Dzieła X. 368). Но и между этими новѣйшими генеалогами есть разногласія; такъ напр. князей Чорторыйскихъ Вольфъ считаетъ Ольгирдовичами, а Стадницкій, Бонецкій, Бартошевичъ отрицаютъ это. Князья Збаражскіе, Вишневецкіе, Порыцкіе, Воронецкіе считались Корибутовичами (см. „Славяне" III. 78); но, по изслѣдованіямъ Стецкаго, Вольфа, Бонецкаго, они—потомки князя Ивана Несвицкаго (Несвичъ въ Волынѣ около Луцка) неизвѣстнаго происхожденія; вѣроятно сынъ этого князя Ивана, князь Федько, былъ сторонникомъ Швитригайла (срв. Стадницкаго Synowie Gedymina, 1881, I. 205—212); мы, слѣдуя Длугошу, назвали князя Федька ошибочно Острожскимъ („Славяне" III.

назывались по своимъ городамъ (Жеславскіе, Мстиславскіе, Воротынскіе, Острожскіе), но сохраняли тоже болѣе простыя имена родовыя, напр. Ярославичъ, Сангушко (Сонгушко, Сендюшко, Сенкушко вѣроятно отъ Санко, Сенко и Семко-Семенъ), Олелковичъ (Олелько-Александръ), или даже прозвища, напр. Капуста, Пузына, Одинецъ-Одинцевичъ. Такъ было и среди русскихъ бояръ; они долго назывались простыми именами (съ отчествомъ): Олизаръ (Елеазаръ), Глѣбъ, Грицко (Григорій), Олехно (Александръ), Мелешко (Мелетій), Тишко (Тимофей), Ходко, Федоръ, Федко, (Хвёдко), Федюшко (Федоръ), Костюшко (Константинъ), или прозвищами: Величко, Громыка, Гарабурда, Бобоѣдъ, Шило, Мукосѣй, Горностай, Туръ, Сопега (Сопига), Кирдей, Кисель, Немира, Салогубъ и др. Нѣкоторыя такія имена и прозвища остались и позднѣе какъ родовыя названія: Мелешко, Олизаръ, Кисель, Сопега, Гарабурда; къ другимъ прибавлено отчество: Тишковичъ, Ходковичъ, Глѣбовичъ, Волотовичъ, Мицковичъ, Гулевичъ, Хребтовичъ, Воловичъ, Волковичъ, Боговитиновичъ, Чапличъ, Немиричъ. Наконецъ многіе бояре, подобно князьямъ, принимали родовыя названія по своимъ имѣніямъ, городамъ и селамъ, напр. Кирдеи—Мыльскіе, Мукосѣи—Баковецкіе, Борзобогатые—Красенскіе, Гулевичи — Воютинскіе. Такія родовыя названія по имѣніямъ встрѣчаются въ югозападной Руси, именно въ Подляшьѣ и Волынѣ, съ начала XV вѣка, и этотъ обычай сдѣлался потомъ почти господствующимъ. Нѣкоторые такіе бояре пожелали со временемъ быть тоже Гедиминовичами, напр. такъ утверждали, впрочемъ довольно поздно, Сопеги или Сапеги, какъ они стали называться; другіе хотѣли происходить отъ князей русскихъ.

Сельское народонаселеніе въ литовской Руси называлось до

---

63). Князей Острожскихъ считаетъ Максимовичъ Рюриковичами, другіе это отрицаютъ. Поляки называли и называютъ этихъ литовско-русскихъ князей и по-польски kniaź (a не książe), равнымъ образомъ какъ они употребляютъ русскія слова episkop-władyka, pop, czerniec, cerkiew, monaster etc., какъ бы все это русское было—podlejszego gatunku.

онца XIV в. *смерды;* но потомъ это слово считалось браннымъ [1]), бывшіе смерды назывались разнообразно: люди, мужики, селяне, юспольство, и пр. Отъ свободныхъ землевладѣльцевъ не-бояръ, *земцевъ*, остались немногіе до второй половины XV вѣка [2]). Селяне, кившіе на земляхъ господарскихъ—великокняжескихъ, далѣе князей, бояръ, городовъ, духовенства, раздѣлялись на много классовъ, смотря по большей или меньшей личной свободѣ, зависимости отъ ихъ господъ, прикрѣпленію къ землѣ, по ихъ повинностямъ, работамъ, данямъ, и пр.; нѣкоторые изъ нихъ владѣли однако тоже поземельною собственностью. Были люди вольные, слободичи — слободники, похожіе — прихожіе — захожіе, сохранившіе свободу вольнаго перехода послѣ исполненія своихъ повинностей; отчичи и дѣдичи, люди отчизные (земледѣльцы на отчинахъ и дѣдинахъ отчичей—дѣдичей землевладѣльцевъ), люди тяглые (на тяглѣ, дворищѣ, службѣ), находившіеся въ значительной зависимости отъ своихъ землевладѣльцевъ или прямо прикрѣпленные къ землѣ [3]); наконецъ—невольники, холопы, челядь, закупни, закладни, люди закупные. Въ южныхъ украинныхъ земляхъ русскихъ встрѣчаются въ XV в. люди безземельные, голтяи, поляни-

---

[1]) См. выше, стр. 117. Великій князь Витовтъ назвалъ одного подданнаго смердомъ (Акты южной и запад. Россіи II. 103), а въ началѣ XVI в. одинъ бояринъ жаловался на данное ему бранное слово смердъ (Daniłowicza, Skarbiec II. 287), и др.

[2]) „Земецъ Холѣевичъ" въ мстиславскомъ княжествѣ (вилен. Археограф. Сборникъ VII. 4). Слово „земецъ" въ значеніи „земянинъ" встрѣчается еще въ западно-русскомъ переводѣ хроники Бѣльскаго (1564 — 1572), какъ видно по древнесерб. ея переводу (см. „Славяне" II. 425): случи-се прѣніе двѣма земьцемъ о дедине (сѣ-верноруск.: дворяномъ объ отчинномъ дѣлѣ). „Земцы" или „своеземцы на своихъ отчинахъ" (не-бояре, но и не-крестьяне) встрѣчаются тоже въ сѣверовосточной Руси XV — XVI вв., именно въ земляхъ новгородской и псковской; см. Чечулина, Города московскаго государства въ XVI в. (Москва 1889), стр. 43, и срв. „Славяне" I. 127, II. 135.

[3]) Въ кіевской землѣ встрѣчаются въ XV вѣкѣ „коланные люди", срв. выше стр. 121, пр.

ки, слуги, обязанные къ военной службѣ, предшественники козаковъ. Эти послѣдніе—тѣже беземельные, бездомные люди, занимавшіеся въ южнорусскихъ степяхъ Украины охотою и рыболовствомъ, и прибывавшіе на время въ украинные города; но впослѣдствіи козаки стали тоже землевладѣльцами въ тѣхъ городахъ и степяхъ [1]). Древнерусское устройство общинъ сохранилось въ литовской Руси очень долго, хотя оно, по мѣрѣ распаденія сословій землевладѣльцевъ, горожанъ, земледѣльцевъ и все усиливавшейся зависимости подданнаго люда отъ его господъ, лишалось своего прежняго значенія. Округъ города съ селами составлялъ обширную общину волость (жители — волощане) подъ старцемъ села—подъ старостами (въ южной Руси по-татарски атаманы, ватаманы); въ общинахъ встрѣчаются древнерусскіе тивуны, сотники и десятники; сябры — сосѣди соучастники, нераздѣльные владѣльцы земли; старинный общинный судъ, собирающійся на сходку, копу (оттуда копное право), на вѣче — судить преступленія въ округѣ общины, и пр. [2]). Разнообразны были повинности населенія относительно князя — государства и его чиновниковъ, и со временемъ относительно зѣмлевладѣльцевъ, въ пользу которыхъ государство отказывалось отъ многихъ такихъ повинностей, легшихъ преимущественно на подданный людъ; были: военная служба, разныя дани денежныя (грошовая — грошами, рублями, серебромъ, сере-

---

[1]) Татарское слово *козакъ, казакъ* — разбойникъ, встрѣчается въ карпатской Руси во второй половинѣ XV в. (см. выше стр. 65); по Днѣпру около Кіева и Черкасъ въ концѣ XV в.: въ 1493 г. доносятъ московскіе послы изъ Крыма, что около Днѣпра пришли на нихъ *Черкасцы*, и ограбили ихъ; въ 1494 г. татарскіе *казаки* отъ Бѣлагорода (см. Уляницкаго, Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши и Турціи, стр. 123, 124); въ 1499 г. въ Кіевѣ *козаки хрестіяне*, которые „зъ верху Днѣпра ходять водою на низъ, до Черкасъ и далѣй“ и привозятъ въ Кіевъ рыбу (Акты западной Россіи I. № 170). О словѣ *голтяй* см. выше, стр. 122, 139.

[2]) Срв. „Славяне“ I. 119. Слово *вѣче* — сходка, судъ волости-общины, встрѣчается въ двухъ волынскихъ актахъ 1538 и 1564 гг.

бренная—серебрщина, серебщизна) [1]), съ сохи (посощина), съ дворища — дыма (подымщина), дани натуральныя (дань медовая, бобровая, куничная, осыпная — дякольная и др.), полюдье (денежная и натуральная), разныя работы относительно городовъ (замковъ), мостовъ, дорогъ, работы полевыя, подводы и содержаніе князю и чиновникамъ (стаціи) и пр. [2]).

7. *Соединеніе Литвы съ Польшей и его послѣдствія для Литовской Руси. Распространеніе польскихъ порядковъ и польскаго языка въ Литвѣ и отстаиванье Литвою своей отдѣльности. Статутъ Литовскій. Антагонизмъ Литвы и Польши, переходящій въ явную вражду. Литовское „Подляшье", особое его положеніе и быстрое ополяченье.*

Избраніе Владислава Ягайла въ польскіе короли, переходъ Ягайловичей въ Польшу, въ сферу культуры и политики западноевропейской—все это произвело громадный переворотъ въ дальнѣйшей судьбѣ русскаго народа на западѣ. До этого важнаго со-

---

[1]) Дани *грошовыя* названы по новому названію денегъ — *гроши* (grossus), принятому въ Польшѣ изъ Чехіи; въ югозападной Руси кромѣ обыкновеннаго *рубля* (100 литов. грошей) встрѣчаются гроши не только литовскіе, но также польскіе (по закону съ 1508 г.), и чешскіе (копы широкихъ грошей ческоѣ монеты). Что касается позднѣйшей русской золотой монеты *чехъ*, то это названіе происходитъ отъ итальянскаго cecchо, zecchino; такъ напр. въ казнѣ запорожскаго войска въ 1687 г. было больше двухъ сотъ тысячъ „золотыхъ чеховъ"; а еще при Петрѣ Вел. въ Сѣвскѣ чеканились „чехи".

[2]) Древнерусское полюдье (см. „Славяне" I. 157) встрѣчается до второй половины XVI в. (въ актахъ 1471—1566 гг.) въ земляхъ кіевской и пинской, въ волостяхъ бчичской, могилевской, свислочской; срв. тоже выше, стр. 122.—Подробности и внутреннемъ бытѣ югозападной (именно литовской) Руси см. особенно въ вышеупомянутыхъ сборникахъ кіевскихъ и виленскихъ, отчасти и варшавскихъ (Źródła dziejowe), и у Бестужева Рюмина, Русская исторія II, и у Иловайскаго, Исторія Россіи III, гдѣ указана тоже литература предмета.

бытія можно было ожидать, что со временемъ русское православіе вполнѣ восторжествуетъ и по берегамъ Нѣмана въ собственной Литвѣ и въ Жмуди, что весь литовскій народъ, по примѣру многихъ его князей и вельможъ примкнетъ къ православію и къ русской культурѣ, и что борьба между князьями литовско-русскими Гедиминовичами и московско-русскими Рюриковичами изъ-за первенства на всей Руси будетъ происходить только на политической почвѣ, подобно тому, какъ происходила такая борьба когда-то между Кіевомъ и Суздалемъ-Володимеремъ или между Москвою и Тверью или Рязанью. Но внесеніе польско-латинской культуры въ ряды Ольгирдовичей и въ собственную Литву совсѣмъ перемѣнило положеніе дѣлъ въ югозападной Руси. Поляки, стремясь съ успѣхомъ на русскій востокъ гдѣ подчинялась ихъ вліянію карпатская Русь—съ 1386 года стали всею силою преслѣдовать одну завѣтную цѣль: полное сліяніе Литвы съ Польшею. Важнымъ орудіемъ считали они водвореніе своей культуры и въ остальной югозападной Руси по Двинѣ и по Днѣпру; они и здѣсь справедливо расчитывали на главное орудіе своихъ плановъ, на католицизмъ, который съ такимъ успѣхомъ способствовалъ ополяченію карпатской Руси, и на распространеніе въ литовско-русскомъ государствѣ шляхетскихъ привилегій, которыя дѣйствовали бы заманчиво на князей и бояръ литовско-русскихъ, выдѣлили бы ихъ изъ остальныхъ классовъ и образовали бы и въ литовскомъ государствѣ такое-же привилегированное шляхетское сословіе, какимъ была шляхта въ Польшѣ. Такимъ образомъ возникаетъ и въ Литвѣ, вмѣсто князей и бояръ, привилегированное сословіе по примѣру польской шляхты, такъ называется оно на польскій ладъ и по-русски *шляхта*, *земяне*, и пріобрѣтаетъ мало по малу все болѣе вліянія и власти рядомъ съ наивысшими сановниками литовскаго великаго княжества, Литовцами и Русскими, князьями и боярами, которые составляли по русскому обычаю боярскую думу великаго князя, но потомъ стали называться на польскій ладъ „*паны рада*“, *радные паны*. Первые шаги къ образованію такой „шляхты“ въ Литвѣ, привилегіи виленская (1387) и городельская (1413), вводящія и въ Литвѣ привилегированное сословіе шляхты, обнаруживаютъ

исключительный вѣроисповѣдный моментъ; только римскіе католики, а не „схизматики“ литовскіе допускались къ правамъ польской шляхты, т. е. дѣлались земянами собственниками со своими судами, урядами (должностями) и съ разными вольностями польской шляхты, съ освобожденіемъ отъ многихъ земскихъ повинностей, и съ важными для тѣхъ временъ внѣшними знаками шляхетства, гербами [1]). Но Владиславъ Ягайло и его польскіе совѣтники скоро убѣдились, что составъ населенія литовскаго великаго княжества не дозволяетъ такого исключительнаго вѣроисповѣднаго момента въ жалованіи политическихъ привилегій шляхтѣ литовской католической, что въ титулѣ „великій князь литовскій и русскій“ послѣднее слово важнѣе перваго, и что огромное большинство населенія литовскаго государства—вовсе не католики Литва, а православная Русь. По смерти Александра Витовта (1430) Польша убѣдилась въ силѣ литовской православной Руси, которая поддерживала великаго князя Швитригайла Ольгирдовича противъ великаго князя Сигизмунда (Жигимонта, Жидимонта) Кестутьевича, кандидата Польши и католической Литвы: „Литва посадиша великаго князя Жидимонта Кестутевича на великое княженье на Вилни... и князи рустіи и бояре посадиша князя Швитригаила на великое княженье руское“, „Жидимонтъ собра силу многу литовскую и Ляхи, а Швитригаило со всею силою рускою поиде на Литву“—вотъ какъ характеризуетъ литовско-русскій лѣтописецъ положеніе дѣлъ въ литовскомъ государствѣ по смерти Витовта. Тогда король Владиславъ Ягайло и паны польскіе — въ томъ числѣ самъ краковскій епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій — убѣдились въ неудобствѣ вѣроисповѣдной исключительности для Литвы и литовской Руси, и особою привилегіею (1432) распространены были права, пожалованныя прежде католической шляхтѣ литовской, тоже на православныхъ князей, бояръ и шляхту русскую въ Литвѣ. Кромѣ этой общей привилегіи для православной шляхты всей Литвы, пожалованы эти права особо и для нѣкото-

[1]) Привилегіи виленская и городельскія (двѣ) написаны не на официальномъ языкѣ Литвы, русскомъ, а на языкѣ латинскомъ; изданы въ сборникѣ Дзялынскаго, Zbiór praw litewskich.

рыхъ земель литовской Руси, въ томъ числѣ и для шляхты волынской земли луцкой (duces, praelati, bojari, milites, nobiles caeterique indigenae terrae Lucensis tam in fide s. romanae ecclesiae, quam etiam orientalis seu graecae constitutis). Въ томъ же самомъ году уравнены также виленскіе мѣщане вѣры римской и русской [1]). Впрочемъ, всѣ эти привилегіи, имѣющія въ виду болѣе тѣсную унію Литвы съ Польшею, имѣли не практическое, а только теоретическое значеніе, именно вслѣдствіе сопротивленія литовскихъ и литовско-русскихъ князей и пановъ, которые не желали такой уніи и по смерти Витовта всевозможно мѣшали ея осуществленію. Самъ великій князь литовскій, Сигизмундъ Кестутьевичъ, ставленникъ и сторонникъ Польши противъ Швитригайла, одобрившій унію Литвы и Польши, отстаивалъ потомъ полную самостоятельность великаго княжества литовскаго противъ всякихъ притязаній Поляковъ, да онъ даже заключилъ союзъ съ угорскимъ королемъ Альбрехтомъ противъ польскаго короля Владислава, добивавшагося чешской короны [2]). Этотъ антагонизмъ между Поляками и Литовцами сильно проявлялся и при преемникѣ Сигизмунда, при великомъ князѣ и польскомъ королѣ Казимирѣ: „стала брань великая и непріязнь межи паны литовскими и ляцкими, а панове литовскіи зваснившися гербы ихъ имъ

---

[1]) Привилегію 15 окт. 1432 г., которой Длугошъ не помѣстилъ въ своей исторіи (вѣроятно умышленно), сообщилъ изъ древней рукописи по-польски Н. Малиновскій въ польскомъ переводѣ хроники Б. Ваповскаго II. 207. Луцкую привилегію см. въ Codex epistolaris saec. XV, t. I. pag. 77; Архивъ югозападной Россіи I. 5. № 1; Inventarium privilegiorum in arce Cracov. (Paris 1862, p. 271). Собраніе грамотъ Вильны, № 4. Слова луцкой привилегіи: „ecclesias ruthenicas seu ritus graeci nec demoliri, nec in ecclesias romanae acclesiae converti faciemus seu permittemus, neque aliquem hominem ritus graeci praedicti cujuscunque sexus seu status ad fidem romanae ecclesiae violenter compellemus"—звучатъ какъ самообвиненіе и всенародное покаяніе короля и его польскихъ пановъ рады за ихъ прежнія дѣйствія въ русскихъ земляхъ.

[2]) См. письмо Сигизмунда Альбрехту 1439 г. (Codex. epistol. saec. XV, t. II. p. 402). Срв. „Славяне" III. 84.

(паномъ ляцкимъ) отослали, а своими старыми печатовать стали, и много злого мыслили межи собою чинить, и король Казимиръ въ то ся пильно вложилъ, и много самъ господарь о томъ мыслилъ, поки ихъ звелъ у згоду“ [1]).

Великій князь Казимиръ въ привилегіи 1457 г., изданной (по-русски и по-латыни) на имя „прелатовъ духовныхъ и свѣтскихъ князей (княжатъ, ducum), пановъ (рытеровъ, baronum) [2]), шляхтичовъ (шляхты, nobilitatis), бояръ (bojarorum), мѣщанъ (мѣстичовъ) земль великого княжства литовского и руского, жемонтского“, пожаловалъ имъ какъ ихъ отчичъ и дѣдичъ опять всѣ права и вольности прелатовъ, княжатъ, пановъ (рытеровъ), шляхты, мѣстъ коруны польской, относительно свободнаго владѣнія ихъ отчинами, свободнаго выѣзда за границу, правильнаго суда, прикрѣпленія ихъ подданныхъ селянъ къ землѣ и освобожденія отъ многихъ государственныхъ повинностей и отъ непосредственнаго великокняжескаго суда. Кажется, что привилегія пожалована католикамъ и православнымъ [3]). Эта привилегія подтверждена и размножена преемниками Казимира, великими князьями Александромъ (1492) и Сигизмундомъ (1506, 1522). Александръ между прочимъ предоставилъ „панамъ радѣ“ литовскимъ большое вліяніе на политическія дѣла относительно сохраненія цѣлости

---

1) Литовско-русская лѣтопись, изд. Нарбутомъ, 58; срв. его же Dzieje narodu litewskiego, t. VIII.

2) Паны, рытери, barones назывались тогда въ Польшѣ наивысшіе сановники земскіе, члены королевскаго вѣча (прежніе кмети); срв. „Славяне“ I. 145.

3) Слова русскаго текста „право христіанское“ „обычай христіанскій“ переданы въ латинскомъ текстѣ привилегіи (и въ ея подтвержденіи 1492 г.) „ jus catholicum, ritus catholicus“, а слова „прелаты, костелы (тоже: церкви), кляшторы“ едва-ли могутъ означать тоже православные. Только въ литовскомъ статутѣ 1529 г. говорится прямо, что господарь король и великій князь хочетъ „обдаровати правы хрестіянскими всимъ прелатомъ, княжатомъ, паномъ хоруговнымъ, велможнымъ рыцеромъ повышоной шляхте и всему посполству и ихъ подданымъ, а тубылцомъ земли великого князства литовского, которого бы колвекъ стадла и стану были, вси ихъ права и привиля костельные такъ литовского закону яко кгреческого“ и

границъ государства, сношеній съ иностранными державами, изданія законовъ, пожалованія и отнятія урядовъ, завѣдыванія финансами и пр. Такимъ образомъ и въ Литвѣ власть государя сдѣлалась ограниченною панами радою, какъ это было и въ Польшѣ, гдѣ королевская власть ограничивалась сенатомъ и депутатами шляхты.

Слова привилегій о судѣ въ извѣстныхъ дѣлахъ „въ подлугъ обычая и права коруны польскоѣ—juxta consuetudinem et jura sicut in regno Poloniae" могли примѣняться въ жизни не всегда, такъ какъ въ Литвѣ и литовской Руси было свое обычное право литовское и русское. Паны рада, хотя они и добивались политическихъ правъ польскихъ пановъ, все-таки весьма оберегали Литву и ея право отъ разныхъ притязаній „чужоземцевъ" Поляковъ. Иванъ Литаворъ Хребтовичъ, наивысшій маршалокъ литовскій, вручая новому великому князю Александру мечъ, потребовалъ отъ имени всѣхъ пановъ литовскихъ, чтобъ великій князь справедливо правилъ и судилъ „не по обычаю итальянскому, чешскому, нѣмецкому, а по истинному литовскому и по примѣру Витовта" [1]). Въ Литвѣ и въ литовской Руси обязательно было право русское, какъ оно является въ разныхъ юридическихъ актахъ и отчасти изложено въ судебникѣ великаго князя Казимира 1468 г., содержащемъ въ себѣ главнымъ образомъ судопроизводство относительно татьбы [2]). Кромѣ этихъ общихъ привилегій и судебни-

---

пр. Въ русскомъ языкѣ привилегіи (по списку начала XVI в., см. Акты западной Россіи I. № 61, Владимірскаго - Буданова, Христоматія по исторіи русскаго права II, 23) третье изд., Кіевъ, 1887 г., замѣтно довольно сильное вліяніе польщизны: панство, прелаты, паны, княжата, рытере (рыцере), шляхта, мѣщане, врядники, костелъ, кляшторъ, моцъ, парсуна, привилеи, стацыи, обѣцуемъ и слюбуемъ, плоть или стадло (płeć, stadło, sexus) и пр.

[1]) Decius: De Jagellonum familia (Cracov. 1521, p. 49); оттуда взялъ Стрыйковскій Kronika, p. 667.

[2]) Языкъ этого судебника (Акты запад. Россіи I. № 67; Владимірскій - Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права, II) гораздо чище, чѣмъ языкъ привилегіи 1457 г.; польское вліяніе замѣтно развѣ въ словѣ „шибѣница".

ка для всего государства литовско-русскаго, великіе князья узаконяли юридическія отношенія разныхъ лицъ, корпорацій, сословій, земель, волостей, городовъ особыми привилегіями, грамотами жалованными, уставными, льготными и др. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся ко времени Александра Витовта, но большая часть издана во второй половинѣ XV в. Казимиромъ Владиславовичемъ, и подтверждены потомъ его преемниками Александромъ и Сигизмундомъ. Въ этихъ привилегіяхъ, пожалованныхъ землямъ смоленской, полоцкой, витебской, кіевской, волынской и др. узаконяются разныя постановленія древняго русскаго права (смоленскаго, полоцкаго, витебскаго, кіевскаго, волынскаго и др.), но вмѣстѣ съ тѣмъ и новые порядки, возникавшіе подъ вліяніемъ польскаго права [1]). Въ этихъ привилегіяхъ и вообще въ другихъ грамотахъ и юридическихъ памятникахъ XV в. и начала XVI в. является болѣе или менѣе всесословная земля или волость (болѣе въ Смоленскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, наименѣе въ Волынѣ), князья, бояре, горожане, старосты и старцы, намѣстники, воеводы, тивуны, дѣтскіе и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ и новые польскіе порядки и сословные интересы шляхты, княжата, паны, земяне-шляхта (добрѣ уроженый шляхтичъ), освобожденные отъ многихъ государственныхъ повинностей, мѣщане—мѣстичи, урядники, маршалокъ, староста и воевода (польскіе), воеводство, повѣтъ, замокъ, соймъ (старое вѣче, но потомъ только сходка шляхты, поль. sjem, sejm), статутъ, и пр.; разные древнерусскіе юридическіе обычаи и постановленія, напр. соки, ябедники, лицо-поличное, головщина, выдавка—выдачка—выдавщина, полюдье, и пр. [2]). Въ этихъ при-

---

[1]) Привилегіи изданы особенно въ Актахъ западной Россіи, тоже въ сборникѣ Дзялынскаго; см. М. Ясинскаго, Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства (Кіевъ 1889), срв. тоже Бестужева-Рюмина Русская исторія II. 61 — 87, Владимірскаго - Буданова Христоматія II.

[2]) Выдавка, выдачка и пр. встрѣчается часто во всей югозападной Руси, въ земляхъ смоленской, полоцкой, витебской, слонимской, подляшской, кіевской (и жмудской), не только въ этихъ привилегіяхъ, а также въ другихъ актахъ XVI вѣка. Выдачка русская —

вилегіяхъ, пожалованныхъ русскимъ землямъ нѣтъ, конечно, мѣста для вѣроисповѣдныхъ притязаній католицизма—какъ господствующаго исповѣданія, и православные русскіе владыки приводятся вмѣстѣ съ князьями, боярами, земянами и шляхтою, и въ привилегіяхъ даже прямо исключаются всѣ такія вѣроисповѣдныя притязанія; такъ уже въ вышеупомянутой привилегіи луцкой (1432), потомъ въ смоленской привилегіи, гдѣ великіе князья Казимиръ, Александръ и Сигизмундъ обѣщаютъ, „штожъ намъ хрестіянства греческого закону не рушити, налоги имъ на ихъ вѣру не чинити"; подобно тому тѣ же великіе князья обѣщаютъ Витблянамъ: „Которыи будуть, Литвинъ або Ляхъ, крещены были у Витебску въ рускую вѣру, а хто изъ того роду и тепере живетъ, того намъ не рушити, права ихъ хрестіянского ни въ чомъ не ломити". Наиболѣе проникли польскіе порядки въ Волынь, землю на границѣ коронной Руси; здѣсь уже отдѣлены суды намѣстниковъ отъ судовъ старостъ, по польскому праву судей по дѣламъ уголовнымъ, для „разбою, кгвалту, шляхетской раны, пожоги"; шляхта собиралась въ Луцкѣ „на соймъ на зборъ", и судилась „водле права земли волынское" до тѣхъ поръ, „коли права статута увъ отчизнѣ нашой уставимъ, тогды вси земли наши одного ся права держати мають, и однымъ правомъ сужоны будуть подлѣ статуту".

Уже по такимъ разнымъ грамотамъ XV и XVI вв. можно замѣтить постепенное распространеніе польскихъ порядковъ и польскаго языка въ русскихъ земляхъ. Князья и бояре пріобрѣтали права польской шляхты, принимали гербы и хоругви (т. е. знамена) и названія: шляхта, шляхтичи, паны, рытере, земяне, шляхта хоруговная (уже въ 1438 г.), которая должна доказывать офиціально свое шляхетство (уже въ 1507 г.). Названія *паны*,

---

тоже, что чешское вданіе, взданіе (срв. H. Jireček Slovanské právo I. 178, II. 217, срв. „Славяне" I. 177). Въ словѣ витебской привилегіи „выдадуть ся *въ колцѣ* оба" (Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія II. 49) нельзя предполагать *кольцо*—коло, община (Иловайскій Ист. Россіи III, 615), а *въ кольцѣ* (*колицѣ*), т. е. въ сколько (сколькѣ) денегъ.

шляхта, *земяне* постепенно вытѣсняли старинное русское названіе знати *бояре*—прежде всего въ западныхъ земляхъ русскихъ, въ волынской и подляшской, потомъ въ кіевской, всего позже въ полоцкой, витебской, мстиславской (напр. въ 1551 г. еще: князи, панове, хоружіе, и вси бояре шляхта). Древнее русское слово бояринъ какъ-то не хотѣло долго уступить новымъ польскимъ словамъ—панъ, шляхтичъ, земянинъ; поэтому до половины XVI в. бояринъ все еще то же, что шляхтичъ, земянинъ, какъ это видно изъ упомянутыхъ земскихъ привилегій, не только подлинныхъ, а тоже ихъ подтвержденій; такъ напр. и въ подтвержденіи кіевской привилегіи (1529 г.) въ кіевской землѣ находимъ все еще „князи и панове и бояре и земяне, вся шляхта кіевская"; въ подтвержденіи полоцкой грамоты (1547 г.)—бояре, въ другихъ грамотахъ—князи и бояре витебскіе, полоцкіе, мстиславскіе, городенскіе, пинскіе, слонимскіе и др., а въ другихъ—бояре шляхта; король Сигизмундъ (1534) рѣшаетъ о нѣкоторыхъ боярахъ полоцкихъ, что, подобно тому какъ ихъ отцы были „бояре люди добрыи шляхта, а не слуги городовыи, и мы мѣли ихъ за бояръ шляхту", такъ и ихъ сыновей „маемъ за бояръ людей добрыхъ шляхтичовъ" [1]). Также и на югѣ около Винницы и Брядлавля встрѣчаются еще въ половинѣ XVI в. бояре въ смыслѣ шляхты, земянъ, („подлѣйшіе земляне не будучи урожоными боярами шляхтою, боярами называются", 1545 г.); но болѣе на западѣ, на Руси Черной, подляшской, волынской знать уже называется повсюду земяне, шляхта. Со второй половины XVI в., когда большая часть литовско-русскаго боярства сдѣлалась земянствомъ, шляхтою наравнѣ съ польскою шляхтою, слово *бояре* въ имѣніяхъ государственныхъ, духовныхъ и панскихъ стало означать людей свободныхъ, не-шляхтичей, не-тяглыхъ, обязанныхъ только къ извѣстнымъ повинностямъ, преимущественно къ военной службѣ (бояре панцерные), или къ службѣ замковой и посылочной — путной

---

[1]) Срв. напр. обширный списокъ литовско-русской шляхты 1528 г. въ Метрикѣ литовской, кн. 21 (по варшав. копіи кн. 201, стр. 1—150). О земянахъ въ Литвѣ см. статью Малиновскаго въ ж. Teka Wileńska 1857, I.

(бояре замковые, путные, служки). Такіе бояре встрѣчаются *до* XVIII в., особенно въ пограничныхъ королевскихъ староствахъ, по городамъ и селамъ, рядомъ съ другими служилыми людьми, напр. козаками, и съ людьми тяглыми, или въ особыхъ боярскихъ селахъ [1]).

По образцу польскому учреждались въ Литвѣ и Руси новые уряды (должности), или древнерусскія должности получали новыя названія, или наконецъ древнерусскія названія получали новыя значенія. Такіе урядники (поль. urzędnicy) или даже честники (поль. и мазов. czestnicy, по-латин. honorati) по образцу польскому являются въ литовско-русскомъ государствѣ уже съ конца XIV в., преимущественно же въ теченіе XV и въ началѣ XVI вѣковъ, не одновременно во всѣхъ земляхъ, какъ-то воеводы (въ польскомъ значеніи намѣстниковъ), кастеляны, старосты (въ польскомъ значеніи намѣстниковъ и позднѣе судей), маршалки, канцлеры, гетманы, подскарбіе, писари и др. Воеводы и кастеляны являются прежде всего въ собственной Литвѣ, именно въ Вильнѣ и въ Трокахъ (1413), между тѣмъ какъ эти урядники въ остальныхъ земляхъ русскихъ встрѣчаются позднѣе, какъ воеводы въ Кіевѣ (1471), въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Новгородкѣ, Смоленскѣ, Подляшьѣ (въ началѣ XVI в.), наипозже (1566) въ Минскѣ, Мстиславлѣ, Берестьѣ, Волынѣ и Брацлавлѣ; намѣстникъ Жмуди назывался староста, но былъ такимъ-же воеводою-намѣстникомъ. Воеводства раздѣлялись на повѣты. Пока не учреждены воеводства и не назначены были воеводы, управляли землями древнерусскіе намѣстники и ихъ помощники тивуны; въ другихъ городахъ (замкахъ) и земляхъ правили старосты-намѣстники по образцу польскому, какъ это было и на Руси польской (карпатской), и на Руси литовской, напр. подольской (еще подъ литовскимъ владычествомъ), волынской, кіевской; Александръ Витовтъ, занявъ въ концѣ XIV в. Подолье, „посажалъ на всѣхъ подольскихъ зе-

[1]) Срв. напр. описи (люстраціи) королевскихъ имѣній въ русскихъ земляхъ въ XVII в. (Źródła dziejowe V., Архивъ югозападной Россіи VI, и др.).

мляхъ и городахъ свои старосты", какъ разсказываетъ литовско-русскій лѣтописецъ; такіе старосты-намѣстники были въ южной Руси еще раньше, въ Подольѣ при Коріятовичахъ, и позже въ Волынѣ при Швитригайлѣ, въ кіевской Украинѣ въ началѣ XVI вѣка, въ Кременцѣ, Луцкѣ, Брацлавлѣ, Винницѣ, Хмельникѣ, Черкасахъ, Каневѣ и др. Со временемъ такіе старосты-намѣстники вообще сдѣлались — опять по образцу польскому — королевскими и великокняжескими намѣстниками-судьями по уголовнымъ дѣламъ, старостами „гродовыми"; власть такихъ старостъ опредѣляется уже въ уставныхъ грамотахъ волынской и бѣльско-подляшской (подтверждены въ 1501 г.), въ послѣдней—такими словами: „Нашъ староста ено чтеры артыкулы на замку ма судить: о розбитье альбо о злупенье на добровольной дорозѣ альбо о крадежъ, коли хто кгвалтомъ на чый домъ найдетъ, о дѣвичьемъ альбо о невѣстьемъ кгвалтѣ, о пожогу". Позднѣе, послѣ люблинской уніи, число такихъ гродовыхъ старостъ по воеводствамъ опредѣлено ближе. Кромѣ этихъ старостъ пограничныхъ и гродовыхъ встрѣчаются въ литовско-русскомъ государствѣ — по образцу польскому — тоже старосты негродовые, пожизненные пользователи (державцы, tenutarii) и правители королевскихъ имѣній—староствъ. Древне-русскіе воеводы (тысячскіе) сохранились до половины XV в., какъ помощники намѣстниковъ и старостъ, напр. въ Луцкѣ, Кіевѣ, Смоленскѣ [1]). Вмѣстѣ съ воеводами по образцу польскому являются въ началѣ XV в. (1413) въ Вильнѣ и въ Трокахъ кастеляны—паны; въ другихъ воеводствахъ встрѣчаются такіе кастеляны гораздо позже, съ 1566 и 1569 годовъ. Изъ другихъ урядниковъ литовско-русскаго государства и двора, по образцу польскому, является *канцлеръ* уже около Витовта и Швитригайла, а постоянный канцлеръ литовскій съ 1446 г., подканцлеръ (подканцлерій) съ 1566 года; *маршалокъ* великій (министръ двора) съ 1411 года, а маршалокъ надворный или

[1]) Срв. выше, стр. 82, 85, и вмѣстѣ съ тѣмъ слово воевода означало тоже военнаго предводителя вообще: herzog Lingwen und andere unsere woiwoden — пишетъ Витовтъ маршалу тевтонскаго ордена (1407 г.).

дворскій съ 1494 года, маршалокъ земли волынской съ 1470 года (до образованія волынскаго воеводства наивысшій урядникъ волынской земли), *гетманъ* великій (военный предводитель) съ 1497 г., а гетманъ полевой (польный) съ начала XVI в., *подскарбій* великій съ 1454 г. (а раньше еще подскарбій у Швитригайла), а надворный съ 1486 г. (поль. *скарбъ*—казна), а также и другіе литовскіе урядники: хорунжій, писарь (тоже по-русски дьякъ), подчашій, подкоморій, крайчій, кухмистръ, ловчій, чашникъ, конюшій, мечникъ, отчасти урядники по образцу польскому и съ польскими названіями, отчасти старинные русскіе и съ русскими названіями [1]).

Эти земскіе и придворные урядники великаго княжества литовскаго составляли совѣтъ великаго князя, древнерусскую думу боярскую, въ родѣ польскаго сената; они уже рано стали называться по-польски *рада*, *паны рада*. Съ этою радою, съ воеводами, кастелянами, старостами, намѣстниками, маршалками, канцлеромъ и подканцлеромъ, гетманомъ, подскарбіемъ, подчашіемъ и другими урядниками, и съ князьями и панами, которые въ то время находились около великаго князя, и съ католическими епископами Литвы, великій князь совѣщался о разныхъ государственныхъ дѣлахъ; власть и вліяніе этой *рады* дѣлались все сильнѣе на дѣлѣ и по праву, подобно власти польскаго сената, тѣмъ болѣе, что въ Литвѣ долго не могло образоваться представительство шляхты, изба пословъ (палата депутатовъ), на подобіе такой избы въ Польшѣ. Образованію такого представительства мелкой шляхты и ея вліянію на государственныя дѣла мѣшали тѣ же паны рада, аристократическая олигархія, не смотря на всѣ привилегіи великихъ князей о правахъ шляхты на соймы (поль. sejmy): если шляхта и собиралась на такіе соймы—общіе и земскіе (напр. волынская), то болѣе какъ свидѣтели рѣшенія великаго князя и пановъ рады [2]). Такая рада, паны рада, находились не только

---

[1]) См. J. Wolff: Senatorowie i dygnitarze w. ks. litewskiego 1386—1795 (Kraków 1886).

[2]) Разницу сеймовъ литовскихъ и польскихъ характеризовалъ въ 1 пол. XVI в. литовскій канцлеръ и виленскій воевода Войтѣхъ

около великаго князя литовско-русскаго, но тоже около нѣкоторыхъ другихъ удѣльныхъ князей; такъ напр. около великаго князя Швитригайла († 1452), когда онъ княжилъ въ Волынѣ и кратковременно также въ Кіевѣ, были паны рада: маршалокъ земскій волынскій и другіе маршалки, канцлеръ, подканцлерій, подскарбій, старосты, воеводы и другіе князья и паны волынскіе (и кіевскіе), все—православная Русь, а также православный владыка луцкій; у князя Александра Володимировича († 1454), „государя отчича кіевскаго“ были въ „радѣ“ князья, паны, бояре, маршалки, воеводы; у князя Ивана кобринскаго (1479) въ „радѣ“ были бояре, и пр.

Новые порядки, которые создавались въ Литвѣ именно въ сословіи шляхетскомъ, являются узаконенными въ ея уложеніи или, какъ оно названо на польскій ладъ, въ *статутѣ литовскомъ*, въ трехъ его редакціяхъ 1529, 1566 и 1588 гг. [1]). Въ первомъ статутѣ господарь великій князь литовскій подтверждаетъ прелатамъ, княжатамъ, панамъ хоруговнымъ, шляхтѣ (называемой изрѣдка тоже бояре шляхта), „такъ латинского (римского) закону яко греческого“, всѣ ихъ права и привилегіи; шляхта земяне отправляетъ военную службу, занимаетъ уряды, владѣетъ свободно своими имѣніями, отчизнами-дедизнами и выслугами, на которыхъ были поселены селяне мужики, кмети, люди вольные и похожіе и подданные, тяглые, отчизные, хлопы, челядь, закупы. Но шляхта все еще не пользуется вліяніемъ на законодательство, которое находится въ рукахъ господаря великаго князя и пановъ рады. Господарь и паны рада на соймѣ составляютъ наи-

---

Гаштовтъ такими мѣткими словами: Nostrae longe aliter absolvuntur conventiones, et quidquid per majestatem regiam concluditur et dominos, nobilitas hoc nostra exequatur necesse est. Vocamus quidem ad nostros conventus etiam nobilitatem tanquam honoris gratia, re vera autem ut singulis palam sit, quidquid concluserimus (Stadnicki: Olgierd i Kiejstut, p. 100).

[1]) См. Леонтовича (о русской правдѣ и литовскомъ статутѣ, 1865), Чарнецкаго (Исторія литов. статута, 1867); Владимірскаго-Буданова (о третьемъ литов. статутѣ и московскомъ уложеніи, 1877), и др.

высшій судъ; въ остальномъ судятъ воеводы, старосты, державцы (прежніе тивуны), маршалки, съ участіемъ земянъ. Въ статутѣ являются рядомъ съ древнерусскими терминами: бояре, тивунъ, дѣтскій, приставъ, люди тяглые, сябры, копы, соки, круговая порука, сводъ, лице, головщина, и пр., тоже новые польскіе термины, напр. названія сословій и урядниковъ, княжата (и князья), паны, шляхта-земяне, мѣщане, кмети, хлопы, воевода, староста, державца, маршалокъ, а также названія: соймъ, повѣтъ, уфала (ухвала), рокъ завилый, посагъ, и пр., не говоря уже о польской терминологіи военной (хоругвь, шихъ, гетманъ, хоружій и др.), ремесленной (гафтаръ, маляръ, мураль, машталеръ, и др.), о словахъ въ родѣ кгвалтъ, рѣчь посполитая (res publica), тестаментъ, персона, екзекуторъ, прокураторъ, комисаръ, артыкулъ, и пр.

Между тѣмъ, со временъ изданія этого перваго статута, шляхта въ Литвѣ добивалась, по примѣру польской шляхты, все болѣе правъ и пріобрѣтала ихъ; на сеймахъ 1559 — 1565 гг. она пріобрѣла право, которымъ пользовалась польская шляхта уже давно, т. е. выбирать себѣ судей повѣтовыхъ и на сеймикахъ или сеймикахъ воеводствъ и повѣтовъ пословъ (депутатовъ) на вальный соймъ, который съ тѣхъ поръ состоялъ не только изъ верхней палаты, сената (пановъ рады, въ томъ числѣ и епископовъ католическихъ, но не православныхъ), а также изъ выбираемыхъ пословъ земскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ король и великій князь Сигизмундъ Августъ особымъ закономъ (1563) уничтожилъ препятствіе въ пріобрѣтеніи шляхетства, заключавшееся въ городельскомъ привилегіи, постановивши, что не только католики, но и всѣ другія лица христіанской вѣры, Литва и Русь, пріобрѣтаютъ всѣ права шляхетскія. По поводу этихъ важныхъ перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ Литвы оказалась потребность исправить и дополнить статутъ; въ этотъ *второй* литовскій статутъ 1566 г. вошли эти новые порядки по образцу польскому: земскіе суды въ повѣтахъ съ судьею и подсудкомъ, писаремъ и вознымъ (стар. дѣтскій), съ земскими судебными книгами; гродскіе или замковые суды съ старостою во главѣ и съ гродскими книгами; граничные суды съ подкоморіемъ и коморниками; соймики по воеводствамъ и повѣтамъ, гдѣ осѣдлая тамъ шляхта выбирала по-

словъ на вальный соймъ: „на которые соймики мають зъежджатися и бывати тые воеводове и каштелянове, врядники земскіе, потомужъ князове, панове, шляхта того же повѣту и воеводства, а намовляти о всѣхъ потребахъ земскихъ и долеглостяхъ оного повѣту и воеводства, и обирати пословъ своихъ, то естъ отъ каждого суду земского, колько ихъ у томъ воеводствѣ будетъ, по двѣ особы, послати на соймъ“ [1]).

Со временъ воцаренія Ягайловичей въ Польшѣ переселялись многіе Поляки, шляхта изъ Мазовіи и изъ Польши, особенно Малой, тоже изъ карпатской Руси, въ литовскую Русь. На съѣздѣ въ Городлѣ (1413) польская шляхта разныхъ гербовъ приняла католическую шляхту литовскую въ „братство и родство“; такимъ образомъ распространились въ Литвѣ польскіе гербы: Лелива, Рава, Топоръ, Грыфъ, Повала, Помянъ, Налэнчъ, и др. Много Поляковъ участвовало въ военныхъ походахъ Витовта противъ Татаръ и сѣверной Руси [2]). Но по смерти Александра Витовта

---

[1]) Первый и второй статуты тогда не напечатаны, хотя Сигизмундъ Августъ въ 1568 г. говоритъ, что „друкованье того статуту рускимъ языкомъ безъ мѣшканья маетъ быти учинено“. Первый статутъ, вмѣстѣ съ современными переводами латинскимъ и польскимъ, напечатанъ (латиницею) только Дзялынскимъ (Zbiór praw litewskich, 1841), и по другой рукописи во Временникѣ москов. общества исторіи, кн. 18 (1854). Второй статутъ напечатанъ въ томъ же Временникѣ, кн. 23 (1855); современный польскій переводъ второго статута не напечатанъ и встрѣчается въ многочисленныхъ рукописяхъ въ разныхъ библіотекахъ. Герменегильдъ Иречекъ напечаталъ первый литовскій статутъ въ своемъ сборникѣ Svod zákonův slovanských; онъ думаетъ, что литовскій статутъ написанъ Чехомъ, жившимъ въ Литвѣ, или Литвиномъ (Русскимъ), знавшимъ чешскій языкъ и стиль; но это мнѣніе Иречка и тоже Палацкаго совсѣмъ произвольно.

[2]) Такъ напр. Витовтъ въ занятомъ имъ Смоленскѣ „посади свои намѣстники Ляхы, и тѣмъ Ляхомъ предаетъ градъ держати“ (П. С. Р. Л. IV. 145); въ войскѣ Витовта на его походѣ противъ Москвы было „vil volnes us Polen, houptman der Polen herzog Switergail“ (Codex epist. Vitoldi, 136); такъ и въ войскѣ Витовта противъ Новгорода 1428 г. (Длугошъ IV. 364). Длугошъ говоритъ, что Витовтъ non enim alterius nationis nisi Poloniae homines, per omne

антагонизмъ Польши и Литвы перешелъ въ открытую вражду и войну, и взаимныя отношенія польскихъ и литовскихъ пановъ значительно охладѣли; литовскіе паны не хотѣли признавать городельской уніи, возвращали — какъ уже сказано выше—принятые тогда гербы; а между Поляками и Русскими проявлялась въ этихъ войнахъ нерѣдко закоренѣлая вражда народная и вѣроисповѣдная [1]). Эта нелюбовь всѣхъ обывателей великаго княжества литовско-русскаго, католическихъ литовцевъ и православныхъ Русскихъ, къ Полякамъ поддерживалась и раздувалась разными обстоятельствами, пограничными спорами и столкновеніями, стремленіями Поляковъ къ болѣе тѣсному присоединенію Литвы къ Польшѣ, неохотою многихъ Поляковъ, женившихся на Литовкахъ и пріобрѣтшихъ въ Литвѣ поземельную собственность, подчиниться литовскому праву, и пр. На литовскихъ сеймахъ часто раздавались жалобы на безправіе, наѣзды, грабежи, причиняемые пограничнымъ литовскимъ земянамъ со стороны Поляковъ и Мазовшанъ. Литовцы считали Польшу чужою землею и Поляковъ „чужеземцами", которымъ не дозволяется въ Литвѣ владѣть имѣніями и занимать уряды; если нѣкоторые Поляки вслѣдствіе браковъ съ литовскими и русскими княжнами и шляхтянками пріобрѣтали имѣнія въ Литвѣ, то это считалось незаконнымъ и вызывало всегда большое неудовольствіе среди Литовцевъ [2]). Только въ 1564 г. на сеймѣ варшавскомъ разрѣшено пріобрѣтать имѣнія Полякамъ въ Литвѣ и Литовцамъ въ Польшѣ. Исключеніе составляетъ литовская пограничная область Подляшье; эту землю уже во второй половинѣ XV в. наполняла польская шляхта, и она скоро

---

tempus aetatis suae visus est in honore amplissimo et reverentia habuisse. О Ляхахъ въ южной Руси см. Архивъ югозападной Россіи VII. 2, стр. 95.

[1]) Срв. обширный разсказъ Длугоша о событіяхъ по смерти Витовта (XI книгу).

[2]) См. такіе акты въ сборникѣ Zbiór praw litewskich, въ Актахъ запад. Россіи (напр. II, № 144), въ Актахъ южной и зап. Россіи (напр. I. № 101), введеніе къ I т. 2 части Архива югозапад. Россіи; Mosbach: Początki unii lubelskiéj (Poznań 1872).

потребовала и польское право. Но остальная Литва съ какою-то гордостью постоянно указывала на то, что она „подъ право польское, которое собѣ земяне (подляшского) повѣту бѣльского упросили, не подданы суть панове рада и вся земля литовская, але овшемъ зъ него вызволены". Подляшье освободилось уже въ концѣ XV в. отъ литовскаго права, и хотя оно все еще составляло часть Литвы, заняло здѣсь рано нѣсколько исключительное положеніе, какъ раньше и въ большей степени ополяченная земля.

Подляшье, земля „подъ Ляхами"—узкая полоса земли на восточной границѣ Мазовша между среднимъ Бугомъ и Нѣманомъ, гдѣ города: Мухободы, Соколовъ, Венгровъ, Лосичи (Łosice), Межирѣчье (Międzyrzecze), Мельникъ, Дорогичинъ (Drogiczyn), Брянскъ, Бѣльскъ, Суражъ (Саражъ), Бѣлостокъ, Гонязь (Ганязь, Ганезь, поль. Goniądz), Тыкотинъ (Tykocin), Кнышинъ, Райгородъ (Rajgród), и др. Въ этой землѣ съ древнѣйшихъ временъ сосѣдили Ляхи (Мазовшане), Русь и Литва. На сѣверозападѣ Райгродъ, Гоньондзъ; Тыкоцинъ, Цехановецъ, Высокій Мазовецкій, Августовъ — города польскіе, отчасти старые города мазовскіе; на юговостокѣ по Бугу, Нарви и Бобрѣ жили отрасли русскихъ Дреговичей; въ XII — XIII вв. и вѣроятно еще раньше были здѣсь русскіе города Бѣльскъ, Каменецъ, Кобринъ, Дорогичинъ, Мельникъ, Берестье (Берестій) и др. Въ сѣверномъ Подляшьѣ жили литовскіе Ятьвяги (поль. Jaćvęgi), которые въ XIII в. соединенными силами Руси и Ляховъ были почти совсѣмъ истреблены [1]). Подляшье лишилось во второй половинѣ XVI в. берестьевской земли, изъ которой образовано (1566) особое воеводство.

Изъ-за Подляшья спорили потомъ Польша, Мазовія и Литва; послѣдняя наконецъ одержала верхъ. Мѣста истребленныхъ Ятьвяговъ въ сѣверномъ Подляшьѣ заняли Ляхи-Мазуры (Мазовшане) и Русь [2]). Въ этой колонизаціи Подляшья важное мѣсто

---

[1]) См. выше, стр. 5, 150.

[2]) До сихъ поръ черезъ бывшее Подляшье идетъ этнографическая граница народовъ польскаго и русскаго, начиная съ Лосичей къ Дорогичину, Брянску, Бѣльску, Суражу, Бѣлостоку, Кнышину, Гонязю, Райгороду, Августову. См. выше, стр. 5.

занимала мелкая шляхта мазовская, которая вообще распространялась далеко на востокъ въ русскія земли по Бугу и Днѣстру, въ Русь холмскую, белзскую, карпатскую, подольскую. Эта мазовская шляхта поселялась также въ русскомъ Подляшьѣ, среди русскаго народа и боярства, и оставаясь вѣрною своему католицизму и своей народности, распространяла польскую народность на востокѣ среди Руси; поэтому и въ Подляшьѣ встрѣчается много мѣстностей съ такими же названіями, какъ въ сосѣднихъ земляхъ Мазовша, въ визской, ломженской, нурской и др., также и селенія Мазуры [1]).

Вслѣдствіе такой сильной мазурской колонизаціи случилось въ Подляшьѣ то же самое, что и въ польской Руси карпатской, т. е. польскій элементъ рано одержалъ здѣсь верхъ—именно среди земянства. Но такъ какъ Подляшье продолжало составлять часть литовско-русскаго государства, то польскій элементъ долго не могъ здѣсь пріобрѣсти такого положенія и значенія, какъ напр. на Руси Червоной и подольской, и принужденъ былъ долго пользоваться правомъ литовско-русскимъ, употреблять въ публичной жизни русскій языкъ, и пр. Также и нѣкоторые древнерусскіе учрежденія и порядки сохранились на Подляшьѣ до XVI вѣка, напр. сябры, выдачка, дани грошовыя, медовыя, бобровыя, куничныя (рядомъ съ новымъ чиншемъ), и пр. [2]). Такъ какъ польской

---

[1]) Объ этой мазурской колонизаціи см. статьи Глогера въ журн. Biblioteka Warszawska 1873, III, Niwa 1878.

[2]) Приводимъ здѣсь изъ Метрики литовской (по варшав. списку кн. 195, стр. 96) примѣръ древнерусской выдачки (см. выше, стр. 181) на Подляшьѣ въ началѣ XVI вѣка: „Жаловалъ передъ нами земянинъ бѣльскій Михалъ Гальшовскій на судью бѣльского на пана Юрія Рачка тымъ обычаемъ: Люди бѣльского повѣта забили ми сына моего безвинне, и я о томъ жаловалъ господару его милости, и е. м. писалъ до него, абы ми съ тыми людми о головщину сына моего справедливость вчинилъ; и онъ съ тыми людми и до сихъ часовъ справедливости ми невчинилъ. И панъ Рачко мовилъ передъ нами: Съ тыми людми господарскими было ему въ той головщинѣ право, и тыи люди того ся справили; на тыи люди онъ головщины недовелъ, а я ихъ нашолъ въ томъ правыхъ, и въ книги земскіи то

шляхты на Подляшьѣ все прибывало, то она требовала своего польскаго права, которымъ она и руководилась. Короли и великіе князья Казимиръ и Александръ признали только существовавшіе порядки, пожаловавъ подляшской шляхтѣ въ земляхъ дорогичской, мельницкой и бѣльской польское право—привилегіями, изданными на языкахъ русскомъ и латинскомъ. Такимъ образомъ съ конца XV в. и съ начала XVI в. на Подляшьѣ вошло въ употребленіе право польское коронное; нѣкоторые остатки прежняго права уничтожены позднѣе, въ 1547 г., и Подляшье уравнено въ правѣ съ короною (Польшею). Но еще на люблинскомъ сеймѣ 1569 г. Подляшане жаловались, что, не смотря на всѣ привилегіи, все еще требуютъ отъ нихъ старыхъ повинностей, и просили снять съ нихъ „литовское рабство" [1]).

Вслѣдствіе распространенія польскаго права на Подляшье тамошнее земянство сдѣлалось и по праву шляхтою, со всѣми привилегіями польской шляхты; къ ней примкнули тоже нѣкоторые русскіе бояре; а слово „бояринъ" стало означать человѣка свободнаго, но не-шляхтича; подляшскіе бояре исчезаютъ впро-

---

записано. И тотъ Михалъ мовилъ передъ нами: Тому права невчинилъ еси мнѣ съ тыми людми, перевелъ ми тое право. И панъ Рачко мовилъ передъ нами: Естли дей буду тебе съ тыми людми несудилъ, и ихъ въ томъ правыхъ ненашолъ, шлю ся до книгъ съ десяти копъ грошей. И на то шапку свою передъ нами ставилъ, и тотъ Михалъ до книгъ на томъ непослалъ ся, и мы въ томъ пана Рачка нашли правого". Около этого времени (1507) королева вдова Елена получила Бѣльскъ, Саражъ и Брянскъ „съ бояры и слугами путными и людми тяглыми и данники, съ даньми грошовыми и медовыми и бобровыми и куничными, и съ капщинами и съ мытными пѣнязьми и съ чиншы" (Акты зап. Россіи I. № 8).

[1]) Привилегія бѣльская 1501 г. (русская и латинская); въ ней упоминается тоже дорогичская привилегія Казимира и Александра, но извѣстная только въ подтвержденіи Сигизмунда 1516 г.; мельницкой привилегіи не знаемъ, но несомнѣнно была и такая. См. Zbiór praw litewskich 82, 118, Акты западной Россіи I. № 189, Volumina legum I. p. 174 (петербург. изд,), литовскую Метрику по варшав. списку, кн. 213, р. 758, кн. 217, р. 577, Дневникъ люблин. сейма, изд. Кояловича, 274, 290.

чемъ рано въ подданномъ людѣ. Съ начала XVI в. подляшская шляхта—почти вся польская, и послѣдній разъ, кажется, упоминаются русскіе земяне около 1500 г., когда въ дорогичской землѣ въ какомъ-то спорѣ изъ-за границъ присягаютъ „земяне Ляхи и Русь, Ляхове на своей святости, а Русь на своей святости“ [1]). Имена подляшской шляхты и ихъ селъ пишутся въ актахъ латинскихъ и русскихъ по большей части по-польски: Gabriel, Gałązka, Rąbiszewski, Zadambie, Czarny las, Moczydła, Ирыкъ (т. е. Юрикъ), Бартошъ, Якубъ, Миколай, Альжбета, князь (т. е. попъ, поль. ksiądz) Якубъ и др.; многія польскія названія мѣстностей на русскомъ Подляшьѣ остались до сихъ поръ польскія, напр. Drogiczyn (Drohiczyn) — Дорогичинъ, Łosice — Лосичи и др. Въ огромномъ количествѣ польскихъ именъ подляшской шляхты встрѣчаются русскія имена очень рѣдко, напр. Iwan filius Daszko, Chwietko filius Michaelis, Костюшко (т. е. Константинъ) Костомолотскій, Петръ Монюшко, Григорей Тимофеевичъ, Васко Глуковскій, Федоръ Витблянинъ (т. е. изъ Витебска), Федко (Хведко) Дашковичъ, Олехъ Скрипокъ, Григоръ Почута, и др. Были ли эти мелкіе земяне около 1528 г. еще „Русь“, не говорится; но если они и были католики и Ляхи, то они, подобно червонорусскому земянству, вѣроятно дома говорили еще на русскомъ нарѣчіи или скорѣе на какой-то польско-русской смѣси, равнымъ образомъ какъ они еще употребляли и въ публичной жизни, на судахъ и сеймикахъ, языкъ русскій. Только „бояре“ приводятся иногда какъ люди „греческого и римского закону“; они носятъ русскія имена: Грынъ Саковичъ, Тарасъ Кобятичъ, Федко Ивашковичъ, Иванко Милошевичъ, и др. [2]).

---

[1]) Метрика литовская (по варшав. списку) кн. 192, стр. 54.

[2]) Срв. подробный списокъ подляшской шляхты 1528 г. въ Метрикѣ литов. (варшав. списокъ кн. 201, стр. 69 — 188), именно шляхты мельницкой (37), дорогичской (246), бѣльской (688) и бояръ бѣльскихъ (78). Въ литовской Метрикѣ записано множество подляшскихъ актовъ; акты одного столѣтія (1469 — 1569) наполнили бы большой томъ. Нѣсколько актовъ, напечатанныхъ въ статьѣ Як. Головацкаго: Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ

Польское право ввело въ Подляшье всѣ польскіе порядки; вмѣсто намѣстниковъ въ отдѣльныхъ земляхъ съ начала XVI в. (1513 — 1514) является воевода—онъ управлялъ подляшскимъ воеводствомъ, раздѣленнымъ на три земли,—старосты, судьи и подсудки, писари, возные (вмѣсто бывшихъ дѣтскихъ, которые извѣстны еще въ 1526 г.), подкоморіе, коморники, войскіе и кастелянъ (этотъ только съ 1566 г.). Всѣ эти урядники должны были быть — по крайней мѣрѣ по подтвержденію дорогичской привилегіи 1516 г.—католиками. Суды и судебныя книги были гродскіе и земскіе, и нерѣдко говорится, что надо судить „водле статуту права писаного польского", и что къ шляхтѣ не относится литовское право; судебные позвы должны были писаться только на латинскомъ языкѣ, что̂ однако не всегда соблюдалось. Мужики на Подляшьѣ стали называться по-польски кмети (кмѣти, kmetones) [1]), а иногда, какъ православные, тоже „Русины" (въ русскихъ актахъ), „Rutheni" (въ латинскихъ актахъ)—въ противноположность „Поляку, земянину (terrigena)". Повинности сельскаго люда съ теченіемъ времени значительно усилились; между тѣмъ какъ при Витовтѣ „вшелькій кмѣть робилъ зъ волоки 14 дни презъ еденъ рокъ", въ концѣ XV в, „зъ волоки на тый день мялъ робить еденъ день". „Пѣнязе", „копы грошей", употребляемыя на Подляшьѣ, были „литовское монеты", но тоже „личбы лядьской". Важнымъ средоточіемъ русской народности и православія на Подляшьѣ былъ монастырь супрасльскій, основанный въ 1500 г. на рѣкѣ Супраслѣ православнымъ русскимъ паномъ Александромъ Ивановичемъ Ходковичемъ, воеводою новгородецкимъ и великимъ маршалкомъ литовскимъ—„для богомолья нашого и памети душъ зошлыхъ родителей моихъ и всего роду нашого богу милому ку чти и хвалѣ и мнѣ грѣшному на вѣчную

по актамъ XVI стол. (Вильна 1888, вновь напечатаны въ Актахъ виленскихъ, 1890, т. 17), относятся собственно не къ Подляшью, а къ городенскому повѣту, который не входилъ въ Подляшье; въ статьѣ напечатанъ только одинъ подляшскій актъ (изъ книгъ дорогичскаго земскаго суда) 1558 г., о которомъ см. ниже.

[1]) Такъ и въ жмудской привилегіи 1492 г.: кмети, kmetones.

наметь.“ Сынъ его Григорій, кастелянъ виленскій и великій гетманъ литовскій, пріютилъ у себя московскихъ типографовъ Ивана Москвитина и Петра Мстиславца, и основалъ въ Заблудовѣ недалеко отъ Супрасля типографію, или, какъ онъ ее назвалъ на польскій ладъ, „варстатъ друкарскій“, гдѣ въ 1568—1569 гг. напечатано Евангеліе на словѣнско-русскомъ языкѣ „на почесть и похвалу Господу Богу и къ наученію людемъ христіяньскимъ закону нашего греческаго“ [1]).

Не смотря на то, что на Подляшьѣ рано распространилось польское право вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ, русскій языкъ употреблялся, рядомъ съ латинскимъ, въ публичной жизни подляшскаго воеводства, которое все еще входило въ составъ Литвы, а не Польши. Въ первой трети XVI в. въ подляшскихъ судахъ употреблялся преимущественно языкъ русскій, потомъ латинскій; такъ многочисленныя распри подляшской шляхты въ судахъ земскихъ и гродскихъ, апеляціи къ королю—великому князю, королевскіе декреты 1538 — 1546 гг., числомъ нѣсколько тысячъ,—всѣ латинскіе [2]). Но и прежній официальный русскій языкъ литовско-русскаго государства сохранялъ за собою значеніе и среди польской шляхты Подляшья. Король - великій князь по-

---

[1]) О супрасльскомъ монастырѣ см. виленскій Археограф. Сборникъ IX, гдѣ помѣщено много русскихъ грамотъ Ходковичей. Въ этомъ монастырѣ хранилась между прочимъ дрогоцѣнная словѣнская рукопись XI в., которая въ началѣ нашего столѣтія взята оттуда М. Бобровскимъ (см. Ж. М. Н. П., 1887, окт. и нояб.: П. О. Бобровскій, Судьба Супрасльской рукописи; срв. еще тамъ же, 1888, апр. Замѣтка его-же) и нынѣ находится отчасти въ варшавской библіотекѣ графовъ Замойскихъ (см. Варшав. университ. Извѣстія 1872, № 4), отчасти въ библіотекѣ люблянскаго лицея, куда попала съ библіотекою В. Копитара. Эта супрасльская рукопись издана Миклошичемъ (1851). О заблудовскомъ евангеліи см. „Славяне“ II. стр. 600. Григорія Ходковича называетъ королева Варвара Радивиловна въ письмѣ матери 1549 г.: „Wilk chowany a Rusin chrzczony djabłu się godzi“. (A. Przezdziecki: Jagiellonki polskie I. 325).

[2]) Записаны въ Метрикѣ литовской, кн. 35, 42, 47, 55, 58 (по варшав. списку, кн. 207—216).

сылалъ изъ своей канцеляріи русскіе акты подляшскимъ урядникамъ и земянамъ, издавалъ русскія земскія привилегіи, мѣстскія— на нѣмецкое право и др. грамоты; такъ напр. грамоты, касающіяся городовъ Дорогичина, Клещелязей (Клещелей), Нарви, Августова и др.—русскія или латинскія; русскій языкъ употреблялся, рядомъ съ латинскимъ, даже въ актахъ, относящихся къ католическимъ „князьямъ" (т. е. попамъ, поль. ksiądz) въ нѣкоторыхъ городахъ. Русскій языкъ подляшскихъ актовъ, писанныхъ въ королевско-великокняжеской канцеляріи или въ шляхетскихъ судахъ, носитъ на себѣ часто отпечатокъ мѣстнаго нарѣчія и вліянія польскаго языка—мазурскаго нарѣчія, больше, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ русскомъ офиціальномъ языкѣ литовской канцеляріи. Такъ напр. русскій текстъ бѣльской привилегіи 1501 г. обнаруживаетъ значительное вліяніе польскаго языка; этотъ текстъ писалъ или польскій земянинъ, не знавшій хорошо русскаго языка, или русскій земянинъ, поддавшійся вліянію польскаго языка, и въ этомъ актѣ слово „Русинъ" означаетъ, какъ уже замѣчено, прямо „кмѣтя" (мужика), а „Полякъ" синонимъ „земянина": кды бы нѣкоторый съ земянъ былъ обвиненъ презъ Русина; естли бы нѣкоторый Русинъ позвалъ Поляка; Русиновѣ земянъ нагабали (vexabant, поль. gabać); Русиномъ на ся жалуючимъ; естли бы кмѣть отъ земянина хотѣлъ ити, и пр. Въ бѣльской привилегіи встрѣчается много польскихъ словъ, писанныхъ русскимъ письмомъ, но невозможныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи, напр. ницъ, праца, обротить (поль. obrócić), быдлетя (род. пад., поль. bydlęcia), банде (поль. będzie, мазур. bandze, bandzie), хцунцы (chcący), вѣнцей (więcej), допущаюнчъ (dopuszczając), и пр. [1]). Земяне гонязскіе (Гонязь—Goniądz), чистые Мазуры, предъявляя жалобу на Радивила по-русски, описывали границы своей земли на томъ же языкѣ, но по неволѣ примѣшивали и

---

[1]) Приводимъ изъ 3 „Члонка": „Естли бы жена не хтяла звротить вѣно, теды право близкости и тежъ часть отцовску тратить, а не матчинску, въ которыхже ту часть мяла была; тыле едно, бы не мяла родицовъ, братью ани сестры, гдѣжъ теды ко взроценью того вѣна не банде повинна".

польскія слова: весь (wieś, рядомъ съ обыкновеннымъ село), прилучить (поль. przyłączyć), ма служиць кмети, и пр. Въ приказѣ короля Сигизмунда Августа пану Миколаю Кишкѣ, старостѣ дорогичскому (1558), писанномъ въ великопольскомъ Петрковѣ, замѣтно вліяніе русскаго нарѣчія (всихъ, дилати, дыетъ) и вліяніе польское (земяние, себие, небеспиечни) даже съ извѣстнымъ „мазуреньемъ", т. е. употребленіемъ *ц* вмѣсто *ч*, *с* вм. *ш*, *з* вм. *ж* (стосъ = штожъ, казесъ = кажешъ, кѫдисъ = кдыжъ, гросей = грошей).

Подляшская шляхта, употребляя свой польскій языкъ или, на сколько знала, латинскій, отвыкала мало-по-малу отъ офиціальнаго русскаго языка и добивалась его замѣны роднымъ языкомъ польскимъ [1]). Такое требованіе было вполнѣ основательно, такъ какъ въ половинѣ XVI в. на Подляшьѣ русской шляхты не было: самъ король Сигизмундъ Августъ уже въ 1547 г. въ отвѣтѣ подляшской шляхтѣ употребилъ, какъ исключеніе, не языкъ русскій или латинскій, а польскій. На сеймѣ въ Вильнѣ 1565 г. подляшская шляхта обратилась къ королю съ просьбою по-польски, чтобъ акты изъ королевской канцеляріи посылались въ Подляшье на языкахъ латинскомъ или польскомъ, такъ какъ тамъ не знаютъ уже русскаго письма; король отвѣтилъ по-польски, что изъ его канцеляріи пишутъ по-русски по древнему обычаю, какъ это водится во всемъ великомъ княжествѣ литовскомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ, чтобъ въ Подляшье писалось изъ его канцеляріи иногда тоже по-польски. Скоро послѣ того, въ 1568 г., дорогичинская шляхта на сеймѣ въ Городнѣ вновь просила короля, чтобъ изъ королевской канцеляріи посылались имъ акты латинскіе или польскіе, а не русскіе; но король на этотъ разъ отвѣтилъ по-русски, что по древнему обычаю изъ королевской канцеляріи должны быть „листы писаные и выдаваны рускимъ писмомъ и языкомъ по всему панству его королевской милости великому князству литовскому". Въ 1569 г. на сеймѣ въ Люблинѣ Под-

---

[1]) Такъ напр. описи староствъ брянскаго и саражскаго (1558), кнышинскаго (1561), города Нарви (1560)—составлены по-польски.

ляшье присоединено прямо къ коронѣ, къ Польшѣ, и въ этой королевской привилегіи, изданной по-польски, не говорится уже о русскомъ языкѣ и письмѣ [1]). Съ тѣхъ поръ польскій элементъ и языкъ вполнѣ одержалъ верхъ на Подляшьѣ; о прежнемъ офиціальномъ языкѣ русскомъ нѣтъ ни слуху, ни духу; только если оказывалась надобность, переводились старые русскіе акты на польскій языкъ [2]).

Больше и дольше, чѣмъ среди подляшской шляхты, сохранилась Русь на Подляшьѣ въ городахъ — *мѣстахъ*, которыя съ XV в. устраивались здѣсь на правѣ нѣмецкомъ (магдебургскомъ, хелменскомъ, сродскомъ); это право замѣнило господствовавшее до тѣхъ поръ въ городахъ право литовское и русское. Такъ устроены мѣста Высокій Мазовецкій, Лосичи, Мукободы, Соколовъ, Дорогичинъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Мельникъ и др. Въ городахъ-мѣстахъ жили Ляхи и Русь,—термины, означавшіе не только народность, а также вѣроисповѣданіе: католиковъ и православныхъ (Graeci seu Rutheni). Сначала находили иногда препятствія къ принятію Русскихъ во вновь устроенное по нѣмецкому праву „мѣсто“, какъ это бывало и на польской Руси; но вскорѣ фактическое положеніе народностей на Подляшьѣ помѣшало примѣненію такихъ препятствій. Такъ напр. въ Бѣльскѣ, по привилегіи Витовта (1430), мѣщане могли быть только католики, Нѣмцы и Поляки; но тѣмъ не менѣе въ концѣ XV в. жили въ томъ городѣ и Русскіе, и въ 1501 г. магдебургское право распространено на всѣхъ мѣщанъ обоихъ обрядовъ, латинскаго и греческаго; въ Лосичахъ въ началѣ XVI в. жили „люди лядьскіи и рускіи“, и были „волоки лядьскія и рускія“; въ Дорогичинѣ магдебургскимъ правомъ поль-

---

[1]) См. Метрику литовскую (по варшав. списку) кн. 214, pp. 1311 (напечаталъ тоже Hubert: Pamiętniki historyczne, Warszawa 1861, I. 60), 1413, кн. 217, p. 577; Volumina legum (изд. петербург.) II. 77.

[2]) Вѣроятно послѣднія русскія строки, вышедшія изъ шляхетской среды Подляшья — это русскія и польскія замѣтки пана I. Трызны (1567 г.) въ его экземплярѣ Рея Wizerunek; срв. варшав. Ateneum 1888, III. 535.

зовались (1494 г.) Ляхи и Русь, и въ городѣ различались „сторона лядьская“ (лѣвый берегъ Буга) и „сторона русская“ (правый берегъ), хотя и на лядьской сторонѣ были православныя церкви; на происхожденіе дорогичскихъ и др. мѣщанъ указываютъ иногда ихъ прозвища: Русинъ, Словакъ, Чехъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ должны были и православные Русскіе платить десятину католическому священнику, какъ напр. въ Дорогичинѣ, Суражѣ, Брянскѣ [1]). Въ городахъ сохранился православный и потомъ уніатскій русскій элементъ болѣе, чѣмъ среди шляхты, но и въ городахъ одержала верхъ, какъ вообще на Руси литовской, польщизна, особенно когда сила русскаго православія на Подляшьѣ рухнула подъ тяжестью церковной уніи, и единственнымъ убѣжищемъ православія на Подляшьѣ остался монастырь яблочинскій на Бугѣ. Уніаты часто дѣлались прямо католиками, а тѣмъ самымъ и Поляками; такъ напр. въ Высокомъ Мазовецкомъ была когда-то церковь православная, потомъ уніатская, но только для нѣкоторыхъ окрестныхъ селеній; въ самомъ городѣ не было уніатовъ, но что тамъ прежде жили и Русскіе, видно по названіямъ: русскій рынкъ (ring, площадь), русская улица. Также и въ Тыкоцинѣ была еще въ XVII в. православная церковь и нѣкоторое количество русскихъ жителей, съ половины этого столѣтія уже уніатовъ. Менѣе всего поддался вліянію простой русскій народъ Подляшья, въ южной части по Бугу малорусскій, въ сѣверной части за рѣкою Наровью бѣлорусскій, сначала православный, потомъ уніатскій; со временемъ нѣкоторыя уніатскія селенія сдѣлались католическими и польскими.

8. ***Люблинская унія и ея вліяніе на отношенія литовско-русскаго вел. княжества къ Польшѣ. Укорененіе польскихъ порядковъ въ Литвѣ и югозападной Руси. Распространеніе польскаго элемента и вліяніе польскаго языка въ ущербъ рус-***

---

[1]) См. акты (изъ Метрики литовской) у Поцѣя: Dziesięciny na Rusi.

скому элементу и языку. Культурное значенiе польскаго влiянiя въ литературѣ и просвѣщенiи; вѣроисповѣдное движенiе (распространенiе протестантизма). Польскiй языкъ въ западной Руси.

Люблинская унiя 1569 г. произвела важныя перемѣны въ отношенiяхъ литовско-русскаго великаго княжества къ Польшѣ, къ коронѣ. Послѣ долгихъ и бурныхъ препирательствъ между Поляками и литовско-русскою аристократiею, которая не желала тѣсной унiи Литвы съ Польшею, эта унiя все-таки осуществилась, главнымъ образомъ при помощи литовско-русской шляхты, добивавшейся и добившейся тѣхъ же самыхъ правъ, какъ и шляхта въ коронѣ. Полякамъ удалось наконецъ осуществленiе давнишнихъ завѣтныхъ желанiй, лелѣянныхъ ими съ 1386 г., но встрѣчавшихъ до 1569 г. непреодолимыя препятствiя. Южнорусскiя воеводства волынское, брацлавское, кiевское, равнымъ образомъ какъ и воеводство подляшское, присоединены были прямо къ коронѣ, къ Польшѣ, и именно къ Малой, а ихъ сановники (католическiе епископы, воеводы, кастеляны) вошли въ составъ сенаторовъ польскихъ.

Остальная Литва съ такъ наз. Бѣлою Русью, т. е. воеводства жмудское, троцкое, виленское, полоцкое, витебское, мстиславское, минское, новгородецкое и берестьевское, слились съ короною-Польшею такъ, что лишились прежней самостоятельности. Литовскiе сенаторы (католическiе епископы, воеводы, кастеляны, маршалокъ, канцлеръ, подканцлеръ, подскарбiй, маршалокъ дворный) вошли тоже прямо въ ряды коронныхъ сенаторовъ, составивъ съ ними одинъ сенатъ; послы (депутаты) литовскiе засѣли въ избѣ (палатѣ) вмѣстѣ съ коронными послами Польши Великой и Малой и Прусiи. Польша и Литва сдѣлались однимъ государствомъ (рѣчь посполитая — rzecz pospolita—res publica), однимъ „народомъ" (политическимъ), съ однимъ сенатомъ и съ одною избою посольскою [1]).

---

[1]) См. дневникъ люблинскаго сейма, изд. Дзялынскимъ (1857) и Кояловичемъ (1869), и разные акты 1569 г. въ Volumina legum.

Литва и ея русскія земли, присоединенныя къ коронѣ, за исключеніемъ Подляшья, сохранили однако свое старинное право, свой литовскій статутъ, который вскорѣ распространенъ и наконецъ напечатанъ въ Вильнѣ въ 1588 г. [1]). Король Сигизмундъ III подтвердилъ этотъ статутъ, какъ просили „панове рада и врядники наши, послы великого князьства литовского на сойме вальномъ щастливое коронацыи нашое будучи, именемъ всихъ становъ обывателовъ вел. кн. литовского“ и приказалъ „тотъ статутъ новопоправленый и привильями земскими, письмомъ польскимъ и рускимъ друковати, и въ поветы розеслати“. Изданіе русскаго статута (на польскомъ статутъ тогда изданъ не былъ) взялъ на себя литовскій подканцлеръ Левъ Сапега, который гордится, что у Литовцевъ есть „права списаные не обчимъ (т. е. чужимъ, поль. obcym) акымъ языкомъ, але своимъ власнымъ“; но такъ какъ „не кождый статутъ могъ мети, для трудного и долгого переписованья, тогды и въ томъ той потребе кождого обывателя фольгуючи и пожитку речы посполитое служечи, важыломъ се того, тую працу на себе подняти, я кошту и накладу своего не жалуючи, и быхъ то въ друкъ подалъ, а дорогу лацнейшую и спаднейшую каждому ку ведомости права показалъ“. Вскорѣ послѣ того, когда въ Польшѣ учреждены трибуналы, т. е. наивысшіе суды (1578), учрежденъ былъ такой трибуналъ и для Литвы (1581); онъ раздѣлялся на двѣ части или репартиціи: виленскую (для воеводствъ виленскаго, троцкаго, жмудскаго, полоцкаго) и русскую (для другихъ воеводствъ). Для трехъ южнорусскихъ воеводствъ, присоединенныхъ къ коронѣ, учрежденъ сначала особый трибуналъ въ Луцкѣ, но скоро они были подчинены малопольскому трибуналу въ Люблинѣ (1589—1590) [2]).

---

[1]) Вновь перепечатанъ въ московскомъ Временникѣ, кн. 19 (1854). Эта третья редакція литовскаго статута принята безъ сомнѣнія тоже тремя южнорусскими воеводствами короны.

[2]) Книги литовскаго трибунала хранятся въ центральномъ архивѣ виленскомъ; кое-что издается въ Актахъ виленскихъ, начиная съ XI т. Книги люблинскаго трибунала для южнорусскихъ воеводствъ волынскаго, брацлавскаго и кіевскаго (и черниговскаго) хра-

Съ люблинской уніи 1569 г. Литва и югозападная Русь мало-по-малу сливались съ Польшею. Польскіе порядки, которые распространялись на Литву и на югозападную Русь (польскую и литовскую) уже въ XIV — XV вв., вкоренялись въ ней потомъ еще больше, и шляхта изъ Литвы и Руси, вполнѣ уравненная въ правахъ съ шляхтою Польши, совѣщалась съ нею сообща на однихъ сеймахъ о дѣлахъ всей „рѣчи посполитой“ польской, по большей части въ Варшавѣ, но также въ Городнѣ въ Литвѣ. Повсюду въ Литвѣ и въ югозападной Руси уже давно существовали разные урядники по образцу польскому и съ названіями польскими, но съ уніи люблинской число ихъ опредѣлено точнѣе, а отъ старыхъ русскихъ урядниковъ осталось очень мало, напр. тивунъ или цивунъ, городничій, стольникъ, конюшій. Остальные великіе (государственные) урядники, сенаторы Литвы, были, какъ уже выше сказано, такіе же, какъ и въ Польшѣ, и назывались по-польски—воеводы, кастеляны, маршалки великій и надворный, канцлеръ и подканцлеръ, подскарбіе великій и надворный, гетманы великій и полевой; далѣе были надворные урядники, секретари, референдари, подкоморіе, писари, хоружіе (поль. chorąży), мечники, конюшіе и подконюшіе, кухмистры, стольники, подчашіе, крайчіе, подстоліе, чашники, ловчіе и др. Земскіе урядники по землямъ (воеводствамъ) были: тивуны (цивуны), маршалокъ, подкоморій, хоружій, судья и подсудокъ, и проч.

Съ половины XVI в. исчезаютъ въ Литвѣ и югозападной Руси многіе древніе порядки и замѣняются новыми польскими, какъ и вообще государственный строй всей „рѣчи посполитой“ принимаетъ на себя одинаковый характеръ вслѣдствіе общей политической и законодательной. дѣятельности сената и посольской избы на общихъ сеймахъ польско-литовскихъ. Вмѣсто старинной серебрщины или серебщизны (посощины и подымщины) съ сохи и стариннаго полюдья съ дыма встрѣчается поземельная

нятся въ главномъ архивѣ варшавскомъ; издано очень мало, напр. въ Архивѣ югозападной Россіи I. 6.

дань (поборъ) съ новыхъ изъ Польши принятыхъ полевыхъ мѣръ съ лановъ, волокъ (поль. włoka), морговъ; но однакожъ на крайнем востокѣ и юговостокѣ эта дань взималась долго еще съ сохъ, так какъ земля не была еще измѣрена на волоки [1]. На Литвѣ вхо дятъ вообще въ употребленіе разныя польскія или въ Польш принятыя дани: чиншъ — цыншъ (поль. czynsz, изъ census, нѣ zins), чоповое (поль. czopowe) вм. старой капщины (плата съ н питковъ) и пр. Вообще на Литвѣ и Руси долго встрѣчаютс старые порядки возлѣ новыхъ. Сельскіе грунты раздѣляются н волоки, морги и сохи; есть села (и по-польски sioła) и фольвар (дворы); съ волокъ или „гдѣ помѣры нѣтъ"—съ дымовъ, дворищ платится серебщизна и чиншъ, рублями и грошами, дани медовы (меды), овсы дякольные (дякло), осыпъ, капщизна, дѣцкован пересудъ, куница, десятина; люди тяглые (и по-поль. ciahli, cią gli), хлопы отправляютъ роботы, панщину (панщизну), толоки гвалты; по селамъ были войты (прежніе старцы, начальники вой товствъ, прежнихъ волостей) и лавники, но также древнерусскі атаманы (ватаманы), тивуны (тивоны), десятники, копные суды пр. Платы и повинности сельскаго люда возбуждаютъ часто уди вленіе къ финансовымъ талантамъ пановъ, которые, вмѣстѣ с своими арендаторами—жидами, нерѣдко вторгались со своею жад ностью къ деньгамъ даже въ церковную область своихъ правосла ныхъ подданныхъ и взимали разныя платы даже за церковны требы [2]. Этотъ сѣрый сельскій людъ югозападной Руси поддалс

---

[1] „Серебщизна зъ сохи по 30 грошей" одобрена на вилен скомъ сеймѣ 1563 г.; „серебщизна (серебщина) господарская отъ сохи по полкопы" въ Волынѣ 1566 г., но уже тогда постановлено, „абы вже серебщины не давано, только поголовщину"; „податокъ зъ во локъ и дымовъ гроши польскими" 1576 г., и пр. О полюдіи см. вы ше, стр. 122, 175. Со второй половины XVI в. исчезаетъ въ Литвѣ русскій рубль.

[2] Срв. такія „идилическія" картинки изъ быта русскаго люд нарисованныя современниками, у Шайнохи: Dwa lata dziejów na szych 1646, 1648 (Lwów 1865 I. 110), и у Костомарова: Богдан Хмельницкій (изд. 1870 г., стр. XL и дальше).

господствующему польскому влiянiю очень мало и сохранилъ своей родинѣ—не смотря на отчужденiе высшихъ сословiй—характеръ земли русской.

Старые города на Литвѣ и Руси обращались, какъ уже сказано, въ *мѣста*, новыя привилегированныя общины, изъятыя изъ земскаго права и пожалованныя особымъ правомъ нѣмецкимъ, магдебургскимъ [1]). Такими „мѣстами" сдѣлались города Вильна, Луцкъ, Володимерь волынскiй, Кремянецъ, Житомерь, Кiевъ, Брацлавль, Полоцкъ, Витебскъ, Минскъ, Берестье, Новгородокъ, Пинскъ, Могилевъ и др. Жители городовъ-мѣстъ были не только православная Русь, но также католики Литовцы и Ляхи, а далѣе, особенно въ южной Руси,—Волохи, Нѣмцы, Армяне, Татары, Жиды. Названiя „Русь" и „Ляхи, Литва" означали и въ городахъ не только народность, а также вѣроисповѣданiе, т. е. православныхъ и католиковъ; въ послѣднихъ исчезли, какъ это было и въ польской Руси, также Нѣмцы. „Ляхи и Русь", „fidei catholicae cultores et Rutheni"—такъ опредѣляются часто уже въ XV в. мѣстичи въ Вильнѣ, Луцкѣ, Володимерѣ, Кремянцѣ, Острогѣ и др. [2]). Приверженцы обоихъ христiанскихъ вѣроисповѣданiй жили сначала въ хорошихъ отношенiяхъ, и даже случалось не рѣдко, что „Литвинъ або Ляхъ крещены были въ рускую вѣру", какъ это было напр. въ Витебскѣ въ началѣ XVI в., и конечно такiе исчезали потомъ въ русскомъ большинствѣ. Мѣстское представительство было обыкновенно на половину—католики „закону римского, сторона лядьская" и на половину православные „закону греческого, сто-

---

[1]) О городахъ (мѣстахъ) югозападной Руси вообще см. Антоновича (Архивъ югозападной Россiи V. I и тоже его Монографiи), Владимiрскаго-Буданова: Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ (1868), тоже Röpell: Über die Verbreitung des Magdeburger Stadtrechts im Gebiete des alten polnischen Reiches ostwärts der Weichsel (1857), монографiи Вильны — Васильевскаго, Полоцка—Бѣляева, Витебска—Сапунова, Кiева—Антоновича, и др.

[2]) Въ Кремянцѣ, по привилегiи Швитригайла (1438), войтъ долженъ судить Русина, Ляха, Нѣмца, Волошина, Арменина, Жида и Татарина; въ 1545 г. жители Кремянца были Чехи, Нѣмцы, Ляхи, Литва, Русь.

рона руская". Мѣста въ литовской Руси получили нѣмецкое право не непосредственно изъ нѣмецкихъ странъ, а уже посредственно изъ Польши и польской Руси; нѣмецкое право было имъ доступно по польскимъ переводамъ, преимущественно по печатному польскому изданію Саксонскаго Зеркала Щербича; но дѣла рѣшались часто не по этому формальному праву нѣмецкому, а просто по обычному праву русскому. Вся терминологія мѣстскаго права и учрежденій въ мѣстахъ югозападной Руси—нѣмецкая, но въ польской передѣлкѣ: мѣсто, мѣстичи-мѣщане, бурмистры, радцы (райцы), войтъ, лавники, ратушъ, рынокъ, ортелъ, ярморокъ, цехъ, цехмистры и др. и нѣкоторыя названія ремесленныхъ цеховъ: кушнеры, рымары, слѣсары, муралы, гарбари и др., но есть тоже кравцы, шевцы, ковали, мечники, котельники, теслы, гончары, сѣдлари, кожемяки, столяри, золотари, солодовники, маслобойники, купцы, рѣзники, крашанинники, шапочники и др. Впослѣдствіи, послѣ церковной уніи на Руси въ концѣ XVI в., начались и въ мѣстахъ Литвы и Руси споры и драки между уніатами и православными. Положенія членовъ православныхъ „закону греческого" въ мѣстскомъ представительствѣ и въ цехахъ (цехмистровъ) добивались уніаты, которые, съ помощью католиковъ, привилегій и конституцій, достигали обыкновенно желаемаго положенія, и право относилось только „obojgu narodom, katolickiemu i greckiemu w jedności świętej z kościołem rzymskim będącemu", какъ говорится въ одномъ виленскомъ цеховомъ уставѣ 1666 года [1]). Православные устраивали церковныя братства со школами и типографіями, въ которыхъ печатались книги „по грецку, по словацку (т. е. по церковно-словѣнски), по руску и по польску", какъ говорится въ привилегіи короля Сигизмунда III виленскому братству. Польская народность,

---

[1]) Еще въ началѣ XVII в. (1615 г.) виленскіе католики и уніаты, мѣщане и священники, ссылаясь на королевскія привилегіи, протестовали противъ допущенія православныхъ старшинъ въ цехъ портныхъ и требовали однихъ только уніатскихъ старшинъ. (Акты виленскіе IX. 313).

польскій языкъ пріобрѣли скоро господство и въ мѣстахъ югозападной Руси. До конца XVI в. въ мѣстахъ употребляется русскій языкъ, привилегіи на нѣмецкое право, разныя королевскія грамоты, мѣстскія книги, уставы цеховъ и др. писаны на русскомъ языкѣ. Но съ начала XVII в. польскій языкъ въ мѣстахъ все болѣе распространялся и въ мѣстскихъ книгахъ, въ уставахъ и другихъ актахъ цеховъ; русскій языкъ встрѣчается, возлѣ польскаго, еще до тридцатыхъ годовъ XVII в., но гораздо рѣже польскаго; нерѣдко случалось, что и въ польскихъ актахъ русскіе мѣщане подписывались еще по-русски. Подобно тому, какъ русскій языкъ мѣстскихъ актовъ изобилуетъ польскими словами и оборотами, такъ и въ польскихъ актахъ встрѣчаются русскія слова, напр. miechownicy, kraszaninnicy, porciszcze, porohy, liturgia, moleben и др.

Послѣ люблинской уніи многіе шляхетскіе роды польскіе поселялись въ Литвѣ и Руси и дѣлались здѣсь урядниками. Такъ напр. Жолкевскіе, Замойскіе, Потоцкіе, Калиновскіе, Конецпольскіе, Любомирскіе, Яблоновскіе, Браницкіе и др. [1]). Старинные роды литовскіе и русскіе мало-по-малу принимали тоже польскую народность и польскій языкъ, но все-таки сохраняли долго сознаніе своей политической народности, „литовской“ и „русской“, воспоминаніе о прежней своей господствующей роли на всемъ востокѣ „рѣчи посполитой“ отъ моря балтійскаго до чернаго. Эти паны „литовскіе“ и „русскіе“, католики, протестанты и православные, послѣ прекращенія династіи Ягайла смотрѣли съ недовѣріемъ и изъ-подлобья на искателей польской короны изъ „Нѣмцевъ“ въ родѣ Сигизмунда шведскаго или Максимиліана австрійскаго, и напротивъ благопріятствовали кандидатурѣ русскаго царя. „У насъ писанное дѣло, что Нѣмецкій языкъ Славянскому языку никакъ добра не смыслитъ: и намъ какъ Нѣмца взять себѣ въ государи?“—эти слова Радивила и Глѣбовича, сказанныя московскимъ посламъ въ 1587 г. [2]), характеризуютъ политическія

---

[1]) Срв. Szajnocha: Dwa lata z dziejów naszych, I 10; Кулишъ: Исторія возсоединенія Руси, I и Записки о южной Руси I. 84.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, VII, 296.

убѣжденія литовскихъ и русскихъ пановъ какъ нельзя лучше. Этотъ антагонизмъ Литвы и Руси къ Польшѣ, нелюбовь къ Ляхамъ и къ „Нѣмцамъ“, т. е. вообще къ западнымъ Европейцамъ, проглядываетъ также въ такъ называемой рѣчи Ивана Мелешка, которую сочинилъ какой-нибудь русскій юмористъ въ началѣ XVII в. во время царствованія „Нѣмца“ Сигизмунда [1]). „Своровъ короли больше Нѣмцевъ якъ насъ улюбили, заразъ што наши старшіе собрали, то все Нѣмцомъ роздали нашіе господари. Пручь Зигмунта короля — того ничего въ люди личить, бо той Подляшье и Волынь вынищилъ, Ляхомъ мянуючися — але Зигмунта первого, солодкая памѣть его, бо той Нѣмцевъ якъ собакъ не любилъ, и Ляховъ зъ ихъ хитростьми вельмѣ не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловалъ... Да уже у насъ змѣшалися и по польску такъ умѣють говорити и все лихое королёмъ паномъ рѣчи посполитой какъ могуть было баламутять... Кажучи правду, не такъ виноватъ король, якъ гетые радные баламуты, што при нимъ сидять да крутять. Много тута гетакихъ есть, што хоть наша костка, однако собачимъ мясомъ обросла и воняетъ; тые-то насъ деруть и за ихъ баламутнями не поживяться, рѣчу посполитую губять, и Волынь съ Подляшьемъ пропалъ! Знаю, намъ приступило, што ходимъ какъ подваренные, бо ся ихъ боимо. А коли бъ гетакого бѣса кулакомъ въ морду, забывъ другый мутити. И то, милостивые панове, не мала шкода, слуги ховаемъ Ляхи: давай же ему сукню хвалендышовую, кормижь его тлусто, а зъ ихъ службы не пытай, и только убравшися на высокихъ подковкахъ до дѣвокъ дыбле и ходитъ, а зъ великого кубка трубитъ; ты пане за столъ, а слуга собѣ за столъ; ты борщикъ, а слуга за пукатую штуку мяса; ты за фляшку, а онъ за другую, а коли слабо держишь, то онъ и ту зъ рукъ вырветъ. Только пильнуетъ, скоро з дому ты, то онъ молчкомъ приласкается до жонки... И такого чертополоха зъ Нѣмцами выгнати, што до насъ влѣзли противъ праву нашему“ [2]).

---

[1]) О ней см. выше, стр. 165, пр.

[2]) См. Акты южной и зап. Россіи, II, стр. 188.

Распространеніе польскаго элемента, его господства и вліянія, и языка на всей югозападной Руси происходило, конечно, въ ущербъ русскому элементу и языку. Польско-литовскіе радные паны могли уже въ первой половинѣ XVII в. (1637 г.) отвѣтить московскимъ посламъ, что „народъ польскій и литовскій, а звлаща украинныхъ городовъ воеводы и старосты къ руському письму не звычайны: бо украинные городы даваны людемъ рыцерскимъ, которые хоть у воиньскихъ дѣлѣхъ знали ся и умѣли, а письма руського неучились“ [1]). Вслѣдствіе такого недостаточнаго знанія русскаго языка у польскихъ должностныхъ лицъ въ Литвѣ происходили часто недоразумѣнія и затрудненія съ московскими послами и чиновниками, которые были большіе формалисты. Такъ напр. въ 1646 г., въ переговорахъ между польскими панами и московскими послами, эти послѣдніе жаловались на разныя ошибки въ грамотахъ изъ Польши къ царю; польскіе паны извинялись, что такъ случилось не умышленно, и что писари пишутъ не зная русской рѣчи; московскіе послы удивлялись дательному падежу „самодержцы“ въ русской грамотѣ короля къ царю, чтó-де не правильно, даже не прилично, такъ какъ эта форма скорѣе множественное число; а правильный дательный падежъ „самодержцу”, какъ пишется и въ грамотахъ изъ Польши; польскіе паны увѣряли, что въ ихъ польскомъ языкѣ формы „самодержцы“ (имен. пад. самодержца) и „самодержцу“ (имен. пад. самодержецъ) одно и то же; но если по-русски не такъ, то они впредь будутъ осторожнѣе; вообще было бы лучше, еслибъ король писалъ царю по-польски, и еслибъ также изъ пограничныхъ городовъ писалось въ Москву по-польски; такимъ образомъ не было бы впредь никакихъ ошибокъ. Но московскіе послы отвѣтили: „Издавна повелось, что грамоты королевскія къ великому государю пишутся бѣлорусскимъ письмомъ, и теперь, мимо прежнихъ обычаевъ, по-польски писать не годится; да у порубежныхъ воеводъ и переводчиковъ нѣтъ“ [2]). Такъ это и осталось, и дипломатическимъ языкомъ меж-

[1]) Акты западной Россіи V. 28.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи X. 136.

ду польскимъ королевствомъ и русскимъ царствомъ до конца XVII в. былъ русскій языкъ.

Распространеніе польскаго элемента на востокъ въ русскія земли имѣло важное *значеніе культурное*. Русь, подавленная страшнымъ татарскимъ разгромомъ и всѣми его злополучными послѣдствіями, задержана на долго въ духовномъ своемъ развитіи. Литературная дѣятельность на всей Руси была незначительна и ограничивалась преимущественно письменностью церковною, богословскою; свѣтская литература не особенно процвѣтала, и главную ея часть составляла лѣтопись. Эта небогатая письменность скрывалась еще долго послѣ изобрѣтенія книгопечатанія въ рукописяхъ и поэтому не могла быть доступною болѣе широкимъ кругамъ народа. Книги церковныя, библейскія, богословскія и литургическія для Руси стали печататься съ конца XV вѣка въ Краковѣ, Прагѣ, Вильнѣ, Львовѣ, Острогѣ, Кіевѣ и др. Разныя эти церковныя книги на языкѣ словѣнско-русскомъ составляли главную духовную пищу читающей Руси, прежде всего шляхты и духовенства. Но рано почувствовали на Руси потребность ввести и въ эту церковную письменность народный языкъ русскій, который употреблялся въ государственной и юридической жизни и въ незначительной свѣтской литературѣ: въ лѣтописяхъ, и въ другихъ сочиненіяхъ историческаго содержанія, въ романахъ и пр. Притомъ переводчики церковныхъ книгъ на народный русскій языкъ сначала не рѣшались вводить этотъ языкъ вполнѣ, а съ разною примѣсью, церковно-словѣнскою (русскаго и болгарско-волошскаго изводовъ), чешскою и наконецъ польскою; послѣдняя по мѣрѣ сильнѣйшаго ополяченья западно-русскаго языка пріобрѣла полное право гражданства тоже въ церковныхъ книгахъ русскихъ, замѣняя и пополняя „зацный, пенкный, звязный, суптельный" языкъ церковно-словѣнскій [1]).

Распространенію польскаго языка среди литовско-русской шляхты способствовало распространеніе въ Литвѣ и югозападной Руси протестантизма разныхъ сектъ, кальвинскаго, лютеранскаго,

---

[1]) Подробно см. „Славяне" II. 595.

братскаго, социніанскаго. Къ этимъ новымъ вѣроисповѣданіямъ примкнули не только роды литовскіе католическіе, какъ напр. Радивилы, Пацы, но также православные роды русскіе или давно обрусѣвшіе, какъ напр. Ходковичи, Сопеги, Огинскіе, Воловичи, Зеновичи, Дорогостайскіе, Глѣбовичи, Пузыны, Гольшанскіе, Друцкіе, Соколинскіе, Головчинскіе, Чаплицы, Потѣи, и др. [1]). Русскихъ протестантскихъ священниковъ не было, и попытка Буднаго, Крышковскаго, Негалевскаго — употребить русскій языкъ какъ орудіе протестантизма—скоро оказалась лишнею. Протестантскіе паны и шляхта въ Литвѣ и Руси приглашали къ себѣ священниковъ изъ Польши: Буднаго, Крышковскаго, Чеховича, Жачича, Хрёнстовскаго и др., пользовались польскими книгами и сами издавали протестантскія книги на польскомъ языкѣ, печатавшіяся въ Берестьѣ, Несвижѣ, Лоскѣ, Вильнѣ. Издатели прекрасной кальвинской библіи на польскомъ языкѣ, напечатанной въ 1563 г. въ Берестьѣ, иждивеніемъ Николая Радивила (Radziwiłła), расчитывали не только на читателей польскихъ, но также на другихъ Славянъ, преимущественно на Русскихъ; а польскія книги С. Буднаго, печатавшіяся въ Несвижѣ, служили не только Полякамъ, а тоже Русскимъ [2]). Изъ Польши переходили на Литву и Русь польскія библіи и другія книги, и социніанскій священникъ Мартынъ Чеховичъ въ польскомъ Новомъ Завѣтѣ (въ Раковѣ 1577) прямо говоритъ, что онъ въ этой своей книгѣ ввелъ отдѣленія по русскому способу называемыя *зачала*, такъ какъ объ этомъ просили братья изъ русскихъ земель: въ ихъ рукописныхъ книгахъ нѣтъ обыкновенныхъ у протестантовъ и у католиковъ главъ.

Это новое вѣроисповѣдное движеніе въ Литвѣ и Руси составляло часть того культурнаго движенія вообще, которое тогда проникало съ запада на востокъ Европы при посредствѣ Польши. Русь по разнымъ причинамъ не могла участвовать въ духовномъ движеніи остальной, латинской Европы,—движеніи, которое пріо-

---

[1]) См. Łukasziewicz: Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie (Poznań 1842—1843, 2 t.).

[2]) См. „Славяне“ II. 146—147, 152.

брѣтало именно съ XV в., со временъ гуситства, все болѣе широкое содержаніе и объемъ. Науки и литература, отчасти освобожденныя отъ церковной опеки, стали съ успѣхомъ развиваться, и Поляки заняли въ этомъ отношеніи особенно въ XVI в., не послѣднее мѣсто среди народовъ Европы. Науки и литература разрабатывались въ Польшѣ, равнымъ образомъ какъ и въ остальной западной Европѣ, сначала на языкѣ латинскомъ, потомъ (именно литература) также на польскомъ, причемъ научная дѣятельность находила въ высшихъ школахъ (университетахъ, академіяхъ) краковской, виленской и замостской свою опору. Въ Польшѣ издавалось множество книгъ латинскихъ и польскихъ разнаго содержанія, научныхъ и по изящной словесности, прозы и поэзіи. Католики и не-католики разныхъ сектъ основывали школы и типографіи, и всѣ они старались въ этомъ превзойти другъ друга [1]).

Положеніе Руси было гораздо хуже. Русская литература XVI в. не могла похвалиться такими сочиненіями, какъ родственная ей литература польская, уже не говоря о латинской. Кромѣ церковныхъ книгъ на языкѣ словѣско-русскомъ и русскомъ было мало русскихъ сочиненій свѣтскаго содержанія: лѣтописей, романовъ, повѣстей и др.; да и эта часть русской литературы скоро очутилась въ зависимости отъ польской, и польская хроника М. Бѣльскаго стала и въ русскомъ переводѣ общимъ достояніемъ русской литературы на западѣ и на востокѣ [2]). Кромѣ этой лѣтописной литературы на языкъ западно-русскій переводились романы, повѣсти, легенды и другія произведенія книжниковъ, начинающія появляться въ югозападной Руси съ конца XV и начала XVI вѣковъ — то вслѣдствіе давнишнихъ сношеній Руси съ славянскимъ югомъ то опять вслѣдствіе сношеній Руси съ Польшею. Такимъ образомъ въ западно-русской пись-

---

[1]) О школахъ см. Łukaszlewicz: Historya szkół w Koronie i Litwie (Poznań 1849—1851, 4 t.).

[2]) См. „Славяне" II. 425. Исправляемъ ошибку на стр. 116 (въ послѣдней строкѣ), гдѣ послѣ слова „уже" пропущены слова: „въ западной Руси во время польскаго короля Сигизмунда Августа (въ 1565—1572 гг.) и списана потомъ въ Москвѣ".

менности появились переводы съ сербскаго, напр. романы Тристанъ и Бово, съ польскаго, напр. легенда о св. Алексѣѣ, такъ назыв. евангеліе Никодима, повѣсть о трехъ короляхъ-чернокнижникахъ, повѣсть объ Атилѣ, и др. [1]). Но всѣ эти сочиненія оставались въ рукописи; русскія типографіи служили преимущественно цѣлямъ церковнымъ, издавая книги церковныя, богословскія, полемическія и др. Этотъ недостатокъ, эту односторонность духовной пищи чувствовали и сознавали нѣкоторые просвѣщенные Русскіе. Въ началѣ XVII в. одинъ львовскій православный священникъ справедливо жалуется на недостатокъ школъ и наукъ на Руси; вслѣдствіе такихъ печальныхъ обстоятельствъ Русь огрубѣла и попала подъ вліяніе болѣе просвѣщенныхъ Поляковъ въ ущербъ своей народности [2]). Въ такомъ смыслѣ высказывается тоже современникъ львовскаго священника, кіевскій монахъ Леонтій (1608); въ своей статьѣ о ересяхъ на Руси онъ извиняется передъ читателями, что о другихъ авторахъ „я яко простакъ не вѣдаю, понеже розныхъ языковъ, одно такъ якъ имъ тутъ написалъ рускимъ языкомъ" [3]). Нашлись и на Руси аскеты-ревнители, которые защищали старинную простоту и осуждали всякія новости, приходящія на Русь отъ латинскихъ Ляховъ. Въ такомъ смыслѣ говоритъ современникъ и землякъ львовскаго священника, монахъ Іоаннъ изъ Вишни, который не переставалъ возставать противъ разныхъ поганскихъ латинскихъ хитростей [4]).

---

[1]) Срв. А. Веселовскій: Изъ исторіи романа и повѣсти (СП. 1888), П. Владиміровъ въ Ж. М. Н. П. 1887, окт., стр. 250, А. Брюкнеръ въ Archiv für Slavische Philologie IX. 345. Въ западнорусской письменности были тоже повѣсти о Троѣ и объ Александрѣ Вел. („о богатырскихъ делехъ во Александрии и во Трои" вспоминаетъ въ началѣ XVI в. Фр. Скорина). Въ библіотекѣ кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ находилась западно-русская Александреида, какъ видно по каталогу; но теперь ея тамъ нѣтъ (срв. нашъ Отчетъ за 1882 г., стр. 23); о другой западно-русской Александреидѣ 1697 г. вспоминаетъ П. Житецкій: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. (Кіевъ 1889). Польская Александреисъ, переведенная съ латинскаго, напечатана въ 1550 г.

[2]) См. выше, стр. 133.

[3]) Акты южной и западной Россіи II. 273.

[4]) См. выше, стр. 131.

Простой монахъ изъ Вишни не нашелъ сторонниковъ для своего ученія. Югозападная Русь хорошо поняла, что съ опасною польско-латинскою пропагандою надо бороться равнымъ оружіемъ, просвѣщеніемъ и наукою, и что слабость Руси составляетъ недостатокъ науки и школъ. Это хорошо сознавали тогда, въ концѣ XVI в., оба вождя Руси, митрополитъ кіевскій Михаилъ Рагоза и князь Константинъ Острожскій. Митрополитъ Михаилъ жалуется (1592), что „ученіе святыхъ писаній оскудѣ, паче же словенскаго россійскаго языка, и вси человѣцы приложишася несъвершенному лядскому писанію и сего ради въ различныя ереси впадоша, невѣдуще въ богословіи силы совершеннаго граматическаго словенскаго языка". Князь Константинъ Острожскій замѣтилъ, что Русь вообще и русская церковь въ особенности нуждается въ наукѣ и въ школахъ; такъ какъ „наукъ нѣтъ, великое грубіянство въ нашихъ духовныхъ умножилося" [1]. Съ конца XVI вѣка Русь дѣйствительно старалась устранить этотъ недостатокъ, и стала заводить у себя, по образцу польскому, школы преимущественно при церковныхъ братствахъ; въ этихъ школахъ учили не только богословію и грамматикамъ языковъ греческаго, латинскаго, словѣнскаго, также русскаго и польскаго, но и разнымъ „наукамъ" очень проблематическаго значенія, риторикѣ, діалектикѣ, философіи, мусикѣ, ариѳметикѣ и др. [2]), Такія „русскія" или „словенскія" школы „науки еллинскаго и словенскаго письма, наукъ еллино-словенскаго и латино-польскаго письма" основаны въ Острогѣ, Львовѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Гощѣ, Берестьѣ, Минскѣ, Бѣльскѣ, Могилевѣ, Луцкѣ и др. съ цѣлью—какъ выражаются кіевскіе братчики—чтобъ „отрочата православныя не отъ чуждаго источника піюще смертоносного яда западныя схисмы

---

[1]) Акты западной Россіи IV, 42, 46. О культурномъ состояніи югозападной Руси въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. см. С. Голубева: Петръ Могила (Кіевъ 1883, I. 413), и Исторія кіевской духовной академіи (Кіевъ 1886, I. 176), А. Архангельскій: Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. (Москва 1888).

[2]) См. Голубева, Исторія кіев. духовной академіи I. 176, срв. „Славяне" II. 594.

упившеся ко мрачно-темнымъ Римляномъ уклонятся". Въ дѣлѣ основанія и даренія школъ русская шляхта, духовенство, мѣщане и козаки соревновали другъ другу. Князь К. Острожскій основалъ въ Острогѣ не только школу, а тоже типографію, изъ которой вышла первая полная печатная библія словѣнско-русская (1581); но скоро князь долженъ былъ жаловаться на „скудость учителей и научный голодъ" въ своей школѣ. Князь Полубенскій щедро дарилъ виленское братство (1593 — 94) „на школу для науки руского письменья и греческого и лацинского, для твиченья (пол. ćwiczenia) и ученія въ оной школѣ дѣтей у наукахъ вшелякихъ, такъ языка греческого и словенского, яко и иныхъ"; козацкій гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный завѣщалъ (1622) братской школѣ львовской капиталъ „на науку, на выхованье учоного майстра въ греческомъ языку бѣглого, церкви божой и дѣткамъ христіанскимъ народу россійскому потребного". О кіевской школѣ все заботились сами митрополиты, считая ее справедливо важнѣйшимъ училищемъ „всему православному народови россійскому"; позже (1632) эта школа соединена съ колегіею, основанною П. Могилою, и возведена потомъ (1701) въ академію. Латинскій языкъ занялъ въ этихъ школахъ выдающееся мѣсто, а въ кіевской колегіи-академіи преподавались почти всѣ предметы на латинскомъ языкѣ, какъ на языкѣ тогдашней европейской образованности вообще и кромѣ того—языкѣ очень важномъ и въ практической жизни Польши. Необходимость латинскихъ школъ, латинскаго языка для Руси усердно защищали сами Русскіе. Латинскій языкъ необходимъ, чтобъ нашей бѣдной Руси не называли глупою Русью, простаками, и чтобъ бѣдняжка Русскій на сеймахъ, сеймикахъ, судахъ понималъ, въ чемъ дѣло, и не подвергался пенямъ (bez łaciny płaci winy); языки греческій или словѣнскій накакъ не могутъ замѣнить латинскаго, тѣмъ паче, что латинскихъ книгъ въ разныхъ отрасляхъ науки много [1]).

---

[1]) Sylwester Kossow: Exegesis to jest danie sprawy o szkołach kijowskich i winnickich, w których uczą zakonnicy religiej graeckiej (Kijów 1635), Euzeb Pimin (т. е. П. Могила): Lithos abo kamień z procy prawdy cerkwie św. prawosławnej ruskiej etc. (Kijów. 1644).

Такимъ образомъ пересажена и на Русь латинско-польская премудрость съ разными Минервами, Аполонами, Парнасами, Геликонами, средневѣковая схоластика со всѣмъ своимъ діалектическимъ и риторическимъ пустословіемъ, которое учило „малую часть амплѣфековати, розширяти, придавати до ней приклады, подобенства, сентенціи, фѣгуры, учинити зъ малое части великую“; къ этому присоединялись безсодержательные диспуты, безвкусные вирши (стихи) и весь тотъ никому ненужный хламъ, который только затемнялъ, а не развивалъ мозги учащихся „спудеевъ“ (студентовъ), не обогащалъ ихъ никакими, полезными положительными знаніями. Напрасно книжники польско-католическіе и ихъ птенцы изъ русскихъ уніатовъ насмѣхались надъ русскими школами, что въ нихъ только дымится, а не горитъ, и дѣти изъ телятъ становятся волами [1]); и въ латинско-польскихъ школахъ іезуитскихъ и другихъ было не лучше, и изъ нихъ выходили тоже asini asinorum in saecula saeculorum [2]).

Коссовъ полагаетъ, что только школы дадутъ болѣе ученыхъ людей, и что тогда не будутъ правдой насмѣшки враговъ Руси: Popi ruscy głupi, nie umieją nic jedno az buki; kaznodziejów mało mają, mówić z nami nie umieją, dysputować, dyszkurować, popom ruskim jak skały gryść.

[1]) Эти слова принадлежатъ М. Смотрицкому (уже уніату) въ его соч. 1629 г. Exaetesis, Paraenesis; ихъ съ удовольствіемъ повторилъ уніатъ Скумиковичъ (Przyczyny porzucenia disunniej. 1643).

[2]) Срв. мѣткій отзывъ о латинско-польскихъ школахъ у Костомарова: Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой I. 51 (3-е изд.). Недостатки школъ въ Польшѣ хорошо понималъ уже В. Татищевъ; срв. „Славяне“ II. 498. — Какую дребедень приходилось читать и выслушивать отъ кіевскихъ профессоровъ и спудеевъ, можно видѣть напр. на „виршахъ“ 1622 и 1632 гг. (перепечатанныхъ въ „Приложеніяхъ“ къ Исторіи кіев. духовной академіи I). Вотъ напр. „вирши“, которые при открытіи кіевской колегіи 1632 г. говорила напр. „Уранія“:

Ты южъ Атлясъ, о Музо, перестань зъстарѣлымъ
Прешлымъ байкомъ вѣрити, внимай сердцемъ смѣлымъ:
Южъ не кроль мавританскій сферы модеруетъ,
Лечъ найвышшій монарха самъ небомъ керуетъ, и пр. и пр.

Срв. тоже „гексаметры“ Смотрицкаго („Славяне“ II. 363).

Но не смотря на всѣ недостатки школъ того времени, Русь нуждалась въ такихъ школахъ—русскихъ православныхъ, чтобъ не отставать отъ своихъ согражданъ польско-католическихъ и чтобъ не быть вынуждаемою отдавать своихъ дѣтей въ латинскія, іезуитскія школы. Многіе русскіе православные паны думали такъ, какъ брацлавскій кастелянъ Василій Загоровскій, который въ своемъ завѣщаніи (1577) увѣщевалъ своихъ дѣтей, „абы письма своего руского и мовенья рускими словы и обычаевъ цнотливыхъ и покорныхъ рускихъ не забачали, а набольшей вѣры своее греческого закона не опускали"; пусть они учатся прежде всего „руской наукѣ", а потомъ латинскому языку, послѣ чего пусть отправляются въ Вильну къ іезуитамъ [1]). Но это послѣднее обстоятельство сопровождалось вредными и роковыми для русской народности послѣдствіями, о которыхъ Загоровскій и другіе русскіе паны не подумали.

Польскій языкъ проникъ—послѣ присоединенія всей южной Руси къ Польшѣ (1569)—далеко на югъ, на нижній Днѣпръ, на Низъ, на Украину, т. е. въ земли у края польскихъ владѣній и Татаръ, къ тамошнимъ русскимъ поселенцамъ, которые изъ бродягъ мало-по-малу устраивались какъ военные колонисты, въ пограничныхъ староствахъ черкасскомъ и каневскомъ, также въ другихъ городахъ Украины: Бряцлавлѣ, Винницѣ, Барѣ, Хмельникѣ, наконецъ далеко за порогами Днѣпра. Это—*козаки* (казаки) украинскіе и запорожскіе [2]). Украина и Запорожье считались на Руси и въ Польшѣ вообще военною школою, куда отправлялись не только паны русскіе, а тоже польскіе (напр. Самуилъ Зборовскій); за то В. Папроцкій справедливо восхваляетъ этихъ мужествен-

---

[1]) Архивъ югозападной Россіи I. 1. стр. 67.

[2]) „Козакъ"—слово татарское, разбойникъ; срв. выше, стр. 65 и 174. Въ 1493 г. „Черкасцы" напали на московскихъ пословъ; въ 1499 г. „козаки" въ Кіевѣ—люди, занимавшіеся торговлею рыбами; въ 1503 г. „козаки" кіевскіе и черкасскіе. По Черкасамъ называли въ Москвѣ южнорусскихъ козаковъ, а потомъ Малорусовъ вообще—Черкасами. Слово „козакъ" приняли тоже Поляки въ значеніи вольнонаемнаго воина, солдата вообще, см. kozak въ словарѣ Линде.

ныхъ львовъ русскихъ, которые защищаютъ Польшу отъ Турокъ и Татаръ [1]). Съ козаками, съ ихъ вождями, старостами черкасскими и каневскими, старшими и вообще съ ихъ „гетманами", какъ эти вожди назывались на польскій ладъ [2]), съ Дашковичемъ, Тышковичемъ, Вишневецкимъ, Бадовскимъ и др. польскіе короли до второй половины XVI в. переписывались по-русски; но уже Стефанъ Баторій писалъ по-польски не только украинныиъ старостамъ въ Хмельникѣ, Барѣ, Бряцлавлѣ, Винницѣ, Бѣлой Церкви, Черкасахъ, Каневѣ, но также zaporożnym mołojcom [3]). Также и козацкіе старшины въ концѣ XVI в. и еще болѣе въ XVII в. пишутъ королю и польскимъ и литовскимъ панамъ по-польски, именно: Палей, Полоусъ, Наливайко, Лобода, Дорошенко, Сулима, Петрыжицкій, Скиданъ, Хмѣльницкій, Выговскій, Ханенко, Сирко и др. Польскій языкъ употреблялся въ переговорахъ и договорахъ между Поляками и козаками, хотя послѣдніе говорили съ Поляками тоже по-русски. Козаки, сносясь и сталкиваясь постоянно съ Поляками, принимали отъ послѣднихъ многія учрежденія и ихъ названія, напр. гетманъ, обозный, хорунжій (chorąży), подскарбій, товариство и пр. Козацкіе старшины, не смотря на всю борьбу козаковъ и южно-русскаго народа съ Ляхами, вообще тяготѣли къ шляхетской Польшѣ, стремясь въ Украинѣ

---

[1]) Срв. „Славяне" II. 170. Папроцкій (Herby rycerstwa polskiego, wyd. 1584, p. 103) подробно описываетъ походы козаковъ подъ Зборовскимъ; срв. Кулишъ: Исторія возсоединенія Руси, I. 146.

[2]) Это слово „гетманъ" дало поводъ некритическимъ малорусскимъ лѣтописцамъ XVIII в. возводить разныхъ вождей козаковъ XVI—XVII вв. въ „гетманы" въ смыслѣ второй половины XVII в., когда „гетманы" были наивысшими начальниками Малой Россіи. Слово „атаманъ, ватаманъ" происхожденія татарскаго (см. выше, стр. 119), какъ вообще много другихъ русско-козацкихъ словъ, напр. кошъ, таборъ, асаулъ-есаулъ, бунчукъ, булава, паланка, и др.

[3]) Срв. разные акты о козакахъ въ Актахъ западной Россіи, въ Актахъ южной и западной Россіи, въ Архивѣ югозападной Россіи III. 1, 2, VII. 2, у Кулиша, Исторія возсоединенія Руси (матеріалы), у Явицкаго: Akta histor. do panowania Stefana Bator. 1578—1579 (Warszawa 1881, Biblioteka ordynacyi Krasińskich).

играть роль прогнанной оттуда въ 1648 году шляхты, подражая разнымъ шляхетскимъ обычаямъ, костюму, гербамъ и пр. [1]). Это тяготѣніе козацкой старшины къ шляхетской Польшѣ продолжало свое существованіе и впослѣдствіи, когда Малая Россія сдѣлалась частью русскаго царства, и когда оставшеюся за этимъ царствомъ Малою Россіей на лѣвомъ берегу Днѣпра управлялъ козацкій гетманъ войска запорожскаго Его царскаго Величества. Не смотря на всю національно-религіозную вражду Русскихъ и Ляховъ, не смотря на всю ненависть Русскихъ къ Ляхамъ, которая обнаруживается въ южнорусскихъ пѣсняхъ, лѣтописяхъ и въ другихъ произведеніяхъ литературы, въ разныхъ актахъ козацкихъ [2]),—козацкіе старшины лѣвобережной Малой Россіи все обращали свои взоры къ общественному и культурному строю Польши; они учились по-латыни и по-польски, одѣвались въ жупаны и контуши, жаждали гербовъ и подданства „посполитыхъ" людей, руководились Статутомъ литовскимъ, и вообще страстно

---

[1]) На такіе гербы кіевскіе стихотворцы часто сочиняли, въ духѣ того времени, ужасные „вирши". Такъ напр. К. Саковичъ состряпалъ въ 1622 г. слѣдующіе „вирши на гербъ сильного войска Его Кор. Мил. Запорозского" (представляющій вооруженнаго козака):

Кгды мензства Запорозцовъ кролеве дознали,
Теды за гербъ такого имъ рыцера дали.
Который ото готовъ Ойчизнѣ служити,
За вольность ей и свой животъ положити.
И якъ треба землею албо тыжъ водою:
Вшеляко онъ способный и прудкій до бою.

Вирши на гербъ Богдана Хмѣльницкаго (1650 г.):

Абданкъ знакъ есть щодрой повольности,
Крестъ за фараментъ виры Хмельницькихъ мужности,
Незвытяжоный кролю въ христіанскомъ' панстви,
Кеды повольность Хмельницькихъ маешъ у подданстви.

[2]) Срв. напр. подложные универсалы гетмановъ Остраница (1638) и Хмѣльницкаго (1748), составленные только въ въ XVIII в., подлинный универсалъ гетмана Брюховецкаго (1663), фантастическую „Исторію Русовъ", приписываемую бѣлорусскому епископу Георгію Кониссkому, и др. „Исторія Русовъ" вліяла до недавна на малорусскую исторіографію, поэзію, повѣсть.

желали и у себя водворенія общественныхъ порядковъ шляхетско-польскихъ. Это стремленіе къ польщизнѣ прекратилось только въ XVIII в., когда козацкіе старшины сдѣлались наконецъ дворянами русской имперіи и владѣльцами крѣпостного народа [1]).

Козаки южнорусскіе, говоря на своемъ русскомъ нарѣчіи, писали на обыкновенномъ тогда книжномъ языкѣ западно-русскомъ съ большею или меньшею примѣсью польщизны. Они, главные борцы православной русской религіи, протестовали часто словомъ и мечомъ противъ „кгвалта въ релеи старожитной православной“, обѣщали (обѣцали) „за церковь восточную и за вѣру греческую головы свои вси положити и боронити словомъ нашимъ рыцерскимъ“; гетманъ Петръ Конашевичъ въ предсмертномъ письмѣ королю Сигизмунду III (1622) благословляетъ „ксіонженца принца Владислава персону“, возстаетъ противъ іезуитовъ и противъ уніи, и завѣщаетъ деньги православному братству львовскому, „тую вѣчную войска Е. К. М. Запорозского фундацыю укгрунтовавши подъ вышъ описаною облигацыею и кондыцыями“, какъ выражаются душеприкащики Конашевича, кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій и козацкій гетманъ Голубъ [2]). Такой языкъ встрѣчается вообще въ козацкихъ актахъ, письмахъ, лѣтописяхъ до начала XVIII в.; даже русскіе демократы-козаки запорожскіе низовые не могли уберечься отъ такого вычурнаго языка; кошевой атаманъ Григорій Сагайдачный, поздравляя гетмана Мазепу (1686) „вельможнаго мосцѣ пана на новомъ гетманскомъ гонорѣ“, обѣщаетъ ему во имя войска низового вѣрную службу: „мы дознавши ласки твоей рейментарской субмѣтуемъ ся зъ оною щиростью нашою оказоватися, и по ординансу вашомъ на всякую военную потребу пресвѣтлѣйшимъ государямъ царямъ нашимъ готовыми зоставати“ [3]). Только съ начала XVIII

---

[1]) См. А. Ефименко: Малорусское дворянство и его судьба (Вѣстникъ Европы 1891, августъ, 515).

[2]) Срв. въ Актахъ южной и западной Россіи II. № 36, 41, 47, въ Архивѣ югозападной Россіи I. 3. № 74, и другіе акты XVII в.

[3]) Величко (ок. 1720 г.): Лѣтопись событій въ югозападной Россіи въ XVII в., II. 518 (Кіевъ 1851).

вѣка, по мѣрѣ культурнаго усиленія Великой Россіи, и въ Малой Россіи входитъ въ употребленіе литературный языкъ велико-русскій; на немъ писали тоже малорусскія лѣтописи, въ томъ числѣ тоже „Исторія Русовъ", приписываемая Георгію Конисскому *).

Въ литовско-русской лѣтописи XV в. польскихъ словъ очень мало, напр. панъ, коморникъ, хлопъ, скарбъ, кмотръ, моцъ (и мочь, помочь), бискупъ и костелъ (въ значеніи католическихъ), мистръ (магистръ ордена тевтонскаго), гиньштъ (нѣмецк. hengst), умуровати, кглентовныи листы, рада (и советъ, светъ) и др. Также и въ другой литовско-русской лѣтописи XVI в. польская примѣсь сказалась немногими словами, напр. обѣцати, звитяжство, офѣра, сеймъ, рада [1], господа (въ значеніи постоялаго двора), обфитость, кгвалтъ, моцъ, зрада—здрада, малжонка, малженскій станъ, кроль (обыкновенно: король), вензеніе, гетманъ, жолнеръ, рыцеръ, штурмъ, шихъ, гуфъ, ратунокъ, панъ (но тоже господинъ, господичичъ), бискупъ, прелатъ, пробощъ, крижъ, костелъ, кляшторъ, законъ, т. е. орденъ (въ значеніи католическихъ, а православные: епископъ, архимандритъ, игуменъ, крестъ, церковь, монастырь), звестованіе матки божой, Барбара, Алжбета, и пр. [2]).

---

[1]) Лѣтописецъ знаетъ тоже слова *вѣче* и *дума*: мужи Полочане, которые вечомъ ся справовали, какъ Великій Новгородъ и Псковъ; думу вчинили межи собою безъ ведомости пановъ рады.

[2]) Лѣтопись XV в. издали Даниловичъ (1827) и А. Поповъ (Ученыя записки второго отдѣл. Имп. акад. наукъ, I); лѣтопись XVI в. — Нарбуттъ (Pomniki do dziejów litewskich, 1846), но по списку XVI в., сдѣланному съ русскаго подлинника латинско-польскимъ письмомъ („z ruskiego języka na polski przetłumaczona", что́ однако не вѣрно); нѣсколько отрывковъ изъ этой лѣтописи по русской рукописи познанской сообщилъ Бодянскій въ московскихъ Чтеніяхъ 1846, I. Нѣкоторыя мѣста лѣтописи XV в. вошли и въ лѣ-

---

*) Въ этомъ мѣстѣ въ рукописи нѣкоторый пропускъ: по всему можно заключить, что здѣсь должна была быть рѣчь о русскомъ языкѣ въ литовско-русскихъ актахъ. *Ред.*

Приводимъ здѣсь два примѣра изъ обѣихъ лѣтописей.

(Лѣтопись XVI в. по изд. Боднянскаго):

Кияне змовывшися одное мыслечи податся великому князю Кгидимину, и пошодши з города со кресты, игумены, попы и дъяконы, и ворота городовы отворыли, и стрѣтили великого князя честно, и вдарили ему чоломъ, и поддалися служити ему, и присягу свою на томъ дали, и били чоломъ, штобы отъ нихъ отчизны (!) ихъ не отнималъ, и князь Кгидиминъ притомъ ихъ зоставилъ, и самъ честно у городъ Киевъ уѣхалъ.

(Лѣтопись XVI в. въ польской транскрипціи, по изд. Нарбутта):

Kijane zmowiwszysia odnomyślnie podalisia welikomu kniaziu Gidyminu, y szedszy z horoda so kresty, ihumeny, popy y diakony, y worota horodowyia otworyli, y stretyli welikoho kniazia czestno y wdaryli iemu czołom, y poddalisia służyty iemu, i prysiahu swoju na tom dali, y bili czołom, sztoby ot nich otczyn (!) ich neotnimał, y kniaź Gidymin prytom ich zostawił i sam czestno w horod Kijew wiechał.

(Лѣтопись XV в. по изд. Попова).

И владыка смоленьскии Семионь, и князи и бояре и местиче, и черныи люди целовали пану Андрею держати у себе честно воеводою на Смоленьску. И по велице дни на святои недели в среду здумали

(Лѣтопись XVI в. по изд. Нарбутта):

Y władyka smoleński Semien, y kniazi y bojary y mestyczy y czornyi ludyie prysiahali Andreiu derżaty ieho w sobe czestno woiewodoiu na Smolensku. Y po welice dni na swiatoy nedeli w seredu

---

топись XVI вѣка. Въ этихъ лѣтописяхъ встрѣчаются тоже слабые слѣды церковнаго языка словѣнскаго, напр. глава, гладъ, возгласи, злато, сребро, градъ, младъ, младенецъ, пленити, нощь, дщерь, властели (панове литовскіи) и пр., которыя попадаются очень рѣдко рядомъ съ словами: голова, голосъ, золото, городъ, молодый, полонъ, ночь, дочка, волость и пр. Вліяніе церковнаго языка замѣтно особенно въ „Похвалѣ“ Витовту въ лѣтописи XV вѣка.—Западно-русскій переводъ всемірной хроники М. Бѣльскаго, сдѣланный въ 1564—1572 гг., срв. „Славяне“ II. 425.

Смолняне чорныи люди, кузнеци, кожомяки, (пере)шевники, мясники, котелники пана Андрея согнати силою з города; а целеваніе преступали и нарядилися во изброи и с сулицами и со стрелами и с косами и с сокирами и зазвонили в колоколь.	zdumali Smolnianie czornyi ludyie, kuznecy, kożomiaki, pereszewniki, miasniki, kotelniki Andreja siłoiu sosłaty z horoda, a prysiahu prestupity, y naradylisia wo zbroi so sulicami y so strełami, y z kosami y so siekierami i zazwonili wo zwon.

Въ нѣкоторыхъ западно-русскихъ переводахъ конца XV в., сдѣланныхъ съ латинскаго и польскаго (напр. въ легендѣ о св. Алексѣѣ, въ повѣсти о трехъ короляхъ, въ апокрифическомъ евангеліи Никодима), польское вліяніе сказалось тоже не особенно сильно, напр. въ словахъ: рада, превелебный, капланъ, цесарь, панъ (и панъ богъ), шляхетный, декую-дякую, огарненый, мары, помоцъ, немоцный, узрокъ (wzrok), оплавитость (opłwitość), манзельство, злото (и золото), здрова и др., тоже въ формахъ: нового (вм.—ого), которему, котореи и др.; новыя польскія слова еще боролись со старыми русскими: собраніе — зборъ албо рада, келихъ албо чаша, валка албо воина, лотръ—тать, з его моци албо волости, крижъ албо крестъ, укрижуи албо распьни, скаредость албо смородъ, и пр. [1]), Что касается „русскаго языка" Фр. Скорины въ его библейскихъ книгахъ, то въ немъ польскихъ словъ

[1]) Объ этой рукописи см. П. Владимірова въ Ж. М. Н. П. 1887, октябрь, 250; въ языкѣ этой рукописи есть тоже нѣкоторые слѣды чешскаго вліянія. Легенда о св. Алексѣѣ находится въ извѣстномъ средневѣковомъ сборникѣ Gesta Romanorum, который переведенъ и на польскій языкъ; неизвѣстно, существовалъ-ли тоже „бѣлорусскій" переводъ сборника. Языкъ рукописи Римскихъ Дѣяній, изданной Обществомъ любителей древнерусской письменности въ СП. въ 1877 — 78 гг., вовсе не „бѣлорусскій или словено-польскій или польскій простый" (!), а сѣверно-русскій или славено-россійскій съ многими польскими словами; эти Римскія Дѣянія переведены въ XVII в. прямо съ польскаго или „славено-польскаго"; а изъ этого польскаго текста остались и въ житіи св. Алексѣя напр. слова: обълюбеница, панъ, панья, цесарь, княжа, папежъ, костелъ, пелгримъ, година, мары, възрокъ (wzrok), опутаный (opętany), коштовный и др.

встрѣчается очень немного, напр. обжарство, члонокъ, плотно, взрокъ, звытяжство, скарбъ, покармъ, панъ (и господинъ), писарь (и диакъ), жолънерь (и воинъ), и др.; гораздо больше мѣста Скорина отвелъ въ своемъ русскомъ языкѣ чешскимъ словамъ; онъ употребляхъ ихъ совсѣмъ неорганически противъ духа словѣнско-русскаго и русскаго языка, и придерживался вообще самаго текста чешской библіи [1]).

Со второй половины XVI в. разговорный и письменный западно-русскій языкъ представлялъ часто какую-то смѣсь русско-польскую; она въ русскихъ письменныхъ памятникахъ обусловливалась не польскимъ подлинникомъ, переводимымъ на русскій языкъ, а просто характеромъ самаго западно-русскаго языка. Такъ напр. западно-европейскіе романы о Тристанѣ и Бовѣ переведены на западно-русскій языкъ не съ польскаго, а съ сербскаго (повесть о витезяхъ с книгъ сэрбъскихъ); а между тѣмъ русскій языкъ этого перевода изобилуетъ множествомъ полонизмовъ, которые употребляются уже какъ элементъ, присущій тогдашнему западно-русскому языку. Въ переводѣ встрѣчается множество польскихъ словъ, которыя пользовались тогда въ западно-русскомъ языкѣ уже правомъ гражданства даже въ чистой своей польской формѣ, не передѣланной даже на русскій ладъ; напр. кроль, злото, млоденецъ (рядомъ съ обыкновеннымъ русскимъ полногласіемъ), паницъ, пани, кгвалтъ, пелкгримъ, працовати, здрадца, эстэмъ (jestem), эстэсь, ижемъ ся доведала, *ы* послѣ *ж*, *ш*, *ч* (межы, вземшы, говоречы) и пр. Если же русскій переводъ сдѣланъ съ польскаго подлинника, какъ напр. романъ объ Атилѣ, то русскій текстъ кажется почти простою транскрипціею польскаго со множествомъ неорганическихъ словъ и формъ въ родѣ—кроль, вонтпливый, втаргнене, неогарнены, зацнэ трыумпы, опатрный, крвавое, срокгое, естесьмы, поведаломъ (powiedziałem) и пр.; нѣкоторыя слова и формы переведены неправильно или даже совсѣмъ не переведены, такъ какъ переводчикъ ихъ не понималъ;

---

[1]) Обширно въ монографіи П. Владимірова о Фр. Скоринѣ (СП. 1888, см. замѣтки М. Мурка въ Archiv für slavische Philologie XII. 243); срв. „Славяне“ II. 595.

такъ напр. онъ смѣшивалъ польскія ktore — которые, которое, krwawej — крвавое (о битвѣ, вмѣсто крвавой), перевелъ surowy —крнобрный (т. е. тоже польское krnąbrny), pompa — почестность, пыха, и пр. [1]).

Вліяніе польскаго языка проникало все болѣе и въ „русскіе" переводы библіи, которые дѣлались для простого народа западнорусскаго [2]). Взглядъ на такой „русскій" языкъ былъ довольно своеобразенъ; переводчики допускали въ этотъ русскій языкъ не только церковный языкъ словѣнскій въ русскомъ и болгарсковолошскомъ изводахъ, а также языки чешскій и польскій. Фр. Скорина изъ Полоцка обращалъ свое вниманіе не только на церковный языкъ словѣнско-русскій, а тоже на языкъ чешскій и, печатая свои библейскія книги въ чешской Прагѣ, руководился текстомъ чешской библіи; на польскій языкъ онъ обращалъ мало вниманія, да и тѣ немногія слова польскія, встрѣчающіяся у Скорины, можно скорѣе считать уже принятымъ достояніемъ западнорусскаго языка начала XVI вѣка [3]). Незначительное польское

[1]) Эти романы издалъ (изъ познанской рукописи) А. Веселовскій: Изъ исторіи романа и повѣсти (СП. 1888); рукопись и языкъ разсмотрѣлъ А. Брюкнеръ въ Archiv für slavische Philologie IX. 345. Въ романахъ о Тристанѣ и Бовѣ встрѣчается тоже нѣсколько сербскихъ словъ: витезь, юнакъ, войникъ, отокъ, племенита панна (=врожена панна), градъ, кралица, белегъ и др. Приводимъ нѣсколько строкъ изъ западно-русскаго и польскаго „Атилы" (польск. изд. 1574 года въ Краковѣ):

A tak wedle przerzeczonego rachunku ktore się do prawdy więcej stosuje, gdy Atylę krolem obrano, w ten czas mu było siedmdziesiąt let i dwie. Stąd się tedy znaczy, iż on w ten czas, gdy Węgrowie s tatarskiej ziemie wyszli, pięćdziesiąt lat miał i dwe. Co wszystko jeśli w jednę liczbę złożysz, pokaże się, że Atyla był żyw lat sto dwadzieścia i czterzy.

А такъ водле преречоного рахунку которое ся до прайды болжеи стосуе коли Атылю королемъ обрано, втотъ часъ ему было семдесять лѣтъ и двѣ. Оттуль ся тэды значыть ижъ онъ втотъ часъ коли Угрове с татарское земли вышли, пятьдесять мѣлъ лѣтъ и двѣ, што все если въ одну личбу зложишъ, покажеться же Атыля былъ жывъ лѣтъ стодвадцать и чотыры.

[2]) Срв. „Славяне" II. 595.

[3]) См. выше, стр. .

вліяніе на языкъ книгъ Скорины тѣмъ болѣе понятно, что тогда не было еще польскаго перевода библіи, а рукописныхъ переводовъ нѣсколькихъ библейскихъ книгъ Скорина знать не могъ. Иначе было во второй половинѣ XVI в., когда среди разцвѣтающей польской письменности библія заняла одно изъ первостепенныхъ мѣстъ и могла похвалиться нѣсколькими переводами со стороны католиковъ и протестантовъ. Примѣръ Скорины подѣйствовалъ на двухъ южныхъ Русскихъ, Григорія архимандрита волынскаго монастыря Пересопницы и Михаила Васильевича, сына протопопа изъ Санока; они въ 1556 — 1561 гг. перевели евангеліе „изь языка блъгарского на мову рускую для лепшого вырозумленя люду христіанского посполитого", но совершили свой трудъ довольно оригинально. Переводили они дѣйствительно съ „болгарскаго" т. е. съ книги извода болгарско-волошскаго (съ смѣшанными ерами и юсами), который былъ въ употребленіи тоже на Руси карпатской (краковскія книги Швайпольта извода болгарско-волошскаго)[1]), но и оставили въ своемъ переводѣ правописаніе болгарско-волошское, которое, конечно, не годилось для южнорусскаго языка; отъ „болгарскаго" осталось тоже немного словъ церковно-словѣнскихъ (учрѣждение, рождество, глава, дъщеря, наплънити, пръвѣе, съвръшена и пр.); къ русскому тексту примѣшаны тоже слова и фразы изъ чешскаго и польскаго евангелій, часто въ скобкахъ какъ-бы синонимы русскихъ словъ; въ самомъ же русскомъ текстѣ встрѣчается много словъ польскихъ, вошедшихъ уже въ русскій языкъ; такъ напр. домь радецкии або ратушь, влодарь (но тоже по-чешски владарь), моць, немоцна, строна, млоденець, покарьмь, працовати, смакь, шафовати, зражени, маетность и др., или какъ синонимы: учрѣжденіе великое (учта або калацѣи — калацыи, пирь, честь), подобеньство то есть притьча, господа або подворя, два пѣнезѣ або два галерѣ, два бѣлыи, десять мнась (!) або копь або гривень або злотыхъ або грошіи, имѣи мене отреченымь або вымовь мене, приставникь або шафарь, гнои (вроды або болячки), съвѣтникь або пань радныи, и пр. Кромѣ такихъ польскихъ

[1]) См. „Славяне" II. 572.

словъ или объясненій переводчики прибавляли тоже—изъ чешской библіи — чешскія слова, которыя имъ часто больше нравились, чѣмъ польскія, слѣдовали иногда тексту чешскому, иногда тексту польскому (по Новому Завѣту 1556 г.); напр. помаваше имъ (навѣщки даваль)—navěštie jim dával—mógł mówić do nich; расслаблень (дною зламань)—dnú złámaný—paraliżem zarażony; абы его оскаржили (обжаловали)—aby jej obżałovali — aby go oskarżyli; розмечу житницу мою (клуню або стодолу) — zbořím stodoły své — pokażę stodoły moje; з браку (веселя або свадьбы)—s svatby — z wesela; и глядали его межи прирожеными и межи знаемыми (чеш.: i hledali ho mezi příbuznými a známými, пол. i szukali go miedzy przyrodzonemi i znajomemi); вышла о немь повѣсть по всеи украинѣ (чеш. vyšla jest o něm pověst' po všie krajině, поль. a sława wyszła po wszytkiej krainie o niem); мѣру добру и польну и натопьтану и потрясеную и зверхомь опловитымь—mieru dobrú a płnú a natiačenú a vrchovatú — miarę dobrą i natłoczoną i potrzęsioną i opływającą; абы теребиль вась яко пшеницу—aby třiebił vás jako pšenici—aby was przesiał jako pszenicę и пр. [1]).

Нѣсколько лѣтъ спустя землякъ и современникъ переводчиковъ пересопницкаго евангелія, Лука изъ Тернополя, попытался сдѣлать Ветхій Завѣтъ болѣе понятнымъ „посполитому люду рускаго языка“ и перевелъ Ветхій Затѣтъ въ 1569 г. „по-русьы“ [2]). Но русскій языкъ тернопольскаго ветхаго завѣта—менѣе народный, чѣмъ языкъ пересопницкаго евангелія. Лука, употребивъ тоже правописаніе болгарско-волошское, оставилъ церковно-словѣнскій текстъ болѣе нетронутымъ въ формахъ и въ словахъ; онъ пользовался библейскими книгами Скорины, но не списывалъ ихъ, зналъ чешскую библію или ея части (по чески зеалътарь, по чески присловѣ, по ческому языку учительныя), но самъ чешскій языкъ не повліялъ на языкъ Луки, какъ это было въ языкѣ Скорины; о польской библіи — которая въ то время су-

---

[1]) П. Житецкій: Описаніе пересопницкой рукописи (Кіевъ 1876); вполнѣ издано здѣсь только евангеліе отъ Луки.

[2]) Срв. „Славяне“ II. 573.

ществовала въ переводѣ католическомъ (краковская 1561) и протестантскомъ (берестьевская 1563) — Лука не упоминаетъ; онъ могъ пользоваться библіею 1561 г., но вполнѣ самостоятельно; о польскомъ вліяніи въ языкѣ Луки трудно говорить, а нѣкоторыя польскія слова, встрѣчающіяся въ языкѣ Луки, вошли тогда уже въ составъ западно-русскаго языка, напр. оферовати, рѣчь—гев, малженка, змордовати, и др. [1]).

Стремленіе переводить библію или ея части на простой языкъ югозападной Руси продолжалось въ XVI и XVII вв., не безъ сопротивленія со стороны приверженцевъ и защитниковъ словѣнскихъ книгъ церковныхъ. Книжный русскій языкъ югозападной Руси—безъ болгарскихъ, церковно-словѣнскихъ, чешскихъ примѣсей, но съ свойственной ему примѣсью польскою—водворился тоже въ церковной письменности, и на простой русскій языкъ переводились псалтири, евангелія, постилы и др.; нѣкоторые Русскіе считали такія книги даже „польскими", переведенными съ русскаго на польскій [2]). Такіе переводы на простой „подлый" русскій языкъ стали необходимы, такъ какъ церковный языкъ словѣнскій, „зацнѣйшій, пенкнѣйшій, звязнѣйшій, суптелнѣйшій, достаточнѣйшій" дѣлался для югозападной Руси все менѣе удобопонятнымъ [3]).

Приводимъ здѣсь нѣсколько примѣровъ „русскаго" языка изъ западно-русскихъ библейскихъ книгъ XVI — XVII вѣковъ, вмѣстѣ съ текстами чешскимъ, польскимъ и церковно-словѣнскимъ:

(изъ книги Судей, 6).

Библія Скорины:	*Библія Луки:*
Тогда иде Гедеонъ иувари козля, и напече хлебовъ пресныхъ съ муки, и вложи мясо въ кошъ и юху влилъ в гор-	Тогда Гедеонь вшедши и увариль козелця, и опрѣсниковь напекь оть мала мѫки, и мяса наклаль в котелець, и по-

[1]) Библія Скорины списывалась въ XVI в. и въ южной, карпатской Руси—правописаніемъ русскимъ и болгарскимъ, о чемъ см. Владимірова о Фр. Скоринѣ, 218.

[2]) Востоковъ, Описаніе рукописей Румянцева, № 335.

[3]) Срв. „Славяне" II. 600.

нецъ, и принесе все то подъ дубъ и пода ему. И рече къ нему ангелъ божии: Возми мясо и хлебы и наклади на оную скалу, и юху на верхъ вылии.. И ангелъ божии зъмизалъ отъ очию его.

ливку зъ мяса вълиаль в горнець, и принесль то въсе подь дуба и офѣроваль ему. И рекль ему аггель божіи: Възми мяса и хлѣбы, и положи на тои скалѣ, и поливку на връхь вылѣи.. Тогда аггель божіи зникнѫль оть очіи его [1]).

Чешская библія 1506 г. [2]): Tehdy šed Gedeon uvařił kozelce, a chlebuov přesných napekł z věrtele, a masa nakladl v koš, a polévku z masa vliv do hrnce přinesł všecko pod dub, i obětovał mu. Jemužto die anjeł boží: Vezi maso a chleby a nakład' na onuno skálu, a polévku svrchu vlij... Tehdy anjeł boží zmizeł ōd očí jeho.

Польская библія 1561 г.: Szedszy Gedeon uwarzył koźlątko, i z korca mąki chleba przasnego napiekł, i włożywszy mięso w kosz, polewkę mięsną wylał w garniec, i przyniósł to wszystko pod dąb, i ofiarował mu. I rzekł do niego angioł pański: Weźm to mięso i te przasne chleby, i połoź na onej skale, a zwierzchu polej polewką... A angiol pański zniknął z ocu (!) jego.

Словѣнская библія острожская 1581 г.: Гедеонъ же вниде и сътвори козлище отъ козъ, и четверть ефи муки опрѣсноковъ, и вложи смясомъ въ крошницу, и юху вълія въ горнецъ, і изнесе кнему подъ дубъ, о постави. И рече кнему аггелъ господень: Възми мяса и хлѣбы прѣсныя, и положи у камене оно-

---

[1]) Съ началомъ I псалма у Луки (см. „Славяне“ II. 573) срв. тоже по западно-русскому переводу псалтири (у Востокова Опис. рукописей Румянцева № 335): Благословеныи мужъ, онже не отшолъ въ пораду неучстивыхъ, а ни сталъ на дарозе грешныхъ, а ни (!) столпу губителскомъ неседелъ, але взаконе Господни воля его есть, втомъ же законе будетъ ся вчилъ день и ночъ и будетъ ıако дерево саженое ведъле водъ текущихъ.

[2]) Тексты чешскій и польскій приводимъ новымъ правописаніемъ.

го, и юху близъ проліи... Аггелъ же господень отиде отъ очію его.

Пересопницкое евангеліе: *Евангеліе учительное 1616 г.*[1]:
(отъ Луки, гл. 5).

А онъ стоялъ подлеи езера Генисаретьского, и узрѣлъ двѣ лодѣ, которыи тамъ близъко езера стоали а рыболове отишодши оть нихъ выполоковалі мрѣжу. И уступилъ на едину зьнихъ, котораа то была Симонова. И просилъ его, абы мало отступилъ оть земълѣ и сѣдячи научалъ сь корабъля народы. А коли пересталъ научати ихъ, реклъ кь Симонови: Поступи на глубину и завръсте мрѣжу нашу на уловленя рыбь. А Симонъ отповѣдаючи реклъ ему: Учителю, презъ въсю нощь трудилися есмо ся а ничого не поимали, але на слово твое запущу сѣть. А коли тое учинили, мъножество великое рыбь загорънули, ажь и мрѣжа ся ихъ порывала.

Стоялъ Ісусъ при озерѣ Генисаретскомъ, и обачилъ двѣ лоди, стоячіи при озерѣ, бо рыболове вышедши зъ нихъ полоскали сѣти. А вступивши до однои лоди, которая была Симонова, просилъ его, абы отвезлъ мало отъ землѣ, и сѣдши, училъ зъ лоди людій. А кгды пересталъ мовити, реклъ до Симона: Поступи на глубину а закинте сѣти вашѣ до ловенья. И отповѣдаючи Симонъ реклъ ему: Учителю, цалую ночъ, працовавши нѣчогосмо не уловили, але на слово твое запущу сѣть. А кгды то учинили, заняли мнозство рыбъ великое, ажъ сѣть ихъ падалася.

Чешская библія 1506 г.: A on stál podlé jezera Genezaretského. I uzřeł dvě łodie, any stojie podle jezera, a rybáři byli sstúpili a vypierali sieti. Tehda vstúpiv na jednu lodí, kteráž była Simonova. Prosił ho, aby od země odvezł maličko. A sedě učił jest z łodie zástupy. A když přestał młuviti, řekł k Šimonovi: Vez na hłubinu, a rozestřete sieti své k łovení ryb. A odpověděv Šimon řekł jemu: Přikazateli, přes celú noc pracujíce nic jsme nepopadli, ale k slovu tvému rozestru sieti. A když to učinili, zahrnuli množstvie ryb veliké, tak že trhała se siet jich.

[1] Срв. „Славяне“ II. 599.

Польская библія 1561 г.: A on stał przy jezierze Genezaret. I ujźrzał dwie łodce, które stały przy brzegu, a rybitwi byli z nich wysiedli, i płokali sieci swoje. A wstąpiwszy w jednę łodkę, która była Symonowa, prosił go, aby go maluczko odwiózł od ziemie. I siedząc w łodce, nauczał tłuszcze. A gdy przestał mówić rzekł do Symona: Wiedź na głębią, a rozrzućcie sieci wasze, na obłów. I odpowiadając Symon rzekł mu: Nauczycielu, całuchną noc pracując, niceśmy nie ułowili, ale na twe słowo jeszcze zarzucimy sieć. A gdy to uczynili, zawarli ryb wielką wielkość, tak iż się sieć rwała.

Острожская библія 1581 г.: И тои бѣ стоя прі езерѣ Геннесаретстѣ, и видѣ дъва корабля стояща прі езерѣ, рыбаріе же отшедъше отъ нею плакаху мрѣжя. Влѣзже въ єдінъ отъ кораблю, иже бѣ Симоновъ, моли его отъ земля отступити мало, и сѣдъ учаше искорабля народы. Ꙗкоже преста глаголя, рече к Симону: Поступи въ глубину, и въврьзѣте мрежя вашя вловитву. И отвѣщавъ Симонъ рече ему: Наставниче, обнощъ всю труждьшеся ничесоже ꙗхомъ, по глаголуже твоему въвергу мрежу. И се сътворше яшя множество рыбъ много, протръзашежеся мрежа ихъ.

О характерѣ западно-русскаго языка, книжнаго и народнаго, можно себѣ составить хорошее понятіе по словарямъ церковнаго словѣнскаго языка (русскаго извода) XVI — XVII вв. Лаврентія Зизанія (Лексисъ сирѣчь реченія, въкратъцѣ събранны и изъ слoвенскаго языка на простый рускій діалектъ истолкованы, въ Вильнѣ 1596) и Памвы Берынды (Лексиконъ славено-россскій, въ Кіевѣ 1627, второе изд. въ Кутеинскомъ монастырѣ 1655), и по рукописному словарю русскаго языка, составленному во второй половинѣ XVII в. въ Кіевѣ по словарю Берынды [1]). Въ числѣ словъ простого русскаго языка встрѣчается множество польскихъ словъ, принятыхъ въ русскій языкъ вопреки законамъ русской фонетики;

---

[1]) Словари Зизанія и Берынды издалъ вновь (съ ошибками) Сахаровъ: Сказанія русскаго народа (СП. 1849, II); рукописный словарь русскаго языка издалъ П. Житецкій: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. (Кіевъ 1889, приложеніе).

такъ напр. рядомъ съ обыкновенными русскими полногласными словами: волоцюга, молодый, оборона, порожне, король—употреблялись слова польскія: влочня, млоденецъ, хлопъ — хлопецъ, кроль, прожно, бронь; рядомъ съ обыкновенными: взгордитель, полный, толстый—барзо, взгарда, зупелне, тлустый; слова: кровь, бровь и—кръвавый, крви, брви, трвога, крумбръный (krnąbrny); слова: помочь, честь и—моцъ, цнота, зацный, учта; къ русскимъ словамъ съ *г* (h) приняты тоже нѣкоторыя польскія съ *кг* (g): варкги, вилкготность, згелкъ, кгродъ; такъ и польскія слова съ носовымъ звукомъ: нендзный, охендожный, вонтплю, до щенту, дзвенкъ, менжный, ксіонже (но: князь, мужъ, звукъ); слова: мalженство, звитязство (польское zwycięstwo передѣлано на русскій ладъ), квѣтъ, праца, довцѣпъ, родзай, рядца (rządca, рядъ—rząd), ольбрымъ-олбримъ [1]), быдло, опатрный, ростеркъ, албо, кгды, поневажъ, ведлугъ, презъ, завше и пр., много словъ польскихъ, заимствованныхъ изъ латинскаго, нѣмецкаго и др., напр. вѣршъ, вѣншую, гамую, гоноръ, гуфъ, кгвалтъ, дахъ, деспектъ, друкарня, дяковати, жакгель, жартъ, келихъ, клейнотъ, коляція, контентъ, ланцухъ, мордерца, офѣра, пелкгримъ, примушенье, рада, сакраментъ, смарую, фрасунокъ, пошанованье и пр. [2]).

Кромѣ этого усвоенія множества словъ польскихъ, книжники западно-русскіе поддались тоже польскому вліянію въ формахъ,

---

[1]) Берында знаетъ тоже русское слово *велетъ* (исполинъ=гигантъ, велетъ, ольбрымъ); Скорина пишетъ *волотъ*.

[2]) Берында иногда помѣщаетъ въ словарѣ и другія славянскія слова, напр.: *пѣтелъ*, чески когутъ, волынски пѣвень, литовски пѣтухъ. Берында въ посвященіи „зацне урожонымъ и православнымъ паномъ Балабаномъ“ говоритъ между прочимъ: „Широкій и великославный языкъ славенскій, маючи оквитое залеценье не только отъ писмъ богословскихъ и гимновъ церковныхъ, съ еллинского нимъ претлумачоныхъ, але и съ божественныя литургіи и иныхъ таемницъ, которыи ся тымъ языкомъ въ Великой и Малой Россіи, въ Сербіи, Болгаріи и по инымъ сторонамъ отправуютъ, ижъ трудности тѣхъ словъ до выразумѣня темныхъ многіи въ собѣ маетъ, за чимъ и самая церковь россійская многимъ власнымъ сыномъ своимъ въ огиду приходитъ“.

напр. на мѣстцу (вмѣсто:—цѣ, —ці), естемъ, далемъ, далесь и пр.; наконецъ синтаксисъ книжнаго западно-русскаго языка тѣсно примыкаетъ къ польскому, такъ что русскій текстъ кажется часто простымъ переложеніемъ польскаго. Такъ это было въ книжномъ языкѣ всей югозападной Руси, не смотря на нѣкоторыя особенности этого языка въ Руси западной (Бѣлой) и въ Руси южной (Малой), напр. формы бѣлорус. хотечи и малорус. хотячи [1]). Это громадное вліяніе польщизны на западно-русскій языкъ измѣнило его до такой степени, что его считали просто нарѣчіемъ польскимъ [2]). Польское вліяніе въ книжномъ малорусскомъ языкѣ исчезаетъ въ немъ съ конца XVII и начала XVIII в., по мѣрѣ возвышенія великорусскаго племени. Москва и Петербургъ поднялись выше Кіева не только въ отношеніи политическомъ, а также въ отношеніи литературномъ и культурномъ. Это великорусское литературное и культурное движеніе становилось общерусскимъ, и въ немъ стали участвовать тоже многіе западные и южные Русскіе [3]).

Распространеніе польской культуры на всю югозападную Русь отъ карпатскихъ горъ далеко на сѣверъ и на востокъ за Двину и Днѣпръ, ополяченье всѣхъ высшихъ сословій, всей интелигенціи той Руси,—фактъ важный въ исторіи народа польскаго. Поляки, отраженные на западѣ Нѣмцами отъ Одры и балтійскаго моря, бросились на востокъ—на Русь, и скоро успѣли здѣсь водворить свое политическое и культурное господство. „Ляхами" сдѣлалась русская шляхта, принявшая католицизмъ, который сталъ синонимомъ полонизма; къ такимъ Ляхамъ присоединилась тоже уніатская шляхта, такъ какъ унія была только преддверіемъ католицизма; но такими же „Ляхами" въ отношеніи политическомъ и отчасти національномъ (gente Rutheni natione Poloni)

---

1) О книжномъ языкѣ малорусскомъ срв. часто упоминавшееся сочиненіе П. Житецкаго.

2) Срв. выше, стр. 228, и мысли Крижанича („Славяне" II. 330).

3) Срв. А. Пыпина, Исторія славянскихъ литературъ I. 349. срв. „Славяне" II. 472 и слѣд.

дѣлалась тоже православная шляхта русская, примкнувшая къ политическому и соціальному строю польскому; она, благодаря воспитанію въ латинско-польскихъ школахъ, постояннымъ сношеніямъ съ польскою шляхтою, пребыванью при дворѣ и на сеймахъ, рѣшительному вліянію литературы латинской и польской — которыя просто подавляли незначительную русскую литературу — проникалась все болѣе польскимъ шляхетскимъ духомъ, стала все болѣе дорожить привилегированнымъ положеніемъ шляхетскаго сословія относительно презрѣнныхъ мѣщанъ и хлоповъ, принимать польскіе обычаи, одежду и пр. Вся эта шляхта русскаго происхожденія заговорила на польскомъ языкѣ, оставляя свой родной русскій языкъ только для хлоповъ; да и этотъ русскій языкъ, вслѣдствіе господства и многосторонняго вліянія польщизны, скоро сдѣлался какимъ-то безформеннымъ организмомъ, къ которому все болѣе прививались неорганически польскія слова, польскій слогъ, польско-латинскіе макаронизмы, такъ что такой русскій языкъ представлялъ скорѣе какую-то помѣсь русско-польскую, мало отличавшуюся отъ польскаго языка. Такія же перемѣны происходили и въ русскомъ уніатскомъ духовенствѣ, именно въ высшемъ, и въ мѣщанствѣ; всѣ эти русскіе уніаты: епископы, протоіереи, архимандриты, мѣщане, старались подражать польскому духовенству и мѣщанству, стали принимать польскіе нравы, говорить и писать по-польски, забывая свой родной языкъ, или владѣя имъ недостаточно, испещряя его полонизмами и макаронизмами. Даже православное духовенство и мѣщанство, крѣпко держась своей „русской вѣры“, поддавалось, подобно православной шляхтѣ, польскому духу, образованію, языку. Если бы удалось Польшѣ вполнѣ уничтожить въ принадлежавшей ей Руси православіе, повсюду ввести унію, какъ временное учрежденіе, имѣющее въ виду полное торжество латинскаго польскаго католицизма, если бы польская и ополяченная шляхта и польское духовенство признавали бóльшую общность интересовъ своихъ и интересовъ русскихъ хлоповъ, православныхъ и уніатскихъ, если бы не сохранился въ Польшѣ соціальный дуализмъ даже въ области религіи—„вѣры панской, польской“ и „вѣры хлопской, русской“: то несомнѣнно вся югозападная Русь, а не только шляхта, ополячилась бы, всѣ

русскія земли по Днѣству, Днѣпру и Двинѣ заселились бы новыжи Ляхами, и Русь Червоная, Малая и Бѣлая сдѣлались бы такою же Польшею и въ отношеніи національномъ, кокою были Польша Малая и Великая, Поморье и Мазовія.

Но вышло иначе: проектъ объ уничтоженіи Руси въ Польшѣ 1717 г. не осуществился, русскіе уніатскіе хлопы остались Русью, а православные русскіе хлопы съ своими „схизматическими попами“ тоже не вывелись въ Польшѣ. Русскій вопросъ въ Польшѣ остался не рѣшеннымъ. А между тѣмъ въ сосѣдствѣ Руси Малой и Бѣлой усиливалась Русь Великая, взялась за собираніе русскихъ земель, стала вытѣснять Польшу изъ Руси Малой и Бѣлой, и такимъ образомъ возстановлять русскій характеръ той югозападной Руси по Днѣпру и Двинѣ, ломать всѣ искуственныя преграды, воздвигнутыя Поляками съ цѣлью разлучить, разъединить, сдѣлать другъ друду чуждыми и поссорить Русь югозападную и сѣверовосточную.

Ополяченье высшихъ сословій и интелигенціи югозападной Руси состоялось вслѣдствіе силы польской государственности и западно-европейской культуры въ латинско-польскомъ ея видѣ [1]).

---

[1]) Говоря о торжествѣ культуры западно-европейской надъ восточно - европейской, мы разумѣется, не намѣрены восхищаться первою и осуждать вторую. Значеніе „культуры“ вообще условно; такъ и западно-европейскую культуру и христіанство съ его высоко гуманнымъ характеромъ безграничной любви къ ближнимъ „украшали“ до недавна фанатическіе походы противъ всякой свободы научныхъ изслѣдованій при полнѣйшемъ ничтожествѣ псевдо-ученаго пустословія (срв. Коперникъ и Галилей, гг. профессора Саламанки и Колумбъ), постыдное рабство, мученія и пытки во имя „права“ глубокомысленно толкуемаго властью свѣтскою и церковною (инквизиціею), дикіе крики и драки, войны и рѣзни „правовѣрныхъ“, „кривовѣрныхъ“, „невѣрныхъ“ (срв. вареоломейскую ночь, повсемѣстное избіеніе Жидовъ), пылающіе на кострахъ „чародѣи“, „вѣдьмы“' „еретики“, „невѣрные“ и другіе „сыны и дочери дьявола“ въ западной и средней Европѣ (напр. Гусъ и Іеронимъ Пражскій, Іоанна Д'Аркъ, Савонарола и Джордано Бруно, Серветъ) и въ Польшѣ (напр. гуситскіе священники, Екатерина Мальхеръ, Лыщинскій)

Руководящіе кружки югозападной Руси, не обладая достаточными средствами для борьбы съ тою и другою силою Польши, долго не имѣя надежной опоры въ Великой Руси, поддались наконецъ польскому вліянію до такой степени, что сами обезличивались и дѣлались Ляхами. Это было несомнѣнно въ пользу народности польской; а съ другой стороны отъ такого распространенія латинско-польской культуры народность русская не выиграла, а проиграла. Эта культура отзывалась зловредно на русской народности, ослабляя и разлагая ее, лишая ее коренныхъ началъ, отнимая у нея высшія сословія, интелигенцію, отчуждая ихъ отъ народныхъ массъ.

Итакъ, западно - европейская культура, прививаемая покоренной Ляхами Руси посредствомъ господствующей въ ней польской государственности и образованности, приносила польской народности пользу, а русской—вредъ. Польская государственность, латинско-польская культура, католицизмъ, унія—все это были только средства для главной цѣли, т. е. асимиляціи, полонизаціи югозападной Руси, цѣли вполнѣ понятной у польскаго народа, который за всѣ свои потери на онѣмечивающемся западѣ, искалъ и нашелъ вознагражденіе на востокѣ, въ русскихъ земляхъ. Западно-европейская культура сама по себѣ, конечно, и Руси не опасна и не вредна, а напротивъ полезна, но только въ такомъ случаѣ, когда она прививалась самостоятельной Руси и подчинялась господствующей русской народности и государственности, когда чужіе, не русскіе проводники той культуры вынуждены были служить всецѣло не интересамъ своей народности, а интересамъ народности русской, ею исимилироваться, способствовать ея развитію и укрѣпленію. Такъ это было въ Великой Руси при Петрѣ Великомъ, такъ это было и въ присоединенныхъ къ русской имперіи частяхъ Руси Бѣлой и Малой.

и пр. И всѣ эти мерзости и звѣрства прославлялись еще какъ богоугодные подвиги вѣры—auto da fé, actus fidei! Всѣ эти „украшенія“ западно-европейской цивилизаціи—чѣмъ же отличаются отъ по-

Отрывокъ изъ главы о церковной уніи *).

Унія сдѣлалась настоящею хлопскою вѣрою русскою; почти вся шляхта давно ее замѣнила латинскимъ католицизмомъ, подобно тому какъ она давно замѣнила свою русскую народность польскою, обратилась въ Ляховъ. Но эта хлопская „русская" унія—униженная, преклоняющаяся передъ пышнымъ зданіемъ шляхетскаго польскаго католицизма, все-таки безпокоила нѣкоторыхъ Поляковъ; унія, не смотря на свое униженное положеніе, была вѣрою „русскою", а интересы Польши требовали, чтобъ эта уніатская Русь исчезла, подчинившись вполнѣ Ляхамъ и латинско-польскому обряду. Въ началѣ XVIII в. одинъ неизвѣстный Полякъ думалъ объ уничтоженіи даже этой уніи и о замѣнѣ ея чистымъ латинскимъ обрядомъ, и этотъ свой проектъ „na zniszczenie Rusi zjednoczonéj" представилъ даже сейму 1717 г., хотя безъ успѣха. Чтобъ уничтожить унію—разсуждаетъ авторъ этого проекта — оставшаяся русская шляхта, уніатская и тѣмъ болѣе схизматическая, не должна быть допускаема до „урядовъ"; Поляки должны сторониться Русскихъ и всевозможно унижать и поносить русскую унію и уніатовъ, матеріально и умственно ихъ разорять, довести русское мѣщанство и духовенство до крайней нищеты и униженія, не допускать въ городахъ употребленія офиціальнаго русскаго языка и требовать употребленія польскаго, запрещать хлопамъ учиться и пр.; если же простой народъ въ Украинѣ, Волынѣ и Подольѣ возстанетъ, то, въ случаѣ если польскія войска не были бы въ состояніи подавить такое возстаніе,

---

добныхъ явленій на востокѣ, костры Гуса и Савонаролы отъ костровъ митрополита Герасима, М. Башкина и пр.? Мѣткія слова поэта: Das schrecklichste der Schrecken ist der Mensch in seinem Wahn—относятся одинаково къ людямъ и народамъ „культурнымъ" и „некультурнымъ".

---

*) Это—все чтó авторъ успѣлъ написать (вѣроятно конецъ?) изъ заключительной главы о церковной уніи. Сюда же вошло бы—надо думать — и обозрѣніе польско-русскихъ политическихъ сношеній въ XVII и XVIII вв. *Ред.*

этихъ Русскихъ выдать Татарамъ, а русскія земли заселить народомъ польскимъ и мазовскимъ. Россія (Москва) не будетъ-де мѣшать, такъ какъ и она ненавидитъ уніатовъ, да и кромѣ того можно ее надуть. Такимъ образомъ уничтожится унія и всѣ русскіе уніаты сдѣлаются римскими католиками, и Польша окажется заселенною однороднымъ населеніемъ, пріобрѣтетъ силу и могущество, а Москва будетъ ослаблена и не будетъ угрожать Польшѣ: „Tymi i tym podobnymi stopniami z Ruśnakami postępując, ten niewątpliwy w czasie odbierzemy pożytek, że lud królestwa polskiego w zobopolnéj miłości, zgodzie i jedności zostawać będzie, że Polska szacowniejsza, mocniejsza i postronnym straszniejsza stanie się, że religia rzymska katolicka, więcej jak mil 160 wszerz i wzdłuż zakwitnie, słowem, że wszyscy mocni i ocaleni zostaniemy. Jako Ruś w swoim zostawiona obrządku, lub za oderwaniem się od moskiewskiéj schyzmy lub za powróceniem do tejże, zdała by się grozić upadkiem Polszcze, tak gdy ją przemieniemy na Rzymian, odbierzemy najprzód nadzieję Moskalom jéj odzyskania, potym, ściśle z nami złączoną, uczyniemy Moskwie nieprzyjazną“... Москву можно надуть, показывая ей пріязнь... „Moskwa, będąc nam przyjazną, przyjacielskich naszych kroków, do jakiego zamierzają celu, uważać nie będzie, i rzeczy bez przeszkody swoim pójdą porządkiem, im z większym naszym zmocnieniem, tym znaczniejszym Moskwy i całéj Rusi osłabieniem“.

„Проектъ уничтоженія уніатской Руси“ всплылъ на поверхность публичной жизни еще одинъ разъ, именно уже во время распаденія польской Рѣчи посполитой. Въ 1786 г. шляхта южнорусскихъ земель, сама происхожденія русскаго, но давно уже католическая и польская, рекомендовала сейму опять уничтоженіе уніатскаго обряда своихъ русскихъ подданныхъ и обращеніе ихъ прямо въ римскихъ католиковъ; всѣ эти русскіе хлопы, подданные и служащіе своимъ католическимъ польскимъ панамъ, должны съ ними же соедяниться и въ обрядахъ, календарѣ и пр. и освободиться отъ своихъ неучоныхъ и простыхъ поповъ, и такимъ образомъ должно водвориться согласіе въ единствѣ. Но этотъ курьёзный „Głos obywatelów województw i po-

wiatów ruskich do zgromadzonych obywatelów na sejmiki przedsejmowe i do stanów na sejm zebranych w r. 1786“ вызвалъ протестъ въ средѣ униженнаго русскаго уніатскаго духовенства. Самъ уніатскій митрополитъ Смогоревскій, разбирая этотъ „голосъ“ ополяченной южнорусской шляхты, замѣчаетъ между прочимъ, что простой людъ русскій, хотя и подданный пановъ, участвовалъ въ рѣзнѣ украинской и еле подавленъ могущественною силою Россіи; а что касается мнѣнія авторовъ этого „голоса“, будто можно принудить народъ къ перемѣнѣ обряда или что онъ не примкнетъ къ не-уніи, то на это очень мало надежды. Изъ среды уніатской Руси раздавались, по поводу этого „голоса“, разные возгласы, въ которыхъ выражался старинный антагонизмъ Руси и Ляховъ съ большею и меньшею силою. Пусть уніатскіе іерархи — говоритъ одинъ уніатъ — обратятъ вниманіе на такіе планы шляхты, жаждущей ихъ имуществъ и мести надъ Русью; уже не-униты обратились въ своихъ нуждахъ къ Россіи,—что-же мѣшаетъ и уніатамъ искать покровительства у Императрицы Русской, которую Польша признала Императрицею всей Россіи и тѣмъ самымъ и покровительницею всей Руси? — jeśli się udacie do wysokiéj protekcyi Najjaśniejszéj Monarchini, niezwyciężonéj Cesarzowéj Rossyjskiéj, pełnéj łaskawości na wszystkich, którą wszakże Najjaśniejsza Rzecz Pospolita uznała całéj Rossyi Imperatorową a tym samym wszystkiéj Rusi protektorką“. Другой русскій уніатъ въ отвѣтѣ на тотъ „голосъ“ разбираетъ его довольно подробно и ѣдко, называя его подкидышемъ темнаго суевѣрія, не знающаго истинной основы ни религіи, ни политики благоустроеннаго государства. Въ древней Польшѣ — разсуждаетъ авторъ отвѣта — греческо-русская религія не терпѣла никакихъ преслѣдованій, униженія и насмѣшекъ, и ради нея не было въ отечествѣ никакихъ ссоръ и смутъ. Унія въ концѣ XVI в. не принята всею Русью, а началась травля и вражда между Русью уніатскою и неуніатскою; римское духовенство и его приверженцы охотно участвовали въ этой ссорѣ и травлѣ, радуясь тому, что удалось обратить Русскаго противъ Русскаго и что такимъ образомъ они сами другъ друга загубятъ—puść Rusina na Rusina, a tak sami się

wygubią. Русская шляхта приняла изъ-за политическихъ выгодъ римскій обрядъ, названіе „Русскій“ сдѣлалось чуть не синонимомъ „хлопа“, а унія презрѣнною „хлопскою вѣрою“ — po dziś dzień w szkołach nawet, urągają się z Rusinów, ruska wiara — chłopska wiara, Ruthenus et Rusticus idem sonat [1]). Уничтоженіе уніатской Руси и обращеніе ея въ римскихъ католиковъ предлагалъ уже въ началѣ XVIII в. неизвѣстный авторъ „проекта“ 1717 года. Но это униженіе русской уніи не принесло Польшѣ никакой пользы, а преслѣдованіе русской религіи, которая вопреки конституціямъ называется схизмою, дало поводъ къ кровавымъ козацкимъ возстаніямъ. Напрасно авторы „голоса“ ожидаютъ отъ уничтоженія уніи и побѣды римскаго католицизма на Руси „согласія въ единствѣ“, и жаль, что они не прибавили, чтобъ хлопы украинскіе учились-де говорить по-мазовски; ибо такимъ образомъ было бы согласіе въ предлагаемомъ ими единствѣ большее. Поселяне русскаго уніатскаго обряда едва-ли могутъ быть приневолены къ принятію римскаго обряда безъ возстанія, а тотъ „голосъ“ не шумъ вѣтра тихаго, а вѣтеръ большой и сильный, разваливающій горы и раздробляющій скалы. А что-же послѣ уничтоженія уніатовъ дѣлать съ не-уніатами и дисидентами, которые пользуются сильнымъ покровительствомъ сосѣднихъ державъ; и какъ же міліонамъ сельской Руси запретить, если не захотятъ принять латинскій обрядъ, вернуться къ не-уніи? [2]).

Авторы разныхъ этихъ проектовъ объ уничтоженіи уніатской Руси и объ ея обращеніе въ римско-католическихъ Ляховъ ошиблись въ одномъ только: Россія или, какъ они ее называютъ,

---

[1]) Срв. выше стр. 197 въ Подляшьѣ (1501) „Rusin“=chłop!

[2]) Разные эти акты помѣщены въ историческихъ запискахъ о событіяхъ на Волынѣ и Подольѣ 1798 г. Θеодосія Бродовича, уніат. священника луцкаго: Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartéj (изд. во Львовѣ 1861—62, и въ московскихъ Чтеніяхъ 1868—1869, съ русскимъ переводомъ). См. тоже Supplementum ad histor. Russiae monumenta, 221; Документы объясняющіе исторію западно-русскаго края; срв. Jekel Polens Staatsveränderungen III. 132, S. Załęski: Ojcowie jezuici we Lwowie, p. 80.

„Москва“ вовсе не была такою, какъ они себѣ ее воображали, и очень трудно, да и невозможно было „надуть“ сильное государство русское, которое — благодаря цѣлому ряду мудрыхъ государей и ихъ совѣтниковъ—въ теченіе многихъ вѣковъ стремилось неуклонно къ одной завѣтной цѣли, къ осуществленію законнаго титула своего царя „всея Руси, Великой, Малой и Бѣлой“.

Одинъ изъ уніатскихъ Русскихъ, Ѳеодосій Бродовичъ [1]), наблюдая тогдашнее настроеніе Поляковъ въ отношеніи къ Руси вообще, уже наканунѣ паденія Польши, задаетъ себѣ вопросъ, откуда взялась такъ сказать врожденная ненависть въ средѣ одного славянскаго народа въ Польшѣ, именно между Поляками и уніатскою Русью; да даже какъ только Русскій переходитъ къ римскому обряду, онъ сейчасъ начинаетъ смотрѣть на своего брата Русскаго-уніята изъ-подлобья, его ненавидѣть и преслѣдовать. Шляхта русскихъ земель, покинувши русскій обрядъ, болѣе благопріятствуетъ протестантамъ и жидамъ, чѣмъ Русскимъ, соединеннымъ съ нею религіею, родиною и происхожденіемъ. Если во время подчиненія Руси царьградскому патріархату распространялась между Славянами взаимная вражда, то къ этому по крайней мѣрѣ существовалъ предлогъ, т. е. разница главы церкви; но послѣ отдѣленія Руси въ Польшѣ отъ главенства царьградскаго патріарха и соединенія ея съ Римомъ, такая вражда и ненависть просто непонятны; одна разница обряда или войны Поляковъ съ Русью ея не объясняютъ. Поляки не пожелали, рядомъ съ тремя областями—Великою Польшею, Малою Польшею и Литвою, учредить четвертую, Русь, и на всѣ требованія съ презрѣніемъ отказали—чтобъ Русскій зналъ, что онъ не достоинъ занять мѣсто въ гражданскомъ обществѣ равноправно съ другими—żeby znał Rusin, iż w cywilnym społeczeństwie równie z innemi mieścić się nie godzien. Вѣковая вражда и ненависть католической шляхты и духовенства (и іезуитовъ) къ Руси, даже уніатской, не происходитъ отъ одного незнанія. Уніатская Русь, ли-

---

[1]) См. выше, предыд. стр., прим.

шенная на всегда въ своей землѣ правъ и привилегій, напрасно ссылается на свою вѣрность, послушаніе, подданство, постоянство въ уніи; никогда ей не повѣрятъ. Ея судьба всегда печальна: Полякъ будетъ преслѣдовать Русь въ томъ убѣжденіи, что она благопріятствуютъ Москвѣ, а Москвитянинъ сдѣлаетъ то же самое потому, что она — уніатская. Причина такой ненависти слѣдующая: Русь, хотя и уніатская, все-таки вѣтвь того дерева, въ которомъ усмотрѣли ядъ; она принадлежитъ восточной церкви, которая дерзнула когда-то состязаться и сравниваться съ церковью западною. Вотъ непростительный грѣхъ Руси!

IV.

ЧЕХИ И ПРАВОСЛАВНЫЕ СЛАВЯНЕ *).

Великую мысль возымѣли моравскіе Мойміровичи, когда они, стремясь къ полному освобожденію своего государства изъ-подъ нѣмецкаго вліянія, обратились въ Царьградъ и призывали оттуда апостоловъ вѣры Христовой вмѣсто жадныхъ нѣмецкихъ епископовъ и священниковъ. Прекрасно стало развиваться словѣнское богослуженіе въ Моравѣ, откуда оно распространялось и въ сосѣднія славянскія земли, въ Чехію, въ полабскую Сербію и къ южнымъ Ляхамъ; оно процвѣтало и въ Панониі, проникало къ Славянамъ адріатическимъ, къ Хорватамъ, къ Сербамъ, и къ Словѣнамъ въ Болгаріи и въ подунайскихъ странахъ. Римскій патріархъ или папа, къ епархіи котораго принадлежали западнославянскія страны, относился сначала благосклонно къ словѣнскому богослуженію. Можно было надѣяться, что всѣхъ Славянъ соединитъ одно вѣроисповѣданіе, а также одинъ языкъ — надежда тщетная! Моравское государство погибло, Угры раздѣлили Славянъ, и западные Славяне вынуждены были примкнуть къ Нѣмцамъ и къ латинскому Риму; отъ словѣнскаго богослуженія уцѣлѣли тамъ только остатки, да и тѣ скоро исчезли вслѣд-

*) Эта глава, очевидно не конченная и не отдѣланная, написана авторомъ по всѣмъ признакамъ значительно ранѣе предыдущей (въ 1886 г.?). Онъ собирался ее обработать, принявъ во вниманіе новыя изслѣдованія по разбираемымъ ею вопросамъ (напр. Пальмова—о сношеніяхъ Гуситовъ съ восточною церковью, Д. Цвѣтаева—о Рокитѣ etc.). *Ред.*

ствіе латинско-нѣмецкой вражды. Когда основана епископія въ Прагѣ (973 г.), то папа прямо потребовалъ, чтобъ епископія была латинская, а не по обрядамъ или сектѣ болгарскаго или русскаго народа или словѣнскаго языка. Латинское духовенство въ Чехіи, въ Моравѣ и Словенщинѣ стремилось къ истребленію словѣнскаго богослуженія, какъ оно это дѣлало и въ другихъ странахъ. Главное участіе въ разрушеніи труда апостоловъ Константина и Меѳодія среди западныхъ Славянъ приписывали на Руси еще въ XV в., несомнѣнно по болѣе древнимъ извѣстіямъ, второму пражскому епископу Войтѣху: этотъ латинскій епископъ разрушилъ-де правую вѣру въ Моравѣ, у Чеховъ и у Ляховъ, отвергъ русскую (т. е. словѣнскую) грамоту, и поставилъ латинскую вѣру и грамоту, а правой вѣры епископовъ и поповъ перебилъ или разогналъ [1]).

Но словѣнскій языкъ въ богослуженіи не исчезъ въ Чехіи тотчасъ послѣ побѣды латинскаго; еще сто лѣтъ спустя послѣ учрежденія пражской епископіи чешскій князь Вратиславъ и народъ любили словенское богослуженіе къ большому негодованію папы. Только съ исчезновеніемъ словѣнскаго монастыря Сазавскаго исчезло и словѣнское богослуженіе въ Чехіи, и Чехи привыкли потомъ смотрѣть на православныхъ христіанъ, Грековъ ли, или Славянъ, съ римско-латинской точки зрѣнія. Греки, Болгаре и Рашане (Сербы) были для Чеховъ „схизматики — роздвоенцы" (какъ выражается король Премыслъ Отакаръ II), Русскіе „неутвержденные" (какъ они называются въ чешской Александреидѣ), и сравнивались чуть ли не съ Татарами, Бесерманами, Литовцами, босенскими Патаренами и пр.

---

[1]) См. приписку къ панонскому житію св. Константина по рукописи XV в. въ москов. Чтеніяхъ 1860-хъ гг., Fontes rerum bohemicarum I. 38). Войтѣху приписывалось на Руси то, что вообще случилось въ Моравіи послѣ смерти св. Меѳодія (Fontes rer. bohem. I. 90, срв. Časopis Česk. Mus. 1881, 286) и въ Чехіи въ XI в. въ Сазавскомъ монастырѣ, какъ это описываютъ Сазавскій монахъ и біографъ св. Прокопія (Fontes rer. bohem. II. 250, I. 349). Срв. *Будиловича*: Очерки изъ церковной исторіи западныхъ Славянъ. Епископъ Войтѣхъ (Варшава 1880).

Ошибочно мнѣніе, будто въ Чехіи сохранились тайкомъ остатки словѣнскаго богослуженія до гуситскаго движенія, которое будто-бы выросло на основаніи тѣхъ словѣнскихъ преданій. Это мнѣніе не основывается ни на какихъ достовѣрныхъ современныхъ извѣстіяхъ, и пущено въ обращеніе только нѣкоторыми некритическими лѣтописцами чешскими XVI и XVII вв., со стороны утраквистовъ и чешскихъ братьевъ [1]). Гуситство имѣло совер-

[1]) По ихъ примѣру утверждаютъ это тоже нѣкоторые новѣйшіе русскіе историки: *Елагинъ* (Объ исторіи Чехіи Палацкаго 1848), *Новиковъ* (Православіе у Чеховъ 1848, Гусъ и Лютеръ 1859), *Клевановъ* (Очеркъ исторіи чеш. вѣроиспов. движенія, въ Чтеніяхъ М. О. И. Д. 1869 — 1875), *Надлеръ* (Причины оппозиціи католицизму въ Чехіи 1864), *Бильбасовъ* (Чехъ Янъ Гусъ 1869), *Гильфердингъ* (Гусъ и его отношеніе къ православной церкви 1871), *Невоструевъ* (въ сборникѣ Rad jugoslav. akademije 21), *Ламанскій* (Славян. Сборникъ 1875, I. 549). Но всѣ эти мнѣнія опровергаетъ *Васильевъ*: Причины и характеръ чешскаго религіознаго движенія (Журналъ Минист. Нар. Просв. 1876, іюль, августъ); съ нимъ согласенъ *Пальмовъ*: Вопросъ о чашѣ въ гусит. движеніи (1881) *). Срв. *Kalousek*: O historii kalicha v dobách předhusitských (1881), и въ Časopis Česk. Musea 1882, стр. 90; *Goll* (contra Denis) въ Časopis Č. M. 1878, стр. 590. — О „православіи“ у Чеховъ (Моравянъ и Словаковъ) можно говорить только съ извѣстнымъ ограниченіемъ. Ученіе, обряды, книги, принесенныя Константиномъ и Меѳодіемъ къ западнымъ Славянамъ, были, конечно, православныя, церкви восточной, греческой; но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что тогда расколъ обѣихъ церквей, восточной и западной, не былъ еще упроченъ, и что Константинъ и Меѳодій дѣйствовали „въ области св. Петра“, въ области римской патріархіи, и что они признавали римскаго патріарха своимъ духовнымъ начальникомъ.

*) Въ рукописи здѣсь есть отмѣтка автора на поляхъ — со ссылкой на статью г. Пальмова въ „Христ. Чтен.“ за 1889 г.: „Къ вопросу о сношеніяхъ Чеховъ-Гуситовъ съ восточною церковью въ пол. XV в.“, въ которой г. П. разъясняетъ, что выступая съ возраженіями противъ названныхъ ученыхъ, онъ „не отрицалъ приводимыхъ ими въ защиту своего положенія фактовъ и даже нѣкоторыхъ объясненій ихъ, но высказывался только противъ крайностей выводовъ, по которымъ гуситское движеніе представляется исконнымъ и *вполнѣ сознательнымъ* стремленіемъ Чеховъ къ православному востоку“, что онъ однакожъ при-

щенно другія причины; оно началось оппозиціей нѣкоторымъ злоупотребленіямъ въ католической церкви, а кончилось отдѣленіемъ чешской гуситской церкви отъ римской, и возникновеніемъ разныхъ религіозныхъ обществъ, начиная умѣренными чашниками и кончая радикальными Таборами и пантеистами—Адамитами.

Чехи, начиная свою оппозицію Риму и ведя потомъ упорную борьбу съ нимъ, обратили свое вниманіе и на другую половину христіанства, на церковь восточную или греческую, на тѣхъ „схизматиковъ“ (какъ ихъ называла римская церковь), по большей части Славянъ. Гуситскіе Чехи, освобождаясь все болѣе изъ-подъ власти Рима и наконецъ вполнѣ порвавъ съ нимъ сношенія, стали смотрѣть на православную церковь иначе, чѣмъ ихъ предки. Также и причащеніе подъ обоими видами—обычай, соблюдавшійся и въ западной церкви довольно долго, но потомъ запрещенный—постоянно напоминало гуситамъ восточную церковь, въ которой оно всегда оставалось въ употребленіи. Гусъ, занимаясь разными богословскими вопросами, обращалъ вниманіе и на греческую церковь, хотя онъ не имѣлъ о ней всегда вѣрныхъ свѣдѣній; онъ не думалъ, что Греки, хотя и не признаютъ главенства папы, прокляты, и предполагалъ, что Греки и Латиняне могли бы согласиться и относительно исхожденія св. Духа [1]. Было бы любопытно узнать, почему тогда, именно когда Гусъ писалъ свое сочиненіе „о церкви“, его довѣренный другъ магистръ *Іеронимъ* изъ Праги путешествовалъ въ Польшѣ и дальше на Руси, гдѣ онъ отнесся очень дружелюбно къ православной

---

[1]) Срв. Гильфердинга: Гусъ, его отношеніе къ православной церкви (Спб., 1871). О „греческой вѣрѣ“ могли тогда Чехи узнать кое-что и въ описаніи путешествій Мандевиля, переведенномъ по-чешски Лаврентіемъ изъ Брезовой (Výbor z literatury české II. 598).

знаетъ важнымъ факторомъ въ чешской реформаціи—„первоначальное кирилло-мееодіевское православіе Чеховъ, которое, не смотря на торжество надъ нимъ латинства, таилось здѣсь въ исторической обстановкѣ какъ преданіе“ и проч. Дѣлая ссылку на эту статью Пальмова, авторъ вѣроятно собирался видоизмѣнить это мѣсто своего примѣчанія, а быть можетъ кое-что и въ самомъ текстѣ своемъ. *Ред.*

вѣрѣ. О цѣли этого путешествія Іеронима не извѣстно ничего достовѣрнаго; можетъ быть, что онъ его предпринялъ по внушенію Гуса,—можетъ быть, что онъ, познакомившись почти со всей западной Европой, пожелалъ узнать также славянскій востокъ.

Весной 1413 г. Іеронимъ былъ въ Краковѣ, и здѣсь онъ своими рѣчами, несомнѣнно богословскаго содержанія, произвелъ среди духовенства и народа такое возбужденіе умовъ, какого не помнили въ краковской епархіи; но простой народъ польскій — утѣшался епископъ краковскій — не былъ въ состояніи понять ученіе такого философа, а еще меньше Литва и Русь [1]). Черезъ нѣсколько дней Іеронимъ отправился дальше на Литву къ великому князю Витовту, и сопровождалъ его по Литвѣ и Руси. Описаніе этого путешествія представляемъ здѣсь по обвиненію Іеронима инквизиторомъ на Констанцскомъ соборѣ.

„Въ русскомъ краѣ существуетъ многолюдный городъ *Витебскъ*. Въ этомъ городѣ жители по большей части Русскіе или схизматики, придерживающіеся греческой секты, во многомъ уклоняющіеся отъ христіанской (т. е. католической) вѣры и заблуждающіеся. Въ этомъ городѣ есть соборная церковь русскаго закона, и существуетъ также монастырь францисканцевъ, живущихъ по закону истинныхъ христіанъ (т. е. католиковъ). Въ 1413 г., въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, князь Витовтъ, двоюродный братъ короля польскаго, прибылъ въ Витебскъ съ большимъ войскомъ и свитою, въ числѣ которой находился *Іеронимъ Пражскій*. Монахи и благочестивые христіане вышли на встрѣчу къ князю съ процессіей и хоругвями и священными мощами. А Русскіе или схизматики—съ ихъ превратными мощами и иконами, по своему проклятому обычаю, проклятою своею процессіею вышли также на встрѣчу князю и приняли его при въѣздѣ. Іеронимъ же во время въѣзда, покинувъ и презрѣвъ процессію монашествующихъ братій и христіанъ (т. е. католиковъ), пошелъ къ процессіи Рус-

---

[1]) Documenta M. J. Hus, 506. По этому письму епископа Іеронимъ говорилъ въ Краковѣ, что онъ приглашенъ королемъ Владиславомъ и Витовтомъ; но епископъ отрицаетъ это, по крайней мѣрѣ относительно короля.

кихъ, схизматическихъ и невѣрныхъ людей. И такъ, въ присутствіи четырехъ или пяти тысячъ человѣкъ обоего пола, преклонивъ колѣна, онъ сталъ поклоняться превратнымъ мощамъ и образамъ невѣрныхъ, схизматиковъ и Русскихъ, явно и публично обращаясь къ сектѣ тѣхъ невѣрныхъ схизматиковъ и отвращаясь отъ исповѣданья вѣрныхъ христіанъ. Въ слѣдующее затѣмъ время онъ поклонялся явно и публично превратнымъ мощамъ и образамъ, въ поруганіе христіанской вѣрѣ, говоря и утверждая положительно, на сколько онъ могъ и отъ него зависѣло, что секта Русскихъ и невѣрныхъ народовъ и ихъ вѣра будетъ и есть совершенная. Онъ, на сколько могъ, тщился, работалъ и старался, чтобы великаго князя Витовта, со всѣмъ его христіанскимъ народомъ, отвратить отъ христіанской вѣры и склонить оставаться въ сказанной сектѣ Русскихъ и невѣрныхъ народовъ. И такъ было и есть дѣйствительно, публично и гласно. Затѣмъ Іеронимъ, въ присутствіи преподобнаго отца, епископа Виленскаго, на отеческія его увѣщанія, подтверждая скверными устами свои заблужденія, въ поруганіе христіанской вѣры сказалъ положительно, что схизматики Русскіе суть хорошіе христіане, и онъ пребылъ въ тѣхъ своихъ заблужденіяхъ, одобряя тѣхъ Русскихъ и ихъ превратную вѣру. На Руси есть городъ Плесковъ, въ разстояніи около 100 нѣмецкихъ миль отъ границъ христіанъ. Іеронимъ въ 1413 г. прибылъ въ городъ Плесковъ и вступилъ въ церковь или синагогу тѣхъ Русскихъ и невѣрныхъ, во время службы, для поклоненія превратнымъ ихъ таинствамъ; и въ присутствіи нѣсколькихъ вѣрныхъ христіанъ, тамъ стоявшихъ, въ пренебреженіи ключей Петровыхъ, и въ поруганіе христіанской вѣры, а въ поддержаніе исповѣданья тѣхъ невѣрныхъ народовъ, преклонивъ колѣна, повергался тамъ ницъ предъ мнимыми ихъ дарами, явно, публично и гласно. Поведеніе Іеронима дало поводъ къ соблазну между христіанами и Русскими, тѣмъ болѣе, что Іеронимъ публично одобрялъ невѣру, схизму и ересь Русскихъ и подтверждалъ ихъ въ ихъ заблужденіяхъ. Дабы болѣе понравиться невѣрнымъ народамъ и показать имъ, что онъ слѣдуетъ ихъ сектѣ и превратной вѣрѣ, и уподобиться имъ и въ обычаяхъ, также какъ въ вѣрѣ, онъ по обряду невѣрныхъ отпустилъ

себѣ и носилъ длинную бороду и волосы, совершенно отринувъ и оставивъ одѣяніе и тонсуру клирика. Объ этомъ вездѣ публично говорили, особенно въ епархіяхъ Гнѣзенской и Пражской, въ Польшѣ, въ Чехіи и въ другихъ странахъ". Со всѣмъ этимъ, Іеронимъ соглашался и на Констанцскомъ соборѣ, и собирался защищать все это вновь [1]).

Іеронимъ показалъ себя и на Руси тѣмъ, „благороднымъ, знаменитымъ геніемъ и истиннымъ философомъ", какимъ его нашелъ три года спустя въ Констанцѣ Итальянецъ Поджо Брачолини, выдающійся изъ числа остальныхъ его темныхъ судей. И въ самомъ дѣлѣ, относиться тогда, въ фанатическомъ XV-омъ вѣкѣ, къ православному вѣроисповѣданію такъ, какъ это дѣлалъ Іеронимъ Пражскій, для этого надо было быть человѣкомъ необыкновенно сильнымъ, благороднымъ и просвѣщеннымъ; низкая брань инквизитора по адресу православныхъ Русскихъ и просвѣщеннаго Чеха выказываетъ этого послѣдняго въ свѣтѣ еще болѣе блестящемъ. Также и Гусъ защищалъ своего друга противъ клеветъ вѣнскаго профессора Зибарта, который публично обвинялъ Іеронима въ ереси и въ томъ, что онъ отправился къ польскому королю Владиславу и къ литовскому князю Витовту ради совращенія ихъ съ пути истинной вѣры. „Мало того", пишетъ Гусъ Зибарту († іюля 1413 г.), „что ты дерзнулъ коснуться зубами почтеннаго магистра Іеронима, ты коснулся и великихъ общинъ; не довольно тебѣ было Чехіи, но ты осмѣлился въ своемъ преподаваніи, съ дьявольскою наглостью, заклеймить обвиненіемъ въ еретичествѣ царство

---

[1]) Hardt: Concilium Constantiense (Francofurti et Lipsiae 1699) IV. 634, 752. Гильфердингъ, Гусъ 16; Пальмовъ, 182. Къ сожалѣнію не сохранилось съ чешской стороны никакого извѣстія объ этомъ любопытномъ путешествіи Іеронима.—Отъ этого магистра Іеронима Пражскаго надо отличать другого *Іеронима Пражскаго*, монаха камальдуенскаго, который послѣ возникновенія гуситскаго движенія бѣжалъ изъ Праги въ Польшу, и оттуда отправился въ Литву, гдѣ онъ, пользуясь благосклонностью Витовта, обращалъ Литовцевъ въ христіанство. Позже онъ былъ на соборѣ Базельскомъ, и здѣсь съ нимъ познакомился Энеей Сильвій, и узналъ отъ него многое о Литвѣ. Срв. Aeneae Sylvii Historia de Europa, cap. 26.

Славянъ, но я надѣюсь, лживо, по невѣжеству" [1]). Подъ этимъ славянскимъ царствомъ Гусъ подразумѣваетъ безъ сомнѣнія не Польшу, которую не нужно было называть еретической,—а скорѣе Литву и соединенную съ нею православную Русь, гдѣ Іеронимъ только-что путешествовалъ. Это путешествіе надѣлало тогда много шуму въ Польшѣ, Чехіи и въ другихъ странахъ, и католики въ Литвѣ и Руси навѣрное не преминули оглашать міру предосудительный по ихъ мнѣнію образъ дѣйствій чешскаго магистра, вмѣстѣ съ необходимымъ тогда осужденіемъ „невѣры, схизмы и ереси" Русскихъ, какъ выразился потомъ инквизиторъ [2]). Можетъ быть, еслибъ Гусъ и Іеронимъ остались дольше въ живыхъ и убѣдились въ невозможности примиренія съ Римомъ, они бы искали сношенія съ восточной церковью, какъ объ этомъ думали позже ихъ ученики. О Гусѣ былъ въ первой половинѣ XV вѣка распространенъ между Сербами слухъ, что онъ былъ въ Іерусалимѣ и на Синаѣ, и здѣсь познакомился съ православіемъ и съ греческимъ письмомъ; потомъ онъ „началъ въ Прагѣ ересь глаголемая Хусь, ихьже нѣціи близь православія глаголють быти" [3]).

Гуситскіе Чехи, умѣренные и усердные, въ послѣдствіи часто указывали симпатично на церковь восточную, греческую, ко-

---

[1]) Documenta M. J. Hus, 63.

[2]) Подобно тому какъ эти слова и дѣйствія чешскаго магистра казались инквизитору предосудительными, такъ соблазняется впослѣдствіи польскій каноникъ Длугошъ по поводу словъ императора Сигизмунда, которыя тотъ сказалъ на съѣздѣ въ Луцкѣ (1429 года): Nec reductioni Graecorum intendere expedit, cum unam fidem nobiscum profiteantur, barbis duntaxat et uxoribus a nobis secreti sunt; id tamen illis vitio non est, una enim uxore Graecorum presbyteri contenti sunt, Latini decem et amplius tenent. (Historia polon. IV. 368).

[3]) Такъ пишетъ тогда Сербъ Константинъ философъ въ житіи сербскаго князя Стефана (бѣлградскій Гласник 1875, кн. 42, стр. 313). Сербы (Расы, Рацы) бывали тогда въ Чехіи, какъ враги, въ войскѣ императора Сигизмунда. Во всякомъ случаѣ Сербы знали гуситовъ лучше, чѣмъ Греки, которые считали ихъ приверженцами Іисуса, Моисея и Магомеда. (Scriptores rerum hussit. III. 170).

торая-де тоже составляетъ часть общей церкви, и въ которой сохранился важный символъ гуситства, причащеніе подъ обоими видами; гуситы часто требовали, чтобъ на соборѣ всего христіанства были тоже Греки, Армяне, патріархъ изъ Константинополя, которые причащаются подъ обоими видами. Одинъ чешскій утраквистъ, въ концѣ XV вѣка совершившій путешествіе на востокъ до Іерусалима, думаетъ, что — какъ восточные христіане причащающіеся подъ обоими видами не еретики, такъ и Чехи утраквисты не еретики, а истинные сыны св. церкви. На греческую церковь ссылались не только утраквисты, но тоже Таборы, о соглашеніи которыхъ съ православной церковью нельзя было и подумать; ихъ епископъ Николай изъ Пельгримова называлъ греческую церковь непосредственной дочерью и ученицей апостоловъ и учительницей римской церкви [1]).

Когда чешскіе утраквисты, не смотря на всѣ торжественныя обѣщанія базельскаго собора, были Римомъ безпрестанно отталкиваемы, то они, желая выйти изъ этой своей изолированности, а также пріобрѣсти законную іерархію и духовенство, стали серіозно думать о соединеніи своей церкви съ греческой: „мысль смѣлая“ — говоритъ Палацкій — „и въ своихъ послѣдствіяхъ, еслибъ она осуществилась, неизмѣримая“. Первые слѣды этой мысли являются около 1447 г., когда чешскіе послы въ Римѣ угрожали, что Чехи обратятся въ другую сторону; годъ спустя сказалъ въ Прагѣ Петръ изъ Младеновицъ, ученикъ Гуса, папскому легату, что въ случаѣ неподатливости Рима—онъ услышитъ стран-

---

[1]) Срв. между прочимъ Archiv český VI. 421; Urkundl. Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges II. 211, 221, 515; Пальмовъ 147; Časopis Česk. Musea 1861, 273; Scriptores rer. hussit. II. 506. Одинъ древній чешскій лѣтописецъ восхваляетъ турецкаго султана за то, что онъ предпочиталъ христіанъ утраквистовъ христіанамъ, причащающихся подъ однимъ видомъ—того бога, который даетъ ѣсть и пить, тому, который даетъ только ѣсть, а не пить. Эти слова султана подѣйствовали на пана Яна Стражскаго такъ, что онъ, возвратившись съ востока въ Прагу, сталъ изъ jednušky podobojím. (Staři letopisové čeští, 216).

ныя вещи. Скоро утраквистская консисторія стала сноситься съ Царьградомъ, откуда получила благопріятное письмо, подписанное нѣсколькими архіереями, въ томъ числѣ и позднѣйшимъ патріархомъ Геннадіемъ (1452 г.); греческіе епископы радовались намѣренію чешскихъ утраквистовъ, увѣщевали ихъ соединиться съ восточной церковью, и надѣялись, что это соединеніе возможно, соглашаясь въ томъ съ утраквистами. Одинъ чешскій посолъ принятъ былъ въ Царьградѣ очень дружески, и Греки съ радостью прислушивались къ его выходкамъ противъ папы и къ его восхваленію греческой церкви. И въ самомъ дѣлѣ, если взять ученіе чешскихъ утраквистовъ, главная разница котораго отъ римско-католическаго состояла въ причащеніи подъ обоими видами и въ непризнаніи папы, то можно было ожидать, что чешская утраквистская церковь сойдется съ церковью греческой—православной. Но эти переговоры между Прагой и Царьградомъ, столь важные для будущности славянскаго міра, прекратились въ самомъ зародышѣ, именно вслѣдствіе паденія Царьграда и греческаго царства (1453) [1]. Но расположеніе къ восточной церкви осталось у чешскихъ утраквистовъ и впослѣдствіи. Послѣ паденія Царьграда прибыли въ Прагу два греческихъ священника; утраквистскій архіепископъ Янъ Рокицана принялъ ихъ любезно, разговаривалъ съ ними о религіи и позволилъ имъ справить литургію [2]. Также

---

[1]) Palacký: Dějiny národu česk. IV. č. I. str. 227, 259; Гильфердинга, Гусъ 43, 57; Пальмовъ 186. Письмо администраторовъ консисторіи въ Царьградъ отъ 29 сентября см. у Палацкаго: Urkundl. Beiträge zur Geschichte Böhmens in der Zeit Georgs von Poděbrad, 51. Такое же письмо отъ 14 ноября (Höfler: Scriptores rer. hussit. III. 176) только передѣланное первое.

[2]) Срв. рукопис. исторію чешскихъ братьевъ, приписываемую Благославу (рукоп. праж. университ. библ., I. 19), и Historia fratrum bohem. (Halae 1702, p. 15, приписыв. Коменскому). Оба эти братскіе писателя замѣчаютъ, что здѣсь оказалось, что и греческая вѣра „изобилуетъ суевѣріями, и что нечего искать истину и начало у Грековъ". Но мы сомнѣваемся, чтобъ обряды греческой церкви показались чешскимъ утраквистамъ столь „суевѣрными"; вѣдь и въ утраквистской церкви было много обрядовъ. Утраквисты не были братья.

и преемникъ Рокицаны, администраторъ Вячеславъ *Коранда*, все желалъ соединенія съ восточной церковью всей чешской церкви, католической и утраквистской. „Желательно, чтобъ Чехи узнали, что папа со своими — церковь западная, и чтобъ ее оставили и обратились бы къ восточной, и руководясь ею, поставили бы себѣ епископовъ своего языка, не Нѣмцевъ, не Итальянцевъ! Пользовались бы лучше свободой христіанской вѣры, и подобно тому какъ въ причащеніи подъ обоими видами, вода бы потекла и здѣсь истинной срединой". Утраквистовъ тогда упрекали въ томъ, что, когда между ними появлялся какой-нибудь Грекъ, Русскій или Рацъ (Сербъ), они принимали его съ особенной любезностью, будто онъ лучше другихъ христіанъ [1]). Это, такъ сказать, духовное родство съ православной церковью чувствовали чешскіе утраквисты долго. Когда въ 1554 г. несчастная русская княжна, Елизавета (Гальшка) Острожская и ея женихъ русскій князь Димитрій Сангушко прибыли въ Чехію, то ихъ въ городѣ Яромѣрѣ вѣнчали два священника — разсказываетъ неизвѣстный Яромѣрянинъ — одинъ подъ однимъ видомъ (католикъ), а другой подъ обоими видами (утраквистъ)—по той причинѣ, что князь Димитрій держался обряда подъ обоими видами, какъ его соблюдаютъ Греки [2]).

Причащеніе подъ обоими видами, общее церквамъ утраквистской и восточной, возбудило въ утраквистахъ мнѣніе, что этотъ обычай существовалъ въ Чехіи съ самаго начала христіанства, введеннаго тамъ изъ Греціи апостолами Кирилломъ и Меѳодіемъ, и что онъ сохранился здѣсь не смотря на всѣ преслѣдованія до временъ Карла IV. Такимъ образомъ утраквисты старались установить какъ-бы непрерывность причащенія подъ обоими видами съ начала христіанства въ Чехіи почти до Гуса, связывая себя съ церковью греческой. „Историческихъ доказательствъ" тогда, при полномъ недостаткѣ исторической критики, нашлось вдоволь; если чешскіе лѣтописцы могли разсказывать разныя разности о праотцѣ Чехѣ, то они точно также умѣли по-

---

[1]) Palacký: Dějiny národu českého, V. I. str. 350.
[2]) Časopis Česk. Musea 1852, str. 19.

томъ разсказывать разныя вещи о зачаткахъ христіанства въ Чехіи. Уже Іеронимъ сказалъ на соборѣ Констанцскомъ, что Чехи происходятъ отъ Грековъ и что потомъ въ Чехіи враждовали между собой „Греки“ и „Нѣмцы“, чтó продолжалось-де до временъ императора Карла IV [1]). Впослѣдствіи утраквистская консисторія, зная кое-что о дѣятельности обоихъ славянскихъ апостоловъ, утверждала, что св. апостолы „Цръга“ (чешская форма имени „Цырилль“), епископъ моравскій и чешскій, и Донатъ (!) испросили у папы, чтобъ онъ дозволилъ Чехамъ причащеніе подъ обоими видами: это разсказывали пражскіе послы утраквисты папскому легату въ Будинѣ (1525 г.), ссылаясь на какія-то „исторіи въ пражской коллегіи въ консисторіи“ [2]). Также утраквистскій священникъ Богуславъ *Билеёвскій* въ церковной хроникѣ чешской (1537) разсказываетъ разныя разности о причащеніи подъ обоими видами въ Чехіи съ самыхъ зачатковъ христіанства до временъ Карла IV. По примѣру утраквистовъ утверждали это также братскіе писатели—Іафетъ, Странскій, Коменскій и др. [3]).

Мысль о соединеніи утраквистовъ съ греческой церковью исчезла послѣ возникновенія нѣмецкой реформаціи, къ которой примкнула большая часть утраквистовъ. Ихъ остатки, получивъ отъ папы разрѣшеніе чаши (1564 г.), жили потомъ въ согласіи съ римской церковью.

Кромѣ утраквистовъ, о соединеніи которыхъ съ православными можно было думать, не переставали интересоваться восточною церковью также усердные гуситы, Таборы и впослѣдствіи ихъ духовные преемники, *чешскіе братья*. Эти послѣдніе, скоро послѣ возникновенія своей церкви (1457 г.), стали искать первоначальную чистую христіанскую церковь на востокѣ, гдѣ

---

[1]) Hardt: Concil. Constant. IV. 758.

[2]) Современникъ Bartoš: Kronika pražská, 182.

[3]) Гильфердингъ (Гусъ, 22) совершенно напрасно довѣряетъ разсказамъ Странскаго, которые имѣютъ такую-же цѣну, какъ подобныя сказки Гайка, Велеславина, Папроцкаго, Бѣльскаго и др. О причащеніи подъ обоими видами въ западной христіанской церкви, см. вышеупомянутыя сочиненія Васильева и Пальмова.

они хотѣли получать посвященіе для своихъ священниковъ; они думали, что такая церковь существуетъ въ Индіи, но узнали потомъ, что тамъ нечего искать такой церкви; впослѣдствіи они говорили въ Прагѣ съ Греками, и нѣкоторые Чехи были и сами въ Греціи, Сербіи, Россіи, Арменіи, Молдавіи, но и тутъ обманулись: волошскіе и русскіе священники посвящают-де кого-бы то ни было, только бы онъ имъ заплатилъ, какъ они дѣйствительно недавно посвятили трехъ лицъ изъ Чехіи, не зная какъ они себя ведутъ [1]). Но это желаніе—узнать чистую первобытную церковь христіанскую не оставляло братьевъ и позже; уже тридцать лѣтъ спустя стали они искать ее вновь, и послали (1491 к.) на востокъ особыхъ развѣдчиковъ для отысканія болѣе чистыхъ церквей. „Черезъ Польшу и Русь", разсказывается въ лѣтописяхъ чешскихъ братьевъ, „они отправились въ Константинополь, откуда нѣсколько лѣтъ тому назадъ предлагалось Чехамъ, когда тѣ отказались отъ папы, соединеніе съ греческой церковью. Братья, желая этого соединенія, хотѣли прежде всего посмотрѣть на религію и бытъ Грековъ. Пробывши въ Константинополѣ, они разъѣхались: *Лука* Пражскій—въ земли греческія, рыцарь *Марешъ Коковецъ* въ Москву и въ другія области славянскаго языка, Мартынъ *Кабатникъ*, мѣщанинъ Лютомышльскій, въ Азію, Палестину и Египетъ, а *Каспаръ* изъ Мархіи (марки, вѣроятно Вальденецъ) хворая ждалъ ихъ въ Константинополѣ, но однакожъ осмотрѣлъ между тѣмъ Ѳракію. Эти развѣдчики благочестія, возвратившись домой, сообщили своимъ, что они не нашли ничего, чего искали. Такимъ образомъ обманулись въ своихъ надеждахъ всѣ тѣ, кто, желая воспользоваться добрыми примѣрами чужихъ

[1]) Братскій трактатъ 1471—73 гг., который Палацкій (Dějiny n. č. IV. I. 431) приписываетъ брату Григорію, что́ Голлъ (Quellen u. Untersuchungen zur Geschichte d. böhm. Brüder I. 103) отрицаетъ. Срв. Анненкова: Гуситы въ Россіи въ XV и XVI стол. (Странникъ 1878, мартъ).—Около этого времени многіе угорскіе гуситы бѣжали въ Молдавію, гдѣ они основали городъ *Гусъ* (*Гушъ*), *Хусъ* (Hus) на Прутѣ. См. Hunfalvy: Ethnographie von Ungarn, 266, I. Иречекъ въ Časopis Česk. Musea 1885, стр. 387.

церквей, не пожалѣлъ труда и денегъ: до такой степени тѣ когда-то процвѣтавшія церкви поблекли. Ибо они увидали повсюду людей—христіанъ, которые, точно сговорившись, преданы были разврату, основывали религію на суевѣріяхъ и на поклоненіи образамъ, пренебрегали болѣе важными дѣлами въ завѣтѣ; они увидали священниковъ, которые превосходили народъ распутствомъ, но не позволяли никому ихъ наказывать. И убѣдились они, что правы были тѣ, которые говорили имъ объ испорченности всего христіанскаго міра и отсовѣтывали имъ такое путешествіе" [1]). Иного результата это путешествіе имѣть не могло; строгіе взгляды чешскихъ братьевъ на разные вопросы вѣры и нравственности нельзя было примирить съ ученіемъ ни церкви латинской, ни греческой, ни утраквистской, и братья Лука или Коковецъ не могли смотрѣть на греческую церковь такъ, какъ нѣкогда Іеронимъ Пражскій.

Чешскіе братья, не находя первобытной чистой христіанской церкви и видя повсюду въ мірѣ испорченность, грѣховность и развратъ, стали скоро считать *себя* такою чистою церковью, и думать о ея распространеніи, преимущественно на славянскомъ востокѣ, въ земляхъ польскихъ и русскихъ. Къ этому ихъ побуждали сами нѣмецкіе реформаторы. „Будьте вы апостолами народа чешскаго и славянскаго, я со своими будемъ апостолами нѣмецкими", сказалъ Лютеръ братьямъ Августѣ и Израилю (1542), а Буцеръ уже раньше сказалъ брату Червенкѣ, что братья посредствомъ своего славянскаго языка могутъ служить болѣе распространеннымъ народамъ, чѣмъ Нѣмцы своимъ языкомъ [2]).

Первымъ поприщемъ такой апостольской дѣятельности бра-

---

[1]) По чешскому переводу книги Поляка *Ласицкаго*: Historie bratří českých (изд. 1649, 1765, 1869). Объ этомъ разсказываютъ и другіе историки общины чешскихъ братьевъ: Благославъ (срв. Goll: Quellen 123), Камерарій, Коменскій, тоже Венгерскій (Regenvolscius: Systema histor.-chron. eccles. slavon.) и др. Изъ тѣхъ развѣдчиковъ одинъ Кабатникъ, насколько знаемъ, описалъ свое путешествіе (срв. Výbor z literatury české II. 1015). Жаль, что именно Коковецъ не описалъ своего путешествія.

[2]) Ласицкій 233, 237, Венгерскій 58.

тьевъ была Польша, куда они, прогнанные изъ родины, обратились—какъ къ своимъ соплеменникамъ (1548). Братское вѣроисповѣданіе пріобрѣло тутъ много приверженцевъ, особенно въ Великой Польшѣ, и заняло важное мѣсто рядомъ съ другими двумя некатолическими вѣроисповѣданіями, кальвинскимъ и лютеранскимъ. Въ Польшѣ, именно на Литвѣ и Руси, братья опять встрѣтились съ церковью греческой, православной. Во время упадка протестантизма и усиленія католицизма въ Польшѣ въ ущербъ „диссидентамъ“ (протестантамъ) и „дисунитамъ“ (православнымъ не принявшимъ уніи съ Римомъ), возникла среди всѣхъ не-католиковъ въ Польскомъ государствѣ мысль войти другъ съ другомъ въ болѣе тѣсныя сношенія противъ общаго противника; да нѣкоторые диссиденты думали о соглашеніи всѣхъ не-католиковъ и о соединеніи протестантовъ и православныхъ въ нѣкое церковное общество,—мысль довольно странная. Для этой цѣли собрались въ Вильнѣ въ 1599 г. старшины всѣхъ трехъ вѣроисповѣданій, соединившихся такъ называемымъ соглашеніемъ (консенсомъ) Сандомѣрскимъ, т. е. чешскаго, гельветскаго и аугсбургскаго, и нѣсколько православныхъ русскихъ епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ. Были здѣсь Симеонъ Турновскій (чешскаго происхожденія), Миколаевскій, Гличнеръ и др. Но скоро оказалось, что о какомъ-либо болѣе тѣсномъ соединеніи протестантизма и православія нельзя даже и думать; уже въ собраніи у князя Острожскаго какой-то православный монахъ, протягивая тѣмъ старшинамъ руку, сказалъ не очень вѣжливо: „хотя священное писаніе запрещаетъ говорить еретикамъ даже здравствуй, мы всетаки считаемъ васъ достойными такой вѣжливости“. Но не смотря на эти препятствія, старшины изъ Польши и изъ Литвы, Гличнеръ, Турновскій, Миколаевскій, Яницкій и Пётровскій, послали Царьградскому патріарху Мелетію письмо (6 іюня), въ которомъ они заявляютъ свое желаніе соединиться съ церковью болѣе чистою и независимою отъ Рима. „Такою церковью мы считали всегда восточную церковь въ Греціи и между людьми одного съ нами языка въ Москвѣ, Руси и Литвѣ“. Между прочимъ они указываютъ на какое-то письмо патріарха Никомеда (?) чешскимъ братьямъ (ad fratres Bohemos), вѣроятно—то письмо изъ Царь-

града утраквистамъ 1452 г.; Турновскій писалъ потомъ патріарху еще особо объ этомъ письмѣ „моимъ предшественникамъ и предкамъ въ Чехіи". Само собой разумѣется, что все это ни къ чему не повело [1]). Чешскій братъ Турновскій, хотя онъ тогда говорилъ уже по-польски, чувствуетъ себя сдѣсь Чехомъ и думаетъ опять о соединеніи съ „болѣе чистой" церковью греческою. Любопытно, что еще въ началѣ XVIII в. подобная тому мысль соединенія польско-литовскихъ „диссидентовъ" съ „дисунитами", мысль „возобновленія конфедераціи съ старой Русью", конечно только съ цѣлью политическою, вышла также отъ чешскихъ братьевъ, именно отъ ихъ старшины въ Великой Польшѣ, Яблонскаго [2]).

Чешскіе братья думали, что они и въ восточной Руси, въ Москвѣ, найдутъ почву для своей апостольской дѣятельности, тамъ, гдѣ въ концѣ XV в. искалъ чистую вѣру ихъ предшественникъ, рыцарь Коковецъ. Чтобъ лучше понять эту мысль чешскихъ братьевъ, надо знать, что тогда, въ половинѣ XVI в., въ Москвѣ появился раціоналистскій толкъ Матвѣя Башкина и Ѳеодосія Косого, что въ 1552-омъ г. прибыли въ Витебскъ три православныхъ монаха изъ глуби московской Руси и ратовали противъ обрядовъ и образовъ. На съѣздѣ въ Вильнѣ 1599 г. Николай Зеновичъ, русскій кальвинистъ изъ Литвы, сказалъ, что и московскіе Русскіе склонны къ евангелію; сотни ихъ прибываютъ въ Витебскъ и въ другія пограничныя мѣста на богослуженіе, и жадно читаютъ и покупаютъ польскую библію, изданную кальвинистами въ Берестьѣ, и новый завѣтъ, изданный въ Вильнѣ иждивеніемъ Зеновича; и въ Москвѣ-де открывается обильная жатва, только чтобъ не было недостатка въ работникахъ. Обо всемъ этомъ братья несомнѣнно имѣли хорошія свѣдѣнія, и думали о пріобрѣтеніи новыхъ приверженцевъ также въ обширномъ восточно-славянскомъ государствѣ; а старшина великопольскихъ братьевъ, Янъ *Рокита*, Чехъ происхожденіемъ, думалъ даже объ обращеніи са-

---

[1]) Regenvolscius, 487.

[2]) Łukaszewicz: Historya helweck. wyznania w Litwie, I. 315.

мого царя Ивана. Рокита находился въ польскомъ посольствѣ въ Москву (1570 г.), членами котораго были два великопольскихъ пана братскаго вѣроисповѣданія, Янъ изъ Кротошина и Рафаилъ изъ Лещна (Лешна, Лещинскій), и рѣшился на это путешествіе главнымъ образомъ съ цѣлью миссіонерской. „Одно меня утѣшаетъ", пишетъ Рокита передъ отъѣздомъ брату Червенкѣ (1569 г.), „что народъ московскій употребляетъ славянскій языкъ, и что, можетъ быть, при этомъ случаѣ богъ можетъ явиться въ томъ густомъ мракѣ" [1]. Въ разговорѣ съ царемъ, вѣроятно на польскомъ языкѣ, Рокита излагалъ свое исповѣданіе въ отвѣтахъ на вопросы царя, касающіеся разныхъ статей вѣры. Царь спрашивалъ у Рокиты, чтó онъ учитъ, какого онъ мнѣнія о постахъ, зачѣмъ не кланяется св. образамъ, исповѣдуетъ ли ученіе Лютера и пр. Рокита представилъ царю свои отвѣты также письменно и получилъ отъ него обширное изложеніе православнаго вѣроученія на языкѣ словѣнско-русскомъ, которое лучше всего доказываетъ полную невозможность какого-бы то ни было соглашенія обоихъ вѣроисповѣданій, братскаго и православнаго. Царь Иванъ отнесся къ Рокитѣ и къ ученію его и Лютера („Люторъ" — лютъ) съ большимъ презрѣніемъ; онъ сначала не хотѣлъ даже отвѣчать, такъ какъ не слѣдуетъ давать святыя вещи псамъ и метать бисеръ передъ свиньями, и упрекалъ Рокиту, что ученіе его и Лютера противится ученію Христа, и что Рокита не только еретикъ, но и слуга Антитриста дьявольскаго совѣта. „И впредь", кончаетъ царь, „чтобъ ты этого своего ученія не проповѣдывалъ въ нашей землѣ. Мы же усердно молимся Господу нашему Іисусу Христу всѣхъ спасителю, чтобъ онъ спасъ насъ русскій родъ отъ мрака вашей невѣры" [2]. Такимъ образомъ,

---

[1]) Gindely: Quellen zur Geschichte der böhm. Brüder, 124. Срв. Časopis Česk. Mus. 1876, 749, и статью Анненкова.

[2]) Рокита описалъ свой разговоръ съ царемъ по-польски, и Ласицкій перевелъ его и ту словѣнско-русскую рукопись (ex inculto ac horrido moscovitico) на языкъ латинскій: De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione (Spirae 1582). Та рукопись въ богатомъ переплетѣ хранилась у братьевъ еще въ половинѣ XVII в. (Regen-

разъ—обѣ стороны упрекали другъ друга въ мракѣ, должно было кончиться ничѣмъ всякое апостольство братьевъ въ Москвѣ, и изчезла надежда на возможность какого-либо соглашенія церквей братской и православной. Братья, сѣтуя на печальное положеніе своей церкви послѣ паденія чешскаго государства (1620 г.), утѣшаются по крайней мѣрѣ тѣмъ, что „и церкви другихъ славянскихъ народовъ не въ лучшемъ положеніи, будучи отягчены игомъ папскимъ и турецкимъ, или же полны многочисленныхъ суевѣрій церкви греческой. Помилуй Іисусъ Христосъ свой христіанскій народъ столькими способами изсѣченный и разрубленный!“ [1]).

---

volscius, 91). Недавно нашелся отвѣтъ царя Рокитѣ въ двухъ рукописяхъ, въ Холмѣ (напечат. въ Холмско-Варшав. епарх. Вѣстникѣ 1878) и въ Москвѣ (напеч. въ москов. Чтеніяхъ 1878, II).

[1]) Historia fratrum bohem. (Halle 1702, 46), приписываемая Коменскому.

V.

ЮГОСЛАВЯНЕ ВЪ СНОШЕНІЯХЪ МЕЖДУ СОБОЙ И СЪ ПРОЧИМИ СЛАВЯНАМИ.

Югославяне католики и Славяне православные, патарены и гуситы *).

Раздѣленіе христіанской церкви на восточную и западную, со всѣми своими религіозно-культурными послѣдствіями, коснулось особенно южныхъ Славянъ; кромѣ того между ними сильно распространилась секта Богомиловъ или Патаренъ (Павликіянъ). Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же народѣ явились приверженцы церкви восточной—греческой православной, церкви западной—римско-католической и церкви богомильской или патаренской; всѣ эти церкви относились враждебно другъ къ другу, православные къ „латинянамъ", католики къ „схизматикамъ", и тѣ и другіе къ „еретикамъ" патаренскимъ. Но всѣ они считали себя истинными христіанами; патарены называли себя не иначе, какъ „крьстіяне, крьстяне" (christiani), а у православныхъ и католиковъ установился такой обычай, что первые стали называть себя хришћане (ришћане)", а другіе „кршћане" (krštjani,

*) Только этотъ отрывокъ или главу и успѣлъ написать авторъ изъ отдѣла, который очевидно долженъ былъ быть посвященъ сношеніямъ (историч. и культурнымъ) Южныхъ Славянъ между собою и съ прочими Славянами. Оставшіяся еще кое-какія выписки и замѣтки не представляютъ ничего связнаго. *Ред.*

krstjani, или какъ босенскіе фратры писали кирилицею: карстяни). Эти два названія сдѣлались на славянскомъ югѣ, у Сербовъ и Хорватовъ, особыми конфесіональными терминами, не говоря о другихъ первоначально бранныхъ, но потомъ безобидныхъ названіяхъ. Такъ католики Хорватіи (Славоніи), Далмаціи и Босніи, не долюбливая православныхъ Влаховъ (Волоховъ, Румынъ, пастуховъ, мужиковъ), стали ихъ именемъ называть въ презрительномъ смыслѣ всѣхъ православныхъ вообще „влахами“, а въ сѣверной Далмаціи тоже „хркаћами, ркаћами“ (серб. хркати—спорить, ркати — храпѣть); православные же называли католиковъ шокцами (вѣроятно по итал. sciocco—дуракъ). Сербы католики въ южной Угріи (въ Бачкѣ) называются Буневцы (Буњевац, переселенцы отъ рѣки Буны въ Герцеговинѣ? или буњак — дрянь), и пишутъ латиницею свой „буњевачки“ языкъ; ихъ соплеменники, католики Болгаре въ южной Угріи (въ Банатѣ) и въ самой Болгаріи сохранили свое старинное конфесіональное названіе Павликіянъ (Паулићане, Палућене), хотя они съ XVII в. католики. У католическихъ Хорватовъ, Далматинцевъ и Босняковъ слово „Сербъ“ означало тоже православнаго (срьблинь и латининь, попь срьбьски, въ дубровницкихъ памятникахъ XIV в.); „сербскимъ“ они называли только кириловское письмо, но не языкъ „словинскій“ (илирскій, хорватскій, далматинскій, босенскій, дубровницкій), который однако былъ тоже сербскій. Разница вѣроисповѣданій, вмѣстѣ съ политическимъ и національнымъ раздробленіемъ, породили тотъ печальный партикуляризмъ, который издавна раздѣляетъ и разрываетъ именно Хорватовъ и Сербовъ.

Римская курія, сплотивши всѣхъ католическихъ Югославянъ подъ своею рукою, видѣла въ нихъ, въ ихъ духовенствѣ, важное орудіе для распространенія своей власти и своего вліянія *)....

Въ виду католической пропаганды среди православныхъ Славянъ папы Григорій XIII (1580) и Урбанъ VIII основали въ го-

*) Тутъ видимо пропускъ. *Ред.*

родѣ Лоретѣ особую іезуитскую колегію для „илирской“ молодежи. Папа Урбанъ, возобновляя эту илирскую колегію (1627 г.), указываетъ на огромное распространеніе „илирскаго“, т. е. Славянскаго народа (illyricae gentis) въ Европѣ и въ Азіи, который нынѣ по большей части находится подъ турецкимъ игомъ и принадлежитъ къ „схизматикамъ“. Воспитанниками лоретской колегіи должны поступать юноши илирскіе, знающіе языкъ и, если возможно, тоже литературу илирскую, изъ всѣхъ югославянскихъ странъ, изъ Далмаціи и Хорватіи, Босніи, Сербіи (Смедерева, Ниша, Призрена), Македоніи (Скопля) и Болгаріи; послѣдніе должны быть здѣсь тоже воспитываемы среди своихъ илирскихъ соплеменниковъ (inter connationales illyricos) [1].

Со временъ уніи одной части русской церкви съ Римомъ, папа могъ расчитывать, въ своихъ планахъ относительно православныхъ Славянъ, также на содѣйствіе русскихъ уніатовъ, которые съ тѣхъ поръ часто бывали въ Римѣ и увеличили ряды разныхъ Славянъ, Чеховъ и Поляковъ, Словенцевъ и Хорватовъ католическихъ Сербовъ и Болгаръ. Такимъ образомъ сгрупировались около Ватикана представители разныхъ Славянъ, католиковъ и уніатовъ, готовые исполнять всѣ приказанія папы. Изъ рядовъ славянскаго духовенства папа часто выбиралъ подходящія орудія для своихъ плановъ среди Славянъ не-католиковъ.

Съ конца XIII вѣка францисканцы изъ провинціи „Славоніи“ (т. е. Хорватіи и Далмаціи) стали дѣйствовать противъ патаренъ въ Боснѣ. Самъ папа выбралъ ихъ именно потому, что они знали языкъ этой страны (regionis illius idiomatis non ignari) и такихъ знатоковъ „словенскаго языка“ (liguae sclavicae) требовали и владѣльцы Босны. Съ тѣхъ поръ францисканцы дѣйствовали среди патаренъ и православныхъ въ Боснѣ, Герцеговинѣ, Сербіи

---

[1]) Theiner: Vetera Monumenta Slavorum meridionalium II, 124, Arkiv za povjestnicu jugoslav. II. 90. Въ лоретской колегіи воспитывался знаменитый Болгаринъ Парчевичъ. Въ Лоретѣ издалъ іезуитъ Микаля свой „словинскій“ словарь (1649), особенно для священниковъ „илирскаго народа“; словарь напечатанъ на счетъ конгрегаціи de propaganda fide.

и Болгаріи, въ пользу католицизма, насколько это въ тѣхъ странахъ было возможно. Они познакомились съ письмомъ кирилловскимъ „сербскимъ“ и стали его употреблять въ своихъ „словинскихъ“ или „босенскихъ“ книгахъ [1]). Легче было дѣйствовать въ странахъ подвластныхъ католическимъ государямъ, какъ въ Далмаціи и Хорватіи. Въ приморскихъ владѣніяхъ Дубровника, которыя онъ въ XIV в. пріобрѣлъ отъ Босны, проживавшіе тамъ православные и патарены, благодаря рвенію францисканцевъ, обращены въ католицизмъ, и „сербскіе попы“ скоро сдѣлались излишними и ушли на Св. Гору аѳонскую; съ тѣхъ поръ однако Дубровчане платили извѣстныя денежныя вспомоществованія „сербскимъ“ монастырямъ на Аѳонѣ, хиландарскому и св. Павла; если же, въ концѣ XIV в., кое-гдѣ встрѣчаются „словинскіе“ священники (presbyter sclavichus), то они не были уже сербскіе, т. е. православные, а далматинскіе католики-глаголяши. Еще до позднѣйшихъ временъ (XVIII в.) употреблялся отчасти и въ латинской литургіи народный языкъ словинскій по переводамъ В. Кашича (lingua slavonica B. Cassich ad ragusinam dialectum et usum ab ipso adornata); такъ было особенно по деревнямъ, гдѣ евангелія и епистолы читались по-латыни и по-словински [2]). Въ Хорватіи и Угріи католическая пропаганда имѣла въ виду прежде всего православныхъ Сербовъ (Влаховъ, Ускоковъ), поселенныхъ въ хорватской Военной Границѣ. Въ 1629-омъ г. люблянскій епископъ Кренъ совѣтовалъ туда послать фратровъ босенскихъ, и около этого времени дѣйствовалъ между этими Сербами русскій уніатъ Меѳодій Терлецкій. Здѣсь же дѣйствовалъ въ 1641 г. тоже францисканецъ Рафаилъ Леваковичъ, хорватъ провинціи босенско-хорватской (Херващанин државе Босне

---

[1]) Срв. Rački: Bogomili i Patareni (1870), Batinić: Djelovanje franjevaca u Bosni i Hercegovini (1881), Jukić: Bosanski prijatelj (1850—1853).

[2]) Miklošič, Monumenta Serbica 108, Vučetić въ Starine XVII, 1. и въ дубровницкомъ журналѣ Slovinac 1882, стр. 30; Дубровчанинъ J. Mattei у Макушева, Изслѣдованія объ истор. памятникахъ Дубровника, стр. 6.

Херватске), который пылалъ усердіемъ распространять католицизмъ среди „схизматиковъ, преимущественно нашего языка", зналъ въ совершенствѣ сербскій языкъ и письмо (linguam valachicam et scripturam cyrillicam, qua Valachi utuntur), и около этого времени, вмѣстѣ съ русскими уніатскими священниками, „исправлялъ" словѣнскій языкъ въ хорватско-глаголическихъ церковныхъ книгахъ [1]). Послѣ Леваковича дѣйствовалъ между этими „Влахами" его землякъ и современникъ, Юрій Крижаничъ, который вообще приготовлялся къ мисіонерской дѣятельности среди „схизматиковъ" Славянъ [2]). Къ православному вѣроисповѣданію Сербовъ въ Хорватіи, Славоніи и Угріи придирались хорватскіе и угорскіе католики въ теченіе XVII и XVIII вв. безпрестанно; да опасность угрожала и древнему кириловскому письму Сербовъ, которое правительство хотѣло замѣнить латинскимъ.

Босенскіе и другіе францисканцы повліяли вѣроятно и на временное уніатское движеніе, которое явилось въ самомъ концѣ XVI вѣка среди Сербовъ Турціи, именно въ Герцеговинѣ и Старой Сербіи. Тогда сербскій патріархъ въ Печи Іоаннъ и митрополитъ герцеговинскій Висаріонъ признали главенство папы. Это уніатское движеніе находилось въ связи съ политическимъ движеніемъ турецкихъ Сербовъ, которые (1594 и 1606) предлагали папѣ и императору свое содѣйствіе въ войнахъ съ Турками. Посредникомъ между папою и императоромъ съ одной стороны и Сербами и ихъ духовными и свѣтскими начальниками—съ другой былъ между прочимъ тоже францисканецъ Доминикъ Андріашевичъ [3]).

---

[1]) Arkiv za povjestnicu jugoslav. II. 127, IX. 297; Starine XVIII, 211. Унія среди Сербовъ въ хорватской Военной Границѣ привилась, съ помощью военной силы, только въ XVIII вѣкѣ, о чемъ см. статью Швикера въ Archiv für österreich. Geschichtsquellen, Bd. 52, и тоже Фидлера въ томъ же Archiv 37, и въ Sitzungsberichte 1861.

[2]) См. о Крижаничѣ „Славяне" т. II, стр. 309 и сл.

[3]) См. письма папы Климента VIII 1598 — 1500 г. Joanni archiepiscopo Rasianorum. et Bessarioni metropolitae Serviae, и барскому архіепископу (Theiner: Monumenta Slavorum merid. II. 90—94); P. Balan: Delle relazioni fra la chiesa cattolica e gli Slavi della Bul-

Босенскіе францисканцы расираспространяли и укрѣпляли католицизмъ также въ Болгаріи, гдѣ центромъ католицизма былъ городъ Чипровецъ (Чипоровцы) въ западной Болгаріи. Въ XVII в. остатки Богомиловъ — Павликіянъ въ Болгаріи приняли католицизмъ, но сохранили это свое старинное названіе (Паулиħане) и какъ католики—въ Болгаріи, въ Семиградіи и Угріи, куда многіе переселились; въ томъ числѣ были тоже боляре Пеячевичи, возведенные впослѣдствіи (1772) въ графское достоинство. Болгарскіе католическіе священники, францисканцы и іезуиты, воспитывались въ Римѣ и Лоретѣ, позже и въ Угріи [1]).

Болгарскіе католики, воспитываясь въ Римѣ, Лоретѣ, а позже и въ Хорватіи и Угріи среди своихъ „словинскихъ соплеменниковъ" (inter connationales illyricos), привыкали къ этому близкому имъ языку словинскому или илирскому. Такое вліяніе словинскаго языка замѣтно въ первой печатной книгѣ на народномъ

---

garia, Bosnia, Serbia, Erzegovina (Roma, 1880), p. 207. Этотъ архіепископъ патріархъ сербскій и болгарскій Іоаннъ заявилъ позже (1608) готовность вѣнчать фантастическаго герцога савойскаго Карла Эмануила, мечтавшаго объ освобожденіи христіанскихъ народовъ на балкан. полуостровѣ, въ короли Болгаріи, Сербіи, Герцеговины, Босніи и Македоніи. См. Историческій Вѣстникъ 1889, I. 180. Письма сербскихъ начальниковъ и императора Рудольфа и эрцгерцога Фердинанда (1594 и 1606 гг.) сообщилъ Фидлеръ въ Slavische Bibliothek II. 288. Сербскій языкъ этихъ писемъ чисто народный, какъ его употребляли босенскіе францисканцы; поэтому встрѣчаются здѣсь слова Висарионь бискупъ, свети отаць папа, карьсьтианьсьтво, Иезусь Исукарьсьть (!) и пр. Сербское письмо императора Рудольфа „Иовану патриарки од Пеħи" писано какою-то странною орѳографіею (у Праси, т. е. Прази; зарбскому, т. е. сарбскому; шивиети, т. е. живиети).

[1]) О францисканцахъ (босенскихъ и дубровницкихъ) въ сербскихъ и болгарскихъ странахъ см. записку Матвѣя Гундулича, дубровницкаго посла при Портѣ, 1674 г. (Banduri: Imperium orientale II, animadversiones, p. 99); Batinić II 79; К. Иречекъ, Исторія Болгаръ 594 — 613 и поправку Е. Ферменджина въ Starine XVIII. 210, а также и монографію Пеячевича о П. Парчевичѣ. Одинъ изъ самыхъ выдающихся болгарскихъ католич. священниковъ былъ вышеупомянутый Петръ Парчевичъ.

болгарскомъ языкѣ,—въ молитвенникѣ, напечатанномъ кирилицею въ Римѣ 1651 г. Эту книгу издалъ католическій епископъ болгарскій, Филипъ *Станиславовъ*, „свуоиему народу болгарскому". Вліяніе словинскаго языка видно въ нѣкоторыхъ словахъ и даже въ правописаніи; авторъ пишетъ напр. кашта (къшта) и кукиа (куЂа), серце и сарце, даже огагн (т. е. огань, по словинско-итал. правописанію ogagn), ъ очень рѣдко. Станиславовъ употребляетъ еще слова христіанской терминологіи православно-греческаго происхожденія: цар и царство, архииереи, попи, калугиери и пр. (хотя онъ самъ называется „бискуп"); въ молитвѣ Господней: хлеб наш васдашни, грехи — далги, далшником, напаст, сбави ни од лукавога. Впослѣдствіи однако кирилица въ книгахъ для Павликіянъ вышла изъ употребленія и замѣнена латиницею по правописанію илирскому; также устранена церковная терминологія греческо-славянская, а введена терминологія латинско-славянская [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ русскій митрополитъ Исидоръ во Флоренціи принялъ унію (1439), папская курія не упускала изъ виду великій славянскій народъ на востокѣ, Русь, лелѣя надежду, что онъ послѣдуетъ примѣру своего митрополита. Въ Римѣ и на славянскомъ югѣ хорошо знали и понимали значеніе словъ спутника Исидора, суздальскаго инока Симеона, что у Хорватовъ—черезъ земли которыхъ Русскіе путешествовали — „языкъ съ Руси а вѣра латинская" [2]). Объ этихъ Хорватахъ или Словинахъ вѣры латинской, говорившихъ языкомъ съ Руси, папская курія не разъ вспомнила, строя планы относительно распространенія католицизма на славянскомъ востокѣ. Этихъ „Словѣнъ, Словенъ" знали тоже на Руси, не только въ польско-литовской,

[1]) О книгѣ Станиславова см. статьи М. Петровскаго въ Славянскомъ Сборникѣ II. (1877) и Лескина въ Archiv für slavische Philologie III. 518. Примѣры болгарскаго языка писаннаго латиницею (и греческимъ письмомъ) см. въ статьѣ Миклошича о болгар. правописаніи въ вѣнскихъ Denkschriften XXXIV.

[2]) Сахаровъ: Сказанія русскаго народа II. (Путешествія русскихъ людей, стр. 88).

а тоже въ московской. Не даромъ требовалъ великій князь Иванъ III отъ императора Максимиліана (1490) „писати грамоту свою рускимъ письмомъ, будетъ у него писецъ Сербинъ или Словѣнинъ, а не будетъ такого писца, кому по руски писати, ино по латински или по нѣмецки". А около этого времени въ Новгородѣ проживалъ югославянскій доминиканецъ Веніаминъ „родомъ Словенинъ а вѣрою латининянинъ", и переводилъ, по повелѣнію архіепископа Генадія, нѣкоторыя библейскія книги „съ латинска языка на русы"[1]). Въ Римѣ не могло-же остаться тайною, что знаніе какого-нибудь славянскаго языка приноситъ иностраннымъ посламъ въ Москвѣ большую пользу, какъ напр. посламъ римскаго императора Герберштейну и Кобенцелю, знавшимъ краньско-словенскій языкъ. Югославянское католическое духовенство, бѣлое и черное, дѣйствовало въ интересахъ католицизма среди славянскихъ „схизматиковъ" Сербовъ и Болгаръ, и „еретиковъ"—патаренъ и гуситовъ: оно могло Риму сослужить службу и среди „схизматической" Руси, поддержать мысль митрополита Исидора. Здѣсь, на славянскомъ востокѣ давно дѣйствовали уже другіе славянскіе слуги Рима, польскіе епископы, разные монахи, потомъ іезуиты, надѣясь со временемъ заполонить для Рима всю Русь, польско-литовскую и московскую. Эти надежды не были лишены извѣстной доли вѣроятности, такъ какъ вліянію польскаго духовенства и іезуитовъ удалось въ концѣ XVI вѣка (1590 — 1596) привить среди одной части православнаго духовенства въ польско-литовской Руси давно забытую унію восточной церкви съ Римомъ. Такимъ образомъ уніятская Русь сдѣлалась, на равнѣ съ католическимъ польскимъ и югославянскимъ духовенствомъ, важнымъ орудіемъ римской ecclesia militans среди православныхъ Славянъ. Русскіе уніяты бывали часто въ Римѣ и сносились съ югославянскимъ католическимъ духовенствомъ; одинъ изъ нихъ, Меѳодій Терлецкій, впослѣдствіи

[1]) Памятники дипломат. сношеній древней Россіи съ державами иностранными I. 41; Описаніе славянскихъ рукописей москов. синодальной библіотеки I. 128; Описаніе рукописей Румянцев. Музея, 164.

епископъ холмскій, въ 1628 — 1629 гг., по внушенію папы и римскаго императора, дѣйствовалъ въ хорватской Военной Границѣ среди тамошнихъ православныхъ Сербовъ въ пользу уніи, что́ доставляло люблянскому епископу, Ѳомѣ Крену, большое удовольствіе [1]). Распространеніе уніи среди православныхъ Югославянъ возбуждало, конечно, большое удовольствіе и въ Польшѣ, въ рядахъ правительства и духовенства, которыя не преминули указывать и Русскимъ на такіе успѣхи католицизма въ югославянскихъ странахъ. Польскій король Сигизмундъ III въ письмѣ князю Острожскому (1595) указывалъ на готовность „волоскихъ, сербскихъ и болгарскихъ бискуповъ“ подчиниться папѣ, и скоро послѣ того утверждали въ Польшѣ, что въ 1601 г. „Іона“ (т. е. вышеупомянутый Іоаннъ), патріархъ сербскій и болгарскій, со всѣми митрополитами, епископами, воеводами, князьями и главарями королевства сербскаго отступилъ отъ царьградскаго патріарха и поддался папѣ [2]).

На новаго папу Климента VIII возлагали католическіе Югославяне большія надежды. Хварскій епископъ Петръ Чедолини, поздравляя новаго папу (1592), выражаетъ радость свою и народа словинскаго (gentis meae et linguae illyricae) по поводу избранія такого папы, который познакомился еще во время своего посольства въ Польшѣ съ положеніемъ дѣлъ у народовъ славянскихъ (linguae illyricae). Славянскія страны (Illyricum) отчасти подвластны Туркамъ, отчасти пребываютъ отдѣленными отъ римской церкви; въ тридцати огромныхъ странахъ раздается славянскій языкъ—во Ѳракіи, Мизіи, Македоніи, Боснія, Дакіи, во всѣхъ странахъ между Дунаемъ и Днѣпромъ, въ Пайоніи, Далмаціи,

---

[1]) Arkiv za povjestnicu jugoslav. II. 128. Тотъ же самый Терлецкій принималъ позже въ Римѣ дѣятельное участіе въ исправленіи церковныхъ книгъ у Хорватовъ глаголяшей, о чемъ срв. послѣднюю главу II-го тома: Словѣнскій языкъ и его судьбы.

[2]) Акты западной Россіи IV. 107; Święte pobudki do jedności św. w cerkwi ruskiej wielce potrzebnej (Prawa i przywileje od królów polskich nadane obywatelom religiej greckiej w jedności z kościołem rzymskim będącym, Wilno 1632, стр. 60—62).

Хорватіи, Истріи, Краньской землѣ, Чехіи, Польшѣ, Руси и въ огромномъ царствѣ Русскихъ (Ruthenorum imperio), Норикѣ, называемомъ нынѣ Австріей и повсюду между Альпами и Дунаемъ до его источниковъ и до моря адріатическаго; папа, заботясь о славянскихъ народахъ, навѣрное назначитъ въ славянскихъ церквахъ не иноплеменниковъ, а людей того же рода и языка. Тотъ же епископъ Чедолини представилъ папѣ и записку (1594) о пользѣ союза римскаго императора съ русскимъ царемъ, который можетъ выставить многочисленное войско и пользуется преданностью своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ въ владѣніяхъ султана [1]).

Папа Климентъ поручилъ Далматинцу-Сплѣтянину, члену братства св. Іеронима въ Римѣ, іезуиту Александру *Комуловичу* дѣйствовать въ Польшѣ и въ Москвѣ въ пользу войны съ Турками (1594—1597). Комуловичъ уже раньше, десять лѣтъ назадъ, путешествуя, по порученію папы Григорія XIII на балканскомъ полуостровѣ вмѣстѣ съ іезуитомъ Ѳомою Радичемъ, изучалъ тамошнее положеніе дѣлъ—на случай войны съ Турціею; онъ расчитывалъ на то, что тамъ живутъ по большей части воинственные Славяне греческаго и латинскаго вѣроисповѣданія. Онъ, по порученію папы, долженъ былъ возбуждать къ войнѣ съ Турками польскаго короля и польскихъ пановъ, волошскихъ господарей, русскихъ козаковъ и русскаго царя. Въ Москвѣ Комуловичъ былъ два раза (1594—95 и 1597) и уговаривалъ царя освободить христіанскіе народы „одного языка съ Русскими или мало отъ него отличающагося“, которые стонутъ, подъ турецкимъ игомъ и съ радостью примутъ своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ въ государи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комуловичъ долженъ былъ имѣть въ виду также унію русской церкви съ Римомъ; папа обѣщалъ царю разныя почести, по примѣру своихъ предшественниковъ, которые отличали королей угорскихъ, польскихъ и чешскихъ, и самыхъ царей западнаго и восточнаго Рима; онъ надѣялся, что русскій царь будетъ дѣйствовать въ такомъ духѣ и ра-

---

[1]) Theiner: Vetera Monum. Slavorum. merid. II. 83; Zinkeisen: Geschichte des osman. Reiches III. 592.

ди самого посла: ибо уже болѣе семисотъ лѣтъ со времени введенія христіанства на Руси не случалось, чтобъ папы туда посылали кого-либо знающаго ихъ языкъ. На это послѣднее обстоятельство папа Климентъ не переставалъ напирать, повторяя царю Федору и Борису Годунову, что къ нимъ послалъ умышленно Славянина, который знаетъ и ихъ языкъ (Illyricum, qui etiam vestram linguam callet) [1]). Планы папы на Руси не удались; Комуловичъ съ 1599 г. пребывая въ Дубровникѣ, продолжалъ, по порученію папы, дѣйствовать здѣсь на южныхъ Славянъ и Албанцевъ въ пользу войны съ Турками.

Планы римской куріи относительно насажденія католицизма въ самостоятельной Руси не удавались ни тогда, ни позже, когда въ началѣ XVII вѣка польскіе іезуиты надѣялись, подъ покровительствомъ польскихъ войскъ, крѣпко засѣсть и въ Москвѣ и продолжать здѣсь свою дѣятельность и относительно восточно-русской церкви.

Но на польскихъ епископовъ, монаховъ и іезуитовъ Русскіе смотрѣли не только какъ на враждебныхъ православной вѣрѣ латинянъ, но также какъ на національныхъ и политическихъ своихъ враговъ Поляковъ, которые всевозможно старались вредить интересамъ Руси; польскіе епископы всегда были болѣе сенаторы Поляки, чѣмъ сановники католической церкви, и относились даже къ уніатской Руси не особенно дружелюбно. Православная же Русь—въ Польшѣ, Литвѣ и Москвѣ имѣла много причинъ смотрѣть враждебно на наступающую противъ нея польско-католическую часть римской церкви, которая была опасна не только православію, а также національной и политической самобытности русскаго народа. Между тѣмъ южные „Словене, вѣрою латиняне“

---

[1]) Starine, izd. jugoslav. akad. XIV. 86, XVI. 209; Turgenev: Monumenta Russ. histor. II. 46, 48; Theiner: Vetera Monum. Slav. merid. II. 86, 90; Monum. hist. Polon. III. 210; D. Tolstoy: Le catholicisme romain en Russie I. 313 (инструкція папы Комуловичу, по-русски уже у Новикова, Древняя россійск. вивліоѳ. XII. 456); Памятники дипломат. сношеній древней Россіи X. 393. Комуловичъ, пребывая въ Литвѣ (1595), обратилъ польскаго историка Іоакима Бѣльскаго въ католицизмъ.

не представлялись для Руси столь антипатичными и опасными, да они могли, какъ свидѣтельствуетъ особенно примѣръ Крижанича, посмотрѣть на Русь съ неменьшими симпатіями, чѣмъ православные Югославяне.

Когда же въ началѣ XVIII вѣка (1719) іезуиты прогнаны изъ Россіи, то предполагалось поручить духовныя дѣла католиковъ югославянскимъ францисканцамъ, особенно тѣмъ, которые отправляютъ богослуженіе на словинскомъ языкѣ (in slavo); этихъ югославянскихъ францисканцевъ имѣли въ виду преимущественно по поводу многихъ Поляковъ, ибо, хотя языки словинскій и польскій отличаются, но всетаки можно ихъ легко понимать [1]). Еще нѣсколько лѣтъ спустя далматинскій священникъ, Матвѣй Караманъ, посѣтившій нѣсколько разъ Россію (1737, 1739, 1742 — 1743), предполагалъ, что далматинское духовенство можетъ сослужить важную службу въ распространеніи католицизма въ Россіи, такъ какъ у Далматинцевъ и Русскихъ почти одинаковый языкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣется тоже на уніятское русское духовенство, которое имѣетъ общій обрядъ и языкъ съ Русскими [2]). Преемниками іезуитовъ въ Россіи сдѣлались на время францисканцы и капуцины — но не югославянскіе, а позже доминиканцы.

Всѣ мечтанія югославянскихъ патеровъ и фратеровъ въ родѣ Комуловича, Градича [3]), Сладича, Милишича, Карамана и др., чтобъ всѣ Русскіе приняли унію съ Римомъ, такъ и остались мечтами.

---

[1]) Письмо русскаго контръ-адмирала Змаевича (Далматинца) его брату задерскому архіепископу, изъ Петербурга 1719 г. (Theiner: Monuments historiques de Russie, p. 518).

[2]) Донесенія Карамана въ Римъ см. въ Starine XV. 95.

[3]) Дубровчанинъ абатъ Стефанъ *Градичъ* написалъ, послѣ оставленія русскимъ посольствомъ Рима (1670 г.), для кардинала Распони особую статью (1674 г.) „о народахъ славянскаго языка", т. е. о южныхъ и русскихъ Славянахъ. Съ полунощныхъ странъ — разсуждаетъ Градичъ—выступили храбрые Славяне на югъ, завоевали подунайскія страны между Альпами и Чернымъ моремъ, Хорватію, Сербію и Болгарію; они и Русь приняли потомъ, главнымъ образомъ

Русскіе уніяты расчитывали тоже на распространеніе своихъ церковныхъ словѣнско-русскихъ книгъ среди Югославянъ, тѣмъ болѣе, что словѣнско-русскій церковный языкъ принятъ и въ церкви болгарской и сербской, да и хорватскими католиками глаголяшами. Такъ напр. въ концѣ XVII в. русскіе уніятскіе епископы просили одобренія со стороны римской конгрегаціи de propaganda fide для изданнаго ими словѣнскаго служебника, который долженъ служить не только для всей Руси, а тоже для всѣхъ славянскихъ народовъ во владѣніяхъ римскаго цесаря и венеціянской республики. Еще въ XVIII в. уніятскій епископъ холмскій, позже перемышльскій Максимиліанъ Рыло, переведши (1773 г.) Martyrologium romanum a Benedicto XIV editum съ латинскаго на тогдашній русскій, расчитывалъ на распространеніе этого Martyrologium slavonicum среди многочисленныхъ славянскихъ народовъ въ австрійскихъ владѣніяхъ [1]).

Въ интересахъ католицизма югославянскіе священники и монахи дѣйствовали и въ другихъ странахъ славянскихъ. Дубровчанинъ, доминиканецъ Иванъ *Стойковичъ*, усердный ревнитель соединенія церквей, врагъ и обличитель „еретиковъ" (патаренъ и гуситовъ), сторонникъ идеи о примиреніи всѣхъ христіанъ и соединеніи ихъ противъ Турокъ, дѣйствовалъ въ такомъ смыслѣ въ Базелѣ на соборѣ и въ Царьградѣ. На базельскомъ соборѣ Стойковичъ ревностно спорилъ съ чешскими гуситами (1433), возставая именно противъ причащенія подъ обоими видами. Онъ въ жару спора назвалъ ихъ еретиками и возбудилъ этимъ большое негодованіе Чеховъ, тѣмъ болѣе, что они считали его, какъ Славянина, своимъ соплеменникомъ, землякомъ (conterraneus), называя его просто Яномъ Славяниномъ, славянскимъ докторомъ (Johannes Sclavus); когда же Прокопій Великій жаловался на

посредствомъ Грековъ, христіанство съ богослуженіемъ на славянскомъ языкѣ, одобренномъ и нѣкоторыми папами. Желательно, чтобъ всѣ эти „схизматическіе" Славяне, преимущественно же московскіе Русскіе, приняли унію съ Римомъ. См. *Turgenev:* Historica Russiae Monumenta, II. 236—249.

[1]) Theiner: Monumenta Poloniae et Lituaniae III. 741; Петрушевичъ: Холмская епархія, стр. 2.

такія оскорбленія со стороны „земляка“, то Стойковичъ возразилъ, что онъ, какъ землякъ Чеховъ по языку и народу (conterraneus vester lingua et natione), желаетъ столь сильно ихъ возвращенія къ матери церкви. Въ Царьградѣ (1436) Стойковичъ, знатокъ греческаго языка и литературы, трактуя, отъ имени собора базельскаго, объ уніи съ патріархомъ—Болгариномъ, говорилъ съ нимъ тоже на родномъ своемъ языкѣ (Bulgarus est natione et de lingua mea multum peritus et mihi affectus) [1].

Подобно Стойковичу и другой Далматинецъ имѣлъ извѣстное участіе въ дѣлахъ гуситскихъ Чеховъ, именно докторъ *Фантинъ de Valle* изъ Трогира, рода Ципріаничей. Онъ проживая въ Римѣ какъ аудиторъ суда такъ назыв. S. Rota, былъ въ то же самое время и прокураторомъ чешскаго короля Юрія Подѣбрадскаго при папской куріи, и отправился съ чешскими послами изъ Рима въ Прагу какъ папскій легатъ (1462); чешскіе послы сами выбрали именно Фантина, такъ какъ онъ зналъ-де „чешскій языкъ“ (т. е. посредствомъ своего родного словинскаго) и могъ съ королемъ говорить безъ переводчика. Но его посольство, имѣвшее цѣлью—примирить гуситскихъ Чеховъ съ папскою куріею, не имѣло никакого успѣха, тѣмъ болѣе, что онъ велъ себя въ Прагѣ, на сеймѣ въ присутствіи короля, надменно и рѣзко, обзывая гуситскихъ Чеховъ еретиками и требуя безусловнаго подчиненія папской куріи [2].

---

[1]) Echard: Scriptores ordinis praedicatorum I. 797 — 798. См. краткую біографію Стойковича у Appendini: Notizie critiche sulle antichità, storia e letteratura de'Ragusei II. 74 — 80, и въ сборникѣ Dubrovnik (u Spljetu 1866, p. 280—298). Два сочиненія Стойковича: Initium et prosecutio Basil. concilii, Tractatus quomodo Bohemi reducti sunt ad unitatem ecclesiae, издалъ Ф. Палацкій въ Monumenta conciliorum generalium saec. XV (1857, I.); въ изданномъ здѣсь дневникѣ Чеха Петра Жатецкаго часто говорится о Johannes Sclavus.

[2]) О Фантинѣ см. Палацкаго: Dějiny národu českého IV. 2. p. 188, 206, 217—226. Фантинъ принималъ участіе въ основаніи вышеупомянутаго словинскаго подворья св. Іеронима въ Римѣ, † 1475. —Замѣтимъ, что въ началѣ XVI в. одинъ изъ администраторовъ утраквистской консисторіи пражской, магистръ Матвѣй Корамбусъ происходилъ изъ Хорватіи; Чехи его называли mistr Matěj z Charvat.

Не всѣ югославянскіе католическіе священники и монахи были однако столь исключительными римскими католиками, чтобъ изъ-за интересовъ римской церкви забывать о національныхъ узахъ, связывающихъ ихъ съ православными соплеменниками. И дѣйствительно въ рядахъ югославянскаго католическаго духовенства можно встрѣтить такихъ лицъ, которыя относились къ православнымъ своимъ братьямъ съ одинаковою симпатіею, какъ и къ своимъ единовѣрцамъ, видѣли въ нихъ не столько „схизматиковъ“, сколько своихъ единоплеменниковъ. Дубровчанинъ - бенедиктинецъ Л. Црѣвичъ отзывался не очень лестно о нѣкоторыхъ папахъ и смотрѣлъ на споръ обѣихъ церквей, латинской и греческой, довольно равнодушно, считая ихъ препирательства пустяками. Дубровчанинъ-бенедиктинецъ Мавро Орбини и Далматинецъ-францисканецъ Андрей Качичъ-Міошичъ прославляли одинаково подвиги „словинскихъ“ богатырей католиковъ и православныхъ. Исторія Словинъ Орбини читалась съ удовольствіемъ, въ русскомъ переводѣ, и православными Славянами, Русскими, Сербами и Болгарами, а пѣснями Качича наслаждались католики и православные „словинскаго народа“. Да книги Црѣвича и Орбини попали даже въ число запрещенныхъ Римомъ,—первая по поводу дружелюбнаго отношенія Црѣвича къ православной церкви, вторая—потому, что Орбини пользовался тоже некатолическими авторами [1]). Дубровчане—іезуитъ Иг. Градичъ и священникъ Ст. Ружичъ прославляютъ русскаго царя Петра, какъ освободителя восточныхъ христіанъ, каноникъ Ю. Феричъ—императрицу Екатерину, не заикаясь о ихъ „схизмѣ“. Знаменитый Хорватъ, католическій священникъ Ю. Крижаничъ, смотрѣлъ на русскаго царя и русскій народъ, какъ на единственное спасеніе Славянъ [2]).

Что касается югославянскихъ мірянъ католиковъ, то многіе изъ нихъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ разными иновѣр-

---

[1]) Макушевъ: Изслѣдованія объ истор. памятникахъ Дубровника, стр. 98, 219.

[2]) См. „Славяне“ т. II, стр. 309 и сл. Приводимъ здѣсь любопытные стихи извѣстнаго представителя гуманизма въ Угріи и Хорватіи Ивана Людича (Janus Pannonius), уроженца Славоніи, епископа пе-

цами или вслѣдствіе бо́льшей образованности и просвѣщенія, смотрѣли и на православныхъ Славянъ не съ исключительной точки зрѣнія римской куріи. Въ далматинско-дубровницкой поэзіи часто звучитъ славянская, а не римская струна, да Ю. Пальмотичъ выставляетъ мудрую Сѣверницу-Русь примирительницею Славянъ, не смотря на ея „схизму". Дубровчанинъ-католикъ Троянъ Гундуличъ, пребывая, вѣроятно по торговымъ дѣламъ, въ Бѣлградѣ въ Сербіи, устроилъ здѣсь въ своемъ домѣ типографію, и велѣлъ сербскому православному монаху Мардарію изъ монастыря Меркшиной Церкви напечатать, на словѣнско-сербскомъ языкѣ, православное Евангеліе (1552); въ послѣсловіи Гундуличъ говоритъ: „Азь Троянь Гундуликь оть великаго града Дубровника, почехь и сьврьшихь сію светую душеспасную книгу, и оть богоданнаго ми именіа не пощедехь, ни тѣлу моему покой дахь, дондеже пріидохь до сьврьшеніа дѣлу".

Между православнымъ сербскимъ духовенствомъ были тоже просвѣщенныя лица, которыя сознавали печальное положеніе южныхъ Славянъ, особенно Сербовъ, весь вредъ ихъ раздробленія, политическаго, племенного и конфессіональнаго, и видѣли спасеніе въ поднятіи общаго уровня просвѣщенія и образованія. Представителемъ такого направленія былъ сербскій писатель и дѣятель, Досиѳей Обрадовичъ, православный монахъ. Онъ зналъ, что есть одна „нація славено-сербска одъ Баната до Албаніе, у Сербіи, у Босни, у Славоніи, у Далмаціи и Ерцеговини"; если же ненавидятъ другъ друга, то по большей части это „происходи изъ тога, що су неки греческога и неки римскога закона, и наричу едни друге съ кое-какви ружни (скверными) и презрител-

---

чуйскаго, † 1472 въ Загребѣ, куда онъ бѣжалъ передъ королемъ Матвѣемъ Корвиномъ, послѣ неудачнаго заговора, затѣяннаго имъ и его дядею Иваномъ Витезомъ изъ Средны, въ пользу польскаго короля Казиміра.

Deridet euntes Romam ad Jubilaeum.
Hispani, Galli, Sclavini, Teutones, Hunni,
Clavigeri petitis limina sancta Petri.
Quo ruitis stulti, Latios ditare Telonas?
Salvari in patria siccine nemo potest?

нима именами; први вторе зову или шокци или буніевци или римци или латини, а ови оне власи, ркаћи и шизматици. А честно, свето и братско име хрістяни то свакъ (всякій) само за се држи; или ако кадъ една страна другу назове кршћани или ришћани, то се за особиту милость и учтивость твори и држи; и по несрећи (несчастью) врло редко бива.... Сербія, Босна и Ерцеговина избавићесе съ временомъ отъ Турака и ослободити: али (но) ако народь у овимъ землява не почне отресати одъ себе суевѣріе и неизкорени ону древню и богомрску вражду и мрзость за законъ (ненависть изъ-за вѣроисповѣданія), они ћеду бити (будутъ) сами себе Турци и мучители" [1]).

Иванъ Мажураничъ, замѣняя утраченную XV пѣснь „Османа" Ив. Гундулича своимъ произведеніемъ, сѣтуетъ, въ духѣ поэта, на это жалкое положеніе южныхъ Славянъ:

O slovinska zemljo liepa,
Što sagriesi nebu gori,
Da te taki udes ciepa [1])
I jadom te viečniem mori?

---

[1]) См. Пыпина, Исторія славянскихъ литературъ I. 208—210, Этнографическою и конфесіальною идиліею, какъ ее начерталъ Обрадовичъ сто лѣтъ тому назадъ, можно любоваться на славянскомъ югѣ до сихъ поръ,—и встрѣчаться съ хришћанами, кршћанами, влахами, хркаћами, шокцами, буневцами, паулићанами, помаками (магомет. Болгарами) и пр. Хорваты требуютъ, чтобъ православные Сербы („Влахи", какъ ихъ называетъ даже хорватскій историкъ Смичикласъ), живущіе въ Хорватіи и Славоніи, считали себя „православными Хорватами". Въ Босніи, послѣ ея фактическаго присоединенія къ Австріи, тамошніе чиновники выдумали какую-то „bosnische Landessprache", подражая вѣроятно „босанскому" языку францисканцевъ, которые однако называли его тоже „словинскимъ." Извѣстны препирательства Хорватовъ и Сербовъ изъ-за имени (срв. нашу статью въ книгѣ Jihoslované, стр. 7 — 15), литератуpы, разныхъ областей, политической гегемоніи и пр. „Срби и Хрвати су један народ, само имају два имена", сказалъ уже Юрій Даничичъ, и подъ его редакціею югославянская академія въ Загребѣ стала издавать словарь „хорватскаго или сербскаго языка". Это, разумѣется, идеалъ всѣхъ болѣе просвѣщенныхъ Хорватовъ и Сербовъ; но иначе — peccatur intra et extra muros.

[1]) судьба терзаетъ.

Potišteni tvi sinovi,
Gospodičnoj niegda vlasti,
Izrodi su, il' robovi,
Željni s ovcam' travu pasti.

Ah da je proklet, tko cieć [2]) vire
Na svojega reži [3]) brata:
Jer nesrieća [4]) tvoja izvire [5])
Samo iz toga kalna [6]) blata.

Tiem istinu rieč čuj paka,
Ku me neco riet nadiše:
Ti si majka od junaka,
Nu robova vele više.

Robovi su tvi junaci,
Tvoji sebri, [7]) tvá gospoda;
Robovi su tvi viestaci [8])
I svi, tvoga ki su roda.

I robstvo će tvoje iz tmina
Na gospodski dan iziti,
Kad paklenieh dno dubina [9])
Bratinska se màrzos [10]) hiti.

---

[2]) ради, [3]) скалить зубы, [4]) несчастье, [5]) истекаеть, [6]) грязнаго, [7]) мужики, [8]) интелигенція, [9]) адскихъ пучинъ, [10]) ненависть (mrzost).

СОДЕРЖАНІЕ
ПРЕДЫДУЩИХЪ ТОМОВЪ.

ТОМЪ I-й.

ТОМЪ II-ОЙ.

ТОМЪ III-й (часть I).

Стр.

УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ ко всѣмъ тремъ томамъ *).

А.

*) Сюда не вошли лишь имена авторовъ и издателей источниковъ и пособій, цитуемыхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, да собственныя имена приводимыя въ текстѣ—въ видѣ примѣровъ, иногда изъ источниковъ—именно со стороны ихъ *формы* и т. п. *Ред.*

Б.

В.

Д.

Е.

Ж.

З.

К.

К.

М.

Н.

О.

С.

Т.

Ч.

Ш.

Ѳ.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.
JUN 12 1995